Большая Медведица

Олег Иконников

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я буду искренне рад, если честные и порядочные люди узнают себя в этой книге. Пусть будет спокойно у них в душе и сердце — это действительно они.

Люди с черной совестью и сознанием, которым вдруг покажется, что пишем мы о них, пусть будут неспокойны — о них здесь нет ни слова.

Мы с братом считаем, что недостойны они, что бы о них писали книги. И если у них все же зачешутся руки, чтобы подать в связи с «Большой Медведицей» на авторов в суд, чтобы они возместили им не столько моральный, сколько материальный ущерб, заранее говорим — это не вы, будьте спокойны. Имена, фамилии, клички, названия населенных пунктов, время — изменены.

Я воровал, грабил и убивал. Затем сам схлопотал свинцового шмеля. Из навылет простреленной шеи текла мне под щеку моя, черная почему — то кровь. Некоторые преступления я совершал хладнокровно, на других адреналинило. Иногда совесть мучила сознание и душу, иногда нет. Взяли меня раненого, без сознания, иначе живым бы я не сдался. Но судьба распорядилась по-своему и саночки, на которых я катался, пришлось тащить назад, в гору. Много и часто я думал о жизни и смерти, своей и чужой. Мечтал и представлял, любил всем сердцем, точно также ненавидел и всегда жалел, что судьба моя сложилась так, что кроме боли и зла людям я больше ничего не дал. Жалел я о прожитом и пролитом, жалел и вот, наконец, пришел тот день, когда мне стало стыдно. Стыдно, что шарил в чужих квартирах в поисках чужого добра. Что я там искал? Решетки и запретки, романтику уголовной жизни? Чушь все это собачья, сон рябой кобылы.

Мою, уголовную хребтину сломал стыд.

Олег Иконников, 1996 год

-
-
-
-
-
-
-
-
-

Предисловие

Я буду искренне рад, если честные и порядочные люди узнают себя в этой книге. Пусть будет спокойно у них в душе и сердце — это действительно они.

Люди с черной совестью и сознанием, которым вдруг покажется, что пишем мы о них, пусть будут неспокойны — о них здесь нет ни слова.

Мы с братом считаем, что недостойны они, что бы о них писали книги. И если у них все же зачешутся руки, чтобы подать в связи с «Большой Медведицей» на авторов в суд, чтобы они возместили им не столько моральный, сколько материальный ущерб, заранее говорим — это не вы, будьте спокойны. Имена, фамилии, клички, названия населенных пунктов, время — изменены.

Я воровал, грабил и убивал. Затем сам схлопотал свинцового шмеля. Из навылет простреленной шеи текла мне под щеку моя, черная почему — то кровь. Некоторые преступления я совершал хладнокровно, на других адреналинило. Иногда совесть мучила сознание и душу, иногда нет. Взяли меня раненого, без сознания, иначе живым бы я не сдался. Но судьба распорядилась по-своему и саночки, на которых я катался, пришлось тащить назад, в гору. Много и часто я думал о жизни и смерти, своей и чужой. Мечтал и представлял, любил всем сердцем, точно также ненавидел и всегда жалел, что судьба моя сложилась так, что кроме боли и зла людям я больше ничего не дал. Жалел я о прожитом и пролитом, жалел и вот, наконец, пришел тот день, когда мне стало стыдно. Стыдно, что шарил в чужих квартирах в поисках чужого добра. Что я там искал? Решетки и запретки, романтику уголовной жизни? Чушь все это собачья, сон рябой кобылы.

Мою, уголовную хребтину сломал стыд.

Олег Иконников, 1996 год

***

На малом корпусе Читинской тюрьмы четвертую часть первого этажа отгородили решеткой и восемь маленьких камер, которые за ней оказались, приготовили специально для участников вооруженного нападения на турбазу «Акация». Первым постояльцем «люкса», как сразу окрестили обитатели централа эти хаты, стал Культурный, которого второго марта

перевели из Хабаровска в Читу. На следующий день на допросе он опять, брызгая слюной, топал ногами на Кунникова и, ничего не признавая, и не отрицая, орал, выпучив глаза о творимом над ним произволе. Вечером, когда его вернули в камеру, Пал Палыч еще долго ходил из угла в угол, бурча себе под нос ругательства, которые он выучил за долгие годы лагерной жизни. В соседней хате хлопнула дверь. Культурный сразу залез на решку окна.

— Один шесть, кого забросили?

— А кто спрашивает, я должен знать, кому отвечаю.

— Культурный.

— А — а, это ты, пенсионер засраный. Ловец с тобой базарит, меня только что с Улан — Удэ самолетом приперли.

— Ты почему, Гриха, на меня наезжаешь? — обиделся Пал Палыч.

— А мне что тебя, стребузитчика, в жопу целовать что ли? Ты списки общаковые за два года припалил, да еще и прогон воровской на квартире у тебя зашмонали. Встретимся на продоле, расхода не будет, хуета ебаная.

Культурный лег на нары и, обхватив голову руками, зажмурился. «В рот меня мама целовала, ну почему я ментов не предупредил о налете на «Акацию»? Подними трубку, козлина, и брякни инкогнито, что бойня готовится, сейчас бы все ништяк было».

Глубокой ночью с большого корпуса привели с вещами Калину и посадили в камеру напротив Ловца. Гриха уже знал, что Калинина бригада убила Гоцмана, но базара пока поднимать не стал, решив сначала утрясти все с «Акацией».

— Игореха, привет.

— Здорово, Ловец, это ты?

— Я, Калина, я. Как дела?

— Нормально, за что арестовали, не знаю.

— Где Черный?

Черный в это время с валютной проституткой выходил из «Интуриста».

— Валера, хочу цветов.

— Ты и так красивая.

— Ну, не жадничай.

— Черный! — окликнул его высокий парень в пальто.

— Ты меня?

— Тебя, тебя. Садись, — пригласил он Валерку в черную «Волгу», — базар есть.

— Надолго?

— Да нет, минут на пять.

— Подожди меня, киска, только не сматывайся никуда, —

погрозил он ей пальцем и залез в машину.

«Волга» оторвалась от обочины и, набирая скорость, понеслась в сторону аэропорта.

— Эй, братва, мы так не договаривались, — всполошился Черный, — куда вы меня?

— В Читу, Черный, — повернулся к нему с переднего сиденья Грознов — руки давай. Он щелкнул наручниками: — Самолет у нас через два часа, завтра дома будем или ты не хочешь возвращаться в родные пенаты? Вижу, что не хочешь, но не всю же жизнь тебе по валютным барам шляться.

В тревожном сне забылись Культурный и Калина. Мерил шагами хату Ловец, размышляя о том, что его ждет впереди. Чесал гриву Черный, раздосадованный тем, что его так легко взяли. Сэва сидел на решке и читал маляву от Святого, которую только что привезли этапники с «четверки», шедшие на областную лагерную больницу.

«Санька, здорово! Почему пишу? Да потому, что я дал показания. Если ты, Десяток и Кореш будете в отказухе, то мне с вами будут делать очные ставки. Имейте в виду, что мне придется говорить вам в глаза то, что я с вами делал. Не обижайтесь, думаю, вы все поймете, если нет — то, по крайней мере, я вас предупредил о том, что мною уже сделано. Поставь в курс всех первомайцев. Ответ черти на «четверку» через этап, который с больнички пойдет. Олег».

Сэва чиркнул спичкой и проводил взглядом горящую записку, улетевшую вниз. Вспомнилось, как он, заряжая мелкашку, случайно выстрелил себе в руку. Пуля застряла в мякоти и через три дня кисть разбарабанила ноющая боль. В больницу обращаться было опасно, там бы обязательно поинтересовались, где он поймал пулю и тут появился Святой, который молчком помог ему одеться и силой упер в поликлинику. Пулю Сэве вытащили, а приехавшим на вызов ментам он сказал, что шел ночью по улице и откуда прилетел «гостинец» — не видел. Саня вырвал из тетради листок и сел писать Корешу. «Колек, ночи доброй. Получил только что от Святого малек, он с Эдькой и Агеем на «четверке». Все они дали показания. Я Олега не брошу, для меня он пацан путевый. Тебя ни к чему не подталкиваю, просто ставлю в курс, что завтра я вызову следователя и дам показания».

Ловец спал так крепко, что даже не слышал, как в камеру завели Торопыгу.

— Здорово — разбудил он подельника.

— Откуда ты взялся? — потягивался Гриха.

— С Благовещенска только привезли.

— Помнишь, я тебе предупреждал, что если первомайцы заговорят, то шкуру твою на продол выброшу?

— Было дело, — опустил взгляд Толян.

Пятилитровый зэковский чайник, описав дугу, опустился ему на голову. Кровь крупными каплями упала на бетонный пол.

— Эдька Иконников к тебе за помощью обращался, почему не помог?

Ответить Торопыге было нечем, и после минутного молчания, чайник еще раз треснул его по башке.

— Скручивай матрас и вали с хаты. Шустрее, у тебя всего пять минут.

В середине апреля все бригада Святого была на «четверке». В соседней с ним камере сидели Кореш и Сэва, в следующей — Десяток и Слепой. Ветерок, зная, что Кота взяли в Казахстане и, понимая, что когда того привезут, грязная история с ограблением магазина в Иркутске всплывет, закрылся в отдельную хату.

— Леха, ты че один паришься? — кричал Эдька, — заезжай к нам.

Ветерок молчал и жалел, что на делюге обделил Костю капустой.

В «люксах» Читинской тюрьмы было неспокойно. Все боялись Ловца, потому что, когда были на свободе, никто не пошевелил и пальцем, чтобы помочь банде Святого или ему. Черный и Весна совсем не общались с Калиной, которому безоговорочно когда — то подчинялись.

Гуран сидел с Беспалым, который так и не дал показаний, да и давать их уже на его взгляд было поздно. «В случае, если колонусь, то на централе мне хода не будет, а на «четверку» мне ехать нельзя, там Десяток, который наверняка рассказал первомайцам, как я его заставил показания дать», — ситуация была вроде безвыходной. Правда, можно было бы покаяться перед шпаной, с которой вырос с детства, но духа не хватало.

Князь с Ловцом сидели в одной камере и по ночам, когда не спали, грубили Культурному. Тот, чувствуя вину, не отвечал.

Гуран, давно давший показания, грел уши, работая на ментов и зная, что при закрытии дела, когда подследственные начнут знакомиться с материалами уголовного дела, его переведут в надежное место. Все верили в силу и могущество своих адвокатов, которые должны были помочь им вылезти из этой болотины, а те, понимая, что их подопечным — кранты, успевали качать деньги с арестованных, продавая свою совесть за миллионы, обильно политые кровью.

Одиннадцатого мая у Святого была очная ставка. Морально

раздавленный тюрьмой, Культурный, в присутствии двух своих адвокатов, старался выглядеть бодрее, он по — хозяйски уселся на приготовленный для него стул напротив Олега и высыпал на стол горсть леденцов.

— Ешь, Святой, от страха помогает — Пал Палыч забросил один в рот.

— Мне бояться нечего, — Олег отодвинул от себя конфеты, — тебе нужнее.

— Почему ты пошел у ментов на поводу? — чуть не подпрыгнул на стуле Культурный, но сидевший слева Шульгин, поймал его за локоть.

— Ни у кого на веревочке я не бегаю. Вот их, — Святой кивнул на Ушатова и Шульгина, — связывает между собой дружба, а нас — деньги. Все, к чему мы сейчас пришли, ты сделал сам, своими руками.

— Да ты хоть понимаешь, что мне после твоих показаний вопрут лет десять, а я уже старый и не смогу освободиться, помирать мне из — за тебя, волка, за колючкой что ли?

— Люди за идею грудью амбразуры закрывали, а ты скулишь, как собака битая оттого, что тебе червонец светит! Ведь ты в Чите на положении вора был? Значит, идейный, почему тогда тебя срок наказания пугает? Я со своей шпаной на «Акацию» бесплатно пошел, а вы, суки, заметая следы, хотели нас всех перестрелять и под лед вместе с автобусом пустить. Нет, Пал Палыч, у тебя никакой идеи.

— Ну, смотри, еще пожалеешь, — прошипел Культурный.

— Я уже вышел из того возраста, когда меня пугали, а я — боялся. И вообще заткнись, а то мне придется дать тебе по рылу.

Теперь сидевшие в «люксах» точно знали, что Святой дает показания.

Гуран прокачал ситуацию: «Убийство узбека полностью на моей совести, я сгрузил все на Святого». Скорее всего, при встрече он башку мне снесет», — нужно было что — то предпринимать. Утром он написал заявление Кунникову с просьбой срочно вызвать его на допрос. Тот не заставил себя ждать, и в обед Гуран уже врал следователю.

— У меня в Чернышевске автомат и два карабина спрятаны, но одни вы их не найдете. Тайник в лесу, поэтому мне надо с вами ехать.

— Почему, Александр, ты вдруг решил оружие отдать?

— За добровольную выдачу от уголовной ответственности освобождаюсь, правильно?

— По закону так.

— Ну, и надеюсь, что суд учтет мою чистосердечность при

вынесении приговора.

— До Чернышевска по трассе сколько хода?

— Семь часов, — успокоился Гуран, поняв, что Кунников ему верит, — еще по тайге часа два пешком — итого девять.

— Завтра утром будь готов, хотел провести очную ставку между тобой и Олегом Иконниковым, но раз такое дело, отложим на недельку.

Четырнадцатого, прямо с прогулочных боксиков, Святого забрали Ушатов и Сизов.

— Здорово, мужики, куда вы меня?

— Игорь Валентинович заказал. По — моему на очную ставку с Ивановым.

— Григорич, а кто Сизову физиономию расцарапал?

— Ерунда, — потрогал заклеенную пластырем щеку Серега — вчера Гурана в Чернышевск катали, он по каким — то буеракам часа полтора нас водил, а потом на лыжи встал, да куда от меня убежишь? Правда, поободрались все, но работа такая.

Неслась по городу управленческая «Волга», на заднем сидении крутил по сторонам головой Олег.

— О чем думаешь, Василий Григорьевич?

— Да вспоминаю Иванова. Привезли мы его с Иркутска, поговорили по — человечески, видно, что не дурак парень. Вызывайте, говорит, следователя, буду давать показания и вот, не поверишь, за пять минут до прихода Кунникова, прилетела адвокатша Иванова, посидела, пошепталась с ним и он заявляет нам — поехали в тюрьму, ничего не скажу.

В кабинете следователя со Святого сняли наручники.

— Здравствуйте, Игорь Валентинович.

— Перед началом очной ставки хочу сделать заявление, — встала адвокат Иванова, — по-моему, Иконников находится в состоянии наркотического опьянения, требую проведения экспертизы.

— Вас как зовут?

— Светлана Николаевна.

— Я тридцать секунд назад вошел в помещение, и вам сразу показалось, что я — наркоман?

— Представьте себе, показалось. В зеркало посмотритесь и увидите, что у вас капилляры в глазах полопались.

— Это не от отравы, Светлана Николаевна, а оттого, что менты на малолетке били меня, как резинового, сапогами по башке, но раз вы подозреваете, что меня пичкают здесь наркотой, то я удовлетворю ваше любопытство, хотя и знаю, что по закону имею право отказаться от экспертизы.

— Подследственный прав, — подтвердил Кунников.

— Поехали, Игорь Валентинович, — протянул Олег руки Ушатову, и тот опять надел ему браслеты.

— А вы, Светлана Николаевна, имейте в виду, что после того, как суд докажет вину вашего подзащитного и воткнет ему срок, я сразу напишу на вас заявление, что вы преступник не в меньшей мере, чем Иванов.

— Почему это? — от злости позеленела адвокатша.

— Потому, что вы на все сто знаете, вот он, — Святой кивнул на Иванова, — участвовал в нападении на «Акацию», но вам наплевать и на него самого, и на семью его. Даст он сейчас показания, значит, получит в два раза меньше, чем вы ему желаете, да еще может и под залог до суда уйдет, прав я? Прав, и вы прекрасно это понимаете, но деньги, которые вы качаете вот с этого парня, для вас дороже истины.

Иванов с удивлением слушал Олега и косился на своего адвоката, которая с ужасом слушала правду.

Кунников с Краевым, Шульгиным и адвокатшей на управленческой «Волжанке» повезли Святого в психоневрологический диспансер на экспертизу, а Ушатов и Веселовым Ветерка — обратно на «четверку» — у того только что кончилось свидание с женой.

— Алексей, не буду я рыться в твоей передаче, — нацепил ему «браслеты» Григорич, — но дай мне слово, что ничего запретного Настя тебе не передала вместе с продуктами.

— Не, Василий Григорич, — справа от себя на заднем сидении «Жигулей» Ветерок примостил коробку и сумку с харчами. Веселову, таким образом, места не осталось, и он сел вперед рядом с Ушатовым, который поудобней устраивался за рулем.

— Поехали или еще ждешь кого?

Никого Григорич не ждал, но чувство душевного дискомфорта его не покидало. «Что такое, может, из — за того, что адвокат Иванова настроение подпортила?» — воткнул он первую скорость и медленно выехал из ворот.

На обводной трассе, почти напротив городского кладбища, Леха вдруг сложился вдвое.

— Ой, блядь, тормозите, мужики.

Ушатов мгновенно среагировал — бросил машину на обочину и до полика утопил педаль тормоза.

— Что с тобой? — глянул он на Ветерка в зеркало, и тут снова щелкнуло. Григорич резко вертанул головой на звук и увидел пальцы арестованного, вдавливающие запорную кнопку дверцы.

— Не кипишуйте, мужики, — выпрямился Леха и выплюнул

изо рта кольцо от запала ручной гранаты.

Лобастая компьютерная башка Ушатова на секунду замкнула. «Надо же так глупо жизнь потерять, Веселова хоть бы спасти».

— Пушки выкладывайте.

Веселов был в тенниске и поэтому его пистолет в небольшой кожаной сумочке вместе с удостоверением лежал в бардачке тачки.

— У меня нет.

— Как нет?

— Видишь, как я одет, в сейфе у меня шабер.

— Где твоя железяка? — встретил Ветерок в зеркале глаза Григорича.

Тот был в хлопчатобумажной рубашке без рукавов и в ветровке, «ПМ» покоился под мышкой в кобуре.

— Там, где надо.

— Не ершись, Ушатов, мне один х. й, вышка, не отдашь пушку — умрешь вместе со мной.

— А вот мне не один х. й, понимаешь, у меня две дочки, и мне после работы нужно будет их с детсада забрать.

— Это твои проблемы.

— Мои, говоришь, — Григорич на мгновение закрыл глаза, вспоминая, сколько горит запал «РГэшки», — Игорь, как только он, — кивнул на Леху Ушатов, — разожмет кисть, то взрыв произойдет через четыре секунды, этого нам должно хватить, чтобы выбраться из салона.

— Не успеешь, — побледнел Ветерок, — только дернитесь, сразу брошу гранату вам под ноги и вцеплюсь в кого — нибудь из вас. Гони шабер!

— Нет, Алексей, не отдам.

— Ключ от наручников у кого?

— Опера ему не ответили, но переглянулись, и Веселов достал из правого кармана Ушатовской ветровки ключик.

— Давай руки, отстегну.

— Ветерок не клюнул.

— Швыряй и сиди, не суетись, — ковыряться в наручниках, не выронить гранату и при этом следить за ГБэшниками — задача непростая и поэтому, чтобы освободиться от «браслетов», ему понадобилось минут пять, не меньше.

— Теперь заводи двигатель.

Григорич выполнил его требование.

— Веселов, шуруй на улицу.

Игорь посмотрел на Ушатова.

— Выполняй, — кивнул тот.

Леха прикидывал, что делать дальше и, наконец, вылез из

машины.

— Ушатов, выходи.

На воздухе Григорич почувствовал себя вольготнее.

— Алексей, вставляй в гранату чеку — и все замнем.

— Отваливайте от тачки, шустрее.

Опера попятились от Ветерка, но спины не светили, отшагав метров десять. Ушатов сунул руку за пистолетом, и в тот же миг Леха бросил в них «РГэшку».

— Игорь, ложись! — но сам он этого не сделал, широко расставил ноги и стал ловить на планку шабера падающего за баранку преступника.

В этот раз Веселов не послушался начальника, гранату он не поймал, не получилось, а просто отбил ее растопыренными пальцами в сторону кювета, но сектор обстрела Ушатову перегородил и пока тот путем прицелился, легковушка удалилась метров на сорок — выстрел, пятьдесят — выстрел. Ветерка рвануло за бок, потемнело в глазах, ухнула сзади граната. Шестьдесят — выстрел и Леха ткнулся стриженой головой в рулевую колонку…

***

Дежурный помощник начальника колонии достал из сейфа справку освобождения и, соблюдая последние формальности, хотя и хорошо знал стоявшего перед ним заключенного, спросил:

— Фамилия, имя, отчество?

— Иконников Олег Борисович.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой.

— Статья, срок?

— Восемьдесят девятая, часть третья, десять лет.

— Конец срока?

— Двадцатого сентября восемьдесят второго года.

— Магазин нахлобучил?

Кивком под нулевку стриженой головы, Святой подтвердил догадку офицера.

— Многовато тебе вмонтировали.

— Под самую сурепицу, — улыбаясь, согласился Олег.

Выйдя из — за стола, дежурный протянул Олегу синий листок справки:

— Смотри, не потеряй, а то паспорт не получишь, — он обнял Святого одной рукой за плечи, — пошли, воришка, выведу тебя на волюшку.

За спиной лязгнула решетка.

— Иди, да не оглядывайся, плохая примета, — сказал сзади солдат охраны колонии.

Олег не верил в приметы, да и оглянуться на клочок земли, огороженный с четырех сторон забором и колючей проволокой, он просто не мог. Здесь прошла его юность. Та, оставшаяся по ту сторону колючей стены жизнь, со своими порядками и устоями была ему до тошноты противная и надоевшая, но привычная. И этот квадрат, ярко освещенный часто увешанными лампами по периметру забора, не отпускал Святого, мысленно он был с приятелями, запустившими по кругу кружку с чифиром, отмечая его освобождение. Где — то в ночи гукнул тепловоз. Никем не видимый Олег, прощаясь, помахал лагерю рукой и пошел в сторону вокзала. Несмотря на теплую Забайкальскую осень, ночи уже были прохладные и, добравшись до станции, Святой основательно продрог. Подойдя к железнодорожной кассе, сунул в небольшое окошко сонной женщине десятку.

— Один билет до Читы.

Народу было немного, наверное, поэтому Олег резко бросался всем в глаза тем, что был в черной арестантской робе. На улицу идти не хотелось, он еще не согрелся, но и сидеть в зале, когда на тебя глазеют то ли с интересом, то ли с опаской, он не стал. Выйдя на перрон, Святой направился к торгашке, которая примостила рядом с лавочкой, на которой сидела, ящик, накрытый клеенкой. Сверху стоял небольшой эмалированный таз с пирожками. Купив у нее бутылку водки за пятнадцать рублей и пару малосольных огурцов, Олег пошел в кусты акации, густо облепившие здание вокзала. Стакана не было, пил из горлышка. Огненная вода, неслышно булькая, обожгла душу. Закусывал бабушкиными огурцами и, быстро согреваясь, он представлял, как завтра увидит улицу и дом, где вырос, соседских пацанов, с которыми играл в лапту, лазил по чужим огородам и учился в одной школе. Обнимет родителей, брата и просто спокойно выспится, не боясь, что в шесть утра его поднимет громогласное зоновское радио.

Увидев спешащих из здания вокзала людей и поняв, что, видимо, сейчас подойдет поезд. Святой отхлебнул из бутылки и, швырнув ее в сторону, вышел на слабо освещенный перрон. Через несколько минут пассажиры громко стучали в двери вагонных тамбуров. Была глубокая ночь, и спавшие проводники не спешили открывать двери. Взявшись одной рукой за поручень, Олег подпрыгнул и, второй рукой ухватившись за ручку вагонной двери, толкнул ее, она легко открылась. Забросив тело в тамбур, Святой высунулся на улицу, и громко свистнул. Увидев, что

пассажиры заметили его и побежали к распахнутой двери, он, слегка пошатываясь, побрел в вагон.

Отдать билет было некому. Поболтавшись в поисках проводника минут пять, Олег нашел свободную полку и, бросив на нее вместо подушки свернутый матрас, улегся. Надо было бы кемарнуть, но уснуть он боялся, почему — то казалось, что может очнуться от этой прекрасной яви опять где-нибудь в вонючем бараке. Покачивая вагон, стучали на стыках колеса. Пьяно ухмыляясь, Олег вспоминал другой поезд, уносящий его от родного дома четырнадцатилетним пацаном. Матовые окна, серые решетки, стриженые головы, лай овчарок конвоя и щемящее чувство одиночества в душном столыпинском вагоне, до отказа набитом арестантами.

Тихо разговаривая, пассажиры укладывались спать. За перегородкой слабо захныкал ребенок, заставивший Святого отвлечься от воспоминаний, он встал и, стараясь не шуметь, стал пробираться в тамбур. Проходя мимо служебного купе и услыхав там голоса, Олег постучал в дверь.

— Заходи, — молодой белобрысый паренек с растрепанной прической приветливо приглашал Святого войти.

— Пузырь не продашь? — Олег полез в карман.

— Падай, бухать будем, а деньги спрячь, не надо, — паренек поставил на столик еще один стакан и, наливая в него водку, пояснил, — Серега жениться надумал. Вот пропиваем его.

— Серега — это я, — подтвердил, широко улыбаясь, второй парень. — А ты за что пить будешь?

— А я, братцы, за жизнь новую. Три часа назад из кадушки вылез. — Святой изобразил пальцами рук решетку.

— За это можно, — белобрысый поднял свой стакан — далеко едешь?

— До Читы — Олег подал ему билет.

— В девять прикатим. Давайте дернем — Серега взял стакан и подал его Святому.

Приятно и спокойно было Олегу разговаривать о всякой чепухе с этими парнями, которые не лезли к нему с расспросами о его тюремной жизни. Приятели о чем — то болтали, захмелевший Святой привалился боком в угол купе и задремал.

Снилась малолетка — в ментовской кондейке голосом Кобзона надрывался транзистор: «Это время звучит — БАМ, на просторах глухих — БАМ и седая тайга покоряется нам». На решке чирикали воробьи.

— Вот блядство, июль на улице, а у тебя чирей на шее, — матерился Весна — сейчас мы его, суку, выдавим на свет божий.

Он снял с себя рваную куртку с надписью на рукаве

«Штрафной изолятор» и накинул грязный уголок материи на чирей.

— Держи глаза, Олега, а то выскочат.

— Все тебе хаханьки, — беззлобно огрызнулся Святой, — давай, урод, дави, как будто это не мой горб, а твой злейший врага.

Последние аккорды песни он уже не слышал, Паха даванул на совесть…

— Все, брат, приехали, — проводник тряс Олега за плечи.

— Сколько время? — Святой растирал руками занемевшую от неудобного лежания шею.

— Почти десять, немного опаздываем — белобрысый взял совок, веник и вышел из купе.

В тамбуре Олег отворил дверь вагона и, высунувшись на улицу, зажмурился от яркого солнца, которое мешало ему смотреть на приближающийся город. Не дождавшись полной остановки поезда, он спрыгнул с подножки на мокрый асфальт железнодорожной платформы. Желтеющие тополя, шумная, пестро одетая толпа людей, спешащая через привокзальную площадь и не обращавшая на Олега внимания, вполне устраивала его. Привалившись спиной к бетонной урне и опустив кудлатую, давно не мытую голову на колени, мычал о чем-то своем ранний бич. Трусившая мимо собачонка остановилась возле него, приветливо помахивая обрубком хвоста, она подняла заднюю лапу, и пустила струю мочи на мятый пиджак бича. Сделав пару больших шагов, Святой пнул наглого кобелька под зад. Тот, с перепугу истошно вереща, как будто его убивают, прижал уши и, брызжа во все стороны ссаньем, стрелой помчался вдоль состава.

— Эй, чучело, вставай.

— Че привязался? — поднял глаза бич, и его серое от сажи лицо покраснело.

— Привет, Боряня, — присел на корточки Олег — краснеешь, значит, еще не все потеряно. Ты же в зоне на человека походил, помнишь? Всегда чистый и опрятный по лагерю шарахался, а на воле на тебя пес вокзальный прудит. Если срок поймаешь, как за колючку пойдешь, ты же опустился уже ниже городской канализации, приличные каторжане за одним столом с тобой жрать не будут.

— Все, Святой, гадом буду, завтра в бюро по трудоустройству шагну, пахать начну, хватит. Дай трешку опохмелиться?

— На — Олег сунул в карман зеленого френча пятерку — работать такого возьмут, по-моему, только пугалом на колхозные поля. Я и не уговариваю тебя вкалывать. Воруй, главное в свинтуса не превращайся.

***

В тени кирпичной пятиэтажки, расставив на широкой крашеной скамейке шахматы и сделав умные лица, играли двое пацанов.

— Слабовато ты сегодня плетешь интриги.

— Да неохота, — перевернул на доске фигуры Эдька и, встав на спинку лавки, сунул голову в открытое окно кухни.

— Мама, — крикнул он — Олега точно сегодня приедет?

Пожилая женщина с большим шрамом на лице, который подарила ей автомобильная авария, выпрямилась от духовки газовой печки, куда садила пышный пирог и, не отвечая, прищурив близорукие глаза, смотрела через голову сына. С ресниц сорвалась на передник одна слеза, другая.

— Мама, ты что? — испуганно обернулся Эдик и, истошно заорав, переворачивая и скамью и шахматы, помчался навстречу старшему брату, который с интересом рассматривал белые коробки домов, которых на этом пустыре и в помине не было, когда он садился в тюрьму.

— Полегче ты, вурдалак, с ног собьешь, — радовался встрече Святой, — сколько тебе лет-то?

— Четырнадцать недавно исполнилось.

— Ростом-то почти с меня стал, ну-ка давай смеримся. В рот меня мама целовала, — удивился Олег, когда Эдькина макушка уперлась ему в нос, — вот орясина, сколько в тебе сантиметров?

— Сто семьдесят.

— Значит, во мне где-то сто семьдесят восемь. Перерастешь братана скоро, а, басурман? На вокзал почему не прибег?

— Отец не пустил, маленький, говорит, еще.

— Это ты-то маленький? А может, он и прав.… Для родителей мы до пенсии детьми будем. Ну, пошли, где мать?

— Торт тебе печет, а батя за пивом к магазину ушел, там свежим, сказал, каждый день торгуют.

Братья в обнимку вошли в подъезд.

— А что это за парнишка на меня сейчас таращится?

— Это соседский, тоже тебя с утра караулил, зэков только в кино видел.

— Понятненько, — толкнул незапертую дверь Святой.

— Мамка, ты где, родная?

С банным полотенцем в руках из спальни показалась мать. Глаза плакали, а морщинки на лице светились.

— Ох, горе ты наше, — обняла она старшего сына — не исчезай больше.

— Да все, наверное, — успокаивал Олег вздрагивающие под

байковым халатом плечи.

— Пахнет от тебя вкусно.

— Ой, пирог сгорит. — Мать сунула Святому полотенце, — ванна горячая, — продолжала она уже с кухни, — марш мыться, а ты Эдька не мешай брату, шуруй, давай на улицу.

Олег налил в ванну шампунь и, чувствуя, как приятно подрагивает шкура, залез в горячую воду.

Заглянувший братишка, опасливо шевеля ушами, шепотом спросил:

— Хорошо?

— Ништяк, — довольным голосом ответил Святой.

— Ништяк — это как?

— Вот так, — Олег плеснул в него пеной — нет в тюрьме ванной, усек?

— А как же там моются?

— Простая баня, Эдька, тазики.

— А ты слова блатные знаешь?

— Конечно.

— А какие?

— Всякие.

— А как по блатному будут часы?

— Котлы.

— А золото?

— Рыжье.

— Значит, золотые часы по блатному будет рыжие котлы.

— Ну, вот видишь, — засмеялся Святой, — ты уже почти блатной.

После ванны, в одних трусах, Олег с отцом пили пиво, а Эдька рассматривал тело старшего брата, сплошь покрытое татуировками. Листали фотографии семейного альбома, шутили, вспоминая детство. Эдик читал вслух письма, которые Олег писал домой несколько лет назад из колонии. Потом пел под гитару песни, которые сам сочинял и которыми очень гордился. Ближе к вечеру мать накрыла на стол и уже вчетвером, широко распахнув в зале окна и, потушив свет, при желтых язычках пламени двух тоненьких свечей, продолжали строить планы на будущее. Отец предлагал Олегу прямо завтра устроиться на работу. Мать шептала: — Не слушай его, тебе нужно отдохнуть, кожа да кости.

Чтобы никого не обидеть, Святой обоим согласно кивал головой. Потом, часа в два ночи, когда в квартире уже все спали, он потихоньку встал с кровати и, поскрипывая половицами, подошел к окну.

— Что не спишь? — Эдик оторвал от подушки голову.

— Хочешь, покажу тебе свою подружку?

— Давай, — Эдька уже стоял возле брата и заглядывал на безлюдную улицу.

— Не туда пялишься, — усмехнулся Олег, — в небе она, Эдька, вон, где устроилась. Видишь?

— Большая Медведица, что ли? — спросил Эдька.

— Она — Святой смотрел вверх — звезды в отличие от людей не стареют.

— Ты это к чему? — зевнул Эдька, залезая под одеяло.

— Пока я по зонам нары протирал, отец и мать на десять лет старше стали, а я только сегодня это заметил. Куда уходит время, не знаешь?

Сладко посапывая, брат не отвечал.

Последующие дни летели уже незаметней. Святой навещал своих старых знакомых. К нему приходили целыми компаниями, в его комнате всегда царило оживление. Тянули под гитару жуликоватые песни, иногда выпивали, иногда вспоминали лагерную жизнь. Ностальгия по наручникам, решеткам и колючей проволоке еще долго держала Олега в своих объятиях. Свобода, которую он так долго ждал, пришла, и теперь с ней надо было что-то делать. Прошло больше месяца со дня освобождения. «Все, завтра шлепаю работу искать, пора, Святой, тебе самому на хлеб с маслом зарабатывать».

Утром на троллейбусной остановке он ежился от холодного ветра, катающего в ногах сухие листья тополей, и прикидывал, куда бы бросить свои кости. На руках был только паспорт. Противно визгнув тормозами, почти рядом остановилось такси. Шофер, пригнувшись к лобовому стеклу, махнул Олегу рукой.

— Привет, Волчок, сто лет тебя не видел.

— Падай шустрее, надо отъехать, сзади автобус идет. Ну, давай, рассказывай, где пропадал?

— Откинулся недавно, видишь — еще не оброс, — Святой взъерошил густые, почти черные волосы.

— Вот сегодня первый раз в город вылез, ищу, где бы побатрачить, но трудовой нет, а без нее, сам понимаешь, даже в кочегарку не возьмут.

— На шофера пойдешь учиться?

— Мечта моего тяжелого детства, если «коны» есть, подмогни?

— На заправку забежим, — закурил Волчок, — конягу эту железную напоим и в первое автохозяйство дунем. У меня там главный инженер знакомый, мужик с понятием. Он тебя и без трудовой примет. Курсы закончишь, год на грузовике отпашешь, и я тебя к нам перетяну. Кое-какие завязки у меня и таксопарке есть.

— Да не, Толяха, спасибо, конечно, за помощь, но в твою контору мне нельзя.

— Почему? — удивился Волчок.

— Водочку втридорога продаешь пролетариям? Продаешь. Людей обижаете? Обижаете. Вот за грехи эти вашему брату и ломают хребты на пересылках.

— Я не такой, — густо покраснел Толян.

— Да не обижайся, я не лично тебя имею в виду, а просто объясняю, почему на тачке вкалывать не буду, — разразился смехом Олег.

— Ты че? — скосил глаза Волчок.

— Анекдот слушай. Валяется на куче хвороста цыган и мечтает — вот украду кобылу, она жеребенка принесет…

— А я залезу на него и как помчусь, — перебил отца цыганенок.

— Ну-ка, спрыгивай, — врезал ему цыган плеткой, — а то запалишь жеребенка.

Теперь давился смехом и Толян.

Святого приняли на работу автослесарем с последующей отправкой на курсы водителей. Завтра надо было проходить медкомиссию, и он попросил мать разбудить его пораньше. Довольный и уставший от такого удачного дня, Олег еще долго не мог уснуть. Следующий, слегка морозный день, начался тоже неплохо, и после обеда в медицинской справке не хватало только одной подписи — психиатра. Очередь двигалась медленно и Святой начал переживать, что сегодня уже не попадет на прием к врачу. Наконец, белая дверь кабинета открылась, выпуская пожилую женщину.

— Вы следующий? — пригласила медсестра Олега.

— На что жалуетесь? — наверное, простуженным голосом спросил седеющий врач.

— К счастью ни на что, комиссию на водительские курсы прохожу.

— Судимый?

— Не понял?

— В тюрьме, говорю, не сидели?

— Боже упаси.

— Военный билет, — не отрываясь от писанины, потребовал психиатр.

— Он у меня в военкомате, — холодея, начал врать Святой, вспоминая жирную печать на второй страничке «невоеннообязанный».

— Руки, пожалуйста, покажите, — попросила медсестра. —

Ой, Владимир Сергеевич, у него все предплечья исполосованы, места живого нет, он, видимо, вены вскрывал, да не раз.

«Не пролезло», — раскатывал Олег рукава свитера, — «хорошо, что я вам, бляди, свою фамилию не назвал, теперь придется вместо себя кого-нибудь вам подставить».

В полуподвальном помещении поликлиники сухонькая гардеробщица, подавая Святому его ветхую куртешку, поинтересовалась: — Вид у тебя, сынок, болезненный, да без шапки ты еще. Далеко живешь-то?

— Не волнуйся, мать, меня и атомной бомбой не убьешь. Психиатр на комиссии забраковал. На шофера хочу выучиться, а, видишь ли, нельзя, морда у меня вроде как тюремная.

— Ну-ка давай сюда справку свою. Внучка моя, Юлька, у этого хрыча медсестрой старается, я ей сейчас хвоста накручу. Ты, милок, постереги пока мое хозяйство, — и, мягко шаркая домашними тапочками по мраморным плитам лестницы, старушонка стала подниматься вверх. Минут через пятнадцать довольная и запыхавшаяся от быстрой ходьбы она вернула Олегу справку.

— Все, сынок, даже и поругаться, толком не удалось. Добрый он, Владимир Сергеич. Иди, говорит, старая, иди, и печать, не глядя, шлепнул.

— Не знаю, как вас и благодарить, чудная женщина, для меня это не просто заключение медкомиссии, а путевка в жизнь.

Слесарем Святой отработал всего две недели, и его отправили в автошколу. Неожиданно для себя он попал учиться в одну группу с Весной, который парился когда-то с ним на малолетке в Новосибирске. Судимых в школе набралось восемь человек и как на подбор все непьющие и строго соблюдающие дисциплину не потому, что были овечки божьи, а потому, что сильнее других учеников жаждали получить водительские удостоверения. Каждый понимал, что «проносить» нельзя, отчислят.

Зима летела быстро. К учебе Олег относился серьезно и занятий не пропускал. Утром в школу, вечером домой. Зубрил уроки и времени на вылазки в город просто не было. В мае, когда черемуха под кухонным окном, словно невеста нарядилась в белое душистое платье распустившихся лепестков, Святой, сдав все экзамены на «отлично», наконец-то получил долгожданные черно-красные корочки шофера. Теперь каждое утро Олег наскоро завтракал и уходил на поиски работы, возвращался домой поздно и каждый раз все мрачнее и мрачнее. Трудовой книжки не было, а без стажа его никуда не брали. Вот и сегодня он пришел, не солоно хлебавши. Буркнув что-то нечленораздельное матери,

позвавшей его ужинать, Святой прошел к себе в спальню и, скинув кроссовки, растянулся на кровати.

— Можно к тебе? — приоткрыл дверь Эдик.

— Вваливайся, братан.

— Что такой грустный?

— Проблемы.

— Расскажи, может, помогу чем.

— Ты что ли, булка с маслом? Ладно, не дуйся, настроения нет.

— Как ты думаешь, какой возраст лучше всех? — неожиданно спросил Эдька.

— Вопрос, конечно интересный. Думаю, как у меня, а что? — набежала на хмурое лицо улыбка.

— Да влюбился я, не рано, а?

Олег с интересом повернулся к брату.

— Ну, давай, выкладывай, что там у тебя за роман.

— А вот ты мне про свою девушку расскажи, потом я, идет?

— У меня с этим делом попроще. В четырнадцать лет уже срок мотал. Влюбиться было просто не в кого, — рассмеялся он, — а сейчас мне многие девчонки нравятся, но что такое любовь я, наверное, еще не понял.

Мелодично запел звонок.

— Наверное, к тебе, — Эдик пошел открывать дверь.

На пороге стоял высокий, худой мужчина.

— Олег дома? — вежливо спросил он.

— Заходите, — Эдька пропустил его в прихожую, — идите вон в ту комнату, Олег там.

— Здорово, Святой. Не узнаешь?

— Узнаю, Толян, — друзья обнялись, — ты ведь только со сковородки спрыгнул, а волосы, почему такие длинные?

Толян взял себя правой рукой за волосы и поднял над головой парик. Братья, не сговариваясь, брызнули смехом. Перед ними стоял лысый скелет в синей футболке и потертых штанах.

В свои тридцать пять лет Леончик пятнадцать успел оттянуть по зонам, но, не смотря на это, разговаривал всегда и со всеми культурно. Ему это нравилось.

— Толян, как от тебя люди не шарахаются? Ведь у тебя на морде написано, что ты — бандит, — веселился Святой.

— Вот поэтому я его и ношу, чтобы какая-нибудь старушка не получила инфаркт. А вы, молодые люди, ведете себя не очень прилично, ржете над пожилым, лысым человеком, — продолжая каламбурить, Леончик присел к зеркалу и стал пристраивать парик на голову, — говорят, ты на шофера выучился?

— Есть такое дело. Да только без стажа никуда не берут.

— Что я слышу, друг мой? Ты расстроился из-за того, что тебе не дают пахать? Олег, в этом обществе батрачить нам противопоказано. Тяжелый труд — это ужасно. Бросай ты это грязное дело, мы — каторжане и должны воровать. Правильно, я говорю, молодой человек? — обратился к Эдику Толян.

Младший брат Святого, ошарашенный только что услышанным, не знал, что ответить.

— Льешь вроде правильно, но в тюрьму меня пока не тянет — хлеба белого не наелся, — Олег уперся руками в подоконник и смотрел на улицу.

— А ты случайно не женился? — поинтересовался Леончик.

— Пока нет.

— Ну, ладно, братцы, до хаты дуну. Забегайте, я от вас недалеко живу.

— Олега, это кто такой? — спросил Эдик.

— Золотые руки, рисует, лепит, маски режет, ворует. Когда все успевает — не знаю.

— Он нас в гости звал, как пойдешь, меня не забудь.

— Ладно, договорились. А теперь шлепай к себе. Я спать хочу.

***

Разбросав по старенькому дивану, застеленному клетчатым пледом, тощие руки и подпрыгивая босой ногой с желтым ногтем на большом пальце, Толян размышлял о смысле бытия своего на этом вечно крутящемся шарике. От мысли умной его оторвал затрещавший дверной звонок. Резко подбросив татуированное тело на скрипнувших пружинах диванного матраса, он подлетел к трельяжу и, шустро напялив на свой голый череп каштановый парик с длинными, почти до плеч волосами, критически осмотрел себя в зеркале и только потом пошел отворять двери.

— Боже мой, какие люди, — впуская гостей в тесную прихожую, радостно заговорил Толян, — каким ветром, братья лихие, вас ко мне занесло? Валите в зал, я пока чайник на печку брошу.

Эдик с нескрываемым интересом рассматривал комнатные стены, увешанные масками из дерева и гипса. Особенно ему понравилась большая черная маска, изображавшая черта, которая была прилеплена над журнальным столиком.

Уже одетый и без дурацкого парика на башке, в зал прошел Леончик и подозрительно вперился глазами в Олега.

— Святой, ты какой-то не такой, может облегчить душу?

— Все-то ты заметишь, — сел Олег в глубокое удобное кресло.

— Помнишь свой визит ко мне?

— Яволь.

— А на следующий день я с девчонкой познакомился.

— И кто эта юная Афродита?

— Слов не хватит описать это божество, — принял веселый тон приятеля Святой, — познакомлю как-нибудь, сам увидишь.

— Годяво, — протянул Толян — Эдька, эту звезду твой брательник нам не засветит до самой свадьбы. Но вмазать по такому поводу все равно надо.

На кухне призывно засвистел чайник.

— Эдька, помогай, — Леончик потащил его за собой, — Святой, в серванте на нижней полке пузырь томится в ожидании праздника, вынимай его, подлого, на свет божий.

Олег поставил на столик бутылку белой и раздвинув тюлевые шторы, открыл форточку. Эдик с Толяном принесли из кухни несколько тарелок с закуской и стаканы. Леончик примостил свой худой зад в кресле напротив Святого и, шлепнув пузырь ладонью в донышко, стал разливать горькую по стаканам.

— Мне не надо, — перевернул вверх дном свой стакан Эдька.

— Молодец, — одобрительно хмыкнул Толян. — А мы жгнем за яму любви, в которую попал твой старший брат, — он подмигнут черту на стене, и опрокинул в широко открытый рот огненную воду.

— В рот меня мама целовала, — кое-как выдохнул Олег и, посолив, захрустел маленьким, в пупырышках, огурцом.

— Толяха, ты как насчет того, чтобы тряхнуть стариной.

— Продолжайте, молодой человек, продолжайте, — сразу воткнулся Леончик.

— Мне нравится ход ваших мыслей, и я искренне рад, что вы наконец-то встали на путь истинный — Толян выжидающе смотрел на Святого, но тот молчал.

— Если ты на счет этого серьезно, то откладывать не стоит, сезон как раз в самом разгаре — Леончик плеснул в стаканы, жестом приглашая Олега выпить.

— Ну, вот и добазарились, — поднял стакан Святой.

Когда братья вернулись домой, простеснявшийся, и поэтому голодный Эдик первым делом шагнул в кухню.

— Мам, есть что съесть?

— Вернулся из гостей, тебя, что там не угощали?

— Не-а, — загремел он кастрюлями.

— Маманя!

— Не кричи, оглашенный, что там у тебя?

— Олега у нас женится скоро.

— Сочиняешь, поди, — отложила она вязанье.

— Да точно тебе говорю, влюбился. Не веришь, сама спроси.

— Олежка, — позвала мать, — ты, что это — невесту завел, а в гости ее не приглашаешь?

— Вот урод, — матюгнулся Святой в адрес младшего брата.

— Приведу, приведу, — прикрыл он дверь спальни.

Почти сразу мать распахнула ее.

— Ты не отмахивайся, давай.

Уже лежавший Олег, сел на кровати.

— Мамуля, скоро покажу тебе своего ангела, век свободы не видать.

— Все бы придуривался, — вернулась мать за свое занятие — взрослый уже, пора бы и семью заводить.

***

Работа воров-домушников начинается рано. В восемь часов утра Святой уже стоял у дверей Леончика.

— А, Алегердос. Влетай — Толян в одних трусах и тапках на босу ногу стоял в прихожей.

— Шлепай на кухню, поколдуй, пока я рыло вымою.

Олег достал из холодильника несколько яиц и, разбив их вилкой на сковороду, включил конфорку газовой плиты. Громко фыркая, Леончик плескался в ванной комнате.

— Где у тебя заварка?

— В столе, — Толян вошел в кухню, растирая махровым полотенцем сизую от холодной воды лысину, горячей, как всегда это и бывает летом, не было. Вид тощего Леончика развеселил Святого.

— Эдька говорит, что ты похож на мачту корабля.

— В натуре? — Толян недоверчиво глянул на друга и пошел в зал. Покрутившись пару минут перед зеркальным отражением трельяжа, он вынес себе приговор.

— Пожалуй, прав твой брат несмышленый. Наброшу-ка я паруса — вернулся он уже одетый и с бутылкой водки.

— Это для храбрости, пока не вмажу, воровать боюсь.

— Понятно, я не буду.

— Правильно и делаешь, — Леончик налил себе — кто не курит и не пьет, то здоровеньким помрет.

— Мечи! — Олег двинул к нему сковородку.

— После первой не закусываю, — Толян отодвинул от себя

яичницу — мать вечером поужинает. Скажу, что это ты специально для нее приготовил.

Через несколько минут, купаясь в лучах доброго, по-летнему теплого солнца, приятели, весело болтая, вышагивали в сторону центра города. Опыт старых домушников быстро помог им найти объект, в котором и решили отработать. Пятиэтажка стояла возле дороги. Прямо под окнами, закрывая весь первый этаж, росли тополя.

Сунув руку в карман штанов, Леончик достал монетку.

— Если «орел», то дорогу будешь делать ты, если «решка», то я.

Сверкая серебристыми боками, двадцаток взлетел над головами подельников и, кувыркаясь, плюхнулся на зелень газона — выпала «решка». Толян громко высморкался и, глянув в маленькое зеркальце ладно ли сидит на башке парик, подошел к выбранному окну и громко в него постучал. Подождав с минуту, постучал еще громче.

— А в ответ тишина, он вчера не вернулся из боя, — себе под нос пропел Леончик и, обойдя дом, зашел в подъезд. Определив, какой квартире принадлежат окна, в которые он только что молотил, Толян несколько раз нажал кнопку электрического звонка и, убедившись, что дома из хозяев никого нет, набил полный замок спичек. Олег видел, как Леончик вывернул из-за угла дома, быстро подошел к окну, сорвал с форточки марлевую сетку и немного повозившись, открыл ее. Зеркальными стеклами солнцезащитных очков Святой пошарил по сторонам, прикидывая, заметил или нет кто-нибудь действия подельника. Никто вроде не щекотился. Окончательно его успокоил сопливый пацан в порванных сандалиях: — Дяденька, дай закурить?

— Ты слышал, козявка, что одна капля никотина…

— Да знаю я, всю зиму училка мне это проталдычила. Натаха! — заорал он вдруг и чесанул за угол.

Толян помаячил Святому — не буксуй, родной, пора работать. Теперь он оставался на улице контролировать ситуацию. Олег нырнул в тополя. Подпрыгнув, уцепился за форточку и через секунду был в квартире. «Вот и опять я залез в чью-то жизнь», — вытряхивая содержимое раздутых барахлом чемоданов на ковер, подумал он. Сгребая в серванте хрусталь, надыбал в одной из увестистых ваз «рыжие» сережки, цепочку и широкое обручальное кольцо. «Семейное счастье тревожить не будем», — Олег положил обручалку на место. В окно кто-то бросил камнем. Святой кинулся к нему и, резко раздвинув шторы, увидел стоящего Леончика. Тот, невозмутимо постукивая длинным и узловатым, как у скрипача пальцем по циферблату

наручных часов, укоризненно покачивая париком, изрек пьяным голосом.

— Долго работаете, молодой человек, долго.

— Тебе здесь что, госпредприятие? — выматерился Святой.

— Не гони дуру, через две минуты подам лантухи.

Остальное он складывал уже быстрее, боясь, что закосевший Толян выкинет номер почище. Пройдя в зал, Олег все-таки взял обручальное кольцо. «Вор должен воровать все», — успокоил он свою совесть. Подтащив вещи к батарее отопления, бесшумно распахнул створки окна и, чертыхаясь, плюнул себе под ноги. Леончик стоял там же. Глядя на него, можно было подумать, что они сейчас не делают что-то из ряда вон выходящее и все люди вокруг только тем и занимаются, что лазят по утрам друг к другу в квартиры.

— У вас железные нервы, — похвалил подельника Толян. — В твоем возрасте я тоже ни черта, ни бога не признавал.

Через пять минут приятели были уже далеко от места преступления. Отдышаться от быстрой ходьбы ввалились в первый попавшийся подъезд.

— Что с барахлом делать будем? — устало опустился на узлы Святой.

— Есть у меня на крюкане барыга один, старый знакомый.

— Ну, так и скинь ему лантухи с «рыжьем», — Олег бросил Леончику завязанные в носовой платок золото — а вечером ко мне прикатывай. Прошвырнемся по злачным местам, обмоем этот ужасный день.

— Добренько, — Толян поднял над головой парик и вытер рукавом рубашки лысину. Заметив, что это развеселило Святого, тоже улыбнулся — красота, моншер, требует жертв.

Остаток дня Олег провел дома. Шутил с отцом и матерью, дурил с младшим братом, заливая ему страшные истории из тюремной жизни. В шесть вечера залез в ванну и разморенный горячей водой, неожиданно для себя закемарил. Через час его разбудила до синевы выбритая, остроносая рожа Леончика.

— Между прочим, мой юный друг, у крыльца вашего дома нас ожидает такси с включенным счетчиком.

— Ты что, уже газануть успел? — потянул носом Святой.

— Да нет, это видимо еще с утра не выветрилось. Давай выныривай — Толян бросил ему, сняв с веревки, цветастое полотенце и утянутый за лацкан пиджака Эдькой, исчез в спальне.

— Десять минут спустя, обувая ноги в пахнущие лаком новые югославские корочки и между делом обжигаясь крепким кофе, Олег выслушивал последние наставления матери.

— Смотрите, никуда не залезьте, — как к старшему обратилась она к Леончику.

— Тетя Жанна, за мной ваш сын, как за каменной стеной, если я не нарежусь до поросячьего визга, то, конечно, присмотрю за ним.

— Толян, когда ты повзрослеешь? — бросил газету на кухонный стол отец Святого.

— Вот-вот, все вы, люди пожилые одним миром мазаны. Мать моя каждый день этот вопрос мне задает. Шучу я, Борис Николаевич. В тюрьме время замедляет свой бешеный бег, вот и откидываемся скоро, а чувствую себя ей-богу, — прижал он правую руку к сердцу, — двадцатилетним.

— Ну, давай, болтун, вываливайся, — Святой слегка подтолкнул приятеля к выходу и, обращаясь к родителям, добавил, — наверное, поздно вернусь, так что нас не теряйте.

Рыжий, с большими как у слона ушами таксист явно нервничал, обеспокоенный долгим отсутствием клиента и облегченно вздохнул, когда Леончик, открыв заднюю дверцу машины, пропустил вперед себя друга и сел с ним рядом.

— До «Встречи», шеф.

— Это что за штука? — Олег поддернул немного вверх гачи вельветовых штанов, чтобы не помялись.

— Это, сэр, кофейная. Надеюсь, тебе она понравится. Правда, на втором этаже отделение милиции Центрального района, но зато хулиганов нет. Можно культурно отдохнуть и заодно у кого-нибудь что-нибудь украсть.

— Притопи-ка, ушастый педаль газа, — потрепал Толян таксиста по жирной шее — плачу за скорость.

У входа в кафе доброжелательной улыбкой друзей встретил сизоносый швейцар.

— Мест нет, граждане.

Олег сунул ему в нагрудный карман ливреи денежную дотацию в виде хрустящей пятерки и быстро убедил халдея, что места все-таки есть.

Два небольших уютных зала с обтянутыми материей стенами, на которых между зеркалами позванивали висюльками маленькие бра, произвели на Святого действительно неплохое впечатление.

— Принеси-ка нам, красивая, вот этого грамм пятьсот — Леончик щелкнул себя ложкой по кадыку, — закусон человечий, жрать хотца, аж колени трясутся. Видишь, какой я худой?

Когда, цокая шпильками, лодочек и покачивая крутыми бедрами симпатичная официантка упорхнула выполнять заказ, он вытянул под столом длинные ноги и, кряхтя от удовольствия, скинул давно жавший пальцы левый туфель.

Олег с интересом разглядывал нарядную разношерстную публику. В противоположном углу, утонув в мягких кожаных диванах, наверное, бывшие мореманы, прилично залив шары, горланили «Священное море — огромный Байкал». Оправдывая название — кафе «Встреча», не в меру расфуфыренная матрешка уже подмигивала ему зелеными глазами, и очередной фужер шампанского подняла, кажется, со значением.

— Насыпай, Толян, на донышко.

Тот не заставил себя долго ждать, и забулькал «Боровинкой».

— Святой, по — моему лялька, что нас обслуживает, в тебя влюбилась.

— С чего ты взял?

— Ты че, слепой что ли? Она уже раз пять из-за перегородки на нас зыркнула. Неровно дышит кобылка, не я же ей приглянулся. Колечко рыжее у нее на безымянном пальчике брюликом играет, так что не расслабляйся сильно, может, еще работать придется. Ну ладно, брат лихой, ты поскучай слегка, а я, мужчина в расцвете сил, как выражается небезызвестный товарищ Карлсон, который живет на крыше в далекой Швеции, попробую подмазаться к какой-нибудь старушке — Леончик пошевелил ступней, натягивая башмак и, подпевая магнитофонной записи мелодичных «Арабески», втерся в танцующую толпу.

Давно ждавшая, когда Олег останется за столиком один, официантка мазнула по губам помадой и, поправив перед висящим на стене овалом зеркала прическу, выпорхнула из вкусно пахнущей жареными цыплятами кухни.

— Можно с вами посидеть?

— Конечно, Настенька, я давно тебя поджидаю.

— Правда? — недоверчиво хлопнула она бархатными ресницами — а ты откуда мое имя знаешь?

— Я все про тебя знаю, — скривил лицо Святой — вот блин, зуб заныл.

— У меня в сумочке анальгин есть, сбегать?

— Не поможет, — огорченно мотнул головой, — в колечке твоем бриллиант или стекляшка?

— Бриллиант.

— Если не боишься, дай минут на пять, я его к зубу приложу?

Колебалась Настя несколько секунд, но заинтригованная чудодейственным свойством камня, кольцо сняла. Олег тщательно протер его салфеткой и сунул в рот.

— Так удобней, — успокоил он встрепенувшуюся официантку. — Выпьем помаленьку?

— Нельзя на работе, — опасливо бросила она взгляд на шумевший в бликах светомузыки зал — но капельку за

знакомство, пожалуй, можно.

Свою рюмку вина Святой опрокинул в себя залпом и, потрогав горло, виновато посмотрел на девушку.

— Настена, не падай в обморок, но я проглотил кольцо.

— Как?!

— Не знаю, — развел он руками, — но надеюсь, ты понимаешь, что не специально.

— Его муж на день рождения мне подарил, что я теперь ему скажу?

Делая страшненьким ее симпатичную мордашку, брызнули слезы.

— Как мне кажется, у вас все ладом, — вернулся за стол Толян и, вытряхнув из вазочки бумажные цветы, до краев наполнил ее пивом.

— Не реви, душа моя. Жизнь прекрасна. Не удалось сегодня мужу изменить, сделаешь это завтра, а если сурьезно, то я не советую вам, девушка, вступать в интимную связь с моим другом. Совсем недавно одну прекрасную амазонку, которая спокойно трудилась ночным сторожем на свиноферме, он, подлец, отправил в реанимацию. Не веришь? — жадными глотками Леончик выхлебал пиво и, смахнув с губ мокрую пену, продолжал врать переставшей плакать официантке — вот от этого, с виду нормального, парня, когда он в бане плещется, приличные люди в стороны шарахаются. Он пятнадцать минут сам моется, а потом раскладывает по лавке свое хозяйство и двумя руками огромной вехоткой еще целых полчаса своего красавца трет. Представляешь, полчаса!

Зажав ладонью рот, чтобы вместе с душившим его смехом не вылетело лежащее под языком кольцо, Олег беззвучно содрогался телом. Настя и настропалившие за соседним столиком уши студентки смеялись так, что посетители кафе с интересом закрутили головами в их сторону. А Толян, с невозмутимой физиономией, снова плеснул в вазочку пива и, придерживая левой рукой парик, чтобы тот не валился с башки, задрал в стеклянный потолок свою интеллигентную рожу, и с удовольствием выцедил янтарную жидкость. Когда официантка убежала обсчитывать клиентов, Святой выплюнул колечко в носовой платок и, завязав его узлом, бросил Леончику.

— Снял кого-нибудь?

— Да нет, мой юный друг, вилы не стрельнули. Правда, одна особа средних лет окинула мою стройную фигуру сквозь толстые стекла огромных роговых очков и, желая сделать мне комплимент, восхищенно пробурчала: «Ни капли жира!»

Он вытащил из кармана тугую пачку «снегирей» и, отщипнув

половину, отдал подельнику.

— Доля твоя с утренней половины.

Хитро прищурив карие глаза, Олег подманил к столику Настену, и положил в карман ее накрахмаленного передника пять червонцев.

— Оглушили нас ваши жуки-пуки, да и домой пора. Опять же на работу рано вставать. Теперь пахать по черному придется, добывая денежки тебе на подарок.

— Вот врет, инвалид несчастный.

Девчонки у соседнего стола опять оттопырили розовые ушки.

— Какая у тебя группа? — явно сочувствуя, приобняла Святого официантка.

— Первая, — ответил за него Толян, — у всех смертных хвост сзади, а у него спереди, да еще какой.

Новый взрыв хохота потряс прокуренное помещение.

На нетвердых ногах, выбравшись на улицу в обнимку, доплелись до дороги, и Олег стал ловить тачку. Леончик в сплошь усыпанный яркими гроздьями звезд небосвод, подражая Асмолову, пьяно орал что-то про Млечный путь, по которому он скоро отправится в свое последнее путешествие, навсегда покидая эту грешную землю. Через час, мирно посапывающим на кухонном полу друзьям, мать Святого подталкивала под головы пуховые подушки и сонно ворчала не понять на кого.

— Споили ребятишек, проклятые, чтоб им пусто было.

Щелкнув выключателем, она погасила свет и, заглянув в Эдькину спальню, пошла досматривать цветные сны, приходившие к ней каждую ночь.

***

В пятницу, нетерпеливо поглядывая на часы, Олег шелестел «Советским спортом» на резной скамье, притулившейся в тени огромного козырька высотного здания Управления сельхозхимии Читинской области. Пять минут седьмого, из рифленых с бронзовыми ручками дверей, на мраморные плиты крыльца стали высыпать служащие. Заметив окруженную подружками Лену, он поднялся с лавки, и помахал ей сложенной газетой.

— До понедельника, девчонки, — попрощалась Лена и, размахивая сумочкой, заспешила навстречу широко улыбающемуся парню, который несколько дней назад купил ей за красивые глаза целое ведро нежно-розовых георгинов у торгующей на троллейбусной остановке старушки, которая, наверное, вспомнив далекую молодость, с белой завистью

разглядывала невысокую, крепконогую девчонку с русым хвостом тяжелых волос на затылке.

— Давно ждешь?

— Вечность, — пошутил Святой, — но, как и все влюбленные могли и дольше.

Уловив слово «любовь», ее синие, под стать небу, глаза, блеснули живинкой.

— Сегодня меня опять осыпать цветами будешь или придумал что-нибудь еще?

— Сегодня посидим у меня дома, родителям обещал тебя показать. Надеюсь, ты не против?

Радостно стукнуло сердце.

— Поехали, — согласилась Лена.

Они перешли на другую сторону проезжей части и стали ждать пустое такси.

— На работу устроился?

— Пока не по специальности, — начал врать Олег, — но место хорошее, даже аванс выдали. — Он оттопырил карман брюк и показал пачку денег.

— Это что, аванс такой? — удивилась она.

— Я же говорю, место хорошее — Святой тормознул тачку, и когда они устроились на заднем сиденье, провонявшем бензином салоне, объяснил водителю куда ехать.

Спадающий зной неожиданно подзатянул городское небо рваными тучами и пролил на серый асфальт улиц первый в этом году дождь. У самого подъезда машина остановилась. Олег расплатился с таксистом и забрал у Лены сумочку.

— Не трусишь?

— А меня там не съедят?

— Честно говоря, не знаю, — улыбаясь, ответил Святой, — будем отбиваться.

Он открыл дверь своим ключом.

Родители и Эдька ужинали.

— Мать, просила? Вот привел свою подружку, иди любуйся. Не тебя звали, — слегка трепанул за чуб выскочившего из кухни младшего брата Олег, — иди, иди, любопытная Варвара, греми ложкой дальше.

— Руки мойте и давайте к столу, — скомандовал отец.

Святой показал Лене, где ванна и включив теплую воду, сходил к себе в комнату за давно припрятанной бутылкой шампанского. По стеклам и свежевыкрашенному карнизу кухонного окна, звонко лопаясь, стучали крупные слезы разбушевавшейся непогоды, подчеркивая уютную атмосферу за столом. Стрельнула газами откупоренная бутылка и загуляла над

хрустальными фужерами, наполняя их шипящей пузырьками влагой.

— За женщин, — поднял бокал Олег, — чтобы они были добрыми и мудрыми, умели прощать и любить.

Пригубив фужер, мать заварила чай и ушла с будущей невесткой шептаться в зал.

— Как у тебя с работой, двигается?

— Нормально, батя, мы с Леончиком калым нашли. Школу оформлять будем. Думаю, до осени дел хватит.

Оттого, что врал работяге отцу, на душе стало муторно, но пришлось свою ложь вытерпеть. Раньше обычного и наверное поэтому незаметно стемнело. Провожая Лену до троллейбусной остановки, Святой с наслаждением вдыхал опаленный озоном и душистой сиренью воздух.

— По-моему, ты всем понравилась.

— Олежка, я тебе сразу не сказала, у меня ребенок есть.

— И где же ты его взяла?

— Замужем была.

— Это хорошо, значит, щи готовить сможешь. Как зовут нашего ребенка?

— Максим.

— Мальчишка значит, большой?

— В августе четыре будет.

— А где он сейчас?

— Дома, с мамой сидит.

— Давай я за вами заеду, на барахолку мотнем, по городу пошаримся?

— Жду, — счастливые ямочки появились на щеках.

Святой махнул зеленеющему в ночи светлячку незанятого такси.

— На первую Читу увезешь?

— Садитесь, — согласно кивнул кожаной восьмиклинкой шофер.

Выходные пролетели незаметно. Также быстро разлетелись и снегири из его широченных карманов. За эти два суматошных дня Олег и Лена, таскавшие за собой Максимку, побывали, кажется, во всех магазинах города. Ей нравилась его широкая натура и, видя, как он небрежно обращается с деньгами, благоразумно советовала Святому сильно не тратиться.

— Ничего, деньги дело наживное, Скажу Леончику, еще нарисует, — шутил Олег.

***

Гудевший с похмелья шарабан медленно, но все же поднял стонавшего Толяна с незастеленного дивана. Сняв мятую рубашонку и скомкав ее, швырнул на пол. «Вот Ванек хорючий, как я вчера до дома добрался, где бухал, с кем?» — прыгали в голове трещавшие мысли. «Утро сейчас интересно или вечер?» — попытался он определить время по смутно пробивающемуся сквозь плотные шторы свету. Стремительно выпрыгнувшая из старинных часов кукушка впорола ему в кровь приличную дозу адреналина, но ситуацию не прояснила. Помог длинный звонок в двери, сдвинувший застывшего Леончика с места и запинаясь на своем пути обо все подряд, нетвердыми ногами он побрел в прихожку.

— Святой, привет, родной, где тебя, волка, носило? Лучший твой друган с голоду пухнет без единого цента в кармане, а ты, бессовестный, шляешься, шут знает где, я все глаза проглядел, тебя дожидаясь.

— Вижу, как ты по мне скучал — Олег разулся и, сунув ноги в растоптанные шлепки, направился в зал.

— Привет! — поздоровался он с маской черта и плюхнулся в жалобно скрипнувшее кресло.

— В пятницу где бродил?

— Не помню, а че?

— Ливень красивый был, но злой, падла, я думал, может, он прихватил где-нибудь тебя?

— Не, — отпивался огуречным рассолом, присев на корточки у холодильника Толян.

— Пропидарило мне тем ужасным вечером, а вот мамане не подфартило. Всю рассаду на балконе из ящиков градом выхлестало.

Святой раздвинул шторы и повозившись со шпингалетом, не без помощи сквозняка, отворил балконную дверь. Зевнув розовой пастью, в комнату зашел большой полосатый кот.

— С добрым утром, Леопольд, — поприветствовал его Леончик и добавил, глядя на Олега — не трись рядом с этим зверюгой, он у меня сторожевой. Вчера без намордника выволок его на улицу, так он, скотина, у соседа собаку порвал в клочья.

Понимая, что хозяин, как всегда врет, Леопольд не обращал на него внимания и ерзал лохматой шкурой по паласу, промокая с себя холодную росу. Присев на край кресла, Олег поймал чудовище за шиворот и посадил к себе на колени.

— А че он у тебя такой цветной?

— Рисую по вечерам, когда вдохновение нисходит, а кисти об него вытираю. Не поверишь, наверное, но я привез его с армии маленьким пушистым клубочком и потом на пятнашку в тюрьму

спрятался, а он столько же в этой хате оттянул, вот у бедолаги репа и съехала. Выброси ты эту сумасшедшую тряпку назад на балкон, нечего ему к нежностям привыкать. Дыбани лучше, что я себе с куражей купил, — не отрывая тощего зада от пола, Толян снял с холодильника упакованные в картонную коробку туфли, и кинул в пустое кресло — «Саламандра», никогда таких не носил.

— Правильно и сделал, — Святой понюхал пахнущую магазином кожу — таких, пожалуй, нигде не украдешь. Мой рожу, тунеядец. Скоро десять, на работу пора, а пока «объект» для молотиловки подыщем, все двенадцать будет.

— Есть у меня одна на примете, — откликнулся Леончик, примеряя обновку — так что не боись.

Через пятнадцать минут, словно ветряная мельница, он махал проносившимся мимо легковушкам. Наконец, желтый с треснувшим от поцелуя кирпича лобовым стеклом «москвичок» подобрал приятелей.

— Спасибо не нужно, — стал отказываться от предложенного трояка туберкулезно кашлявший парень.

— Не понтуйся, это тебе на лекарство от профсоюза воров-домушников. Жги веселее к «Забайкалью». Шланги горят.

У ресторана они вылезли, и огромными скачками Толян улетел на второй этаж кабака. Захлебываясь на ходу булькающей из горлышка «Варной», вернулся махом. Нужный им дом, оказывается, стоял напротив «Забайкалья».

— Я готов, — не глядя, швырнул он за спину пустую бутылку.

Делая вид, что незнакомы, подельники разошлись в разные стороны. «Дорогу» должен был делать Святой. Пошарив внимательными глазами редких прохожих и огромные стекла ресторана, за которыми сновали официанты, он вдруг почувствовал боковым зрением, как Леончик решительно направился к зданию. Мгновенно прокабалив ситуацию, Олег зашел приятелю за спину и занял выжидающую позицию, готовый в любой момент прийти ему на помощь, а тот уже вовсю молотил в чье-то окно. Не дождавшись ответа, оглянулся по сторонам, ловко сорвал с открытой форточки мелко сплетенную из медной проволоки сетку и почти неуловимым броском длинного тела юркнул в сделанное отверстие. Привлеченные непонятным шумом в дальней комнате две пожилые женщины, пившие чай на кухне, одновременно выглянули в коридор и замерли от неожиданности, увидев мужчину. Уже через секунду подняв страшный визг, они кинулись вслед убегающему вору. Привалившийся плечом к шершавому стволу старого тополя, Святой ничего не понял, когда с быстротой и ловкостью акробата Толян стал выпуливаться на улицу через ту же форточку. Он уже

почти весь был снаружи и только никак не мог вырвать вторую ногу рук отчаянно вцепившихся в нее женщин. Леончик лихорадочно соображал, как выпутаться из положения. Олег, видя, что прохожие с подозрением посматривают на висящего под окном человека, не решался подойти к нему, потому что неписаный закон домушников говорил о том, что в случае запала, приятель получит срок в два раза меньше, нежели они пригорят вдвоем. Не будет предварительного сговора группой лиц для совершения кражи, как намарано в Уголовном кодексе — значит, нет и отягощающих вину обстоятельств.

— Товарищ, помогите, — наконец подмигнул Толя подельнику.

— Пожалуйста, — Олег подошел к окну, взял Леончика под мышки и резко дернул на себя. Больно резанул по слуху звон разбитого стекла и на расплавленный солнцем гудрон тротуара, вместе с передней рамой вылетел Толян, сбив с ног приятеля. Видимо от досады, что упустили жулика, в квартире истошно вопили женщины. Уткнувшись лицом в серый, щербатый асфальт, оглохший Леончик никак не мог понять, что же произошло. Левая нога была без туфли.

— Шухер, надо ноги делать.

Святой помог подельнику подняться, и они рванули. Оцарапав морды и рубашки, перемахнув через какой-то забор, оба упали в траву и долго захлебывались смехом, вспоминая, как пьяный Толян удирал от перепуганных старушек. Потом Олег пошел искать, на чем бы добраться до хаты, а Леончик сидел, прислонившись к дощатым доскам ограды и, глядя на босую ногу, на чем свет стоит матерился. Полчаса спустя, пряча глаза от внимательных бусинок кота, нюхающего свою пустую чашку, хозяин оправдывался: — Извини, Леопольд, сегодня судьба отвернулась от нас, поэтому с колбасой ты летишь, как фанера над Парижем. Вот бляха медная, Святой, завтра же пойду — и заброшу в окно этим старым девам второй туфель, че они с одним-то делать будут, а потом натравлю на них Леопольда, он им жути нагонит страшнее, чем собака Баскервилей.

— Не забудь только рыло ему фосфором намалевать.

На следующий день уже слегка принявший на грудь Леончик ждал Олега, присев на каменный бордюр у подъезда своего дома. Мелко моросящий слепой дождик, скатываясь с чуба парика, затушил ему «беломорину», но он не замечал этого и, сморщив лоб, продолжал ее тянуть, вспоминая, налил, уходя из дома молока Леопольду, или нет.

— Доброе утречко, — заметил он подельника и как можно бодрее встал.

— Ты че, накатил с утра пораньше?

— Не обращай внимания, это исключительно для масти.

Святой недовольно сморщился и, поправив криво сидящий на черепе Толяна, парик, щелчком выбил с его губ сырую папиросу и пробурчал: — Не бухал бы ты на работе, плохо все это кончится, шкурой чую.

Побродив часа полтора и основательно промочив обувь и одежду, они заметили слегка приоткрытую форточку на первом этаже желтой двухэтажки, выстроенной еще пленными японцами в послевоенные годы. К широкой раме окна подошли вместе. Костяшками пальцев Леончик постучал по влажному стеклу и, достав из внутреннего кармана пиджака бутылку «Пшеничной», хлебнул прямо из горлышка. Огромная, на его взгляд, форточка, да еще не затянутая сеткой, была просто подарком судьбы.

— Держи, — он подал Олегу наполовину пустой пузырь и грязными штиблетами влез на карниз. Открыв настежь форточку и просунув в нее руки и голову, вскинул в стороны шторы.

Читающая на софе журнал полуобнаженная девушка, прикрываясь пледом, испуганно смотрела на непрошеного гостя, который таким оригинальным способом пытался проникнуть в ее квартиру и, как только он открыл полных вставных зубов рот, она поняла, что это не Ромео.

— Ну, ты, овца романовская, — донеслось до Святого из окна, где разорялся его приятель, — ты что, осекается, лошадь Пржевальского? Я полчаса вышибаю тебе стекла, — орал пьяный Толян, — че вылупилась? Стакан тащи, видишь людям выпить не из чего.

Спрыгнув на землю, он никак не мог успокоиться и возмущенно махал руками.

— Вот халява, рабочий класс вкалывает, между прочим уже два часа, а эта королева, наверное, до обеда под одеялом будет булки парить. Дай-ка, масть перебью, — он забрал у Олега бутылку и сделал большой глоток.

Не дожидаясь, дадут им стакан или нет, подельники завернули за угол и направились вдоль по зеленой тополиной улочке. Пройдя мимо двух домов, в третьем снова надыбали отворенную форточку. Барабанил в это окно Толян, как в свое собственное, и, не обращая внимания на редких прохожих, которые посматривали, как долговязый мужчина, отмахиваясь, очевидно от своего приятеля, лезет на скользкий подоконник, спешили по своим делам дальше. Святой отошел к кустам акации и, постелив на мокрую траву пустую коробку из-под рыбных консервов, присел и стал ждать. Как всегда, не привлекая к себе внимания, он осторожно косил по сторонам, с удовлетворением

отмечая, что кажется все ништяк. Прошло десять томительных минут, это максимум для воров-домушников, работающих на «хапок». Олег выдержал еще пять, ждать дальше было нельзя: «Где он пропал, уродина?» Теперь он, уже не обращая внимания на то, видит или нет кто-нибудь, на то, что он вытворяет, Святой вспрыгнул на ржавый карниз и заглянул в квартиру. У стены, на аккуратно прибранной широкой кровати, закинув мосластые ноги в грязных плетенках на васильковую наволочку подушки, с диким присвистом храпел Леончик, возле него на полу лежал огромный узел краденых лантухов. Ожидавший от подельника любой шняги, но не такой, Олег буквально упал в хату.

— Вставай, свинья, — он скинул Толяна на жесткий пол.

Загремев костями, тот встал на карачки и, явно не понимая, что с ним происходит, что-то мычал.

— Вот чучело, я привык, конечно, что почти на каждой делюге ты корки мочишь, но сегодня, оглобля, ты лишка двинул.

Святой обхватил вдрызг пьяного приятеля поперек туловища и поволок его почти безжизненное тело к заранее распахнутому окну. Перевалившись через подоконник беспомощно болтающимися ногами, Леончик искал точку опоры.

— Отпускай, — скомандовал он подельнику, который крепко держал его за шиворот. Олег разжал пальцы и Толян рухнул на асфальт. Прихватив собранные вещи, Святой выбросил их на улицу, и выскочил вслед за ними сам, приземлившись прямо на спину бесчувственно распластанного подельника. Минут через пять, обливаясь потом, намертво вцепившегося в узел Леончика, Олег затащил в соседний двор. Под ароматно пахнущую дождем и смолой свежеструганную кучу досок, горкой сложенную у сарая, он засунул завязанные в безразмерную скатерть ворованные тряпки и, привалив Толяна спиной к угольному ящику, устало сел рядом. «Если так наворачивать будем», — глядя на спящего подельника, невесело размышлял Святой, — «то в недалеком будущем ждет нас небо в клеточку, одежда в полосочку».

Толян очнулся к вечеру и одубелыми шарами воспаленных глаз уставился на приятеля.

— Где мы?

— А ты как думаешь? — зло ответил Олег.

— Не знаю.

— Вот так ты проснешься когда-нибудь за решеткой — и не будешь знать, за что паришься. Выбирай, водку будешь жрать или работать?

— Ты же знаешь, я без отравы пахать боюсь, — виновато опустил голову Леончик.

Святой разворотил доски и вытянул узел с лантухами.

— Держи, к сожалению, нам с тобой не по пути.

— Долю-то свою хоть возьми.

— Долюшку мою отдашь Леопольду, — Олег отряхнул брюки и, выбив ногой доску в заборе, нырнул в образовавшуюся дыру.

***

Тридцатого сентября у Святого было два праздника. Ему стукнуло двадцать пять, и Лена сказала ему, что забеременела. Отец с Эдиком с утра носились по магазинам, выполняя материнские заказы к торжественному столу, а Олег, прижав ухо к горячему животу будущей жены ждал, что изнутри его кто-нибудь пнет маленькой ножкой.

— Вот глупый, рано еще, да мальчики шевелятся позже девочек.

— Какая еще девчонка? Жигана родишь и с большими как у меня глазами. Поняла?

— Давай лучше девочку, — смеялась Лена, — представляешь, будет кудрявая как ты и ямочки мои на щечках?

— Ладно, — разрешил Святой, — но сначала пацана.

В девять вечера все семейство окружило безумно вкусно пахнущий стол. Недавно Эдьке исполнилось пятнадцать лет, но, отдав предпочтение не школьным друзьям, а старшему брату, он решил отметить свой день рождения вместе с ним и теперь радостно полыхая лучистыми глазами, неожиданно спросил Олега: — А ты скоро женишься?

— Вопрос, конечно, интересный, — хотел свести все на шутку Святой, но все, опустив бокалы сухого вина на стол, ждали ответа.

— Завтра, да, Ленуся? Зубки шлифанем, физзарядку сделаем и в ЗАГС двинем.

— Ты морду не корчи, паршивец, — замахнулась на него мать кухонным полотенцем.

— Честное пионерское.

— Врешь, тебя из пионеров еще во втором классе турнули.

— Мамуля, ну, что ты, в самом деле, такими вещами ведь не шутят.

«Пора завязывать с судьбой в прятки играть, а то некрасиво может получиться. Ленка ребенка ждать будет, а я в тюрягу усядусь, да и мать не обрадуется. Она, бедная, и так намучилась, десять лет по лагерям за мной моталась».

Утром, посадив Лену на троллейбус, он остался на остановке. Сидя на загаженной воробьями лавочке, ему вспомнилось, как он

мотался от конторы к конторе — и нигде его не брали на работу. Листая документы Олега, кадровики собачьим чутьем или по одним им известным отметкам в паспорте и военном билете угадывали в переминавшемся с ноги на ногу парне неблагонадежного гражданина социалистического государства и все попытки убедить их в обратном заканчивались, как правило, неудачно. «Моя трудовая и рожа арестантская чинуш не устраивает, придется идти в обход». Заметив Святого из очередного троллейбуса, вытолкнувшего из своего душного нутра на остановку группу пассажиров, выскользнул и Боряня. Это был уже не тот вокзальный бич, безвольно позволявший ссать на себя дворнягам, а модно постриженный и с большим рыжим болтом на пальце, прилично прикинутый, как любил поговаривать Леончик, молодой чемодан.

— Здорово, Олега! — вытряхнул он из пачки «Стюардессы» сигарету. — Времечком располагаешь?

— Да есть вроде.

— Рванем куда-нибудь, шары зальем?

— Продолжаешь, значит, делом этим грязным заниматься?

— Умеренно и только ради встречи с тобой, сечешь, как я вкован?

— На дерьмотолога вообще-то не похож, — согласился Святой — Боряня, помнишь Горбатого, что в Оловяшке с нами парился?

— Конечно, но, честно говоря, не встречал его уже два года. Срочно нужен?

— Дипломы, справки всякие он грамотно лепил, а мне в трудовую книжку годика три стажа бы трудового нарисовать?

— Нет проблем, я сейчас на хазе Вадьки Чирка обитаюсь, ты его не знаешь, мы с ним в Якутии срок тянули. От руки любую печать в пять минут намарает, за художества эти органы наши любимые его, бедолагу, двадцать лет на Колыме топили.

Понимая, что неспроста Боряня щеголяет в шелковой рубашке, надухманенной французскими духами, Олег спросил: — Дороговато ломит?

— Обижаешь, дружок, пару пузырей водовки бери и после обеда, я думаю, вспрыснем умелые руки Чирка.

Вечно молодой для лагерной шпаны пятидесятилетний Вадька заперся в темной клетушке, которую он уважительно именовал фотолабораторией и всего через час, задрав очки на покрытый испариной морщинистый лоб, помахивая перед седеющей волосатой грудью зеленой книжицей и явно гордясь проделанной работой, высокопарно произнес: — Вы желали три года, я сделал вам пять. Правда, все автослесарем, но зато на

одном предприятии, надеюсь, вы не летун? Теперь любой начальник отдела кадров просто обязан вцепиться в такого ценного труженика.

Чирок оказался прав. Прочитав объявление в «Рекламе», Святой абсолютно без всяких проблем устроился шоферить в автохозяйство городского Управления торговли. Прохладным осенним утром, спеша на работу, он прикидывал, подталкиваемый в спину жестким ветерком: «Вот, балда осиновая, когда принимали, на радостях даже не поинтересовался насчет зарплаты, и машину какую дадут. Да, в общем-то, и черт с ними, главное, житуха человечья начинается».

Возле открытых ворот гаража, натянув на самые брови ондатровую кепку, караулил кого-то начальник колонны.

— Мешков? — наконец, увидел он, пытавшегося незаметно проскочить мимо него в помещение бокса, разбитного парня лет тридцати с огромным фингалом под глазом, — пил вчера?

— Нет, — отворачивая синюшную морду в сторону, сглотнул тот горькую слюну.

— Ну-ка, дыхни.

— Может, не надо, Анатолий Иваныч?

— Давай-давай.

— Дело ваше.

Мешков дыхнул. Начальник колонны блевал яичницей, которую приготовила ему на завтрак старшая дочь, а собравшаяся вокруг шоферня сочувственно посматривала на Мешкова, понимая, что теперь-то его уволят точно.

— Какой гадости ты вчера нажрался?

— «Вермут» возили, ну и расслабились немножко после трудового дня. Больше не буду, Иваныч.

— Поздно, Мешков. Последнее китайское предупреждение получал? Получал. Иконников, подь сюды, найди механика и принимай машину Мешкова. Завтра с утра на линию, понятно? А ты пиши заявление, так и быть, уволю тебя по собственному желанию, это все, что я могу для тебя сделать.

Всего несколько дней понадобилось Олегу, чтобы понять в каком колесе ему теперь предстоит вращаться. Воровство и выпивка для автохозяйства были явлением обычным, так что он безболезненно легко нашел со всеми общий языки, хотя не злоупотреблял спиртным, быстро влился в жизнь коллектива. Машинешка, правда, чем-то смахивающая на своего прежнего хозяина, была не ахти, но, повалявшись под ней на масляном, бетонном полу с недельку и потом столько же на больничной койке с застуженной поясницей, Святой отшаманил свой грузовик так, что он стал выглядеть не хуже других.

Дни превращались в недели, потом в месяца. Решив чувствовать себя более свободно и независимо, а заодно не докучать родителям Олега, у которых они жили последнее время, молодожены за умеренную плату сняли однокомнатную квартиру в деревянной двухэтажке на втором этаже, в которой жила Ленина мать. И, ближе к Новому году, перекочевали на новое место жительства. Лена оказалась хорошей хозяйкой. В квартире всегда было чисто, тепло и уютно, так что Святого после работы постоянно тянуло домой. Длинные зимние вечера он проводил с женой и с удовольствием замечал, что семейным человеком быть ему нравится. Олег неплохо зарабатывал и ко всему еще регулярно подворовывал, поэтому денег на безбедное житье вполне хватало. За домашними хлопотами и трудовыми буднями время летело незаметно.

***

На широких перилах кособокой беседки, стоящей напротив подъезда дома, в котором жил Святой, дымил в голубое небо, глубоко затягиваясь «Примой» невысокого роста с черным ежиком волос на квадратной голове средних лет парень. Середина мая мягким ветерком наносила на него клейкий запах лопнувших почек тополей и одной хрупкой березки, недавно посаженной Олегом в честь еще не родившегося ребенка. Щербато скалясь черной кошке, скрадывающей беззаботно терзавших хлебную корку воробьев, Дымок соображал: «Садиться весной — дело, конечно, паршивое, а вот освобождаться — ништяк. Одежки теплой не надобно, бухому под любой куст завалиться можно, не замерзнешь, а главное, девочки — мармулеточки прелести свои не прячут». Стрельнув окурком сигареты, он попал кошке точно в ухо и спас чью-то пернатую шею от острых зубов желтоглазой охотницы. На человека, вылезшего из остановившегося такси, Серега почти не обратил внимания. Сверкая золотыми коронками, тот небрежно бросил водителю несколько смятых купюр, вытащенных из внутреннего кармана вельветонового костюма.

— Сдачи не надо.

Этого голоса Дымок не слышал давненько.

— Святой!

— Серега! Привет, бродяга! Откуда ты взялся? Я думал тебе еще лет пять париться! В Оловянной базар ходил, что ты в Нерчинске менту в бочину штырь всадил?

— Было дело, но он заяву на меня катать не стал, поэтому и не крутанули. Я в карцере этому рогомету через глазок в рыло плюнул, а он за это мне дубинкой ключицу перешиб. Я одыбал, щепку от нар отломил. Заострил ее стекляшкой, выбитой из решки и, когда пятнадцать суток кончились, меня в зону выгонять стали, как раз его смена была, я ему и впорол. Теперь без селезенки, сука, живет, а я откинулся три дня назад. Подогрел приятелей, кое по каким адресам по их просьбе побегал, а вчера к твоим старикам заехал. Они мне подсказали, где ты живешь. Покажешь берлогу своего счастья?

— Шлепай за мной. Вот ключи от хаты, а я к теще на минутку забегу. Ленка просила.

В короткой вольной жизни Сереги еще никогда не было ни собственной квартиры, ни тем более жены. Он погладил мозолистыми руками висевший над детской кроваткой пушистый

ковер, потер под носом, судя по надписи на хрустальном флакончике, лежащем на трюмо какими-то ненашенскими духами и, выйдя в чисто выбеленную тесноватую даже для двоих человек кухоньку, воткнул в розетку шнур электрочайника. Когда хлопнула входная дверь за пришедшим Олегом, Дымок вовсю чаевал.

— Родичи говорят, что ты вроде как человеком стал, на шофера выучился и даже жениться успел? Кстати, где твоя половина и что там, в комнате, за качалка? Ребятенка, что ли, успел стругануть?

— Двоих.

— В натуре?! — чуть не подавился куском колбасы Серега.

— Шучу-шучу, — постучал его по горбушке Святой — один у моей звезды уже был, от первого брака, а вот ентого я сам сделал.

— А где он?

— Я из роддома сейчас прикатил. Ленку увозил. Она, душа моя, днев этак через десять должна родить мне малюсенького мальчонку.

— Так это неотвратимо надвигающееся событие необходимо вспрыснуть? — оживился Дымок.

— У меня сегодня как раз отгул, так что бросай свой обкусанный бутыльброд и сполосни-ка, урод, шею, да рубашку свежую, выбери, а то нас ни в один приличный кабак не пустят.

Излюбленное кафе Олега Сереге понравилось сразу. Как и всегда, получив пятерочку, вежливый швейцар дядя Вася, кивая сизой сливой носа, приветливо распахнул перед приятелями резные створки дверей, горящего свечами полутемного зала.

— Настена, привет! Устрой-ка нас, красивая, поудобнее.

Та, сразу бросив обслуживать завозмущавшихся девчонок, кивнула Святому на угловой столик с табличкой «заказан» и убежала на кухню.

— Ни че ты, волк, тут притерся. Халдей в пояс тебе поклонился, и эта трясогузка упорхнула, даже не спросив, что наше сиятельство откушать соизволит.

— Уважает, капуста. В прошлом году я ее колечко рыжее с брюликом нагрел. Смотри, летит, как молния.

— Олежка, как всегда, коньяк с лимончиком, чай свежий уже заваривают. Через полчаса принесу, еще что понадобится, позовешь.

— Если за мной так ухаживать будешь, женюсь, — нежно погладил ее Дымок по выпирающей из-под короткой юбчонки заднице.

— Поздно, — грустно вздохнула она.

— Жаль.

— И не говори, — согласилась с ним официантка — ну, ладно, мальчики, пойду вон тех мартышек ублажать.

— Хороша, чертовка, я как за седло ее поймал, чуть в штаны не наделал, но, как говорится, еще не вечер — Серега вытащил из кармана полиэтиленовую пирамидку, в каждой ячейке которой покоились аккуратно обжатые со всех сторон пять ампул морфина.

— Вмажемся?

— Давно я беляшкой не кололся, пошли, — Святой поднялся с дивана.

В туалете никого не было. Они зашли в пустую кабинку, остро воняющую мочой, и, пока Олег разворачивал шприц, упакованный в широкий стерильный бинт, Дымок отламывал кончики ампул. Когда первая доза была готова, Святой выгнал из «телеги» на кончик иглы последний пузырек воздуха и весело мигнул приятелю.

— Сейчас полетишь в счастливое будущее.

Тот уже закатал рукав нейлоновой рубашки выше локтя и левой рукой передавил вены правой. Синие прожилки быстро разбухали. Привычным движением и без особого труда Олег сразу попал в вену.

— Там, — заверил его Серега, — гони с ветерком.

Святой взял контроль и когда густая, почти черная кровь брызнула в шприц, чуть быстрее обычного ввел Дымку морфий. Оставив присевшего на край унитаза приятеля, он вышел из кабинки, и открыл в умывальнике воду.

— Зря полощешь его сырой водой, тебя обязательно тряхнет, — вяло предупредил Серегин голос.

— Пусть затрясет хоть до смерти, двигай меня шустрее, не дай бог, кто-нибудь нас нахлобучит.

Десять минут спустя друзья вернулись в танцующий зал в прекрасном настроении. На столике их ждал парящий ароматом чай и ваза шоколадных конфет. Одну Дымок развернул и, сунув в рот, скатал в шарик цветную обертку с «Мишкой на Севере».

— Бывали мы и там, лес валили. Скоро, наверное, опять туда же погонят лапти сушить, а ты, Олега, наглухо завязал государство обкрадывать или как?

— Не все, конечно, складывается так, как хотелось бы, но, по-моему, в кандалы я больше не закуюсь.

— Зачем женился-то, ведь был сам себе хозяин, свободен?

— Свободен — значит, одинок, хотя, вынужден признать, что семья принесла мне не только радость, но и обстоятельства, которые стали сильнее меня. Замнем, Серега, базар длинный

получится и порожняковый. Пока твою задубелую шкуру не проткнет стрела Амура, все равно ты меня не поймешь.

Перед закрытием «Встречи» Святой, как всегда щедро забашлял официантке и приятели вышли под сереющее небо, безбрежно раскинувшееся над городом.

— Ладно, Сережка, разбежимся. Я Ленку навещу, — Олег кивнул на стоящий через дорогу роддом — где я живу и работаю, знаешь.

— Забегай.

Они обнялись.

— Жена родит, загуляем?

— Обязательно. Обмыть копытца — святое дело.

«Святой изменился немного внешне», — курил Дымок, поднимаясь вверх по улице. «Приоделся, семьей обзавелся, зубы золотые вставил. Женился же», — удивлялся Серега. «Видимо, точно влюбился, интересно будет на его Лену посмотреть». Вдруг его мысли оборвала музыка, доносившаяся из полуоткрытого окошка обитого дранкой одноэтажного бревенчатого домика. Природное любопытство подтолкнуло его к игравшим ночным сквозняком тюлевым занавескам. Под низким потолком комнаты, заливая оранжевым светом тряпичного абажура, горел ночник, под которым прямо на голом полу неудобно подломив под себя руки, храпел, видимо крепко газанувший парняга килограмм под сто. Склонившаяся над ним девушка прикрыла скрюченное тело верблюжьим одеялом и выпрямилась. У Дымка свело скулы. Как завороженный он впился в огромные глаза незнакомки, которая, не чувствуя, что из темноты ее рассматривает треснувшее сердце Сереги, скинула байковый халат и, взяв с полки журнал, содержимое которого ее не интересовало, прилегла на заправленную кровать, разметав распущенную косу сразу на две подушки. Вот так неожиданно судьба врезала Дымку ниже пояса, и он понял, что никуда без этой красотки отсюда не уйдет.

— Девушка, помогите, пожалуйста!

Схватив валявшийся в ногах халатик, она в одной комбинации и даже не надев тапочки, кинулась на голос. Перегнувшись через подоконник, Серега поймал ее за осиную талию, и вытащил на улицу.

— Не шуми, русалка, сейчас все поймешь, — и понес ее на руках от сотрясавшего комнату храпа.

Девушка и не думала пугаться. Забросив длинные волосы на грудь, она доверчиво обняла крепкую шею Дымка, и уткнулась в нее теплым носиком.

— Как я теперь назад вернусь?

— Обратной дороги нет, — рассмеялся Серега.

— Жить теперь будешь у меня. Про любовь с первого взгляда что-нибудь слышала? Вот такая штуковина несколько минут назад со мной и произошла.

— Я из одежды ничего с собой не взяла.

— Вот и хорошо, дома постоянно сидеть будешь, я ревнивый, как Отелло. Шучу, красивая, шучу. Не зима на дворе, перетопчемся, а к осени ты у меня как куколка будешь. Мужа любишь?

— Не муж он мне. Отец с мамой на Украине живут, а я в конце апреля к подружке сюда приехала. В общежитии с ней две недели прожила, а позавчера ее машиной сбило, насмерть. Меня в тот же день с общаги выселили. Денег на обратную дорогу домой добраться нет, а это — брат моей теперь уже бывшей подруги. Видит, деваться мне некуда, вот так я в его дом и попала. Меня Любой звать, а тебя?

— Серега.

В это время Олег взобрался по пожарной лестнице на второй этаж здания и, опираясь носками туфель на узкий карниз под окном палаты, в которой лежала жена, спрятал лицо в сноп ее русых волос и, вдыхая родной запах любимой женщины, улыбаясь, слушал в пол-уха радостные упреки.

— Сумасшедший, ему на работу рано вставать, а он среди ночи в гости заявился, в обед ведь виделись.

— Не ворчи, а то уйду.

— Куда ты от меня денешься?

***

В восемь утра возле проходной, из широченных металлических ворот, одна за одной, глухо кашляя непрогретыми моторами, выкатывались на свежеумытые мостовые города грузовики, посматривая наснятые вчера со случайно забуханного прохожего «котлы», Олега караулил Дымок.

— Здорово, Святой, долго спишь.

— Привет, брат лихой. Мы с девяти пашем, я сбегаю, путевку на линию возьму и врача пройду, а потом машину из гаража выгоню. Покури пока здесь, на территорию тебя все равно не пропустят.

— Не торопись, базар есть.

— Серьезный?

— Понимаешь, четыре дня назад хату подломил. Девчонку красивую украл, она уже пятые сутки у меня тарится. Я ей начесал, что работаю и неплохо получаю. Теперь нужно где-то

денег вырулить, а тут как раз место удобное есть. «УАЗик» там нулевый стоит и ждет, кто бы его свистнул, а здесь на его радость мы подвернулись. Дело плевое, — старяясь, как можно убедительнее напевал Серега, щуря свои и без того узкие зеленые глаза — ну, что скажешь другу старинному?

Дымок знал куда бить. Облокотившись на белую стену силикатного кирпича, из которого было выстроено административное здание автохозяйства, Олег что-то обдумывал, молчал.

— Филки позарез нужны — Серега резанул себя по шее ребром ладони — у нее предки на Украине живут. Нужно к ним слетать, познакомиться.

Святой понимающе боднул Дымка в грудину.

— Считай, что уговорил, черт красноречивый. Вертанем, раз такое дело.

— Ништяк, — повеселел Серега, — я соображаю, тянуть не стоит. Завтра как раз суббота, так что если мы его сегодня ночью подрежем, то следующие два дня машины никто не хватится.

— Наверное, надо сначала покупателей найти?

— Кому толкнуть, я уже надыбал, — успокоил приятеля Дымок, — инструмент для работы приготовил. Отпашешь и вали домой, а я часиков в двенадцать к тебе заеду, годяво?

— Только без кипиша, если теща устригет, что меня ночью дома не будет, то обязательно Ленке доложит, а жену, как ты сам понимаешь, в таком положении, мне волновать нельзя.

В обеденный перерыв, запарковав грузовики в неположенном, с точки зрения гаишников, месте, Олег сбегал на рынок и выбрал у выстроившихся в длинный ряд длинноносых гостей юга колючий букет розовых роз: «Это лапушке моей, подслащу, на всякий случай, горькую пилюлю, которая ее ожидает, если меня, подлого, на деле заметут».

Открутив, как и положено, баранку до шести, он на дежурке, развозившей шоферню по домам, добрался до роддома и, перебежав через дорогу, по той же пожарной лестнице, взлетел наверх. У раскрытого, крашенного белой эмалью окна, мечтала о чем-то жена.

— Девушка, вы случайно не меня ждете?

— Ой! Напугал, бешеный! — Святому тут же достался поцелуй в подставленную щеку.

— Это мне? — радостно всплеснула она руками.

— Тебе, ласточка жизни моей горькой.

— Спасибо, Олежка, дорогие, наверное?

— Заказ помнишь?

— Какой? — вспоминая, сморщила носик Лена.

— Па-ца-на, — раздельно произнес Святой.

— Выполняй просьбу мужа, — рассмеялись девчонки, переставшие пить чай — судя по цветам, жить потом будешь, как у Христа за пазухой.

— Дома ночуешь?

— Конечно, Леночка, только Максим у твоей матери, ничего?

— Да, пока я не выпишусь, пусть у нее живет.

— Ну, ладно, милая, я рвану. Родителей проведаю, и Эдька меня срочно заказывал.

— Ночуй дома!

— Приказ понял, но для этого тебе придется поцеловать меня, как можно крепче и не в щечку.

Поужинав горячими тещиными щами, Олег спустился к себе и, переодевшись в черное трико и такого же цвета футболку, достал из упакованных в целлофановом мешке зимних сапог жены резиновые медицинские перчатки. «Чтоб не делать отпечатков», — попробовал он натянуть одну из них на руку. «Видимо, не насиделся ты еще, ублюдок. Нары в местах не столь отдаленных скучают, бедные, по твоей синей шкуре. Или по жизни поганой меня прет так, что не остановишь». Чтобы не замарать чистую постель, Святой лег на палас и, подложив под голову огромного плюшевого зайца, смежил веки. «Пора, конечно, с этого чертового колеса вываливаться, но, с другой стороны, надо Сереге помочь, не одну пайку черного хлеба мы с ним сожрали». Под истошный визг голопузой ребятни, поливающей друг друга ледяными брызгами водопровода, Олег незаметно для себя прикорнул. Разбудил его страшный стук в дверь. Слепо шаря в темноте руками, он торопливо пошел ее отпирать.

— Вот мудила, по седлу захотел? Не дай бог, Ленкина мать рюхнулась, — один воровать пойдешь.

— Ты дрыхнешь, из пушки не достреляешься, — оправдывался Дымок, — подбираясь к холодильнику — собирайся.

— Я на стреме, — зашнуровал кроссовки Святой.

— Тогда валим, — Серега жадно рвал зубами толстый шмат колбасы, смазанный майонезом.

На удивление теплая, безлунно темная воровская ночь, затянувшая мглистым покрывалом облаков Большую Медведицу, больно кольнула Олега в сердце.

— Что с тобой?

— Все пучком…

Так оно и было. Болтаясь головой вниз, и получая ощутимые шлепки по скользкой попке, только что родившийся ребенок, наконец-то, разорался.

— Мальчик или девочка?

— Как муж и просил, мальчонка, — промокая ватным тампоном, крупные капли пота со счастливого лица роженицы, ответила немолодая уже акушерка.

— Горластый, наверное, в папашу. Слышит он сейчас его, интересно, или нет?

— Тетя Даша, время сколько?

— Полночь, Леночка, ровно полночь.

Башенные часы железнодорожного вокзала, до которого только что добрались приятели, высвечивали фосфорическими стрелками пятнадцать минут первого.

— Не рано?

— Красть никогда не рано.

— Но и не поздно.

— Точно, — хмыкнул Дымок.

— Кандыбай за мной чуть сзади, все равно не знаешь, куда идти.

— Далековато?

— Да нет, тут рядышком.

Отшагав четыре квартала, подельники присели в палисаднике школы на узкую скамью, усыпанную белыми лепестками черемухи. За невысоким кирпичным забором, отделяющим учебное заведение от здания областной прокуратуры, возвышались крытые рубероидом крыши гаражей. Прикинув, где придется работать, Святой покосился на приятеля, прятавшего в кулаке светлячок сигареты.

— Много боли пришлось мне в жизни вытерпеть, но подвешенным за собственные яйца я еще не раскачивался.

— Думаешь, мы наглеем?

— А ты, видимо, наоборот?

— Да, в общем-то, нет, но дельце, согласись, веселое.

«Веселее некуда», — Олег первым перелез через ограду и, вытирая о штаны руки, настороженно прислушался.

Дымок уже возился у обитых жестью ворот гаража.

— Ну, че, погнали?

После согласного кивка подельника, оглашая неосвещенный двор прокуратуры, вгрызаясь в металлическую дужку навесного замка, противно завизжала пилка.

«Страшно, что ли?» — слизнул с верхней губы соленую росинку пота Серега. «Хочешь быть богатым и здоровым? Хочешь. Значит, не трясись, сука». Когда с перепиленной шеей тяжелую «собаку» он, наконец, бросил на дно спортивной сумки, одежду было — хоть выжимай.

— Святой? — шепнул Дымок в оглушающую его темень —

рули сюда, все на мази.

«УАЗик» подпирала «Волга», дверца которой была не заперта. Олег включил фонарик и нырнул головой под руль, намереваясь завести машину, замкнув между собой два провода. Неожиданно тонкий луч выхватил из темноты покачивающийся незамысловатый брелок на торчавшем в замке зажигания ключе: «Если счастье лезет в жопу, не отталкивай ногой».

— Что ты там бормочешь?

— Иди, говорю, в «УАЗик», дыбани — ключ зажигания на месте? Быстрее, чучело.

— Тута, — буквально через секунду ответил бесшумно исчезнувший подельник.

— Слушай сюда. Сейчас я раскрою ворота и как только заведу «волжанку», пускай дым своей кастрюле. Понял?

— Ага.

— Выскочу, сразу выгоняй «УАЗик». Пока я «Волгу» назад ставить буду, запахнешь ворота.

— Усек.

Пару минут спустя на входных дверях гаража болтался замок, предусмотрительно купленный Серегой еще утром. Как ни странно, но территория гаражей не имела ворот и даже проходной вообще, надеясь, наверное, на то, что ни один ворюга не посмеет сюда сунуться, и Святой беспрепятственно вывел машину под матовый свет уличных фонарей.

— Все, Олега, топи!

— Тише едешь, дальше будешь, — затормозил он на красном сигнале светофора.

— Ты че, в натуре? Никого ведь вокруг нет, жги!

— Не психуй ты, урод. Дай за город спокойно выбраться. Куда хоть едем?

— На север Бурятии, озеро Арахлей знаешь где? Ориентируйся пока на него.

Спокойно-размеренная получасовая езда под ненавязчивую мелодию магнитолы все-таки вывела Дымка из равновесия.

— Пусти меня, волчара, за баранку, ползем, как черепаха!

— Через два километра последний пост ГАИ. После него и сядешь, может, за руль, а может, в тюряжку. Все, родной, рот закрой и моли всевышнего, чтобы протащил нас мимо вон той будочки, видишь?

Святой сбросил скорость и переключил фары с дальнего на ближний свет.

— Господи, помоги прорваться, — Серега перекрестился, — ведь на это злодеяние меня толкнула, уверяю тебя, только любовь.

Закончив слезное обращение к господу, он пощупал свои яйца, и довольно усмехнулся:

— Мои, по ходу, меньше твоих.

Под заглушающий рев двигателя хохот, подельники проехали мимо милицейского «жигуленка», в котором кемарили трое гаишников.

— Может, документы проверить? — попытался вылезти один.

— Не рыпайся, сынок, — поймал его за рукав кителя тот, что был постарше — видишь, номера прокурорские…

— Дымок, вот я атеист конченный, а ты, в натуре, в бога веришь?

— Верю, но живот все-таки крутануло, а поэтому сворачивай в ближайшие елочки, а то весь салон задрищу так, что после этого тачку нашу никто не купит.

Ткнув «УАЗ» капотом в мокрые хрусталики росы цветущего багула, Олег опустил затекшие ноги на серую от хвои землю и с хрустом потянулся. Начинало светать. Невидимая за низко висящим туманом кукушка, пророчила всему живому долгих лет жизни.

— Любуешься? — вернулся к машине похудевший килограмм на пять, Серега.

— Красиво, вот только туман слишком плотный. Придется дальше поосторожней пылить.

— Тише не получится. Нам в Романовке через реку переправляться, так что к парому желательно первыми надо поспеть. Кто-то за руль обещался меня пустить?

— Падай, но шары на лоб не закатывай.

— Все будет в лучшем виде, — успокоил приятеля Дымок и сорвал «УАЗик» с места — твой красивый труп я в любом случае назад в Читу привезу, а если нервишки пошаливают от быстрой езды, лечи, — разглагольствовал он, напрочь забыв про обдристанный только что муравейник.

На сегодня чудеса, кажется, кончились — у переправы их ждала длинная очередь грузовиков.

— Вот блядство, — матюгнулся Серега, — меньше сотни не шел. Друга ненаглядного чуть на тот свет не отправил и все равно опоздал.

Он воткнул первую передачу и, объехав бесконечно вытянувшуюся вдоль берега вереницу машин, встал первым.

От фургонистых «КАМАЗов» с прицепами к блестевшему в первых лучах солнца свежей зеленью краски «УАЗику» двинулись несколько человек, а из седых клочьев тумана, чихая дизелем и, перекатывая по палубе волны, показалась громадина парома.

— Вы почему без очереди воткнулись? — с недовольным

видом загалдели подошедшие, — отваливайте, а то коросту вашу вниз по течению пустим. Здесь уже действует закон тайги.

Дымок бывал здесь раньше и знал, что шофера нередко браконьерничают на реке.

— Рыбнадзор, — ответил он, прикуривая сигарету, — еще вопросы есть?

Реакция после Серегиных слов была именно такой, как он и ожидал. Лица водителей, обветренные легким майским загаром, поплыли в улыбках.

— Ну, раз такое дело, то, конечно, — стали подхалимничать они, — может, горючки подкинуть? Или водочки по госцене, тушенку везем, сгущенку?

— Спасибо, ребята, — остановил их Святой — взяток не берем, а остальное у нас есть.

Переправившись через другой берег, Дымок осторожно съехал с дощатого парома и, через несколько минут, за открытой форточкой машины опять с бешеной скоростью замелькали придорожные сосны. Уставший спорить с подельником Олег задумчиво тер виски. Заметив его удрученное состояние, Серега немного всполошился.

— Что, быстро едем?

— Да нет, мне кажется, что мы слишком низко летим.

— Не обращай внимания, — стал оправдываться Серега — на спидометр дыбани, сто двадцать, а ее, кобылу, таскает по трассе, как проститутку, я же не виноват и назад сегодня же рассчитываю вернуться?

— Тогда полетели. Только помни, что лайбу мы вертанули не для того, чтобы угробить.

Покупатель, вертлявый, мордастый бурят лет сорока пяти, живший в добротной, из свежеошкуренных лиственниц хате, прямо из ящика кухонного стола вытряс на затоптанный сапогами ковер ворох разноцветных купюр и отстегнул подельникам четыре тысячи.

— Богатенький ты Буратино, — запивая парным молоком здоровенный ломоть ржаного хлеба, пошутил Дымок — во Францию, наверное, каждый год с семьей путешествуешь?

— Ты что? Откуда мне такие бабки взять!

— Не прибедняйся, старый лис, подкинул бы по старой дружбе пару тысяч?

— Без документов, однако, машина, и так хорошо заплатил.

— Уговорил. До Романовки, Батоха, нас кинешь, а там мы на попутках до Читы доберемся.

Солнце уже спрятало нижний краешек золотого диска за

усеянную разлапистыми елями острую макушку одной из сопок, когда приятели, сойдя с парома, набивая кроссовки песком, вскарабкались по крутому откосу берега и почти наткнулись на захлопнувший двери рейсовый автобус.

— Халя-баля, — пытаясь, обратить на себя внимание заорал Серега, размахивая над головой сиреневым четвертаком, словно флагом на первомайской демонстрации. Укутавшись клубами пыли, набиравший скорость «ЛАЗ» резко затормозил и подождал запыхавшихся от быстрого бега подельников. Синей от наколок пятерней шофер спрятал денежку под солнцезащитный козырек и высветил, кажется, все тридцать два зуба.

— Голосишь, как потерпевший, я уж грешным делом подумал, не случилось ли что?

— Угадал, братила, — Дымок подмигнул Олегу — вот этому брюнету жена сына родила. Как назвал-то?

— Игорешкой, — как о давно решенном ответил Святой.

— Нарежемся сегодня, как собаки. К десяти до города докатим?

— Успеем, — протер грязной тряпкой, от которой лобовое стекло стало ничуть не чище, водитель.

К автовокзалу автобус прибыл по расписанию. Друзья тут же пересели в пустующие на стоянке такси и первым делом газанули в роддом. Понимая, что находится в не очень приглядном виде, но зато с полным карманом денег, Олег бросил в знакомое окно камушек.

— Лену позовите, — попросил он выглянувшую из-за белых занавесок с марлевой повязкой на лице девушку.

— Потерпи минутку, — крикнула она в форточку, — я ребенка кормлю.

— Не понял? — замерла душа Святого.

— Что тут непонятного. Ленка русским языком тебе, остолопу, сказала, что кормит ребятенка.

— Какого ребенка?

— Твоего, — скалился Серега.

— Иди ты в жопу!

— Благодарю за подсказку, — он понесся навстречу «скорой помощи», въезжающей в ограду.

— Выручай, родной! — Дымок без разрешения ошалевшего прыщавого шофера упал на переднее сиденье рядом с ним.

— Врубай мигалку и срочно к «Забайкалью».

Распугивая все встречное и поперечное движение транспорта, снующего по улицам верещащей сиреной, «Рафик» с красным крестом на боку подлетел к ресторану.

— Не вздумай улизнуть — Серега чесанул в крутящиеся

стеклянные двери и почти тут же вернулся — ведро есть?

— Резиновое, правда. Подойдет?

— Потянет, — с той же скоростью он снова исчез.

Полное ведро плескающего пеной шипящего шампанского, которое всю обратную дорогу Дымок держал на весу, везли осторожно. Расплатившись с прыщавым за скорость и устроенный переполох, Серега свистнул подельника, висящего на подоконнике второго этажа с охапкой наломанных веток сирени.

— Святой, обрывайся и стаканчик прихвати. Повод для сабантуя, как я понимаю, есть.

— Пить будешь? — испуганно погас зеленый родничок глаз.

— Как думаешь, Леночка, в этом веке в глобальном масштабе, конечно, какое самое главное событие посетило человечество?

— Война во Вьетнаме, наверное, а может, полет Гагарина в космос.

— Умничка, а это смешной мальчишка с красной морщинистой мордашкой — мое жизненное событие. Понимаешь?

— Наше, — поправила его жена.

— Вот за это я сейчас и врежу. Дымок, че припер?

— «Шампунь»!

— Почему не в пузырях?

— Официантка, курва, не дала — на этикетках плюхи ресторанные стоят.

Пахнущее резиной шампанское кончилось около трех часов ночи.

— Айда на «Бан», — пнул мягкое ведро Серега.

— Возьмем у барыг водовки, догонимся и на тачке до меня дунем. Любаню тебе светану, шикарная дама.

До вокзала было рукой подать. «Завтра выходной», — прикинул Олег — в зияющую пустотой квартиру его не тянуло.

— Пошли, — согласился он и через час, растормошив давно спавших домочадцев, Серега продолжил праздник души Святого.

— Мама, это Олега! Помнишь, я про него рассказывал? — выворачивал наизнанку холодильник Дымок. Ему сегодня жена наследника подарила, вот мы и загуляли. Завтра опохмелимся, а на следующий день мы с Любашей к ее родителям махнем.

— На какие шиши, интересно? — помогала накрывать на стол обрадованной новостью невестке опрятная и приятно полноватая Серегина мать.

— Кент в отпуск пошел, — начал врать Дымок, — а все причитающиеся ему за это денежки мне подогнал.

— Правда, что ли, Олежек?

— Да не жалей ты его. У него дома под кроватью печатный

станок спрятан, он, лиходей, день и ночь только тем и занимается, что «капусту» режет, — откупоривал зубами бутылки холодного пива Серега.

— Баламут ты, Сережка. Правда, хоть, что улетаешь?

— А че?

— Белье собрать надо? Надо, — стала загибать пальцы на руках мать — подарки куме отправить надо? Надо.

Заметив тоскливый взгляд Любы, которая ждала ответ Дымка куда сильнее его матери, Святой разрядил обстановку.

— Правда, тетя Лена, даю вам слово, но случится это, к сожалению, только послезавтра.

— Я тебе что, надоел? — удивился Серега.

— Мне-то ладно, а вот родителям пора от тебя отдохнуть.

— Сережка, где вчера шлялся? — села ему на колени Люба.

— Не поверишь, курочка моя, — уже набитым всякой всячиной ртом ответил он, — роман целый настрочить можно и даже нужно, Олега попросим, он башковитый, между делом как-нибудь черкнет. «Ночь на острие ножа», представляешь?

Угомонились сваленные водкой друганы почти в обед. Заблудившийся в квартире пахнущий мокрым асфальтом ветер, колыхал густые кудри Святого и наполовину свалившуюся с его распластанного по коже тела махровую простыню. Рядом постанывал в кошмарном сне Дымок. Стараясь не греметь посудой, на кухне прибирались тетя Лена и Люба.

— Олежка весь синий, наверное, тоже сидел, не знаешь?

— Не-е. Сережка говорил, что он в Афгане служил. Душманы его самолет подбили, и Олег без парашюта из горящего истребителя катапультировался. Упал, бедный, прямо на скалы и теперь этот синяк у него на всю жизнь остался.

— Какой синяк? У него мужик с копьем, сидящий на коне, во всю спину наколот.

— Правда?!

— Иди, сама посмотри, он без футболки спит. Да не бойся, их, басурманов, сейчас атомной бомбой не разбудишь.

***

— Красивый у тебя, Валюша, зять. Не пьет, не курит, слова матерного от него сроду не услышишь, — нахваливала Святого тещина соседка, вместе с ней развешивающая стираное белье на прочно натянутой проволоке треснувший от старости дворовых столбов, — всю ночь у него под окошком такси включенным счетчиком молотило, сразу видено, любит твою дочь. Смотри,

Валюша, — толкнула она ее эмалированным тазом, — никак едут!

Разгоняя купающихся в водопроводной луже голубей и мягко шурша по начинающему раскаляться асфальту шинами, к подъезду подкатила желтая «Волга» с черными шашечками на водительской дверке и из нее действительно показался Олег, бережно прижимавший к груди кружевной сверток одеяльца, перепоясанный широкой синей лентой.

— Любимая теща, внука принимай, — сверкая золотом коронок, передал он ей ребенка, — а я на работу смываюсь, отпустили только до обеда.

Поцеловав ямочку на щеке жены, Святой упал в тачку.

— Теперь до гаража Управления торговли и ты свободен.

— Олежка, переоденься!

— Некогда, Леночка.

— Близких друзей можешь вечером пригласить, я торт испеку.

— Друг у меня только один, — уже из тронувшейся машины крикнул Святой, — но тот, к нашему счастью, две недели назад со своей матрешкой на Черное море улетел.

Пропустив выезжающее с ограды такси, возле весело обсуждающих свои нелегкие проблемы женщин, остановился обшарпанный горбатый «Москвич», принесший от легкого на помине Дымка телеграмму и вместо торжественного ужина, Олег с напросившимся в город Максимом, до поздней ночи проторчал на центральном переговорном пункте. С затерянным в Украинской глубинке Лисичанском не соединяли очень долго и, когда Максимка заклевал носом в полированный столик зала ожидания, Святой подхватил парнишку на руки, и направился к выходу.

— Квитанция номер шестьдесят три, пройдите во вторую кабинку. Вас вызывает Лисичанск, — остановил его бодрый голос динамика.

«Вот сучка, пока пацана мне не заморила, не крикнула», — придерживая сладко причмокивающую голову старшего сына, повисшую на его плече, Олег зло сдернул с рычага телефона трубку и сразу заорал: — Ты бы, засранец, еще в пять утра меня с постели поднял…

— Гражданин, успокойтесь, вас все равно не слышат, — перебил его писклявый голосок телефонистки, после чего в перепонке уха треснул знакомый Серегин бас: — Алло! Как слышишь?!

— Не ори, мудила, Макса разбудишь.

— Понял, — не обращая внимания на просьбу приятеля, продолжал брызгать слюной, словно за ним гонится милиция, на

другом конце страны Дымок, — у меня все ништяк! Накладочка, правда, непредвиденная вышла, вследствие чего я без копейки остался.

— Ты что там, деньгами печи топишь? — удивился Святой.

— Хуже, у Любкиных родителей, оказывается, кроме нее еще девять детей на иждивении!

— Гордись, теща — героиня, прикидываешь? Не каждому такое счастье на голову сваливается, а только избранным, и то не каждый день.

— Горжусь, но с утра пораньше я этой прорве тележку колбасы закупаю, а через час они ее уже кончают. Надеюсь, теперь ты меня понимаешь? Филки, как будто пылесосом из карманов повытянуло. Выручай, братан! Пригони хоть рублей двести!

— Да не вой ты, как волк на луну, завтра телеграфом отправлю. Теперь тебе миллионы красть придется, чтобы такую армию прокормить.

— Смеешься, гад, а я не знаю, как отсюда вырваться.

— Ну, ладно, придурок, разбег. Прилетишь, сразу ко мне прись.

Тем временем, обеспокоенная долгим отсутствием мужа и сына, в наброшенной на плечи материнской шали, Лена караулила их в увитой хмелем беседке, но подошли они все равно незаметно.

— Извини нас, мать, что нехорошо все так получилось, — закружил ее Олег на руках — торт готов?

— Как будто он тебе нужен.

— Максим, рубать хочешь?

— Хочу.

— Беги к бабушке и тащи сюда, что они там для нас выпекли.

— Здесь будем кушать, — обрадовался сын, — темно же?

— Не боись, Кибальчиш, мимо рта не пронесем. Главное, на лестнице аккуратней, — крикнул ему уже вдогонку Святой — нормально все, Ленка?

— Раз вернулись живыми и здоровыми, значит, нормально!

Спустя три дня, громкий стук в окно разбудил Олега и напугал кормящую малыша Лену.

— Сколько время? — нехотя выполз он из-под покрывала.

— Два часа, — ответила жена, глянув на будильник, стоящий под вечно горящим торшером.

Прошлепав босыми ногами до входных дверей, Святой провернул в замочной скважине ключ.

— Привет! — накинулся на него Серега, — я прямо с аэропорта!

— Заткнись, а то я тебя придушу.

— За что? — немного обиделся он.

— Игорешка бай-бай делает, а ты окно вышибаешь.

— Извини, я же не в курсе, что ты его домой забрал. Чайник ставь, жрать охота.

— Вали на кухню, там разберешься, что к чему — Олег пошел умываться.

Горячий еще чайник, в воде которого Лена совсем недавно подогревала бутылочку с детским питанием, сразу зашумел. Вспоминая невзрачный прокопченный угольной сажей маленький шахтерский городок, Дымок стал, как обычно, причесывать: — Сады белые-белые, словно мукой посыпанные, грушами только поросят кормят. Дороги, как стрела. На «Икарусе» всего тридцать минут до моря летишь.

— По ходу, ты из страны чудес сорвался? — сел за стол Святой.

— Ты жуй, давай, шустрее только, а том не на работу раненько вставать.

— О кей, я почти набил требуху, — согласился подельник — где почивать прикажете?

— На раскладушке. Помягче нар, надеюсь?

— Без сомнения, спокойной ночи, братка. Отдохни путем, а то тебе целый день вкалывать, да потом еще целую ночь воровать.

— Опять?

— Так мне Любашке «капусты» нужно отправлять, ей ведь к любимому мужу надо на что-то добираться. Подмогнешь?

— Довод, конечно, веский, поэтому базара нет. Куда от тебя, демона, притыришься?

В автохозяйстве Серега был уже свой в доску. Пока Олег получал путевой лист в диспетчерской и мерил в кабинете врача давление, он долил в двигатель масла и подогнал грузовик к воротам.

— Выпуливайся, — разрешил ему с кустистыми седыми бровями механик.

— Куда двинем? — деловито поинтересовался Дымок у хлопнувшего дверкой с пассажирской стороны приятеля.

— Сначала на овощебазу, оттуда сорок мешков лука с картошкой заберем и потом все эти причиндалы в кооптorг, что по Новобульварной находится, утянем.

— Ясно море.

Гонять тачки Серега умел, но правил не знал совершенно и на железнодорожном переезде, махнув полосатым жезлом, машину прижал к обочине зеленый с виду сержант. Дымок выхватил из нагрудного кармана рубашки Святого кожаный

портмоне, в котором лежало водительское удостоверение друга и с радостной улыбкой на морде, вылез из-за руля шедшему навстречу гаишнику.

— С добрым утром, командир, что случилось?

— Переезд имеет право пересекать любой вид транспорта, но в одиночном порядке, вам это известно?

— Женюсь в субботу, начальник. Не порть настроение.

— Поздравляю, — на каменном лице не дрогнул ни один мускул, — но это не повод для нарушения правил, — и он, щелкнув компостером, сделал в талоне предупреждений первую, и пока единственную за год безупречной работы Олега, дырку.

Понимая, что накосопорил, груженный овощами грузовик к магазину Серега подогнал как надо. Пока благоухающие тройным одеколоном двое небритых мужиков в засаленных черных халатах, кряхтя, таскали в полуподвальное помещение кооторга увесистые мешки, Дымок успел позубоскалить с рыженькой продавщицей и заодно прошвырнуться по всем закоулкам торговой точки.

— Давай его долбанем? Инкассаторы забирают на выручку из этой гниющей помойки раз в неделю, я промацал.

— Предложение принято. Денег на билет твоей королеве в этой лавке должно хватить. Поехали ко мне, отобедаем, да Ленке заодно сказку расскажу, что, мол, машина барахлит, и я после работы останусь ее, кормилицу, ремонтировать, а то потеряет меня, ласточка.

— Шибко ее любишь?

— Жить не могу!

— А почему тогда обманываешь ее?

— Из-за тебя, скотина!

— Врешь, ты без воровства, как дурак без махорки. Шучу — разминая сигарету, чиркнул спичкой Дымок.

— Понимаю, что в наглую лучшего своего кента на Колыму устраиваю, но и под Северным сиянием люди живут — хлеб жуют, правда, без масла.

— И зубов у них нет, — добавил Святой.

— Почему?

— Цинга бушует в царстве айсбергов.

— Точно! — ухмыльнулся Серега — будем пить тогда кашу манную, че мы, держиморды какие, чтобы сало жрать?

Служебный вход в магазинчик, на котором болталась приличная «собака», находился с тыльной стороны аляпистой четырехэтажки, в отворенную форточку одиноко светившегося в ограде окна, радио пропикало час ночи.

— Ни души вроде, работаем?

— На стреме стой, я замок перехвачу, — Олег быстро надел перчатки и извлек из хозяйственной бездонной сумки пилку по железу. Смачно плюя под полотно, чтобы не визжало, через пятнадцать минут он бросил «собаку» в пустую деревянную бочку, валявшуюся рядом с крылечком, и спокойно пересек по-прежнему безлюдный двор.

— Ну, как?

— Ништяк, — вытирая со лба пот, сел на остывающую землю в зарослях акации Святой.

— Рвем тогда, че растележился?

— Минут двадцать перекурим, если менты не прилетят, то, значит, никто за нами не подсматривает.

То же окно пикнуло два и погасло. Подельники встали, пересекли бегом двадцать отделяющих их от грузных металлических дверей метров и с ходу дернули на себя заблестевшую нержавейкой ручку. На секунду, моргнув фонарем, Олег проверил — нет ли в косяках кнопок сигнализации, и бесшумно притворил за собой вход. Спустившийся первым по круто уходящей вниз лестнице, Дымок присвистнул.

— Вот это подарочек.

Перед ним была еще одна, обитая ржавыми листами жести, дверь, аж с двумя навесными замками.

— Серега, скоро рассветает, так что времени у нас в обрез. Тут недалеко кочегарка есть, дуй за ломом, а я пока здесь поковыряюсь, может, что придумаю.

Два раза приятелю повторять не пришлось, и он, словно привидение, растворился в дверном проеме. Смачивая слюной полотно, Святой немного подпилил дужку одной «собаки» и принялся за другую.

— Здоровы были, мужики! — поприветствовал чуть не подавившихся от неожиданности суховатым голландским сыром кочегаров вломившийся в котельную Дымок. Выдернув из кучи угля торчащий лом, он взвесил его на руке, — подойдет, — подмигнул Серега чумазым работягам — скоро верну.

— Кто это был?

— А шут его знает, наливай.

Эту дверь подельники взломали уже быстрее, сильно при этом, нашумев, и занялись поиском денег.

— На «хапок» работаем, Серый, нагремели, как молния в небе, кто бы из жильцов не рюхнулся — Олега рылся в допотопном раскачивающемся на кривых ножках столе, находившемся в кабинете заведующей. Накладные фактуры и ворох еще каких-то ненужных ему бумаг сваливал в одну кучу, в угол помещения, в надежде найти ключи от сейфа, закинутым

белым халатом рыжей хохотушки. По обостренным до предела нервам резанул страшный грохот в торговом зале. Святой схватил лежащую на ящике с яблоками выдергу и кинулся на шум. То, что творил Дымок, больше походило на разбой, чем на воровство. Все, что было на полках, он сметал на керамические плитки пола. Повсюду были разбросаны консервы и картошка.

— Ты тут чем, интересно, занимаешься?

— Филки ищу, — невозмутимо ответил Серега, — ты же сам сказал, что на «хапок» берем этот подвал, вот я и тороплюсь.

— А мне почудилось, что тебе магазин чем-то не понравился и ты решил его разрушить — заметив под весами связку ключей, Дымок бросил их подельнику, — ништяк все, че ты газуешь? Иди, суй лучше эти железяки во все дыры подряд.

Найденные Серегой ключи подошли к сейфу. Забрав из него целлофановый пакет, плотно набитый деньгами и набросав свою и найденную в подсобке сумку яблоками и шоколадом, приятели, пущенные, словно пращей, выпулились на свежий воздух двора.

— Дымок, пошли ко мне ночевать? Может, при тебе Ленка на меня сильно ворчать не будет?

— Как скажешь, — волоча обе сумки, пыхтел подельник, — меня дома все равно никто не ждет.

Резво перемахнули освещенную неоновыми лампами фонарей троллейбусных столбов дорогу.

— Слухай, Олега, пока масть хезает, может, ходом еще один сковырнем?

— Жадность фраера губит.

— Да не сейчас, завтра.

— Где он прячется?

— Вот это мне уже нравится. За городом, но такой красавчик, что тебя за уши от него не оттащишь.

— Уболтал, выпотрошим мы этого пижона, если сыщем, на чем до него добраться.

Через час, уминая плов, Святой, стараясь не смотреть в проницательные глаза жены, врал.

— Завтра, Ленуся, опять ночевать не буду. Калым подвалил, чучмекам яблоки с вагонов на рынок перевозим. Деньги они вперед уплатили, так что придется пахать до утра, наверное.

— Машину-то хоть починил?

— Нет, родная. На сломанной потихоньку полегоньку отработаю. Серега грузчиком подрядился, давай-ка, дружок, тугрики поделим.

Жующий Дымок проворно вытряхнул к ногам содержимое пакета и стал раскладывать деньги на две кучки.

— Это тебе, это мне, это опять тебе, а это снова мне. Пять

двести, значит, две тысячи шестьсот рублей падает в ваш семейный бюджет.

— Так много?! — не в первый уже раз за последнее время удивилась жена.

— Труженик, — похвалил Серега подельника, — старается.

— Заткнись, — посоветовал ему Олег.

— Слушаюсь, — тот старательно скреб ложкой по сковороде.

— Олежка, что с деньгами делать будем?

— Ты хозяйка, тебе виднее.

Утром, не выспавшийся, Святой взял ремонтную путевку. Постелив в кузове своего грузовика ватное одеяло, завалился спать, и растолкали его заранее предупрежденные слесаря только тогда, когда закончилась смена.

Без пятнадцати семь он уже звонил в обтянутую дерматином коричневую дверь Дымка. Тот, заспанный, но одетый и даже в кроссовках, молча впустил подельника в квартиру и ушел в ванну.

— Олега! Перекуси, пока я рыло в порядок привожу.

— Родичи где? — присел он на полочку для обуви.

— В гости укатили, у батиного напарника юбилей, серебряная свадьба, что ли.

— Тачку нашел?

— У старшего брата кое-как вымолил, ты же знаешь, какой он у нас правильный.

— «Капусты» своей красавице отправил?

— Утром еще, прямо от тебя на почту забежал и тысчонку ей угнал. Ты че не лопаешь? — выглянул он в прихожку.

— Не хочется, скажи лучше, куда путь держим?

— В Танху, деревушка небольшая, от Читы до нее полста километров по трассе шлепать.

— Знаю такую, если готов, бери сумарь с инструментом и айда.

Они вышли на лестничную площадку, и Серега запер дверь на три хитрющих английских замка.

— Крадем, к сожалению, в этом городе не мы одни, — резюмировал он — шагай за мной, сейчас покажу тебе чудо техники двадцатого века, шары на лоб вылезут.

Он почти угадал.

— Не машина, зверь, — озорно постучал кулаком по ржавому багажнику, дышащему третьями, «Запорожцу» Дымок — что скажешь?

— Да-а, — удрученно протянул Святой, — если нас менты прихватят на делюге, то на этом корыте мы от них, конечно, не уйдем.

— Попадаться нельзя, потому что эту чебурашку обязательно надо вернуть брательнику, а то у него случится разрыв сердца, и виновными в его безвременной кончине будем мы.

Переднего сиденья в этой каракатице не было, видимо, с самого рождения. Удобно устроившись сзади, Олег вытянул ноги.

— Погоняй!

Вырулив за город, Серега прибавил газу. Система охлаждения сразу забросала автолом двигатель, и тот вонюче задымил.

— Тормози, я поковыряюсь в потрохах этой калоши, а ты, если желание есть, можешь пока храпануть.

— Дело мастера боится, — балагурил наконец-то выспавшийся Дымок — надо же, женатый человек, не пьет, не курит, на государство хребет гнет, ворует. Тебя хоть в партию принимай.

Загнав машину в редкий придорожный ельник, он заглушил ее, и вырубил габариты.

— На моих двенадцать, — поднес Серега к циферблату наручных часов тлеющий огонек сигареты, — но в последний раз я был в этом распрекрасном месте много лет назад и, честно говоря, маненько подзабыл, где находится объект моей страсти. Поэтому предлагаю выдвигаться.

— Никак в толк не возьму, как такие хорошие родители произвели на свет божий такое дерьмо. Ты почему, собака, почти всегда мне врешь, я думал, тут все чики-брики, подломим и — на ход, а ты даже не знаешь, в какую сторону идти.

— Почему не знаю? Видишь, лампочка маячит, одна на всю деревню, это точно на сельсовете, а может на общественной бане, — добавил он, прихлопнув на щеке комара — но, по любому, магазин где-то рядышком притырился.

— Бери сумку и пошли, философ сраный, в следующий раз за такой зехер по горбу получишь.

Держа курс на мигающую лампочку и облаиваемые цепными псами, подельники, пропетляв минут сорок по укутанным влажно ночью улочкам спящей деревушки, выбрались прямо к сельмагу, над вывеской которого и раскачивал ветерок маяк для любителей легкой наживы. В заваленной пустой тарой и всяким хламьем ограде магазинчика сторожка отсутствовала, и это было уже неплохо.

— Работать будем вдвоем, — сориентировался Святой, и по приставленной к бревенчатому зданию лестнице приятели нырнули на чердак. Отгребли от кирпичной кладки печной трубы шлак и принялись ее разбирать, поминутно прислушиваясь к посторонним шорохам. Через полтора часа почти бесшумной возни, лаз в потолке был готов. Порядком измазанный Дымок,

опустил в него ноги, затем скрылась голова и прижавшись потной спиной к оштукатуренной печи, цепко держась за плаху потолочного перекрытия, он попытался в кромешной тьме нащупать кроссовками хоть какую-нибудь точку опоры. Неожиданно трухлявая доска треснула, и Серега вместе с ней приземлился в стеклянную витрину прилавка.

— Начало есть, — бросил вниз инструмент Олег, — конец будет.

На этот раз разбушлатившийся подельник удивил Святого еще больше. Он опять перевернул в торговом зале все вверх дном и вдобавок ко всему этому, сварганив из оберточной бумаги огромный факел, запалил его. С обжигающим лицо и руки пламенем самодельной свечи, Дымок носился среди рассыпанных по линолеумному полу кулей сахара и манной каши в поисках денег. Взламывая несгораемый шкаф в директорском кабинете, Олег учуял запах гари.

— Серый, кажется, горим! — крикнул он, вбегая в зал, где вовсю пиратничал приятель.

Свернув с горловины двухсотлитровой железной бочки пробку, он завалил ее на бок, и подставив цинковое ведро, предварительно вытряхнув из него помойную тряпку, которой уборщица каждый вечер убирала помещение, ждал чуда. Но вместо вина бочка плеснула ему на трико тягуче-толстой струей подсолнечного масла.

Увиденная картина шокировала Святого. Как это еще пожарная команда не приехала, представил он магазин с улицы, — ведь любой случайный прохожий, не говоря о стороже, может подумать, что внутри здания пожар.

— Дымок, ты что, сука, давно на каторге не был! — заорали лопнувшие нервы — все, выпуливаемся, не понимаю, как легавые нам еще лытки за спину не заворачивают.

Серега ткнул горящую бумагу в ведро с маслом и, опрокинув его в наступившей темноте, кинулся к печке, где заранее поставил друг на друга два телевизора, чтобы удобней было выбираться на крышу. Решетчатые окна без ставень, подсвечивая яркой луной, помогли Олегу нагрести полмешка шоколадных плиток. Он вытолкнул их в дыру и, подтянувшись на руках, выскользнул сам. У чердачного проема лестницы не было, потому что в эту слегка душноватую ночь от подельников ушла масть. Деревянная ступенька хрустнула под ногами Дымка, и теперь он со сбитым от удара дыханием валялся на куче ржавых обручей с рассохшихся кадушек из-под квашеной капусты. Святой кинул мешок и спрыгнув на землю, с трудом вырвал у ничего не соображающего от боли приятеля лестницу, которой он был

придавлен.

— Давай, чучело, рожай. Еще пять минут и нас тут накроют.

Пытаясь выдавить из себя хоть слово, тот подтолкнул Олега в сторону забора.

— Завязывай, дохлятина, никуда я без тебя отсюда не уйду. Если не хочешь, чтобы красота наша сгнила где-нибудь на лесоповале в Краслаге, подымайся.

Загибаться в таежных сугробах Красноярского края Сереге не хотелось, и, встав на карачки, он пополз к воротам, а час спустя облегченно скрючившись на задней седушке «запороги» и, подложив под свою дурную голову мешок с шоколадом, шуршал золотинками.

— «Сказки Пушкина», на, попробуй?

— Отстань, — напряженно всматривался в набегавшее на машину едва различимое в свете фары полотно дороги Святой.

— Ты че, обиделся?

— Да нет, ты что, я думал, наоборот, ты на меня дуешься за то, что я не дал тебе магазин сжечь.

Дымку было не до смеха, он и так понимал, из какой каши они только что юзанули и, развернув очередную шоколадку, произнес где-то вычитанную фразу.

— На то она и жизнь, чтобы в ней спотыкаться!

— Это точно, — подтвердил Олег. «Если в деревне щекотнулись, то должны позвонить в читинскую сельскую милицию, а значит, в любую секунду навстречу может показаться синий огонек вертящейся мигалки ментовского «УАЗика». Хорошо, что эти придурки всегда с шумом летают, замечу я их издалека.

— Не переживай, пронесет, — кажется, допер Серега, о чем гоняет подельник.

— Оказывается, в твоей жующей башке кое-какие мысли еще бродят.

— А как же, — отломил он кусочек от «Сказок» и сунул Святому в рот, — с недельку заходить к тебе на хату не буду.

— Че так?

— Теперь-то Ленка мне точно харю расцарапает.

— За что? — сверкнул зубами в зеркало заднего вида Олег.

— С понтом, не догадываешься?

— Нет.

— За то, что дома не ночуешь.

— Соображаешь.

За квартал от слабо светившихся в утренних сумерках окон квартиры, Святой заглушил «Запорожец».

— Ну, ладно, пират двадцатого века, словимся в моем гараже

или я к твоим родителям заеду.

— Шоколадок возьмешь? — пересел Дымок за руль.

— Ты что, родной, меня вместе с этим мешком жена на улицу вышвырнет. Она, по-моему, и так о чем-то догадывается.

— Дело твое, — он вывернул руль до отказа влево, желая с шиком развернуться почти на месте, и, воткнув вторую передачу, резко газанул, опустив педаль сцепления. Со страшным скрежетом металла об асфальт и звонка брызнувшим по сторонам лобовым стеклом, машина встала на крышу. Серега шустро протиснулся в образовавшуюся дыру и разорался на остолбеневшего приятеля.

— Помогай! Не видишь, в домах свет включают!

Надрываясь от хохота и тяжести горбатенького «Запорожца», они перевернули его на колеса.

— Братан, врубай первую скорость и очень тебя прошу, докати до хаты живым, а то Любаня прилетит, а родичи сына хоронят. Да и вообще, сам понимаешь, для одной ночи приключений многовато.

Исчезла с небосвода последняя звезда. Сидя грязными штанами на выбеленной вчера тещей завалинке, Олег жабрами чуял, что Ленка, как обычно, когда муж искал на жопу приключений, не сомкнула до утра глаз. «Что я, волк, потерял? Нюх, что ли? Пацана мне баба, как путнему, родила, работа нравится. Кружит вокруг да около нож острых ощущений, не напороться бы».

— Олежка, заходи давай, — в отворенную форточку позвала его жена, — ни днем, ни ночью тебя дома не бывает.

Не отвечая на Ленкины вопросы, выжатый, как лимон, Святой угрюмо ковырялся в яичнице, а тем временем старший брат Дымка, не веря глазам своим, с ужасом ощупывал мозолистыми руками природного пахаря свой исковерканный «Запорожец».

— Серега, что это?

— Тачка твоя, не узнаешь, что ли?

— Издеваешься, что я Наташке скажу?

— Не рыдай, толстопуз, отмажемся от твоей мегеры. В бане пока шкуру полоскал, эту букашку какая-то сука на бульдозере переехала. Купим, Андрюха, новую, «Волга» подойдет?

— Скотина ты, Серега, мы на дачу собрались, жена с детьми на узлах посиживает.

— Олега иногда тоже меня дразнит, а что там у тебя в канистре?

— Пиво.

— Брат называется, у него пива десять литров, а он помалкивает, давай сюда!

Присосавшегося к горлышку капроновой канистры Дымка, оторвала тормознувшееся у соседнего подъезда такси.

— Леха? Ты че прикатил?

— Не завтракал еще.

— Выручай, кентила, пока хаваешь, дай тачку. Андрюху на дачу утянуть?

— Полчаса хватит? — бросил тот на капот машины ключи зажигания.

— Одна нога здесь, другая там, — забожился Серега — ты же меня знаешь.

— Поливай.

— Благодарю, разлюбезный! Братан, падай, — и такси рвануло из-под себя тротуар.

Ровно тридцать минут ушло на то, чтобы утартать Андрюхино семейство на дачный участок. Рассматривая небритое лицо в прилепленное на приборной доске зеркальце, Дымок с удовлетворением отметил, что щетина ему даже идет. «Забегу-ка я к Олегу, узнаю, что у него творится. Леха похрястал, теперь ему не грех и покемарить».

Святой баюкал в коляске Игорешку, клюя носом от бессонно проведенной ночи, а Лена подметала щелистые доски крыльца, когда словно реактивный самолет, в ограду влетела белая «Волга». Обнажив в улыбке редкий ряд нижних прокуренных зубов, Серега, как ни в чем не бывало, высунув голову в опущенное стекло водительской дверцы, приветливо подмигнул жене приятеля.

— Здравствуй, Лена! Как поживаешь?

— Сейчас узнаешь, — прислонила она к стене веник и направилась к машине.

— Олега, дело есть, минут на пять, больше.

Получив пощечину, Дымок не сразу понял, что произошло.

— Ты озверела, что ли, я же говорю — на пять минут, — защищался он.

— Знаю я ваши пять минут, опять на сутки смоетесь!

Святой силой оттащил от машины сопротивляющуюся жену.

— Успокойся, лапонька. Никуда я не поеду, не устраивай соседям цирк. Он сел на лопнувшую от старости кожу сиденья, рядом с ошарашенным другом.

— Ты что, на место ее поставить не можешь? — потирал красную от оплеухи щеку Серега — несколько часов назад судьба-злодейка чуть хребтину мне не переломила, а сейчас жена единственного друга боксует мое рыло, как Мухаммед Али.

— Ты же обещал неделю не рисоваться.

— Было дело.

— Вот и не паникуй, что схлопотал по хлебальничку.

— Резонно, но не будь она твоей половиной, придушил бы.

— Успокойся, я, честное слово, и сам не ожидал, что Ленка так разбушуется. А если мы сейчас с тобой уедем, то она, красивая, не только дом снесет, но и весь околоток разрушит — Олег посмотрел в метавшие гром и молнии злющие глаза жены, жгущие через пыльное лобовое стекло.

— Вылазь! — приказала она мужу.

— Если скучаешь, ворюга, то в понедельник на работу ко мне проканаешь, — попрощался он с подельником.

Пиво разбередило раненую душу Дымка, и он дернул на железнодорожный вокзал. Запарковав меж рейсовых автобусов тачку, Серега побежал к частникам, которые торговали втридорога, но зато в любое время суток, водкой.

— Шеф! До Атамановки не подкинешь? — остановил его очкарик с туристическим, судя по размерам, рюкзаком.

«Не далеко, вообще-то, — решил Дымок, — да и по пути почти. Правда, немножко за городом, но Леха не должен обидеться, выручку ведь ему отдам».

— Прыгай в машину, она не заперта, а я огненной водицы у барыг прикуплю и мухой вернусь.

Курносый паренек не успел, как следует устроить свой огромный баул в салоне, а запыхавшийся шофер уже нетерпеливо пригазовывал.

— Ну, что, на взлет? — как заправский таксист, Серега врубил передачу — пристегнись на всякий случай и стекляшки с носа в карман убери, — не без оснований посоветовал он начинающему проявлять нервозность молоденькому пассажиру.

От неожиданно выскочившей из-за «Икарусов» «Волги» шарахнулся в сторону проезжавший мимо «Рафик», а куривший на стоянке пожилой водитель, естественно обратил внимание на странные фортели, выписывающего на дороге такси.

Боковым зрением Дымок тоже его устриг: «Неужели в парк сообщит, что за рулем не тот, кто должен находится», — прикидывал он, вжимая гашетку газа в резиновый полик, — может, пронесет?»

Словно молния мелькнули, мычащие на деревянных улочках окраины Читы, пятнистые буренки и Серега понял, что на этот раз не повезло. Из ментовского сине-белого «жигуленка», торчащего в тополях, резво вылез, не обратив внимания на свалившуюся с кудряшек головы фуражку, гаишник и требовательно поднял жезл.

— Привет, легавый, — чуть не сбив его, Дымок прошелестел мимо.

— Зря вы не остановились, теперь сотрудник милиции запишет номер вашей машины и в лучшем случае штраф вам обеспечен.

— Ты так думаешь?

— Конечно! Еще и выговор на работе влепят!

— Твои слова да Богу в уши, по-моему, канитель эта решкой пахнет.

На посту ГАИ в поселке Песчанка, за которым была Атамановка, такси встречали, раскатив поперек проезжей части «ежа».

— Врешь, меня так просто не возьмешь — заусило Серегу и, крутанув до упора баранку влево, он, лихо, тормознув, развернул почти на месте машину на сто восемьдесят градусов.

Задние скаты, швыряясь кусками наварной резины, буксанули растопленные выбоины асфальта и понесли «Волгу» в сторону города.

— Что происходит? — просипел посеревший пассажир — остановите, пожалуйста, я выйду.

Он с такой силой в тщедушном теле вцепился в ручку дверцы, что казалось, что еще чуть-чуть, и она оторвется.

— У меня в хате холодильник стоит в прихожей, а за ним, отгороженная фанерой, сидит коза. Они же любопытные твари и вот, когда я обуваюсь, она, дура, высовывает свою бородатую морду, а я ее бац ботинком по рогам и у нее становятся вот точно такие же, как у тебя сейчас, испуганные глаза. Не гундось, вундеркинд — выйдешь, если раньше, чем это случится, нас не прошьют автоматной очередью.

На встречную полосу выехал ментовский «УАЗик», но Дымок ни останавливаться, ни отворачивать не собирался, понимая, что хлопцы в милицейских мундирах запинают его до смерти. Он пошел в лобовую атаку. Прощаясь с жизнью, заткнув уши и крепко зажмурив глаза, выл очкарик. У сидящего за рулем старшины было трое детей и дрогнувшее сердце, в последнюю перед столкновением секунду, свалило машину в водосточную канаву.

«Хана! Теперь точно живым не сдамся».

Из «Жигулей», которые пытались тормознуть угонщика в Песчанке, видели, как кувыркнулся «УАЗик» и едва успели поставить свою машину поперек дороги, надеясь таким образом задержать бешеное такси. Удар пришелся в заднюю часть подставленной легковушки, размотав ее, как юлу на щербатом полотне проезжей части. «Волга», с лопнувшим вентилятором и расписанной от мелких осколков вдребезги расколовшегося ветрового стекла, кровью перекошенной Серегиной рожей,

вылетела на обочину и попала всеми четырьмя колесами точно в колею грунтовки, ведущей на дачи. Где-то совсем близко за спиной истошно верещали сирены.

— Они че, грибососы, всей областью меня ловят?

Свернув в лес, Дымок еще метров сто пятьдесят, как слаломист, увертывался от сосен, торкаясь бортами тачки о деревья и неожиданно ухнул в не очень глубокую дождевую промоину, заполненную месивом глины и тухлой воды, при этом сильно боднув подбородком оплетку эбонитовой баранки.

«Зашибись, хоть зубы теперь не вышибут» — он выплюнул их на капот и отчаянно газанул. Закипевший радиатор гулко выстрелил пробкой и заливаемый жидкостью двигатель мгновенно укутал все паром.

— Выметайся, конечная остановка — ткнул Серега локтем в бок обалдевшего от маневров вундеркинда.

— Что? — кажется, не понял тот.

— Бери, говорю, ноги в руки и чеши к мамочке. Догонят — убьют. Последние два слова очкарик воспринял буквально и рванул так, словно между ягодиц ему мазнули скипидаром.

«Во дает» — восхищенно мотал гудевшей башкой улепетывающий в противоположную сторону Дымок.

— Держи его! — и сбитому с ног пареньку, завернули ласты.

Серегу взяли попроще. Получив резиновой дубинкой по основанию черепа, он взбороздил лицом мох корявых корней могучей сосны и, успев прошепелявить кровавым ртом: «Я — пассажир», отрубился.

— Этому хватит — распорядился взопревший от преследования старлей, — может и правда, не виноват.

Как в синие от наколок запястья рук впились колючие браслеты, Дымок уже не чувствовал. В таком же виде запихали во чрево «воронка» и второго беглеца. На половине пути к отделению милиции, стреляющий глушитель старенького «ГАЗика», который мог бы поднять из могилы даже и покойника, вернул к действительности кайфовавшие в состоянии комы истоптанные души двух, случаем сведенных сегодня людей.

— Мне-то за что попало? — нацепил на распухший нос треснутые очки турист.

— Дело прошлое, мы ведь не успели познакомиться?

— Антон.

— Было бы за что, Антоха, убили бы вообще, — улыбался в темноте дребезжащей, металлом коробке Серега.

— Что нам теперь сделают, не знаете?

— Не выкай, сморчок, и не бзди. Разберутся и тебя выгонят, а вот мне вмонтируют по-хозяйски. Жаль, погужбаниться толком не

успел и жениться.

***

Взобравшись с ногами на диван, Олег лежа смотрел по телику «Футбольное обозрение». Привалившись теплым боком и расстелив у него на спине «Забайкальский рабочий», жена лузгала семечки, читая все статьи подряд.

— Да-а, не зря я твоему приятелю по морде дала.

— Ты что это вдруг вспомнила?

— Слушай, что про него в газете пишут — и через три минуты Святой уже знал о похождениях Сереги.

— Вот, урод паршивый, славы захотел. Дай, Ленка, я встану!

— Куда собираешься?

— Родителей его проведаю и узнаю заодно подробности.

— Ты что, нянька ему?! Сиди дома!

— Не ворчи, красивая, у медали жизненной еще и обратная сторона имеется, я с Дымком столько овсяной каши слопал, что любая коняга в обморок упадет, если про это узнает.

Святой быстро оделся и, выскочив из подъезда, успел поймать соседский «жигуленок».

— Толян, на Украинский бульвар гони, не спрашивай только ни о чем. На душе муторно.

Бряцая цепочкой двери, открыла зареванная Серегина мать.

— Здравствуйте, тетя Лена. Опять наш бандит в историю попал?

— Отец вторые сутки машины выправляет, которые Сережка угробил — вытирала она передником градом сыпавшиеся слезы.

— Где он сейчас находится, знаете?

— Вчера из центрального КПЗ в тюрьму перевели.

— А Люба?

В это время сильный порыв ветра, ворвавшийся в распахнутое окно зала, повалил стоящую на подоконнике голубую вазу с гладиолусами, а на серое полотно бетона взлетно-посадочной полосы Читинского аэропорта мягко упала серебристая птица «ТУ-134». Напрасно симпатичная хохлушка, привлекающая к себе похотливые рожи мужиков, прощупывала разношерстную толпу, запрудившую привокзальную площадь, в надежде поймать ответный взгляд своего баламута, никто ее не встречал. «Неужели телеграмма не дошла? Наверное, дома ждет» — успокаивая прыгающее под ситцевым платьем сердце — она села в свободное такси.

Потерявшая Дымка облезлая коза грустно блеяла за

холодильником.

— До свиданья, тетя Лена. Спасибо за чай и не терзайте себе душу из-за этого ишака. Передачу я ему завтра соберу и Любаня, как прилетит, пускай сразу меня отыщет.

С кухни было слышно, как с лестничной площадки в прихожку кто-то вошел.

— Это отец с работы — пошла встречать его жена, но она ошиблась. Это была пока еще не состоявшаяся невестка.

— Телеграмму получали?

— Была Любаша, была. Вот только встретить тебя оказалось некому.

— Почему?!

Это был уже не плачь, а истерика девушки, так неожиданно потерявшей свое счастье. Теперь торопиться было не куда. Олег налил себе полную кружку горячего ароматного чая и понимая, что женщины наревутся не скоро, смастерил бутерброд с ветчиной.

— Ты не спокойный, а каменный — спустя минут десять психовала на него подружка Дымка — Сережка избитый, холодный и голодный в тюрьме сидит, а тебе хоть бы хны. Делай что-нибудь!

— Не шуми. Отсидел я не меньше его и знаю, что от судьбы не убежишь, так что сопли на кулак не мотай и запомни, все, что ни делается, делается к лучшему. Не обижайся, если жестко сказано, утром заеду за тобой и к централу мотнем.

— Куда?

— К тюрьме. Мешок Сереге толкнем и подкричим, в какой он, бедолага, хате парится.

Этой промозглой ночью моросящей дождем на городской смог, не спал никто. Отец Дымка глотал валидол, его жена с Любой пекли булочки, которых Серега так и не наелся за свое короткое пребывание на воле, в квартире Святого тоже не гас до самого утра свет. Игорешка, мучаясь болями в животе, кричал так жалобно и тревожно, что даже Максим, подставив к кроватке стульчик, гладил братишку по пушистой головке, как будто это могло ему помочь.

— Как думаешь, Ленка, Дымок пассию свою любил?

— Тебе — то, какое дело? — чуть ревниво ответила она.

— Для меня важно. Если это просто мимолетный роман, то я не буду помогать ей материально, пока он парится, а если их связывает нечто большее, чем дружба, то совсем другое дело.

В половине девятого, приклеив путевой лист под кусочек магнита на ядовито зеленую панель грузовика, Олег прямо из

гаража поехал к Серегиному дому. Сигналить не пришлось. Люба, караулившая на балконе его машину, здороваясь, махнула снятым с бельевой веревки полотенцем и резво спустилась вниз с увесистой сумкой продуктов. Святой помог ей устроиться в кабине и, плавно выжав сцепление, тронулся.

— Олега, в тюрьме страшно?

— Не очень. Тюрьма это такое место, куда никто, естественно, не хочет попадать. Но, попав туда, никак не может вырваться, а, вырвавшись, клянется себя, что больше туда ни-ни. Болото это мутное, служащее пристанищем для убийц, воров всех мастей, наркоманов и случайно оступившихся, приняв к себе человека один раз на временное жительство, не отпускает его долго, чаще всю жизнь, потому что, когда блудный сын в очередной раз возвращается в родные пенаты, централ с радостью старого друга принимает его. Постояльцы этого дома — зэки, далеко не серый и забитый люд, как это может показаться со стороны. Каждый тянет лямку сообразно своим принципам и моральным качествам. Живут, хлеб жуют. Днем тюрьма ведет себя тихо, а ночью начинается невидимое движение — курсирует почта, каторжане перекрикиваются между камерами, ища знакомых. Ржут, как лошади, вспоминая то, чего не было. Шпилят в карты, домино, шарабешки катают — дурдом, короче. Но когда с воли подходят к забору чьи-нибудь родственники или друзья, тюрьма глохнет, давая возможность состояться базару. Сама увидишь. Десять лет лагерного стажа Серега имеет, шарабан варит у него, как нужно, так что оснований для треволнений нет, прорвется.

Толкнув передачу черед комнату свиданий, прапорщица, со злым удовольствием на крысиной роже, шустро разбанковала мешок, на что положено перечнем и нет. Святой спрятал от посторонних глаз грузовик за кирпичной будкой конечной остановки троллейбуса и пошел с подругой подельника к засыпающему централу. Взобравшись на кучи мусора, наваленные у серой штукатурки высоченного забора с колючей проволокой и путанкой по верху, Олег сложил ладони вместе и набрал полную грудь воздуха.

— Тюрьма, тюрьма! Дымка на решку вздерните?!

— Да я с ночи тебя, волка, на ней пасу! — сразу откликнулся тот. Любаня не прилетела?!

— Рядом стоит? Тебе че, не видно?

— Вот теперь вижу — радостно заорал Серега.

— Я вот где — сквозь узкие изъеденные ржой полосы металлических штор, навешанных на решетку с лицевой стороны здания, просунулся белый лоскут зэковской наволочки.

— У меня ни закурить, ни заварить, — не меняя интонации голоса, продолжил он — шевелись, братан.

— Сидор полчаса назад передали, после обеда получишь — успокоил приятеля Святой — по делюге, может, подсуетиться?

— Не-е! Отец, кажись, укатал все. Легавые живы — здоровы, а пацаненку, которому седло поправили при задержании, ну тому, что со мной по делу канает, слышишь?

— Да-да?

— У него оказывается мамаша в Чите шишка большая, за переломанные ребра своего сынули, она ментам такой чих — пых устроила, что мне много не накатят. Потише, вы — обратился Дымок к сокамерникам, которые забавлялись с загнутым на параше раком старым пидором.

— Люба?!

— Базарь — ответил за нее Олег — тут море слез, сам понимаешь. Неугомонный арестант, блеснув повлажневшими глазами, бессильно ткнулся бледным лицом в толстые прутья, отделившие его на несколько лет от будущей свадьбы.

Остаток знойного дня, захандривший Святой отпахал вяло и таким же смурным заявился утром на работу.

— Попался, голубчик? — не без ехидства мерила ему врачиха давление — сто двадцать на семьдесят — сбавила она обороты тона — в трубочку дыхни? — та-ак, и здесь ничего. Голова болит?

— Нет.

Почесав кончиком шариковой авторучки синюю жилку, пульсирующую на переносице, врач, наконец, вынесла приговор.

— На линию, Иконников, я вас не выпускаю. Машина была на мази, да и возиться с ней желания не было. После вчерашней перепалки с женой, опять же из-за Дымка, домой идти не хотелось, хотя его и ждали не только Лена с Максимом, но и весело гукающий после перенесенной болезни Игорешка.

— Санек, шлепай сюда — подозвал он катившего на самодельной тележке коробку передач засоледоленного напрочь автослесаря.

— За спинкой в моем грузовике пузырь белой по душе твоей томится.

— Приятно слышать — в предвкушении опохмелки тот стал живо обтирать мозолистые лапы ветошью.

— Что надобно?

— Потеряет если меня из начальства кто, будь другом, отболтайся, что я где-то здесь верчусь?

— Добро.

— Димка, тебя куда зарядили?

Только что прошедший через медицинский кабинет, и после

этой неприятной процедуры принявший стакан вина Димка, перемалывая желваками фиксатого рта плавленый сырок, не мог ответить Олегу, куда его сегодня кинули, но сразу сообразил, что от него требуется, и кивнул на свободное место рядом с собой. Меж обтянутых клетчатым байковым одеялом седушек, торчало заткнутое старой путевкой зеленое горлышко початой бутылки «Биссера».

— Как вас, стребузитчиков, гаишники не выщипывают на дорогах, а?

— Бес его знает. Два года стабильно по утрам на грудь беру.

— Подбросишь до родичей?

— Конечно. Отпросился?

— Да нет. Мегера крест поставила.

— Она могет, стервоза. Без мужика с измальства мается, вот на нас, несчастных, зло и срывает. Димка посигналил, моргнув фарами механику, чтобы тот открывал ворота.

До родителей добраться не удалось. Когда грузовик громыхал плохо подогнанными друг к другу бортами кузова мимо центральной гаупвахты Читинского гарнизона, Святой от неожиданности чуть не вывалился прямо на ходу из кабины, увидев, как из резных дверей этого военного заведения, дымя папиросиной, выходит Клим.

— Дима, тормозни!

— Ты что, передумал? — резко прижал тот машину к обочине.

— Знакомого встретил.

— А-а, ну давай, счастливо.

Быстро перемахнув через дорогу под фарами вильнувшего в сторону автобуса, Олег продрался сквозь жесткие ветви подстриженной акации, и небольно ткнул кулаком бывшего сокамерника под лопатку грязной тенниски.

— Генка, привет, бродяга!

— Святой?! — обрадовался он — знал, что ты где-то в городе, но встретить так лихо тебя не думал.

— Ты че, в этой конторе блудил, на работу что ли устраивался? — улыбался Олег.

— Не поверишь — выплюнул со сгустком крови на мостовую недокуренный бычок Клим — построился в очередь у бочки за кружкой пива и вдруг патруль катит, офицерик метр с кепкой, но важный, собака, до не могу, пригребся: ваши документы? Какие ксивы — отвечаю, я три дня назад откинулся. Короче они мне боты завязали, подумали — раз лысый, значит солдат в самоволке. Пока разобрались, что к чему, пришлось ночку на «губе» здоровенных, как танки, военных клопов шугать по камере.

А возмущаться попробовал — по зубам, суки, врезали. Ну, ладно, все я да я, ты то, как в этом безумном мире маешься?

— Ништяк.

— Каким ты был, таким и остался — не удивился Генка, в одно слово полжизни впер. Пошли ко мне, если никуда не торопишься — жрать охота. Наташка пельменей сварганит, потреплемся?

— Айда, согласился Святой — сколько тебе хоть годиков стукнуло?

— Двадцать пять.

— Десяточку отмотал?

— Пока девять, но это дело наживное, сам знаешь. Через те же кустики они вышли к проезжей части.

— Филки есть? — Олег вынул из кармана мятые рубли.

— На тачку до хаты твоей хватит, если там же обитаешься?

— Там — ответило, посмурнев, скуластое узкоглазое лицо Клима.

— Отец с матерью разбежались, и с новой своей клушей он с Читы куда-то свалил, а маманя почти сразу после этого богу душу отдала, теперь вдвоем с сестренкой кантуемся, помнишь ее?

Наташку, что ли? Конечно, ей, поди, сейчас лет восемнадцать?

Калитка древней одноэтажной деревяшки, в которой ютились две семьи, была незапертая. За трухлявыми досками покосившегося забора, разделяющего неухоженную ограду пополам, забесновалась учуявшая приятелей немецкая овчарка. На ее лай в пыльных стеклах окна мелькнула русая Наташкина челка, и сразу загремели кастрюли.

— Соседи от тебя собакой отгородились?

— Соседка — поправил его ухмыльнувшийся Генка — молодая, но курва конченная. Днем официанткой в кабаке наворачивает, а по ночам водочкой спекулирует. Четвертак за пузырь дерет, я у нее в первый же день двести «рябчиков» оставил, но телка шикарная, — закатил он глаза под лоб. Чего у этой змеи не отымешь, того не отымешь, седло вот такое — показал Клим руками, раздвинув их шире плеч, какая у соседки попа. Ножки от коренных зубов видимо растут и пазуха полная, никак деньги там таскает, потому что та-ких грудей у баб не бывает…

— Замолчи, балаболка, — оборвала его в открытую форточку застеснявшаяся сестра, — идите лучше в дом, пельмени закипают.

— Сейчас — отмахнулся от нее Генка и добавил для Святого:

— Холостая, между прочим. Познакомить?

— Одинокая, говоришь — на секунду задумался Олег — а где

сейчас эта очаровашка?

— Наталья! — заорал Клим — золотую рыбу с соседнего двора не видала?

— Уплыла твоя мечта, — весело откликнулась сестра.

— Куда, не знаешь?

— На работу, куда же еще.

— Может, выхлопаем ее? — с ходу предложил Олег.

— Ну, ты даешь — крутанул восхищенно лысой башкой Генка — я прикидываю, как бы затянуть тебя на это дело грязное, а ты сам — с усам оказывается, только, чур, сначала похаваем.

Летом в жару рубать горячие пельмени вроде не подходяще, но делал это Клим с явным удовольствием. Святой маленькими глотками прямо из двух литрового пластмассового бидончика потягивал намерзшее за ночь в подвальном леднике вкусное молоко и понимающе смотрел на приятеля, который обыкновенных пельменей не хрястал несколько лет.

— Генка? — оторвал он его от пиршества души и тела.

— Че? — перекатывал тот по рту обжигающий фарш.

— Собака на цепи?

— Не совсем, по проволоке бегает.

— Окна на улицу выходят?

— Два, но они ставнями закрыты.

— Понятненько — Олег потер переносицу — колбаса есть?

Услышав о чем, просит брата Святой, в комнату с кухни заглянула Наташка.

— Может все — таки положить пельмешек?

Сидевший на кровати Клим, перегнулся через табурет, на котором исходила паром остывающая тарелка и, взяв у Олега бидон, жадно осушил его.

— Лови — бросил он пустую посудину сестре — и лети, голубка, за — молоком, а то к обеду разберут.

— Денег не хватит — зарделись Наташкины щеки.

— На квас тоже?

Сообразив, что ее просто выпроваживают из дому, сестренка, припудрив веснушки на носу, быстро исчезла. Над когда — то отцовой, а теперь Генкиной кроватью заброшенной зеленым пледом, красовалась прибитая к стене сухая кабанья морда, из свирепо оскаленной пасти которой торчала наборная рукоятка охотничьего ножа. Святой выдернул его и, насадив на острие полпалки обезжиренной колбасы, лежащей на нижней полке холодильника, вышел на скрипящее высокое крыльцо. Ограда, расположенная по ту сторону забора, просматривалсь отлично. Полузадушенная яростью и «строгим» ошейником черная с

рыжими подпалинами по бокам псина, выкатив налитые кровью белки глаз на подельников, захлебывалась хрипящим лаем. Но была она не только злая, но еще и голодная. За пролетевшим к высоким воротам куском колбасы, собака кинулась, забыв все на свете и в мгновение ока, проглотив его, уже притихшая, вернулась к сидящим верхом на заборе жуликам.

— Клим, вот балабас — разломишь по середочке. Один шмат швырнешь вон туда, поближе к сараю и пока пес его спорет, я до окна пробегу.

— Думаешь, он тебя не достанет?

— Чуть чего — я его пропорю, а ты тут, на стреме посиживай. Обратно с хаты вылезу, отвод барбосу сделаешь, понял?

Вместо ответа Генка надкусил вкусно пахнущую колбасину, и лениво шевеля челюстями, почти без замаха, бросил остаток, куда Олег его и попросил. Овчарка, звеня цепью, метнулась к сараюшке, а Святой, свалился с забора на спасительный пятачок под зашторенным окошком спальни. Опредил он «сторожа» всего на один шаг. Бессильно клацнув за спиной жадными клыками, пес, вздыбленный на задние лапы натянутой цепью, отчаянно завыл, понимал, что его дуранули. Вор, даже не обернувшись к нему, встал на широкую завалинку и принялся при помощи ножа аккуратно выковыривать из гнезд рамы штапики, а спустя пять минут, выставил стеклину и нырнул в квартиру. На заморской софе невиданных размеров, застеленной таким же невиданным покрывалом с пушистыми кистями, возвышалась белая, как иней, гора пуховых подушек, под которыми Олег сразу нашел тряпичную сумку, полную разнобойных купюр. В принципе, можно было сматывать, работал он всегда на «хапок», но неодолимый чес по шкуре толкнул его пошариться в хоромах спекулянтки. Опустив сумку с деньгами в кожаное кресло, стоящее под плюшевым абажуром торшера, Святой шагнул в узкий полутемный коридор, соединяющий комнаты. На пестрой ковровой дорожке тяжелым небритым лицом вниз крепко дрых азиат, торгующий на базаре яблоками и вместе с официанткой приехавший вчера в крепком подпитии на ее хату из ресторана, где прожигал легкую «капусту».

Утречком он опохмелился так, что теперь даже бешеный лай собаки не потревожил его глубокого пьяного сна. Олег склонился над «чуркой», воняющим винным перегаром и, разомкнув замочек, стянул с его бронзовой шеи толстую золотую цепочку. Из заднего кармана «фенциперсовых» дудочек осторожными пальцами выудил пачку червонцев в банковской упаковке и, не дыша, переступил через тело в раздвинутые портьеры зала. Обычно женщины хранят свои украшения в хрустале забитых

посудой сервантов, не отличалась от них и спекулянтка. В одной из многочисленных вазочек Святой надыбал столько рыжих побрякушек, что в одну горсть они все не уместились. Подгоняемый ворчанием овчарки, которую от нечего делать дразнил скучающий подельник, Олег торопливо ссыпал остатки золота в шерстяную рукавичку хозяйки, валявшуюся на бархатной скатерти круглого стола, и пошел в спальню. Взяв сумку, сунул туда тугую пачку «снегирей», две бутылки пива, стоящие на трельяже, рукавицу и, отдернув плотный материал штор в сторону, ступил на уставленный цветовыми горшками подоконник.

Овчарка, вяло повиливая обрубком хвоста, внимательно наблюдала от своей будки за действиями крадуна. Тот вставил стекло на место и, сняв с тела мокрую от пота футболку, тщательно протер все места на раме, где могли быть отпечатки его пальцев. Затем что-то сказал Климу, и к воротам просвистел приличный шмат колбасы. Игра продолжалась, собака ее приняла, но, сделав прыжок к подарку, неожиданно круто развернувшись, стремительно понеслась наперерез пересекавшему охраняемое пространство Святому. «Как аукнется, так и откликнется» — вихрем пронеслось в сознании. Теперь пес опережал его буквально на один шаг. Оседая на левый бок, Олег все-таки успел подставить под лохматую грудину овчарки широкое лезвие «мясореза» Железо, рванувшее сердце, помешало собаке мертво вцепиться в горло жертве, она промахнулась и — это стоило ей жизни. По занемевшей, неудобно подвернутой руке сочилась густая, тошнотворно липкая кровь. Ошеломленный происшедшей на глазах короткосюжетной драмой, Генка, наконец, покинул свой наблюдательный пост и в три огромных прыжка добрался до валявшихся на середине двора тел.

— Святой, жив?

— Не ори, как потерпевший в темной подворотне — откликнулся тот и попытался самостоятельно выбраться из — под придавившего его трупа.

— Помогай, ты че, замерз?

— Щас — щас, — торопливо уцепился Клим за проржавевшую цепь и оттащил мертвого пса от подельника.

— Что теперь делать-то будем?

— Не трусись — ткнул он отточенным, как бритва солнечным зайчиком клинка в алую пену хрустнувших резцов пасти и с усилием нажав на пластиковую рукоять орудия убийства, потянул на себя прокушенную слюнявую сумку, — расстегивай ошейник и волоки эту кобылу к забору.

— Зачем? — растерялся Генка, — давай здесь оставим.

— Нельзя, «рыбина» с работы припылит и ментов вызовет, а так подумает, что кобель сорвался и просто сбег.

— Все равно она им брякнет, когда заметит, что в хате кто-то был.

— Вот потом пусть звонит.

— Не понял?

— Мерин бухой в квартире дрыхнет.

— Че, в натуре?! — обрадованно схватил Клим за корень хвоста труп и, напрягаясь, попер его через ограду.

— Представляю, какой ночью концерт будет! Есть хоть за что этому мудаку хлебло набить?

— Есть, — перебросил через заплату свежеструганных досок забора Олег сумку с деньгами и подсобил подельнику туда же перевалить дохлую овчарку. Теперь командовал Генка.

— В стайку этого волкодава. Зароем и вместо памятника, сверху поленницу дров сварганим.

— Ништяк, — одобрительно кивнул Святой, и спустя полчаса, устало воткнув штыковую лопату в мягкий грунт земляного пола сарая, присел на «козла» для распиловки бревен, а приятель, собирая яйца, гонял в затянутых паутиной углах помещения перепуганных куриц.

Олег распечатал одну бутылку пива и с наслаждением поперхнулся учащенным дыханием янтарным напитком «Жигулевского». Вернувшийся Клим деловито сполоснул в цинковой ванне с тухлой водой большой алюминиевый ковш и, расколотив в него пять яиц, залил их пивом второй бутылки.

— Не вздумай пить эту бурдомагу, обдрищешься, — вполне серьезно предупредил его Святой.

— Не понимаешь ты ничего в красивой житухе — сожалеюще усмехнулся Генка, помешивая черт знает что, выломанным из метлы прутиком.

— Свисток от этого нектара дымит сутки, всех баб на нашей улице перетрахаю.

— Вы что тут секретничаете? — просунула лукавые глазищи в приоткрытую дверь стайки, неслышно подошедшая Наташка и, увидев у ног Олега кучу «капусты», обомлела.

— Не боись, кудряшка, проходи, я с твоим братцем банк ограбил, пока ты за молоком толкалась.

— Мне и не страшно нисколечко, просто раньше я столько денег никогда не видела.

— Вот и молодец, — поворошил Святой кроссовками купюры, — разбанкуй это богатство на две доли и себе на платье за работу возьми.

Словно ураганом сдунуло Клима в хлопнувшую дверь.

Охнула ничего не понявшая сестра. Мгновенно среагировавший Олег кинулся за подельником, а тот молчком вломился в деревянный без крыши туалет и едва успев стянуть штаны, опустился на толчок. Блевал и поносил Генка одновременно. Через перекошенный гримасой боли рот, летели пельмени, а снизу реактивно била жгучая струя пива с яйцами.

В сорванную с жестяных петел дверцу сараюшки, во двор с кудахтаньем вылетали переполошенные куры, на параше ржал во всю глотку подельник, у которого блядки на сегодня явно срывались. Задыхаясь смехом, катался в зелени дурманящей полыни Святой…

***

Обедал в студенческой столовке, листая «Науку и технику» будущий офицер КГБ Ушатов, пока еще работающий преподавателем в Читинском техникуме железнодорожного транспорта, а вновь испеченный двадцатисемилетний лейтенант спецслужбы Грознов в это время пристреливал новенький «Макаров» в тире, оборудованной в прохладном подвале старинного особняка Управления Комитета госбезопасности. Несостоявшийся пока следователь по особо важным делам Кунников, загорая на пляже в газетной пилотке, надвинутой на самые брови, зубрил азы криминалистики. И никто из них не подозревал в этот звенящий зноем и тополиным пухом день, что скоро судьба столкнет их жизненные дороги, и они проведут вместе не одну бессонную ночь, раскручивая банду убийц и грабителей братьев Иконниковых…

— Генка, ты не помер там? — вытирая слезы, встал Олег с травы.

— Нет, а че?

— Выметайся, дело есть, да заодно Наталью успокой. Лица на девчонке нет.

— А где оно? — вновь заорал он, придуриваясь, — Наташка, цел я и невредим, обосрался — и все.

— Вот дурак, — залепив по-детски тонкими ладошками рдеющее лицо, сестрица убежала в дом.

Спустя час приятели, еще путем не отошедшие от делюги, сидели у пятиэтажки, где жили Серегины родители и поджидали ушедшую в овощной магазин Любу. В животе Клима так бурлило и журчало, что из щели подъездного крыльца выполз облезлый одноухий котенок и, взъерошив загривок, подозрительно заурчал на подельников, вопрошая, кто это посмел потревожить его сон.

— Прекращай на дамочек сырыми яйцами строполиться, а то не то, что стоять не будет, вообще подохнешь.

— Франца помнишь? — продолжал балдеть Генка. В памяти всплыла вытянутая, словно дыня, желтушная физиономия сухопарого арестанта с неприятным шрамом на бритой макушке.

— Это которого лошадь в детстве кусанула?

— Его.

— С каких щей он тебе привиделся?

— У нас в зону продукты для пищеблока коняга древняя, как мамонт, завозила, вот она, подлая, Франца и сгубила. Пока черпаки телегу разгружали он, лиходей, на оглобли — прыг и стал сзади к своей возлюбленной пристраиваться.

— Врешь, чучело? — усмехнулся Святой.

— Гадом буду — перекрестился Клим, — его дубаки спалили на самом интересном и чуть срок не намотали за то, что животину хотел изнасиловать. Но Франца счастье, что она заявление писать не стала.

— Потому что не умеет — закончил Олег.

— Точняк, откель знаешь?

— Там, где у тебя, мудака, учили людей обманывать, я преподавал. Прихваченное студеным молоком горло, начала зудить ангина. «Весело будет среди лета заболеть».

От беспокойный мыслей его оторвала показавшаяся из-за угла стоявшего напротив дома подруга Дымка с накрученной на кисть руки пустой сеткой — ни картошки, ни капусты, как, впрочем, она и предполагала, в коопторге не было и в помине. Приятели поднялись ей навстречу.

— Привет, красивая, ты почему босиком?

— Каблук сломала, — огорченно повертела она беленькой, под юбку, туфелькой — в чем теперь ходить, не знаю.

— Новые купишь.

— На что?

— На денежки — Святой подал ей заранее приготовленную тысячу, — пошерсти город, возьмешь Сереге все, что он просил, а это на черный день — опустил он в висевшую на растопыренных пальцах туфлю золотую цепь, — филки кончишь, продашь.

— Спасибо, Олег.

— Не за что. Дымок — мой друг. Шустри, давай, утречком заеду. Мешок на тюрьму упрем и заодно подкричим твоего милого.

— Ниче лялька, — глазея Любане вслед, облизнулся Клим, — где он такую откопал?

— На Украине. Работать со мной будешь? — вернул его к действительности Святой.

— А как же! Пахать, не напрягаясь — одно удовольствие, да и масть кажется, хезает.

— Вот на ней и попрем. Завтра до обеда я у Сереги на централе поторчу, а потом к тебе загляну.

— Ладненько, — согласился Генка — забухаем?

— Извини, я до хаты — горло разболелось.

— Тем паче, сполоснуть необходимо.

— Да отвяжись ты, алкаш несчастный.

— Понял, на нет и суда нет.

Разбитым добрался Олег до квартиры и, не отвечая на вопрошающий взгляд жены: «почему не на работе», раздевшись, не похоже на себя побросал одежду на коврик у кровати и зарыл покрытый испариной лоб в свежепахнущие наволочки подушек. «Что за полоса канает? Все перемешалось: хандра, температура, откупился путем» — вспомнил он раздутый деньгами карман спортивных брюк — «правда, при этом собаку убить пришлось. В рот меня мама целовала, забыл со штанины запекшуюся кровь отшоркать», — это последнее, о чем успел подумать Святой и бред уволок его сознание в своей огнедышащий мир.

…В этом измерении горел лес. Плескались паром кипящие ручьи, нестерпимая боль жгла тело, увитые пламенем падали деревья и так всю протяжно тягучую, по-летнему короткую ночь.

— Где интересно умудрился в такую жару простыть? — встретила потухшие глаза мужа до сих пор не спавшая Лена.

— Не знаю. Время сколько?

— Восемь, а что?

— На работу пора.

— Какая работа и так без выходных вкалываешь. Лежи, сейчас мама в булочную пойдет и по пути врача вызовет.

Олег, удерживаемый женой, собирался на работу, а в это же самое время Дымок, сидя на жестких нарах, по-турецки подобрав под себя ноги, хлебал из алюминиевой тюремной миски пустую баланду с вкусным погонялом «глазунья». Местные повара — умельцы из числа зеков, пожелавших остаться отбывать срок наказания при тюрьме, в хозяйственной обслуге так вываривали головы минтая, что восхищенные злым гением человека, те удивленно таращили за завтраком на подследственных вылезшие из орбит глаза, за что и получили такое вкусное название. Вокруг — кто кемарил, кто скреб ложками, молодежь резвилась в картишки. Обсосав хребтину чудо — рыбы, Серега поставил чашку к обитой жестью двери камеры и, вытерев исколотые «восходом» и «заходом» солнца руки вафельным полотенцем, взял карту. Играли в двадцать одно на сигареты, кучкой наваленные посередине двух расстеленных на бетонном некрашеном полу

матрацах.

— Меньше пяти не бьем, — предупредил его «банкир».

— Потянет, — хитро сщурился он, — за десять две карты дай, — и через полтора часа укатал «пряников» за все, что они с таким трудом набанковали за трое суток почти беспрерывной игры.

Забряцавший амбарными ключами дубак и стукнувшая за тем кормушка никого не оторвала от своих занятий.

— Дымов?

— Есть такой, бросил он стиры.

— Имя, отчество?

— Сергей Владимирович.

— Вам передача, от кого ждете?

— Фамилия мужская или женская?

Контролерша читала ровный почерк Святого.

— Мужская.

— Значит от Иконникова, Олега Борисовича.

Получив сидор, Дымок высыпал его на содержимое на шконку, где спал и чем — то недовольный, влез на облупленный подоконник решки, зная, что подельник, толкнув мешок, обязательно подойдет к забору, как по заказу. Тот уже стоял на фундаменте снесенного когда-то военизированного склада и болтал с Любой.

— Святой, здоровенько!

— Привет, бедолага, передачу поймал?

— Ты что это мне притаранил, — из решетки вылетели несколько больших шмотьев копченого сала — не знаешь, что в тюрьме надо?

Олег весело покосился на вмиг расстроившуюся девушку.

— Ты чего там этому психопату напихала?

— Что он дома любил есть, то и покупала…

Вроде совсем недавно Дымок светанул ему три рыжих кольца, не зная, куда бы их пристроить и на предложение угнать золото по вене, сразу согласился. Старая знакомая Святого жила в раскоряченном среди пятиэтажен приземистом бараке, выбеленным фиолетовой известью, который после первого же дождя превратился в огромную кляксу, расплывшуюся бельмом на глазах по свежему нарядному микрорайону. Лариска собиралась на дежурство, крутя перед осколком зеркала бигуди, когда Олег постучался в дверь ее однокомнатной квартиры.

— Добрый день.

— Здравствуй, здравствуй, — подозрительно окинула она гостя.

— Как женился, так больше и не заходил ни разу, чем

сегодня-то тебя в наши края занесло, а?

— «Рыжиков» принес чуточку, — он слегка подкинул их на ладони — ампалух двадцать морфина мне бы хватило.

— Много, — начала врать медсестра, алчно блеснув зрачками — где столько взять, у меня всего-то ампул шесть где-то завалялось.

— Ох, скупая ты стала, не доведет это тебя до добра, ну ладно, договорились, тащи свою белую смерть.

Лариска метнулась в комнату и, скрипнув дверцами платяного шкафа, порывшись в нем, вернулась с «отравой».

— Прячь и провожай меня до остановки, на работу опаздываю.

Серега видел, как Святой выгреб на улицу под ручку с вертлявой белокурой телкой и, выждав, пока та исчезла из поля зрения, направился к приятелю.

— Вот липучка, чуть до троллейбуса меня не уперла, кое — как отмазался.

— Сраслось?

— Не то, чтобы очень.

— Всего шесть?! — кипишнул он, — вот козень обмороженная, она че такая наглая?

— Да ладно тебе, хоть это вырулил и то ништяк.

— Какой ништяк, я эти цацки у родной тетки спер.

— Ну и засранец вы, гражданин. Пошли.

— Куда?

— Сейчас увидишь.

Подельники обогнули дом, и Олег на всякий случай, хоть и был уверен, что в хате никого нет, костяшками пальцев побарабанил в засиженное мухами стекло Ларискиной кухоньки.

— Стой здесь, если кто запалит мой нырок, цинканешь. Он быстро и без шума выдавил форточку и через минуту, в картонной коробке из-под женских сапожек, замаскированной клубками шерсти, в шкафу нашел почти сотню ампалух морфина. «Крыса, теперь почувствуешь, как жадность фраера губит». В кармане осеннего пальто покоились кольца. Чтобы хозяйка не заявила о краже в милицию, больше ничего брать не стал и, запрыгнув на изрезанную клеенку кухонного столика, Олег полез на свежий воздух. Гача недавно пошитых в ателье брюк, зацепившись за гвоздь, торчащий из рамы, порвалась.

— Вот тварина, все-таки испортила мне настроение.

— Кто? — не врубился приятель.

— Да тупость твоя, урод! На «рыжье» и подбрось незаметно своей тетушке, а то вообще из-за них башку где-нибудь потеряем.

***

— Серега! — сложив ладони рупором, крикнул Святой, — «отрава», что мы у той лярвы вертанули, кончилась. Как еще надыбаю, сразу подгоню.

— Слышу, «почтальона» принимай, — из железных штор стрельнули смастыренной из большой щепки, отколотой от лавочки обеденного стола, стрелой и подхваченная ветром, она приземлилась далеко за спиной Олега.

Он подобрал «почтальона», к которому серыми нитками были примотаны несколько конвертов и, обломав о колено конец, сунул его за пазуху.

— Святой, вали, давай. Письмо стремное, не дай бог, дубаки поймают и отметут. Любаня на словах передаст тебе, что да как.

«И так знаю, что почта запалу не подлежит», — бежал он по кучам к оставленной, где обычно машине, а в решку уже несся увлеченный треп подельника о том, что когда он освободится, то у них с Любашей будет роскошный лимузин и дача не хуже обкомовской. И жить они станут в двухэтажном каменном коттедже, а всех соседей поведет от черной зависти. Прикинув, что до первых звезд Дымок девчонку не отпустит, Олег мотнул на мелькомбинат и, затарив грузовик мукой, отвез ее в продовольственный магазин, находившийся рядом с хатой Клима. Дородная заведующая, прямо в кузове пересчитав мешки, сверила количество мест с указанным в фактуре и приказала разнорабочим открывать борта, а Святой, пока опрастывают машину, как вчера и обещал, шлепнул до Генки. За квартал от его дома, он столкнулся с Наташкой.

— Привет, кулема, куда шаришь?

— Я думала ты знаешь. Сегодня ночью брата милиция арестовала. Сказали, что он в ресторане дебош устроил. Вот белье чистое поехала ему передать.

— Где Клим сейчас?

— В центральном отделе.

— Денег на хлеб оставил?

— Почти все, да зачем они мне?

— Не плачь, Наталья, на то она и жизнь, чтобы в ней спотыкаться. Не успеешь оглянуться, как Генка воротится, приходящее обязательно уходит.

Распрощались они на остановке, девчонка, хлюпая носом, осталась ждать троллейбус, а Святой с подскочившей температурой и навалившейся вновь хандрой, двинул к магазину. «Пацан вроде не глупый, зачем эту ерунду спорол? С другой стороны все, что наделается — делается к лучшему, так, кажется,

базарят. Клима нет и красть теперь не с кем, придется завязывать».

Эта ночь была не лучше, прошлой и очнулся он не оттого, что жена тормошила его на работу, а от противного запаха ватки, смоченной нашатырным спиртом. Татуировки обсыпали водянистые пузырьки. Лена осторожно протирала их влажным полотенцем, а усатый врач, посасывая таблетку валидола, строгими глазами за стеклами очков с интересом рассматривал наколки и неизвестную болезнь.

— На что жалуетесь?

— На жену.

— В каком смысле?

— Работать мешает.

— А если серьезно?

— Горло болит.

— Покажите, пожалуйста. Точно, ангина, да к тому же гнойная, а что такое это?

Это была корь, и загремел Олег в больницу.

***

После того, как попала в автомобильную аварию, мать Святого часто болела и почти никогда и никуда не выбиралась из дому, но недели за две до Нового года навестила сына. Посмотрела, как живут молодые, и предложила праздник провести вместе, а заодно и обсудить размен квартиры.

— Куда нам с отцом четыре комнаты. Этот вечер Олег с Леной только и говорили о новом жилье.

— Завтра заедешь ко мне на работу и попросишь девчонок объявлений побольше напечатать, а потом крутиться по городу будешь и расклеешь.

— Не торопи, Новый год справим и займемся.

— Ты соображаешь, что бормочешь, — возмутилась жена — делай, что тебе говорят?

— Все, все — сдался Святой.

Утром он был у родителей.

— Мать, где Эдька?

— В спальне у себя, на гитаре тренькает.

— Кликни его, а? Раздеваться неохота.

— Шуруй на кухню, — пошла та за младшим сыном — чай стынет, пока не поедите, не отпущу.

— Сыт я, мамуля, а Эдька позже намолотится, мы с ним весь день мандарины по магазинам развозить будем.

Брат, услышав голос Олега, засунул семиструнку в чехол и выскочил в прихожую.

— Здорово!

— Привет, музыкант, если желание покататься есть, собирайся.

— Я мигом, — кинулся он на кухню и, схватив здоровый кусок батона, намазанный сливочным маслом, стал одеваться.

— Может, научишь меня «газоном» управлять?

— Не вздумай его за руль посадить.

— Не волнуйся, мать, не расшибемся, открыл дверь на лестничную площадку Святой, — догоняй.

Через час братья подъехали к товарной секции, с которой грузили машины. Спятив грузовик откинутым задним бортом к растворенному входу вагона, Олег полез в кузов к принимающему мандарины товароведу, поминутно прикладывающемуся к бутылке водки.

— Сопьешься, Николай Ефимыч.

— Предпочитаю от белой горячки загнуться, чем от холода. Почему подзадержался?

— Колесо проколол.

— От этого никуда не денешься, — посочувствовал ему Ефимыч, выписывая накладные на груз.

— Смотри, не пропадай никуда, до темноты еще хоть парочку рейсов сделай, а то я околею тут, если ночевать придется.

— Ладно, старый, договорились.

Выехав за территорию базы, Святой загнал «газик» в небольшой глухой тупик. Кругом на укатанном в саже кочегарок снегу, валялись порванные коробки и пустые ящики.

— Зачем мы сюда?

— Мандарины хочешь? — в свою очередь спросил Олег, доставая из-за спинки сиденья мешок.

— Конечно.

— Нет проблем, двигай за мной.

— Далеко?

— В кузов, только шустро, а то поморозим нежные дары вьетнамских братьев.

— Тебе за это ничего не будет? — поинтересовался Эдька, следя за тем, как старший брат, осторожно, чтобы не сломать дощечки, вскрывал ящик.

— Если никому не расскажешь, то ничего.

— Что ты. Я ничего не видел и не слышал.

— Тогда помогай. С одной упаковки много брать нельзя, а со всех помаленьку, пожалуйста, — поучал Святой брательника, который уже и так врубился в схему воровства.

Сделав последнюю ходку, Олег завез Эдика к старикам. Они с трудом занесли полный мешок цитрусовых в квартиру и, сполоснув руки, уставшие, сели чаевать.

— Умаялся, бедненький, — поставила захлопотавшая мать перед братьями по кружке горячего молока, — пейте, пока не остыло.

— Кушать он умаялся, — размешивал сахар в кружке Святой, — весь день мандарины трескал.

— Не забудешь завтра за мной заехать? — в который уже раз напомнил Эдька.

— Не забуду, не забуду. Жуй проворнее, да на гитаре мне что-нибудь сбацай.

— О-о, хорошо, что подсказал, я специально для тебя вещь одну сочинил, — встал он из-за стола.

— Мамка, я за рулем гонял.

— Умри, хвастун несчастный. Не переживай, мать, можно ему свою жизнь доверять, нормально баранку крутит.

Младший брат настроил инструмент, поудобней устроился в кресле и откашлявшись, тронул струны.

Тихо — тихо в камере, только зек не спит,
вялится на нарах, в потолок дымит,
грабил он и воровал, вот и все дела
и особенно опасным стал для общества.

Повисшую в спальне минутную тишину первой спугнула мать.

— Эдька, ты откуда этого нахватался?

— Олега рассказывал, а остальное — дело техники и воображения. Ну, как?

— Молоток, — похвалил его Святой — душу щипануло. Утречком пораньше продирай глаза, я заходить не буду. Услышишь — посигналю, выметайся.

— Олежка, все забываю спросить, где сейчас Леончик и Сережка, Дымов его фамилия, кажется.

— Там, где и положено, мамуля, сидят.

— Опять? — всплеснула она полными руками.

— Не опять, а снова.

— Не везет парням.

— Наоборот, раньше сядешь, раньше и выйдешь.

— Уходи давай, уходи. Все тебе хиханьки да хаханьки. Кстати, объявление напечатали?

— А как же.

— Расклеили?

— А как же.

— Все, иди. Разговаривать с тобой невозможно,

придуриваешься, словно маленький.

Сегодня Святой забрал брата и сначала заехал домой. Жена стирала. Навозив флягами, спертыми летом на молокозаводе, воды с водонапорной башни, вмерзшей в лед соседнего квартала, ровно в десять грузовичок вкатил на территорию товарной станции. Подставив ноги под теплую струю воздуха обогревателя салона, Олег заполнял путевку, а Эдик, теребя уши, которые нещадно щипал дед Мороз, не без удовольствия принимал у Ефимыча восемьдесят разодранных в пути картонных коробок с шоколадными конфетами. Потом в приспущенное стекло подал брату накладные, тот расписался в получении груза и минут через тридцать они потрошили в знакомом тупике сладкий товар.

— Олега, мы сейчас мешок конфет украдем, неужели этого в магазине не заметят?

— Рюхнутся, конечно, но шуметь не станут.

— Почему?

— Не зачем. Продавцы себе отсыпят килограмм по пять и только после этого груз взвесят, а недостачу на железную дорогу спишут. Дорога, как понимаешь, лицо неодушевленное и все стерпит, и всех прокормит. Мое же цело доставить получателю в целости и сохранности столько мест, сколько указано в накладной. Коробки мы не берем?

— Нет. Вот и все.

— Так просто?

— Удивление твое от молодости, лично я государству за этот навар благодарен.

— Не понял?

— Заработка кот наплакал, а с таким приваром согласись, работяги ноги не протянут.

Остаток смеркающегося с обеда дня братья промотались по городу, расклеивая объявления о размене квартиры, и в шестом часу газанул и в гараж. Пока Святой загонял свою железную конягу в дальний угол бокса, его брат с интересом шарился по стоянке.

— Эй, Николаич, — вынырнул из-под капота «ЗИЛа» автослесарь, менявший под головкой блока прогоревшую прокладку — ты, что такой кислый, не стибрил что ли сегодня ничего?

Курившая рядом с ним шоферня заржала, поддержал их и Эдька.

— Да иди ты — отмахнулся Николаич, добывая из кабины несколько бутылок вина. Поставив их на перевернутый ящик из-под запчастей, застеленный не свежей и по числу, и по виду газетой у переднего колеса грузовика, одну откупорил. В таких

случаях выпивки никто никого не приглашал. Кто хотел, подходил сам, насыпал себе, сколько душа просит и, если никуда не спешил, то присаживался, составляя компанию угощавшему. Николаич пил сухое, это означало, что он его возил.

— Дядя Саша, здорово, винишко еще имеется?

— Есть, куды ему деться, — поскреб седую щетину заслуженный ветеран труда.

— У меня конфет море, может возьмешь внучатам на Новый год?

— Брось в кабину. Под сиденьем, пассажирским, пойло лежит. Бери, да родителей угостить не забудь.

— Эдька, подмогни, — окликнул его Святой. Тот подбежал и поддержал объемистую сумку, пока брат складывал в нее вытянутые бутылки «Котнари».

— Что весело у нас в конюшие? Ну ладно, пошли, еще насмотришься.

***

В резной козырек рамы тарабанил весенний дождь. По комнате шустро, но, все еще хватаясь ручонками за находившиеся вокруг него предметы, опасливо передвигался Игорешка.

— Давай-ка, маленький, на мир глянем.

Святой взял сына за подмышки и поставил на подоконник, слегка придерживая сзади за распашонку. Карапуз сразу радостно загукал, заметив знакомую фигурку тещи, снимавшую с веревки сохнущее с утра белье и на понятном только ему одному языке, попытался о чем-то с ней заговорить. Валентина Афанасьевна, кажется, поняла внука. Оставив пододеяльники и простыни на волю неба, она подобрала в луже мокрого и грязного, отчаянно пищавшего стрижа и засеменила в подъезд.

— Видишь, Игорюшка, дождик на асфальте пузырится? Старики сказывают — к грибам это. Подучишься к осени на ногах крепче стоять — и махнем с тобой в лес, по грузди.

— Максима с мамой возьмете? — отряхивалась от водяной пыли на пороге зала теща.

— Возьмем, Игорешка?

Тот, не обращая внимания на слова отца и постучавших ему в плачущее маем стекло брата и мать, восторженно рванулся к взъерошенной среди разбросанных игрушек птице.

— В окно кто-то стукнулся или мне почудилось?

— Дочь ваша, Валентина Афанасьевна, с внуком из бюро по обмену квартир вернулись. Встречайте.

— Легки на помине, — теща пошла отворять дверь.

— Ой, промокли-то как. Почему без зонта утопали? Разувайтесь. Новенькое, Лена, что-нибудь есть?

— Одни вариант есть, но не в городе.

— А где?

— В области. Первомайск, поселок городского типа. Населения двадцать тысяч. Находится в пяти часах езды на электричке, к востоку от Читы, — выпалила она с ходу.

— Олежка, давай глянем, что это за городок? В бюро женщины нахваливали.

Святому не хотелось уезжать из Читы, но и загоревшиеся надеждой глаза жены гасить тоже не хотелось.

— Как скажешь.

— Я хочу, очень.

— Уговорила. Ищи теперь, с кем детей на выходные оставить.

— Со мной, — твердо вставила Валентина Афанасьевна, — с кем же еще.

— Вы ведь по субботам вроде работаете?

— Раз такое дело, посижу, — ответила она зятю и взяла у него с рук Игоря. Пока вас дома не было, участковый приходил, соседи сказали ему, что я над вами живу. Вот, он для Олега повестку оставил.

— А вы случайно не поинтересовались, зачем это я им понадобился?

— Не поняла толком, он что-то про наркоманов говорил.

— А ты — то тут причем? — немного тревожно и удивленно посмотрела на мужа Лена.

— Не знаю, — отвернулся он к телевизору, по которому начали транслировать футбольный матч.

«Вломил кто-то, что я ширяюсь до сих пор» — проворочался Святой всю ночь и утром шагнул не на работу, а в психоневрологический диспансер.

В уголовном кодексе черным по белому написано, что закон перестает преследовать человека, добровольно изъявившего желание, лечиться от наркомании. Это была лазейка, и теперь оставалось умело ей воспользоваться.

В кабинете главного врача очередь не колотилась, и еще не веря в то, что ему не придется торчать в душном коридоре час или больше, Олег потянул на себя белую дверь с не очень ровно приделанной табличкой.

— Входите, — пригласил его врач, рассматривая на свет окна череп на рентгеновском снимке.

— Здравствуйте.

— Добрый день, Иконников.

— Вы меня знаете?

— Прошлым летом я в скорой помощи подрабатывал и упрятал тебя в инфекционную больницу с гнойной ангиной и корью, помнишь?

— Припоминаю, — потер ладонями лицо Святой.

— С чем пожаловал на этот раз? — доктор сел за столик и сунул снимок в стеклянный шкаф.

— Как вас величать?

— Юрий Викторович.

— Наркоман я, Юрий Викторович.

— Опять шутишь?

— Да нет.

— Ну-ну? — подтолкнул его молчание врач.

— Избавиться хочу от этой заразы, но лечь в больницу, к сожалению, не могу, так как переезжаю с семьей в другой город.

— Чем в таком случае я могу тебе помочь?

— Зарегистрируйте, что я без принуждения обратился в ваше учреждение за помощью?

— Насколько я схватил, ты не собираешься проходить у нас курс лечения. Правильно?

После утвердительного кивка пациента, продолжил.

— Зачем тогда формальность в виде справки?

— Это для милиции, чтобы на новом месте жительства не придирались к черному так сказать прошлому.

— Понятно — секунду Юрий Викторович размышлял — скажи свой домашний адрес, это если ты вдруг передумаешь и не покинешь Читы. Придется найти тебя и полечить, но уже в принудительном порядке.

Камень с души свалился и два дня Олег отпахал спокойно, хотя и ожидал каждую минуту ареста за то, что не явился по повестке в милицию. В пятницу, как обычно, он получил в диспетчерской путевой лист и поднялся на второй этаж здания на предрейсовый медосмотр.

— Здравствуйте, милая женщина.

— Здравствуйте, Иконников, здравствуйте. Путевочку давай, — врачиха, чему-то радуясь отложила ее в сторону. Пройди, пожалуйста, в кабинет начальника автопредприятия, а потом, если вернешься, конечно, давление смерим и на линию выпустим.

«Знает что-то, кобыла, да не скажет», — улыбнулся Святой.

«Мегера ты, тетка, и исправляться, видно не торопишься».

Начальник встретил шофера с прохладцей в голосе.

— К тебе, Олег, — скосил он глаза на двоих в штатском, которые враз стали тушить сигареты.

— Мы из милиции, — не поздоровались они.

— Я догадался.

— Никак, встречались раньше — тот, что постарше, встал, потягиваясь, и вытащил из кармана брюк наручники.

— Нет, просто такие усы носят только менты.

— Не знал, честно говоря. Спасибо за комплимент, — он профессионально зажал на запястьях обидчика хромированные браслеты и затянул их резким ударом о колено — не жмет, не давит?

«Бывало и больнее», — не удостоил его ответом Святой. Минуту спустя задержанного впихнули в дежуривший у ворот задрипанный «жигуль» одного из оперов и утартали в центральный отдел, где их поджидал болевший с похмела востроносый лейтенантик, которому поручили упечь Иконникова в «кадушку». В дежурке от наручников его не освободили.

— Давай, Олег, не будем мозги парить ни себе, ни людям? — предложил лейтеха.

— Мысли наши совпадают.

— Тогда колонись, где наркоту приобретал, с кем вмазывался, где и в каких дозах?

— Вопрос, конечно, интересный, облегченно вздохнул задержанный — а с чего вы взяли, что я — наркоша?

— Спрашиваю здесь я — произнес замызганную фразу следователь и, задрав на Святом рукав рубашки выше локтя, удовлетворенно хмыкнул, обнаружив на сгибе дорожку от инъекции.

— Что это?

— Вы же видите, следы от уколов. Поддерживаю организм витаминами, глюкозой.

— А может, ханкой? — остановил его мент.

— Было дело, но завязал.

— Давно? — в очередной раз полез он под шкуру подозреваемому, выуживая из кожаной палки чистый бланк допроса.

— Позавчера. Все, как положено. В диспансере отметился, можете проверить.

Лейтенант с досады стал пунцоветь. Отлично вроде, делюга складывалась, но Олег ее обламывал.

— Сопротивляться, значит, — зарассуждал он вслух, — теперь-то я тебя из принципа посажу.

— Легавый.

— Что, не расслышал?

— В милиции, оказывается, службу несут не только милиционеры, но и такие, как ты.

— Заткнись! Рожа уголовная! — зашипел следователь — сегодня же баландой давиться будешь. Обещаю!

В тесной камере дежурной части Святой был в последний раз без трех месяцев тринадцать лет назад. Ничего в ней не изменилось с тех далеких пор, разве что только нацарапанные, чем попало на дверях клички ее обитателей подновились, так как старые регулярно закрашивались. Задыхался в свое время тут и Дымок. Его погоняло коряво примостилось над самым глазком. Чуточку выше оставил автограф и Олег. Друган возник в памяти без натуги и вполне естественно, со смешным и одновременно горьким эпизодом его взбаламошенной жизни. Женился Серега перед предпоследней ходкой на красотке из Читинского педагогического института и после того, как совпал, в зоне почти каждый день трепал Святому, как безумно любит жену за то, что в письмах она шлет ему живую воду и счастье. Вместо счастья кареокая красотуля приперла мужу на длительное свидание гонорею. Как всегда в таких случаях и бывает, на третьи сутки у Дымка закапало. Забыв, что питает к напомаженной с высшим образованием курве нежные чувства, он бил ее так, что со стены комнаты свиданий оборвалась репродукция картины Серова, а на истошные крики о помощи пострадавшей, сбежалась, наверное, вся лагерная администрация.

Прервал воспоминания поворот ключа в дверном замке и не выполнивший обещания мент, вывел Олега на улицу.

— Можешь считать, на этот раз вывернулся, но гадом буду, компромат на тебя сыщу.

— Генералом стать хочется или морда моя вам не понравилась? — дерзнул на прощание Святой.

— И то, и другое.

***

В субботу, в семнадцать тридцать по местному времени плотно упакованный дачниками электропоезд отчалил от перрона и, пока шелушащая семечками толпа рассасывалась по ближайшим от города станциям, Олегу с женой пришлось поторчать на своих двоих в тамбуре. На восток, как впрочем, и на запад, Святого катали только «столыпиным», и теперь он с любопытством наблюдал сквозь треснувшее стекло разъезжающихся дверей за коршуном, который, стремительно пикируя под нижней кромкой серых туч, шугал звенящих над пахотой полей жаворонков.

Поймав зеленый Ленкин взгляд, Олег ободряюще подмигнул

ей, согнав со лба морщинки. Чем дальше от напутанного в жизни удалялся вагон, тем крепче становилась безысходная поначалу мысль, что Читу придется все-таки покинуть. «Во-первых, менты на хвост сели, во-вторых, в натуре пора хату заиметь, да и от судьбы не убежишь, везде достанет. Ничего в природе просто так не бывает, говорят, что случайность — это неизученная закономерность, посмотрим, что она мне уготовила» — молча размышлял Святой.

Пятнадцать минут одиннадцатого электричка, наконец, приткнулась к одноэтажному деревянному строению станции Солнечная, оказалось, что до Первомайска нужно было добираться еще и автобусом, правда, всего двенадцать километров. Русоголовый крепыш с зачесанными назад волосами уступил свое место жене Святого и завязал с ним базар.

— Раньше я не встречал вас в поселке, вы из Читы?

— Оттуда.

— В гости к кому или как?

— Имя у тебя есть?

— Извини, Костей мать нарекла.

— Отца нет что ли?

— Есть вроде, а вроде и нет. Сбег к молодой на старости лет.

— Понятно. Не к родственникам, Костя, квартиру смотреть. Если понравится, перееду.

— Конечно, понравится, у нас в городе благодать. Где вкалывать думаешь?

— Шофером, если есть где, а нет, так поищу, что-нибудь.

— В Первомайске одна автобаза, в комбинате …

— Что за комбинат?

— Горно-обогатительный, я в нем на «БЕЛАЗе» почитай, каждый день карьер чешу.

— Че в нем роют?

— На оборонную промышленность работаем, руду какую-то. Уран, наверное, точно не знает никто.

— Улица Строительная дом восемь, где это не подскажешь? — переменил тему Олег.

— На первой остановке сойдете и спросите у любого, вам покажут. От ПТУ третья пятиэтажка, не промахнешься.

«Вежливый парень, хороший, сразу видно», — определила Ленка попутчика, разыскивая нужный адрес, и не знала, бедная, что муж ее с этим вежливым в одном только этом поселке убьет четыре человека, а пока благоухающая сирень и насаженная везде черемуха навевала отличное настроение…

Хата из двух комнат находилась в последнем подъезде кирпичного дома на первом этаже. Новой планировки, большая и

просторная, Святому она приглянулась, а жене его просто не верилось, что они будут скоро в ней жить. Теплым, чирикающим воробьями утром, хозяин квартиры водил их по Первомайску и ничего особенно не нахваливал. Олегу с Леной и так все нравилось. В небольшом городке было тихо, как на курорте. По нешироким, зеленым от пышной растительности улицам, умывая тополя и асфальт, ползала поливочная машина. Стоял поселок в ложбине сопок, вплотную к нему жался смешанный густой лес. Вид портил только глубокий карьер, в котором, несмотря на выходной, надрывно посвистывали турбинами сорокатонные «БЕЛАЗы». Часа через три, уставшая бродить компания, села передохнуть на спрятанную в тенистых кустах маленькой, ухоженной, словно личный приусадебный участок, площади. У постамента Ленина пестрела огромнейшая клумба ранних цветов.

— Серега, ты почему из такого рая ноги делаешь?

Прикуривая, тот улыбнулся.

— Женат был, потом разбежались, а теперь вот сходимся, но жена ехать сюда не хочет. В Чите с тещей живет.

— Короеды есть?

— Двое, вот собственно, поэтому и возвращаю все на круги своя. Ну, как вам деревня наша?

— Потянет. В понедельник с работы уволюсь, а во вторник мы припылим и документами на обмен займемся?

— Договорились, я пакую вещи.

Вечером он увез Святого с супругой на станцию, и они пассажирским поездом уехали домой. До квартиры добрались в шестом часу утра. Пока муж чертыхался с непослушным замком, Лена поднялась на второй этаж к матери за сыновьями.

— Мама, сейчас все обскажу, — едва переступив порог, стала она выкладывать новости поездки, — это и поселком не назовешь, городок правильнее будет. Зеленый-зеленый, красивый, чистый. Три школы, спортивный комплекс огромный, а магазины все за день вообще обойти не успели.

— Слава богу, — обрадовалась Валентина Афанасьевна, потише только говори, ребятишек разбудишь, пусть поспят подольше.

Понедельник и вторник Лена пробегала, оформляя документы, а Олег без особых проблем уволился с автохозяйства, выпросив при этом у директора машину, чтобы перевезти вещи на новое место жительства. В среду, оставив детей у матери, они уехали в Первомайск. Утречком Серега взял у своего другана «жигуль» и, прихватив нужные бумаги, все трое были в управлении жилищного коммунального хозяйства, а еще через час Олег помахивал перед счастливой женой ордером на

квартиру.

Теперь осталось уладить только в милиции, — усадил их Сергей в тачку. — напишешь заяву на прописку, начальник я думаю, подмахнет, не глядя и там же с торца здания паспортный стол, пропишешься.

— Ты так говоришь, как будто он может и не подписать заявление? — уловила в его голосе нотку сомнения Лена.

— Менты у нас Москве подчиняются, а муж у тебя судимый. Возникнут на этой почве, наверное, проблемы. Но жилищное законодательство есть, писано оно для всех, как я понимаю, так что никуда они не денутся, подпишут.

Сухопарый, под пятьдесят лет подполковник сквозь нетолстые стекла очков, утопленные в глазницы вытянутого черепа, внимательно изучил паспорт и военный билет Святого, затем сунул ксивы одна в другую и катнул их по полировке стола в сторону посетителя.

— Не получится, Иконников.

— Почему?

— В поселке нашем двенадцать судимых, ты хочешь стать тринадцатым.

— Если дело только в этом, то я не суеверный, не беспокойтесь.

— Не только, — закурил Бессомов, — в этом году была одна квартирная кража, да взломали пацаны пару гаражей. Вот и все крупные преступления, а с твоим появлением в нашем отделе предвижу, работенки прибавится.

— Не торопитесь с выводами, вы ведь меня совсем не знаете.

— По паспорту тебе скоро двадцать семь всего стукнет, а отмотано из них уже десять. Многовато, Олег. За четверть века, что я в милиции работаю, не встречал ни разу человека, которого тюрьма бы исправила.

Пришлось возвращаться в ЖКХ. Директор жилищного хозяйства попался супругам выходящим из кабинета.

— Что-нибудь так? — не стал притворять за собой дверь.

— Николай Васильевич, извините, что дергаю вас, но я решил пока в Чите поработать, а без прописки городской, сами знаете, ничего не получится. Да и вообще пусть жена хозяйкой будет, давайте, если у вас время есть, на нее квартиру переоформим?

— Пожалуйста — пожалуйста, проходите.

Отобедав в отделанной мозаикой первомайской столовке, которая по сервису и свежести продуктов была круче любого читинского ресторана, Святой с Леной отправились в милицию, Увидев в заявлении знакомую фамилию, подполковник изменился в лице: «Вот, собака, пищит, но лезет. Жену я его

обязан прописать, а она в свою очередь пропишет этого бандюгу».

— Где сейчас ваш муж?

— Внизу стоит, в дежурной части.

— Позовите.

Как не был раздражен происходящим Олег, но после наставлений жены старательно держал себя в руках и лекцию, прочитанную Бессомовым, добросовестно в одно ухо впустил, в другое выпустил.

— Надеюсь, ты все понял, Иконников?

«Кажется, отпускает».

— Конечно, как не понять, — попрощался он с надоевшим ментом.

***

Месячной стажировки хватило для того, чтобы Святого наградили сорокатонным «БЕЛАЗом». Человеком для предприятия он был новым и видимо, поэтому ему всучили самую старую и расколоченную машину гаража. Работы Олег не шугался, натянув привычную лагерную робу, в которой откидывался, он с утра и до темени строполил третьями дышащую старушку и через две недели она, наконец, благодарно заурчала двенадцатью горшками отдраенного соляркой двигателя. Домой в этот день Святой приплелся позднее обычного.

— Чему радуешься? — заметила его настроение Ленка.

— Чугунку наладил. В понедельник в карьер выпускают. Услышав о чем разговаривают родители, из кухни что — то жуя, выбежал Максим.

— Папа, ты меня покатаешь?

— Обязательно — пообещал он.

— А у «БЕЛАЗА» колеса большие?

— Вот такие, — Олег поднял руки над головой, — Максим, завтра я отдыхаю, давай за березкой в лес сходим.

— Зачем? — не совсем понял его сын.

— В сентябре в школу потопаешь, и учитель тебя обязательно спросит — успел ты сделать что нибудь в своей коротенькой жизни хорошего или нет. Что ответишь?

— Не знаю, — шмыгнул он носом.

— Скажешь — дерево посадил.

— А это че, хорошее дело?

— Можешь не сомневаться.

— А ты хоть не шутишь?

— Проснешься завтра — и меня буди сразу, договорились?

— Олег обнял сына, и они пошли ужинать.

Затемно, взяв ведро и лопату, Святой с Максимом тихонько выбрались из дому, и по сонным еще улочкам поселка минут за сорок дотащились до нерабочего карьера. Разрабатывать его прекратили несколько лет назад. Почему? А шут его знает. Среди заброшенных людьми отвалов, убегающих вершинами на двести и более метров в прозрачное субботнее небо, отыскали придавленную булдыганами пушистую березку и аккуратно, чтобы не повредить на удивление длинные корни, пересадили ее в ведро.

— Ростом с нашу маму, правда?

— Заметил, значит, шкет, может, заодно догадаешься, как назовем это чудо?

— У деревьев имен не бывает.

— У этого будет.

— Какое?

— Лена.

Солнце еще не полностью выкатило из — за сопок, а лесная гостья уже красовалась напротив окон квартиры, в которой жил Олег. Довольный Максим весь день мучил соседей рассказами, как он с отцом принес ее из леса, а с кухни сквозь стекла балконных дверей теперь всегда можно было видеть кудрявую макушку березки.

***

Работа в карьере была организована в три смены, поэтому на каждой чугунке пахал экипаж из трех шоферов, но драндулет Святого никого не прельщал и он вкалывал один, что впрочем не мешало ему вывозить норму, которую другие работяги кое-как вытаскивали на-гора на новых машинах. Сегодня, по-человечьи отдав восьмичасовой долг государству, Олег проехал через КПП на территорию гаража и загнав «БЕЛАЗ» на мойку, заглушил мотор. Под скрежет металлических щеток и водопад холода, в момент остудивший раскаленную дизелем и солнцем кабину, он прикемарил.

Разбудил Святого взрыв. В короткую пересменку в карьере рвали породу. Насколько позволяла теснота кабины, он потянулся и, переждав облако урановой пыли, оседавшее за распахнутыми воротами мойки, пустил двигатель. На автостоянке, задрав капот, чтобы не копаться утром, долил в радиатор воды и, проверив уровень масла в гидросистеме, нырнул под железное брюхо

машины. Там и застал его бригадир, когда он менял карданные болты.

— Здорово, Олег.

— Привет, Саня, нужно что?

— Вылазь на пару минут, разговор есть.

— Базарь, я и здесь слышу.

— Ты ведь один на этой керосинке пашешь?

— С понтом, не знаешь.

— Там может в две смены побатрачишь. Получишь побольше, да насчет премиальных я похлопочу. Не мало должно выйти, ну как?

Святой согласился не размышляя. Первый раз в жизни он почувствовал, что, не причиняя людям зла, может заработать деньги, и начались гонки по вертикали. Дороги в карьере были опасны, круты и глинисты. Летом их постоянно поливали водой, а зимой — мазутом, чтобы не пылили снующие сутками от экскаваторов до отвалов «чугунки». В такой обстановке, особенно когда на груженном под завязку породой «БЕЛАЗе» Олег вкатывал на весы, и на табло вспыхивали зеленые лампочки цифр — сто тонн, он уважительно себе подмигивал в треснутое зеркало бокового вида. Изнурительно тяжелая работа была ему по вкусу, но уже через неделю отутюжив, как договорился с бригадиром две смены подряд, Святой до того вымотался, что не пошел домой, а постелив под гудящую голову чью-то промасленную робу, отрубился прямо в раздевалке душа.

— Олежка, я понимаю, что деньги надо, но и сутками в гараже пропадать не годится, — ругала на следующий день вечером Лена своего мужа, который опять заявился домой, когда дети уже спали.

— Ребятишки тебя потеряли, давай завтра пораньше приходи.

— Ленка, дай мне хоть месяц по — нормальному отпахать?

— Ты считаешь, что то, что сейчас происходит, это нормально?

— Сейчас бросать ни то, ни се, посмотрим, сколько получки будет, а потом прикинем, что делать дальше, — уговаривал он жену, уплетая плов.

Месяц Святой не вылазил из карьера и в день зарплаты зашел в весело гудящую кассу в приподнятом настроении. Отстояв в очереди, не глядя, расписался в ведомости и отошел в сторонку пересчитать деньги. «Сто восемьдесят рублей — внутри неприятно заледенело. Наверное, ошиблась» — решил он про девушку, которая выдавала деньги.

Выждав, пока шоферня разошлась, Олег стукнул в продолговатое забранное решеткой оконце кассы.

— Моя фамилия Иконников, посмотрите, пожалуйста, сколько я заработал за прошлый месяц?

Пошуршав бумагами, девушка отыскала то, что ей было нужно.

— Вот, ваш автограф?

— Мой.

— Сто восемьдесят рублей, правильно? Святой взобрался на капот своей кормилицы и, облокотившись на кабину, опустил голову на руки. Жгучая обида заливала сознание. Он не представлял, как глянет Ленке в глаза — вместо предполагаемых восьми сотен, вышло в четыре раза меньше, — Олег? — прервал его скучающие мысли потягивающий сигарету бригадир.

— Ты че не в горе?

— Сломался.

— А почему заявки на ремонт нет?

— Я сломался, а не машина — пнул по лобовому стеклу в сердцах Олег и спрыгнул на землю. Бугор побледнел от страха, он не раз мылся после смены со Святым, в душе и имел возможность видеть его разрисованное наколками тело. Блеснувшие слезы шофера ничего хорошего тоже не предвещали.

— Не ты ли, кобыла, хлял, что я в золотых штанах щеголять буду?

— Понимаешь, Олег, бригада план не выполнила. Вот без пятаков и остались.

— Но я с бригады один в две смены месяц горбатил. Почему те, кто на ремонте стоял, больше меня отхватили?

— На ремонте тариф идет. В случае, если бригада план не вытягивает, то ремонтная путевка в два раза дороже карьерной выходит.

— Сколько процентов в прошлом месяце сделали?

— Семьдесят девять, — упавшим голосом ответил Санька.

— А почему, мразь, ты не тормознул меня, когда я шкуру рвал в карьере. Ведь дней за десять до конца месяца ты уже знал, что плана не будет? Знал, сука, по рылу видно. Может, перо меж лопаток тебе сунуть, чтобы не нагребывал больше людей или так дотекет до мозгов твоих чушачьих?

— Так.

На грязной от сапог лестнице, ведущей в раздевалку, Святого догнал Костя.

— День добрый.

— А-а, это ты, неуловимый. Как в автобусе с тобой познакомились, так с тех пор и не встречал твоих синих глаз. Где курковался — то?

— В отпуске был. В Казахстан к теще летал и служил как раз

там же.

— Значит, два удовольствия сразу справил, повезло.

— Извини, Олега, но я слышал случайно, о чем ты с бугром толковал.

— Жалеть меня, что ли приперся или посоветовать, что хочешь?

— Переходи ко мне в бригаду. В моем экипаже вкалывать будешь, чугуняка у меня нулевая, а как ты пашешь — я вижу.

— Давай, Кот, коньячка доброго пузырь возьмем?

— Я не пью почти.

— Брось ты этот девиз буржуйский — ни капли в рот, ни сантиметра в жопу. У всех белазистов репа сорвана на том, чтобы десять лет вредного стажа вымолотить, да тачку купить.

— Дело прошлое, говорят, ты не бухаешь.

— Правильно говорят, но сегодня врежу. До хаты трезвый не пойду. Перед женой стыдно, наверное, не поверит, что я столько капусты срубил.

Утром у Святого трещала голова. Собираясь на работу, он виновато смотрел на Ленку, а она упорно не замечала его.

— Извини, красивая.

— За что?

— Ты ведь понимаешь, за что. Денег мало принес, да еще и нажрался, как собака.

— Деньги тут не причем — жена устало опустилась на диван и закрыла лицо ладонями, Я почти всю ночь» не спала, проплакала и детей ты напугал… Они тебя никогда таким не видели. Ты почему вчера так напился? Про нас — то немножко помни.

— Муть в душе бродила, вот и хлебнул.

Тебе одному нехорошо было, и ты нашел способ поправить настроение, а мы тебя как увидели пьяным, так нам троим плохо стало, это нормально?

Олег присел рядом с Леной и обнял ее вздрагивающие плечи.

— Не дурак, понял. Вытирай слезы.

***

Уже год Святой шоферил в передовой бригаде и на новом «БЕЛАЗе». Он стал прилично зарабатывать и полегоньку обставлял квартиру. Устроив Игорешку в ясли, Лена пошла работать в Управление горно-обогатительного комбината. Максим без натяга закончил первый класс. Все дерьмовое в жизни семьи незаметно рассасывалось. Сегодня на пахоту Олег вышел в третью смену.

— Я только заехал, стартер сгорел, — встретил его чумазый Костя в ремонтном боксе — кое-где проводку заменил, а эту балбешку не успел скинуть. Отпустишь меня к любимой Люсе или помочь тебе?

— Вали, Кот, дрыхни. Остальное я сам доделаю.

— Ну ладно, до завтра.

Он направился в душ, посвистывая сонным голубям, нахохлившимся под крышей на фермах перекрытия, а его напарник — в слесарку.

— Привет, мужики.

— Здорово, коль не шутишь.

— Подмогните стартер снять.

— Заява есть? — оторвался от замызганных карт бугор.

— Обязательно.

— Иди откручивай, пока мы банк мылим, потом шумнешь меня.

Взяв гаечные ключи и пассатижи, Святой полез под машину. Втиснув тело между двигателем и передним правым колесом, он, подсвечивая себе переноской, освободил от хомутов длинный, чугунный корпус стартера. Затем забрался на балку и, неудобно убрав под себя ноги, стал смотреть, от чего произошло замыкание, надеясь провести ремонт на месте. Видимо, от неосторожного прикосновения, тяжкая болванка нехотя скользнула из своего гнезда и придавила Олега. В спину больно врезалась тормозная камера. Груз на груди не давал дышать. Понимал, что нужно как-то выбираться, он напряг последние силы, передвинув ногу чуть в сторону, вместе с тяжелой ношей упал на бетонный в масляных разводах пол. Через тридцать минут его положили на операционный стол и, только когда за окном палаты стали рассеиваться ночные сумерки, Святой, наконец, забылся в больном сне…

— Ты случаем не Иконников? — растолкал его мордатый парень в полосатой майке с татуировкой змеи на плече.

Ответить пересохшим горлом он не смог и утвердительно кивнул.

— Жена к тебе пришла, сейчас я ее проведу.

После непродолжительной перепалки с медсестрой, Лене удалось прорваться к мужу.

— Олежка, что стряслось? — села она на рядом стоящую без матраца койку.

— Кишка внутри какая-то лопнула, а так — все ништяк, — вытащил он у жены из кармана больничного халата чистое желтое яблоко.

— Да не волнуйтесь вы, — пристраивал мордастый на тумбочку Ленкину сумку с провизией для мужа — живой и ладно.

— Спасибо, ты кто будешь-то?

— Леха. Я приползу к тебе в сончас, потолкуем.

Так Святой познакомился с Ветерком, который недавно откинулся с колонии строгого режима и переехал в Первомайск со станции Дарасун, потому что подженился на местной девчонке. Днями они спали, а вечерами, в основном, резались в картишки. Иногда Леха сматывался в ближайший ресторан за бутылочкой молдавского коньяка, и тогда приятели засиживались за воспоминаниями о зоновской житухе до поздней ночи, не подозревая, что неизученная пока человечеством закономерность свела их вместе не только для того, чтобы они мучались ностальгией.

В карьер Олег уже не вернулся, медицинская комиссия запретила ему заниматься тяжелым физическим трудом. Потеряв денежную работу, он юзнул в Читу. Автохозяйство, с которого он уволился, переезжая в Первомайск, не совсем радостно, но все же приютило его. Жить стал у своих родителей, благо Эдька служил в армии и одна комната сиротливо пустовала в ожидании хозяина. К семье ездил только на выходные и через год и Лене, и ему самому надоели частные разлуки. Несмотря на острую нехватку денег, нужно было заниматься воспитанием сыновей, и Святой вернулся в поселок. Следующие два года пришлось горбатить на местном пищекомбинате грузчиком. Отдушиной в однообразной нудной работе стал спортивный комплекс, куда его затащил Максим с подросшим Игорехой. Вместе с мускулами появились и новые знакомые. Частенько, после, тренировок он с ребятишками и Воробьевым, выделяющемся среди занимающихся настырностью и спортивной злостью, заходил поужинать или просто попить кофе в расположенный рядом со спортзалом ресторан. Пока Олег отсутствовал в Первомайске, Костю вербанули гаишники и теперь раз в неделю тому приходилось дежурить в милиции, то кажется, это нисколько не тяготило его, а

даже наоборот, нравилось. И когда Святому удавалось, нечасто, правда, забегать проведывать Костино семейство, его попугай, трепло и сквернослов, возвещал хрипло на всю хату.

— Внимание, в квартире менты!

— Вот, падла, заткнись, а то на улицу вышвырну!

— Мама! — сразу начинал жаловаться шестилетний Андрюшка — папа Кешу на мороз грозится выгнать!

— Я ему выброшу, — успокаивала сына Люся. Как бы твой любимый папуля вперед Кешки в форточку не вылетел.

— Слышал, че мама сказала?

Слабый, как принято считать пол, с которым Кот связал свою судьбу, проходя службу в войсках специального назначения, на отлично метал ножи, прыгал с парашютом и в совершенстве владел приемами рукопашного боя. Так что слова жены для Кости были не просто болтовней.

— Откуда эта райская птичка прознала, что ты в ментовку подался? — хохотал Олег.

— Папа научил, — гордился отцом Андрюшка — всего за четыре дня.

От первой жены удрал Ветерок и не к кому нибудь, а к лучшей ее подружке, и та готовилась весной родить Лехе наследника. Заходил Святой и к нему. Пару месяцев назад тот окончил курсы водителей и сейчас пахал на базе ОРСа. Как и многие в Первомайске, заколачивал Леха не густо, но регулярно приворовывал и считал, что живет, не очень может и расчудесно, но, по крайней мере, и не худо.

***

В первых числах января девяностого года Олегу попалась на глаза газета. В разделе «реклама» говорилось, что дорожно-строительной артели срочно требуются опытные водители на сезонную работу. У него был второй класс и огромное желание отбатрачив всего восемь месяцев, как обещала газета, наконец-то купить «жигу». Уговорив жену, Святой собрал в рюкзак вещи и поехал в Иркутск по указанному в объявлении адресу.

«Права Ленка, что меня дальше, чем до магазина одного отпускать нельзя, заболею» — вспоминал он жену в прохладном тамбуре вагона. С детства преследующая его ангина, выбрав удобный момент, хватко вцепилась ему в горло.

— Мужчина, — попробовала оторвать Олега от стылого окна дверей в накинутом на голые плечи форменном костюме молоденькая проводничка.

— Вы что там в такой темнотище рассматриваете?

— Чаем горячим напоишь, скажу.

— Ух, ты, шустрый какой.

Она нагребла гнутым совком полведра угля, но уходить не спешила.

— Без чая значит, тайну не выдашь?

Крестики и амулеты в тюрьмах и зонах носить запрещалось. Фотографии близких родственников иметь не разрешалось. Дубаки отметали буквально все, что пахло волей, и все равно у зеков была память. У одного огрызок карандаша, которым сынишка рисовал дома, у другого — незаметно выуженный из сумочки супруги на длительном свидании носовой платочек, мокрый от слез. У Святого тоже был талисман — созвездие «Большая медведица», но откровенничать с незнакомым человеком не хотелось. Дыханием он растопил причудливый узор зимы на стекле и в образовавшееся пятно подмигнул не отстающим от поезда звездам.

— Без чая не выдам.

— Ну и не надо — фыркнула девчонка.

В офисе старателей, что находился в здании студенческого общежития в центральной части города, листал с яркими вкладками заморский журнале бывший первый секретарь райкома партии в Черемхово Игорь Николаевич Грибов. Скрипнувшие в очередной раз входные двери, вместе с клубами морозного пара впустили в помещение среднего роста парня в меховой летной куртке и ондатровой шапке. Судя по рюкзаку, он — то и нужен был Грибову.

— Здравствуйте, вы не на работу пришли наниматься?

— На нее, родимую.

— Специальность есть?

— Шофер.

Игорь Николаевич сложил журнал пополам и сунул его во внутренний карман потасканной дубленки.

— Категории какие?

— Второй класс.

— Потянет. Я начальник одного из артельских участков, Грибов Игорь Николаич. Машину новую приехал получать. Принимай?

— Что за тачка?

— «ГАЗ — 66».

— Договорились.

— Паспорт, военный билет и трудовую давай. Сам подожди меня здесь, я в отдел кадров смотаюсь. Оформлю тебя на скорую руку, время жгет. Ты не болен случаем?

— С чего вы взяли? — на всякий пожарный соврал Олег.

— Блеск в глазах нездоровый.

— Прекрасно себя чувствую.

— Надеюсь. В артель приезжают пахать, а не прохлаждаться. Да и больничных листов у нас не оплачивают.

— Здоров я, здоров.

И через три часа они благополучно добрались до Кутулика, в пяти километрах от которого и базировались старатели.

Новая, чем — то смахивающая на лагерную жизнь, прихватила Святого. В шесть утра его будил ночной дневальный. Он шустро чистил зубы, умывался и летел завтракать в просторно-теплую и по домашнему уютную столовую участка, где круглые сутки была горячая пища, а на столах восседали большие эмалированные тазы, полные вареных вкрутую куриных яиц, булочек и лепешек. Шеф — повар, кормивший в былые времена в здравницах Черного моря самого Брежнева, забичевал после смерти супруги и уже третий сезон подряд кулинарным искусством развращал работяг артели. Приняв котлету, напичканную тушеной капустой и глазуньей, Олег запивал это дело кружкой крепкого кофе с молоком. Плотно одевался, вооружался паяльной лампой и шел разогревать «верблюдицу», как ласково окрестил он свой вездеход за горбатую будку. В половине восьмого смена пропитых в отпуске рож, сморкаясь и кашляя, грузилась в машину, и Святой увозил их на дробилку, где они превращали каменюги в щебень для отсыпки дорог, а обратной ходкой забирал ночников, отмантуливших положенные им по уставу двенадцать часов. Затем шныри набивали будку грязной робой старателей и узлами с бельем для прачечной. Поверх лантухов повара швыряли молочные бидоны и пустые мешки под хлеб. В кабину подтягивал полновато сбитое тело главный механик участка и проторивая в рыхлом снегу дорогу, вездеход пробирался в Кутулик. Сначала заезжали на почту за свежей прессой и письмами для рабочих, потом, сдав прачке белье, рвали по магазинам. Крутанувшись по ремонтным мастерским районного центра в поисках запасных частей для мощных бульдозеров и «КРАЗов», возвращались на базу. Повара устраивали меж лавочек будки термоса с горячим обедом для бичей, в кабину садился Грибов и, опростав машину от жратвы на дробилке, Олег с начальником мотали в Черемхово. На обратном пути прихватывали дробильщиков на участок. Ночная смена уже толпилась на крыльце барака, поджидая «верблюдицу» и, едва успев сбегать в туалет, Святой падал за руль и вновь под широкими баллонами шестьдесят шестого, уминался снег целяка. Заканчивалась эта круговерть почти в полночь. Он с

наслаждением булькался в сон и если до утра его не тревожили, что бывало крайне редко, то в четыре ровно, по будильнику вставал и, продрав глаза, занимался ремонтом, готовя машину к рабочему дню. Сегодня ложиться спать не имело смысла. Грибов приказал ему к двум быть на стреме, он собирался по делам на лесную стоянку, где бригада «Робинзонов», как их погоняли в артели, отсыпала для лесовозов трассу. Задрав в сыплющее влажноватыми хлопьями снега черное небо кабину вездехода, Олег взобрался на теплый еще мотор и, закрепив за верхнюю пуговицу бушлата то и дело мигающий плоский фонарик, принялся снимать со свечей зажигания нагар. Кроме одиноко светящего в метели окна столовки, да маячка на груди, душу согревала фотография жены и детей в нагрудном кармане комбинезона. Снизу несло теплом двигателя. Пальцы голых рук, правда, закоченели, но — «жизнь хороша, и жить хорошо».

Ночной поваренок и дневальный, уложив в будке приготовленные с вечера продукты и запчасти, подгоняемые пронизывающим ветром, чесанули в барак.

— Святой, час ночи уже. Ты просил напомнить. Баня протоплена, веник свежий в парилке, в бочке мокнет. Шел бы погрелся!

— Спасибо, Семеныч!

— Женька, ты не в курсе, че Олега один всегда в баньке плещется?

— Не а, — потер прихваченные морозом уши поваренок.

Может, привычка?

Он ошибался. Святой просто боялся, что его синюю шкуру увидит кто нибудь из рабочих, судимых в артель не брали.

Оттаяв в парной, он напился кофе, взял сухой паек и почти враз с начальником нырнул в журчащую выхлопной трубой «верблюдицу».

— Не сломаемся по дороге, Олег?

— На мази все, Игорь Николаич, сами знаете, я каждый болтик в эту конягу своими руками вкручиваю.

— Ну ладно. Сначала на дробилку давай, посмотрим, что там у них творится.

Экскаватор грузил «БЕЛАЗы» камнями, те высыпали их перед приемником дробилки, кучу эту сталкивал туда бульдозер и могучие жернова железяки, не напрягаясь, глухо молотили их в щебень. Непогода вкалывать не мешала. Пользуясь тем, что начальник ушел в вагончик к чаюющим бичам, Святой подогнал машину вплотную к на минутку заглохнувшему экскаватору и опустил боковое стекло.

— Мишаня, ты че без кабины нагребываешь?

— А когда ее мастырить, некогда, — простужено откликнулся тот.

— Сука эта, кивнул он на дробилку, — сутками трещит, проклятущая.

— Ты словно снеговик, хоть бы толью прикрылся, что ли или шапку одел. Околеешь ведь.

— Мне не женатому один хрен, когда боты заворачивать, — отряхнул Мишка кожаную кепку.

— У тебя — то как?

— Ништяк!

— Куда намылился, на ночь глядя?

— В Аренцехой.

— Че там потерял? — попытался он прикурить.

— Шефу поблукать захотелось.

— Вон он, бредет, легок на помине. Счастливого пути!

Фосфорические стрелки часов вездехода показывали пятнадцать минут шестого, когда с врубленным передним мостом он, осторожно выхватывая круглыми фарами из темноты, следы тракторов, припорошенные снегом, продирался сквозь тайгу. Прогоняя смеживающий ресницы сон, Грибов свернул с литрового пластмассового термоса крышку и плеснул в нее кофе.

— Не тормози.

На сене, подрагивал телом и, подняв настороженные морды, лежали красавцы псы.

— Извини, Николаич, но давить их я не буду.

— Любишь собак?

— Допустим.

— Волки это. Поехали, или ты на улицу сиганешь разгонять их?

— Светать еще и не собиралось, когда «верблюдица» наконец замерла в прямоугольнике трех полузасыпанных старым и свежим снегом вагончиков на полозьях. Шеф выпрыгнул в сугроб и, разминая затекшие в унтах ноги, пару раз присели.

— Пошли, Олег, перекусим.

За прокопченным стеклом керосиновой лампы слабо чадил фитиль, бросая тени на маленькое, грязное помещение лесной столовой. На дырявых мешках с картошкой валялось сырое мясо, а на буханке сухого хлеба стоял махонький, перемотанный черной изолентой транзистор и пищал по «Маяку» последние новости. Тесно окружившие его старатели швыркали пустой кипяток, заварка кончилась неделю назад. На базе же общепит блестел, как котовы яйца и не было такого, чтобы бичи мяли хлеб без масла.

— Срань господня, что тут за бардак? — притопнул, сбивая

таившую на унтах порошу Грибов.

— Где повар?

— Я вроде, — скребанул пятерней щетину пузатый мужик, — а че?

— Почему людей, как положено не кормишь, тебе за что деньги начисляют?

— А че им надо? Вон картоха, мясо. Пусть жарят, а ты не шумел бы, новости мешаешь слушать.

— Ты, урод, — вмешался в разговор ставивший на газовую печку чайник Святой, если пахать не хочешь, собирай чемодан и вали отсюда. Хряк медленно оторвал зад от колченого табурета и недобро блеснул узкими щелками бухих глаз.

— Заткнулся бы ты, паренек.

Левой рукой Олег пробил ему печень, а правой смачно снизу вверх хукнул по отвисшей челюсти.

— Это в кино, дядя, пасти рвут и моргалы выкалывают, а в жизни я вас, блядей, вот таким макаром переворачиваю. Гоните вы, мужики, этого козла из бригады. Руки мозолите и голодные сидите — пнул он по ожиревшему рылу валяющегося под перевернутым столом пузана и вслед за начальником шагнул в подвывающие ветром утренние сумерки.

Почти такой же паршивой ночью, какой и покидал базу, спустя двое суток вездеход вернулся назад. Святой, похлопал дремлющего шефа по плечу, возвещая о прибытии домой и, не глуша чихающего мотора, уставший бездорожьем, побрел в барак. Переодевшись, сдернул с веревки сохнущее в кухне банное полотенце, взял припустил в манящую дымком трубы баньку. Поддав ковшом на раскаленные камни, растянулся на верхней полке парнушки, потом исхлестал себя облупленным березовым веником и, полузадушенный мокрым паром, выскочил в моечный зал. Главный механик, мыливший лысоватую голову, перед которым нежданчиком нарисовался татуированный Олег, слегка опешил.

«Все, врюхался», — окатил себя холодной водой Святой.

— Ты че, сидел что ли?

— Маленько.

— Сколь?

— Червонец.

— Ни че себе маленько, а за какие грехи?

— Магазин выхлопал.

— И все?!

— Но-о.

— А че так много вмонтировали?

— Восемьдесят девятая, часть третья. Кража

государственного имущества свыше двух с половиной тысяч рубликов наказывается от шести лет тюряжки и аж до вышака.

— Ясненько, — стал промывать щипавшие мылом и без того воспаленные глаза механик.

— Анатолий, не растаскивай по участку, что я судимый?

— Ты за кого меня держишь, я с измальства глух и нем. Вены-то пошто резал, с жиру, поди?

— Человека подкармливал, тот на голодовке сидел.

— Как это? — перестал шаркать вехоткой по курчавой груди механик.

— Осколком стекла вскрылся и нацедил ему алюминиевую миску крови, грамм пятьсот примерно. Он выпил половину, а другую поджарил и слопал.

— Может быть, и в натуре главный механик артели был глух и нем, но бичи каким-то другими каналами узнали, что этот фиксатый балагур, молотящий по вечерам кулаками мешок, набитый землей, жизнь повидал. Однако ничего страшного не произошло. Вкалывал Святой, как надо. Не прогуливал, не бухал. Одним словом трудовую дисциплину не нарушал, а Аранцехойская история, выплывшая наружу, только сыграла ему на руку и до этого уважавшая его босота, относиться к нему стала еще лучше.

Ощутимо, но незаметно, улетели в прошлое весна с летом. От работы на износ по восемнадцать часов в сутки к концу сезона Олег устал и, хотя отпахал положенные уставом двести десять трудаков, в отпуск уйти никак не получалось.

— Игорь Николаич, отпусти меня домой. В глазах метелит, расшибусь где-нибудь на дороге.

— Не, убьешься — дети ждут тебя, не дождутся. А если серьезно, то потерпи, Олег до первого снега. Бичей на каникулы спровадим и вместе свалим. Я, между прочим, тоже домой хочу.

Наконец в начале ноября механик, с которым Святой успел сдружиться, увез его на железнодорожный вокзал Кутулика и, «раздавив» в ожидании поезда на Читу бутылочку водки с шоферюгой, крепко обнял его.

— Пару месяцев отдохнешь, и давай назад, мы тебя ждем!

***

Воровать стало намного труднее, чем раньше. Сторожа и менты до того оборзели, что иногда шмонали на выезде из базы ОРСа не только Лехину машину, но и его самого. «Собаки красные» — в одних трусах вышел он в прихожку, где стоял

телефон и, сняв трубку, закрутил диск.

— Лена? Здравствуй. От Олега ничего нет? Как дома? Неделю назад припылил! А почему мне не позвонил — обиделся Ветерок. Спит без задних ног, говоришь. Буди его, волка, я минут через десять подбегу.

Святой кое — как добрался до ванной и, сунув под струю ледяной воды не совсем еще проснувшуюся голову, через минуту немножко одыбал, а за пузырем «Советского шампанского», что припер Леха, пришел в себя окончательно.

— Ври скорей, торопил его приятель, что да как в стране Лимонии. Внимательно выслушав ответ Олега, он стал жаловаться.

— Не хило ты пристроился, а я с базы сматываюсь. Заработки фуфловые, а красть, сволочи, не дают. Словно с ума все посходили, подсматривают друг за другом, да подслушивают. С товароведшей одной недавно сплелся, так не поверишь, официантка с кабака жене моей, которая в кассе управления сидит, об этом натрекала. Прикидываешь? База, ресторан, касса. Вот это связь.

— Чем кончилось?

— Не убацал еще.

— Понятно теперь, почему тебе Настя чемодан собрала, донеслось из зала.

— Хороший у твоей жены слух, — не то похвалил, не то удивился Ветерок, поплотнее затворяя на кухне дверь.

— Послушай, айда со мной. На этот сезон как раз бензовоз без водилы остался. Я помогу тебе на него сесть. Выход, по-моему. Пока батрачишь, здесь все по тихой само собой утрясется.

— Подумать нужно, хотя вроде все и логично. На всякий случай скажи, когда примерно готовым быть?

— Новый год справим и рванем, раньше меня Ленка все равно не отпустит.

Ноябрь с декабрем Святой заслуженно бездельничал. Ходил с Игорем и Максимом в спортзал и бассейн. Морозил уши на катке, где сыновья гоняли шайбу. Шарился по друзьям, знакомым. Просиживал часами у жены на работе, слушая, как она стрекочет на пишущей машинке. Резался с Котом в шахматы и помогал Лехе чинить его государственный драндулет.

Пятого января межгородом запел телефон.

— Папа, тебя, — подал отцу трубку Максим.

Звонили с Кутулика.

— Здорово, Олег!

— Здравствуй, Николаич — узнал его голос Святой.

— Хватит расслабляться, я на базе…

— Еду, еду — сразу заскучал по бичам Олег — дня через три прикачу.

— Можно другана с собой притаранить?

— Специальность у него есть?

— Шофер.

— Судимый?

— Как я.

— Горькую шибко глычет?

— Как я.

— Тогда вези, — глухо рассмеялся Грибов, — но под твою ответственность.

— Спасибо, Николаич. До свидания.

Подождав пока в трубке послышатся гудки отбоя, Святой перебрал номер.

— Ветерок, привет. Если надумал со мной ехать, готовь мешок. Восьмого отчаливаем.

— На стреме я, на стреме. Скорей бы сквозануть.

***

Каждый день из отпусков прибывали старатели и, собираясь по вечерам у телевизора в столовой, с удовольствием ржали, вспоминая, как, сваливая, зарекались сюда возвращаться. Всех или почти всех тянули сюда уже не длинные деньги, а тягло работы, мужская дружба и черт знает, что еще. Постепенно Олег вновь втянулся в лямку по-прежнему бешеного ритма работы. Леха от такой житухи был не в восторге, но возможность прилично отхватить капусты, заставляла его пахать, как все, а уж денежки-то он любил.

Три с половиной месяца проскакали махом и в конце апреля вместе с пригревающим весной солнышком, Святому подканала телеграмма. Серый телеграфный бланк с приклеенными к нему печатными буквами сообщал, что едет Эдик. По времени выходило, что сто восемьдесят четвертый прибывает через час и, отпросившись у шефа сбегать до вокзала встретить брата, Олег завел машину.

— Стой, стой! — тормознул его выскочивший из окна барака Ветерок — ты не в Кутулик?

— Туды.

— Вот и славненько. Забросишь меня по дороге в одно место, — влез в кабину вкованный приятель.

— Это по какому такому случаю вы так принарядились, моншер? — подозрительно окинул его Святой.

— Втюрился. Барышня, скажу тебе по секрету — огонь!

— Пьяница, что ли?

Леха юмора не понял.

— В банке служит, соображаешь? В него шаромыг не пускают. Татарка, правда и ребятенок есть, а так, баба — ништяк!

На центральной улице райцентра он спрыгнул, а «верблюдица» торопливо пошла на вокзал. До подхода пассажирского оставалось целых десять минут и, приткнув вездеход в тень, наверное, столетнего тополя, Олег приготовился покемарить, как вдруг открылась дверца, и в салон следом за залетевшей объемистой спортивной сумкой полез Эдька.

— Здорово! — обнял он старшего брата накачанными руками боксера.

— Привет! Где поезд-то, не пойму?

— Ушел, минут пять уже.

— Нежданчиком значит, решил нагрянуть?

— Надоело по Чите дерьмо пинать. На работу устроишь?

— Так ты не в гости?

— Нет.

— Молодец. Родичи как?

— Путем все — пригладил Эдик растрепанные волосы русого чуба — батя вкалывает на машзаводе. Мать дома, как всегда сидит, вяжет да книги читает. Носки шерстяные тебе отправила, в сумке где-то лежат.

— Погорбатить значит надумал?

На территории базы, день и ночь, громыхая, вращались заляпанные гудроном огромные барабаны двух асфальтно-бетонных установок. На одну из них Святой запихал братана оператором и спустя всего неделю, тот уже смахивал на бывалого старателя. Чумазый, в порванной майке и американской бейсболке, натянутой на самые брови, он самостоятельно варил асфальт и грузил машины, а в узкие минуты затишья, тягал самопальную штангу и дорывал болтающуюся еще с прошлого сезона грушу Олега.

В дружно стучащую ложками столовую, выискивая кого-то, заглянул Грибов.

— Старшего Иконникова никто не видел?

На экране цветного телевизора в дамских подштанниках летал над ареной цирка Казанова Леонтьев, поворотом звуковой фишки Святой заткнул ему рот и, допив компот, встал из-за стола.

— Здесь я, Игорь Николаич.

— Олег, собирай бригаду дорожников. Пусть лопаты берут, и вези их прямо сейчас в Средний.

— Это военный поселок, что на трассе на Иркутск стоит?

— Да. На КПП вас будет ждать комендант, он покажет рабочим, где асфальтировать. Я за вами шесть «КРАЗов» отправлю, когда они разгрузятся, в кузов последнего ураловский двигатель бросите и назад все, ясно?

— Обед на дробилку кто утянет?

— Я что нибудь придумаю.

— Тогда все.

У зеленых створок металлических ворот пропускного пункта городка, украшенных алыми звездами, машину встретил молодцеватый капитан с повязкой дежурного на рукаве.

— Вас Грибов прислал?

Высунул голову на улицу Святой, утвердительно кивнул, потеряв при этом с носа темные очки. Капитан ловко поймал их и подал шоферу.

— Комендант у штаба вас караулит. Поедешь вот так, видишь? — показал он рукой — у памятника Ленину свернешь налево и метров через двести упрешься в штаб.

— Понятно. Отворяй воротья.

— Степанов, пропусти машину, приказал кэп часовому. Бичи сноровисто шпаклевали выбоины в асфальте перед двухэтажным зданием штаба, когда к «верблюдице» подкатил Ветерок. Из его бензовоза, вытирая лицо белоснежным носовым платком, вылез смугловатый подтянутый генерал и, прикурив папиросу, сунул сгоревшую спичку обратно в коробок.

— Найденов?

— Я, товарищ генерал.

— Скажи солдатам пусть двигатель со списанного «Урала» старателям отдадут.

— Слушаюсь, Джохар Имрамович.

Переждав ревущие на взлете «Бигфайер» и охраняющие его четыре истребителя, Олег подошел к приятелю.

— Ты че тут делаешь?

— Солярки бочку закачал, за асфальт, наверное.

— А это что за туз?

— Командир полка, Дудаев. Ниче говорят мужик. Олега, я у Хадичи ночевать буду. Забери меня утречком, а?

— Базара нет, — пообещал ему Святой.

— Любит она тебя хоть децал?

— Хуже, — зачем-то пнул он колесо, — жениться заставляет.

— Ты не забыл, что уже женат?

— Нет, конечно, но она не знает.

— В натуре?

— Серьезно.

До первых петухов Олег провозился с вездеходом, переобувая его в новую резину и в седьмом часу, подъехав к татаркиному домику, посигналил. Заспанный Ветерок появился в калитке минут через пять, за его спиной с мальчуганом на руках маячила Хадича.

Папа, ты сегодня придешь? — неожиданно звонко выкрикнул пацан.

Святой, протиравший забрызганные грязью фары вздрогнул, чуть не выронив тряпку. В гробовой тишине приятели миновали Кутулик, и только потом Олега прорвало.

— Ты что, обалдел? В Первомайске жена с ребенком, а ты этим душу калечишь. Свалишь ведь в октябре, думаешь, они тебя не потеряют?

— Не поеду я никуда, Хадича беременна — обреченно ответил Леха. Услышав такое, Святой резко нажал педаль тормоза и схватился за голову.

— Леха, я как твоей бабе на глаза покажусь? Представляешь, она меня спросит, где тебя, волка, черти носят?

— Ты-то тут при чем?

— Притом, что я тебя в эту глухомань сманил. Пугай Хадичу, пусть абортируется.

— Поздно, — помял нос картошкой Ветерок, — она через четыре месяца рожать будет.

«Сегодня девятнадцатое августа, — машинально про себя ответил Олег, Значит перед Новым годом разродится».

— Домой поедем, Леха — зло плюнул он себе под ноги, а то привезу сюда Настю, она живо твоей татарке бельма выцарапает.

Зря облегченно вздохнул Святой, неприятности на этот погожий день еще не закончились. Уплетая с бичами на дробилке мудрено вкусную котлету, аппетит окончательно испортила тридцатых годов радиола дребезжащим динамиком выплюнувшая сногсшибательную новость о том, что в Москве идет вооруженный переворот. «Тебя-то нам как раз и не хватало», — бросил в недоеденный рис вилку Святой. Кто кого и с какой целью захватывает, пока было не понятно.

Эдик, сыпавший в колхозный «КАМАЗ» очередную порцию смешанного с гудроном щебня, обернулся на стук шагов поднимающегося в операторскую брата.

— Слышал, Олега?

— Слышал.

— Что делать будем?

— Выждем пару дней. Узнаем все толком, а там решим.

Под установкой оглушительно рвануло и в наступившей тишине остановленного Эдькой завода, на чем свет стоит

залаялся колхозник.

— Куда смотришь? Навалил столько, что сразу два баллона стрельнули — да у меня никогда такого не было. Я жаловаться буду!

Назавтра пригнав «верблюдицу» с почты, Святой еще от въезда на участок увидел целое столпотворение у непривычно молчащих установок.

«Митингуют, что ли?», — направился он к галдящим артельщикам, в гуще которых ожесточенно размахивал руками Грибов.

— Олег, наконец-то приехал, где пропадал? Впрочем, не важно. Твой брат отключил оба завода и не разрешает никому грузиться.

— Где он?

— На подстанции, от рубильника всех шугает.

Воткнув лом в землю возле электроцеха, загорал присыпанный пеплом установок Эдик.

— Что стряслось? — улыбнулся при виде взъерошенного брата Святой.

— Пока тебя не было, по телику передавали выступление Ельцина. Он обратился ко всем гражданам СССР объявить, бессрочную забастовку. Говорит, что незаконно сформированный комитет по чрезвычайному положению арестовал Горбачева. Я сразу обесточил базу.

— Правильно сделал. Бросай лом и пошли, нужно все это дело бичам разжевать.

Подошедших братьев сразу обступила толпа.

— Мужики! В Москве кипишь. Горбачеву ласты крутят. Ельцин просит нас работу бросить, — начал Олег.

— Пахать надо! Нам — то какое дело до всего этого! — ответил один из шоферов.

Одобрительным гулом артельщики поддержали его слова.

— А вы где живете, мыши? На Луне или в России? — стал закипать Святой.

— Не хочешь вкалывать, вольному воля, а нам капусту не мешай рубить, — выкрикнул кто-то из кучи старателей.

— Если мы выполним просьбу президента, то выполним свой гражданский долг — так я понимаю? — встрял в базар Эдик.

— Так, но и вы в наше положение войдите. Мы сюда со всего Союза скучковались деньгу зашибить, а теперь ежели сворачиваться, то выходит, зазря семьи побросали.

— Олег, бери брата и пошли ко мне в кабинет, поговорим.

— Вы за них, Игорь Николаич?

— Я думаю, они правы.

— Пошли, Олега, че с ними язык мозолить, а то сбегаю я за ломом да угоню их, блядей, дальше, чем они видят, — запустил в сторону заводов свою бейсболку Эдик.

— Сваливаем мы, Николаич, — принял решение Святой. Вечерним поездом братья уехали, Ветерок остался.

Баню Хадиче дострою и приеду, — успокоил он Олега.

В плацкартном вагоне Эдик купил у проводников бутылку водки за четвертак, и до рассвета братья проговорили.

— Не знаю, Эдька, что дальше будет. Хоть по новой воровать начинай. Цены, словно сумасшедшие, вверх лезут, если честно работать, то «жигу» до самой смерти конечно не возьмешь. Живи пока у родителей. Понадобишься, я тебе брякну, припылишь.

***

Первого, как всегда суматошного, сентября, Олег с Леной провожали сыновей в школу.

— Игорюха, ну как учиться будешь, наверное, на четыре и пять? — помогал закинуть ему за спину ранец Максим. Характером в отца, Игорь телячьих нежностей не любил и брату не ответил. Но улыбка в пол — лица выдавала его любопытство и радость перед неизвестным пока океаном знаний, по которому обещал на вчерашней линейке покатать учеников директор. Праздничное настроение ребятишек незаметно передалось и Святому. Давно шла перестройка, непонятно кому нужная перекройка СССР и разрушение социальной защиты рабочих, фронтовиков и пенсионеров, но в это мягкое осеннее утро нарядные мальчишки и девчонки, весело орущие на школьном крыльце, прикрыв собой все напасти, безрадостной, в общем — то жизни, напомнили Олегу его детство. Прижимая руками к груди огромный ярко красный букет цветов, седовласая учительница повела свой класс в здание школы. Впереди торжественных первоклашек, звеня колокольчиком, в синих бантах важно вышагивала махонькая девчушка. В самых дверях, улыбаясь, обернулся Максим и сумкой с учебниками приветственно махнул родителям.

— В какой, Ленка, он у нас класс пошел?

— Папаша называется, в седьмой.

— Ох, что я маленьким не сдох?

— Ты это что вдруг? — забеспокоилась жена.

— Счастливые маленькие человечки, будут на переменах дергать девчонок за косички и протирать штаны на лестничных перилах. Вон Игорешка наш, пошли, посмотрим, за какую парту

его посадят, — Святой взял Лену под руку.

— А ты в их возрасте каким был?

— Я-то? Тоже штаны в клочья рвал, и мать каждый день пришивала мне пуговицы на рубашку. Но стабильность в жизни была, по крайней мере, финансовая. А сейчас страна начинает разваливаться, денег никак не заработаешь. Надо одеваться, обуваться, детей кормить, а им ведь не объяснишь всего этого. Раз ты отец — вынь и положь.

— Не раскисай — жена с упреком посмотрела на Олега — проживем как нибудь.

— Вот именно, как-нибудь. А почему человек должен так жить? Мне кажется, что если человек — рабочий, честно отпахал месяц, то должен получить за свой труд не прожиточный минимум, чтобы концы с концами сводить, а зарплату, на которую можно нормально жить.

— Вот увидишь, будет все хорошо. Президент никого в обиду не даст.

— Я тоже надеюсь на это, — невесело блеснул золотом рта Святой.

— Ведь не может того быть, чтобы такая великая страна на колени встала.

— Не сочиняй.

— Благодушие на тебя первое сентября навевает — стал то ли хохмить, то ли говорить правду Олег — капиталисты спят и видят, как уничтожают Союз. Не только балетом сильна страна наша, но и военной мощью. Буржуи нас шугаются и если здраво разобраться, то обязательно должны уничтожить нас и морально, и физически. Постепенно конечно. Сначала раздробят СССР, потом придумают какую-нибудь конверсию и разоружать станут, а там глядишь — и до балета доберутся.

— Прекращай жену запугивать, остановил его подкравшийся сзади Кот, — здравствуй, Лена. Можно я украду у тебя Олега на полтора часа?

— Здравствуй. Мы вообще-то к Игорю заглянуть собрались, а куда ты его утащить хочешь, да еще ровно так — на полтора часа?

— Футбол наши гоняют с краснокаменским «Строителем».

— Отпустить тебя?

Во время матча приятели подзатянулись и допивать направились к Косте домой. Жена его, работающая медсестрой в поселковой больнице, сегодня была на дежурстве, а сын у бабушки на даче. Домывали детский праздник они в «Кристалле» и только потерявшая мужа Лена разогнала их из ресторана. При ее решительном виде Костя, сделав вид, что уронил вилку, успел нырнуть под скатерть стола, и этим самым ему удалось избежать

неприятного разговора, а может и оплеухи.

***

Свалив камень с души Святого, в ноябре прикатил с артели Леха и этим же вечером случайно словившись с Котом, отдыхающим после смены, шагнул к приятелю.

— Привет, белазисты! — встретил их, обняв по очереди, Олег.

— Распрягайтесь. Лена, сделай нам что-нибудь закусить, друганы объявились!

— Светишься, будто счастье привалило, — съязвила жена, но пока мужчины раздевались и мыли руки, стол в кухне соорудила.

— Идите, готово, — вернулась она к телевизору.

Накинув на полустеклянную дверь ручное полотенце, Святой поплотнее притворил ее и, пододвинув к столу табурет, сел.

— Рассказывай?

Помня о всеслышащей Ленке, Ветерок шепотом поведал о своих злоключениях.

— Хадича через месяц родить должна, кое-как с Кутулика сорвался. Слез пролила море. Пришлось пообещать, что в январе приеду.

— Значит, скоро копытца рванем обмывать? — пошутил Костя.

— Да-а, дела, — протянул Олег, насыпая в рюмки коньяк. — Где «капусту» брать думаешь, теперь тебя на две семьи шкуру рвать нужно?

— Не знаю пока, — озабоченно почесал ежик на башке Леха — воровать придется, заработать все равно не дадут.

— И видимо, по-крупному, — поддержал его Святой.

— Вы зачем в артель ездили, бабки делать или баклуши бить?

Не сговариваясь, Святой с Ветерком рассмеялись.

— Понимаешь, Кот, мы отпахали как надо, но расчет придет месяца через четыре, когда деньги обесценятся, а он — Леха кивнул на Олега — вообще ничего не получит, потому что нарушил устав старателей и раньше срока подался до хаты.

— Понятно, — Костя разлил остатки «Дойны» по фужерам, — ну давайте вмажем, да я побегу, — виновато вздохнув, опрокинул он в себя коньяк.

— Побздехиваешь жены?

— Да ладно тебе — отмахнулся он от Лехиного вопроса — я и сам бью, как конь копытом. Андрюшке хлестанулся коньки наточить, а детей обманывать грех.

— Не зря мы при нем про воровство говорили? — зыркнул

Ветерок на Олега, когда тот проводил Кота.

— Он с ментами полощется, как бы не наболтал чего?

— Не должен. По-моему он парень нормальный, — открыв в раковине кран с холодной водой, стал споласкивать рюмки Святой — его судьба тоже мордой по грязи навозила, не дай бог. Как дембельнулся, так до сих пор денежки на машину и копит. Мы с ним на одном «БЕЛАЗе» вкалывали, он даже в столовую, бедолага, не ходил, все откладывал, а до мечты так и не хватает.

— «Жигули» все дороже становятся, — согласился Леха.

Он хотел продолжить, но его перебил толкнувшийся в дверь Игореха.

— Папа, иди быстрей, мама зовет!

— Игорь, я посуду мою.

— Межгород вызывает, — вмешалась Лена — Эдька, по-моему, его голос.

Вытерев мокрые руки фартуком, Олег взял лежавшую у телефона трубку.

— Здорово, че звонишь, соскучился?

— Есть малость. Чем занимаешься?

— Ветерок нарисовался, «Дойной» балуемся.

— Правда?

— Ты что, волчара, брату не веришь? На, Леха, побазарь с ним.

— Привет, Эдька.

— Здорово, ну как у тебя, я имею в виду, в Кутулике?

— Погано.

— Подробней расскажи?

— Не могу, уши кругом.

— А-а, врубился, Ленка подслушает?

— Конечно, — покосился на нее Ветерок, а та, сгораемая женским любопытством, посматривала на него.

— Рули сюда, если в Чите делать нечего, загуляем?

— Добро, завтра электричкой прикачу. Олеге дай трубку, базар есть.

— Говори, я слушаю.

— Братан, я с девчонкой недавно познакомился. Она из Шилки, от вашего поселка это всего минут сорок на рейсовом автобусе.

— Правильно.

— Можно, я ее с собой прихвачу? Она здесь в пединституте учится и на выходные к родителям домой ездит. Вам ее светану, да на автобусе дальше отправим?

— Ты че, влюбился?

С ответом Эдик подзамялся.

— Вези, вези. Как ее зовут?

— Вика.

— Кого ты там еще приглашаешь? — оторвалась от телика жена.

— Эдька подружку привезет. Ну ладно, братан, до завтра, Леха меня снова на кухню тянет.

Ветерок, проверив, хорошо ли закрыл дверь и, прибавив громкость в динамике, висевшем на стене над хлебницей, заговорил чуть раскованней.

— Говорят, пока мы в артели батрачили, тут кооператив какой-то появился?

— Если ты про «Юникс», то контора действительно солидная. Председателем там Манто, а в замах у него Миловилов. У первого шарабан отбит напрочь, от легавых день и ночь не вылазит, а вот зам — в отличие от него, не дурак. А что ты вдруг ими заинтересовался?

— Может, попробуем их тряхнуть? — взялся распечатывать бутылку шампанского Леха.

— Сил маловато, но масло погонять можно.

— О чем думать? Эдька как нельзя, кстати, приезжает, вот и хапнем акул капитала за жабры.

— Ты выхлопать их предлагаешь или рэкетнуть?

— Считаешь, будут платить?

— А куда они, денутся? Шугануть только по-человечьи.

Назавтра поздно вечером прикатил Эдик. Прямо с автобусной остановки он зашел сначала к Ветерку и уже вместе с ним отправился к братану. В квартиру гостей впустила Лена.

— Где Вику забыл?

— Застеснялась она чего-то, а может и вас. Не уболтал, короче.

— Эдька приехал! — накинулись на него Максим с Игорехой, — гостинцы где?

Он отдал им пакет с фруктами и прошел к читающему в спальне “Советский спорт” старшему брату.

— Привет, пуританин, ты бы хоть раз ради приличия обнял меня при своих?

— Рубать хочешь? — увильнул тот от вопроса.

— Не, Настя накормила, — бросил Эдька в аквариум щепотку бормыша золотым рыбкам.

— Леха говорит, дело есть?

Спустя час, потягивая из баночки китайское пиво, младший брат Святого, как главное действующее лицо предстоящего, подытоживал.

— В общем-то, все понятно. Возле подъезда, где Миловилов

живет, я его прихвачу, когда он со службы пойдет, а вы рядом тритесь, чтобы Миша видел, что я не один. Лица шарфами прикроете, а я не первомайский, промету ему, что меня из Читы прислали, обложить «Юникс» данью, так?

— Потянет. Нагони ему пурги до коликов в желудке, только до смерти не перепугай, чтобы он в ментовку не улетел. Если не как надо базар сложится, цинканешь. Мы с Ветерком подгребем.

— Будешь? — предложил брату пиво Эдик.

— Не хочется.

— Сколько с них в месяц лупить будем?

— Давайте тысяч по сто, — предложил Леха.

— Не жадничай. Нужно их зацепить для начала, хотя бы штук по пятьдесят, — зевнул, прикрыв рот ладошкой Олег, — а потом, если все ништяк, будем накидывать. Тысяч по двадцать каждый месяц. Я понимаю, тебе капусты теперь на два семейства надо, но мы и так на халяву прем. Придется, Леха, потерпеть.

Выпасли Миловилова только в пятницу. После работы тот с сыном, швыряясь колобками мокрого снега, друг в дружку и по закуржавевшим в стуже фонарям освещения центральной улицы поселка, дурачась, убежали в бассейн. Возвращались затемно и также короткими перебежками от одной закатанной сотнями ног ледяной дорожки до другой. У подъезд его по имени окликнул высокий, плечистый парень, в норковой шапке на бровях и пушистом мохеровом шарфе под нос.

— Присядем, — безапелляционно приказал он, подтолкнув не совсем вежливо Мишу в сторону неприятно холодной скамьи.

— Сережа, беги домой, — подал он мальчишке сумку с влажными полотенцами — скажи маме я сейчас подойду. Недолго только давай — попросил Миловилов незнакомца.

— Голова после душа еще не высохла, а болеть мне, к сожалению некогда.

— Какая тебе разница — больным подыхать или здоровым?

— Я умирать вроде не собираюсь, — еще не въехал Миша, зачем его тормознули.

Через двадцать минут брат Святого быстро встал и исчез за углом пятиэтажки. Олег с Ветерком обогнули здание с другой стороны и встретились с Эдиком возле забора детского садика.

— Все пучком. Добазарились, что первый взнос они сделают сто тысяч, а затем каждый следующий месяц будут отстегивать по пятьдесят.

— Когда первые денежки хапнем? — радостно потер замерзшие руки Леха.

— В понедельник они соберут нужную сумму, а во вторник Миловилов сказал на квартиру к нему зайти и там он мне филки

отдаст.

— Нужно было где-нибудь в другом месте передачу устроить, — попинал задубевшими ногами бордюр Святой, — как бы он ментам нас не подставил.

— Да ты что, Олега — тронула Эдькины губы заметная улыбка, — он такой конь бзделоватый, что чуть от страха сознание не потерял, когда про мафию услышал.

— Ну ладно, каша варится. Посмотрим, что из этого получится. Шлепай, Леха, до хаты, во вторник часикам к пяти до меня подтягивайся. Прикинем, как «капусту» половчей забрать.

Телефон стоял на широком подоконнике кухонного окна, стекла которого натертые соляным раствором, не брали никакие морозы.

— Лида, почему в кухне света нет? — не раздеваясь, прошел в полумрак помещения Миловилов.

— Лампочка перегорела, я у соседки до завтра заняла. Она слева от мойки лежит, не разбей — предупредила из спальни жена.

— Сережка где? — снял он трубку с аппарата и стал набирать номер телефона Манто.

— В ванной купается.

“Вот, чертяка, с бассейна и сразу в ванну”, - отпустило, кольнувшее было сердце.

— Володя, это ты?

— Мог бы и не спрашивать, знаешь ведь, что я холостой. Что молчишь?

Миша не ответил.

— Не узнаешь по голосу что ли?

— Нет.

— Чай пью, — жующе произнесли на том конце провода, — с тортом. Что стряслось?

— С чего начать не знаю, ум на раскорячку.

— Начни с начала, — посоветовал Манто.

— Попробую…

Во вторник в половине шестого Леха подошел к квартире Святого одновременно с Леной, возвращающейся с работы.

— Ой, Олежка, сейчас я тебе такое расскажу, ты не поверишь.

Ветерок устраивал на вешалку ее шубу, а Святой подал жене шлепки.

— Выкладывай свои новости, у нас время нет.

— Только вы не болтайте никому, а то мне на работе влетит.

— Не боись, облегчи душу, — прогнал ее несуществующий страх муж.

— У нас в поселке рэкетиры появились.

— С чего ты взяла? — выпучился на нее Эдик.

— Начальник милиции после обеда у меня был, мы с ним на ксероксе деньги печатали. Он торопился сильно, я так поняла, что бандитов сегодня ловить будут.

— Много напечатали? — поинтересовался Леха.

— Сто тысяч.

— Все выложила? Теперь иди, ужинай, я тебе суп разогрел. На печке стоит, под полотенцем.

Святой, прибавив звук телевизора, чтобы жена не слышала о чем они собираются толковать и бросив на ковер подушку от кресла, сел на нее.

— Ну, что, братцы-жулики, делать будем?

— Вот дичь перепуганная, все же с легавыми поцеловался — перекосило злой гримасой мужиковатую рожу Ветерка, — но ничего, скоро у нас зубы вырастут, я его, падлу, перекушу…

— Это не Миловилов, сто пудов, — встрял Эдик — скорее всего, Манто.

— Понятно, — недобро выдохнул Леха после некоторого молчания.

— Чем теперь заняться? Без капусты ведь сидеть не будешь, нужно чем-то кормиться.

— Можно было бы в Чите поворовать, но у нас даже машины нет — развел руками Олег.

— Значит надо найти человека с тачкой или у кого-нибудь в аренду взять — предложил брат Святого.

— Дело прошлое, я знаю одного парнишку с тачкой — встрепенулся Ветерок, — у него двойка, «Комби», а денежки сейчас никому не помешают. Цепануть его?

В крестовину рамы смачно шлепнулась шайба, подкинув Олега с пола к полузашторенному окну. В опускающихся на поселок сумерках зимней ночи, у желтого «жигуленка» с клюшкой в руках и задранных к небу ушах кроличьей шапки, выжидающе глазел на окна квартиры Игореха. Сына Святой любил и если бы тот не только бы побил стекла, но и сжег все жилище вообще, наказывать его все равно бы не стал. Но кулак любимому сыночку для порядка он на всякий случай показал. Игорь, соглашаясь с отцом, согласно кивнул оторванным для форсу козырьком шапки и, подобрав шайбу, погнал ее к другому подъезду, а из тачки в распахнутом овчинном полушубке и косматых собачьих унтах, вылез подзатянутый Костя. Заметив, что форточка зала отворена, он протиснулся к ней сквозь ломкие в изморози кусты черемухи и выразительно щелкнул себя по кадыку указательным пальцем.

— Премного благодарен, — отказался Олег, — куда востришь?

— К тебе, вмазать не с кем.

— С кем приехал?

— Это не со мной, так мужики знакомые с отдела, подбросили по пути. Между прочим, за домом, соседним с твоим, пасут.

— А что там интересного?

— Говорят, рэкетиров брать будут.

— По ходу весь Первомайск уже в курсе, что менты нам капкан поставили, — не выдержав, рассмеялся Леха.

— Порулил я, братаны, — засобирался он.

— Насчет машины не забудешь? — напомнил Эдька.

— Я до него и пошел, обтяпаю по-горячему.

— Промацай путем протеже свое, а волоки его ко мне домой, когда Ленка на работе будет.

Алексей? — мыла посуду Лена — загони, пожалуйста, ребятишек. Пообморозились, наверное, да и темно уже. Скажи Насте — я через час прибегу.

***

Вовчик перебирал фотографии семейного альбома. С желтеющего снимка на него в упор смотрел моложавый еще батяня. Черные смоляные кудри азербайджанца и такого же цвета большие глаза на фоне зеленых волн Каспийского моря смотрелись. На волосатых жилистых руках восседал он, Вовчик. «Сколько же пролетело? Сейчас мне двадцать семь, на фотке год, значит двадцать шесть. Нос ястребиный, как у отца» — потрогал он свой клюв — «вот только волосы на голове рыжие, ни в мать, ни в пахана…» Дверной звонок заставил Вовчика вздрогнуть. Жена на седьмом месяце беременности бесчисленное количество раз просила его отключить этого дьявола, но как-то все не доходили руки.

— Ольга, откроешь? — сунул он ноги в тапочки.

— Я стираю, — недовольно откликнулась она.

Отпустив квадратную кнопку звонка, Ветерок толкнул обитую обожженными рейками под красное дерево дверь и, перешагнув порог, почти столкнулся с Рыжим.

— Здорово, Вовка.

— О-о, какие люди. Здравствуй, здравствуй! — не на шутку всполошился хозяин, которого в поселке даже сопливые пацаны пинали в жопу, а тут вдруг пожаловал сам Леха, — раздевайся, проходи — метнулся он в кухню ставить чайник.

Худенькая его супруга с несуразно торчащим из-под байкового халата животом, застеснявшись непрошеного гостя, заперлась у ворочающей белье машинки в ванне.

— Вова, сам похозяйничай.

— Конечно, конечно, — слетал тот за малиновым вареньем на балкон.

— Может кофейку сварганить?

— Не суетись, Рыжий, — подтолкнул под его тощий зад табуретку Ветерок.

— Где вкалываешь?

— Нигде пока.

— «Жигу» дай на месяц? — взял его за горло сразу Леха. — Откатаю, рассчитаюсь. Деньгами или шмутьем, как тебе удобней будет.

«Отказать такому гостю опасно, но и давать тачку жалко, вдруг разобьет» — лихорадочно замельтешило в запотевшей башке.

— Зачем тебе лайба?

— Меньше знаешь, дольше живешь, — положил в фарфоровую кружку столовую ложку малины Ветерок.

— Может возьмешь меня за шофера, все равно днями дома торчу.

— Не потянешь ты, Вовчик, на дела лихие.

— Потяну, че не потяну-то?

— Воровать придется.

— Да если знать хочешь, я уже неделю маршрут инкассаторов вычисляю, — стал врать Рыжий, — выслежу хорошенько и хлопну.

— Один?

— Не веришь?!

— Верю, верю, — попробовал открутиться Леха — но я не один. Святого знаешь?

— Нет.

— А братана его, Эдьку?

— Нет — огорчился Вовка, — я ведь домосед. Похлопочи за меня, а? Я вас не подведу, вот те крест, — перемахнул он себя вдоль и поперек.

— Веришь в бога?

— Обязательно.

— Не знаешь, значит, что рыжих на небеса не пускают.

— Че, правда?

— В натуре. Ладно, Вовчик. Завтра в два часа равно к дому номер восемь по улице Строительной подскочишь. С торца здания карман для машин есть, вот в нем меня и подождешь.

— Леха, давай послезавтра в это же время?

— Что так?

— Тачка на колодках. Нужно обуть ее, заправить, помыть…

— Уболтал. В четверг, так в четверг.

В назначенное время там, где и договаривались, будущие подельники словились. Надраенный Рыжим белых «жигуленок» сиял.

— Подыми капот, — попросил его Ветерок и с минуту прислушивался, как пашет мотор. «Не перебоит», — удовлетворенно отметил он.

— Захлопывай и пошли.

Олега они застали протирающим линолиумный пол прихожки.

— Привет, жулики. Валите в зал, я в спальне приберусь и чайку хапанем.

Спустя час Вовчику, кажется, удалось залезть Святому под шкуру, и он стал четвертым членом банды. Проводив его до машины, Леха вернулся.

— Ну, как он тебе?

— Поживем, увидим. Первое впечатление не очень, чтобы очень, но, по-моему, подойдет. Только я рыло его до сегодняшнего дня ни разу в поселке не встречал?

— Вот и ништяк. Рыжего сильно никто в Первомайске и не знает.

— Он что, не местный?

— Местный, родился здесь. Просто овца по жизни. Приподымем его в поселке, пускай бродит, пальцы гнет, а за жизнь блатную отрабатывает.

— Рыжий он, падла, не смущает тебя это обстоятельство?

— Сам ведь говоришь, поживем — увидим.

— Ладненько. После Нового года Ленкин день рождения отметим и попрем.

— Когда у нее?

— Двадцатого января.

— Сколь стукнет?

— Христов возраст, тридцать три.

— Подарить что надумал?

— Собаку хочет. В Читу рвану до барахолки. Айда со мной, Эдьку заодно навестим?

— Не получится, Настя кипишь засадит, а брата ты прихвати на обратном пути.

— Зачем?

— Пусть Вовчиком займется. Потаскает его по кабакам, да местам злачным.

Именины справляли в «Кристалле». Ветерок с Настей, Костя с женой, Эдик и Олег с Леной уместились за двумя сдвинутыми вместе столиками, посередке которых у вазы с тепличными розами месячный сенбернар розовым крошечным языком облизывал шоколадный крем с Эдькиного куска торта.

— Олежка, сенбернары ведь с рыжими пятнами, а этот с черными. Тебя не обманули случаем на рынке?

— На этом деле я зубы съел — вышиб дробь на коронках ногтями пальцев, — красивый щенок?

— Как назовем?

— Твой он, тебе и решать.

— Тогда — Линда. Нравится?

— Лишь бы тебе нравилось.

— Эдька, Вику опять не привез?

— Извини, Лена, в следующий раз обязательно приволоку, не отмажется.

Передавая с рук на руки, женщины занялись обсуждением достоинств сенбернарихи.

— Братан, Рыжий себя как ведет?

— О-о, если ему тормоза вовремя не врубать, он всех, кто с ним раньше не знался, переколотит. В субботу вот тут в ресторане он так разбушлатился, что мы с Котом его кое-как угомонили. Мужиков, с которыми в прошлом году на станции техобслуживания слесарил, за старые грехи лечить удумал. Одному на гребне две бутылки из-под пива раскрошил.

— Поправляется, значит, хорошо. Пусть борзеет, может, сделаем из него мужчину.

— Сделаем. Вовчик на глазах из недоноска в урку превращается. Житуха в куражах ему по вкусу.

— Не теряй над ним шефство, пока все пучком канает, но и не переборщи, смотри.

— Удыбал, волк, что ли, что мы за него базарим, — увидел Рыжего сидящий лицом к входу Леха.

— Кто?

— Обернись, увидишь.

За стеклянными дверьми зала топтался Вовка.

— Здорово — вышел к нему Олег.

— По делу, или на чашку кофе заглянул?

Тот оттянул Святого в угол фойе и, озираясь на курящих у гардероба девчонок с Пищекомбината, зашептал.

— Резина у меня на тачке совсем лысая. Только не накрути, что я от поездки увиливаю, — начал оправдываться он — но надо же где-то доставать. Может, купим? Я знаю, где. На этой далеко не уедешь.

— Нет у нас «капусты». Придется гараж чей-нибудь подламывать. Ты пошукай у кого лайба новая и где он ее ночевать ставит. Сдернем колеса, может, заодно и запчастями разживемся.

Рыжий надеялся на деньги, но обломился. Понимая, что первая в его судьбе делюга уже на носу, в эту мерзлую ночь он проворочался дольше обычного, прикидывая, не отказаться ли ему от всего этого неизведанного, но перебороть того, что нужно будет разворачиваться перед Олегом, не смог и поэтому в воскресенье кража состоялась. В час ночи Святой, Вовчик, Ветерок и Эдик собрались на территории первомайской санэпидстанции. В один из государственных гаражей которой запирал на ночь свой жигуленок директор коммерческого магазина «Гермес», еще осенью при помощи Рыжего, приобретшего, а затем и перегнавшего покупку в поселок.

— Эдька и ты, Леха, на атасе потритесь, а я с Вовкой отработаю.

— Я? — лязгнул зубами тот, — воровать что ли?

— А ты че думал, бананы собирать? — поднял воротник куртки Ветерок, — я тебя предупреждал, помнишь?

— Не коноебься, Рыжий, пройдет. Первый раз тяжело, а потом привыкнешь. Догоняй!

Укутав в тряпку навесной замок, Олег крепко заломил его в проушинах ворот, а Вовчик ватными от подступившего страха руками, пилил дужку.

— Идет кто-то!

— Не обращай внимания, — понял его состояние Святой.

Жалобно визгнув, полотно переломилось.

— Держи «собаку», — передал подельнику замок Олег и обломанной пилкой за минуту с небольшим перешоркал «собаке» толстую шею. Затем моргнул китайским фонариком и, подождав, пока подбегут атасники, втолкнул Рыжего в приоткрытую щель ворот.

— Леха, замкни нас и в половине третьего, отопрешь.

— Ясненько. Я с Эдькой в подъезде поторчу, погреемся.

— Добро.

Ветерок навесил на обитую серыми солдатскими шинелями дверь заранее приготовленный замок и шуранул с братом Святого в теплый подъезд кирпичной двухэтажки, где жил Вовка. В паутине давно небеленого бетонного потолка тлел шестидесятиваттный ночник. На обзолистых плахах, брошенный поверх смотровой ямы, стояла в свежей резине тачка, в капот ей передним колесом упирался нулевый мотоцикл с коляской.

— Это начальника ОРСа «Урал» — пояснил Рыжий — он с директором «Гермеса» в кентах и бокс этот он вымутил, а Стаса сюда зимовать пустил.

— Откуда знаешь?

— Я со Стасом в одном классе учился.

— А че ты школьного приятеля выхлопать решил?

— Живот урчит, терпежа нет, — ушел от неприятного вопроса Вовчик.

— На «собаке» мы, если в натуре пузо прихватило, то в люльку “Урала” опрастывайся и брезентухой накинь, а я пока «жигу» поддомкрачу.

Дристал Рыжий дольше, чем думал и спустя пару минут, в гараже повисла такая невыносимая вонь, что как Олег не крепился, его стошнило. Оторвав карман у телаги, Вовка подтерся и, застегнув штаны, быстро накрыл мотоцикл чехлом от легковушки.

— Сам не пойму, что это меня пронесло.

— Бывает, дело житейское. С движка навесное все сворачивай — скинул первое колесо Святой.

— Вовка, ты че такой вонючий?

— Не слышу, повтори? — нырнул он под капот.

— Шустрее говорю, ковыряйся, скоро пацаны подойдут.

Откатив все четыре баллона к выходу, Олег сложил их одно на другое и, раскатив на два щелчка водительское сиденье, уперся в него взмокшей спиной, а мягкими подошвами полусапог в лобовое стекло. Выдавив верхнюю часть, он поддел концом отвертки резиновый шнур, и через минуту стекло покоилось на покрышках.

— Рыжий.

— А? — тихо отозвался тот.

— Что там у тебя?

— Трамблер, бензонасос, карбюратор и аккумулятор снял. Стартер отвинчиваю.

— У нас осталось девять минут, торопись.

— Понял.

Краденное лежало на стреме.

«Пора бы Лехе подкатить», — глянул на наручные часы Святой, приложив ухо к воротине. Но ни полтретьего, ни в три снег не скрипел. Вовка опять усрался, а Олег выблевался, после чего заставил подельника вылить в люльку мотоцикла ведро сцеженного с бензобака «жигулей» бензина. И только без пятнадцати четыре, впустив в помещение клубы ночного воздуха, дверь бесшумно отворилась.

— Вы где, волки, шляетесь?

— Не газуй, Святой, на котлах стрелка встала. Фу-у, в рот-компот — поморщился Ветерок, — как в газовой камере.

— С понтом ты там был, Эдька где?

— На стреме. Чем так пахнет?

— Дерьмом.

— Чьим?

— Начальник ОРСа с бодуна, наверное, навалил приличную кучу в люльку собственного «Урала».

— Вот ублюдок, — принялся вытаскивать запчасти на улицу Леха, — надо предъявить ему, пусть за вредность молоко выписывает.

Смикитив, что буря пронеслась мимо, Рыжий заметно повеселел. Навьючив на дохлые угловатые плечи мешок с мелочевкой, он подхватил два колеса с дисками, и молчком уперся в сторону пролома в заборе, где подельников ждала его тачка. Остальное в один прием доволокли Олег с Ветерком.

— Жиган ты, Вовка, — подхваливал воришку Эдик — не бзднул?

— С чего? — колдовал тот у задранного багажника, пакуя в него стыренное.

— Молодец.

— Святой, куда это богатство спрячем? — сняв спортивную шапочку, вытер запаренные лоб и шею Рыжий.

— На дачу к Лехе поливайте. Скуркуете все — и по хатам, а ты отоспишься и лайбу строполи. Два дня хватит?

— Должно.

Подельники, не включая фар, уехали, а застывшие на ветру братья резанули вдоль спящих домов в противоположную сторону. На Строительной Эдик отвернул вправо, вверх по улице к «Березовой роще».

— Куда ты? — остановился Олег.

— В гостинице пересплю.

— Не выдумывай.

Теребя на ходу щипающие морозом уши, брат припустил еще хлеще.

Жена, как обычно когда Святой пропадал неизвестно где, не спала.

— Где был? — встретила она мужа с Линдой на руках.

— У Эдьки, в «Березовой роще». Сваргань что-нибудь похрястать.

— Ты мне зубы не заговаривай. Я только что звонила в гостиницу, не было вас там.

— Щенка дай, — и, взяв его за огненный загривок, сунул себе за пазуху.

— Ну-ка вынимай! — потребовала Лена.

— Пускай погреет меня.

— Озяб, бедненький? Шариться по ночам меньше нужно!

— Не накормишь, значит.

— Не придуривайся. Горячее все, иди на кухню.

— В одиночку есть отказываюсь.

— Спасибо, что хоть чуть-чуть помнишь обо мне. Я, между прочим, тоже с обеда крошки в рот не брала.

В пятницу по темноте, чтобы не рисоваться на глазах у рано начинающих трудиться жителей поселка, Вовчик забрал Ветерка, который поджидал его на автобусной остановке и подрулив под окна квартиры Олега, коротко посигналил. Братья, пившие кофе, быстро оделись и вышли.

— С добрым утром, бандиты. Рыжий, тачка на мази?

— В порядке — с готовностью ответил он Святому — для полного счастья только магнитофона не хватает.

— Будет, Вовка. Раз начало есть, конец обязательно будет. Погоняй — откинул он спинку сиденья и, надвинув на брови шапку, закрыл глаза.

— Леха, инструмент для работы взял?

— В багажник положил.

Перед железнодорожным переездом узкоколейки, ведущей со станции на базу ОРСа, трекавший впереди «жигулей» синий «Беларусь» неожиданно для Вовчика резко затормозил на красный сигнал семафора и он, не успев среагировать, воткнулся передком машины на торчащие позади трактора клыки.

— Проснись, нас обокрали, — потрепал за мохеровый шарфик старшего брата Эдик.

— Вижу.

Рыжий, словно ошпаренный вылетел из-за руля и ринулся к владельцу «Беларуса», выяснять с ним отношения, а тот в дымину пьяный еще со вчерашнего дня, даже не почуял удара и мутным взглядом окинув пустующий переезд, занукал дальше.

— Не кипятись, — вернул подельника вылезший из «жиги» Олег, — ничего страшного, — присел он на корочки перед капотом, рассматривая повреждения. Один клык, видимо загнутый к верху, скользнул мимо цели, другой, не задев радиатора, пробил только крыло сбоку от левой фары.

— Как тебя угораздило?

— Не останавливаются здесь никогда, понимаешь?!

— Красный горел…

— Ну и что, все равно не останавливаются.

«Неужели оттого, что он рыжий, неприятности? Ерунда», — оборвал Святой мелькнувшую примету.

— У тебя сегодня масти нет, — скинув шапку на колени брата, он расстегнул молнию кожанки, и на всякий случай пристегнулся ремнем безопасности.

— Пылим дальше?

— Пылим, Леха, пылим. Не жрали бы вы с утра пораньше шампанское.

— Ночью некогда будет, я так понимаю. Придумал что?

— Для начала в ЧУС заскочим. Там Ленкин брательник на грузовике пашет, сегодня он как раз на ремонте стоит, вчера Ленка с его женой по телефону базарила. Бензином подразживемся, а там посмотрим. Чита — город хлебный, с голодухи умереть не даст.

Горячий поток воздуха с обогревателя, разливаясь теплом по салону, разморил Эдика с Ветерком, и они хмельно засопели, привалившись друг к дружке. Смежив белесые ресницы, притворялся, что спит Вовка.

В начале десятого тусклый свет фонарей со снежком вперемежку, с копотью печных труб окраин города встретил жигуль с джентльменами удачи и спустя час, бормоча малыми оборотами движка, он замер у бетонных колец, наваленных у ворот ЧУСа.

— Ждите, жулики, я махом — Олег перелез через забор и в мастерских, где шаманили «ЗИЛы» и «КАМАЗы», отыскал родственника.

— Карманов, вылазь, — вытащил он того за мазутные валенки из-под машины.

— Привет, бродяга, помощь требуется?

— Спасибо, не надо, — стянул с рук рваные, тряпочные перчатки Санька и, размяв сигарету, сунул ее в фиксатый рот.

— Прикурить дай, а ты же не куришь. Как живешь в своей деревне, в Читу не потягивает?

— Радоваться, конечно, не чему, но получше, чем здесь.

— Что тогда прикатил?

— Делишки.

— Волчьи, поди?

— Как у тебя, Карман, с горючкой? Литров сорок не дашь?

— Во что брать будешь?

— Канистры есть, две по двадцать.

— Где?

— Я не один. Пацаны в тачке за воротами сидят. Через забор сделаем?

— Зачем через забор, так устроим, — Сашка, волоча за собой огромные, не по ноге обрезанные валенки, ушлепал на проходную и угостив вахтера сигареткой, через некоторое время подъехал к ремонтному боксу на «жиге».

Пока Рыжий из правого бензобака Саниного «ЗИЛа» сцеживал огненную воду, Святой вышел с ним на улку. У соседних дверей на «КАМАЗовских» полуприцепах стояли три импортных металлических контейнера.

— Что в них, не в курсе?

— Это кооператоры часть гаража под склад арендуют. Вчера мы им помогали вот с этих самых контейнеров компьютеры и шампунь детский выгружать. Богатый склад, под крышу всяким барахлом забит, но жадные, собаки. Всего по пузырю на рыло за труды выделили.

— Святой, заправились — аккуратно упаковал в багажник канистры Вовчик и, протерев шерстяной ветошью корявые, конопатые пальцы, втоптал ее в снег.

— Ну, ладно, Карман, пока. Благодарствую за бензин, — обнял его Олег.

— Не за что. Нужда заест, приезжай еще. У ворот посигналишь, вахтер вас выпустит, я его предупредил.

— Только нарисовались, уже масть хезанула, — сел за руль Святой, — контейнеры красные видели?

— Ну? — насторожился Леха.

— Коммерсанты склад в этом автохозяйстве устроили, сегодня ночью мы его и подрежем, — тронул он «Жигули» с места.

— В Северный пока слетаем, у родичей наших до темноты потремся и с богом.

Мать жарила оладушки, когда красиво запел звонок, подаренный деду на работе по случаю его выхода на пенсию. Перевернув на шипящей жиром сковороде желтый кружок теста, она торопливо пошла открывать.

— Ох, басурмане, почему так долго глаз не казали?

— Здравствуй, мать. Извини. Эдьку ты недавно видела, а я занят почти всегда. Не обижайся, отец где?

— Раздевайтесь. На заводе, где же еще.

— Он ведь на пенсии.

— Черта с два его дома удержишь, так до гробовой доски ишачить и будет. Поговорил бы ты с ним, Олежка, мне ведь скучно дома одной сидеть, особенно зимой.

— Протолкую, мать. Сегодня обязательно потолкую с дедом нашим. Всю жизнь государство вместо денег ему грамоты почетные вручает, а ему видно и невдомек, что его дурят.

— Мойте руки и давайте чай пить, я оладьи стряпаю. Здравствуй, Леша, а этого парня я что-то не помню.

— Вовка его зовут, наш, первомайский.

— Попроведать заглянули или как?

— И в гости, и по делу. Завтра домой, а Эдьку у вас с дедом оставлю.

В два часа ночи, взяв сумку с пилками по металлу и фомкой, Святой, Эдик и Ветерок, оставив Рыжего в тачке, перемахнули при помощи уже знакомых бетонных колец через ограду ЧУСа. Дул холодный, пробирающий до костей ветер, небо заволокло тучами. Возле сторожки, почуяв чужих, затявкала и тут же смолкла дворняга. Погодка выдалась самая, что ни на есть воровская. Леха, засунув правую руку за пазуху, нащупал рукоять финки, привезенной с последней отсидки и, высморкавшись припухшим носом, шепотом прохрипел.

— Работайте, я сторожа пасти буду.

Эдька заломил замок так, чтобы брату удобно было пилить дужку, и зашарил по темной территории глазами.

— Приличная «собака», но нам и покрупнее попадались.

Начал Олег осторожно, но абсолютно все издаваемые звуки глушил ветер, теребящий оторванные листы жести на крыше сарая, в котором хранились кислородные баллоны и под эту музыку разбушевавшейся непогоды, замок слетел в мгновение ока.

В складе горел дежурный свет, но самое главное — было тепло и тихо. Кроме шампуни и компьютеров, про которые утром говорил Саня, на стеллажах, убегающих на высоту второго этажа, пылились двухкассетные японские магнитофоны, мягкие игрушки, сигареты, джинсы в пакетах, куртки и всего, всего, всего.

— Олег, как все это попрем?

— Все и не потащим, выберем, что подороже.

Пахнула холодом входная дверь, и ввалился Ветерок.

— Ноги задубели, — пожаловался он и присев на ящик с мылом, шустро стал стягивать сапоги, — много тут добра барыги накопили?

— Навалом, рук не хватит все слямзить — полез на стеллажи Эдик.

— Может, охрану свяжем, «КАМАЗ» нагрузим, ворота распахнем, да смоемся.

— Авантюрист ты, Леха, с одним ножом такую операцию удумал провернуть. Вали давай лучше на атас, чтобы нас не застукали.

Меж тем Эдька деловито доставал с полок магнитофоны и складывал их в большие хозяйственные сумки, из которых Святой вытряхивал на пол кореху. Потом, свистнув Ветерка, они в несколько ходарей перетащили краденное к забору и еще примерно минут тридцать пыхтели, переваливая все это хозяйство на другую сторону. Мешала натянутая поверх ограды колючка.

— Эдька, шлепай за машиной, мы с Лехой отдышимся.

Стекла затянуло наглухо. Вовка, боясь привлечь к себе внимание почивающих двухэтажек, двигатель не прогревал и, заледенев напрочь, молил бога, чтобы подельники поскорей возвращались. Пинок в запертую дверку одновременно напугал и обрадовал его.

— Рыжий, ты здесь?

— Здесь, здесь.

— Заводи, поехали.

«Жига» схватилась сразу. С минуту, погоняв тосол по системе, Вовчик врубил первую передачу и, не включая освещения, пополз с незнакомой ограды на улицу.

Даже разложив заднее сиденье, в общем-то, во вместительный салон «Комби», все двухкассетники не вошли, и их по новой пришлось выгружать и освобождать от яркой, импортной упаковки. Со второго раза получилось ловчее, но кроме водителя в машину никто больше не поместился.

— Олега, что делать будем?

— Далековато до Северного, но придется вам с Ветерком пробежаться, иначе по такой погоде боты завернете.

— Инструмент тяжелый, да и менты, если остановят, что скажешь?

— Сумку затырь под мостом через речку, завтра заберем, вернее уже сегодня.

— А ты как?

— Я тоже бегом, только впереди «жиги» Страховать Вовчика буду, чтобы на легавых не напороться. Если ясно все, дергайте. Рыжий, слушай внимательно. Я метров на сто пятьдесят от тебя оторвусь, продыбаю обстановку, потом помаячу вот так шапкой, значит все без палева, ништяк? Габариты не вручай и мети ко мне, вот таким макаром и попробуем прорваться.

— Понял, а если все-таки прихватят?

— Болтай, что с блядок едешь, и у моста магнитофоны заметил. Собрал богатство такое и в ментовку сдавать пылишь. Не очень конечно убедительно, но хоть так отмахнешься. В складе следов твоих нет и быть не может, сочинишь, что лучше — чеши.

Спустя два часа тачка благополучно просочилась в Северный, а ровно в шесть краденное было на четвертом этаже крупнопанельной пятиэтажки в Эдькиной спальне. Разбуженная шумом мать, захлопотала в кухне.

— Что это вы полуночничаете?

— Коммерцией, тетя Жанна, занимаемся. Эдику друзья с Новосибирска технику отправили японскую, вот будем торговать, — ближе к печке устроился Леха.

— Ох, врете, парни, чует мое сердце, неладное что творите.

— Да вы что, тетя Жанна. У Олега двое пацанов, у Вовки жена скоро родит, у меня один.

— А у тебя в Кутулике бабенка разве еще не родила? — вошел на кухню в семейских трусьях отец братьев.

Ветерок чуть не подавился вчерашней оладушкой. Видя его смущение и растерянность, Борис Николаевич заторопился в ванну, а красный, как помидор Эдька, забрызгал ему вслед слюной.

— Вот, старый, тебе чужие тайны доверять оказывается нельзя?

— Пошутил я, понимаешь, пошутил!

— Мамуля, почаюй с сыновьями?

— Не хочу я, Олежка.

— Присядь, присядь. Не воруем мы, успокойся, для таких дел я уже достаточно взрослый. Нажрался хлеба черного вдоволь, поверь и Эдику не потяну же я в это черное болото, с которого сам кое-как ускребся?

— Ну ладно, убедил, а может — и обманул, но на душе легче стало. Пойду досыпать, на отца не ворчите, он, бедный, вас каждый день вспоминает.

В полдень с легендой о том, что двухкассетники приобрел у кого-то оптом на барахолке, Рыжий выехал в Первомайск. Побродив по городу, вечерней электричкой Святой и Леха двинули следом. Эдик остался в Чите. Утром следующего дня необычно рано в дверь не позвонили, а едва слышно постучали.

— Даже в выходной выспаться не дают, — нехотя поднялась Лена и, притворив стеклянные створки дверей зала, за которыми посапывали дети, подошла к входным.

— Кто там?

Никто не ответил.

— Олега, иди сюда. Кто-то скребется и молчит.

Это был Вовка.

— Ты что язык проглотил? — впустил в квартиру приятеля Святой.

— Извини, неудобно как-то.

— Неудобно срать в штаны. Прикатил, чуть ли не в пять часов и стесняется. Что случилось?

— Вчера перед самым поселком уже груженный «КРАЗ» обгонять стал, а того тряхнуло на кочке, и с кузова гравий посыпался…

— Дальше.

— Вышибло мне стекло лобовое и фары.

— У нас ведь в запасе есть?

— Продал я его, дома денег даже на хлеб не было. Ты уж извини.

— Ладно тебе передо мной прогибаться, с понтом я — начальник какой. Ищи теперь лайбу путную, да разберем ее. Надыбаешь, цинканешь. Обсосем, что да как и хлопнем, только не затягивай. Все у тебя?

— Но.

— Вали тогда до хаты, Ольга потеряла тебя, небось.

Проводив подельника, Олег позвонил Ветерку.

— Ты че, с ума сошел, половина шестого, — сонно откликнулся тот.

— Извини, Леха, запурхался. Рыжий только что от меня выплыл, говорит — «жигу» побил здорово так, что сегодня можешь дрыхнуть до потери пульса.

— Это примерно сколько?

— Черт его знает. Я растолковал Вовке, что делать, дня через два готовься выходить на тропу войны.

— Без Эдьки отработаем?

— Думаю, не стоит его тревожить, втроем управимся?

— Конечно, сладим.

Положив на рычаг трубку, Олег получил взбучку.

— У нас дом или проходной двор? Что молчишь? Еще раз кто-нибудь припрется в такую рань, я ему всю морду расцарапаю, понял?

— Такое серьезное предупреждение мимо ушей пропускать рискованно.

— Хиханьки тебе, значит, ну посмотрим.

Во вторник, потеплей прикинувшись, Святой с Ветерком под промозглым беззвездным небом направились к гаражному кооперативу, где Вовчик ставил свою тачилу. Тот, наученный горьким опытом прошлой делюги, уже поджидал их в серых солдатских валенках и кургузом солдатском же полушубке.

— Шлепайте за мной, только тише. На территории собак бродячих полно и до сторожки близко.

Крался он, словно мышь за сыром и Олегу пришлось его подтолкнуть.

— Не бзди ты собственной тени, мы же еще не воруем, а то, как шпион в кино. Люди увидят, засмеют, идем не колеса воровать, с понтом мост взрывать.

Не подействовало. До обшитого со всех сторон жестью гаража тащились еще минут десять. Потом за закрытыми воротами, включив фонарики, принялись рассматривать битую «жигу», вид которой действительно оставлял желать лучшего.

— Прилично тебе досталось, — посочувствовал Леха — как еще по башке не тюкнуло.

— Твой гараж?

— Не-е, батин.

— А где объект наших злодеяний?

— Как выходишь, сразу направо, крайний самый.

— Как нырять будем?

— Замки у него внутренние, не взломаешь. Крышу разберем, там люк на чердак, по нему и вовнутрь попадем.

— Да ты стратег почище Наполеона, молодец.

— Ладно, братцы, пошли, — выключил фонарь Святой — прихвати, Вовка, монтировку, топор, пассатижи и парочку гаечных ключей.

— Ключи зачем?

— Люк на чердак, скорее всего на болтах сидит, впрочем, если хозяин балбес, то может и на шурупах. Халупу эту не запирай, на случай шухера сюда затаримся.

Отодрав с торца треугольной крыши четыре дощечки, связанные между собой тарной проволокой, Ветерок протиснулся

в завешанный пучками сухих трав невысокий чердак. Как и предполагал Олег, лючок сидел на болтах, но хозяин забыл запереть его и по сваренной из металлических труб лестнице, Леха спустился вниз. Подсвечивая фонариком, он отыскал выключатель и врубил свет. Потом, отодвинув засов, отворил одну половинку ворот и свистнул подельников.

— Давай, Святой, в трех отработаем?

— Нет, вали на атас. Не хватало нам за такую блевотину нары проминать. Вали.

— Холодно же, четы, в натуре?

— Не тяни время, шумнешь, если что.

Чертыхаясь, Ветерок выскользнул в темень и плотно прижал за собой двери.

— Рыжий, в первую очередь снимай то, что необходимо.

Тот согласно кивнул и, задрав капот новенькой четверки, прилег на двигатель. Олег открыл багажник и выудил оттуда двухствольное ружье, патронташ, забитый патронами и рюкзак с провизией.

— Видно, мужик браконьерить намылился, не подфартило, бедолаге.

— Олега, посмотри, там домкрат есть?

— На, держи.

Пока Вовчик крутил колеса, Святой шмонал в салоне. Выдрав с корнем магнитолу, он выгреб из-под водительской седушки штук пятнадцать магнитофонных кассет и засунул все это в пустой мешок. В бардачке лежал в кожаном тисненом чехле охотничий нож, водительское удостоверение, которое Олег положил на место и немного денег. «Наверное, на бензин», — ткнул он их за солнцезащитный козырек.

— Вовка, что у тебя?

— Одно колесо осталось, сними аккумулятор, а?

Без стука вошел Леха, напугав путем Рыжего.

— Задубел, — схитрил он, притоптывая унтами.

— Путем подрезали, — похвалил он подельников, — куда поволочем?

— К Вовке в гараж все на руках перенесем. Шпалер домой возьмешь, обрез смастыришь.

Вовчик испугался.

— А вдруг милиция собаку по следу пустит?

— Не ведись — одернул его Ветерок — у меня в ментовке хороший знакомый служит, он говорит, что у них в дежурке кот сиамский живет, вот и вся живность. Ты давай лучше свою коросту строполи, нужно пошастать по району, двухкассетники сбулькивать куда-то.

В пятницу без пятнадцать восемь Рыжий увез жену Святого в управление и, подобрав на остановке ожидавшего его Леху, вернулся к дому Олега.

Тридцать семь и два, самая, что ни на есть поганая температура. Знобило, и слегка побаливала голова.

— Привет, — угрюмо поздоровался он с приятелями

— У тебя в аптечке случайно анальгина или амидопирина нет?

— Сейчас гляну, — Вовчик полез под сиденье за картонной коробкой с красным крестом.

— Залихотило? — расстегнулся Ветерок и бросил норковую шапку на заднее стекло.

— Пройдет, — взял пожелтевшую от времени таблетку Святой и, разжевав ее, передернул от мерзости во рту плечами.

— В какую сторону чесанем?

— Может, до Нерчинска скатаем, если там рога, то до Балея проскочим.

— Давай, Рыжий, тебе видней. Погоняй, вечерком, если все срастется, официантам в «Кристалле» стольники на лоб клеить будешь.

Перспектива погужбанить Вовке мечталась.

— Ты бы, Олега, хоть раз со мной оторвался, чтобы все видели, что мы — кенты, — утопил он в щели магнитолы кассету с «битлами».

— Посмотрим, Вовчик, как масть попрет.

— Я угощаю.

— Не в этом дело, Ленку обижать неохота.

— Ты что серьезно? Да я на свою топну, она в обморок падает.

— Это твоя — моя меня по сонникам зарубит. Шучу, конечно, в общем, видно будет, когда вернемся.

Сто километров до Нерчинска растянулись в два часа отвратительной, пылящей даже зимой дороги. На мосту, перекрытом кучами щебня, развернулись и на другой берег реки, где широко раскинулся городок в шестьдесят тысяч населения, перебрались по черному взбухшему льду. Сразу за кирпичной будкой поста ГАИ, потянулись серые, безликие, преимущественно одноэтажные деревяшки жилых строений. Плохо вкованные прохожие и грязные тротуары, местами припорошенные таким же грязным снегом, навевали тоску. Поймав настроение Святого, Леха попытался его растормошить.

— Кандальный краешек. Когда-то здесь декабристы кайлой махали в рудниках, затем я в этой пропастине четыре года батрачил на благо государства нашего.

— За что? — Рыжий с интересом посмотрел на Ветерка.

— Соседа пером чиркнул.

— Чем, чем?

— Ножом, Вовчик. Воткнул ему, змею, меж лопаток, чтоб ноги не потели.

— Не жалко? — притормозил он, пропуская на переходе стайку ребятишек, спешащих в школу.

— Жалко, что не убил, козла, — скривился от воспоминаний Леха и, встряхнув для пены, которую обожал, баночку голландского пива, вскрыл ее.

— Остановись, — Олег показал, где это лучше сделать, увидев раскоряченную почти на проезжей части пришибленную двухэтажку с вывеской «Дом быта», — перекурите, я схожу промацаю, может, тут студия звукозаписи есть.

Студия действительно была. Заправлял ей семнадцатилетний парнишка в синей телогрейке, на кожанку денег скопить никак не удавалось.

— Привет, хозяин.

— Здравствуйте. Проходите, что нужно?

Минут через пятнадцать Святой вернулся.

— По два магнитофона хапайте и на взлет.

Паренек снова остался без заветной куртки, но слишком уж крутой, на его взгляд была аппаратура.

— Приносите недели через две, я у вас еще два куплю. На шесть у меня сегодня денег не хватает.

— Подъедем, — пообещал повеселевший при виде денежек Вовка — тебя здесь ловить?

— Каждый день, кроме воскресенья.

Взлетевший по скрипучей лестнице на второй этаж черноголовый усатый, лет двадцати семи мордатый парень в пестром шерстяном свитере, заметив на стойке двухкассетники, забыл, зачем поднялся.

— Андрюха, где взял?

— Мужики только что подогнали, — кивнул он на подельников.

— Продай один?

— Не-е, ты же в курсе, что по музыке у меня репа сорвана с измальства.

— Ребята, у вас есть еще такие красавцы?

— Если надо, найдем, — подозрительно сощурился Ветерок — ты местный?

— Родился здесь. Получка, правда, только через неделю и я сегодня без капусты, но за один магнитофон я вам два «жигулевских» баллона с камерами дам.

— Потянет, — согласился Олег, запихивая разноцветные, замусоленные купюры во внутренний карман.

— Где резина?

— Дома лежит. Я недалеко от этой конторы живу. Поехали, а, мужики?

Пока машина петляла по одноэтажным деревянным улочкам Нерчинска, Димка выговаривался.

— У меня на станции техобслуживания теща работает, так что если запчасти какие потребуются, обращайтесь, мигом все устроим. В ГАИ тоже все схвачено, имейте в виду, на всякий случай. Пашу на грузовике в «связи», женат, двое детей — а дом его из белого кирпича стоял прямо напротив штаба колонии строгого режима, в которой в свое время и парился Леха. Взяв аппарат, укутанный в покрывало, усатый убежал домой за баллонами.

— Как думаешь, не вломит он нас?

— Не должен, — потрогал горячий лоб Святой, — честно говоря, мне кажется, что коммерсанты, которых мы выхлопали, в ментовку не лукнутся. Ты же сам видел, там товару два вагона и маленькая тележка, а мы дюзнули — кот наплакал. Они, суки, на следующий день, наверное, со смеху загибались, подсчитывая убытки.

Рыжий, никогда раньше не видевший зону, таращился на серый с подтеками извести забор, густо занавешенный путанной и колючей проволокой.

— Там сидит кто-нибудь? — махнул он прилизанным чубом в сторону угловой вышки.

— Вертух с железякой. В запретку полезешь, он тебя свинцовыми орешками угостит. Не расстраивайся, скоро все там будем, — ответил Ветерок.

Забросив резину на багажник, закрепленный на крыше «жигулей», попрощались с Димкой.

— Пацаны, мне еще в машину магнитофон нужен, если будет, привезите? Не бойтесь, меня тут каждый собака знает, Щегла спросите, любой скажет, где меня найти. Дело прошлое, мой свояк начальник роты караула в этом лагере, если что — смотрите.

— У дубаков начальник? — оживился Леха.

— У солдат.

— Это хорошо. Спасибо, Димка, прикинем. Навещать тебя все равно будем, а магнитофон считай, что у тебя в кармане. Вовка, — развернулся он к приятелю — отдай Щеглу кассеты с делюги, все равно они паленые.

Рыжий покосился на Олега и когда тот одобрительно кивнул,

вынул из бардачка целлофан, полный кассет и протянул в окошко Димке.

— Спасибо, братцы, я ваш должник.

Вечером этого же дня брату позвонил Эдик, но звонок был не междугородний.

— Привет, родной, ты откуда это?

— С Шилки. У Вики я, ковры пылесосю.

— Че, ковров много?

— Навалом, даже на полах. Папаша ее ворюга знатный, весь городок перед ним шапку ломает. Жадный только жлоб, одевает дочку, словно нищую на паперть запускает. Лет под сраку дураку, а напялил на себя адидасовский костюм и растележился на диване, боевик какой-то изучает.

— Может, перенимает опыт американской мафии?

— Наверное, — прыснул в трубку братан.

— Поздравить значит не с чем?

— Да насрать мне на него, я ведь у них на хате не из-за ковров, а из-за Вики.

— Слушай, бери свою подружку и до меня вали. Филок тебе малость дам, мы пять двухкассетников сегодня пристроили. Ночь у нас погостите и в Читу махнете. Годится?

— Ништяк. Вовчик что делает?

— В кабаке хрустами машет.

— Он это любит. Ветерок где?

— Он — домосед, ты же знаешь.

— А Кот?

— Не забегает что-то.

— Завтра жди, пока. Спешу на помощь своей длинноногой паласы ворочать.

***

В середине февраля Костя справлял день рождения сына. Для пущей важности это событие он решил отметить, несмотря на сопротивляющуюся жену, в ресторане. Пригласил Кот и Святого с Лехой. Затем сходил на переговорный пункт и брякнул Эдику. Но тот играл со школьными друзьями в баскетбол и со сломанной ногой приехать отказался. После обеда Олег съездил на тачке Рыжего в тепличное хозяйство и, купив огромный букет пахнущих малиной белых роз, в семь вечера вместе с Леной ушел в «Березовую рощу». Как всегда, в ресторане было многолюдно — молодежь пропивала заработанные их родителями денежки усердно.

Вовчику дома не сиделось. «Капусту» с магнитофонов он уже просадил, а на именины Костя его не пригласил, так как почти не знал Вовку. Промаявшись по квартире до девяти, Рыжий молчком оделся, и рванул в кабак. В нише, у самой эстрады, за длинным столом гуляли подельники.

— Ритка, иди сюда — цинканул он официантку.

— Олега Иконникова знаешь?

— Золотозубый который?

— Он, позови его. Скажи, что я зову.

Сев на кожаный стул к стойке бара, Вовка щелкнул бармена, и тот поставил перед ним две баночки холодного пива.

— Че, Вовчик, дома не сидится? — устроился на круглый соседний табурет Святой.

— Базар имею.

— Это интересно, выкладывай.

— Пей, — двинул по стойке бара банку приятель.

— Благодарствую, я шампанским сегодня балуюсь, давай вытряхивайся.

— В моем гараже до того холодно, что по утрам никак не могу свою чахотку завести. Поэтому я договорился с парнями, которые в комбинате бытового обслуживания шоферят, и уже три дня «жигу» у них в боксе ставлю. В крайнем помещении есть большое окно, между ром в палец толщиной решетка. Я на улице проволоку искал, патрубок на помпе перевязать и чисто из любопытства в него заглянул. Стекла грязные, но все равно видно, что внутри коробки какие-то, мешки кучей лежат, ящиков штук двадцать, в них бутылки, только не понял с чем. Я не в кипишь покачал слесарей, что да как. Они говорят — это склад Феди Хасанова. Он снабженцем в старательской артели наворачивает, а супруга его на нашей базе ОРСа товароведом пашет. Богатые должно быть. Давай их помоем?

— Где гаражи расположены?

— С края поселка, напротив мясокомбината. Палева сильного нет, правда сторож бдит за порядком, но по такой холодрыге на улицу нос не высовывает, тем более — ночью, а если закипишует, думаю, мы с ним сладим.

— Думать, в общем-то, не над чем. Ты все прикинул, не врюхаемся?

— Плевое дело, само в руки просится.

— Вот и ладушки. В ночь с пятницы на субботу отработаем. Если Федя и хватится, то не раньше, чем в понедельник, когда поезд уже уйдет. Дома у тебя как?

— Спасибо.

— Айда тогда за стол, подымишь с нами.

— Неудобно…

— Я тебе уже говорил, что неудобно, пошли, с Костей заодно познакомлю.

В пятницу Рыжий поставил «Жигули» и предупредил охранника, заступившего на дежурство, что часа в два ночи собирается ехать в Читу.

— Ты, Михалыч, посмотри, пожалуйста, чтобы выезд не загородили, я тебе за это чекушку с города притяну.

— Не беспокойся, Володя, а чекушку не надо. Все равно ее днем с огнем не сыщешь, а вот ведро картошечки нам со старухой не помещало бы.

В половине второго, под шум волны, устроенной Вовчиком, который выгонял тачку на улицу, Олег забрался на залитую гудроном крышу бокса и перерезал телефонные провода, с трудом отыскав их в темноте. Тем временем Рыжий выехал с территории гаражей и загнал машину тень здания с обратной стороны от входов. Достал из-за спинки заднего сиденья спортивную сумку с пилками по металлу и фомкой. Потом вышел из-за угла строения и, покрутив головенкой, прислушался. Все было спокойно. В разрывах облаков, созерцая грешную землю, мерцал холодом талисман Святого. Ветерок, понимая, что ему снова стоять на стреме, тяжело вздохнул и повязав нижнюю часть лица шарфом, выудил из рукава обрез. Переломив железяку, забил в стволы патроны и снял ее с предохранителя.

— Смотри, не шмальни случайно.

— А со сторожем что делать, если он вдруг вылезет подышать?

— Не сходи с ума. Делюга чушачья, не мочить же на ней человека. Ткнешь этому пердуну пушку в бок, он и так обделается.

Спустя десять минут спиленную с пробоя «собаку» Олег швырнул под забор и вместе с Вовкой нырнул в склад.

— Это точно не государственный?

— Нет, конкретно тебе говорю.

— Не похоже, — подсвечивая себе фонариком, зашарился Святой среди стиральных машинок итальянского производства и распакованного спального гарнитура с диковинной обивкой.

— Мама родная, он где, ворюга, все это нахапал.

Пять набитых мандариновой настойкой мешков из-под сухих дрожжей утартали к Лехе на дачу и, шустро спустив бутылки в глубокий подпол, вернулись обратно. Второй ходкой «жигу» затарили картонными коробками со сгущенкой, тушенкой, кофе и шоколадными конфетами в заморской упаковке. Ветерок застыл, зато взопрел Святой и, приняв из закоченевших рук подельника

обрез, отправил его к Рыжему.

— Шевелитесь, скоро четыре стукнет, народ вставать начнет.

Облизнув треснувшую нижнюю губу, Леха смылся. Последним рейсом нагрузили тачку чайными сервизами из фарфора и хрустальными люстрами. Ближе к шести все было кончено, чтобы охранник не заподозрил неладное, уходя, навесили на ворота массивный замок.

— Разтаритесь, ты сразу гони в Читу. Отметишься у родственников, чтобы они ментам, если те через несколько дней тебя повяжут, подтвердили твое алиби, а Ветерок сам с дачи уйдет.

Подождав, пока за поворотом скроются красные габариты «жигулей» с подельниками, Олег шагнул до хаты.

***

Восьмого марта мужчины занимались своими делами. Лично Святой надрывался со штангой в спортзале, а его жена на кухне с кастрюлями. Светлый праздник был ее, вот они и вкалывала. Ходики на столе тренера прозвонили пять. Разобрав штангу, Олег аккуратно сложил резиновые блины на их привычное место и, сдернув с оленьих рогов каптерки банное полотенце, направился смывать пот в душевую, где его и устриг Костя.

— Иконников, на выход.

— Привет, баламут, жди, пену сгоню.

— Сегодня, между прочим, международный женский день, ты в курсе?

— Помню, видишь, — тренировку раньше обычного закончили.

— Вот супруга обрадуется…

— Заткнись, урод, сам ведь тоже шарагатишься, а Люсьен, поди, слезы льет. Срочно нужен?

— Позарез. Пиво будешь?

— В банках?

— Конечно.

— Открой одну, — выполз из-под лейки Святой и, обернувшись безразмерным полотенцем, вышел к приятелю.

— Чем порадуешь?

— Может, ко мне рванем, там потолкуем?

— К сожалению, не могу, обещал Воробью чашечку кофе. Полседьмого он меня в «Кристалле» ждать будет.

— Тогда слухай. Товарищ до меня с Жирекена подкатил, ружьецо привез, пятизарядное. Ищет, кому бы загнать, тебе

случаем не надо?

— Железяка темная?

— Поэтому к тебе и обращаюсь.

— Сделаем так. В восемь я буду дома, волоки пушку и там разберемся.

— Годится, смотри, не опаздывай.

Опоздал Кот, появившись на двадцать минут позже назначенного времени. Закрывшись в спальне, чтобы Лена и дети не видели, чем они занимаются, Костя показывал приятелю, как обращаться с одностволкой, нахваливая при этом ее качества.

— Полуавтомат, пять зарядов. Затвором раз передернул и поливай. Ствол длинноват, но зато на триста метров сохатого с копыт сшибает.

— Крутой шпалер, — согласился Олег — сколько он за него просит?

— Пятнадцать тысяч.

Святой отсчитал деньги.

— Держи.

Потом достал из трельяжа полиэтиленовый пакет и накидал в него из шифоньера пять банок тушенки, столько же сгущенного молока и кофе.

— Посиди, я сейчас, — вышел он из комнаты и вернулся, неся в руках четыре бутылки «Мандариновой».

— Обмоешь с дружком удачную сделку, а продукты жене отдай, пригодятся.

— Олега, это не ты склад Феди Хасанова подломил?

— Ух, ты, — от неожиданности присвистнул Святой, — с чего ты взял, интересно?

— В милиции ориентировку читал, там все это перечислено.

— Под Шерлок Холмса, значит, косишь.

— Дедукция, — подтвердил, улыбаясь, Костя.

— Ладно, сыщик, не болтай никому о своих догадках, а то еще, правда, легавые подумают, что эта кража, — моих рук дело.

— Не беспокойся, во мне тайны, как в могиле дохнут, ты тоже не говори никому, что я тебе ружье без документов толкнул.

— Мог бы и не предупреждать. Патронов штук десять подгони, если есть?

— Завтра принесу. Ну ладно, я сквозану жену ублажать.

Ударив по рукам, приятели разбежались. Завернув пятизарядку в Игорехино покрывало, Олег отпросился у Лены на пятнадцать минут, и скорым шагом двинул к Ветерку.

Тот уже сидел за праздничным столом, покачивая одной рукой детскую кроватку, поэтому впустила Святого в квартиру Настя.

— Здравствуй, заходи. К столу сядешь?

— Спасибо, Настя, я на пять минут. Леху позови.

Тот макнул соску в мед и, сунув ее Шурику в рот, вышел в коридорчик.

— Пойдем, по рюмке вмажем?

— Я не за этим. Вот «винт», обрежешь ствол под цевье и приклад сантиметров десять.

— Где взял?

— У Кота за пятнашку.

— Левое?

— Говорит — темное.

— Понятно.

— Смастыришь, цинканешь. В лес мотнем, попробуем, как пашет.

— Патронов нет.

— Костя обещал завтра принести пачуху. Ладно, я побежал, Ленка порвет меня, наверное, что даже в такой день дома не сижу.

Раздеваясь, Святой обратил внимание, что на вешалке висит незнакомое, зеленого цвета драповое пальто с побитым песцовым воротником.

— Игорешка, у нас гости? — спросил он шепотом у сынишки, выглянувшего из кухни.

Не дав ему ответить, из зала вышел Эдик.

— Это я с Викой. Мой руки быстрее, жрать хочется, аж ноги трясутся, одного тебя ждем.

Стрельнула пробкой по широкому лбу Линды бутылка шампанского.

Эдька налил женщинам полные фужеры пенистого напитка и, потрепав собаку за лохматое ухо, пошел в ванную к брату.

— Двери притвори. Ты почему не предупредил, что приедешь, да еще и не один?

— Мы еще вчера к ее родичам припылил. Они меня опять пилить стали, почему я не работаю, да на какие шиши существую. Вроде все им понравиться хотел и дачу помогал строить и баньку, а сегодня утром слышу, папаша Викин жене своей базарит, что я — лоботряс, каких кругом полным-полно. Короче — поцапались. До Читы думаю, все равно не успею, вот к тебе и попер, а Вика за мной увязалась.

— По-моему, он роковую ошибку сделал, что тебе грубанул. Хорошо, говоришь, живут?

— Жиреют, буржуи, — еще не поняв, куда клонит Олег, ответил брательник.

— Айда, Эдька, поддержим компанию нашим дамам, потом

договорим.

В десять Лена уложила сыновей спать и села с Викой к телику — транслировали праздничный концерт. Братья в кухне чаевали с выпеченным утром превкусным тортом, уделив приличный кус и Линде.

— Во вторник я с Вовчиком приеду в Читу на его тачке, и ровно в девять вечера буду караулить тебя на конечной остановке троллейбусов в Северном.

— Зачем?

— Не перебивай, когда старшие речь держат. Возьмешь у красотки своей в сумочке ключи от хаты ее предков и отдашь мне. На следующий день утром квартиру мы выхлопаем и в четыре жди меня там же. Я верну тебе ключи, и ты положишь их обратно так, чтобы она не заметила. Вот и вся схема.

— Может, повременим? — засомневался Эдик.

— Не жалей его, козла. К тебе плохо относится, к дочке, как я понял — тоже не очень. Думаю за лоботряса перо ему вставить просто необходимо.

— Наверное, ты прав — вспомнил нанесенную ему обиду Эдик — только Рыжего не бери с собой, если можно.

— Почему? — присел на край ванны Святой.

— Не понравился он мне на деляне в Чите, конявый, барбос, а может от того, что замерз, трясся.

— Понимаешь, братан, не дает он мне доверенность на «жигу», вот только по этой причине и вынужден я с ним валандаться, а так я бы с ним не повязался хотя бы только из-за того, что он рыжий.

— Ты верующий, что ли, че то я раньше не замечал?

— Брось ты чепуху пороть, просто всем он не по душе. Тебе, Лехе, мне, чуешь?

В среду, в десять утра из телефона автомата от центрального универмага Шилки Ветерок позвонил в квартиру родителей Вики. В треснувшей трубке с минуту раздавались длинные гудки.

— Тишина, — подмигнул он Олегу, — на хате точняком никого нет, а то бы все равно отозвались.

— Перезвони на всякий случай.

На том конце провода трубку не брали и, упав в «Жигули», через несколько минут подельники подъехали к торцу пятиэтажного строения, где и предстояло работать.

— Меня в первую очередь проверять станут, и не дай бог, кто-нибудь здесь запомнит мою морду, поэтому пойти с вами не могу.

— Козе понятно, — переломил Леха обрез и достав из кармана кожанки один патрон, вставил его в правый ствол, — хоть раз ты, волчара, на атасе потрешься. Канай за мной, Вовчик,

да прикрой, чучело, рожу шарфом и шапку на брови напяль. Не к теще на блины идешь.

У дома и даже в пределах видимости никого не было. Стылый, с выбитыми стеклами входных дверей подъезд, тоже словно вымер, а может, еще спал, разогнав основную массу жильцов на службу. Поднявшись на четвертый этаж, Ветерок приложил к обшитой дерматином двери ухо, и нажал кнопку звонка. Тот заверещал так противно, что он невольно отдернул руку и, сморщившись, как от зубной боли, резко вставил в замочную скважину английского замка никелированный ключ и повернув его всего на пол оборота, по-хозяйски шагнул через порог незнакомой квартиры. Поставив сумку на эмалированное ведро с картошкой, Леха выудил из нее железяку и с опаской, но быстро прошерстил все четыре комнаты.

— Рыжий, шмонай эти две спальни, а я остальным займусь. Не шуми по возможности.

Хладнокровия и безрассудства одновременно Ветерку было не занимать. Вмонтированные в платяной шкаф финской стенки круглые часы показывали двадцать минут десятого. Врубив японский телевизор, по которому началось «Футбольное обозрение», он в полглаза наблюдал за происходящим на цветном экране, а заодно шарился в шмотках, швыряя все, на его взгляд ценное, на середину украшенного бордовым ковром просторного зала. Тем временем Вовка надыбал две бездонные китайские сумки и в одну устроил видеодвойку, обложив ее со всех сторон новенькими в хрустящих упаковках кофточками из ангорской шерсти. Потом скинул с двуспальной кровати пружинный матрац и вытащил из-под нее картонную коробку из-под мандарин, в которой обернутые марлей покоились одна соболиная и две норковые шапки. Баулы выросли незаметно лихо, а украсть хотелось еще много.

— Леха, что делать, складывать не куда?

— Ниши выпотроши и завязывай. Жаль, конечно, что у нас на двоих всего четыре руки.

С момента, как пропали за углом приятели, прошло тридцать минут. «Не торопятся, черти», — вдоль по безлюдной улице повел взглядом Святой. Городок отапливался углем, наверное, потому, что стоял в степи и от грязных его домов и поганых, как в фильме ужасов дорог, тошнило. «Как в этой помойке люди живут? Может привычка, а может все равно им, где свет коптить».

В этот момент мимо тачки просеменил Вовчик, очень смахивающий с рюкзаком за плечами на одногорбого корабля пустынь. «Не хочет к машине внимание привлекать», — понял Олег и, обогнав подельника, резво поднял крышку багажника.

Рыжий с хода втолкнул в него сумки, и от волнения забыв снять рюкзак, полез в «Жигули», но никак не получалось. Святой, улыбаясь, сорвал с его взмокшей горбушки сидор и положил его на баулы.

— Ветерка где потерял?

— Футбол досматривает.

— Не понял?

— Придет, сам пояснит.

Спустя пять минут приволокся увешанный узлами Леха. Тяжко отдуваясь, он впихал в салон ворованное и ввалился в него сам.

— Ты что подзадержался?

— Замок расковыривал долго, зато теперь ни одна экспертиза не докажет, что его открыли при помощи родного ключа.

— Вовчик, что-то про футбол говорил?

— А-а, это я полезное с приятным совмещал. Ничего страшного.

Благополучно миновав пост ГАИ на выезде из Шилки, подельники расслабились.

— Вовка, ты на хазе никакой парфюмерии случаем не разбил, когда выпуливались, одеколоном воняло невмоготу?

— Чтобы собака след не взяла, я облил спальни женскими духами, а кухню стиральным порошком засыпал, — задумчиво ответил он, прокручивая в прилизанной башке случившееся.

От услышанного, приступ смеха скрутил Ветерка на сиденье. Поглядывая в зеркало на Рыжего, и представляя, что он творил в квартире, Святой приободрил его.

— Молодец, только в следующий раз спрашивай про такие штучки, а то еще при отходе подожжешь чью-нибудь хату. Потом греха не оберешься.

Теперь ржали все трое.

— Леха, с пятизарядкой двигается?

— Я уж обкатал ее. Пушка — зверь, хлещет, мама родная.

— Где проверял?

— На даче у себя. В забор картечью шмальнул, у соседа все стекла в теплице повылетали.

— Че ты ерундой маешься, в лес не мог сбегать. Нахлобучат тебе за такие зехера, попомнишь мое слово, — сплюнул три раза через левое плечо Олег.

— Зима сейчас, дачи пустые. Кто услышит?

— Услышат, Леха, недаром наш поселок стеклянным погоняют, услышат. Где патроны достал?

— В ментовке у меня пацан знакомый служит, у него. Он охотник.

— Хороший знакомый?

— Выросли вместе в Дарасуне. Когда срок мотал, он мне регулярно посылки гнал.

— Это больше, чем просто знакомый.

— Больше, — согласился Ветерок, — теперь вот разошлись пути-дорожки, он тельняшку носит, а я — воришка.

— Я к чему поинтересовался, может ты через него еще что стреляющее или взрывающееся найдешь?

— Попробую, мысль дельная.

— Тебя где высадить?

— Вы разгрузитесь и в Читу махнете?

— Да.

— Я с вами. Хадиче брякну, надо хоть узнать, кого родила, а то стремно на сердце.

— Из дома почему не позвонишь?

— Не хочу, чтобы весь Первомайск знал про новорожденного, поселок у нас в натуре стеклянный.

Перетащили краденное к Вовчику домой, в одиннадцать пылили уже на Читу. Яркое солнце, бившее прямо в лицо, разморило Святого и, продержавшись минут тридцать, он не выдержав, уснул. Леха с Рыжим весело болтали, вспоминая, как славно откупились на хате и, уходя, заметали следы, а их приятелю, как всегда снился лагерный сон.

На продоле карцера дежурил «бешеный».

— Да, я — мент поганый и жру каждый день сало с маслом, а вы — зеки, блатные, порите черный хлеб с солью.

Подложив под бочину кирзовый сапог, чтобы не застудить от бетонного пола легкие, а другой под обстриженную голову вместо подушки, Олег рассеянно слушал о чем орет подвыпивший прапор.

— Заткнись ты, кобыла строевая, от твоего воя уши в трубочку сворачиваются — не выдержал пожилой арестант, недавно прибывший в зону, и всего минуту спустя в темную и сырую камеру через глазок влетела длинная, пахучая струя «Черемухи». Даже сквозь крепко зажмуренные веки из глазниц ручьем текли слезы, а что творилось с дыхалкой, словами не объяснишь… Потерявшего сознание Святого выволокли из машины и, расстегнув на нем кожанку, растирали снегом.

— Что случилось? — наконец одыбал он.

— Проводка задымила, — отряхнул с мокрых рук остатки растаявшего колобка Ветерок, — Вовка, глянь — серьезная поломка?

Подняв капотину и разогнав валивший из-под нее желтый дым, Вовчик склонился над мотором.

— Вот блядство, чуть не сдох, — встал Олег и, выхлопав о колено шапку, одел ее.

— Ну, что там, Рыжий?

— У распределителя зажигания вал срезало.

— Меняй шустрее, холодновато.

Подельник явно замялся.

— Че ты резину тянешь?

— Нет у меня с собой трамблера.

— А где он, ведь с двух тачек сняли?

— Дома, — виновато ответил Вовчик.

— Вот, урод сраный, — заплевался Леха, — запасной нужно при себе иметь, а не в гараже хранить. Собака красная, теперь из-за тебя, мудака, придется на веревке до города добираться, — зло дернул он дверцу багажника и вытянул оттуда тонкий металлический трос.

— Ладно тебе, не ворчи. Ему и так не сладко, — притопывая, вышел на середину проезжей части Святой и заранее замахал показавшемуся в снежной пыли «КАМАЗу».

На дорогах пока еще не бросали, и с оранжевой кабиной шаланда затормозила. В приспущенное стекло высунулась лохматая башка «партизана» в мятой пилотке на макушке и, выплюнув окурок, спросила, что надо.

— Сломались, брат. Помогай, дотяни до Читы?

— С магарычом как?

— Ништяк, штуки хватит?

— За глаза. Трос есть?

— Есть.

— Тогда цепляйтесь, — он объехал «жигу» и спятил «КАМАЗ» взад.

— До какого места вас конкретно отбуксировать?

— Антипиху проедешь, и только в Сосновый бор спустишься, за винно-водочным магазином сразу направо сворачивай. Метров через сито увидишь зеленые ворота и если они открыты, то прямо во двор затаскивай, это от нашего первомайского горно-обогатительного комбината для командировочных гостиницу выстроили.

По троллейбусной остановке беспокойно тусовался Эдик.

— Девушка, время не подскажите?

— Пятнадцать минут пятого.

— Спасибо.

«Неужели спалились?», — сел он на вышарканную тысячами задниц скамью. «Неладно что-то, братан пунктуальный в этих вопросах, уже бы подкатил».

В пять, визгнув тормозами у пустой остановки, остановилось

такси и, рассчитавшись с водилой, из него вылез Олег.

— Эдька, проснись!

— Фу-у, — облегченно выдохнул он — ты где застрял, я чуть с ума не сошел?

— На веревке добирались. Обломались за Урульгой, чуть боты не завернули. Здесь как? — шагнули братья к дому родителей.

— Тишина. Вика еще с занятий не вернулась, сумочка ее в нашей спальне на подоконнике валяется. Вчера вы уехали, я предлог нашел и почти стакан водки заставил Вику выпить, ее, беднягу, еще сегодня мутит.

— Нормально значит, молодчина. Вот ключики, пока я матери зубы заговариваю, — опустил он их в карман Эдькиной пропитки, — положишь на место.

— С машиной теперь что делать будем?

— С утра по комкам толкнемся, отыщем в каком-нибудь распределитель. Не живая же это вода.

— Как отпахали, не наследили?

— Все пучком. Вовка твоему будущему тестю кровь свернул. Всю фатеру одеколоном залил и сверху стиральным порошком присыпал. Денег взяли восемьдесят тысяч и баксов десять — подал брату две с половиной штуки долларами Святой.

— Это твоя доля, деревянных завтра отломлю.

— Телики — видаки забрали?

— Не только. Рыжий в нише вертикалку вышмонал, патронташ с маслятами и два «Фишера» в коробках. Как думаешь, не загнется от горя твои родственник?

— Хоть бы сдох, козлина.

— Ладно, не газуй. «Жигу» отладим, — и с нами в Первомайск рванешь, а то попадешь на генеральную уборку в Шилку.

Утром мать разбудила братьев, как просили — в десять. Наскоро попив чаю, они собрались и вышли на потеплевшую за ночь улицу.

— Вика ничего не заметила?

— Честно говоря, я уже забыл, что мы ее предков обчистили. Спит, красотуля.

Недолго поторчав на обочине дороги, Эдик тормознул государственную «Волгу», шофер которой калымил, и через двадцать минут братаны входили в распахнутые двери первомайской гостиницы. У подъезда стояла заведенная Вовкина тачка.

— Смотри, — показал на нее Эдик.

— Ништяк. Сейчас узнаем, в чем дело. Может, этот придурок

по сонникам в Первомайск летал — обрадовался Олег.

В незапертом номере дрых одетый Рыжий, а Ветерок, любивший, как гусь, воду, после душа варил кофе.

— Привет, брательники! Не спится?

— Здоров. Где трамблер откопал?

— Не поверишь. Тебя в такси посадили и с ВОВЧИКОМ пузырь «Столичной» на сон грядущий дабанули, так он, волчара, по пьяной лавочке уболтал меня, черта битого, из-за распределителя разбоем заняться. Часиков в двенадцать по Бабушкина, напротив Дворца спорта, стали голосовать. Две «жиги» отпустили, а третья новая была, мы в нее и сели. На окраине города выбрали улочку поглуше, и когда остановились, я ему вот с этого баллона — вынул он из нагрудного кармашка висевшей на спинке стула клетчатой рубахи газовый баллончик — вместо ста рублей, в шары дунул. Мужик со страха все попугал: «Не убивайте» — орет — «Все отдам!» Рыжий — я даже не ожидал, может подшофе такой дерзкий? Мужику по рылу — хлоп и распределитель скрутил. На прощание я дяде лапы связал и траванул его еще разок, наверочку.

Святой недоуменно крутанул головой и, подув в стакан с обжигающим напитком, хлебнул.

— Зря вы, Леха, это замутили. Трамблер в «Запчастях» всего штуку стоит, и так бы купили, а ты из-за него такой кипишь засадил. И мужика за такое дерьмо перепугал на сто лет вперед.

— Ты че, Олега?

— Неправильно говорю, что ли?

Теперь башкой закрутил Ветерок.

— Дай-ка дыбану, — взял у него из руки маленький черного цвета с красной кнопкой баллончика Святой.

— Где взял?

— У Воробья, за пятьсот рябчиков, — обиженный выговором Леха накинул рубаху и пошел платить за ночлег.

— Вставай, герой, — подергал за конец носка воняющих ног, Эдик.

— Не сплю я — сел в кровати Вовчик.

— Без моего разрешения, — погрозил ему пальцем Олег — никакой самодеятельности и считай, что на первый раз тебе пролезло.

— Понял, — сразу улучшилось настроение приятеля. Когда домой двинем?

— Мой харю, пей кофе и собирайся.

В Первомайск въехали вместе с сумерками. Поставили тачку в гараж КБО и, поужинав в «Кристалле», пошли к Рыжему — его супруга упорола к предкам в деревню. Зал походил на

коммерческий магазин и только сейчас Святой толком рассмотрел, что украли у главного вора Шилки. Среди вороха лантухов и разномастных коробок, он выбрал наугад одну видеокассету и, включив «Джи Ви Си» к сети, утопил в его приемнике кассету.

— Эдька, присаживайся! Порнуха крутится. Оказывается, тесть твой не только боевиками увлекается.

— Извращенец несчастный, — пошутил Вовчик, но к телевизору с любопытством подсел.

Ветерок, напялив на себя американские джинсы и кожаный пиджак, который сидел на нем, как на корове седло, вертелся у трюмо. Где интересно, он такой вымутил?

— В Соединенные Штаты прошлым годом летал по линии своей, козьей. Там все это и приобрел и видаки, и тряпки, ответил Эдик, листая паспорта на видеодвойки. Дело прошлое, у меня есть, кому в Чите технику эту сбагрить.

— Вот и ладненько. Отложи в сторону, что толкнешь — и утречком с Вовкой в город жмите. Возвернетесь, сразу меня найдешь.

— Куда остальное девать? — оторвался от экрана Рыжий и ввернув в сифон газушку, набурлил себе стакан газировки.

— Не знаю. Прикинь на свое усмотрение и если желание есть, занимайся. Ладно, братцы, копайтесь, а я, пожалуй, дуну. Еще в одно место заскочить надобно, подобрал кожанку с паласа Олег.

— Подожди, я с тобой, — Леха суетливо пихал в сумку выбранные с кучи ворованного шмотки. Ты в сторону дома?

— Почти. К Воробью наведаюсь и к детишкам шлепну, ждут, милые, папашу.

Спустя полчаса Святой сидел за кружкой крепкого чая с молоком в квартире Воробьева.

— Саня, Ветерку ты газовый баллон накатил?

— Продал, так точнее будет.

— Может, и мне продашь штук пять?

— Нет проблем. Пей чай, остынет — подтянул он на тощий зад то ли трусы, то ли обрезанные женские лосины и удалился, шлепая модными в то время «куботами», в смежную с кухней комнату.

Пользуясь минутной отлучкой Воробья, жена его, симпатичная шатенка со стрижкой каре, вышла в прихожку, явно не для того, чтобы составить на полочку обувь. Ее съедало любопытство, заставляющее хоть одним взглядом окинуть интересного гостя, про которого в поселке поговаривали, что он бывший уголовник и продолжает заниматься темными делами.

— Здравствуйте — вежливо приподнялся Олег.

— Вы меня знаете?

— Давно как-то в библиотеке литературу по «БЕЛАЗам» брал. Вы ведь там работаете?

— Там, но я не помню вас…

— Я и не Бельмондо, чтобы меня запоминать. Сколько вам годиков?

— Девятнадцать.

— Значит Санька старше тебя на восемь лет.

— Выходит так.

— Тебе сколько раз говорить можно, — вылетел с раздутыми ноздрями Воробьев — когда ко мне кто-нибудь приходит, из комнаты не вылазь. Че выпучилась, матрешка, марш отсюда и чтобы я тебя не видел!

— Ты что, Санька, ошалел или ревнуешь ее так?

— Не знаю — бросил он на пластиковую крышку стола целлофан с отравой. Бабы рождены, чтобы нам обеды варить, носки штопать и детей рожать. Вышла замуж, все, прижми срандель. Скажи, что я не прав?

— Это не тема для спора. Спасибо за газ и чай.

— Не торопись, Олега. Пока я в Питере был, у меня из видеосалона аппарат свистнули.

— Подробней растолкуй, что к чему, я впервые об этом слышу. Заинтересовался Святой.

— Я в Шилке у директора киносетей взял в аренду видеосистему «Панасоник» для кинозалов. В спорткомплексе под трибунами помещение есть, туда поставил. Хотел салон открыть, да не получилось, но суть не в этом. Как и чем теперь с Шилкой рассчитываться? Да и менты замордовали напрочь.

— Добро, Воробей. Я по своим каналам пробью твою беду я, если что светанет, зайду, а к тебе просьба. Ружьецо где нащупаешь, цинкуй. Патроны сгодятся, гранаты, взрывчатка.

— Базара нет, не теряйся только.

— Куда я денусь.

Дома, собачную его душу, поджидало горе. Поносившая шестые сутки Линда и заколотая местным ветеринаром витаминами и антибиотиками, все-таки не оклемалась. Сегодня ее била чумка с приступами рвоты и потерей сознания. Игорешка плакал. Максим и Лена держались, надеясь на чудо, а измученная собака, ростом выше колена, уткнув сухой, горячий нос под мышку хозяина, прощально скулила, жалуясь на несложившуюся жизнь.

— Ну, что, Ленка?

— Умирает она, Олежка.

— Давай поводок.

— Папа, ты куда ее? — враз спросили сыновья.

— В больницу.

— Ночью? Можно с тобой?

— Нет, Игореха, туда маленьких не пускают.

— Максим, одевайся, ты ведь уже большой.

— Ему, Игорь, тоже нельзя, поздно.

Выручил Леха. В неглубоком овраге за общественной баней он из обреза выстрелил Линде в ухо и, сняв с нее ошейник, забросал щенка камнями, потом швырнул зараженный поводок в голые кусты и выполз наверх.

— Неприятно, бляха, лучше бы человека угробил.

— Спасибо, Ветерок, и извини за кровь.

— Да ничего, Олега, мне и раньше доводилось коров, свиней шмалять, я ведь деревенский.

На пятый день из Читы прикатил Эдик. Узнав от Лены, что брат с сыновьями в спортзале, он отправился в ресторан. Заказал шампанского, бутербродов с красной икрой (черная воняла рыбой) и, подзакусив, позвонил Святому.

— Здорово, братан. Я в «Кристалле». Съездил удачно, но не телефонный разговор. Отпашешь, подходи, заказать вам что-нибудь? Понял, пельмешек дети требуют.

Выйдя из директорского кабинета, откуда базарил со спортзалом, Эдька подозвал официантку.

— Нина, пельменей четыре порции.

— Нету, Эдик, у нас рыбный день.

— Плачу за скорость, за качество отдельно.

— Только для тебя.

— Это для старшего брата и его детей, а мне еще икры, овощной салат и шампанское.

После тренировки Святой сводил Игоря с Максимом в бассейн, и в девять они мяли в ресторане сочные, прямо из духовки, в глиняных горшочках пельмени. Ребятишки, не раз бывшие с отцом в этом заведении, ни на кого не обращали внимания и усердно хлебали горячую вкусную шулю.

— Трепани, как сгонял?

Видеодвойки, японский магнитофон «Фишер» и два фотоаппарата «Кодак» Эдик сбулькал за сто сорок тысяч. Каждому упало по тридцать пять. На свои он купил Вике норковую шапку и зимние сапожки, дал родителям немного и остальные оставил себе на житье.

В стеклянные двери танцующего, полупьяного, в сигаретном дыму зала, вошел расстроенный чем-то Леха и отыскав глазами братьев, приветливо им кивнул.

— Ходи сюда — пригласил его Эдик.

— Привет, ты что такой кислый — налил он приятелю фужер вина и пододвинул блюдце с бутербродами.

— Хадича с Кутулика звонила, говорит, если через неделю не покажусь, то про роман наш абсолютно все жене моей расскажет.

— Попал ты, не позавидуешь. Крутись, гриву вешать не советую. Эдька, капусту Ветерку отдай, что ему причитается.

Младший брат положил перед подельником его деньги.

— Съезди к ней, Леха, а то еще правда она свою угрозу выполнит. Бабы — дуры, сам знаешь. Поедешь?

— Придется, — плеснул себе Ветерок на донышко. Эдька, ты ведь все равно болтаешься, поддержи меня?

— Я готов, а что нужно?

— Со мной сгоняй. Базу заодно проведаем, бичей. Девок своих пощупаешь.

— Олега, я тебе не нужен?

— Вроде нет.

— Тогда мы отваливаем.

— Счастливой дорожки. Когда дернете?

— В понедельник, — решительно снял куртку Леха. Сегодня гульнем по человечьи.

— Официант!

— Ветерок, давай с пятизарядки постреляем. Братан сказал — ты ее обрезал?

— Сейчас, что ли?

— Нет, конечно, — отправил в белозубый рот столовую ложку икры Эдик.

— Завтра, до понедельника ведь время еще есть. Выспимся и в лес махнем.

— Патрона всего два осталось.

— Меня Костя на остановке случайно встретил, он к Олеге шел и передал ему две пачки. Картечью, говорит, заряжены.

Леха остался в «Кристалле». Святой с детьми ушел домой, а Эдик, накачав шампанским знакомых девчонок с пищекомбината, на полусогнутых уплелся ночевать к ним в общагу.

***

Первого мая выдался теплый, солнечный день. На березке под балконом лопнули почки, и с них проклюнулась клейкая зелень листиков. Олег, горячо поддерживаемый сыновьями, без труда уговорил жену и, прихватив с собой немного продуктов, семья провела праздник в лесу, чуть выше «Березовой рощи». На

следующий день погода стояла еще лучше и, отобедав, папины убежали купаться на «лягушатник», как они звали небольшое, рук человеческих озеро, на краю поселка, в которое с местной ТЭЦ по трубам, проложенным под землей, бежала теплая вода, а их родители при открытых дверях балкона, пили кофе.

— Приятного аппетита, — возле резного ящика под цветы, появилась лохматая Костина голова.

— Олега, выйди на пять минут, посекретничаем.

— Пока не доешь, никуда не пойдешь. Надоели твои дружки. Последний раз предупреждаю, по выходным дням пусть лучше не показываются.

— Слышал, Кот, мотай на ус. В один прекрасный момент можешь запросто без глаз остаться, — улыбаясь, допил Святой кофе и, взяв ведро с мусором, вышел в ограду.

Приятель сидел под грибком детской песочницы и пересыпал с руки в руку песок.

— Привет, чучело. Хоть бы причесывался, когда ко мне прешься или у тебя расчески нет?

— Не до марафета, — отмахнулся Костя.

— Что так?

— Вчера с Люсей и сынишкой на дачу к матери нарезал, а сегодня вернулся, квартиру нашу кто-то видимо ночью ободрал.

— Дюзнули много?

— Вещи, черт с ними, а вот ружье пятизарядное, помнишь, какое я тебе тогда продал?

— Помню.

— Вот точно такое же увели, «МЦ — двадцать один двенадцать». Хоть охотничий билет, слава богу, при себе был.

— Наметки на кого имеются?

— Примерно догадываюсь, кто мог это сделать — замолк Кот. Что-то мешало ему продолжать.

— Не стесняйся, рожай, ткнул его локтем в бок Святой — дело житейское, с любым может произойти. Ну, давай, выкладывай.

— Женька Бурдинский, выше тебя на два дома живет. Высокий такой, худощавый. На левой руке трех пальцев нет.

— Погоняло есть?

— Беспалым кличут, знаешь такого?

— Нет.

— Он судимый, весь в наколках. Я думал, ты с ним где-нибудь вместе в тюрьме сидел.

— Нет, Костя, не встречал, — вспоминая, тер лоб Олег.

— А чем он сейчас занимается?

— Воду мутит. Не работает, каждый день пьяный. Сгуртовал

вокруг себя малолеток и с ними, как мне кажется, по хатам лазит. Помоги ружье найти, до гробовой доски благодарить буду.

Квартиру Кота, в натуре, как потом выяснится, взял Беспалый, но очень чисто и менты его ни сейчас, ни потом не потревожат. Найдет винт Святой.

— Ничего конкретного, Костя, пообещать тебе, к сожалению не могу. Подкатывай завтра вечером часикам к десяти сюда же, что-нибудь попробуем решить.

Олег вывалил в баки мусор, вернулся домой и, умывшись, брякнул Ветерку.

— Чем занимаешься?

— На дачу собираюсь.

— Не очень торопишься?

— Да нет, а что?

— Выходи к детскому садику. Потолкуем. Я переоденусь и минут через пять подгребу.

У решетчатого разноцветного забора, на низенькой лавочке, ковырялся сухой прошлогодней травинкой в рандолевых коронках, Леха. Сплюнув сукровицу под замшевый кроссовок, он пододвинулся на скамье, освобождая место для подельника.

— Срочное что-нибудь?

— Как посмотреть. Кот от меня только что умотал. У него вчера хату вымолотили.

— А ты тут причем? — искренне удивился Ветерок.

— Нужно бы ему помочь. Мы ведь маломальские, но приятели. Да и вообще вчера его обокрали, а завтра тебя наладят или меня. Никто от этого не застрахован.

— Так-то правильно базаришь, шустрили бы где-нибудь на стороне. Из-за них и нас легавые на мушку возьмут. Давай найдем, кто этим промышляет, — оживился он. Но как?

Святой подробно передал приятелю, какой разговор состоялся у него с Костей. Тот внимательно, не перебивая, выслушал.

— Что предлагаешь?

— Завтра к десяти до меня греби, Кот тоже подойдет. Потолкуем с ним, а там видно будет.

С «лягушатника» прибежал старший сын и, жадно выцедив кружку холодного молока, растянулся на ковровой дорожке в спальне.

— Максим, подъем. Выбирай, что делать будешь, пылесосить или полы шкварить?

— Неохота, батя. Почему только мы с тобой генералим? Пусть мать занимается.

— Мать варит на нас и стирает, а наше дело квартиру в

чистоте содержать. Еще я тебе советую свои трусы и носки самому стирать.

— Ничего себе заявочка!

— Ты сам, что ли себе белье стираешь?

— Трусы с носками — да.

— А почему?

— Потому, что я взрослый. Уважаю себя и мать свою. Пылесосить будешь или второе?

— Хочу жениться.

— Ясно море, на «лягушатнике» приятней.

На следующий день, как и договорились, троица скучковалась у пятиэтажки Олега в песочнице.

— Пацаны, примите меня к себе в банду.

— Ты словно в комсомол просишься, — ухмыльнулся Леха — ну поливай дальше?

— Устал я вхолостую работать. Вы вот тоже пока пахали, без штанов ходили, а сейчас на вас любо-дорого смотреть. Прикидываетесь шикарно и в печатках рыжих щеголяете. 0 т Беспалого круто отличаетесь. Он синяк натуральный, а на вас и не подумаешь, что судимые.

Святой с Ветерком переглянулись, и Кот понял, что они обдумывают его просьбу.

— Я соображаю, что с ментами плотно завязан и, наверное именно поэтому у вас имеются основания мне не верить, но чтобы доказать вам свою преданность, я готов вообще на все.

— На все, говоришь?

— На все, Олега. Давай, я убью кого-нибудь, чтобы ты увидел, что обратного хода у меня нет. У Бурдинского правой рукой Жук. Помогите мне его в карьер увезти, там я его насчет того, кто мою хату выставил, покачаю и потом застрелю. Годяво?

— Насчет убийства не газуй, Костя. По-моему не так просто человека жизни лишить.

— Охотник я, понимаешь? Кровушки в лесах нахлебался досыта. Я эту мразь хлопну, рука не дрогнет. Тем более он — синюшная морда, от него все равно никому никакой пользы нет.

— Одно дело — коз шмалять, другое — людей. Или для тебя разницы нет?

— Есть, конечно, но этого гавнюка не жалко.

— Дельно базарит, встрял Ветерок. У Рыжего тачку возьмешь, — он как раз на ней стекла затонировал, а самого его привлекать не стоит. Братану позвони, пусть приезжает, здоровый парняга, сгодиться. Утрясли вроде все, по домам?

— Пора действительно, — встал первым Святой. Вали, Кот, до хаты и если в натуре решился на мокруху, паси Жука.

Наломав еще не распустившейся черемухи. Костя, задумавшись, пропал в темнеющей улице. Распластавшись на теплом песке и закинув за голову руки, гонял масло, высматривая Большую Медведицу на звездном небе, Олег.

— Леха, может, зря мы Кота через кровь тянем?

— Легавый он. Пусть запачкается, тогда ему железно можно будет доверять.

— Ладно, пускай все катится, как катится. От судьбы не сквозанешь. С Хадичей у вас как?

— Не пойму. Сына увидел своего и ее, и представляешь — чуть не остался в Кутулике. Хорошо, что Эдька рядом был.

— Любишь ее?

— Люблю и ее, и Настю, одинаково.

— Громадное у тебя сердце.

— Не балдей, волк, а то на эту тему я с тобой больше базарить не буду.

— Извини, Ветерок. Любовь — чувство конечно сильное, но я тебе не завидую. Если не секрет, проболтайся, как она сына окрестила?

— Лехой.

— В честь вашего величества, надеюсь?

— По-другому и быть не могло.

— Похож хоть на тебя?

— В том-то и дело, что похож, подлец.

— Что ворчишь? Тогда радоваться нужно.

***

Отдавая долг родине в воинской части, расположенной на территории Первомайска, Жуков подженился на приглянувшейся ему толстушке — мастерице с жилищно-коммунального хозяйства и, дембельнувшись, на далекую свою родину возвращаться не спешил. Поселок Жуку нравился, заработки сожительницы устраивали, а, связавшись с Беспалым по воровской стезе, жизнь вообще заскользила, словно сыр по маслу. Только всегда хотелось спать и на кражах, и в свободное время. Вот и сегодня, разлепив тяжелые веки, он поковырялся указательным пальцем в глазницах, удаляя засохшие сгустки слез и с хрустом потянувшись, глянул на будильник. Стрелки не шевелились.

— Танька?

«Где она интересно, на работе, наверное. Да не должна, сегодня восьмое мая. Выходной».

— Татьяна?!

«Может, в магазин утопала?» — упал он снова смуглым лицом в пуховую подушку, но захрапеть ему помещал без стука отворивший входную дверь Бурдинский.

— Здорово, Руслан, когда ты, дружок, выспишься? Натягивай штаны, в кабак пойдем.

— Я бы с превеликим удовольствием, но филок нет.

— Есть, — похлопал по нагрудному карману Женька.

— Я вчера с последней делюги набор посуды загнал в Шилке. Одевайся.

Пили подельники много, но дешево, деньги приходилось считать, в отличие от Эдьки, жировавшим за соседним столиком.

— Кто это, не в курсе? — понюхал после очередной стопки кусочек черного хлеба Жуков.

— Младший брат Святого, Эдька Иконников. Крадут пацаны и видимо по крупному, хрустами машет, не жалеет. Феди Хасанова они зимой склад подрезали.

— Почем знаешь?

— Рыжий — болтун. Святой с Ветерком — матерые, а этот — капуста, жало до колен висит. Примазался в кодлу путную и ноги от счастья трясутся. Наливай, Руслан, по последней.

Жук насыпал и махонькими глоточками выпил последнюю в своей жизни рюмку водки.

— Я отчаливаю, Женька, поздно уже. Татьяне хлестанулся завтра картошку ее матери высадить.

— Завтра же девятое.

— До обеда управлюсь. У нее огород, что этот зал.

С початой бутылкой «Пшеничной» в оттопыренном кармане ветровки, Жуков вышел с «Березовой рощи» и, покачиваясь на нетвердых ногах, направился к дому. Пройти сто пятьдесят метров ему было не суждено — в неосвещенном, возле крадуна бесшумно тормознулись белые, с затемненными тонировкой стеклами Жигули, и не успевшего сообразить, что случилось Руслана, Леха и Эдик втолкнули на заднее сиденье. Олег вылез из-за руля и подняв дверцу багажника, нырнул в него. Потом захлопнул ее и, оказавшись сзади Жука, накинул ему на шею удавку, сделанную из кожаного ремешка от бинокля.

— Не вздумай блажить, задушу.

Костя дыбанул на светящееся окно в ночи жуковской квартиры, за ситцевыми занавесками которой вязала пуловер сожителю Татьяна, и, устроившись поудобней за баранкой, не торопясь, включил передачу.

— Вы кто такие? — моментально протрезвел Руслан — я худого никому не делал.

— Заткнись, обезьяна, — полуобернулся к нему Кот — через

пятнадцать минут я тебе все объясню.

Меж высоких отвалов заброшенного карьера, машина, погасив габариты, остановилась. Жуку связали за спиной руки и Костя с Ветерком, крепко держа жертву под дрожащие локти, спустились на дно неглубокой каменистой ложбинки, а Святой выбравшись из багажника, задрал войлок, на котором сидел и достал из-под него пятизарядку.

— Эдька, под водительской седушкой обрез в тряпке. Возьми и на атасе останься.

— Кого тут шугаться?

— Сказано тебе, вниз не ходи!

— Ладно, понял.

Спотыкаясь о нагретые за день валуны. Олег пошел в ложбину. Руслан сидел, неудобно подломив под себя бесчувственные ноги, и не верил, что смерть в черной зэковской робе с обрезанной пятизарядкой уже на подходе. Цепко ухватив его левой рукой за чуб, а правой методично расшибая лицо, выспрашивал что-то Кот.

«Неужели расчухал, что я принимал участие в краже на его хате» — безвольно стучало в подсознании. «Предупреждал же меня Слепой: не шарься один вечером по поселку — береженого бог бережет».

— Сказал он тебе чего интересного? — подошедший Святой присел на большую каменюгу за спиной Жукова и положил справа от себя обрез.

Костя утвердительно затряс гривой.

— Он это, он, — и пнув по белой, как мел роже Руслана туфлем, схватил его за кадык.

— Дай железяку, я эту мразь стрельну.

— Не трожь, — наступил кремовой «Саламандрой» на пятизарядку Олег.

— Леха, замерз что ли, тебя зову.

— Я все слышал. По-моему все ясно, дави эту капусту. Шмалять не надо, удыбает, не дай бог кто нибудь. До дач — рукой подать.

Святой повыше кадыка, под самый подбородок надел Жуку удавку. Тот, закрыв глаза, обречено молчал.

— Вдохни поглубже, — последнее, что он расслышал в этой безумно короткой жизни, и ремешок страшно больно впился в худую шею. Сидя на спортивной шапочке, Эдик таращился вниз на происходящее и не мог никак врубиться, почему не Кот, а брат душит этого, впервые уведенного сегодня парня. Умирал Руслан долго. Поджарое его тело, прощаясь с землей, дергалось в конвульсиях и хрипело. Ветерок, встав на одно колено,

неожиданно ударил умирающего рукоятью охотничьего ножа в солнечное сплетение.

— Прекращай! — остановил его Олег.

— Костя, это твоя жертва. Ходи сюда, не стесняйся, позвал подельника Леха и когда тот подошел, добавил:

— Перехватывай у Святого удавку.

Кот взял твердыми руками концы натянутого ремешка, а Олег, откинувшись на спину, непроизвольно встретился карим взглядом с созвездием Большой Медведицей. «Вот чертовщина, везде меня пасет», — перевернулся он набок и поднявшись, суеверно сплюнул через левое плечо. Затем, ухватив пятизарядку за обрезанный приклад, стал устало карабкаться вверх по сыпучему отвалу.

— Ты что плевался? — встретил его брат.

— Старая история. На строгом режиме в буре маялся и однажды меня, молодого и красивого чуть домовой не удавил. Вот с тех пор в приметы и верю. Шлепай к ним, Эдька, поможешь труп зарыть. Я здесь побуду.

— Извини, но я так и не понял, почему ты Жука убил? Ведь это должен был сделать Костя?

— Я просто не дал мучать парня. Представь его состояние — Котяра ему всю башку разбил и предлагает стрельнуть. Ветерок тычиной в «солнышко» заехал.

— Наверное, ты прав, смахнул с длинных ресниц повисшие капельки влаги Эдик. Коту сейчас прямо хлебало начищу.

— Нет, Эдька. Он базарит, что его квартиру Жуков помыл. Может мы сегодня, и двинули лишка, но Костю я понимаю. Иди вниз и сердце послушай у трупа, а то еще живого закопают.

Натянув на синее лицо мертвеца полиэтиленовый пакет, Леха поверх него для верности завязал ремешок, которым удавили Руслана и, убедившись, что тот остыл, втроем перенесли его чуть выше, в самое узкое место ложбины. Потом труп заложили мелкими камнями и навалили поверх булдыганов покрупнее. Плюсовая температура спала, и крыша тачки покрылась росой. В бардачке Ветерок случайно нашел приготовленную для шлюх бутылку коньяка.

— Пить кто будет?

— Распечатывай, что спрашиваешь? — сняв куртку, хлопал ее Святой о камни.

— Вовчик задавится с горя, как удыбает пропажу — Кот протирал пыльный стакан.

— Да в рот ему полено, чертогазу, — не понять, на кого психанул Олег.

— Наливай, муторно.

Опрокинув в пересохшую глотку полстакана «Букурии», он вытряхнул из него оставшиеся капельки и передал посуду братану.

— Слушай, Костя. Как рассветет, на место, где труп лежит, бросишь собаку, понял?

— Дохлую?

— Да.

— А где взять ее?

— Твои проблемы.

Братья спали в гостиничном номере «Березовой рощи», попросив горничную растолкать их в десять. Двужильный Леха на дачном участке строил курятник. Выпросив у знакомого одностволку, Кот с Рыжим шастали на первомайской свалке, высматривая бродячих собак. Одна корноухая на свою беду им попалась.

— Кири-кири — поманил ее Костя и, не вылезая с жиги, разнес доверчивому псу грудь.

ЗАТЕМ окровавленную тушку обернули куском оставшегося после побелки целлофана и забросили на багажник крыши.

— Теперь, Рыжий, жми в карьер. В старый.

— Куда конкретно?

— Покажу, моншер, покажу.

Днем место убийства в бесконечных россыпях каменных джунглей выглядело обыкновенно и о трагедии, произошедшей несколько часов назад, ничего не напоминало.

— Как думаешь, где он прячется?

— Шут его знает, — поежился Вовка.

— Смотри внимательно, показываю один раз, — Кот швырнул с кромки ложбины труп собаки и та, вычертив в воздухе дугу, упала точно на захоронение.

— Зачем это?

— Скоро Жук разлагаться начнет, запахнет. А так, если кто и унюхает, подумает, что это собака воняет, — Костя снял верхонки и выкинул их, не глядя себе за спину.

— Поехали к шефу, доложить нужно, что задание выполнено.

Неделю назад на березке только набухали почки, а сегодня утром, обрадовав Лену, она наконец-то пыхнула яркой зеленью. Максим подбеливал кирпичи, окружающие гибкий ствол деревца, а руководил этой операцией Эдька, жующий конфеты и выслушивающий жалобы Ветерка только что вернувшегося с дачи.

— Хорек, сука конченная, повадился кур таскать, шлоебень поганая. Поймаю тварину, запытаю.

— Ты че, отгрохал курятник?

— Нет пока, они у меня в теплице обитают.

— И он, подлец, лазит туда?

— Ныряет, душегуб, по сонникам.

— Дядя Леша, а «по сонникам», что означает?

— Это когда мы спим, Максим.

Вышедшая на балкон жена Святого через перила подала Эдику капроновое ведерко с водой.

— Куда его, Ленка?

— Ты что, не выпьешь столько?

— Нет, конечно!

— Тогда березку полей.

Подняв ведро к лицу, он прополоскал сладость во рту, и вылил воду в запруду из кирпичей. Потом перевернул посудину и сел на нее.

— Леха, хорька отловишь, пригласи на казнь?

— Ничего смешного не вижу.

— Я серьезно. Сделай в подполье электрический стул, и мы его, гниду, зажарим.

Максим захлебывался смехом. Улыбались и Ветерок с Леной. Эдик, невозмутимо помешивая в жестяной банке из-под томатной пасты известь, шелушил от фантиков конфеты, а из-за угла дома показались Олег с Игорем, ходившие в магазин за молоком.

— О чем балдеете?

— Зубы проветриваем, — уступил братану место Эдька.

— Присаживайся, пенсионер, отдышись.

— Мама, возьми, — привстав на цыпочки, передал ей бидончик Игорешка.

— Можно я на стадион сбегаю, футбик посмотрю?

— Через дорогу осторожней, понял?

— Ага! — чесанул он на праздник ветеранов, выцыганив в магазине у отца кучу денег.

Потихоньку, чтобы не задеть днищем о бордюр, к березке на нейтралке подъехал жигуленок.

— Задание выполнено, — отрапортовал шутливо Кот. Лена зашла в квартиру и задернула за собой тюль.

— Максим, что уши развесил? Бери известку и домой. Хочешь — на стадион сходи.

— Денег нет.

— Я Игорю дал, половину он тебе отложил. В заднем кармане шорт заберешь.

— Олег Борисович, — вылез из машины Костя.

— Кругом тополя, черемуха, елочки, а березку в поселке ни одну не встречал. Ты ее из леса припер что ли?

— С карьера.

— Вокруг и так все засажено. Зачем она тебе?

— Вопрос конечно, интересный. Жену люблю.

— Леха у подъезда две сосенки высадил, — поскреб щетину Кот — и под третью место готовит. Видимо еще подружку нашел.

Приятель угадал. Ветерка закружил новый роман, про который еще никто из друзей не знал.

— Слушайте, пацаны. Смех-то смехом, а штука эта, что нас губит — к верху мехом. Леху надо чем-то кормить, а денежки кончаются. Давайте замутим что-нибудь?

— Какого Леху? — не воткнулся Рыжий.

— С Кутулика — серьезно ответил ему Святой.

— Наметки у кого какие есть?

— Может, в Чите магазин какой впорем, — опустился на корточки Ветерок.

— Коммерческий, наверное, ловчей получится. Там и капустой подогреемся, и лантухами. Внагляк среди бела дня вломимся, всех повяжем. Нагрузимся — и не жди, не встретимся.

— Мысль путняя. Ты, Вовчик, не против?

— Нет.

— А ты Эдька?

— Я, как ты.

— Что скажешь, Кот?

— Я как все.

— Ну и банда подобралась, ни одного против, — светанул коронки Олег.

— Все «за», значит. Тогда готовь, Леха, оружие, а ты, Кот, патронов наколоти картечью и на всякий случай побольше. Ты, Рыжий, купи пять спортивных шапочек и вырежь на них отверстия под глаза. Не забудь пять пар перчаток и веревку. В пятницу вечерком дунем с Первомайска. В заежке нашей заночуем, а с утра по городу пошаримся. Объект для работы присмотрим, и к обеду надеюсь, что-нибудь долбанем.

— Может в рабочий день лучше получится? — попробовал поразмышлять вслух Вовка.

— Нет, — выплюнул жевательную резнику, подсунутую ему сыном, Святой.

— В субботу комки работают, а люд, что по ним шарагатится в будни, в основном на барахолке будет. Так что особо нам никто и не помешает.

В пятницу в холле гостиницы Олег смотрел по телику Крамарова, Леонова и Вицина, придуривающихся в «Джентльменах удачи». Вовка копошился в машине во дворе, а Эдик, наученный старшим братом играть в «тэрс», в свою очередь обучал премудростям карточной игры Костю. Новичкам обычно везет, перло и ему. После каждой просаженной партии, Эдька

обозвав напарника ментом поганым, как и договаривались, добросовестно отжимался от паласа, которым был застелен номер, двадцать раз и прихваченный азартом, снова начинал мылить.

— Мент поганый.

— Олег Борисович, ваш братец изволит грубить мне, — прогундосил, зажав норки носа, вошедшему приятелю Кот.

— Отстань от него, Эдька.

— Да шучу я — отдуваясь, растележился тот на полу, подложив руки под лицо.

— Ветерок где?

— В душе.

— Пойду тоже ополоснусь, а вы, пацаны, давайте спать. Завтра предстоит вкалывать.

В душевой никого не было. Сам себе ухмыляясь, Святой, намылив шампунем кудри, нырнул под лейку. «Прячет Леха свою подружку. Вот, змей, опять втюрился, большое сердце, но башка деревянная. Как интересно он, пройдоха, всех любовниц кормить думает?»

Поднялись с первыми петухами, вернее с «петухом», стоящим на тумбочке и ровно в шесть захрипевшим знакомым гимном Советского Союза. Когда пробрался в номер Ветерок, проведший бессонную ночь на втором этаже заежки и варивший сейчас кофе, не слышал никто.

— Работать сможешь или храпанешь до обеда? — распахнул створки окна Олег.

— Я двужильный, ты ведь так говоришь.

Плотно позавтракав, подельники уплатили за ночевку и в десятом часу выехали на охоту. Новое мышление Горбачева выловили и уголовники, и Читу ожидало первое в ее истории вооруженное ограбление коммерческого магазина.

— Командуйте, куда рулить, — включил правый поворот Рыжий и притормозил, пропуская несущиеся слева машины.

— Прямо по Бабушкина до нового рынка, там определимся, выудил из сумки с железом шапочки Святой и раздал по одной подельникам.

— Никто не передумал?

Леха проверил — есть ли в стволах маслята и молча сунул обрез под мышку в специально сшитый для него чехол, висевший на плече, затем охотничьим ножом стал пластать на куски бельевую веревку. Примеряя, натянул на выгоревшие пшеничные волосы черную шапочку Эдик и, распустив ее до подбородка, боднул лбом Костю.

— О-о, клево. Если тебя продавцы в таком наряде увидят, то

мне кажется, их не придется долго уговаривать деньги выдать. Люди же они в конце-то концов, должны понимать, что твой маскарад кое чего стоит-Да и работенка опять же нервная и довольно опасная для жизни. Держите, молодой человек, протянул он Вовчику два обрезка веревки.

— Дай еще, — потребовал тот.

— Не, больше нельзя, а то ты с перепугу и нас всех скрутишь. Шучу, шучу.

— Себя паси, — обиделся Вовка.

— Сильно грабки никому не перетягивайте. Не дай бог, перестараетесь и у кого — нибудь они отсохнут. Хребты в тюрьме нам, конечно, не переломят, но в шары арестантам смотреть будет стремновато.

— Понятно, — ответил за всех Ветерок — не вчера на свет белый появились. Ну-ка, Рыжий, вон к тому дому подкати — заметил он высокое крыльцо, над которым красовалась аляписто намалеванная на стекле надпись: «Лион».

— Сбегай, братан, ты вроде помоложе.

Эдик отсутствовал пятнадцать минут и, возвратившись, зашептал — крутой комок.

— Громче говори, че ты?

— Крутой магазин, нужно брать его, Олега. Видаков только за прилавком четыре штуки лежит. Парфюмерии французской, бижутерии, кожи, шнапса — море. Все не перечислишь, надо видеть, сходи.

— Айда, Леха, дыбанем.

Комок им тоже понравился. Единственное, что обоих заставило пораскинуть мозгами то, что магазин находился почти в центре Читы, но слишком уж был по тем временам богат он, и не подрезать его было просто грешно. «Жигули» запарковали на обочине, на улице Чайковского. Засекли по часам время и проходным двором быстрым шагом направились к объекту. «Всего три минуты», — удовлетворенно отметил Святой.

— Пахать будем так. Кот — войдешь последним. Запрешь изнутри входную дверь — и ни на шаг от нее не отлучайся. Внимательно слушай, может кто-нибудь подойдет. Покупатель подергается и свалит, а если слишком настойчивый попадется, то запустишь его. Короче, двери — на тебе. Сориентируешься по обстановке, что и как. Олег повернулся к Эдику: — Ты мети в кабинет директора, и чтоб он у тебя не пикнул, понял?

— Ясно.

— Ветерок с Вовчиком займутся продавцами, а я буду контролировать общую ситуацию. После того, как всех успокоим, братан сгребает лантухи. Рыжий — аппаратуру. Леха —

парфюмерию, а я деньги и прикину, что еще. Костя, не вздумай двери оставить, шкуру спущу.

— Пожалей жену с сыном, я как в таком виде им покажусь, — шутил Кот, но сердечко пошаливало. На такой делюге он еще не был и присущую ему одному трясучку рук прятал в широчайших карманах брюк.

— Работать шустро, между собой не болтать. Пропавший в комке Вовка через некоторое время показался на крыльце и один раз слегка шлепнул шапочкой по деревянным перилам. Это означало, что в торговом зале всего один покупатель и с четырех сторон подельники потянулись к крылечку. Бородатый армянин, вышедший из помещения, неторопливо размял папиросу, выдул из нее крошки табака и спросил у Вовчика огонька. Тот не курил и с сожалением развел руки в стороны. Бородатый, прихрамывал на левую ногу, прокандыбал в двух шагах и набычив кустистые брови, подозрительно, а может и просто недовольно, зыркнул на братьев. Ветерок в это время в тамбуре магазина, распустив шапочку и поправив ее на роже, вынул из чехла обрез. Спокойно снял его с предохранителя и молча отобрав у Рыжего такую же игрушку, переломил ее. В стволах блестели «маслята». Леха, вытащив их и сунув в задний карман штанов, вернул приятелю железяку.

— Рановато тебе в людей шмалять.

Похоже, Вовка никак на это не отреагировал и спешно стал натягивать маску. Кот, заперев на засов дверь, сразу приложил к ней ухо. Восемнадцатилетнюю девчонку, затянутую в фирмовые джинсы, которая старательно терла шваброй линолеум у входа в торговый зал, Эдик оттолкнул левой рукой, и рванул в кабинет директора. Поднимавшуюся с пола ошеломленную девушку повторно опрокинул в таз с грязной водой, ворвавшийся вслед за подельником Ветерок.

— Всем лечь на пол, лицом вниз, руки за голову.

Всех оказалось всего двое. Одна заткнув уши и зажмурив глаза, съежилась в расползающейся по линолеуму луже. У другой от страха почернели не только крашенные губы, но, кажется даже и золотые цацки в розовых красивых ушах. Явно не понимая, что приказал ей грабитель, она не шелохнулась.

Директор, молодой очкарик с вздыбленным ежиком волос, заметив бегущего к нему человека в маске, с ножом, просто потерял сознание и сполз с мяконького кресла под письменный стол. Эдька перевернул его на живот и заломи руки за спину, стал их вязать.

Олег пинком распахнул фанерную дверь подсобки, загроможденную ящиками с армянским коньяком, мешками

сухого молока и множеством больших и маленьких коробок. На открытой спирали электрической плитки отчаянно свистел эмалированный чайник. Убедившись, что в помещении никого нет, Святой выдернул штепсель плитки из розетки, и приятели метнулись в зал, где скулившие подружки, обнявшись, не слушали Леху. Движением руки Олег показал ему и Рыжему, чтобы продавщиц завели в кабинет.

— Тише, девчонки, орете, с понтом вас режут. Вытирайте сопли и выполняйте все команды. Вот так, к стене пока сядьте. Что с директором?

— Хрен его знает, — пожал плечами Эдик.

— Сердце у него больное, — всхлипывала та, что постарше сквозь размазанную тушь ресниц, смотревшая на Святого, принимая его за главаря шайки, — не трогайте его, пожалуйста.

— Извини, красотка, валерьянку мы с собой не носим. Ключи от сейфа где?

— В столе, в нижнем ящике.

— Ты, — Олег ткнул прикладом пятизарядки в брата, — бери вот эту, что помоложе и дуй в зал. Занимайся, чем положено, а ты, конфетка, помогай парню. Поняла?

Та поняла. Но ответить пока была еще не в состоянии и кивнула, не веря, в общем, что отделалась легким испугом. Тем временем Вовчик уже паковал видеомагнитофоны по их «родным» коробкам. Ветерок, покрутив на стволах обреза дамские, австрийского происхождения, кружевные плавочки, швырнул их на плоский стеклянный прилавок и, тяжко вздохнув, вспоминая томную ночь, полез в коробки с ароматной Францией.

Поставив пушку на предохранитель, Святой положил ее на стекло, что покрывало письменный стол, заваленный бухгалтерией и поочередно вставляя в замочную скважину металлического сейфа ключи, третьим по счету разжал стальной собаке зубы. За стальной дверцей чего только не было.

— Тебя как мать кличет?

— Она умерла год назад.

— Прости, я не за тем, имя есть?

— Наташа.

— Иди сюда, подмогни.

Девушка держала вместительную сумку барыги — директора, который, наконец — то, стал подавать признаки жизни, а Олег сметал с полок диковинные радиотелефоны и женские туфли. В коробке из-под сапог хранились деньги, приготовленные к выплате сдатчикам дефицита на комиссию.

— Втроем работаете?

— Нет.

— Кто еще?

— Два охранника.

— Волынят, значит, сволочи.

— Почему, они ребята хорошие, дисциплинированные. Сейчас должны подойти.

— К шапочному разбору, — дернул молнией Святой.

— Помещений в магазине сколько?

— Вот это, — стала загибать украшенные золотом пальчики Наташка — торговый зал, подсобка, туалет и комната, где мы переодеваемся и кушаем.

— Где это, интересно, вы переодеваетесь и кушаете, покажи-ка, дорогуша?

За тяжелой шториной в полстены, на которой висели легкие костюмы и рубашки, скрывалась от любопытных взоров голубая дверь — окно отсутствовало. На журнальном столике видеодвойка крутила порнуху, с убавленным донельзя звуком.

— Вы меня не тронете? — покраснела продавщица.

— Я понимаю, тебе, наверное, очень хочется, но я не насильник, а грабитель. Садись на диван и не пищи, договорились? — и он вернулся в зал, где работали подельники.

— Иди сюда, — махнул Олег Рыжему. За шторой комнатенка, выхлопай ее. Девчонку не трогай.

Эдик приколол Лариске анекдот и она, хихикая, складывала в мешки все центровое, что находилось в продаже.

— Ты что хоть в мешки таришь?

— Уж мне то лучше знать, где что лежит.

— Лариска, ты че, меня не боишься?

— Не-а.

— Я же гангстер. Завтра об этом все газеты напишут.

— Ну и что?

— Может, замуж за меня пойдешь? Я холостой.

— Не-а, лица не видать.

— Глаза, зато смотри, какие. Большие, добрые.

— Глазища и впрямь огромные, но тебя рано или поздно все равно в тюрьму посадят.

— Это ты подметила точно.

— Ой, парень. Этот спортивный костюм — мой личный. Может, оставишь, а?

— Базара нет, — великодушно водрузил его на место Эдька и полез в витрины за жвачкой.

Из директорского кабинета, согнувшись под тяжестью сумки, оставленной там Олегом, вышел Костя.

— Извините, шеф, но не удержался от искушения порыться в чужом белье и покинул пост.

— Шутить будешь в морге. В лучшем случае — в тюрьме. Тут не театр, любоваться нечем. Если из-за тебя опалимся, ответишь, а мы — не гуманный советский суд. Надеюсь, понимаешь? Вали на свое рабочее место и делай, что тебе сказали.

— Да уж понятней некуда, — испарился приятель, прихватив из кабинета целлофановый мешочек ранних абрикосов.

Отпахали подельники почти одновременно. Посредине зала стояли десять страшной высоты баулов. «Каждому по два, как понесем?»

— Умрем, но упрем, — словно прочитал мысли старшего брата Эдик.

— Ну, че, взяли?

— Подожди — Вовчик чесанул в подсобку и приволок оттуда две бутылки ацетона. Откупорив их об алюминиевый угольник дивана, стал поливать все вокруг. Директор и Лариска, которых запирал в комнатушку за шторой Леха, посерели.

— Не поджигайте, ребята, вы что творите? Магазин ведь в пятиэтажном доме находится, а дом газом питается. Взлетит все к чертовой бабушке.

— Не блажите, это он чудит, чтобы собаки след не взяли, — попробовал успокоить их Ветерок.

— Вы не обманываете?

— Говорю же вам, солдат ребенка не обидит.

— Тихо, — поднял руку Святой. Стало отчетливо слышно, как кто-то усердно молотит входную дверь. «Не успели», — щелкнул он предохранителем.

— Ой, мамочки, — разрыдалась Наташка — точно вам говорю, это Голик с Виктором.

— Кто такие? — через дверь спросил у нее Леха.

— Охранники, хорошие ребята. Они у нас уже три месяца работают. Вы их убьете?

— Замрите, а то придется их зарезать, — и побежал за приятелями.

— Олега, девчонки базарят, что это охрана. Две рамы с физфака. Решайте, одному нужно маску снять. Но не мне и не Эдьке, нас потом могут опознать в милиции по фотографиям.

Ветерок сдернул живо шапочку и, пригладив волосы, отодвинул засов.

— Привет, хлопцы. Вы где шляетесь? Директор вас потерял, дело прошлое, входите, че замерли?

Двое высоких парней в теннисках без рукавов, которые подчеркивали накаченные бицепсы рук, шагнули за порог полутемного тамбура. Первого, того, что поздоровей, Эдик шмякнул в печень и когда он сложился пополам, Святой добавил

ему по бульдожьему затылку прикладом. Другой, увидев несколько человек в масках со стволами, смикитил, что дело пахнет керосином, и поднял руки вверх.

— Все, мужики, я не сопротивляюсь.

— Соображаешь, — похвалил его Леха. Другана на хребет бери и волоки в торговый зал — пошевелил он туфлем студента, крестом валявшегося на бетоне тамбура.

Парней втолкнули к затомившимся в ожидании продавщицам.

— Спасибо, — поблагодарили они неизвестно за что налетчиков.

— Обошлось все, дамочки, гуд бай — запер их на два оборота ключа Ветерок.

— Цирк, а не разбой. Теперь всегда при себе иметь буду валидол и спирт нашатырный. Матрешки! Слышите меня?

— Слышим.

— Минут через двадцать начинайте выбираться из этой душегубки, но не раньше, а то ругаться придется. На этот раз ему не ответили.

— Олег Борисович, на горизонте ясно, — доложил Кот, — можете выплывать, хоть по одному, хоть скопом.

— Эдька и ты, Рыжий, шлепайте.

Подельники смылись. Секундная стрелка на часах Святого описала полный круг.

— Леха, вали. Удачи.

— А ты?

— Сматывайся, я Костю подстрахую.

Спустя минуту они по-хозяйски заперли дверь и ломанулись, если так можно назвать их полубег к машине. В узком проходе, образованном двумя заборами сидел, отдуваясь, Эдик. Заметив семенящих брата и Кота, он шустро встал с сумок и из последних сил поволок их к дороге, где его уже ждали приятели. Полулежа на переднем пассажирском сиденье, хватал широко открытым ртом воздух Ветерок. Вовка, задрав крышку багажника, помогал приплетшемуся Эдьке забросить в него баулы. Свои сумки Олег и Кот кое-как уместили на крыше.

— Ныряйте, кто как сможет — сам Святой упал за баранку и мокрый, как грозовая туча, включив зажигание, рванул из-под задних скатов траву газона.

Первый перекресток «жигуленок» проскочил под желтый сигнал светофора, на втором он опять не успел к зеленому. Четыре минуты понадобилось тачке на то, чтобы выскочить на обводную трассу вокруг Читы напротив центрального кладбища.

Жег дорогу Святой, обгоняя попутный транспорт, а Лариска с

Наташкой, освободив от пут директора, утешали, как могли каратистов — охранников, которым, когда коснулось, своя рубаха оказалась ближе к телу.

«За что я им башляю?», — протирал нервно стекла треснувших при падении очков директор.

— Вышибайте, дверь, че расселись? Освобождайте нас, делайте что-нибудь, наконец!

— Саша, еще потерпи девять минут, — напомнила ему угрозу одного бандита Лариска, но студент, получивший по загривку, махом выполнил приказ хозяина. Тренированные ноги понесли его к ближайшей телефонной будке вызывать милицию и скорую помощь.

Миновав пост ГАИ в Песчанке, Леха цокнул секундомером.

— Двенадцать минут, потянет.

***

Культурный, получивший такую необычную для уголовника кликуху, только за то, что, будучи еще не судимым, любил пофорсить в ярких галстуках, вялился в теплой ванне, грея стариковские косточки. Позавчера ему стукнуло пятьдесят три, из которых двадцать девять он отмотал за колючкой. И вот уже третий день Пал Палыч отходил от буйных именин. Мать его, сухонькая, но не по годам живая старушка, хлопотливо варила сыну манную кашу. Здоровье ее Павлуша берег и, тем не менее, частенько страдал расстройствами желудка. Да и немудрено — столько лет давить пасту в одну дырку — манжеты естественно подносились. Вот и сейчас, взбудоражив хвойную воду пузырьками газа, Культурный беспокойно пощупал тощий, в седых кучеряшках живот и, выдернув из горловины слива пробку, стал вылазить на резиновый коврик. Одеваться не торопился. Вставив в бритвенный станок свежее лезвие, провел влажной ладонью по запотевшему зеркалу, критически прикинув, кто не него смотрит. Отражение лысоватого черепа и повисший кончик носа вместе с морщинистыми, впалыми и к тому же небритыми щеками удовольствия не доставляли. Для уркагана со статусом выглядел он неважно. До него на положении вора в законе в Чите куражился Сюрприз, но прошлым маем за нарушение паспортного режима легавые устроили Петруху на два года катать баланы в Нерчинск и за него московский вор Шар поставил рулить городом Пал Палыча. Организованная преступность области и менты ждали, что новая метла заметет по-новому, но не имевший желания подыхать в тюрьме, Культурный не стал ворошить порядки, установленные Сюрпризом. Обосновавшись в купленном на общаковые деньги его блатным предшественником кафе «Лотос», седовласый Павлуша в кровавых разборках не участвовал, а в случаях, дурно пахнущих, отправлял буквально на все стрелки своего более молодого и, как он считал, более глупого сподвижника Секретаря.

— Павлик, Нугзар звонит, что ему ответить?

— А что ему надо?

— Спрашивает, как ты себя чувствуешь?

— Скажи, пусть через тридцать минут у подъезда ждет мое превосходительство. Одыбался я.

Спустя полчаса Секретарь доставил своего шефа в «Лотос».

— Нугзар, пока я делами занимаюсь, на «яму» сбегай. Там шпана должна ханку варить, если голяки, то хоть пачку кодеина

разыщи, трещит головушка — кряхтя, вылез он из «Тойоты» и, пристроив на тонкой переносице, радужные «хамелеоны», шагнул в кофейню. Секретарь газанул по адресу, где малолетки со свернутыми набекрень мозгами, день и ночь варганили наркоту.

На место отвалившей иномарки Культурного встал серебристый «Линкольн». Из него лениво вывалились два невысоких парня с толстенными рыжими цепями на шеях и закурив «Мальборо», толкнулись в стеклянные двери «Лотоса».

— Пал Палыч здесь? — спросил один из них босяков, глыкающих пиво за ближним к ним столиком.

— Там, — кивнул в сторону подсобки одноглазый парнишка, — закурить дай?

— Воруй, братец, а не пиво с утра глуши — бросил им на стол сигареты Весна.

Оторвавшись от записной книжки и отложив в сторону авторучку при виде вошедших, Культурный вежливо растянул в улыбке губы.

— Привет, жулики, — по очереди пожал он потные руки Весне и Калине.

— По делу или на чашку чая заглянули?

— По Бабушкина сейчас ехали: возле «Лиона» менты и «Скорая» стоят. Мы на минутку тормознули. Девчонки-продавщицы базарят, что их комок только что выхлопали. Игорь сел на краешек полированного стола.

— Они ведь, кажется, в общак исправно отстегивают? Разберись, Пал Палыч, что там у них за канитель?

— Я Нугзара на «яму» отправил, вы на тачке?

Калина подал Весне ключ зажигания.

— Свози его, Паха, к магазину, а я пока в зале с пацанами потолкую.

Культурный и Весна мотанули до комка.

Игоря, высматривающего знакомых за шушукающимися столами, пригласили к бару Ловец с Торопыгой.

— Привет, Калина, падай к нам.

— Здорово, пацаны, — не спрашивал разрешения, из початой бутылки сухого вина угостил он себя и, облокотившись на стойку, подмигнул миловидной барменше.

— Не в курсе, что за грузин возле Пал Палыча трется?

— Нугзар что ли? — тонко оскалился Ловец.

— Он раньше секретарем комсомольской ячейки в мединституте ошивался. Теперь вот в люди выбился. У Культурного правой рукой стал. Кличка, правда, старая осталась, Секретарь — заржали друзья.

— Куда, интересно, пенсионер лыжи навострил?

— Несколько хлопаков час назад «Лион» грабанули, — выпрямился Игорь и потер поясницу.

— Грамотно отработали, в масках. Но магазин под нашей крышей, платит, как положено. В ментовку не лукается. Нужно найти этих жиганов и объяснить, что так делать негоже.

Вмешиваться не хотелось. Такими, как Калина, присутствующий здесь же, в кафе, Гоцман зимой печи топил, но базар задел его за живое и, не выдержав, он подошел к стойке бара.

— Правильно пацаны и сделали, что этих барыг вышелушили. Это вы привыкли на халяву «капусту» рубить, обращался Гоцман к одному Игорю, — а эти хлопцы, рискуя жизнью, себе на хлеб с маслом зарабатывают.

— Они против шерсти прут. Воровское и общаковое движение не признают, как с этим быть?

— Не трогай воровское. Ты да Весна — бродягами себя считаете, а у шпаны порядочной на глазах по городу на лимузинах шлюх покатываете. В казино за вечер по двести штук оставляете.

— Это наше личное дело.

— Тогда не лезь в воровское.

— Почему?

— Потому что истинный бродяга продал бы свой «Линкольн». На вырученные от продажи бабки накупил бы курехи, чая и подогрел бы в нашей области все зоны. Арестанты в тюрьме лапу сосут, а ты и кодла твоя измазали бесстыжие рожи икрой черной, увешались золотыми побрякушками, как индийские набобы и все у вас ништяк.

Спорить с Гоцманом, который был авторитетней Культурного и не был до сих пор вором в законе потому, что по молодости запачкался кровью, Игорь не решился и сделав вид, что ему срочно надо на кухню, ушел.

— Зря ты, Санька, ему стоп в гору выписал. Он теперь на тебя злобу затаит.

— Ничего, — обнял тот подельника за шею и заглянул в его зеленые глазищи — пускай, собака, скушает, а то навострился с коммерческих лавок дань собирать. Скоро сам в коммерсанта превратится. Послушай, Гриха. Рожа у тебя вытянутая, нос вострый, словно сабля, но самое главное — смуглый ты, даже слишком. За что тебя девки любят?

— Глаза зеленые, видишь, — шутливо подставил под падающий луч света настенного бра лицо Ловец.

— Ну, ты даешь! На черной морде зеленые шары. Любят тебя за это что ли?

— Конечно! Телки в мужиках разбираются. Ну и в штанах конечно не подарок. Лялька, пузырь шампанского нам выкати, да не из-под прилавка, с холодильника.

Лариска с Наташкой взахлеб и наперегонки тараторили Пал Палычу и Весне, как их ограбили.

— Никого, главное, не били и даже не материли. Добрые, вежливые…

На крыльце смолили сигаретами два майора с Управления по борьбе с организованной преступностью.

— Послушать этих трещеток одно удовольствие, — покрутил черный ус Вьялов.

— Виктор Лаврентич, может, их кто с нашего Управления обчистил, — добрые и хорошие ведь только у нас служат.

С редкими волосами, зачесанными назад и пронзительным волчьим лицом, Кладников пропустил, что балагурил ему заместитель. Он чутко внимал продавцам, понимая, что это не просто информация, а голая правда, которую девушки на следствии скорее всего скроют.

— Интересно, — покрутил на пальце брелок с ключами Паха, кто же вас так по-джентельменски выставил? — и конечно удивился бы узнав, что набедокурил тут его бывший солагерник и даже одноклассник, ныне проживающий в Первомайске, Олег Иконников.

Знали его и Кладников с Вьяловым, правда, только визуально, но скоро они познакомятся поближе. Майоры, сытые и здоровые, Святой, голодный и блюющий от встречи с пулей, но зато все трое будут недовольны жизнью…

— Веснин, бардак в городе, — цвыркнул слюной в щель передних зубов Вьялов.

— Что вы за блатные, если ваш магазин взяли?

— Залетные это, Александр Васильевич, — слегка стушевался Паха — свои бы не посмели.

— Приезжие, говоришь? Спасибо, подумаем…

***

Все, что можно было, разделили и все равно, половина комнаты оставалась загроможденной мешками, сумками, коробками. Святой еще раз все проверил, в надежде что-нибудь, куда нибудь пристроить. Но радиотелефоны, несуразно длинные кожаные плащи из Турции, итальянские туфли, парфюмерию и все остальное домой тащить было незачем.

— Рыжий, ерунду эту снова тебе придется сталкивать. Куда?

Ищи, старайся для общества, а ты, Ветерок, помнится мне, Щеглу нерчинскому магнитофон в тачку хлял?

— Припоминаю.

— Возьми «Мустанг» или еще что выбери. В сумках я где-то видел, да сгоняй в Нерчинск. Навести парня, заодно закажи ему патронов автоматных, пистолетных, гранату может, выпросишь.

— У него откуда?

— Не от верблюда, Леха, а от свояка. Угости его водочкой, винца заморского прикупи. Что, учить тебя, что ли?

Две следующие недели Эдик со своим лучшим другом западал в шестидесяти километрах от Читы, на живых дачах машиностроительного завода, рассыпанных по желтому чистому пляжу озера Арахлей. Угарный отдых школьных друзей скрашивали две пионервожатые с местного лагеря труда и отдыха.

Олег помог Вовчику с переездом и когда вернулся от Щегла Ветерок, нанялся, конечно, за бесплатно, в помощники и к нему. Тот расширял участок и нужно было не только перекопать столбы забора, но и смастырить для его чушек не свинарник, а что-то вроде небольшого дворца.

— Леха, тебе поросятки на кой хрен нужны? От них тут, наверное, вонь стоять будет, не продохнешь и мух тучи, антисанитарию разводишь. Мясо или сало понадобится, пошел в магазин да купил? — точил рашпилем штык лопаты Святой.

— Не понимаешь ты ни черта в красивой жизни.

— А ты объясни мне, дуралею.

— Для души это, секешь? Колхозник я по натуре. К живности с детства привык, да и на продукты денежек меньше уходить будет. В толк никак не возьму, почему вы их не жалеете?

— Один раз живем, дружок, а ты их копишь, с понтом бессмертен и про русскую народную поговорку не забывай — от тюрьмы да от сумы…

— Это твой принцип жизни, а мой: лишний х. й в жопе — не лишний. Ограждение перенесем, и вон в том углу теплицу поставлю, а в том — грядки под лук с морковью разобью…

Планы его расстроил ржаво щелкнувший в курятнике капкан и, вонзив топор в неотесанное до конца бревно, он резво кинулся к любимым хохлаткам. Две, даже три, трепыхая в агонии крыльями, с перекушенными шейками, уже покидали своего хозяина. Но это была ерунда, главное, что в капкане ежился ненавистный хорек.

— Попался, сучонок? — не веря крестьянскому счастью, Ветерок даже зажмурился, а зверек, словно поняв его намерения, наконец, истошно взвыл. Не запищал и не заверещал, а именно

взвыл, и было от чего. Прибив гвоздями его передние лапки к штакетине, Леха ослабил пружину капкана и вынес хорька из помещения. Воткнул острым концом штакетину в кучку чернозема, приготовленную для грядок и стал разжигать паяльную лампу.

— Завязывай, Ветерок. Шмякни его головенкой о чурку и дело с концом.

— Не-е, не вмешивайся в его судьбу, ты ведь фаталист. Он, змееныш, мне по ночам снится.

Пока разогревалась паялка, Леха шилом, которым подшивал валенки еще его покойный дед, выколол своему брату меньшему плачущие глаза и откусил пассатижами длинный, пушистый хвост. Все это время зверек выл, но это было еще не все. Гудящим синим пламенем, ровно бившим из сопла лампы, Ветерок опалил врага до кожи и остатки нарядной его шубы соскоблил лезвием ножа.

— Вот теперь ништяк, — похвалил он себя и загасил адскую машину.

— Леха, он живой кажется?

— А как же, легко от меня не отделаешься.

— Добей ты его, как тебе не противно?

— Не впрягайся, Олега, это мой враг, по своему я с ним и разберусь. Когда он, сучонок, в курятник нырял, то знал, что делал.

***

Тридцатого мая банда в полном составе шныряла в поисках добычи по Чите. Перед неизвестностью всех, кроме мурлыкавшего себе под нос Ветерка, слегка коноебило.

— Леха, ты че сегодня такой веселый?

Поправив зеркальце, чтобы лучше видеть Эдика, он улыбнулся своим мыслям.

— Кур больше давить не кому, свинарник отгрохал, а вот Котик что-то неважно выглядит?

— Знаешь, как деньги «по — черному» жгут?

— Но.

— Так вот я делал это еще круче.

— Жене сколько дал?

— Пять тысяч.

— Пятьдесят пять прогулял, что ли?

— До копейки.

— У тебя с башкой все путем?

— Бутылка вина сейчас действительно не помешала бы, бросил он под язык таблетку валерьянки и откинувшись на спинку сиденья, несколько раз глубоко вздохнул.

— Тебе что, плохо?

— Наоборот, — скорее отпашем, скорее и опохмелимся. В этот раз, опираясь на интуицию, Святой с особой тщательностью высматривал и вынюхивал объект для работы, и только к пяти вечера остановил свой выбор на коммерческом магазине в микрорайоне «Северный».

— Олега, родичи рядом живут, не запалимся?

— На шармака откупимся. Про нас легавые не должны щекотнутся. Очки темные, цепляй, чуб растребуши и вперед. Я на улице останусь, потому что внутри делать нечего. С двумя продавщицами сами справитесь. Пашите, как в прошлом комке, баб не обижать, между собой не базарить. Кот — на дверях, остальные знаете, чем заниматься. Удачи. И торопитесь, скоро шесть.

Эдька, влетевший первым, переборщил. От его ужасного вида с нацеленным стволом пятизарядки им в грудь, девчонки так завизжали, что налетчик выронил обрез под ноги и кинулся затыкать продавщицам рты.

— Тише, дуры. Вас, что никогда не грабили? «Капуста» где? — приотпустил он одну.

— Мы продуктами не торгуем.

— Ты что, с ума сошла, деньги говорю где?

— В коробке под прилавком.

— А в сейфе?

— Сейфа нет. У нас выручку каждый день забирают. Обычно в начале седьмого.

— Слушайте, девчонки, связывать мы вас не станем, но при условии, что вы не будете дергаться, потянет? Присядьте в уголок.

— Курить можно?

— Вы же не в ментовке, дымите.

Тяжело вошел Костя и выбрав с витрины пузырь поярче, свернул с него пробку.

— Красотки, стакан дайте?

— А это вы «Лион» полмесяца назад обчистили? — выпустила из себя клуб дыма сопливая с виду девчушка.

— Мы, дорогуша, мы. Стакан дашь?

Ветерок с Вовкой, затарив пять сумок чем бог послал, во что складывать остальное не знали. Подсказал опохмелившийся Кот. Он вытряхнул болгарские сигареты из коробок, и подельники стали шустро их заполнять женскими юбками и мохеровыми

шарфами. Рассовав деньги по карманам и остаток высыпав за пазуху, Эдик вернулся к продавщицам. Девчонки, ключ от входных дверей у кого?

— На гвозде висит, за оконной шторой.

— Умница. Сейчас мы отвалим, вас запрем. Двадцать минут не орать и не свистеть, о кей?

Рыжий поливал помещение коньяком.

— Зачем он это делает?

— Ты че, Маринка, они же и в «Лионе» все залили, только ацетоном, чтобы собака след не взяла.

— Соображаешь. Ну ладно, тетки, извините, если что не так. Прощайте, мы побежали.

На два оборота провернулся в замке ключ, и в комке наступила тишина.

— Может, в милицию позвоним?

— Телефон обрезали.

— Вот хапуги, голые стены оставили.

— Ладно тебе, не своим ведь торговали.

Наблюдая из машины, как из магазина вываливаются тяжко груженые сообщники, Святой врубил первую передачу и тронулся в их сторону. Мгновенно оценивший ситуацию Леха, опустил сумки на асфальт и проголосовал.

— Привет, шеф, — загремел он, привлекая внимание случайных прохожих, — до вокзала подбросишь?

— Стольник устроит?

— Да хоть два.

— Падай.

— Не один я.

— Падайте, ворюги, — снизил тон Олег.

— Вот спасибо тебе, добрый человек.

Сваливали с города по той же трассе, что и в первый раз, но до обводной было чуть ближе и через одиннадцать минут, за тем же постом ГАИ в Песчанке, Ветерок, удовлетворенно щелкнув секундомером, возвестил.

— На одну минуту раньше выскочили.

— Мерзкий денек для читинских ментов выдался. Начальство дрючить их, бедолаг, будет жестко. Как вы думаете, Эдуард Борисович?

— Я, дело прошлое, не слышал, чтобы кроме нас кто-нибудь в городе комки лупил. От тебя чем пахнет?

— «Амаретто», Эдуард Борисович.

— Когда успел?

— Пока ты с матрешками любезничал, я грамм эдак триста вжарил и шоколадкой придавил.

— Костя, вот ты дерзкий, как чечен, а почему в менты подался? Ты ведь бандит прирожденный?

— По заданию вашего старшего братца.

— Серьезно можешь ответить?

— Если серьезно, то денежки, Эдька, денежки. Тыркался я на «БЕЛАЗе», мыркался, а теперь «Жигули» из мечты превращаются в реальность. Через месяц куплю.

— Бухаешь, словно лошадь, кого ты купишь.

— Я брошу скоро, вот те крест.

За Урульгой тачка съехала с трассы в густые заросли начинающего оперяться в зелень продолговатых листочков ивняка. По траве у тихого ручейка, убегающего под деревянный мостик через дорогу, разложили награбленное и стали с каждой вещи снимать квитанции и ценники.

Это еще что за чудо-юдо? — крутил Кот перед носом так и сяк яркий пластиковый агрегат, размером с добрый арбуз.

— Пылесос.

— Не похоже, у того хобот должен быть.

— Какой еще хобот? — повернулся к нему сидящий на кожанке Эдик,

— Это японский, я сам лично по телику видел, как вот точно такой же Преснякову-младшему дарили. Отверстие под забор воздуха в нем есть?

— Имеется, но оно с резьбой.

— В натуре?

— Натуральней быть не может.

— Неужели впопыхах насадку к нему забыли? Святой взял у приятеля агрегат и кинул его Вовке.

— Бензином облей и сожги.

— Подождите, я моторчик из него выверну — перестал шмонать баулы Леха.

— На кой он тебе?

— Вентилятор сварганю или автопоилку чушкам. В хозяйстве все сгодится, а ты стригани пока вон в том сумаре диктофон японский в упаковке и шесть кассет к нему тоже нуль-с.

Растопырив локти по крыше машины, Вовчик рассматривал в бинокль далекие сопки.

— Дай глянуть, — вырывал у него оптику Костя.

— Где лежала? Олег Борисович, мне, как действующему охотнику, просто необходима эта штука. Прошу выделить.

— Рыжий, отдай ему.

— Далеко бьет, цейсовский, — повесил он бинокль на бронзовую шею подельника — Святой, че всю эту муру ко мне тащить, давайте здесь поделим?

— Делайте, как удобней, мне все равно.

Краденное разбанковали прямо здесь, под тихий шелест ручья и последние лучи оранжевого, падающего за дымчатый горизонт солнца. Обломилось на нос всего по двадцать семь штук, но, правда, финансовые потери с лихвой компенсировали битком наполненные сумки и коробки, которые Вовчик растолкает по одним только ему известным точкам в Шилке и Нерчинске. По пять тысяч скинулись на ремонт его тачки и, перекусив, газанули в Первомайск.

После этих двух дерзких грабежей, милиция действительно сбилась с ног. До мая девяносто второго года таких преступлений в Чите не было. Покачав осведомителей из среды организованной преступности города, Кладников с Вьяловым подопустили руки понимая, что разбойничают гастролеры и взять их можно будет только с поличным. Понимал это и Олег. Ветерок, у которого в Иркутске жила старшая сестра жены, предложил поработать там.

— Хата трехкомнатная, на окраине города в пятиэтажном доме. У мужа ее «жигуленок» имеется, на нем их сынок нас и покатает по Иркутску. Поищем, где пахануть, и думаю, он подмогнет нам, чем сможет.

— Последний раз давненько у них был?

— В артели когда бичевали.

— Телефон у них есть?

— Есть.

— Звони тогда, пусть в гости ждут. Племянник взрослый?

— В прошлом году с армии пришел, женился. Живет отдельно. Слесарит на станции техобслуживания, путевый пацан, спокойный. Короче сам увидишь.

— Тогда юзим. Вовка, шамань машину, на своей попрем.

— Она у меня на стреме.

— Хорошо. Кот, оружие, как всегда, на твоей черной совести, а Эдьку по пути подберем, все равно через Читу проезжать. В понедельник тронемся, — после некоторого молчания добавил Святой.

Как обычно перед делюгой, поселок покинули перед рассветом. Управлял «жигой» Вовчик, приятели спали, а он мечтал: «Сколочу деньжат и отмажусь от банды. Цех по ремонту мебели открою или бытовую технику возьмусь ремонтировать. Рано или поздно они все равно расчухают, что я тяжело болен, отошьют меня, а может, ликвидируют? Об это я что-то и не подумал. Как же быть? Грабить страшно, а денег надо. Хода с банды нет, а кончится все это все равно тюрьмой. Что же делать?»

— Рыжий, время сколь? — не открывая глаз, пошевелил пальцами ног проснувшийся Олег.

— Обед почти.

— Ого, а где мы катим?

— Километров через пять Хилок.

— Сворачивай в лес, пожрем, да подменю тебя за баранкой. Жопа затекла, поди?

— Есть маленько.

Тачку загнали в тень размашистой ели, на ее старой хвое расстелили два покрывала и Леха, тщательно вымыв руки, принялся хозяйничать.

— Костя, достань обрез, я шмальну разок, — Святой навесил на сучок елки пустую консервную банку.

— Не нужно, Олега — вдруг защекотился Вовка, — услышит кто нибудь.

— Не ссы, Рыжик, — и железяка, которой предстоит в недалеком будущем порвать в клочья сердце человека, кучно плюнула самодельной картечью в цель.

— Лихая пушка, славно жжет, — не стал он нажимать на второй курок.

— Ветерок, а стол такой бедный почему?

— Лук, редиска, помидоры, огурцы…

Без тебя вижу. Колбаса, сыр, мясное что-нибудь — где? Я ведь выделяю тебе с нашего общака филки на продукты.

— Жара, Олега, аппетита нет.

— Это у тебя нет, да у меня, а глянь на пацанов. Этих лбов травой не прокормишь. Прекращай деньги на желудках экономить.

Спустя час «Жигули» выбрались на трассу Чита — Иркутск и со свежим водилой, резво разогнались. За первым же поворотом показалась двухэтажная каменная будка ГАИ с опущенным поперек проезжей части полосатым шлагбаумом. По лесенке быстро скатился милиционер и, требуя остановиться, махнул жезлом. «Неужели удыбал, как я стрелял» — плавно затормозил Святой.

— Не вздумайте в него палить — это вышак голимый. Если что, свяжем и сваливаем. Здорово, старшина, в чем дело?

— Ваши документы?

— Ты че так официально? — с кармашка автосалона вытащил водительское удостоверение Олег и подал гаишнику.

— Служба такая. Куда путь держим?

— На Байкал, отдыхать.

— Машина принадлежит не вам, Иконников.

— Хозяин рядышком, вот он.

Проверив и его ксиву, мент поднял шлагбаум и, пожелав преступникам счастливого пути, на дорожку козырнул.

Пытаясь к ночи добраться до места назначения, Святой притопил газульку, но у самой Слюдянки тачку настиг ливень, и пришлось, как он и врал легавому, заночевать на Байкале. Однажды, очень давно, Олег видел это большое, похожее на море, озеро, но в решку «столыпинского» вагона, когда его вывели конвойные в туалет. И вот теперь, под заканчивающимся дождем, он разулся, засучил до колен трико и забрел в холодную, прозрачную его воду.

— Шпана, костер разводите, жируем. Леха, до Иркутска сколько километров?

— Около восьмидесяти.

— В пять утра заведемся и в семь в городе будем, племяша твоего еще тепленьким прихватим у жены под боком. Эдька, пока мы палатку натягиваем, сгоняй с Вовкой в деревню. Консервов хоть что ли каких-нибудь набери, рыбу, фрикадельки.

Иркутск встретил банду обогнавшим их вчера дождем. Как Святой и предполагал, Славка, только продравший глаза, чистил в ванной зубы и заслышав трель звонка, в трусах и с зубной щеткой во рту, возник на пороге тещиной квартиры.

— Здорово! — образовался он дядьке.

— На кухню проходите. Все заходите, не бойтесь. Маришкина мать на дачу на все лето укатила, а сама она в больнице лежит, вернее в роддоме.

— Рожать, что ли собралась?

— Нет, что ты? По-женски. Я домоюсь, а вы пока кофе варите, заварки нет.

— Славка, мы где жить будем?

Тот, убавив в кранах воду, которая мешала разговаривать, громко ответил.

— У дружка моего армейского. Хата двухкомнатная, на четвертом этаже, в центре города.

— А сам он где?

— Женился намедни и как я, у тещи на хлебах.

— Когда ты нас туда устроишь?

— Сейчас прямо. Кофе пейте и поехали.

— На работу не опоздаешь?

— Какая сегодня к черту работа, с вами буду.

Этот день тоже решили отдохнуть. Ветерок с племяшом на центральном рынке накупили овощей, фруктов, колбасы, сыра и даже трехлитровую банку деревенской сметаны. Спиртное Олег брать запретил.

— Утром на работу, не обижайтесь.

Проснулись в девять. По переплету рамы и оконным стеклам сбегали тонкие слезы небес.

— Погодка в масть. Все по домам сидят, свидетелей меньше будет.

— Одевайтесь живее, завтракайте — и на взлет, — Святой взял полотенце и пошел на кухню: дверь ванны была заколочена на гвозди.

Пятиэтажное, из крупных панелей здание, занимало студенческое общежитие, с торца находился вход в коммерческий магазин «Краб». Работать, судя по вывеске, он начинал в десять, и до открытия оставалось еще десять минут. Не вылезая с машины, приятели тянули легкими озон через опущенные боковушки, и наблюдали за странными действиями двух, лет по тридцать пять, мужчин. Тот, что повыше, шмонал с головы до пяток то ли задержанного, то ли приятеля, не понять.

— Васька, нет его, все швы прощупал.

Капитан Читинского управления службы безопасности Ушатов потерял удостоверение личности и, обыскав себя сам, попросил это сделать своего начальника, майора Грознова.

— Что делать будем, Сергей Николаич?

Удостоверение, в котором лежало командировочное предписание, они найдут через час, в коридоре гостиницы, где квартировали, а моментом забывший странных мужиков Олег, встретится с ними вновь только осенью будущего года, но при других уже обстоятельствах.

— У-у, наверное, это самый богатый комок в Иркутске, — вернулся с разведки Кот. Я присмотрел в нем и даже примерил турецкую кожанку. Вся в молниях, чур — моя.

Вспомнив таксиста Волчка и анекдот про несуществующего еще жеребенка, которого уже делят, Святой одними глазами улыбнулся.

— Братан, сходи, посмотри, — отработать его или нет. Костя «Краба» этого по ходу из-за одной турки возьмет.

Добросовестно, чтобы потом на него не ворчал Олег, Эдик проверил какую магазин представляет ценность для ограбления и возвратившись, поддержал Кота в его намерении пахануть.

— Пойдете вчетвером, я на атасе останусь. Если пальбу услышите, выпуливаитесь через окна и на хода вставайте.

— На них решетки, вынул из сумки свой любимый нож Эдька и затолкал его под ремень.

— Значит, ломайте решетки. В первую очередь делайте отход. Запереться изнутри не на что, поэтому я вас снаружи на замок запру.

— Эдька, решки на замках навесных, — надевши перчатки, Костя занимался с обрезом. Замки хилые, сорвем.

Святой вылез из-за руля и обойдя тачку, открыл багажник. Вытащив холщовый мешок с готовой к бою пятизарядной, отошел к низенькому, из труб заборчику и в густой траве притырил ее. Чтобы не мозолить никому шары, подельники выходить не стали и все четверо погнали жигу за квартал от объекта. Время было ранее или моросил дождь, но в комок никто не входил и появившимся быстро вышагивающим кентам Олег маякнул, что можно нырять с ходу. Они не останавливаясь, поднялись на крылечко и скрылись в тамбуре. Шустро натянули маски и переглянувшись, ломанулись в торговый зал. Совсем некстати для себя из-за серого угла выбежала симпатичная девчушка с раскрытым зонтом над моднячей прической в длинном голубом кожаном плаще. Заметив в руке Святого замок, она заторопилась.

— Извините, а директор где?

— Срочно нужен?

— Вера Романовна к десяти мне назначила.

— Тогда другое дело, заходи, он подтолкнул ее в коридорчик и притворив металлическую створку двери, попытался в проушины замка протолкнуть дужку привезенной с Читы «собаки». Размеры не совпадали.

— Открываете? — окликнули его со спины.

— Наоборот, замкнуть не могу, — Олег, матерясь на свою непредусмотрительность, распахнул дверь и в тамбуре поймал летевшую на него красавицу в плаще.

— Ты куда, радость?

— Бандиты там, в масках, грабят!

На сумасшедшей скорости выбежал Эдька.

— Вот овца, чуть не слиняла. Ты что тут делаешь?

— Наш замок не подходит, волоки родной.

Уцепив заткнувшуюся девушку за каштановые волосы, братан поволок ее назад, а Святой вышел на мокрое крыльцо и первым делом посмотрел в сторону, где пряталась пятизарядка. Все было в норме.

По Лехиной теории продавцы и покупатели, завидя его перед собой, в маске и с обрезом в руках, должны были падать в обморок и не шевелиться, но средних лет парень, продавец этой торговой точки, бандита, почему-то не испугался и, подняв над кудрявой головой табурет, на котором сидел за прилавком, попятился в угол.

— Не подходи, убью!

Не ожидавший такого оборота Ветерок опешил, но помог Эдик. Швырнув телку в объятия не знавшего, что предпринять Кота, он перепрыгнул прилавок и угнувшись от рассекающего воздух табурета, тремя тычками в печень и подбородок

перевернул смелого продавца кверху тормашками. Затем прихватил его за уши и не зло, но садко шмякнул лбом об крашенные доски пола.

— Замок от входных дверей где?

— Какой еще замок?

— Соображай живей, а то нож под ребра суну.

— У директорши.

— Свяжите его покрепче.

Вера Романовна воспринимала все, как дурной сон: и кляп во рту, мешавший нормально дышать, и человека в черной шапочке, накручивающего на ее стройные ноги бельевую веревку, а когда в кабинет ястребом ворвался еще один, высокий с ножом, она просто потеряла сознание. Замок и торчавшие из него ключи лежал на столе. Молча схватив его, Эдька поспешил к брату.

— Молодец, — отметил его проворность Олег, — у вас там все путем?

— Ништяк! Костя до сих пор прижимал к себе шатенку.

— Тебе плащ ее понравился или она сама? — подставил под ее попку стул Эдик — сади ее, че вылупился и помогай ему паковаться, кивнул он на Леху.

— Тебя как кличут?

— Тамара.

— Снимай плащ и придется тебя к стулу привязать, а то ты бегать любишь.

— У меня сегодня день рождения, — умоляюще вперилась в разбойника карими очами девушка — и этот плащ мне только вчера папа подарил. Не отнимай, а?

— Врешь, красивая?

— Нет.

— Твое счастье, что у меня сердце мягкое, садись и не брыкайся. Он шустро примотал ее к стулу и, встав с пола, оглянулся.

— В туалете кто есть?

— Нету.

— А где он сам?

— Вон в том проходе.

— Спасибочки, — поднял он Тамару вместе со стулом и понес, куда она показала.

— Да, чуть не забыл. С днем ангела тебя, сейчас посмотрим цветов или духов каких приличных.

— Мне, что ли?!

— Ну не мне же.

В подсобке раздался дикий крик и бросив именинницу на пол, Эдик ломанулся туда.

— Что происходит?!

— Вот капуста шелудивая, — прижал к стеллажам вздрагивающую от страха белобрысую продавщицу Ветерок. Я полез в коробки, а она, сучка, в них тырится. Чуть не шмальнул в нее сдуру. У-у, блядво, — замахнулся он на нее стволами, дать бы тебе по твоей безмозглой головенке.

— Не трогайте ее, это моя жена.

— У вас че, семейный подряд?

— Что сегодня за денек выдался. Муж, жена, день рождения. Ладно, работай, а я ею займусь. Пошли.

— Куда?

— Сейчас увидишь, но скучно тебе не будет. Директоршу оставили отлеживаться в ее кабинете. Девушек закрыли в туалете.

— Орать станете, рты заклею, пригрозил им Эдька и, вырвав на всякий случай с внутренней стороны двери сничку, ушел.

— Пацаны, прошу вас по-людски, жену не трожьте!

— Рот закрой. Лежи и не дергайся, ничего с ней не случится, — накрыл ему башку снятым с вешалки пальто Рыжий.

Эдик прямо с плечиками, осторожно, чтобы не порвать, складывал на стеклянный прилавок женские костюмы из вываренного шелка и такие же однотонные, но очень красивые рубашки. Два шелковых пальто с бирками на вороте «Кристиан Диор» он еще аккуратней скрутил в трубочку и упаковал к огромный целлофановый мешок. Хозяйственный Леха собирал с полок шампунь, французское мыло, бутылки с голландским спиртом и наручные отечественного производства часы. Вовчик, как всегда, сгреб парфюмерию и нижнее дамское бельишко.

Теперь завопили в туалете, и сломя голову, Эдька полетал туда. На наружный шпингалет дверь его запирал Кот.

— Ты что там делал?

— Ничего — отвел он глаза в сторону.

— Просто заглянул проверить самочувствие наших подопечных, а они, курицы, вообразили черт знает, что и заверещали, нехорошие.

— Вали за мной, подмогнешь.

Промок Святой до нитки, даже носки были влажными. «Долго откупаются, почти сорок минут. Да-а, дела. Долго, нужно их выковыривать» — завернул он за тот угол пятиэтажки, в которой находились окна магазина — Ветерок его уже ждал и мякнул, что они уже отработали и готовы на выход. Времени заниматься предосторожностями просто не было, впрочем, никто ему и не мешал отворять мышеловку с подельниками. Молчком и почти волоком, не обращая на него внимания, по ступенькам крыльца упыхтели четыре узла Костя с Рыжим. Мокрый, но не от непогоды,

а от пота, с сумкой на лямках поперек спины и с еще двумя в руках, младший брат встал в дверном проеме: — Олега, помогай, я не прохожу!

Святой, пригнувшись, скользнул ему под руку и, сделав в три шага разбег, ударился плечом в желтую пантеру, нарисованную во всю сумку. Эдик буквально вывалился под не на шутку разбушлатившийся дождик. Олег взял две приготовленных для него сумки с барахлом и, вынося их на крыльцо, навесил на уши дверей замок. Отпечатки стирать не стал — дождь смоет следы.

В поле зрения никого не было. Удобней пристроив мешок с пятизарядкой на одном из баулов, Олег не торопясь, направился к машине. Разгоряченные нападением приятели, подставив лица небу, о чем-то весело базарили. На «жиге», севшей днищем на асфальт от перегруза, не закрывалась даже крышка заднего багажника, и Вовка веревкой притягивал ее к кузову. Олег сунул пятизарядку в салон, а сумки на крышу — места в салоне оставалось ровно столько, чтобы уместиться шоферу.

— Пацаны, на хату шлепайте, я пешком не смогу.

«Надо менять тактику, слишком долго пашем. Где-нибудь на объекте менты нас прихватят обязательно» — измотанный перенапряжением, он устало оторвал от баранки голову и, наконец, отдышавшись, повернул ключ зажигания.

Развязываться продавцу никто не помогал и на эту операцию у него ушло примерно минут пять, еще минуты три он освобождал женщин и потом, содрав с железной шторы окна «собаку», ногой вышиб раму и выпрыгнув на улицу, рванул в общежитие к телефону. Когда два милицейских «УАЗика» подлетели к «Крабу», тачка Рыжего была уже у пятиэтажки, где снимали хату первомайцы. Святой заглушил мотор и перевел в рядом стоящие Жигули.

— Привет, Слава! Ты что не заходишь, у тебя ведь, кажется, ключ есть?

— Здорово, Олега. Не работается и сегодня, настроения нет, а ключ в грязной робе на станции оставил. Где парни?

— Сейчас подойдут. Давай пока с тобой лантухи наверх таскать, у меня машина битком ими затарена.

— Ого! — удивился племянник Ветерка тяжести и количеству вещей. Вы на что столько взяли?

— На шиши, Слава.

— На что?

— Сказать тебе правду опасно, врать еще опасней. Не коммерсанты мы. Обо всем, что увидишь и услышишь необходимо не распространяться. У тебя как насчет ЭТОГО?

— Все в порядке.

Удивительно скоро пришли подельники, но подымали награбленное в квартиру все равно долго и если бы отмотать действие назад, то казалось, что по новой упереть столько было бы просто невозможно. Вываленное с мешков и сумок барахло, под самый подоконник завалило небольшую спаленку.

— Как, интересно, мы такую кучу с города вывезем. Наверняка на всех постах ГАИ тачки шмонать будут, — призадумался Леха.

— Я с Рыжим по трассе шурану с половиной краденного, а ты, Эдька и Кот — на поезде с остаточком.

— С оружием как быть?

— С собой возьмете, на машине трелевать стремно. А это что такое? — заметил Святой меховые женские сапожки, залитые сиреневым шампунем.

— Бутылка, наверное, открылась по дороге.

— Не понял?

— Ты же видишь, они в шампуне.

— Вижу, конечно, шампунь откуда?

— В комке взял.

— Много?

— Бутылок двадцать, всем по четыре.

— Ветерок, ты дурак или притворяешься?

Леха обиделся. Разделся до трусов и кухонным топориком принялся взламывать дверь ванной.

— Пацаны, вас что, одних отпускать нельзя на коммерческие лавки? Эдька ты-то куда смотришь, ведь разбираешься во всем прилично?

— Олег, все центровое вымели, а Ветерок… — ухмыльнулся брат, короче ты его знаешь.

Славка, притихший сидел на подоконнике.

— Иди-ка сюда, ежик, поманил его Святой. Выбери, что понравится себе и супруге.

— Спасибо, — стал он отнекиваться, — я не потому, что шмотки темные, а просто пойми меня правильно, не грабил и вдруг буду чем-то пользоваться.

— Бери, Славка, не стесняйся, на всех хватит.

Дождь на облаках улетел в сторону Красноярска и в комнату, поднимая настрой, упал солнечный заяц. Эдик, подергав, отворил балконную дверь и, подмигнув братану, вышел.

— Олега, вали на улку, озоном побалуемся, — и когда тот опустился на крышку эмалированного бачка с солеными огурцами, зашептал — по моему Костя в комке баб мацал.

— Позови его сюда. Сам в хате останься.

— Звали, Олег Борисович? — в накинутой на голое теле кожанке, которая приглянулась ему в магазине, появился на балконе подельник.

— Вшивый ты, оказывается.

— Не может быть? — трухнул Кот.

— Вшивый, сука. В лавке телок щупал?

Поняв, о чем идет речь, приятель побледнел.

— Язык проглотил что ли? — швырнул в его волосатую грудь пачку «капусты» Святой.

— Шлепай к «Интуристу», купи себе проститутку и балуйся с ней сутками.

— Прости, Олега, больше такого не повторится.

— Надеюсь. В следующий раз пулю словишь, ты меня знаешь. В магазин сбегай со Славкой, жратвы набери, да не скупись и ликеру путнего. Все.

Чисто выбритый и окативший себя флаконом туалетной воды из Франции, Леха, прикинутый в бордовую рубашку из выварeнного шелка и зеленые вельветовые брюки, выискивал в ворохе лантухов дамские безделушки и детское белье.

— Ты далеко намылился?

— А че?

— Я Костю в продмаг угнал за шамовкой.

— Я там поем.

— Где?

— Вчера, когда мы с племяшом на базар ездили, я по пути на переговорный забежал, Хадиче брякнул. Она сегодня прикатит, у нее на «Синюшке» брат живет.

— Одна или с сыночком?

— С ним.

— Возьми меня с собой, а Ветерок?

— Зачем?

— Да ладно, не жмись. Прикину, похож хоть маленько на папашу сынок.

— Собирайся.

— Благодарствую. Шпана, Лехиному Лешке по пятерочке давайте скинемся, на хлеб с маслом.

На следующий день с Ветерком и Славой словились на центральном рынке. Набрали фруктов, овощей, пива и шикарную, готовую к любой миг брызнуть соком, дыню.

— Славка, в Иркутске есть такое место, где живностью торгуют? Дядька твой у меня недавно сенбернара на тот свет отправил, хочу вот нового завести.

— Есть, чуть выше железнодорожного вокзала. Тоже рынок,

но старый. Его под «Птичий» держат.

Проводи нас туда, а потом куда нибудь на Ангару смоемся, отдохнем.

Долго и придирчиво отбирал среди вислоухих щенят что-то похожее на Линду Святой, а подельники, соблазненные торгашами, все кроме Эдика, купили вместе с алюминиевыми клетками по паре пестрых попугаев. Лобастый с мутными глазами сенбернар обошелся Олегу всего в три тысячи рублей, но не в деньгах счастье и не в их количестве. Спустя час кормил он свою красавицу на пляже Ангары рядом с громадной пристанью. Взад-вперед шмыгали прогулочные катера и моторные лодки, но на босые ступни ног накатывались удивительно чистенькие волны. Леха в трусах по колено и черных, как у Фантомаса очках, тянул из банки пиво, племянник его шкварил «жигу», свою конечно, Кот с Эдиком, настрогав в капроновый тазик огурцов с помидорами, залили их сметаной и перебуторив, вприкусь с колбасой, замельтешили ложками.

— Вовчик, в эту игру два раза не играют, — пригласил его к импровизированному столу Костя.

— Не тревожь пацана, видишь — спит, слюна бежит. Нам больше достанется.

— Братан, на телке плащ длинный был, взял?

— У нее день рождения был, пришлось оставить.

— Понятно, — Святой ссадил с колен Линду и, подойдя к Рыжему, сдернул с его лица газету. Со рта, ощеренного как у злого пса, текла не сладкая слюна сна, а желтоватая пена.

— Помогайте! Эдька, Костя, держите его за ноги и руки. Ветерок, монтировку тащи, палку или еще что, язык к челюсти прижать, а то задохнется. Шустрей!

— Что с ним? — близко не подходил Славка.

— Очухается, узнаем, — выловил из воды щенка Олег и шлепнув его по мокрой холке, посадил на багажник Вовкиной тачки.

— Вот ублюдок, болеет чем-то и помалкивает.

— Ну и что? — придавил к песку подрагивающие ноги приятеля Кот.

— Что из того, что он про беду эту никому не болтает?

— А то, что где нибудь на делюге он со страху перестреляет и продавцов, и нас.

— Не преувеличивай.

— Сгущаю, конечно, но представь себе, что, допустим, вчера с ним бы вот такое в комке произошло, что тогда?

— Добили бы, делов — то.

— Где я? — одыбал Вовчик, но никого не узнавал.

— Пока еще не в аду, но можешь не сомневаться, место для тебя там приготовлено.

— Кто ты?

— Костя, друган твой. Адрес и фамилия нужны? Эдик вывалил салат под пристань и, сполоснув тазик, положил его в Славкину «жигу». Улетучившийся аппетит Кота не возражал.

— Слава, до аптеки Рыжего свози? — попросил племяша Леха.

— Сейчас, машина чуть — чуть обсохнет.

— Ты на его садись, твоя пусть здесь стоит.

— Я сам за руль сяду, — встал на карачки Вовка.

— Твое дело, не убейся, гляди.

Вернулся Славка один и на такси. На первом же перекрестке Вовчик атаковал железный стол светофора. Столб не пострадал, а «Жигули» остались без лобового стекла и правого крыла. Ремонт обошелся бесплатно, но ушло на него двое суток. Все это время Рыжий бухал, словно прощался с жизнью. В понедельник ближе к обеду племянник Ветерка через старого знакомого, который трудился на железнодорожном вокзале начальником смены, достал три билета на поезд и вечером благополучно проводив подельников до купейного вагона, Святой с дрыхнувшим на переднем сиденье Вовкой, метанул на выход из города. До Читы добрались без приключений и ровно за двадцать четыре часа. С последними лучами солнца и каплями горючки в бензобаке, легковушка на издыхании вкатилась в ограду Областного онкологического диспансера. Вовчик ничего не спрашивал, Олег ничего ему не объяснял. Посадил за пазуху наблевавшуюся за дорогу Линду и вылез из-за баранки.

— Минут сорок меня не будет, бензин ищи.

На третьем этаже в хирургическом, стерильно уютном и стонущим на разные голоса отделении, после операции лежала Лена. Третью часть мизинца на левой руке, где притаилась злокачественная опухоль, ей три дня назад оттяпали.

— Привет, ромашка, — развернул он жену от тоскливого коридорного окошка.

Забинтованной кистью руки она провела по его небритой щеке и вроде как облегченно, выдохнула.

— Ты вернулся, значит, все хорошо. Ой! У тебя под рубашкой что — то шевелится.

— Это для тебя, ромашка.

— Что это?

— Угадай.

— Котенок?

— Ну — у…

— Щенок?!

— И не простой. Не золотой конечно, но зато сенбернар и кличут его Линдой.

— Спасибо!

— Как чувствуешь себя?

— Отлично.

— Тогда собирайся, поехали.

— Куда?

— Домой, куда же еще.

— Не, Олежка. Больничный с нарушением выдадут.

— Ну и что?

— Не оплатят.

— Я оплачу его в тройном размере. Вещи бери и во двор спускайся, я на «жиге». В двенадцать в Первомайске будем.

«Краб» был ограблен девятнадцатого июня. Решив собраться вместе пятого июля, банда на некоторое время легла на дно, хулиганить и чудить в поселке Святой запретил. Сразу после дележа дернутого, Эдик уехал к родичам. Был он холост, с Викой поссорился и теперь все денежки тратил в основном на себя. Приобрел в «Рубине» за шестьдесят штук золотую цепочку, печатку на мизинец, дал отцу с матерью и загулял. Олег с Максимом и Игорешкой гонял футбольный мяч, ходил в бассейн, спортзал и длинными вечерами просиживал у телевизора. Леха заперся на даче, отдавая все свободном время курочкам и поросятам.

Кот и Рыжий с куражей, соревнуясь между собой в щедрости, несколько дней подряд поили всех желающих горькой в «Кристалле» и «Березовой роще».

Как и уславливались, пятого числа словились в «Кристалле». Вкованные в вываренный шелк, публично никогда не матерившиеся, в рыжих гайках и цепях, выглядели на фоне заполненного ресторана приятели не просто прилично, а выделялись. Рабочий люд уже прикидывал, что это пятерочка себе на уме. Официанткам щедрые парни нравились. У Кости первый раз в жизни появилась кожаная куртка и теперь он всегда и везде таскал ее с собой.

— Брось ты, волк, шкуру эту дома, — наматывал на вилку колечки репчатого лука из салата Ветерок, — жара на улице под тридцатку давят, а ты таскаешься с ней, словно с ребенком грудным. Вон косятся на тебя.

— Кто?

— Не туда смотришь.

— А-а, вон те гаврики. Представляю — с короткой стрижкой и

в пиджаке, это — Беспалый. Справа от него, тот, что мордастый — Леха, еще его дразнят пингвином. Слева кент, они вместе на зоне хряпали — Слепой, Олегом зовут. Путем его не знаю, сидит постоянно, а рядом за соседним столиком шпана их. Сэва, Кореш, Десяток. Одногодки все и даже когда — то в одной школе учились вместе. Лет по двадцать им примерно. Жук, царство ему небесное, с ними вращался.

— Слепому сколько лет?

— Двадцать восемь кажется, он Беспалого то ли на год, то ли на два постарше.

— Ну ладно, пускам расслабляются, у нас своих проблем по горло — осторожно, чтобы не облиться, Святой вывернул из холодной бутылки шампанского капроновую пробку. Есть у меня мысль шальная, давайте кучей обсосем. С коммерческими магазинами пора подвязывать. Жабрами чую, вот — вот врюхаемся. Менты под наш стиль работы пристроятся и могут вычислить, — В нашей ментовке тишина, — перебил его Кот, я узнавал недавно.

— Вино-водочный, — продолжил Олег, — один день пасем: во сколько инкассаторы филки забирают, на другой — минут за тридцать до их появления, пашем и сваливаем. Правда без масок придется грабить, но зато деньги живые, с тряпками, как сейчас, вошкаться не будем.

— Олег Борисович, у вас не башка, а дом советов. Следует за это остограммиться, — пригласил всех присутствующих за столом Костя.

— Дельное предложение, — загорелся этой идеей Леха — давайте в Иркутске отработаем.

— К сыночку тянет?

— Да умри ты. На рожу нас там никто не знает. Легавые не ожидают, что мы тактику сменим, это уж как пить дать. Хата имеется. Пропидарит, по-моему, а, Святой?

— Никто не против?

Никто не ответил.

— Убийцы проклятые, вам все равно, что ли? Ладно, готовь, Кот оружие. Ты, Вовчик…

— Извини, Олега, я тебя перебью. Тачка наша третьями дышит. Редуктор визжит и резина лысоватая. Если далеко ехать — нужно подшаманить. Давайте скинемся — выдвинул он на середину столика чистое блюдо.

— Постойте, — недовольно сморщился Ветерок.

— Проще гараж чей-нибудь подломить.

— У наших ментов мы вне подозрений, — снова вмешался Костя.

— Глупо было бы на такой мелочевке сыпануться.

— В Читу погнали, там сделаем.

Все понимали, что Леха хоть и прижимистый парень, но с последней делюги половину своей доли отправил в Кутулик, поэтому промолчали.

— Тогда так, пацаны. В Чите «жигу» отладим и на Иркутск шагнем. Потянет? — решал, похоже, один он, потому что опять ему никто не возразил. Нина, принеси нам еще пару шампанских.

Седьмого, как обычно по темноте, приятели покинули Первомайск.

***

Отсидел в своей недлинной жизни Калина два года, вышел он на год раньше, хорошее поведение и все такое, короче — ускребся. Лет было ему тридцать, голова, как он считал, шурупила и всего за восемь месяцев Калина сбил из уголовников и шпаны города едва ли не самую сильную и жестокую группировку в области. Боялся Игорь только Гоцмана, Ловца и Торопыгу, представляющих из себя авторитетных арестантов, которых слушался не только Культурный, но даже кое-кто и из его, Калининой, банды. Весна, например, которого Игорь держал только из — за того, что Паха постепенно знакомил его с московскими ворами и тем самым, не подозревая конечно, приближал свою кончину, а пока Весна, навострив лопухастые уши, ловил каждое слово шефа группировки.

— Главный врач областной больницы, в которой мы хотели для его же врачей кооперативную столовую открыть, нам вежливо в этом отказал. Взятку не взял. С одной стороны шут с ним, а с другой — авторитет наш он подмочил. Бери Черного, и делайте, что придумаете, но завтра Юрий Петрович должен быть в морге и, естественно, мертвый.

Бывший спецназовец Черный в тюрьме никогда не парился и ничего о ней не знал, даже книжек, он их не любил читать. Сразу после армии его взял к себе Калина. Платил хорошо, работой шибко не загружал, а когда и давал задание, то Валерке оно, как правило, нравилось.

Пахина «Хонда-легенда» была с тонированными стеклами, но самое главное — с правым рулем, стрелять в сегодняшнем случае с нее было удобно.

Черный, сняв автомат с откидным прикладом с предохранителя, оттянув затвор, проверил, как из рожка в патронник вылез смертоносный кусочек свинца в медной

оболочке.

— Весна, со временем что?

— Без двадцати девять.

— Заводи, с минуты на минуту начнем.

— Валерка убрал указательный палец со скобы затвора и тот, лязгнув, утопил «масленок» в коротком стволе.

Посматривая на минутную, так быстро бегущую по циферблату часов стрелку, Юрий Петрович маленькими глоточками уничтожал кипяченое молоко. По утрам он не завтракал, но стакан молока натощак выпивал обязательно. Жена, работающая с восьми, уже ушла и чтобы не будить дочь, он на цыпочках прокрался в прихожую, обулся и, стараясь не шуметь, покинул квартиру. Спустившись на первый этаж, вдруг вспомнил, что забыл дочке черкнуть, чтобы на обед она его не ждала и секунду поколебавшись, решая вернуться или нет, шагнул к подъездной двери. Не зря Черный мучился два года в специальных войсках, стрелял он, как его и учили отцы-командиры, навскидку и почти не целясь. Едва главврач нарисовался в рамке выхода, как тут же получил в широкую грудь под небесно-голубой рубашкой жгуче-свинцовую автоматную очередь…

***

— Чтоб вы сдохли! — подпрыгнул на односпальной кровати Леха и метнулся к тумбочке, на которой от кипятка лопнула литровая банка. Выдернув из розетки кипятильник, он схватил с подушки махровое полотенце, и принялся протирать парящую под инвентарным номером девять тумбочку гостиничного номера. Попили кофе, называется — плюнул Ветерок на ковровую дорожку и стал стаскивать мокрые носки.

— Че балдеете, волки? В следующий раз сами варите эту бурдомагу! Ни плитки, ни чайника. Барак, а не заежка!

— Не психуй, ты че разбушлатился?

— Да-а, — махнул рукой Леха, — все одно к одному.

— Что ты имеешь ввиду?

— Вспомни, Святой, ты ведь сам нам внушал, что сушить лапти зимой будем, а летом пахать нужно.

— Было такое.

— Было, было. Из-за твоей осторожности мы уже три дня потеряли. Тут нельзя, этого не трогайте, потому что он старый, этот молодой. Кого можно-то тогда?

— На мокруху из-за колес и редуктора идти не гоже, вот и

выбираю, чтоб всем хорошо было.

Ветерка заусило.

— Пойми, Олега, ты масть сбиваешь. Летит лето, а мы тырмся.

— Не газуй, Леха. Пойдешь на мокрое?

— Да, я пойду и если ты ведешься, то жлоба, что за рулем будет, я сам придушу, понял?

— Кот, на убийство согласен?

— Я, как все.

— А ты, Рыжий, что скажешь?

— Тебе решать.

— Нет, дружок, здесь кровью пахнет.

— Я согласен.

— Тогда одевайтесь, десять уже. Ветерок уплати за номер. Эдька, мыло с полотенцем возьми, я в туалете буду.

Открыв краны, чтобы струя билась о дно раковины, как можно громче, Святой сел на край ванны.

— Леху переклинило, придется ему сегодня уступить. Но имей в виду, что шофера убивать просто глупо. Присматривай во время делюги, чтобы его не мякнули, понял?

Брат серьезно кивнул.

— Тачку разлохматим, а водилу свяжем и водочкой накачаем. Все равно он потом ничего не докажет, если в ментовку ломанется. Никого в наш базар не посвящай, просто делай, как я тебе велю.

Почистив зубы и умывшись ледяной водой, Олег вышел на низенькое, в одну ступеньку, крылечко гостиницы. Теплое, безветренное утро настороженно молчало, почему-то не было слышно даже троллейбусов. И без того блестевшие белизной «Жигули» озабоченно тер ветошью Вовчик.

— Святой, иди сюда.

— Что тебе?

— Ну подойди, че ты?

Подельник вразвалку выполнил его просьбу.

— Говори.

— Олега, честно говоря, жутковато мне. Может, в натуре, в Первомайск рванем и гараж чей — нибудь обворуем. Я найду чей.

— Страшновато говоришь? Сейчас решим. Он толкнул створки окна и, запрыгнув в номер, отряхнул ладони.

— Отменяется ералаш, Вовка буксует, а поэтому домой едем.

— Не торопись, — не шнуруя кроссовки и хлопнув дверью, Ветерок выскочил в коридор, и через минуту махал руками и брызгал слюной на и без того перепуганного Рыжего. Спустя некоторое время вернулся удовлетворенный и присев у влажной

еще тумбочки, стал вязать на обутках бантики из шнурков.

— Не отказывается он, с чего ты взял? Погнали.

На обводной трассе вокруг города, недалеко от дачного кооператива, выбрали место, где Вовчик и Костя будут ждать приятелей. Затем по улице Красной звезды высадили Эдика с обрезом в сумке.

— За этой пятиэтажкой где-нибудь на лавочке газеты полистай. Троих вряд ли кто возьмется подвозить, да и шоркаться с оружием на обочине опасно. Не отлучайся только никуда, добро? — растопыренной ладонью Святой зачесал братану чуприну на другой бок и подтолкнул его на улицу.

У нового рынка Леха с Олегом вылезли, а тачка, крутанувшись на перекрестке, умчалась по направлению к дачным участкам. Перейдя на другую сторону дороги, подельники встали напротив хлебного магазина, в тень тополиной кроны и не успели перетолковать, как им действовать, потому что метрах в пяти от них тормознулся желтый «жигуленок» первой модели. Водитель его, заперев на ключ дверцу, утопал в магазин. Ветерок по-хозяйски заглянул в салон, ощупал новую резину всех четырех колес и, вернувшись в тень к приятелю, слегка недоуменно хмыкнул.

— Ну, че, берем? Он как специально нам в пасть лезет.

— Иди, работай.

В китайских шанхайках и затрапезных, но чистых штанах и футболке, лет двадцати пяти, худой, черноголовый парень, возвратившись к машине с буханкой хлеба под мышкой, задумчиво посвистывая, отомкнул дверцу и положил хлеб между седушек на газету.

— Привет, родной.

— Здорово, коль не шутишь.

— На дачи увезешь?

— Куда?

— Кооператив «Зорька» знаешь?

— Кто его не знает? Чего башляешь?

— Две сотки устроит?

— Конечно, падай.

— Олега, мети сюда, добухтелся! А тебя как зовут?

— Николай, — наврал водила.

— Слушай, Колек, давай по Красной звезде проскочим. Приятеля нашего прихватим?

— Сделаем.

Гонял паренек лихо и через минуту прижал «жигу» у военной комиссионки.

— Шустрей давай, торопился он навстречу судьбе.

Святой передвинулся за спину шофера, чтобы тот не дыбал на него в зеркало. Эдик устроился впереди и поставив между ног сумку, расстегнув на ней молнию. Помня наставления старшего брата, на нос нацепил темные очки. Ветерок сел на заднее сиденье справа от Олега.

— Все, Николаха, жги.

У дороги Вовка, задрав капот и багажник, делал вид, что занимается ремонтом. Скрутив номерные знаки, Кот прислонился спиной к диску колеса и, сложив по-турецки ноги, ждал, в глубине души надеясь, что у Лехи и Святого ничего не получится. Рыжий мечтал об этом же.

— Колек, — потрогал его по потной футболке Ветерок, — вон за теми белыми «Жигулями» остановись, пожалуйста. Знакомые мои, что ли, загорают? Поломались, наверное.

Желтая тачка съехала на обочину и, скрипнув тормозными колодками, замерла. Вынув обрез, Эдик упер его стволы в худые ребра водителя и затянул ручной тормоз.

— Глуши мотор, прикатили, — накинул ему на шею удавку Олег, — глуши, говорю.

«Неужели глупо так попался», — рванулся, распахнув дверцу, Николай, но, получив по голове монтировкой от подбежавшего Кости, отпрянул назад в салон.

— Все, ребята, не убивайте. Отдам все, что потребуете.

— Не ори и не бойся. Убивать тебя никто не собирается. Перелазь назад, только не брыкайся, — он взял парня за локоть и тот, придерживаемый братом и Лехой, перевалился через спинку переднего сиденья.

После этого место Ветерка занял Эдька, а тот сел за баранку и в сторону Первомайска на расстоянии двадцати метров друг за другом рванули две легковушки.

— Морду ниже опусти, на переднюю машину не смотри, на нас тоже не глазей. Мы из другого города. Снимем с твоей тачки резину, а тебе водочки пузырь придется выжрать, потом свяжем тебя и отвалим. Когда выберешься, не вздумай в ментовку чесануть, все равно если они тебе и поверят, то доказать случившееся ты не сможешь.

Святой попросил Леху, не называя при этом его по имени, чтобы тот вытащил из Эдькиной сумки бутылку водки и подельник, не отрывая взгляд от дороги, нагнулся вправо и чуть пошарившись, достал из нее пузырь «Пшеничной». Ударом ладони в донышко Эдик вышиб пробку и подал посудину Николаю.

— Шары закати и пей, кружки нет. Жить хочешь, не вздумай смотреть вперед.

Зажмурив глаза, тот задрал острый подбородок вверх.

— Я не пью, ребята, вообще не пью. Не убивайте, — горлышко стучало о зубы. На поясе, на широком черном ремне болталась маленькая китайская сумочка с замочком-молнией. Эдька обратил на нее внимание только из-за того, что парень судорожно вцепился в нее левой рукой.

— Что у тебя там?

Колек уронил пузырь на резиновый полик Жигулей, и не позволяя Эдику добраться до сумочки, уткнул бледное лицо в колени.

— Живот крутит, не трогайте меня, пожалуйста?

— Не лезь ты к нему, пусть помолчит. Держи только за руку крепче, а то за руль дернет или еще что замутит. Обгони их, — приказал Олег Ветерку, — нужно выбирать место, куда сворачивать.

Леха посигналил фарами, и впереди идущая тачка дала себя обойти. Еще километра два ему пришлось высматривать удобном для съезда место. И, наконец, сбавив скорость, он согнал «жигу» на едва приметную малонаезженную колею справа. Среди молодой поросли елочек петляла узенькая каменистая тропка и осторожно, шоркая днищем машины о ее булыжники, Ветерок стал пробираться вперед. Метров через сто машина чуть не сшибла капотом маленькую девочку с литровой банкой земляники в руках.

— Вот леший, как она тут очутилась? — Святой оглянулся. Развернуться возможности не было.

— Вперед, Леха, не газуй только, а то еще кто ни будь под колеса выпрыгнет.

Из елок на шум моторов выбежала немолодая уже женщина и, подняв девчушку на руки, шагнула с дорожки в сторону, благодарно при этом улыбнувшись Ветерку. Сразу за поворотом, в облетевших кустах багула стояли две легковушки.

— Да здесь людей, как вшей, — кивнул, словно старому знакомому вихрастому парнишке Олег, — ползи, Леха, ползи, сколько сможешь.

Пропетляв еще метров сорок, тропа неожиданно оборвалась. Прямо под носом тачки лежала поваленная сухая сосна, возле которой туристы оставили на память природе тлеющие угли костра и несколько пустых консервных банок из-под сгущенного молока.

— Приехали — и, расстегнув ширинку, Ветерок выссался в кострище. — Ну, че, Олега?

— Кота кликни, пусть подменит меня.

Святой передал посиневшее запястье жертвы подельнику и,

предупредив его не терять нюх, ушел с Лехой посмотреть можно или нет прорваться в глубь леса на «жиге».

Рыжий, вынув из багажника своей «Комби» винтовой домкрат, стал мастырить его под левое переднее колесо желтых «Жигулей».

— Подожди, может, дальше двинем, — попробовал остановить приятеля Костя.

— Какой «дальше», не видишь что ли, что — все.

Мешая сосредоточиться, в висках стучала водка. Преступники не подозревали, что между ними, скрючившись, сидит никакой не Колька, а он, страшась той минуты, когда они врубятся, кто он такой на самом деле, слегка занемевшими пальцами правой руки, которую, полагаясь на свою физическую силу, беспечно отпустил Эдик, миллиметр за миллиметром расстегивал молнию сумочки. Где-то в спасительной близости кустов громко залаяла собака, и вслед за ее лаем, веселясь, завизжали ребятишки. «Так, двое куда-то упороли, этих трое. Пока те не вернулись, нужно успеть» — в ладонь, наконец, устроилась такая родная и привычная рубчатая рукоять пистолета. Восемь патронов было в обойме, девятый в стволе. «Не подведи, родненький, только не подведи», — большим пальцем парень мягко опустил собачку предохранителя вниз и резко выпрямился. Судьба отвернулась от него, пистолет дал осечку. Передернуть затвор ему уже не позволили.

— Эдька! — истошно заорал Кот, а тот и так сообразив, что проворонил ситуацию, всей массой тела подмял под себя отчаянно сопротивляющегося человека. Добраться до шпалера ни тому, ни другому не удавалось, но и вторично им воспользоваться жертве они мешали.

— Вовка! Помогай!

Но тот от греха подальше заполз под железное брюхо тачки и не отзывался.

— Где он, сука, — выдохнул Эдька.

— Ты гляди, худой дрищ, а просто так не возьмешь. Спортсмен или рэкетсмен, интересно?

На крики к машине, ломая кусты, вылетели Леха и Олег. Вовчика где-то не было, зато метрах в пяти за елками ругала за испачканное платье дочь мамаша. Ветерок, оперевшись правым коленом о переднее пассажирское сиденье, заломил парню кисть руки и, выдрав из нее пистолет, швырнул его под машину, Затем, ухватив сопротивляющегося за волосы и горло, попытался прижать его к спинке задней седушки. Тот хрипел, но сдаваться не собирался. Перегнувшись через брата, Святой накинул на тонкую шею паренька обрывок веревки, предназначенной для продавцов коммерческих магазинов и, не затягивая ее в смертельную петлю, потянул на себя.

— Олега, дави его, я уже не могу, — взмолился Костя.

Худой и жилистый водила оказался сильным, а может, и просто барахтался изо всех, не нужных теперь уже сил и четверо, вдвое здоровее его парней, никак не могли подавить его сопротивление.

— Души, Святой, а то вырвется.

Зная, что человек без кислорода способен продержаться больше минуты, Олег затянул на его горле удавку и внимательно наблюдал за колышущимися елками, откуда в любой момент могли появиться ягодники. Понимая, что умирает, парень рвался и извивался, и на глазах чернел. Прошла, кажется, вечность, пока он затих, а из кустов так никто и не вышел.

Пистолет, брошенный Лехой под Жигули, попал стволом Рыжему в глаз и отрезвил его от страха. Пропахав на животе по камушкам, он выполз сзади машины и, как ни в чем не бывало, правда, забыв отряхнуться, встал за спиной Святого.

— Помочь?

— Ты где пропал?

— Да тут я был, ты че?

— Отойди, не мешай.

Ветерок перехватил у подельника концы веревки и туго на два узла завязал ее на шее трупа.

— Ты это зачем? — устало отвалился на спинку сиденья Эдька.

— Для верности. Я и первому подснежнику такие же узелки вместо галстука оставил.

Убийство устраивало Леху, а сделал это Олег. Сев на поваленную сосну, он прикрыл веки и потер звенящие раковины ушей. Черт, что происходит. Второго уже мякнул. Одного вместо Кота, а сегодня вообще не понять, что сделал.

Мертвый всегда тяжелее живого и в трупе как будто было двести килограммов. Приятели, кряхтя и мешая друг другу, перетащили его в багажник Вовкиной тачки.

— Снимай колеса, — приказал ему Ветерок.

Сознание медленно возвращалось к действительности и, мотнув гудящей башкой, Святой с трудом поднялся.

— Ты что там делаешь?

— Резину сдергиваю.

— Завязывай, сваливаем.

— Я тоже говорю, чесать надо — потянул Рыжего за рукав рубашки Эдька.

— Олега, дай я покомандую, раз в жизни, — протирал пучком травы грязные кроссовки Леха.

— Работай, Вовчик, все путем. Зря мы этого жлоба на небеса

отправили что ли?

«Делайте, что хотите», — думая про себя, махнул рукой Святой.

Костя разбирался со шпалером. Что-то смущало его при виде этой железяки и, наморщив лоб, он пытался понять, что вместо снятых с передка желтых «Жигулей» колес, Вовка поставил две своих запаски. Одна оказалась спущенной, и он виновато косился на Ветерка, с понтом, тот собирался куда-то ехать.

— Скоро ты?

— Все, — убрал домкрат Рыжий.

— Спячивай нашу лайбу к трассе. Эдька и Костя с ним отчаливайте, а я с Лехой приберу тут все.

Не дожидаясь, пока он сядет в тачку, Ветерок завел ее и, воткнув сразу вторую передачу, напролом через ели и кусты, подпрыгнув левой стороной на вершине лежавшей поперек тропинки сосны, попер в чащобу. Когда подошел Олег, приятель при помощи резинового шланга сливал в брезентовое ведро с бензобака «Жигулей» горючее.

— Ты что такой смурной?

— Человека пять минут назад удавил или ты на такие мелочи не обращаешь внимания?

Леха улыбнулся.

— Не расстраивайся, одним меньше, одним больше, все сдохнем когда-нибудь. Не подфартило ему вот и все.

Оторвав от валявшейся в салоне клетчатой рубахи рукава, один он подал Святому.

— Давай коросту в божеский вид приводить. Она, поди, вся в наших отпечатках, а потом за упокой невинно убиенного по стопарю вмажем.

Шустро и тщательно подельники протерли все, что только можно было, внутри и снаружи, после чего остатки бензина выплеснули на рулевое колесо и седушки.

— Что-нибудь да забудешь, — раскрутив пустое ведерко, Ветерок кинул его в кусты голубики.

— Серьезное что?

— Да нет, ключи гаечные не взял.

— На дачу, поди, в хозяйстве пригодятся?

— Угадал и вот это, как раз не смешно.

Перед самым выездом на трассу сидели в «жиге» приятели и их с любопытством разглядывала та же самая девчушка, что чуть не влетела полчаса назад им под колеса.

— Дяденька, земляники хочешь?

— Спасибо, маленькая, не до сладостей.

— А вы много ягоды насобирали?

— Беги к маме, где она?

— С папой в машине спят, а мне сказали погулять.

— Рановато еще спать, — развернул ее лицом от проезжей части Олег.

— Шлепай к родителям, и каменюгой в лобовое стекло зафинтили, поняла?

— Угу, — она, сопя от натуги, выковыряла с дорожки булыжник и побежала к мамочке.

Отмахав в сторону Первомайска километров пять — шесть, остановились. Справа от дороги, на небольшой возвышенности тянулся железобетонный желоб для сточных вод. Выбрав момент, когда на трассе никого не было видно, мертвеца понесли наверх. У «Жигулей» остался Святой. Задрав капот, он положил на воздухоочиститель шестнадцатого калибра обрез и, уловив шум двигателя приближающейся машины, повернул голову. Даже с такого расстояния было видно, что это ментовский «УАЗ», а еще спустя минуту Олег без натуги различил в нем людей в форме. Вот и его жизнь кончалась. «Два трупа, три вооруженный ограбления, да за это меня раза три расстреляют», он склонился над горячим мотором и вставил стволы в рот. «Тьфу, блядь, порохом воняют», — и от соприкосновения стали с золотом, во рту невозможно закислило.

На этот раз ему повезло. Не сбавляя скорость, машина прошелестела мимо. Убитого спрятали на дне желоба. Прикрыли плитой и забросали сухими ветками, травой и прошлогодней листвой.

— Легавые на «УАЗике» пролетели, видел?

— Нет, Эдька. Падайте, пацаны, нужно валить с этого места, а то еще кто устригет нас здесь.

— Ну, че, Олега, на Иркутск?

— Нет, Леха, неспокойно на душе. Домой жгем.

Интуиция его не подвела. Сегодня утром в Чите завалили главного врача областной больницы и все входы и выходы из города были блокированы омоновцами, которые потрошили почти без разбора всех и вся.

Проехали всего километр.

— Тормози, — Кот, сдернувший с трупа пояс с сумочкой, вынул из нее красного цвета книжечку и протянул Святому.

Это было удостоверение сотрудника милиции.

— На, Ветерок, прохлопай.

— Че там?

— Опера грохнули, капитана.

Костя достал из-под ремня пистолет.

— Я крутил его и так, и сяк, думаю, что — то в нем не то, а

это номер, видите. Не стерт, значит, пушка табельная. Мент это натуральный.

— Сбегай, Костя, в лес, — вернул ему удостоверение Леха.

— Зарой лебеду эту, а лучше сожги.

Вечером этого душного дня подельники бухали в «Березовой роще». Олегу водка в горло не лезла. «Кажется, дождь собирается, кажется, дождь собирается», — выстукивал костяшками пальцев он по белой скатерти столика. Ветерок, поняв, о чем стучит приятель, отогнув край шторы, дыбанул в небо.

— В натуре собирается. Перед кабаком решил попугаев накормить. Выхожу на балкон, а под ним пацанята в прятки играют, и парнишка с соседнего дома считает кому галить: «Выполз заяц на крыльцо, почесать свое яйцо, сунул лапу между ног, оказался там пирог».

Ржали пьяные подельники, что-то наигрывал на подиуме местный ансамбль.

«Кажется, дождь собирается», — продолжали выплясывать тюремную азбуку пальцы на столе.

— Здорово, бандит! — обнял его подкравшийся сзади Воробей.

— Врежем по маленькой?

— Неохота, Санька.

— Гранаты есть. Специально для тебя берегу. Восемь штук, по две тысячи за каждую.

— Недорого, — встрепенулся Святой, — где они?

— Разбегаться будете, до хаты моей топни.

— Договорились.

— Ладно, я исчезаю, — попрощался со всеми Воробей. Меня жена на улице ждет.

Порядком накачавшийся Леха, не желая того, но наконец высветил свою зазнобу. От рождения не умевший танцевать, он кочевряжился в пляшущей толпе, с девушкой лет на десять младше его.

— Котяра, а с кем это наш дружок обжимается?

— О-о! Да у него не плохой вкус. Майка это, в старом поселке живет. В деревянных домах.

— «Майка», — это что, кличка?

— Что вы, Олег Борисович, она блядь порядочная. Имя ей такое родители дали, Майя.

— Не замужем?

— Я же говорю блядь, значит замужем, а что?

— А то, что у нее муж есть и видимо у Ветерка нашего из-за этой лярвы теперь неприятности будут.

— Муж ее моряк. Раз в год в поселке появляется и то дней на

пять. Маечке деньжат подбросит и снова в океан. Что, интересно, он там потерял? А может его просто земля не носит?

Нетвердыми ногами вернулся за столик Леха.

— Святой, может, смотаемся в Иркутск, а? Все равно ведь туда собирались. Расслабимся на Ангаре, пожируем и заодно магазин государственный впорем. Поехали?

— У меня форма ментовская имеется, если нужна берите. Выглажена, вычищена, если надо, берите, — вдруг сказал Кот.

— Ты что, не с нами?

— Не могу, Олег Борисович, — Костя налил себе полный фужер водки и залпом выпил.

— Сына к теще в Казахстан повезу, пусть дитя фруктами побалуется.

«Этого чертополоха припадки бьют, на деле может загрести. Не взять, обидится, а может и обрадуется, но отвод в любом случае грамотный нужен».

— Вовка, мы на этот раз в трех отработаем, а ты дома останешься. Долю получишь, но не за узкие глаза. Присматривай за нашими семьями, короче пока нас не будет, чтобы все было ништяк. Усек?

— Ясно. «Жигули» берете?

— Нет, на паровозе укатим, но не завтра. Дней пять в Первомайске потолкемся.

Оружие хранилось у Кота. Ночью Эдик принес ему восемь гранат «РГ — 42» с запалами и забрал у него милицейскую форму, пистолет и парочку обрезов.

Семнадцатого, пасмурным утром, провожаемые низко стелющимися над перроном Солнечной стрижами, приятели сто восемьдесят третьим пассажирским, мотанули шелушить Иркутск. Сутки спали и не ели, забашляв проводнику, чтобы к ним в купе он никого не подсаживал. В Иркутске было так же неуютно, как и дома. У выхода с подземного перехода, подельников встретил белозубый Славка и прямо с вокзала утартал их на ту же квартиру, что и в прошлый раз.

— Слава, с работы на завтра отпрашивайся, ты нужен нам будешь, а сейчас дуй на базар и по полной программе отоваривайся. Маришка где?

— На даче у матери, — ответил он дядьке.

— Тогда водочки, шампанского бери и у нас заночуешь. Денег держи, трать, не жалей.

Девятнадцатого распогодилось. Ни о чем не расспрашивая подельников, племяш Ветерка весь день катал их по городу, показывая все винно-водочные магазины, и чертил рукой по воздуху, объясняя, далеко или нет от того или иного «объекта»

находится отделение милиции.

Двадцатого числа после обеда подъехали к присмотренному накануне магазину и Эдик с Лехой ушли пасти служебный вход. За парадным с машины наблюдал Святой, Славка ковырялся в движке. Инкассаторы забрали выручку в восемнадцать сорок пять, а закрылась лавка ровно пятнадцать минут спустя.

На следующий день поднялись затемно, можно было еще спать да спать. Но не перед такой же делюгой, и ткнув штепсель утюга в розетку, Олег принялся утюжить и без того приготовленную, словно на строевой смотр, форму с погонами старшины.

Братан с Ветерком мылили в картишки. Часов с одиннадцати по очереди приняли душ и засобирались пообедать где-нибудь в городе. Святой прикинул форму, и снимать не стал.

— Ты что, в ней пойдешь?

— А что? Пускай обносится, обомнется.

— Да ты че, Олега, — не сдержал смех Эдик, — тебя ведь в Иркутске человек двадцать знают. Представляешь, с Грибовым встретишься или еще с кем из артели, а может из судимых кто устрижет?

— Отболтаюсь.

Хрястали в центральном ресторане города, а потом еще и шарились по комкам до четырех. Без пятнадцати пять приехал Славка и пока пил на кухне кофе, Святой натянул поверх форменных брюк синее трико, на рубашку без галстука синюю ветровку и вышел из спальни.

— Я на стреме.

— Мы — тем более, — снова усмехнулся брат.

— Ты что, урод, балдеешь? В тюрьме невесело.

— А я туда и не собираюсь, ноги видишь, какие длинные. От любой милиции сорвусь.

— Не убежишь, догоним. Преступник проклятый! — Леха прыснул на нарядную футболку племянника горячим черным кофе.

— Прекращай, Олега, не к добру смеетесь. Не обращай. Славка, на них внимание, прикуриваются, волки, как будто в турпоход направились. В пять двадцать пять были у «объекта».

— Олега, я схожу, промацаю?

— Сиди, — остановил он Эдика, — с хода паханем, — и стал освобождаться от тряпочного макияжа.

— Так ты старшина милиции? — полезли из орбит глаза племяша

— Это сегодня я старшина, в следующий раз майором буду. Мне лет под срандель, а я все еще не офицер. Не солидно. Слава,

чтобы нас вместе не видели, мы сейчас смоемся, а ты лайбу вон к тому зданию с торца поставишь и можешь номера снять, хотя я думаю эта лишняя мера предосторожности. На всякий случай прощевай, ужинать мы, наверное, будем в КПЗ, а если ништяк отработаем, то с ликером в кабаке, и тебе кое-что перепадет.

— Мне ничего не нужно, — замотал он отрицательно, — я вам и так помогу, бесплатно.

— Тачку не глуши, скоро мы вернемся.

Продав последнюю бутылку водки, две продавщицы навалили на прилавке гору разноцветных купюр, и принялись их сортировать. Разнорабочий — лет под сорок, лысый, с животиком и дряблыми щеками мужчина, запер входную дверь на засов и, сунув в карман спецовки верхонки, пошел в подсобку допивать свою кровно заработанную белоголовую. Милая директорша, на которую Серега давно точил зуб, щебетала с не менее миловидной подружкой и, когда он возник в кабинете, даже не глянули в его сторону

— «Вот вороны, не замечают, с понтом. Не знают они меня, совсем не знают», — и появилось жгучее, желание, но не в штанах, а в желудке. Серега, понюхав разрезанную повдоль луковицу, плеснул себе в стакан.

— Мария Владимировна! — раздался крик продавщицы в торговом зале — сотрудник милиции в окошко стучится. Подойдите.

— Ой, девчонки, это, по-моему, инкассаторы! Шевелитесь. Танечка, ты пока я деньги сдаю, Сережку поразвлекай, — одернув халат, она убежала на непрекращающийся стук.

— Иду, иду, — повозившись с запором, Мария Владимировна приотворила с некоторой опаской, металлическую дверь.

— Вы инкассаторы?

— Что-то вроде этого, ответил ей Святой и, не грубо оттолкнув директоршу от порога, шагнул в помещение.

— Ваш кабинет где?

— Там, — слабо подняла она руку и, заметив у Эдьки обрез, шатаясь, сползла по стене на пол.

— Работайте — Олег вытащил из-под рубашки пистолет и, передернув затвор, пошел в подсобку.

Ветерок швырнул продавщицам сумку.

— Деньги в нее складывайте. Шустрее, суки!

Но и окрик не подействовал, женщины отказались выполнить его команду.

— Лечь лицом вниз, — разозлился он, — а то шлепну обоих. Ваше это? — совал Леха пачку четвертаков пожилой тетке в очки.

— Ваше? Собирай «капусту», живо!

— Не буду!

— Сядь тогда и не мешай пахать, лошадь Пржевальского. Откуда вас сюда понабрали?

Святой устроился в дверном проеме подсобного помещения левым боком к торговому залу и поднял ствол пистолета вверх. Не обращая на него внимания, Татьяна с Серегой чокнулись стаканами и выдохнув враз, глыкнули.

— Хороша, чертовка — сморщился от горечи водки и лука разнорабочий. Будешь? — предложил он менту. Олег промолчал.

— Такой парняга — симпатяга и не пьешь? Ей он тоже не ответил.

— А-а, понятно, вам на работе не положено.

«Угадала, кошка», — думал он, но упорно продолжал хранить молчание, боясь, что сидящие за столом запомнят, что у грабителя-старшины все зубы золотые.

— Да на, ты че кобенишься, — набухал стакан водовки грузчик и протянул менту.

— Сидеть! — опустил ствол Святой.

— Что происходит? — нисколько не испугалась Татьяна — отвечай, ты что оглох?

Чтобы прекратить базар, ему пришлось выдавить из себя.

— Ограбление. Коронки верхней челюсти потерпевшие удыбали.

— В туалет дай сбегать? — по-прежнему не боялась продавщица.

— Отвяжись ты, зараза!

— Ты что, настоящий милиционер? Будь человеком, пусти в туалет?

— Где он?

— Слева от тебя, первая дверь.

— Лети, стрекоза, и этого охламона прихвати, — Олег под пушкой проводил собутыльников в вонючий туалет и запер их там.

— Сидите тихо, не трепыхайтесь.

Серега таким стеченьям обстоятельств был рад, а Татьяна, мгновенно обидевшись, со злостью пнула в дверь, обломав на туфельке шпильку.

— Успокойтесь, человечки, или получите прямо через дверь по свинцовому орешку, — пуганул их Святой и за козырек натянул фуражку на брови: «Вот кипишная».

Подельники уже отпахали.

— Куда их?

— В туалет волоки.

— Встали, калоши, быстрее, пошевелил стволом обреза

женщин Ветерок — а эту куда?

— Она без сознания?

— Вроде.

— Пусть лежит, где лежит. Подложи ей под голову мешок пустой — кивнул он брату.

Через пять минут приятели покинули помещение магазина. Входная дверь снаружи не замыкалась.

— Рвите к машине, я прикрою.

Олег наблюдал за улицей и одновременно за Эдиком с Лехой, драпающими вдоль пятиэтажки с полной сумкой денег.

— Разрешите, я пройду, — давно нечесаный неопределенных лет бичара хотел просочиться мимо «милиционера» в винополку.

— Все, опоздал, закрыто — загородил тот проход.

— Да меня там знают, я к Сереге.

— Тебе русским языком сказано, дергай отсюда, пока по седлу не получил — старшина столкнул бича с крылечка.

— Руки не распускай или раз в погонах — все можно?

— Не пали малину, винти отсюда и желательно галопом. Лохматый не стал связываться со странным наглым ментом и негромко матерясь, утопал.

На унитазе сидел, получивший затрещину от Татьяны грузчик. Женщины барабанили в прессованные опилки двери, пытаясь отрезвить от шока директоршу, а этим временем Святой, зажав в левой руке фуражку, метелил к Жигулям. За ремнем под рубашкой с взведенным курком бился «ПМ».

«В рот компот, сорвется курок, сразу яйца отстрелит».

Передняя дверца машины специально для него была распахнута, и едва он вломился в салон, Славка газанул.

— Не жги так, — попросил его Ветерок, — внимание лишнее к себе привлекаешь, сейчас легавые перекроют в городе все, что смогут, и все из-за тебя, между прочим — подмигнул он Олегу.

— Не каждый день в такой форме магазины грабят.

Оперативно-следственная группа фотографировала помещение винополки и допрашивала продавцов. Марию Владимировну «Скорая помощь» увезла в больницу.

Леха с Эдиком считали деньги, ворохом наваленные на паласе спальни. Каждый занимался своим делом. Менты искали, преступники прятались.

Святой прятался от правоохранительных органов на балконе. Расстелив верблюжье одеяло, он по пояс заголился, прилег позагорать и уснул, видимо не доспав ночью. Через час разомлевшего под нежарким вечерним солнышком, приятеля растормошил Ветерок.

— Четыреста пятьдесят тысяч срубили, — подал он Олегу

охлажденную баночку голландского пива.

— Пять минут работали, столько капусты, не верится даже. Как раньше не доперли?

— Братан где?

— С племяшом в аэропорт упорол. «Амаретто» только там продают. Думаешь, зря его отпустил?

— Конечно. Иркутск на ушах стоит, а в порту тем более чес плотный будет.

— Авось пронесет.

— На бога надейся, но и сам не плошай. Вернутся, накажи Славке на завтра, чтобы жратвы дня на три с утреца подзакупил. Отсидимся, пока в городе кипишь.

Вечеряли по-человечьи, четыре пузыря итальянского ликера, конфеты в коробках и всякого шоколада набрал Эдик, шпроты и компоты тоже не забыл. Славке это дело, похоже, тоже начинало нравиться. Магнитофона не было, и врубили телевизор, послушать по коммерческому каналу «Музыкальный подарок».

Под «Белые розы» Юрия Шатунова подняли за удачный день стопки, но выпить помешала строгая женщина на экране.

— Внимание, внимание, — откашлялась она — сегодня, в семнадцать часов тридцать минут местного времени по улице Достоевского неизвестными ограблен винно-водочный магазин объединения «Продтовары». Нападавших было трое. Один из них в форме сотрудника милиции, вот его фоторобот. Вглядитесь, пожалуйста, пристальней. Может, кто-нибудь из телезрителей его знает. Рост средний, глаза большие, верхний ряд зубов из желтого металла…

— Вообще не похож, — рукопожатием поздравил брата Эдька. По такому фотороботу они тебя ни в жисть не найдут. Смысла тыриться вроде нет, завтра домой?

— Это не от меня зависит, вон Славку убалтывай насчет билетов, сейчас их не достать.

— Вам на какой лучше дневной, ночной?

— На тот, что быстро ездит.

— Это «Россия», а она в Солнечной не стоит.

— Эдька, «Россию» в Солнечной тормознешь?

— Базара нет!

— Бери, Слава, на «Россию».

Сумки, одну с оружием и формой, другую с деньгами к купейному вагону скорого поезда пронес вместе с билетами племяш. Подельники к составу подошли с разных сторон и всего за две минуты до его отправления. Попрощались со Славкой и всучили ему тридцать, как он не упирался, тысяч.

— Бери, бери. Деньги лишними не бывают, —

полуобернувшись с верхней ступеньки вагона, обшарил глазами Леха многолюдный перрон — а жечь карман станут — в сберкассу положи. Никуда из города не собираешься?

— В смысле?

— В отпуск или так, куда отдохнуть.

— Нет, а что?

— Прикатим недели через две, хату держи на стреме. Матери с отцом привет передай.

Филки делили в купе. Эдька едва дождавшись свои восемьдесят штук, сразу смылся в вагон — ресторан и назад приплелся часа три спустя, чуть живой. Брат с Ветерком разули его и положили на нижнюю полку.

— Теперь все, можно и нам прилечь, — взбил дохлую ватную подушку Святой.

В дверь купе требовательно забарабанили. Приятели никого не ждали, билеты проводница забрала и, переглянувшись, они не сговариваясь, полезли за оружием. Леха разогнув на гранате усики кольца, зажал ее во вспотевшей ладошке и накинул сверху вафельное полотенце. Патрон еще с ограбления торчал в стволе и, вынув пистолет, Олег направил его на зеркало дверей на уровне груди.

— Кто там?

— Официант.

— Что нужно?

— Эдику принес кое-что.

— Спим мы, завтра приходи.

— Не могу, он мне забашлял и предупредил, что если заказ не выполню, зашибет.

Святой торкнул «ПМ» под одеяло и щелкнув спичкой, откатил в сторону дверь. Это был действительно ресторанный работник с огромной проволочной корзиной в обнимку.

— За все уплачено, тару в окно швырнете.

Подельники бухали почти до утра, и когда встал Эдька, они уже дружно храпели.

— Через тридцать минут «Солнечная», вы просили предупредить — через запертую дверь сообщала проводница.

— Спасибо, милая, — и он рванул по узкому коридору состава к тепловозу. Вернувшись, разбудил друганов и попер их в тамбур.

— Приехали, слышите? Приехали.

— Куда? — покачивался Ветерок.

— Солнечная на горизонте.

— Не остановимся мы в ней, зря поднял.

В забранное крупной решеткой окно железнодорожной кассы

удивленно таращилась седая женщина. Тридцать лет провела она в этой комнатушке, но ни разу не только не видела, но даже и не слышала, чтобы здесь хоть на секунду тормознул скорый. «Что же это такое? «ЧП», точно «ЧП».

Никакого чрезвычайного происшествия и в помине не было. Машинист тепловоза всего за пятьсот рублей высадил приятелей точно напротив парадного входа вокзала и, протяжно гукнув, докатил на Хабаровск.

Рыжий со своей доли загулял, через четыре дня его поддержал прилетевший от тещи Костя. Жену он оставил в Казахстане и благодаря этому, отрывался во все лопатки. Во вторник, с бодуна, с трещавшей головой, Кот столкнулся с обедающими в «Кристалле» братьями.

— Привет, гангстеры!

— Здорово, алкаш.

— Обижаете, Олег Борисович.

— Тебе это кажется.

— Почему?

— Ты ведь хлестанул Эдьке, что пить бросишь, помнишь в Чите, в Северном?

— А-а, так я же пошутил тогда. Олег Борисович, это случайно не про вас пишут? — на тарелочку с хлебом положил он свежий номер «Щит и меч».

— На третью страницу обратите взор свой суровый, статейка на ней интересная. «Оборотень» называется.

В полглаза Святой пробежал по газетному шрифту.

— Попал ты, Эдька.

— Куда?

— Во всесоюзную прессу, на, поинтересуйся, что о тебе в Москве строчат.

— Вот сучки, кто?

— Читай и все поймешь.

Брат внимательно изучил статью.

— Вроде как про нас пишут. Но мы срубили четыреста пятьдесят тысяч, а тут намарано, что семьсот. Выходит, подогрелись бабы за наш счет! А где, интересно, мы денежки проворонили?

— Наверное, я виноват. В кабинете директора обязательно должен быть сейф, но я его просмотрел. Мужик с девкой видимо, спецом базаром своим меня от него отвлекали. Вот, собаки, но я еще вернусь.

— Олега, вы давно тут заседаете?

— С двенадцати.

— Слева от крыльца девчонки читинские колготками

торгуют, видели их?

— Само собой.

— Они — маленькие спекулянтки, но ноги у них — будь здоров, давай отмажем красоток?

— От кого?

— К двум часам Беспалый приказал им две тысячи рублей приготовить, а то…

— Рэкет что ли?

— Так получается, совсем наглость потерял. Отмажем, Олег Борисович? Не пожалеешь.

— Отмажем, а насчет танцев — манцев: это по Эдькиной части. Без пятнадцати время, айда?

Прислонившись к металлическим трубкам заборчика, метрах в девяти от входных дверей ресторана, братья наблюдали за не замечавшим пока их Игорешкой, который угощал мороженым Линду.

— Не кусай ты, глупая, горло заболит. Облизывай, вот так, видишь? Щенок про ангину не хотел ничего знать, и продолжал отхватывать то, что ему предлагал хозяйский сын.

— Девочки — припевочки, все ништяк. С данью убацал. Пьем, как вчера или похлеще?

— Хлеще некуда вроде. Костя, а вон тот парень, что в темных очках, кто это?

— Мариночка, ты, в самом деле, его не знаешь?

— Нет — облизнула та крашенные губы.

— Это Эдик Иконников. Чемпион вооруженных сил по боксу в тяжелом весе.

— Заливаешь, поди?

— В натуре! Это сейчас он исхудал, а зимой в форме себя держит, познакомить?

— Познакомь, скажу ему, чтобы он тебе морду набил за то, что ты вчера меня спаивал.

— Спасибо на добром слове.

— Игорюха, убежит она, не дай бог, смотри.

— Не убежит, — подпрыгнул он с газона и отряхнул трико — она знаешь, как мороженое любит?

— Как?

— Как я.

— Эдуард Борисович, гуляем!

— Дотрекался?

— Ты — чемпион вооруженки по боксу, холост, детей не имеешь, судимостей тоже.

— Ты их предупредил, что я маньяк, насилую вот таких как они, потом убиваю и съедаю?

— Забыл.

— Бывает. Что по дани?

— Нормалек, мы в стороне. Беспалому они скажут, что Святому уплатили. Молоток я?

— Башковитый, ничего не попишешь.

С универмага, находящемся в одном здании с «Кристаллом», вышел груженный свертками Воробьев и, заметив братанов, направился к ним.

— Здорово, бродяги. Неделю целую вас не видел.

— В Чите промышляли — нехотя отозвался Олег.

— Пошли, пожрем?

— Благодарю, Санька, мы только отстрелялись.

— Пойдем, все равно баклуши бьешь.

— Мы Беспалого пасем, он сейчас притопает матрешек вон тех потрошить.

— Святой, вечером в спортзал приходи, я тебе гостинец приготовил.

— Вот за это спасибо, только громко не говори, а то вместо меня легавые нагрянут.

Пингвин перебросился с торговками несколькими фразами и, отойдя к сидящему на корточках Бурдинскому, кивнув на Олега, что-то забормотал. Женька, уперев глаза в асфальт, выслушал его и, отвалившись от теплой завалинки, шагнул к Святому.

— Почему с телок филки срезать не даешь? — выплюнул он изжеванную папиросу в их сторону.

— Воруй, кто тебе мешает. А девчонок не тереби, это Костины подружки.

— Таким методом значит, на хлеб мне зарабатывать ты вроде как запрещаешь?

— Не блуди, Беспалый, не надо. Никто тебе ничего не запрещает. Как можешь, так и руби «капусту», но этих, именно этих матрешек, не тронь.

— Без свидетелей потолкуем?

— Это не свидетель, а мой младший брат. Можешь говорить при нем, что угодно.

— Я в курсе. Просто молодой он еще, а поэтому от арестантской жизни далек.

— Ну, пойдем, уважу тебя.

В тени тарного склада за кабаком они выбрали парочку пустых, из — под пива, ящиков и сели.

— Лично ты, Ветерок и Эдька пацаны путевые, а вот Рыжего и Кота зачем пригрели, понять никак не могу. Первого весь поселок в жопу пинал, теперь он их, а из за вас его боятся. Костя вообще ментяра натуральный и кенты у него в основном легавые, зачем

он тебе?

— Про Вовчика базар отдельный, а вот Кот.… Это для тебя он такой, а мне приятель. Не потому конечно, что когда-то в ментовке околачивался. Шкура у него действительно красная, не спорю, но я с ним под пули хожу, а о людях я сужу по их поступкам.

— Жука за что мякнули?

— Думаешь это мы?

— Тут и прикидывать нечего, сожительница его видела, как он за угол дома прошел, потом «жига» ваша туда юркнула — и Руслана не стало.

— Побазарим, раз такое дело. Припылишь ко мне часиков в десять. Ленка с ребятишками в Читу уедет, один я в квартире буду. Посидим, побухтим не торопясь.

От жары на березке трубочкой свернулись листья. На подоконнике распахнутого окна зала дружелюбно повиливал лохматимой хвоста прохожим сенбернар. Все приходящее уходит. Возникает ниоткуда и пропадает в никуда. Подтверждая эту истину, душные сумерки медленно втягивал в себя знойный день, превращая его в дождливый вечер. Ослепительно длинная молния фыркнула в небе над Первомайском. Испугав Линду, разбудив Олега и сыпанув на зеленый поселок дождем с градом, Илья — пророк не надолго притих.

«Девять сорок», — потянулся, хрустя хрящами, Святой и, сполоснув морду, накинул поверх тенниски походную, из плащевой ткани синюю ветровку.

— Линда, я по делу отчаливаю. Не теряй меня и не вывались, смотри, на улицу.

Щенок понимающе мотнул вислыми ушами и снова лег на подоконник. Плохая погода распугала любителей тяжелой атлетики и в огромном, пустом помещении спортивного зала бряцал металлом блинов один Воробей.

— Эй, культурист!

— А-а, это ты, бандит. Под столом сумка, в ней все твое. Правда, не задаром.

Наплечную кожаную кобуру Олег сразу надел под ветровку. На дне сумаря, завернутый в тряпку, лежал двенадцатого калибра обрез, смастыренный из новой двустволки.

— Сколько за все?

— Семнадцать штук. Оперативку-то почто сразу нацепил, пестик, что ли имеешь?

— Откуда, Саня? Огурец в ней таскать буду.

— Не доверяешь мне?

Святой отломил деньги и придавил их к настольному календарю общей тетрадью.

— Воробей, я сматываюсь.

— Торопишься?

— Паренька одного в гости жду.

— Всего хорошего, шлепай.

В коридоре Олег сунул «ПМ» под мышку и, пошевелив корпусом, взмахнул руками: «Удобную штуку менты придумали».

Дождь, катая по асфальту градинки, барабанил веселее. По направлению к его дому вышагивала высокая сутуловатая фигура в черной болоневой куртке с капюшоном на голове. «Кажется, Беспалый», — свистнул Святой. Женька обернулся и, заметив его, стоящего на лестнице под козырьком здания, побежал.

— Льет, как из ведра, я до тебя рулю.

— Планы чуть изменились. Шагнем в «Кристалл», до моей хаты пока доберемся, промокнем.

— Мне все равно.

И они рванули в ресторан. Отряхнувшись от влаги небесной, устроились ближе, к эстраде.

— Хряпать будешь?

— Нет, и тебе не советую.

— Что так?

— «Ханкой» уколешься?

— Готовая?

Беспалый светанул два заряженных шприца.

— Аида в туалет, вмажемся и потолкуем?

— Нина?! — подозвал официантку Олег, — чай с лимоном, покрепче и погорячее.

— Ужинать будете?

— Спасибо, все равно, — чуть было не сказал, что выблюем, Святой — шоколад есть?

— Имеется.

— Две. Пять минут спустя, обжигаясь горячим напитком, Женька жаловался Олегу.

— Я на положении в поселке, вся шпана подо мной. Что прикажу — сделают, но понта никакого. Колются, траву курят целыми днями. Ничего серьезного с ними не замутишь, все без денег сидят. Как освободился, так вот в этих лантухах — и брожу до сих пор, — потеребил он лежащую на коленях курточку. Возьми меня на делюгу, оденусь хоть по-человечески. Перед женой стремно, за детский садик заплатить нечем, а бывает, что дома и жрать нечего Хорошо, что ее родственники нас подкармливают немного.

— Ты ведь с Костей на дело не пойдешь?

— Нет.

— А я без него, как без рук. Он хоть и мент бывший, но дерзок и в этом ему не откажешь.

— Послушай меня еще минутку, — стал заезжать с другой стороны Беспалый, — в Чите на положении Культурный, он попросил меня Первомайск поднять. У нас в поселке восемь магазинов, я имею в виду коммерческие, барыги — нос в табаке поживают. Один только «Юникс» по-моему, всех нас прокормит. У меня шпаны море, у тебя банда крепкая, давай объединимся? Пора коммерсантов загнать туда, где им и положено по жизни сидеть.

«Ханка» слепляла веки и приятно тошнотворила. Обмакнув дольку лимона в сахар, Святой запихал ее в рот.

— Оружие у вас какое?

— Пока вообще нет.

— Дело поправимое, — успокоил он Женьку, — мы на деляну собрались, вернемся, замутим.

— Вместо меня Кота берешь?

— Его.

— Дай тогда монет, я вообще на мели.

Восьмого августа на машине Рыжего банда шныряла по Чите. Объект для работы снова выбирал Олег и опять осторожно. У комка по улице Бутина он неожиданно встретился с Весной.

— Здорово, Паха.

— Привет, Святой! Эдьку я иногда мельком вижу, а ты где тыришься? Говорят в Краснокаменске?

— В Первомайске.

— А-а, знаю. Рядом с городом. Что тогда редко навещаешь родные улицы?

— Часто, Паха, часто. Чем занимаешься сейчас, воруешь или рэкетсмен?

— Крутил наперстки на рынке, а теперь вот у Калины в бригаде. Крыши делаю, этот магазинчик мой.

— Личный, что ли?

— Да нет, ты что! Смотрю, чтобы на него кроме нашей кодлы больше никто не наехал.

— Вроде как охраняешь?

— Вроде так. Ты-то как бываешь?

— В артели вкалываю, в Иркутской области.

— Хорошо зарабатываешь?

— Меньше тебя конечно, но на жизнь хватает.

— А как тюрьма, мать родная?

— От нее конечно никуда не денешься, — в улыбке поднялась верхняя губа Олега.

— Весна! — окликнули его в форточку комка.

— Не обижайся, Святой, я побежал.

В два часа мясо — молочный магазин, вытолкнув из себя последнего покупателя, закрылся на обед и, приткнув «жигуленок» между сараев проходного двора, подельники шутя и не особо торопясь, направились к нему.

— Братан?

— Че?

— Грузчиков в такой лавке парочка, наверное, трудится, на тебе они на тебе и Косте. Я с Лехой остальными займусь.

— Мне что делать?

— Ты, Вовка, самое главное никого не убей. Ни за тем мы туда идем, а орать можешь сколько душе угодно. Кот, выдерни с его обреза патроны на всякий пожарный.

Выбив ногой доску в заборе, первым в безлюдную ограду продмага нырнул Эдик, за ним остальные. Надев маску, Олег вытащил пистолет и, передернув затвор, почесал стволом переносицу.

— Шустрее, — поторопил он приятелей.

— Все, — наконец натянул шапочку до подбородка Ветерок и поднял лежавший на ступеньке деревянного крыльца обрез. Святой потянул ручку двери на себя.

— Вот, кобылы, изнутри закрылись. Рукояткой «шабера» он остервенело забарабанил в ставень прикрытого окна и через минут из-за глухой двери откликнулись.

— Кто там?

— Свои!

— Кто «свои»?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— Пожарная инспекция, — впрягся в диалог Костя.

Вдруг все услышали, как в отворенные магазинные ворота, натужно урча мотором, вползает грузовик. Словно по команде приятели сдернули маски и двинули ему на встречу. Костя, не успевший затолкать обрез по куртку, просто убрал руку за спину. Свой шпалер Рыжий опустил в гачу штанов и теперь ковылял, как подстреленный. Леха матерился и даже плевался. Братья на весь двор безудержно хохотали над пережитым, и тем, что происходило сейчас.

— Вовчик, у тебя почему походняк такой странный?

Тот, понимая, что Кот ничего путного не спросит, не ответил.

— Да-а, это тебе не пыль с пряников сдувать.

— Костя, отвали от него.

— Слушаюсь, Олег Борисович — по вашей теории, как это все называется, масти нет?

— Соображаешь. Вовчик, а ты че в натуре загрустил?

— Светке пообещал с подарками вернуться.

— Кому, кому? Супругу твою ведь Ольга зовут.

— Это подруга моей супруги.

— Понятно. Не банда, а рассадник разврата какой-то. Что делать думаешь?

— Тачку на платную стоянку загоню и с вами в Иркутск махну. Неудобно пустым возвращаться.

— Наоборот ништяк, руки свободные. Ладно, не обижайся. Шучу, а если серьезно, не с нами, а домой рванешь. Делай все, как и в прошлый раз, долю получишь, а Светке привет. Сколь ей годиков?

— Пятнадцать.

— М-да, ты видимо скоро у матерей грудных детей вырывать станешь. Спустя два часа через знакомого капитана военной комендатуры железнодорожного вокзала, достав четыре билета на скорый поезд, подельники располагались в купейном вагоне до Иркутска. Эдик с Костей, едва раскатав матрацы, сели за картишки.

— Одна партия — бутылка воды, другая — сорок раз от пола отжаться.

— Потянет, Эдуард Борисыч.

— Мы с Ветерком — в ресторан, вам пожрать принести?

— Не надо, мы и так чувствую, досыта напьемся.

В кабаке было немноголюдно, но главное — уютно и между накрахмаленных скатерок столов шнырял Эдькин официант.

— Здравствуйте, ребята, добрый день. Какими судьбами вас на запад несет?

— Ты когда отдыхаешь, туда ехали, ты вкалывал, обратно — тоже суетишься?

— Работа такая. Что кушать будем?

— Цыплят, сметану и пиво. Кстати в четвертом вагоне в третьем купе Эдька мылит.

— Извините, не понял, что делает?

— В картишки шпилит, унеси ему пива бутылок десять, а то он, бедолага, по ходу, водицу хлещет.

— Устроим в лучшем виде, не беспокойтесь. Хитроватая рожа официанта исчезла.

— Наверное, Рыжик психует, что не взяли его?

— Не забивай голову, Леха. Долю он получает на халяву, отдыхает, ничем не рискует. Относимся мы к нему честно, а как он к нам относится, это его проблемы.

К иркутскому перрону «Россия» подкатила в час дня. Приятелей встречал Славка и чуть в стороне от него,

обмахивалась газетой Хадича.

«Вот волчара! Когда он успел ей сообщить, что приезжает, да еще этим поездом?»

— Ветерок, мы там же ночевать будем, завтра расслабляемся, раз у тебя свидание, а вот послезавтра — пятница. Чуешь? Выходи, дружок, на работу. Без меня «объект» найдешь?

— Да уж как-нибудь.

— Пожирней, ищи, хапнуть, так хапнуть.

— Учтем твою просьбу, хапуга ты известный.

В пятницу встали поздно. Поймав такси, поехали обедать, потом от нечего делать — в баньку и, по предложению Эдика, в кинотеатр. Прятать лица от встречных — поперечных надоело и купив в комке солнцезащитные очки, маскировались только ими.

— Ох! Какая у нее печень!

— Про кого ты, Кот?

— Разуй глаза, Олег Борисович.

Вдоль по улице вышагивала принцесса с высокой грудью, осиной талией и длинными ногами на шпильках — сам погибай, а друга выручай.

— Я чем тебе помогу-то?

— У меня язык без костей, у тебя зубы золотые. Обманем, поди, вдвоем — то?

— Но она твоя, я так понял?

— Конечно! — сердце его упало в штаны, и моментально перестала варить башка.

— Сиди, сейчас я ее приведу. Святой догнал девушку и придержал за локоть.

— Привет, красивая!

— Здравствуйте! — она была в отпуске, без денег, а к тому же еще и с Киева. Жила у тети на Батарейной, и каждый день мечтала о чем-нибудь необычном и само собой о принце на роскошном «Мерседесе». Ну, на худой конец — о коммерсанте, богатом конечно.

— Мой товарищ в тебя влюбился…

— Когда?

— Вот сейчас прямо, ты мимо порхнула и Амур ему в сердце — бац стрелой. Айда выдергивать?

— Он симпатичный?

— Амура не видел, а приятель вот стоит. Не тот, что с цветами, а тот, что без них.

Костина рана стала подзатягиваться, когда на Оксанкиной щеке он рассмотрел довольно — таки приметный шрам.

— Это откуда у тебя, голубушка, не с Чернобыльской атомной станции?

— Нет, я в балетной школе занималась.

— Не каратэ случайно?

— Нет. В оркестровую яму упала.

На другой стороне дороги, у занимающего весь нижний этаж пятиэтажного здания продовольственного магазина, выгружалась «Алка».

— Братан, сбегай, дыбани?

Потные, в синих халатах грузчики, таскали во чрево винно-водочного отдела ящики с сорокоградусной.

— Мужики, когда торговать будут?

— За двойню цену хоть сейчас, — с готовностью опустил на землю ношу забулдыга.

— Одну давай.

— Двести колов, а за свою цену завтра с одиннадцати, — воровато сунул он Эдику пузырь водки.

Кота уперла на Батарейную балерина со шрамом, зато в половине двенадцатого вернулся от любимой Леха, трезвый, как стеклышко. К работе он относился серьезно.

— Наметили что?

— Есть на примете одна лавчонка. Правда, в центре, но зато в ней двести ящиков водовки. Отторгуются и проинкассируем их с ходу.

— Нормально значит, а Костя где?

— Длинная история. Шуры-муры, летающие по городу Амуры, а если коротко — то жене изменяет.

— Это в мой огород?

— Ты что, Леха, — выглянул из-под простыни Олег, — у тебя с Хадичей лямур, а у него просто слюни потекли.

Разбудил подельников Кот.

— Вот, сволочуга, — втолкал его в ванную комнату Святой — наливай воды холодной и отмокай. Через час пахать, а он, собака, полупьяный.

— С горя, Олег Борисович, с горя, — раздевался он, — представляешь, вместо того, чего я ожидал, Ксюша мне по морде врезала. Проклятая балерина, женись, говорит, а как, ведь я уже женат.

— Подменить может тебя. Костя?

— Кем? Не-е, ты ее сразу уломаешь. Скажешь, целую ручки, конфетка-мармулетка, наврешь, что холостой, я лучше сам сегодня вечером еще разок попытаю счастья.

Без пятнадцати три «Жигули» встали за короткий квартал от магазина. Святой под горло застегнул ветровку и поглубже натянул черную бейсболку.

— Слава, стой тут, номера скрути. Работаем мы лихо, потому что без масок и на «хапок», — загнал он в ствол пистолета патрон, — так что вернемся шустро, никуда не отходи.

— Олега, ты мне это в прошлый раз говорил.

— Извини, я думал, ты забыл.

— Может, переехать куда?

— А что тебя здесь не устраивает?

— Людей много, транспорта.

— Среди всего этого мы и затеряемся.

Вместе с первыми покупателями, ждавшими, когда магазин откроется с обеденного перерыва, Святой и вошел в прохладный торговый зал. Винно-водочный отдел не работал и ему пришлось вдоль полупустых витрин, не привлекая к себе внимания, подбираться к мясо-молочному.

— Иди-ка сюда, — позвал он грузчика, притащившего из подсобки флягу сметаны.

— Базарь быстрее, а то работы много — пожилой мужик с испитой рожей облокотился на стекло прилавка.

— Не в курсе, почему водкой не торгуют?

— Ты че, родной, она уже к двум все продала. Барыги по десять ящиков сразу брали.

— Узнай, завотделом еще тут или ушла?

— Некогда.

— Тормози, — поймал его за халат Олег, — мне на свадьбу четыре ящика нужно взять, если договоришься, то я на свои филки тебе лично еще пять пузырей беру.

— С этого бы и начинал. Обожди немного, только не сматывайся, — от радости забыл он на прилавке драные рукавицы и, отмахиваясь от что-то выговаривающей ему продавщицы, скрылся в подсобном помещение. Пришел назад он с другой стороны и, дыша перегаром в ухо Олега, зашептал: — Все, как в аптеке. Директор магазина деньги у нее принимает за проданную водку, минут через пятнадцать она освободится и может не четыре, но пару-то ящиков я тебе железно сделаю. У нее в заначке всегда есть.

— Спасибо, выручил ты меня. Век помнить буду, потряс грузчику руку Святой. Пойду покурю пока на улицу, позовешь, как утрясешь.

Приятели обогнули здание и встали у служебного входа в магазин. Первая дверь с массивным запором изнутри была открыта настежь, а вторая, сетчатая спасала «объект» наверное, только от мух да комаров.

Эдька, шагай внутрь и отыщи кабинет директора. Предложи ей по дешевке шоколад или спирт и посмотри, сколько в кабинете

человек. Сейчас будем пахать, приготовьтесь.

Брат отсутствовал буквально минуту.

— Ты что так быстро?

— За сеткой направо серая дверь. На ней табличка: «директор». Заглянул, две женщины там и полный стол денег.

— Всего две, отлично. Шабер держи, передал он Эдику «ПМ».

— Я с Костей на шухере, ты с Ветерком работаешь. В первую очередь ключ от двери вышмонай и мне высунешь. Вперед.

В коридоре никого не было. Первым в кабинет вошел Эдик, за ним Леха и Святой.

— Здравствуйте, ключ от дверей у кого?

— Здравствуйте, — еще не воткнулась, что происходит, полная с шиньоном на круглой голове директорша — вон, в замочной скважине торчит, а зачем он вам?

Олег молча вынул ключ и, выйдя в коридор, вставил его в замок. Это было не ограбление, а что-то другое. Так магазины не грабят.

Ветерок, расщеперив хозяйскую сумку, прислушивался к движению за шторами окна, напарник его сметал со стола сложенные стопками денежки. Торговки, понимая, что перед ними не инкассаторы, не пищали.

На левом плече Кота висела расстегнутая сумка с обрезом. Заметив выходящих из торгового зала разнорабочего и жевавшую булочку синеглазую продавщицу, он сунул в нее руку и мягко спустил предохранитель. Ориентируясь по нему, Святой незаметно пряча ключ в карман ветровки, повернулся.

— Вы директора случайно не видели?

— А в кабинете ее разве, нет?

— Нет, видите, заперто, — Олег плечом толкнул дверь, — полчаса уже ждем.

— Странно, где она может быть? Толя, отдохни пока, а я в склад сбегаю.

Грузчик, сняв верхонки, бросил их на металлическую бочку с подсолнечным маслом и зашлепал во двор.

— Тетки, двадцать минут не дергайтесь, а то завтра навещу вас, куда ломиться станете? — поверх «капусты» положил обрез Леха и застегнул молнию.

Эдька нажав кнопку выкидняка, срезал с телефонного аппарата трубку и краем глаза обратил внимание на то, что бабы боятся ножа гораздо больше, чем обреза.

— Вроде все.

— Погоди, — поднял предупреждающе руку Ветерок, — кажется, наши базарят? — прижался он к замочной скважине и когда в коридоре стихло, лбом стукнулся в дверь.

Она сразу и бесшумно распахнулась. Выпустив подельников, Святой снова ее запер на два оборота.

— Не суетись, Котяра, пусть пацаны до лайбы добегут.

На улице смолил папиросиной в небо Толян.

— Не дождались? Леху и братана уже не было видно.

«Ничего себе чешут».

— Не получилось, Толяха.

— В следующий раз приходите, может, застанете.

— Примем его приглашение?

— У-у, даже не знаю, — закрутил отрицательно башкой Костя, — если только на будущий год.

— Бегать не разучился?

— Волка ноги кормят.

— Тогда бери ноги в руки и — рвем.

Стартанул Славка аккуратно, но шустро и на первом светофоре повернул налево. Навстречу, шугая пронзительной верещалкой на крыше легковушки, по обочинам пролетели ментовские «Жигули».

— Неужели по наши души? — удивился Ветерок.

— Оперативно работают — посмотрел им в след Олег, — поймают когда нас, зашибут.

— Больше всех Косте вломят.

— Вашему братцу, Эдуард Борисыч, не меньше достанется за незаконное ношение формы.

Из машины на хату просочились по одному.

— Слава, до переговорного далеко?

— Да нет, минут пяток не торопясь.

— Поехали, домой брякну. Ленка куртку кожаную хочет, а в Чите их не продают.

Вернулись только к ужину, телефонистка долго не могла вызвать Первомайск. Леха «сушил лапти» в горячей ванне. Эдька строгал салат, а опохмелившийся Кот храпел на куче мятых купюр, зачем — то сваленных под батареей отопления.

— Зачем деньги высыпали?

— Костя балдеет, никогда столько не видел. Не ругай его, балбеса, пускай поспит.

— Ты ел?

— Тебя ждал. С водкой вечеряем?

— Желание есть, так давай бухнем.

В трусищах и распаренный в комнату вошел Ветерок.

— Посапывает Котик? Вишь, капусту как уважает, обнимает и про балерину забыл, а та помягче, однако.

— Олега, а у вас у кого-нибудь тачка есть?

— Нет.

— Возьмите одну на всех, — вдруг посоветовал Славка, — вам ведь все равно лайба нужна. В Иркутске автомагазинов полно, завтра я их вам все покажу. Извини, может, я что-то не то говорю?

— Почему, сказано вовремя. Я — за.

— Я тоже.

Леха, как всегда и при любом количестве филок находился в финансовом затруднении.

— Грабите меня, крестьянина, но «жига» действительно пригодится. Кирпичи на дачу возить, цемент, — наворачивал он вслух, — согласен.

— Слушайте, пацаны, в городе легавые точняком на ушах стоят после дел наших, а вот в сторону Кутулика можно прокатиться. Машину завтра купим, и давайте до Ангарска жгнем. До него по трассе всего пятьдесят километров и, по-моему, никто нас там не скрадывает?

— Заметано, — враз обсох Ветерок.

— Ленка утром прилетит, встречу ее и рванем.

— С ней?!

— Ты че свихнулся? Завтра ты с Эдькой и Славкой по автомагазинам метелите, а я с этим уродом в аэропорт сбегаю. Оформишь тачку на себя, и часам к двум постарайтесь здесь быть. В Ангарске отпашем и ты оттуда прямиком до Хадичи чесанешь.

— Не-е…

— Че, ты?

— Ленка жене моей прикидываешь, что наговорит, если я с вами домой не вернусь?

— Разумно шурупишь.

На следующий день, все так и получилось. Время только перевалило часовой рубеж, а у подъезда уже притулилась с транзитными номерами чисто-белая, одиннадцатой модели «жигулешка» и подзакусившие приятели снова по одному выходили под солнышко и разными путями выбирались с ограды ближе к дороге.

— Ты надолго, Олежка? — спросила жена.

«Может убьют, может сам застрелюсь, а может и вернусь, черт его знает», — но вслух сказал другое.

— Сейчас двадцать минут второго. Значит, где-то около пяти жди.

— На сердце тревожно почему-то. Ты ведь не врешь, что коммерцией занимаешься?

— Я, Ленуся, вор, убийца, грабитель…

Врешь, какой ты убийца. Ладно, шлепай, балаболка, парней догоняй.

За рулем сидел племяш, он осторожно вывел машину в туннель между пятиэтажками и на обочине дороги подобрал сгуртовавшихся подельников.

— Слава, ну как короста?

— Ничего, по-моему. Движок — шестерошный. Редуктор от ноль третьей вставите и попрет.

— Шаровые смотрел?

— Тоже нужно заменить и резину желательно.

— Понятно. Ты, короче, загоняй ее к себе на станцию и делай. Деньги не считай, оплатим, сколько обойдется.

— Завтра, Олега.

— Конечно, а мы по городу потолкаемся. Ленку фруктами побалую, да кожанку просит, надо брать.

— Пальто «Кристиан Диор» ты ей накатил?

— А кому же еще?

— Почему она его не носит?

— Вот женишься, Эдька, и тогда узнаешь, почему это мужики всю жить одни штаны таскают, а жены их имеют гардеробы, и ты им только подавай. Леха, «жигу» где на учет ставить будешь?

— В Первомайске.

— В другом месте можно?

— Нет.

— Хреново, менты наши в курсе будут, что мы в Иркутске западаем. Сколько отслюнявили?

— Сто восемьдесят.

— Такая красотуля — и всего сто восемьдесят тысяч?

— Не всего, а целых…

— На выходе из города и на вьезде в Ангарск посты ментовские могут встретиться. Если тормознут, ты. Костя, сумку с оружием цепляй и спокойненько отваливай, а мы покрутимся слегка и убедившись, что хвоста нет, на хату вертанем. Встретимся там.

Так уж получается, что все более-менее богатые магазины расположены ближе к центру городов. Ангарск исключением не был и помотавшись по окраинам, банда выползла на оживленные улицы.

— Эдька, бери Кота и вон в ту винополку идите. По часам засеки — сколько водки она продает за десять минут. Давно или нет торгует, где кабинет, вход, отход. В общем, все, что может нам пригодиться. Минут через тридцать-сорок на это же место подгребайте, мы пока по соседним объектам прошвырнемся.

Следующий магазин инспектировал Ветерок, уж больно он ему приглянулся. Двухэтажный и чего только в нем не было. Мяса не было, колбасы не было, хлеба тоже, но зато была водка, и был

он двухэтажный, а значит, как соображал Леха и — жирненький.

— Святой, давай его выхлопаем?

— Ты путем проверил?

— Смотри, какая громадина, че он пустой что ли?

— До скольки пашет?

— До семи.

— Инкассаторы примерно в шесть подкатят. Рубить надо с запасом конечно, но и так, чтобы выручка уже у директора находилась. Это получается где-то в районе пяти, а пока Эдьку с Котом забираем и — жрать. Слава, где в это чудо — городе кормят прилично?

Служебный вход был один и ровно в пять подельники ни от кого не прячась, вошли через него в торговую точку. По широкому длинному коридору несколько грузчиков перетаскивали мешки с сахаром, но самое стремное, что кабинет директорши от самого пола и до потолка оказался стеклянным. Искушение при виде считающих филки всего двух женщин было великим, но…

— Назад — скомандовал Олег. Ветерок разорался прямо на крыльце.

— Брать нужно! Вы че в натуре, бичей этих в синих халатах перепугались?

— Не разоряйся — попробовал его успокоить Святой.

— Вокруг «объектов» немеряно, этот не впороли, другой выпотрошим. Ты ведь видел, сколько там народу толкалось, из-за капусты кровь лить не годится.

— Раз запланировали, надо брать!

— Тебе тут не государственное предприятие, план не давит. Не жадничай ты — открыл дверцу легковушки Олег.

— Просто масти сегодня нет.

— Какой масти? — не унимался приятель.

— У нас же запасной вариант есть, давайте его отработаем.

— Погнали, погнали. Падай — чтобы не напрягать обстановку, согласился Святой.

— Притопи газушку. Славка — поторопил он племянника — времени много.

— Инкассаторы в любой момент могут потянуться — с беспокойством глянул на циферблат часов Леха.

«Жигули» оставили за соседним с винополкой, домом и торопливо зашагали от них прочь. Славка дыбанул по сторонам и принялся стаскивать из плотной бумаги, сляпанные транзитные номера.

Сетчатые половинки дверей служебного входа были распахнуты настежь, словною приглашая всех, кому не лень, зайти в магазин. Трое мужчин, по виду рабочие этой лавки,

забивали на перевернутом из-под грузинского чая ящике «козла». Почти одновременно, заметив полный коридорчик китайцев, приятели остановились.

«И здесь несрастухи» — подсел к грузчикам Святой.

— Мужики, а что там за делегация?

— Объегорили одного китаезу — нехотя ответил самый молодой и самый пьяный — неправильно сдачи дали. Викторовна приказала все деньги с отделов снять, сейчас с продавщицами сидит сальдо с бульдо сводит, а магазин закрыла на учет. Тоже мне, международный скандал.

— Давно закрылись?

— Да нет, минут двадцать назад, а тебе что, водовки надо? Давай возьму, сто грамм нальешь?

— Не, мы к Викторовне. Дело имеется.

«Весло стрельнуло, рвем?» — взглядом спросил Олег.

«Рвем» — так же одними глазами откликнулся Ветерок.

«Многовато иностранцев» — засомневался брат.

«Как скажешь» — ухмылялся Костя.

— Китайский язык знаешь?

— Откуда? — удивился он.

— Тем хуже для тебя. Мы к Викторовне нырнем, а ты мартышек этих развлекай.

— Не пустит она вас — стукнул костяшкой домино грузчик — давай, я возьму.

— Пустит. В кабинет никого не впускай и ….

— Не выпускай — добавил Кот.

Четыре разного возраста женщины, боясь ошибиться в подсчетах, головы от денег не подняли, но директорша при виде трех парней аж взвилась.

— Вам тут что, проходной двор?! Ханыги проклятые, совсем обнаглели! Скоро в кровать ко мне залезете!

— Не шуми, Викторовна — Олег подождал, пока Леха закроет за собой дверь и достал из-за пояса пистолет.

— Тихо, бабы, это ограбление. Лица вниз, быстрее! Сейф отмыкай.

Бледная, под цвет халата директорша, трясущимся руками выполнила его приказание. Ветерок, словно преподаватель в школе рабочей молодежи только не указкой, а вороненными стволами обреза погрозил женщинам.

— Хорош считать, нам все равно, сколько здесь капусты. Вот сумарь, сгребайте все в него.

Щелкнула лезвием выкидуха, и бабы обмерли.

— Не бойтесь, дамочки, это я на телефон нападаю, а то еще в милицию после нашего визита звонить начнете.

«Бздят, вороны, ножика, интересно устроен человек».

Положив «ПМ» на верхнюю полочку сейфа, Святой швырял продавщицам стопки купюр, и те складывали их в сумку.

— Рубли забирай.

— Рубли, Викторовна, тебе на бутылку, врежешь с горя. Вот тот сейф отчиняй.

— Нет! Там мои деньги, личные.

— Много?

— Триста тысяч.

— Ой, ты что, тетка. Откуда у честного человека такая сумма. Открывай ящик, ткнул он директоршу стволом в жирную бочину.

Берите, сволочи. Чтоб вы подавились.

За дверью балагурил Кот.

Привет, заграница, что расселись, как в кино?

Махонькая — не понять взрослая или подросток, китаянка на ломаном русском попыталась объяснить, что их дуранули при покупке спиртного продавцы.

— Ну-у, это дело поправимое. Мы как раз из народного контроля, так что порядок махом наведем. Сейчас мои подчиненные у них вообще все деньги заберут. Пускай знают, как рабочий класс обсчитывать, а у вас в джунглях народный контроль имеется?

Китаянка что-то пролопотала своим и все они дружно и весело рассмеялись.

— Умрите, мартышки! Шеф услышит, нагорит мне из-за вас по первое число. Из кабинета выглянул Олег.

— Все путем. Компания, что надо, послушные, хоть и иностранцы.

Святой пропустил мимо себя подельников и вслед за ними подтолкнул Костю.

— Вали.

Тыриться было бессмысленно и он в открытую с шабером в руке стоял посреди коридорчика, контролируя продавцов и посерьезневших китайцев. Протянулась томительно длинная минута.

— Привет, Мао — и сунув пистолет за ремень, он спокойно вышел на улицу.

Грузчики гремели костяшками. Приятели заворачивали за дальний угол здания.

— Ну, че, взять тебе пузырь?

Сам не понимая почему, Олег шагнул к рабочему и врезал ему в ухо.

— Еще кому надо?

Из-за угла пятиэтажки, где только что скрылись подельники,

лихо выкатился желтый «УАЗ-452».

«Инкассаторы!» — рванул он на встречу машине — не успею, наверное. Ленка ждет, уйду!»

— Стой! — крикнул он водителю «УАЗика» и промчался мимо под удивленными взглядами инкассаторов.

— Что с ним?

— Шут его знает, поехали.

Этих тридцати секунд Святому и хватило, чтобы унести ноги.

— Гони, Слава, у нас неприятности.

— Что случилось? — еще тяжело дышал брат.

— Желтый «УАЗ» видел? Инкассаторы, кое-как сорвался. Славка, на выход из города жги — он поставил шабер на предохранитель и бросил его в сумку с деньгами.

— Все криминальное туда же складывайте. Сейчас остановимся. Эдька, Кот и Славка — выметайтесь из тачки и до Иркутска добирайтесь, кто как умудрится, но по отдельности. Сумку с палевом возьмет Костя. Я и Леха газуем дальше, словимся на хате. Тормози.

Выполняя, что наказал старший брат, Эдик, перебежав на другую сторону дороги и торкнув в какой-то подъезд, снял с себя рубашку. «В майке тоже ништяк» — швырнул он под лестницу безрукавку и, растребушив чуб, надел очки.

Сумарь оказался настолько тяжелым, что Костя окликнул Славку.

— Подсобляй, не упру один.

— Давай такси поймаем?

— Нельзя, шеф убьет нас, если узнает. Автовокзал где, не знаешь?

— Точно! Рядышком. В восемнадцать ноль-ноль по-местному автобус на Иркутск есть.

Миновав последний перекресток на выезде с Ангарска, Ветерок расслабился, убрав левую руку с руля. Олег последний раз обернулся назад и заметив далеко на хвосте синюю милицейскую мигалку, перелез на заднее сиденье и лег.

— Не гони, Леха, а то они нас обязательно остановят. Чуть что — мы старатели, лайбу на заработанные филки брали, одну на двоих. Адрес конторы знаешь, если пробивать начнут?

— Помню, Лермонтова, 89.

Белая восьмерка, вереща противной сиреной, обогнала машину преступников и резко приняла вправо. Идущий следом за «жигуленком» «Рафик» омоновцы тормознули. «Кажись, пронесло» — наблюдал за этой картиной в зеркало Ветерок.

— Вставай, проскочили.

Фортило сегодня не им одним. В «Рафике» сидел брат

Святого, но менты даже не спросили, кто он такой и откуда. Проверив салон, они отпустили «Скорую помощь» потому, что в ней кроме шофера и Эдьки, которого лейтеха принял за санитара, никого больше не было, а им нужны были аж пять грабителей.

Рейсовый автобус заслона тоже не миновал. Славке бояться было нечего, и он стоял возле водителя. Матерый Кот, замаскировав половой тряпкой у задней нерабочей двери «Икаруса» сумку с деньгами и железом, притворившись бухим, навалился корпусом на средних лет женщину и сошел у лейтенанта за мужа — забулдыгу. Проканало в этот день всем, кроме легавых и в восемь вечера банда была в сборе.

С двух магазинов слупили лимон триста восемьдесят тысяч. За сто восемьдесят приобрели тачку, двести бросили в общий котел и по столько же упало на нос, Причипурившись и даже не ужиная, Костя смылся на Батарейную к хохлушке. Леха заплескавшись, уснул в ванне, а братья и Лена до рассвета просидели у телевизора. Потом дреманули пару часиков, попили крепкого кофе и в десять были на барахолке.

— Пацаны, я с Ленкой пошарюсь, а вы рядышком тритесь на всякий случай.

— Олега, мне слаксы надо.

— Смотри, где продают, я же не в прямом смысле тебе говорю, что вот рядом со мной находись и ни на шаг не отходи. Просто в поле зрения будь.

Ветерок с братом отстали где-то в праздной толчее. К десяти жена Святого за тридцать две тысячи выторговала у молодой парочки барыг кожаную турецкую куртку с капюшоном темно-сиреневого цвета и принялась выбирать на прилавках кое-что из одежды для сыновей. Стоя у нее за спиной, Олег покрутил головой, высматривая Эдика с Лехой и встретился взглядом с Викторовной. «Приехали» — рука непроизвольно нырнула за пистолетом. Он был без ветровки, в бейсболке и в темных очках, директорша его не узнала.

— Ленка?

— Что?

— Сейчас я тебя обниму…

— Ты че, Олежка?

— Не перебивай. Я тебя обниму, а ты, ромашка, вытащишь у меня из-за ремня пистолет. Положишь его в карман купленной куртки и не торопясь, уходи с толкучки. Встретимся через час на центральном рынке. Носовой платок есть?

Зажав платочком нос, словно от кровотечения, он проводил жену почти до ворот и быстро вернулся к центру шумливой барахолки. Брата Святой обнаружил шустрее директорши. Тот

мерил брюки, а Ветерок держал его трико и потягивал с бутылки пиво.

— Срываемся.

Два раза говорить им не пришлось. Эдька сунул армяшке продавцу три штуки и, перепрыгнув через прилавок, догнал брата с Лехой. Молча штурманули сетчатый забор и побежали. На краю автостоянки упали в высокую траву и только здесь Олег все объяснил.

— Вот только Ленке теперь что врать?

— Отболтаешься, лишь бы она ускреблась.

— Запурхался совсем, не предупредил ее, что шабер вместе с курткой купила.

— Не понял?

— Купила куртку, а откуда ей знать, что в ней пистолет лежит, может продавца.

— Логично. Штаны большие, зря брал.

— Надо было не брать.

— Ни че себе, орешь «атас», у меня сразу кукушка съехала, я хоть в туфли успел впрыгнуть.

— Ленка на рынке меня ждать будет.

— Погнали, там пошарогатимся. В ресторан сходим, в кинотеатр. Это у легавых рабочий день, а нам отдыхать положено.

И этот день закончился удачно. Встречали звезды с ликером и шоколадным тортом. Славка отшаманил «жигу» и решили, что Святой, его брат и Леха на колесах доберутся до Первомайска. Кот поездом упрет оружие и заодно присмотрит за Леной. Второе получилось, а вот первое — не очень. На задний мост племяш воткнул зимнюю резину с глубоким протектором и у Слюдянки его дядька на скорости сто двадцать километров в час с ее помощью слетел с трассы. Отделались порванной о километровый столбик левой задней дверцей и шишкой на Эдькиной башке. Шишку примяли юбилейной медалью, валившейся в бардачке, а дверцу в Чите заменили и пятнадцатого ночью въехали в поселок.

***

Проснулся Беспалый от вкусно пахнущей с кухни яичницы. Жена собирая дочь в детсад готовила завтрак.

— Лариска, давай я Лерку уведу?

— Тебя воспитатели не знают.

— А родного папашу они видели хоть раз?

— Откуда?

— Тогда я отведу, пускай привыкают — он скинул покрывало с худого в наколках тела.

— Мадемуазель, ты меня не выдашь?

— Не-е, ни за что — тряхнула косичкой Лера, — а ты когда телевизор купишь?

— Еще немножко потерпишь?

— Сколько?

Его ответа ждала и жена.

— Сегодня шестнадцатое, двадцать пятого.

Сенокос стоял в самом разгаре, но не тот, где крестьяне машут литовками, а тот, где наркоманы пластают бритвочками в чужих, естественно, огородах маковые головки и поэтому, не смотря на такую рань, у подъезда своего Женька столкнулся со Слепым.

— Здорово, Олега, ты ко мне?

— Нет, на чердак. С понтом ты не знаешь, что я без тебя не вмазываюсь.

— Ладно, извини. Лерку в садик увести нужно. Пошли? На обратном пути уколемся.

— Где интересно?

— Сообразим что-нибудь.

Шлепая мимо пятиэтажки, в которой жил Олег, Слепой прищурился, пытаясь разглядеть в кустах черемухи незнакомую «жигулешку».

— Это Святого — сразу определил Беспалый.

— Шагай за мной. Сейчас его подымем.

— Я сдохну, ты че, волк? Мадемуазель твою сдадим воспитателям, потом вмажемся, а потом сюда вернемся. Давай так сделаем?

— Он тоже на игле сидит — уже швырял в окошко спальни камушки Женька. — Сейчас с ним уколемся, и он нас в сад утянет.

Олег вышел быстрее, чем они ожидали.

— Твоя? — поздоровался с ним Беспалый.

— Все ты знать хочешь. Моя.

— С куражей?

— С них, родных.

— Прокати до детсада?

— Падайте, то-то вы с утра пораньше шаритесь, людей пугаете, а оказывается, семейными делами занимаетесь.

Пока Женька бегал с дочкой, Слепой вмазал Олега и вмазался сам. Так же бегом Беспалый вернулся и Слепой уколол его.

— Благодарю. Предложение мое помнишь?

— Я его и не забывал.

— Что делать будем?

— Все очень просто, Женька. Самое главное — надо шевелиться, кто сидит на жопе, у того ничего и нет. Сегодня я отдохну, а вы своих пацанов таких, которые поживей, соберите и завтра за коммерческие магазины примемся.

— Сколько человек взять?

— Четверых и думаю, хватит. В «Кристалл» к одиннадцати подтягивайтесь, пообедаем и вперед.

Возле подъезда с полным ведром мусора отца караулил Игорешка.

— Папа, пойдем, ведро вывалим?

— А сам, что не сбегаешь?

— Я боюсь, там корова шелуху жрет.

Чаевали втроем, Максим гостил в Чите у деда с бабушкой по первому отцу.

— Игорь, ты поел?

— Наелся.

— Беги на улицу.

И тот радостный, что мать выпроводила его из-за стола без стакана молока, драпанул к приятелю по школе.

— Олега, у тебя пистолет откуда?

— Нашел.

— Выброси его пожалуйста, зачем он тебе? Убьешь еще кого-нибудь нечаянно.

— Забудь ты про него. Ленка, выброшу.

— Слово дай?

— Слово не воробей, вылетит, не поймаешь. Подумаю, потом скажу, ладно? Еще что-то сказать хочешь?

— С Галиной Павловной перед тем, как ты с Иркутска подъехал, по телефону разговаривала…

— С бабулей Максима?

— Да.

— Ну и что случилось? — екнуло под сердцем.

— Боится, что ты его усыновишь официально, у него ведь

вроде еще один отец есть.

— Это дело не наше, я имею в виду взрослых людей. Стукнет Максиму шестнадцать и пойдет он паспорт получать, вот тогда и решит, чью фамилию взять. Его или мою, а без разрешения Максимки я ничего делать не буду.

Подкатывая к ресторану, Святой с братом еще издали заметили каланчу Беспалого и двух молодых парней, оживленно о чем-то разговаривающих между собой.

— Здорово, жулики — каждому из пацанов пожал руку Олег.

— Пошли помнем, да потолкуем, как местных барыг половчее за жабры брать.

— Женька, Слепого — то где потерял?

— На «грядке». Мак подрезает. Сварит часам к шести, вмажемся. Ты будешь? Начали с самого большого и жирного магазина в Первомайске с чушачьим, как выразился Беспалый, названием «Фантик».

— Сейчас, бляди, мы вас за ноги повесим — керосинил он себя и своих пацанов.

вваливаясь в комок.

Хозяев оказалось двое. Высокий бородач-блондин и его супруга сидели за прилавком и метр с кепкой с большими залысинами и противной мордой, чернявый, лет под тридцать, парень. Сэва с Корешом остались в уютном торговом зале. Эдик, подперев стулом, дверь кабинета, уселся на него. Не зная, что делать, Женька отвернулся к решетке окна и задымил сигаретой. Разговаривал Святой.

— Что такое мафия надеюсь вам объяснять не нужно?

— Наслышаны — присел бородатый на стол.

— Предложение такое. Мы вам делаем «крышу», вы за это башляете нам пятьдесят штук каждый месяц.

— Если мы не согласны?

«Про ментов не вспоминает, это хорошо» — враз успокоился он.

— Понимаю, вы никогда и никому еще не платили, а тут вдруг приходит дядя и требует денежки. Но в тебе говорит не разум, а гордость. Не желаешь откупаться — не надо, но представь себе, что завтра припылит читинская мафия и потребует с вас двести тысяч рублей в месяц, что тогда? Вот это настоящий рэкет. Отстегивать откажешься, башку снесут мгновенно. Они с тобой вот так, как я базарить не будут, им все равно, они залетные, приехали, уехали. Это мы свои, родные, нам надо, чтобы вы процветали и в поселке все ладом было.

— А если мы читинцам под «крышу» залезем? — уже нехотя сопротивлялся бородач.

— Тогда пускай они и обеспечивают вашу безопасность, а я на все сто уверен, что шпана первомайская взорвет твою лавочку или просто сожжет.

— Вроде правильно толкует — вытер воротом рубашки капельки пота с узкого лба чернявый.

— Давай, Семен, лучше этим башлять, чем чужим?

Бородатый тоже сообразил, что положение безвыходное.

— Пятьдесят в месяц многовато, мужики — стал он торговаться.

— Крутись, соображай, проявляй инициативу, так ведь у вас это называется. Нам нужен богатый комок. Польза от этого очевидная и нам, и вам, и покупателям.

Сделав пару жадных глотков воды из графина, Семен разгладил мокрые усы и обреченно согласился.

— Ладно, если другая банда заявится, что ей сказать?

— Платите Святому вот мой телефон, — он черкнул в настольном календаре несколько цифр. — Деньги раз в месяц будет забирать вот он — кивнул Олег на брата — или Беспалый, знаете его?

— Знаем.

— Тогда все, будут проблемы, звоните.

— Одно условие — движением руки остановил Святого бородач — вы никому не скажете, что мы вам отстегиваем.

— Специально об этом, конечно, орать не будем, но сам понимаешь — где-то и скажем.

— Нигде, это мое условие.

— Ты, барыга, не понимаешь? Не желаешь башлять уголовникам, закрывай свой «Фантик» и иди каменщиком на стройку. Не хочется кирпичи таскать? Вижу, что не хочется, тогда будешь отстегивать и не зли меня, Семен, а то я тебе и на стройке житья не дам. Первый взнос — сто штук и не завтра, а сейчас.

— Олег, нет у нас сегодня столько.

— Что в ней? — смел тонкий слой пыли с картонной коробки, стоящей на подоконнике Женька.

— Телевизор южно-корейский.

— Сколько стоит?

— Сорок тысяч.

— Святой, давай его заберем, у меня как раз дома телика нет?

— Бери, а ты, — повернулся он к Семену, — к девятнадцати ноль-ноль приготовишь шестьдесят штук, заберу я сам.

— Грамотно ты их достал — признался на улице Беспалый подельникам — я бы так не смог.

— Это мелочь, так, для рекламы сделали. Дня за три

коммерсантов построим и до тридцатого отдохнем, пускай они по поселку о нас слушок запустят.

— Почему именно до тридцатого?

— День рождения у меня будет.

— Сколько стукнет?

— Тридцать четыре. Справим и дальше попрем. Крупную рыбу лучить, как раз она созреет…

Это был не только день ангела, но еще и показуха для всех, кому это было интересно, что две группировки слились в одну. Воробьев привел с собой под два метра ростом крепкого, коротко остриженного парня и, усадив его за дальний конец длинного стола, подошел к Олегу.

— Поздравляю!

— Не с чем, Санька, грустный праздник. Не в том смысле, что шпана «отрывается», а в том, что на год старше стал. А может и действительно, праздник? На земле этой человек — самое мерзкое и никчемное существо и с каждым годом мы все ближе и ближе к смерти, значит, природе есть чему радоваться. В любом случае спасибо за поздравление. Где жена, че один приперся?

— В фойе, у зеркала крутится.

— К нашим бабам подсади ее, пусть познакомится. Не видел тебя дней десять, где был?

— В Иркутске, по коммерции. Кстати, паренька, что со мной притопал, видишь?

— По габаритам заметный.

— Местный парнишка, я его давно знаю. В микрорайоне у матери живет, а встретил я его случайно в Иркутске, он только что откинулся. Два года по воровайке отсидел, может возьмешь его к себе?

— Молодой?

— Двадцать два, но башковитый.

— Послушай, Воробей. Ты видишь, как в Первомайске все заворачивается?

— Слухи ходят, конечно.

— Я мафию хочу крепкую замутить и уже двигаюсь в этом направлении, а тебе предлагаю всю коммерческую деятельность поселка в свои руки взять, Делай, что требуется, мы поможем, но придется тебе отчет перед нами нести. Заведешь книгу для финансовых дел и все туда катай. Я у тебя в течение года денег брать не буду. Пухни, накручивай и структуре своей богатеть помогай. Чем толще ты ее сделаешь, тем лучше всем будет. Если согласен, то парнишку этого можешь к себе пока взять, присмотрюсь к нему, может и заберу его у тебя. Ну, как?

Почти не думая, Воробьев согласился. Работая в то время

коммерческим директором старательской артели «Бирюза», она имел кое-какие связи в области и прикинул, что при помощи физической силы, которую в лице мафии предлагал Святой, денег накачает.

— Кто это? — украдкой от любопытных взглядов ткнул вилкой Санька в сторону Славки.

— Племяш к Лехе в гости прикатил.

— Издалека?

— С Иркутска.

— Рядом с ним кто?

— Это супруга его, Маринка, а что?

— Нет, ничего. Не видел его просто раньше.

Женька и Слепой, чуть опоздавшие к началу, пришли уколотые, и кажется с сожалением смотрели на столы, уставленные фруктами и ликерами. Бухать на ханку им было нельзя, а от еды тошнило. Предложили вмазаться Олегу, но тот уже пил шампанское и отказался. Тогда они устроились у громадного торта в виде «зоны» с четырьмя вышками по углам, который под Эдькиным руководством смастерили ресторанные повара и заказали крепкого чая.

— Святой, коммерческий магазин, что бывшие афганцы открыли, ты обложил?

— Само собой.

— Сдались?

— Не без боя, конечно, но заломали их.

— Интересно — налил себе и Олегу Воробьев — знаю их с детства, пацаны вроде крутые.

— Время сейчас такое, что выбирать приходится, туда или сюда. Государству на нас наплевать на всех, плохих и хороших. Никому люди не нужны, беспризорники, одним словом.

— Откуда в такой день такие черные мысли? — подсел к ним с куском торта на тарелке Слепой.

— Может вся наша беда в том, что мы появились на свет белый без разрешения? — кончиком столовой ложки отломил кусочек вышки Святой.

— Ты знаешь — прыснул чаем под стол Слепой — меня ведь точно, когда клепали, не спрашивали, а теперь вот подыхать неохота, а придется, тоже ведь никто не спросит. Закономерность в этой паршивой жизни одна — смерть.

— Да идите вы… — встал Воробей — пойду потанцую лучше.

«Иди, покрути булчонками» — проводил его мутными глазами Слепой.

— Олега, у тебя чего общего с этим додиком?

— Мафия, Слепой, а в ней и такие люди нужны. Ты умеешь на

калькуляторе считать?

— Нет.

— Вот видишь, а этот фрукт может.

— Значит он теперь у тебя под крылышком?

— Почему, отношения у меня с ним чисто деловые. Он — коммерсант, я — уголовник. Накосопорет, получит. Олег, паренька, что Воробьев притащил, знаешь?

— Андрюха Агеев. Плохо его знаю, сижу все время, но пацан вроде ни че. Ты вон про того спрашиваешь, который с Эдькой сидит?

— Про него.

Ближе к одиннадцати, подвыпивший Ветерок увез Святого с его женой до хаты и рванул к Майке на работу. Сегодня она вышла во вторую смену в цех разлива вместо приболевшей подружки. По-хозяйски вломился пошатывающийся Леха на проходную и постучал в стекло, отгораживающее его от вахтера.

— Открывай вертушку, мне на территорию нужно.

— Вали отсюда, пока я тебе ноги не переломал — взвился от злости плечистый накачанный парень.

— Ты че, засранец, не знаешь меня?

— Отваливай лучше по-хорошему, а приключений на сраку ищешь, так подожди до двенадцати.

— И что будет?

— Смена моя кончается.

— Понятно.

«Здоровый ты, хряк, да шуметь тут мне ни к чему. Мы тебя, дружок, с другого бока ухватим».

— До двенадцати значит?

— Чеши, чеши.

Не успел Олег уснуть, как под окном засигналил «жигуленок» и нехотя поднявшись, он в трусах вышел на балкон.

— Пистолет дай?

— Серьезное что? — слетела сонная хмарь.

— На проходной в «Юниксе» грубанули.

— Кто?

— Черт его знает, вахтер, наверное.

— А ты че туда поперся, Настя где?

— В кабаке еще. Я к Майке хотел, она сегодня во вторую смену батрачит. Дашь «шабер» или поможешь этого козла на место поставить?

— Сейчас я оденусь, иди в тачку.

Он шустро натянул трико, на босу ноги кроссовки и чтобы не хлопать входной дверью, через балкон выпрыгнул на улицу. В машине рядом с Ветерком сидели его племянник и Костя,

которых на поиски мужа отправила Настя, и вчетвером поехали к проходной «Юникса».

Как и обещал, вахтер вышел ровно в двенадцать. Из темноты хорошо было видно, как он глянул на ручные часы и покрутив головой по сторонам, очевидно в поисках Лехи, шагнул из-под лампочки.

— О-о, да я знаю его, — наматывал эластичный бинт на кисть руки Кот — это Шарабан. Три года в морской пехоте отслужил и блатует, но ничего, сейчас я ему продемонстрирую, как десантура бьет.

— Подожди. Здоровый он, волк — передернул затвор Святой — я его по тихой возьму.

— Чем больше шкаф, тем громче падает — вылез Костя из «жиги» и направился на встречу вахтеру.

Ударил он Шарабана на свету, но куда и как, они не заметили, так быстро и неожиданно все произошло. В подлетевшую тачку вахтера хотя и с трудом, но впихнули махом и только когда выбрались за поселок, тот одыбал.

— Где я?

— Лежи, родной, не рыпайся, мы еще не определились. Олег Борисович, куда путь держим?

— На свалку.

— Слышал, Шарабан, на помойку.

— Зачем?

— Олег Борисович, что ему ответить?

— Преподавать правила хорошего тона.

— Слышишь, Шарабан. Хорошим людям придется тебе попу надрать. Учили ведь тебя в школе быть вежливым? Учили, но сразу видно, что не слушал ты, охламон, преподавателей.

На свалке между куч отбросов и первомайского хлама «Жигули» остановились и потушили габариты. Под ярким сиянием луны Ветерок вытащил вахтера за шиворот из салона машины.

— На колени, сука, и проси прощения.

— За что?

Минуты две они с Котом пинали Шарабана, но тот то ли со страха, то ли с упрямства, молчал. Темное синее небо швырялось метеоритами, но созвездие Святого висело на месте и падать не собиралось. «Привет, «Медведица». Давно не виделись, но не обессудь, днем тебя не видно, ночью я обычно сплю. Зима скоро, чаще будем встречаться».

— Не орет, козлина, может, мякнем его да в мусор зароем? — предложил Леха.

— Зеленый он еще, жалко, — оторвался от небосвода Олег —

отпускать, конечно нельзя. Вахтер, че прощения не просишь? Гордый значит, это хорошее качество — он открыл багажник и достал оттуда монтировку — Костя, подними ему ногу.

— С превеликим удовольствием.

— Да не две, урод, одной хватит.

Кот выполнил его команду и, коротко размахнувшись, Святой перешиб Шарабану кость чуть ниже коленного сустава.

— Все, пацаны — не вытерпел тот и заорал — простите, ваша взяла! Не убивайте!

— Вот чудак, на букву «м». Пока копыто ему не переломили, не пищал — присел на грудь вахтера Кот.

— Ты что морскую пехоту позоришь? Вообще-то пехота, она и есть пехота.

В «Кристалле» еще гуляли. Эдька с Корешом и Сэвой отплясывали на мозаичном мраморном полу зала какие-то замысловатые коленца. Агеев со Слепым и ЭДЬКИНЫМ другом, приехавшим на день рождения с Читы, мяли торт. Женщины разошлись и только супруга Ветерка терпеливо ждала муженька.

— Ты где запропастился? Сижу тут, как дурочка одна, пошли домой.

— Как скажешь, только не шуми.

Он попрощался со всеми и ушел. В углу помещения сидели уставшие официантки. «Скоро час» — прикинул Олег.

— Эдька, шлепай сюда — и когда тот подошел, обнял его — все, праздник кончился, разбегайтесь.

— А че такое, мы до утра навострились.

— Официанткам до хат пора.

— Я им забашлял.

— Правильно и сделал. Детишки у них, наверное, не кормлены, да и на работу раненько подыматься. Отпускай их.

— Ладно. В тюряге икру красную дают?

— Не встречал.

— Тогда я на всякий случай пару бутербродов подрежу и отваливаем.

***

Половину первого этажа пятиэтажного здания гостиницы «Березовая роща» занимал ресторан. Вторую — номер люкс с бассейном, тремя спальнями и просторным залом с кожаными диванами, который предназначался для встречи самых знатных гостей директора ГОКа. Без его личного разрешения туда никого не селили. Теперь в нем жил Эдька.

Святой отворил влажную дверь сауны и прямо в одежде вошел туда. В бассейне, прикрыв глаза, тащился Женька.

— Здорово, бродяга, волокешься?

— Ништяк — медленно вдохнул Беспалый и на несколько секунд утонул.

— Фу-у — вынырнул он и довольно оскалился — раньше здесь одни тузы плескались, а теперь вот моя синяя шкура отмокает. Ты чем это интересно Разина напутал, что он тебя в этот номер запустил?

— Директор ГОКа в отпуске пока, вернется, надо будет плотно им заняться, а это Эдька начальника жилищно-коммунальной службы вместе с креслом в окно выкинул.

— В натуре?!

— Че, не веришь что ли?

— Расскажи, а?

— С Сэвой и Корешом зашел к нему, а Эдька ведь простой, как три рубля, сам знаешь и говорит: «Пусти в люкс пожить».

— А он?

— А он собакой цепной у Разина служит и вместо того, чтобы удовлетворить Эдькину просьбу, решил катапультироваться.

— В ментовку не лукнулся?

— Если бы ломанулся, то не купаться бы тебе в этой богадельне. Новости есть?

— Особых нет. Все путем. Вчера читинские барыги возле «Детского мира» дынями торговали, платить отказались. По сонникам Десяток ларек ихний разбомбил.

— Кто такой Десяток?

— Сэвы с Корешом приятель, молодой пацан, в школе с ними учился вместе. Он сейчас в зале, кстати, с пацанами видак крутит.

— Все?

— Нет. Буряты мясом торговали, тоже кобениться стали. Кореш им пол машины песка нашвырял, а так все ништяк. Надо бы нам, Олега, в Читу к Культурному сгонять, давно не были.

— Сегодня двадцатое, давай дней через пять?

— Годится.

— Айда пиво пить?

— Благодарю, я еще поныряю.

Даже сквозь затворенные двери стало слышно, как ржут над фильмом шпанюки.

— Ну ладно, я в кино, отмоешь грехи, вьползай. Братан, Агеев, Сэва и худощавый парнишка лет двадцати надрывались над Пьером Ришаром в «Уколе зонтиком».

— Ты Десяток?

— Я.

— Зовут как?

— Леха.

— Бухаешь, Леха?

— Да я не только бухаю. Я колюсь, траву курю, таблетки жру, короче все, как надо, а че?

— Давай тогда за знакомство накатим грамм по триста.

— Кого по триста, давай по пятьсот? Агей оглянулся на знакомый голос.

— Привет, Олега, базар есть — он вместе с креслом развернулся.

— Здесь в кабаке девчонка одна моя знакомая официанткой работает. Молоденькая, белобрысая такая, Риткой звать. Ночью вчера после смены домой топала и у Дома пионеров на нее мужик налетел. В кусты затащил, избил и изнасиловал. Всю одежду на ней изорвал и искусал, словно пес бешеный.

— Как искусал?

— Зубами, за попку, за ляжки.

— Похоже, в нашей деревне маньяк объявился. Кто это был, неужели не запомнила?

— По-моему узнала, только боится говорить.

— Она сейчас где?

— На работе.

— Давай, Андрюха, тащи ее сюда. Дело серьезное, так не оставишь, а то этот ублюдок еще кого-нибудь изнасилует да убьет.

Агей смылся и минут через десять вернулся с официанткой. Полчаса девчонка размазывала по пухлым щекам тушь с ресниц и сопли, но в оконцовке сказала, кто это был.

Из бассейна укутанный в махровую банную простынь пришел Женька и развалившись по креслу, распечатал бутылку сухого вина.

— Пацаны где?

— Уехали за одним уебком.

— А эта рева что здесь делает?

— Сейчас узнаешь.

Обернулись пацаны шустро. Не успел Беспалый вытянуть и половину бутылки, как под окнами люкса лихо визгнули тормоза легковушки, и Эдик с Агеевым втащили в номер упирающегося хозяина «Фантика», подпинываемого сзади Корешом и Сэвой. Увидев Ритку, чернявый покрылся испариной и сразу переехал сопротивляться.

— Тебя как мать нарекла, урод?

— Владимир — зазаикался барыга.

— Ты маньяк что ли, Володя?

— Нет.

— Изнасиловал девчонку, испугал, платье изорвал. Наклонности странные, если считаешь себя психически здоровым человеком. Ты ведь богатенький, мог бы и купить себе девочку для утех, а ты караулишь людей по ночам в кустах. Жену твою, Владимир, если вот таким образом кто-нибудь напугает, нормально будет?

Трясущимися руками тот мял бледное лицо.

— Черт попугал, больше такого не случится.

— Ясно море, что не повторится, а то башку тебе снесем, коза противная. В милицию Ритка не пойдет, уродина, семью твою жалко, а тридцать тысяч ты ей завтра на работу занеси, договорились?

Не веря, что так легко отделался, чернявый встрепенулся и лихорадочно зашарил по карманам.

— Столько у меня и с собой имеется, вот, — выудил он из брюк деньги. — На, Рита, тут сорок две тысячи. Завтра я тебе еще дам, платье новое купишь. Извини меня, пожалуйста — замялся он и едва слышно выдавил — не говори только жене моей.

— Зря ты его пожалел — когда официантка с чернявым ушли, врубил видак Эдька — надо было ему, ублюдку, штук сто выписать. Добренький ты, оно и понятно, кто она тебе.

— Не газуй, братан. Когда базарили, покраснел он, значит, совесть еще не потерял.

— Олега, я тебе не нужен?

— Нет, Андрюха, собрался куда?

— В «Кристалл» сбегаю, поглазею на народ и дельце одно проверну. Сегодня там взрывники с карьера премиальные обмывают, может что обломится.

— Давай здесь забухаем? — оторвался от телевизора Эдик — Десяток, волоки с холодильника шампанское, пива с морозилки захвати.

— Я не пить, Эдька — взял со стола тряпочную салфетку Агей и принялся протирать туфли — взрывчатки может, выцыганю. Ладно, братва, до завтра. «Толковый парняга» — улыбнулся Святой.

— Кореш, стучится кто-то, посмотри.

Это пришла с ресторана Ритка.

— Олег, там с Читы парни какие-то приехали, тебя спрашивают или Женьку.

— Много их?

— Трое.

— Спасибо, Рита, скажи им сейчас подойду. В нише у эстрады пили пиво приезжие, и одного из них Олег узнал сразу и издали.

— Привет, Нугзар.

Тот, как настоящий мафиози, обнял Святого и поцеловал его в щеку.

— Здорово, шпана — обнял он по очереди Эдика и Беспалого — как поживаете?

— Ништяк — ответил Женька — вы мимоходом, в гости или по делу?

— Культурный прислал — сделал серьезную мину Секретарь — дыбануть, чем дышите, и узнать в чем нуждаетесь. Да и пора бы вам в «Лотос» наведаться, сам Пал Палыч прибежать в Первомайск не может, у него административный надзор еще не кончился. — вынул из нажопного кармашка записную книжечку Нугзар и щелкнув кнопкой шариковой ручки, приготовился писать.

— Помощь нужна?

— Финансовая? — усмехнулся его деловитости Олег.

— Нет, только физическая, с денежками сами крутитесь. Магазины обложили, надеюсь?

— Обложили.

— Платят?

— Куда они денутся.

— Кооператив, говорят, у вас в поселке большой есть, «Юникс», с ним как?

— Худо. Не боится председатель этой лавочки ни черта, ни бога — плеснул себе в бокал напитка Святой — пробовали зимой его качать, сразу в ментовку улетел. Холеная рожа Секретаря скривилась.

— Вот видишь, а говоришь — помощь не нужна. Давай я с Читы косачей своих отправлю, они вашему барыге махом полную квартиру гранат нашвыряют, другие посговорчивей будут.

— Благодарю, Нугзар, сами управимся. Культурному передай, что двадцать пятого нарисуемся, а пока гулеваньте. Башлять не надо, за все уплачено на сто лет вперед. Устанете — в соседнем подъезде гостиница. На первом этаже справа от входа в люксе братан мой живет, можете у него остановиться. С утра он вам Первомайск покажет, в общем все, чем заинтересуетесь.

Через полчаса в кабинете директора кабака дым стоял коромыслом.

— Пусть читинцы с «Юниксом» возюкаются — щелкал кедровые орешки Женька — нам он пока не по зубам…

— Пора за них взяться — перебил его Ветерок — я Манто одной злостью удавлю, блядину. Святой, не отдавай Культурному «Юникс». Если они сами его подомнут, то и дальше от него греться будут, нас пустят по борту, вот увидишь.

— Слушай, Олега — наколачивал гильзу от папиросы гашишем Слепой — Пал Палычу ведь, в натуре, наш поселок до фени, он башкой своей плешивой тряхнет и Манто действительно в хату гранаты полетят, а живет он в пятиэтажном доме. Питается дом газом и если одну квартиру рвануть, то вся коробка может взлететь. Хошь не хошь, а придется «Юникс» самим потрошить. Да и в Чите могут подумать, что мы тут сопли жуем и без них ничего не можем.

— Опять он, овца, к легавым ломанется, а у него с ними по ходу все ништяк. Цистерну спирта он две недели назад с востока притаранил и уже торгует им. Я бутылочку купил и в шилкинскую санэпидемстанцию свозил. Там сказали, что спирт технический и для употребления не годится. Тогда я к Манто подкатил, давай говорю прибылью делиться. Он мне ответил, что уже делится, с кем считает нужным. Не боится короче, чувствует себя под защитой, но чьей? С уголовниками не контачит, значит, на ментов надеется.

— Тем более мякнуть его нужно.

— Нужно-то нужно, Леха, но надо, чтобы в этом вопросе мы единодушны были, а то — один в лес, другой по дрова. Кто как соображает?

К двенадцати ночи судьба председателя «Юникса» была решена. Два дня дал Святой Косте, чтобы он выследил Манто и выбрал удобное место для убийства.

В то время, как подельники из кабинета повалили в люкс, Андрюха подливал взрывникам в «Кристалле».

— Выручайте, мужики. Брательник старший на севере Бурятии живет, в тайге. Охотится, рыбачит. Подгоните динамита маленько, рыбу глушить?

— За мешок взрывчатки, пять детонаторов и два метра бикфордова шнура — ящик водки, потянет? — предложил бригадир взрывников.

— А в мешке, сколько этой бяки?

— Сорок килограммов.

— Годится. Два мешка беру. Водка у меня дома стоит, куда, когда и кому ее подвести?

— Склады ГОКовские знаешь?

— Это которые за поселком по дороге в Шилку?

— Они. Завтра к обеду подкатывай, только один и на тачке, у нас транспорта нет.

Обедать почти всегда собирались в «Кристалле». У кого были какие проблемы, к двенадцати подтягивались туда, знали, что Олег будет там. Братья баловались шампанским и слушали деловито уничтожавшего отбивную Воробьева.

— Книгу амбарную завел и все туда записываю: приход, расход. Все, как положено. Магазин продуктовый, за твоим домом который стоит, знаешь?

— Каждый день в окно на него любуюсь.

— Директорша его выкупила, теперь магазин частный, чуешь? На базу ОРСа навезли три тонны импортного шоколада и сто тонн французского мяса, как бы все это на сторону не ушло.

— Не уйдет. Завтра утром ко мне забежишь, я тут кое-что придумал.

— Ясненько — встал Санька, собираясь уходить — с тобой председатель моей артели желает познакомиться и еще один мужик с управления ГОКа. Я пообещал ему, что завтра вас столкну?

— Столкни, раз такое дело.

— Агея не видел?

— Нет — соврал Святой и посмотрел на бело-золотистый циферблат «Ориента». Часа полтора назад Андрюха с Ветерком погрузили в тачку два ящика перцовки и улетели за взрывчаткой — увидишь, привет передавай.

Только упылил Воробей, приехали Леха с Агеем.

— Все ништяк. Сто килограммов взрывчатки, десять детонаторов и метра три бикфордова шнура взяла. На даче у меня притырили — Ветерок прямо с горлышка хлебнул шампанского — нужно перетащить в место ненадежней. У меня сам знаешь, чуть кипишь какой, сразу шмонать станут.

— Завтра перевезем. Садитесь, похрястайте и к начальнику ОРСа в гости двинем. Пора его, толстопузого, за окорока брать.

На стоянке машин, возле четырехэтажки завкома красовалась красная «Королла» с левым рулем. Номера на ней болтались первомайские.

— Ух, ты! — присвистнул Олег — красотка! Чья это интересно лайба, не в курсе?

— Не догадываешься?

— Ковалева что ли?

— Его, голубчика — подтвердил Андрюха — начальник ОРСа все — таки, шишка, на «Жигулях» ездить стремно.

— А так сразу видно, что ворует — и ладно. Нашим легче — с таким дядей дело иметь.

В кабинет Ковалева Святой вошел с Агеем.

— Никого к начальнику не впускай, пока я не разрешу — приказал Эдик секретарше и по-хозяйски устроился в мягком глубоком кресле.

— Ты что это тут командуешь?

— Заткнись, настроения базарить нет.

— Я сейчас милицию вызову, грубиян — потянулась она к телефону, но под тяжелым Эдькиным взглядом передумала и выдвинув верхний ящичек письменного стола, покопалась в нем.

— Сигаретой угости?

— Вечером в ресторане.

— Я замужем.

— Как хочешь.

Леха ушел к жене, которая работал в этом же здании на первом этаже в кассе управления, а в светлом просторном кабинете Ковалева обкрадывали и без того небогатый люд поселка.

— Добрый день, Юрий Викторович. Мы — уголовники. Объясняю, зачем мы к вам пожаловали. Вы — начальник ОРСа, значит должны воровать, а если я угадал, то давайте делиться с нами. Не будете, то может так случиться, что вас ограбят или хуже того убьют. Как вам мое предложение?

Видно было, что от такой откровенности Ковалев слегка опешил, но только слегка. Прикрыв ладонью большую часть мясистого лица, чтобы Олег не видел его бегающих глаз, Юрий Викторович думал.

— Почему вы собственно решили, что я — вор?

— Вы это и не скрываете.

— Да?

— На «Королле» катаете, Юрий Викторович. Простому смертному такую ни в жисть не взять. Что вы при деньгах видно сразу, а впрочем, может я и ошибаюсь, так что, если вы человек честный, увольняйтесь. На ваше место сядет другой, с ним договоримся.

— Подумать можно?

— О чем, Юрий Викторович?

— Действительно о чем? — вытряхнул он из коробки «Мальборо» сигарету — не боитесь, что я в милицию обращусь?

— Пожалуйста, ваше дело. Только предупреждаю и очень серьезно, если такое произойдет, то мы вас убьем.

— Пошутил я, пошутил — поднял вверх руки Ковалев — но понимаешь, Олег, если я и занимаюсь какими-то махинациями, то не один и вот так прямо тебе сказать, что я ворюга просто не могу, понимаешь?

— Конечно. Мне и не нужно знать механизм ваших темных дел. То, что вы себе накручиваете, пусть будет вашим, но с базы ОРСа без моего ведома ничего налево уплывать не должно. Я имею в виду дефицитные товары. У меня, как и в вашей структуре есть начальник коммерции, Воробьев его фамилия, знаете такого?

— Что-то слышал. Он случайно не у Шатрова в старательской

артели коммерческим директором работает?

— Вот он завтра к вам и заглянет. Проинформируете его, что у вас имеется на базе такого, на чем можно руки погреть и не бойтесь его. Что он вам предложит или наоборот отберет, это от моего имени. Этот парень — кивнул Святой на Андрюху — мой друг. Может один, может с Воробьевым к вам наведываться будет, вы уж его впускайте.

Без пяти три жигуль стоял у служебного входа в большой продовольственный магазин.

— Вот директорша шагает, — показал на нее пальцем Агей — не опаздывает с обеда, а может просто ключ продавцам не доверяет. Матерая тетка — протянул он с некоторым уважением — интересно, как она себя вести будет.

— Пошли, Ветерок, со мной, а вы, гаврики, в тачке посидите — вылез из-за баранки Олег.

Валентине Антоновне было чуть за пятьдесят, но выглядела она моложаво. Отпахав в торговле двадцать пять лет, она знала все ходы и выходы в этой мутной воде и предполагала, что организованная преступность рано или поздно дотянется до нее, так что появление Святого, о котором она была наслышана, нисколько ее не удивило и на его предложение сотрудничать, директорша сразу согласилась.

— Извини, Валентина Антоновна, что я прямой, как дуга и вот так, без обидняков, тебе под шкуру залез. Просто взрослые мы с вами уже люди и я думаю незачем мне по ночам в вашем магазине витрины колотить и так поймем друг друга.

— Правильно, — выключила она кофейник и достала из маленького холодильника торт. — сама выпекла, не магазинский. Почаюйте со мной?

— Спасибо, Антоновна, торопимся, но с вами можно, наливайте. Сторож у вас есть?

— Зачем он мне?

— Теперь будет. Вот этот парняга подойдет?

— Да не нужен мне охранник.

— Мне нужен, будете ему платить официально по ведомости пятьдесят тысяч в месяц и помимо этого еще кое-какие услуги оказывать, но это уже так, мелочи.

— Согласна я, Олег, и платить, и на мелочи ваши, но все же от сторожа твоего уволь.

— Не хотите значит мои глаза и уши в своей вотчине иметь, ладно, уважим. Жалобы, предложения есть?

— Ты как на партийном собрании, — поддержала его тон директорша. — Представь себе просьба есть.

— Просите, поможем, чем сможем, — заурчал желудок,

требуя торта, и он широким лезвием обломанного ножа нырнул в отпотевшую картонную коробку.

— Магазин у меня теперь частный, — помешала в стакане кофе Валентина Антоновна и подала Святому, — и Ковалев перестал нам с базы ОРСа товар выделять.

— Можете не продолжать. Решаема проблема, но сами понимаете, не за даром.

— Естественно, всем жить надо!

— На базе мясо французское есть и шоколад то ли голландский, то ли шведский, возьмете?

— Боже мой, конечно, но не даст, жмот, скорее удавится. Я у него была намедни, говорит, что мясо только для детских садов и школы держит — приказ Разина. Хотела ему в лапу дать, не берет, боится.

— Сколько мяса нужно? — вытер детским полотенцем он ладонь правой руки.

— Холодильные камеры у нас вместительные, так что пять тонн приму сразу.

— Посидите тихо. — Олег пододвинул к себе захудалый телефонишко и набрал номер начальника ОРСа. — Юрий Викторович, это я, по голосу меня узнаете? Завтра утречком к вам подойдет директор продмага номер восемнадцать, выпишите ей пять тонн мяса.

— Импортного, — прошептала Антоновна.

— Французского, а я вечером домой к вам заеду и все растолкую, добро? Вот и хорошо, — опустил он трубку на рычаг, — а вы говорите не берет, плохо давали.

— Помоложе была, давала конечно получше, — расхохоталась директорша. — Про шоколад ты конечно забыл?

— Даст и шоколад, выбейте от моего имени. Теперь, Валентина Антоновна, любой дефицит с базы будет идти через ваш магазин. Мясо получите по девяносто рублей за килограмм, продавать будете не дороже двухсот, чтобы покупателям не туго было. Прибыль делим на троих. Вам, мне и дяденьке, которому я сейчас звонил. Весь товар, что он выделит должен уплывать таким же образом, схема расчета та же, потянет?

— Если гы знал, Олег, как меня выручил.

— Умная вы женщина, приятно будет с вами работать, — встал с табурета Святой. — Дальше мутить с вами будет мой человек, Воробьев его фамилия.

— Сашка? Знаю я его, сопляка, в люди значит выбился. Не похож он честно говоря на мафиози.

— Он и не бандит, Антоновна. Он простои коммерсант, делает звонкую монету.

— Для мафии.

— Проницательная вы дама, все видите. До свидания, понадоблюсь, найдете через Леху.

Прохладный и порывистый, но еще не очень злой ветер за заляпанными красной стеклами серого, даже после недавней побелки кабинета, срывал с тополей последние желто-багровые листья и гнал их к покосившемуся забору воинской части. ”Надо взбучить уборщицу за то, что не вымыла окно», — подушечкой большого пальца Шатров по диагонали провел по стеклу. Пятнышки краски размазались. «Масляная, если в коридоре панели такой же выкрасили, то, наверное, рукав плаща уделал…»

— Николай Иваныч!

Он вздрогнул и обернулся.

— Прости, милай. Вчерась ребята поздно закончили с ремонтом и я, грешная, не успела здесь прибраться.

— Ничего, тетя Зина, ничего. Я через час уйду, вот ты и наведешь тут порядок. Волоча за собой швабру, техничка, шлепая шлепками, пошла. «Кажется в бухгалтерию, никак ее отругать не могу. Правильно супруга говорит, что я бесхарактерный». Шатров выпил таблетку «ношпы» от покалываний в печени и заходил заложив руки за спину по кабинету. Он понимал, что раз сидит на золоте, то встреча с мафией неизбежна, поэтому сам искал сильного человека из среды организованной преступности, на которого можно было бы опереться в случае опасности. Обращаться в милицию по его мнению было бесполезно, в законодательстве были не трещины, а дыры, в которые лезли нахрапистые уголовники. Политическая обстановка в стране тоже им благоприятствовала. За свою безопасность нужно было платить. «Воробьев где-то запропастился.» Тот как-будто услышал своего начальника и без стука отворил дверь.

— Доброе утро, Николай Иваныч, — пожал он его сухую полную ладонь. — Болеешь что ли?

— Здравствуй, Саша, весной и осенью вот печень пошаливает, страсть как больно, но ерунда это. Вы, если не ошибаюсь, Иконников Олег? Он кивнул в ответ и сел в кресло Шатрова.

— Один на один поговорим?

— Это как вам будет удобней.

— От чашечки кофе надеюсь не откажетесь? Вот и хорошо, — Иваныч вынул из дипломата стеклянную баночку кофе и подал Воробью. — В бухгалтерии у женщин чайник электрический есть, сходи завари. Только им не отсыпай, кофе эфиопский, по великому блату Разин в Москве доставал.

— Вы близко знакомы с Разиным? — перестал бессмысленно чертить в календаре Святой.

— Намного ближе, чем мы предполагаешь, — и подождав, пока из кабинета выйдет Воробьев, продолжил. — Реальная сила в Первомайске — не председатель поссовета, а директор ГОКа. Он хозяин поселка и администрация, и даже милиция почти беспрекословно выполняют его приказы и артель эта, которой вроде я руковожу, тоже фактически принадлежит ему. Он учредитель «Бирюзы», но похоже, что не один, потому что тщательно скрывает от меня кое-какие документы.

— Все тайны мне выкладываете, с чего бы это, Николай Иванович?

— Есть у меня на это причины и одна из них то, что уголовники не его потрошить станут, а в первую очередь меня. Везде он в стороне, хитрый. Сведу я тебя с ним, сам увидишь, — закурил Шатров и предложил Олегу.

— Спасибо, я не курю.

— Откровенен я перед тобой и поэтому надеюсь, что о чем мы сейчас толкуем, Разин не пронюхает.

— Много потеряете?

— Да нет, прибылью он со мной делиться не собирается, жадный очень.

— А много ее, прибыли?

— Достаточно. Мне он выдает зарплату, а вот себе отхватывает прилично.

— Николай Иванович, что-то ты не договариваешь, не могу ухватить логики?

Председагель «Бирюзы» поправил пышные под картофелиной носа усы и выложил.

— Я тебя буду держать в курсе всех финансовых дел артели. Бухгалтерские книги и отчеты, пожалуйста, в любое время дня и ночи. Сколько Разин будет забирагь и когда, я тебе тоже буду сообщать. Ты с него будешь давить какую-то сумму и двадцать процентов мне давать.

— Годится.

— И еще, если Владимир Иваныч вдруг решит меня уволить, то ты не позволишь ему это сделать. Пока я буду председателем артели, тебе будет выгодно.

— Договорились, Николай Иваныч. Расскажите о себе немножко, кто вы, откуда?

— Сорок три года мне, родился здесь, в Первомайске. Женат, двое детишек. Работал трактористом до прошлого года…

— Кем?

— Трактористом.

— Образование у вас есть?

— Восемь классов и ПТУ.

Теперь Святому стало все понято.

— Иваныч…

Прервал его отворивший ногой входную дверь Санька с подносом в руках.

— Не помешал?

— Входи, мы почти закончили, — сдвинул на край стола бумаги Шатров, освобождая место для подноса. — Олег, ты что-то хотел сказать?

— Предложение у меня к вам есть простенькое. На базу ОРСа шоколад импортный пришел, вы выдаете из кассы артели миллион своему заму.

— Воробьеву?

— Ему, в подотчет конечно. Он на эти деньги выкупит шоколад и скинет его по своим каналам. Через месяц «бабки» вернет, прибыль пополам, — Святой поставил на поднос обжигающую пальцы чащечку.

Криминала в этой ситуации не было и Иваныч согласился.

— С Разиным, Николай Иваныч, сводить меня не надо и лучше не говорите ему, что контактировали со мной. Как бы он не заподозрил, что мы с вами подружились, а я сам как-нибудь ему под шкуру залезу.

— Сомневаюсь я, что он тебя без чьей-либо рекомендации подпустит к себе.

— Мне протеже и не нужны. Я уголовник, приду без приглашения и возьму за горло, вот и все.

Когда вышли на улицу, Воробей усадил его на припорошенную листьями лавочку.

— Ковалев плотно завязан с одним коммерсантом из Читы, Миша Шаргин, не слыхал про такого?

— Не доводилось.

— У Ковалева заместитель есть. Меркулова Альбина Михайловна. Вот через нее он летом этому барыге вагон водки по государственной цене спулил, а Шаргин Юрию Викторовичу за это две «Короллы» подарил. На одной он сам ездит, а на второй сыночек Разина, Меркулова тоже по-моему в накладе не осталась.

— Понятненько. Ты сейчас чем занимаешься?

— Час свободный есть.

— Вчера Агей взрывчатку в ГОКе вымутил, она на даче у «Ветерка» лежит. Может у тебя есть куда ее пристроить?

Санька сморщил узкий лоб, перебирая в памяти друзей.

— Есть такой. Наш, первомайский парень, Вовка Якушев. Я с ним в школе вместе учился. Брат у него на краю поселка в своем доме живет, место надежное. — Ты ручаешься, что все тихо будет?

— Я в нем уверен, как в самом себе.

«Ориент» Олега показывал одиннадцать, когда два бумажных мешка с динамитом перевели с Лехиной дачи на новое место хранения. Условились словиться в шесть часов вечера в люксе и разбежались, после чего Святой забрал в гостинице Эдика и газанул к начальнику ОРСа. Ковалев встретил братьев словно любимых родственников, которых давно не видел.

— Здравствуйте, ребятки, садитесь, — нажал он на телефоне красную кнопочку. — Алена, ты меня слышишь?

— Что хотели, Юрий Викторович?

— Никого ко мне не впускай, а еще лучше говори всем, что меня нет и чайка горячего и покрепче сделай. Гости у меня такие, что не пьют и даже не курят, лимон не забудь. Аленушка. — вернул он кнопку в прежнее положение. — Хороша девчонка, женился бы, но слаба на передок Аленушка. Как приметит парня симпатичного, хлоп на спину и ноги рогаткой.

— Она мне сказала, что замужем.

— Врет, Эдик, врет. Проси лучше, а хочешь я ей прикажу и она с тобой переспит?

— Не надо, сам справлюсь.

— Юрий Викторович, просвети меня, темного, что там у вас за история получилась с вагоном водки?

— Какая водка?

— Лето, Шургин, Меркулова…

— А-а, вспомнил. Ничего особенного. Я ему вагон водки по госцене, он мне две иномарки. Одну я Разину по дешевке продал.

— Я знаю так, что не продали, а отдали?

— Ну отдал, Олег, отдал, а что делать, если он просит. Не дашь, уволит. Вот, хапуга, задушил паразит совсем, веришь? Уеду, брошу все к чертовой матери и уеду. Жена у меня в Москве и сын, — слегка побледнел он, вспомнив недалекое прошлое.

— А что вы здесь на периферии забыли?

— Не угодил в столице кому-то, сам не пойму кому. Сослали вот на пять лет.

— Сочувствую. Разину нужно отстегивать, в Москву, себе что-то на черный день отложить, да тут еще мафия на шею подсела. Не позавидуешь вам конечно, но что поделаешь, не мы такие, жизнь такая и все же, Юрий Викторович, как с вагоном быть. Все на нем поимели кроме меня.

— Олег, я тебя в то время не знал, теперь с таких дел и ты иметь будешь.

— Ладно, договорились. Сколько вы уже у нас в поселке годиков воруете?

— Олег, потише пожалуйста, услышит не дай бог кто. Три

года почти.

— Значит два года осталось?

— Два.

— Это хорошо. С восемнадцатого магазина директоша приходила?

— Антоновна? Была, все чики-брики.

— Воробьев забежит завтра наверное. Шоколад ему отдашь с базы.

— Все что ли?

— Весь.

— Олег, оставь хоть полтонны?

— Оставляю, куда он вам?

— Шургину, можно мне с ним мутить?

— Валяй, только нас не забывай.

Посте шатровского вонючего эфиопского кофе пили вкусный и родной крепкий грузинский чай с лимоном и даже с «Птичьим молоком». Попрощались с гостеприимным хозяином так же, как и встретились, как родственники.

В коридоре Святого караулила Меркулова, узнавшая от секретарши Ковалева, что в кабинете у него братья Иконниковы.

— Здравствуете, мальчики, — бесцеремонно взяла она под руку Олега. — Прошу ко мне на чашечку кофе.

— Спасибо, Альбина Михайловна, — попробовал он освободиться от ее цепкой хватки. — Во-первых, мы с вами не знакомы, а во-вторых, нахлебались этой дряни уже по горло.

— Ничего страшного, — буквально втолкнула Меркулова старшего брата в открытые двери своего кабинета. — Девчонки, на минутку оставьте нас.

Две девчонки лет по сорок послушно встали и выполнили просьбу начальницы.

— Не желаете кофе? Вот и хорошо, у меня все равно он кончился. Присаживайтесь, братики. — она проверил перед зеркалом, висевшем на двери, ладно ли сидит на голове парик и кокетливо подмигнула Святому. — Вот какое у меня к тебе дело, вернее к вам. Увольняюсь я от Ковалева и кооператив создаю торговый. Юрий Викторович на меня конечно зол до ужаса. Помогите мне помещение под склады и магазин выбить, без вашей помощи не получится, ведь я теперь со своим кооперативом, как бельмо на глазах Ковалева буду. Сами понимаете, ему это не выгодно и он попытается меня сожрать. Вы — мне, я — вам, нормальная схема?

— Альбина Михайловна, — подивился ее напористости Олег, — с чего вы взяли, что мы разбойники?

— Мафиози, так точнее будет.

— Ну ладно мафиози?

— Земля слухом полнится.

— Понятно. Когда увольняетесь?

— От вас зависит.

— Даже так?

— Да.

— Тогда в долгий ящик откладывать не будем, — он снял с телефона трубку и набрал номер офиса председателя «Бирюзы». — Алло, это я. Узнали меня?

— Голос твой сразу запоминается, — чиркнули спичкой на том конце провода.

— Не успели толком познакомиться, уже я к вам с просьбой. Мне нужно помещение большое, чтобы под коммерческий магазин и одновременно под склады потянуло?

— Лично тебе?

— Не важно кому, прошу я.

— Я с этого иметь буду?

— Обязательно.

— Имеется такое, — вновь чиркнула у потухшей сигареты спичка. — Бывший компьютерный клуб подойдет?

— Секундочку, — зажал ладонью трубку Святой. — Альбина Михайловна, какой-то бывший компьютерный клуб потянет?

— Конечно, Олежа.

— Подойдет, Иваныч, а кому он принадлежит?

— Артели.

— Он у вас пустует, так и понял?

— Совершенно верно.

— Клуб — собственность «Бирюзы»?

— Нет, в аренду мы его взяли на два года.

— Ага, значит артель за него платит администрации поселка. Пускай так все и остается. Кооператив, который в клубе обоснуется за аренду помещения будет отстегивать лично в твой карман, годится?

— Спасибо, Олег.

— Не за что, Николай Иваныч, ты — мне, я — тебе.

— Высший пилотаж, — когда он положил трубку на аппарат, восхитилась Меркулова, — а еще говоришь не мафиози. Юрий Викторович облезет, бедненький, когда завтра я ему заявление об уходе на стол полежу.

На стоянке у тачки их поджидал Ветерок.

— Привет, братаны, где были?

— У начальника ОРСа, — встряхнул расправляя дужки очками Эдик и водрузил их на переносицу. — Потом у Меркуловой, ты что здесь делаешь?

— Не знаю, чем заняться, у жены в кассе сидел.

— Поехали с нами в «Кристалл», похрястаешь, а затем в бильярдную, поучу вас шары катать — Ты нас?

— Олега, что с тобой? — тревожно закрутил Эдька башкой, сдернув очки. — Мужичка вон того видишь?

— У которого кепка на затылке?

— Никого он тебе не напоминает?

— Нет.

— А мне причудился тесть мой, покойничек. Когда он с работы домой возвращался, теща по кепке определяла трезвый он или под хмельком. Если кепка на макушке, то трезвый, если натянута на брови — бухой. Ох, Михалыч, Михалыч, путевый был мужик, пусть земля тебе будет пухом.

— Леха, на даче порядок? — увел старшего брата от прошлой жизни Эдик.

— Ништяк, а че?

— Чушечки растут?

— А-а, вон ты че, волчара. Подожди, скоро сало выпрашивать у меня будешь. Ближе к шести вечера Святой взял у брата ключ от «люкса» и оставив его с «Ветерком» в бильярдной, уехал. После сауны он почти час просидел в бассейне и вытащил его оттуда пришедший Воробьев, который припер с собой маленького толстого, словно дыня, рыхлого мужичишку.

— Он начальником транспортного отдела в управлении работает, очень хотел твою персону повидать. Мне не говорит зачем.

Когда остались вдвоем, Олег услышал зачем понадобился этому толстяку.

— Разин «БЕЛАЗы» для карьера у государства покупает по два миллиона триста тысяч за штуку, а затем через филиал нашего ГОКа, что находится в Белореченске, сплавляет их в Китай.

— Кто у Разина своей человек в филиале?

— Начальник тамошнего снабжения.

— Дальше.

— На каждой машине Владимир Иваныч по моим подсчетам наваривает примерно двадцать миллионов. Ни с кем не делится, это точно.

— Даже с Москвой?

— Вот этого честно говоря не знаю, я имею ввиду здесь, в поселке, вернее в ГОКе. Пока он в отпуске, я хотел один «БЕЛАЗ» перепродать, но ему кто-то брякнул в Сочи и сегодня после обеда Разин нарисовался. Чуть живому мне сердца не выдрал — где «БЕЛАЗ»? Пришлось вернуть. Мне за эту информацию ничего не надо, просто ненавижу я «тятю». Растребуши его и мы в расчете.

— Сейчас он значит в Первомайске?

— Нет, уехал только что в Читу. Самолет у нею ночью на море Черное.

***

Словно предчувствуя, что сегодня произойдет трагедия, золотистая забайкальская погода буртовала над поселком синие темные грозовые облака. Но небо пока не плакало по будущеи жертве и привязав к желтой красавице-березке под кухонным окном сенбернара, Игореха гонял с пацанвой в футбол. Поглаживая собаку, Святой смотрел за сыном и внимательно слушал Костю, который вместо двух, четыре дня пас председателя «Юникса».

— Вроде все просчитал. Вариант такой. Манто гараж купить желанием горит, поднакопил, видимо деньжат, барбос, и объявление в «Шилкинской правде» поместил соответствующее. Заманим его в гаражный кооператив по улице Дружбы и там застрелим или в багажник и в карьер. Вот два патрона, — выудил он из нагрудного кармашка капроновые гильзы, — картечью забил самодельной, после такого гостинца не то что человек, животина ни она не выживет.

— Обрез, тот, из которого я под Хилком в лесу шмалял у кого хранится?

— У Лехи.

— Воткнешь эти «маслята» в него и ровно в десять, чтобы у меня был.

— Яволь.

— Сейчас дойди до Беспалого, пускай вместе со Слепым тоже до моей хаты подтягиваются, но чуть пораньше. Ветерку я сам брякну. Рыжего разыщи, вторая «жига» пожалуй нужна будет. Игореха! За Линдой приглядывай, я к Эдьке схожу, а ты, голубь, что стоишь? Лети.

В десять у пятиэтажки, где жил Олег, уткнувшись друг в дружку капотами стояли две легковушки. В одной причесывал вечно торчащий после убийства милиционера чуб Вовка, в другой негромко переговаривались Леха, Слепой и Женька. В квартире Святого Костя набирал номер председателя «Юникса», рядом стояли братья.

— Добрый вечер, — поперхнулся Кот, когда услышал, что на том конце подняли трубку.

— Не киксуй, — погрозил ему кулаком Олег.

— Вы объявление в газете дали насчет гаража?

— Да, а в чем дело?

— Извиняюсь сразу. Понимаю, что сейчас уже поздно и вы наверное ко сну готовитесь, но дело в том, что я уезжаю ночным поездом из Первомайска и в срочном порядке продаю капитальный гараж. Поэтому у меня к вам просьба, если сможете, то прямо сейчас придите в гаражный кооператив по улице Дружбы, я вас возле сторожки буду ждать.

— Может на завтра отложим, ах, да вы ведь уезжаете. Где гараж расположен?

— Прямо напротив сторожки, очень удобно, у сторожа он всегда в поле зрения. Номер сто сорок второй, теплый, подполье есть, яма ремонтная, «Главное, что у сторожа на виду».

— Все, договорились, ждите, я выхожу. — в трубке запикали гудки отбоя. — Нина, прогуляемся?

Сожительница его приняла предложение без восторга. Полгода назад она бросила ради Манто не только мужа-инвалида, но еще и троих детей, всех несовершеннолетних и теперь, боясь людской молвы, старательно отсиживалась за наглухо запертыми дверьми хаты.

— Не хочется что-то, дождь вот-вот хлынет.

— Собираися, а то прокиснешь в этой конуре.

— Куда хоть скажи.

— Гараж посмотрим, а может и купим сразу.

— Поздно уже на улице…

— Одевайся, Нина, не каждый день у нас в поселке гаражи продают. Человек уезжает и срочно его сбулькивает. Воспользуемся случаем и заодно выторгуем тыщу-другую, а там глядишь и машину возьмем и квартиру новую. Надоело тебе в этой?

Сразу после звонка банда рванула в Комсомольский сквер, именно через него должен был пройти председатель «Юникса», другой дороги у него не было. Кто будет стрелять еще не решили. Ветерок с Эдиком присели в густых кустах акаций посредине сквера и наблюдали за асфальтированной тропинкой в ожидании, когда на ней покажется жертва. Минут пять спустя притопал запыхавшийся Костя.

— Я шмалять не могу, он с сожительницей идет, а она меня, как облупленного знает. Или обоих на тот свет отправим?

— Брату надо сказать, оставайтесь здесь, я скоро вернусь. — нырнул Эдик в темноту.

Слепой и Беспалый видели, как мимо них бесшумно скользнул Эдька и недоуменно переглянулись. Они ждали выстрела, после которого должны были блокировать любого, кто погонится за стрелявшим, но видно что-то случилось.

— Олега, он вниз прошел, но не один, с женой, что делать?

— Бабу валить не за что. Шлепай к пацанам, скажи, что все отменяется. Сторожка была заперта и свет в ней не горел, продавца тоже где-то не было.

‘«Минут пятнадцать можно и покурить,»- вытряхнул Манто из мятой пачки «Примы» сигаретку и пыхнул огоньком зажигалки.

— Дима, а что никого нет?

— Шут его знает.

— Гараж от нас далеко?

— Вот он, видишь, — ткнул перед собой светлячком сигареты Манто.

— Который?

— Сто сорок второй.

От прожектора, установленного на сторожке, падал на гаражи свет и прищурившись Нина произнесла.

— Тридцать восемь.

— Что?

— Это не сто сорок второй.

На враз онемевших ногах Димка пересек луч прожектора, распластанный на гравии, и под сердцем похолодело. На зеленых воротах белой эмалью было четко выведено — тридцать восемь. «Нужно позвонить в милицию, сторожка на замке, — запаниковал он. — Нина, домой, скорее» — сжал в кармане болоневой ветровки газовый баллончик, который как будто мог его выручить из беды.

В таких ситуациях страх не лучший советник, но сейчас именно он гнал назад домой председателя «Юникса». Левой рукой прихватив локоть сожительницы, а в вытащенной из кармана правой газовый баллончик, Димка подозрительно таращась на кусты Комсомольского сквера, двинул в обратный путь.

— Говорила я тебе сиди дома.

— Не скули, — оборвал он Нину, — и без тебя тошно. Извини, но мне и правда тошно.

Как сайгак, не разбирая дороги, ломился Эдик обратно к подельникам, у которых он оставил обрез, но самое главное обрез остался у Лехи, а у того не-заржавеет и двоих мякнуть. Брат Святого успел.

— Олега сказал — все откладывается, пошли, — почти вырвал он у Ветерка обрез.

— Куда пошли, стой ты, не понтуйся. Запланировали ведь и народу вокруг никого нет. Морду шарфом замотай и все дела или ты боишься? Давай тогда сюда шпалер.

— В бабу стрелять не буду.

— И не надо, кто тебя просит. Этому козлу шкуру продырявишь, а она, сто пудов, тебя не запомнит с перепугу. Тихо, вон они катят. Шагай, Эдька, че ты в натуре, — подтолкнул он нодельника в спину.

Манто сожительницей уже почти вышли из сквера на прилегающую к нему центральную улицу поселка и он облегченно вздохнув, отпустил локоть Нины и сунул баллончк опять в карман и в ту же секунду его окликнули.

— Дима?

Мужчина с женщиной обернулись одновременно. Чтобы не задеть жену председателя «Юникса», Эдька повел стволами чуть влево и нажал на курок. Манто отбросило метра на четыре, девять картечин попали прямо в сердце и с перебитой аорты на заметенный жухлыми листьями асфальт брызнула кровь и словно учуяв ее, низко висящее небо наконец-то обрушилось на подлую землю слезами, одновременно оплакивая жертву и замывая следы преступления.

Выстрел получился сухим и безликим. Кот напихал в гильзу поменьше пороха и побольше свинца и Святой услышал его только потому, что ждал. Первыми из кустов вывалились Леха и Костя, второй юркнул в тачку Рыжего и тот, как ошпаренный даванул на педаль газа. Ветерок довольно ухмылялся — план выполнили. Через несколько секунд после них из затрещавшей акации вынырнул братан и буквально упал на заднее сиденье машины рядом с Лехой.

— Видел как я его?

— Видел.

— Убил, как думаешь?

— Конечно, — снова ухмыльнулся Ветерок, — а ты че не заметил, как у него ноги подлетели?

— Когда? Картечь в председателя летела, а я уже рвал когти. Бабу не задел?

— Нет, не задел, кобылу.

Олег напряженно вслушивался в моросящую дождем ночь, после неожиданно погасших фонарей, ничего не было видно. Наконец прибежали Слепой и Женька.

— Шустрее, пацаны, — поторопил их Святой и когда они влезли в салон, рванул.

Вовчик в это время наоборот тормознул.

— Куда ты сейчас?

— Ворачиваюсь. Олега приказал дыбануть, что на месте убийства твориться будет.

— Ладно, до завтра, — хлопнул дверцей Кот и словно растворился в хлещущем ливне.

Жигули Святого неслись по опустевшим улицам Первомайска, как по автодрому.

— Слепой, возьми у Эдьки обрез, куда притырить — дело твое. Патроны из стволов вытащи и выкини, и пустой, и целый. Ты, Эдька, сразу ныряй в ванну. Вымойся тщательно и одежду всю замочи вместе с кроссовками, это на случай экспертизы. После такой пальбы ты весь в порохе. После того, как разбежимся, все алиби делайте, нас потянут обязательно.

Одна «Скорая» увезла труп Манто, в другую толкали носилки, на которых без сознания лежал пожилой пузатый дядька. После смены он прихватил с работы мешок комбикорма и когда заметил на дороге вооруженных милиционеров, притопил газульку своего старенького «Запорожца». Проскочить не удалось, автоматная очередь больно полоснула по радикулитной спине, но был он не при делах и наверное поэтому судьба оставила ему жизнь. Через пару месяцев дырки затянулись, и случай этот благотворно видимо подействовал на старика, он перестал воровать.

Сквозь лобовое стекло, заливаемое водопадом небес, ни хрена не было видать — стеклоочистители не успевали с ним бороться — и Рыжий рискнул подкатить поближе.

— Стоять! — сразу махнули ему жезлом. — А, это ты, че шаришься по такой погоде?

Из-под капюшона торчал один нос знакомого сотрудника милиции.

— Любопытство, что тут, авария?

— Нет, председателя «Юникса» шлепнули.

— Кто?

— Тот, кто нас не боится, отчаливай, а то и тебя сейчас заметут, всех хватаем. Эдик ушел с Беспалым. Слепой взяв под мышку обрез, завернутый в тряпку, вылез у дома Олега.

— До завтра, — попрощались подельники.

Ветерок погнал тачку в гараж, а Эдик тем временем старательно обливался шампунем в ванне у Женьки на квартире. Его старший брат тоже мылся.

— Ленка! Ты меня слышишь?

— Не кричи, слышу.

— Я сейчас домой шел, по улицам милиция шлындает, нездоровое движение по-моему. Может шпана что натворила. Ты на всякий случай имей ввиду, что мы с тобой с девяти до одиннадцати у Кости на хате были, слышишь?

— Слышу, слышу.

Взяли Святого в час ночи. В отделении милиции уже находились Беспалый и Леха. Перепуганный Секретарь, не ожидавший, что первомайские жулики заворачивают так круто,

тоже смолил в камере.

— Вы бы хоть предупредили, — нервно выплюнул он в парашу недокуренную «Мальборо», — я бы в Читу смылся.

— О чем тебя предупреждать?

Нугзар не ответил Олегу и натянув на черные кудри кожанку, скрючился на нарах.

— Женька, Эдик где?

— Когда меня легавые забирали, он как раз в туалете сидел. Они туда не заглянули, так что все ништяк, — так же шепотом откликнулся он.

— Секретарь, тебя где замели?

— В «Березовой роще».

— Не водись, через трое суток отпустят. Ну, а тебя, друг мой, Ветер, за какие грехи в эту сраную кадушку спрятали?

— Сам в толк никак не возьму. Двери чуть скоты не выбили и в гараж уперли..

— В чей?

— В мой, в чей же еще?

— Зачем?

— Проверяли, машина на месте или нет. На белой легковушке в Комсомольском сквере кто-то крутился, свидетели так базарят.

— Тачка в стойле была?

— А куда ей деться.

— Ничего добавить не хочешь?

— Нет.

«Отлично, не догадались, дуборезы, двигатель пощупать, а он тепленький еще был…»

— Иконников?

— Здесь я.

— Выходи, — лязгая решеткой, сержант выпустил его из душной камеры.

— Куда меня, не знаешь?

— Не разговаривать, лицом к стене, руки назад.

— Он, как страшно.

— Шагай давай, на второй этаж и моли всевышнего, чтобы тебя не арестовали.

— А если арестуют, что тогда?

— Тогда зубы золотые я тебе вышелушу, — показал сержан Святому здоровенный кулак.

— Тогда тоже молись, чтобы меня арестовали. Выпустят, обязательно выхлестку тебе зубы.

В кабинете начальника милиции на расставленных полукругом стульях сидели человек семь. Минут десять Святой

объяснял, где он находился в момент убийства Манто, после чего прокурор поселка Черноухов объявил ему, что по подозрению в совершении преступления, предусмотренного статьей сто второй, ему необходимо еще трое суток протирать штаны на нарах. Столько же получили Ветерок и Беспалый. В пять утра в камеру вошел Кот.

— Это что у тебя?

Костю чуточку поряхивало, в такой обстановке он оказался в своей жизни впервые.

— Вещи жена собрала.

— Она тебя че из дома выгнала?

— Нет, Олег Борисович, это в тюрьму.

— Ты что в тюрьму собрался, а за что?

— Начальник милиции, когда меня забирал, так Люсе и сказал, собери ему что-нибудь в тюрьму.

— Козел он, Костя, не верь ему. Среди легавых по-моему вообще людей порядочных нет, по крайней мере я таких еще не встречал. Ложись на свободные нары, а узелок под голову положь. Нагонят через трое суток, не переживай. Сынишку менты не напугали?

— Он у бабушки ночует.

— Предусмотрительно, — похвалил его Леха, — а вот у меня, суки, всех на ноги подняли.

— Закурить дайте? — вылез из под куртки Нугзар.

— Не спится на жестком? — бросил ему сигарету Женька. — Спички-то хоть есть?

— Нету.

— Лови. Дети у тебя есть?

— Есть, наверное, не знаю.

— Не женатый что ли?

— Че я дурак, пока так дают, — чиркнул он спичкой, — перестанут, женюсь. — Он глубоко затянулся вонючей «Примой» и с наслаждением выдохнул дым в закопченный потолок. — Твари бабы, мерзкие твари.

— Откуда это тебе известно? — поднялся со шконок Святой и скомкав непонятно откуда взявшуюся в хате «Забайкалку», залепил ей решку окна, дуло оттуда ощутимо и холодно.

— Ты по любви женился?

— Вопрос конечно интересный, — шутливо скорчил он рожу. — по любви, а что?

— А вот допустим изменит тебе супруга.

— Никогда.

— Не увиливай, я же говорю допустим, что тогда?

— Это от ситуации жизненной зависит. Если я на воле буду,

то разобраться надо. Может заблудилась баба, накосопорила по групости, а вот если я за решеткой буду баланду жрать, а она с кем-то целоваться в это время, то это уже конечно не глупость, а подлость, можно такое и предательством назвать. Тогда выход один, камень на шею и в прорубь.

— Себе?

— Мне-то за что? Ей.

— Вот поэтому я и свободен.

— Свободен, значит одинок. Все в мире нашем двояко, есть солнце и луна, день и ночь, черное и белое, хорошие мы и плохие. Моя жена кроме радости мне пока ничего не давала, а самое главное конечно это сын, Она его родила между прочим, а не я, так что свое предназначение на этом шарике она уже выполнила. У тебя сын есть?

— Нет.

— Поэтому ты и не знаешь, что такое счастье. Ответь мне, Нугзар, только не торопись, что ты видишь в девушке, объемно ответь.

Тот бросил обжигающий пальцы бычок под шконцы и расплылся в широкой улыбке.

— Ножки, задок, передок и грудь.

— Понятно, я в отличии от тебя не кобель, а муж, понимаешь? Нет? Тогда слушай:

предок у женщины в первую очередь для того, чтобы рожать детей, а грудь, чтобы их выкармливать, теперь понятно хоть чуть-чуть?

— Башковитый ты оказывается, — удивленно мотнул кудрями Секретарь. — Никогда о том, что ты сейчас говорил, не слышал раньше и естественно об этом не размышлял.

— Иконников, — прервал их базар, распахнувший дверь камеры, сержант, — на выход.

— Куда вы пацана в шесть утра дергаете?

— Тебя не спросили, — зыркнул из-под реденьких бровей на Беспалого дежурный. Место бывшего владельца этого кабинета, который в данное время работал у Ковалева начальником базы ОРСа, занимал ныне майор Алимов. По смуглому его лицу трудно было определить его национальность, но то что он был не русский, это точняк, русаков он не переваривал и когда сержант ввел Олега, первым вопросом Алимова был: — Русский?

— По паспорту вроде так.

— А на самом деле? — перестал листать разложенные на столе бумаги майор.

— Русь триста лет татары топтали.

— Было такое, — отмяк Алимов. — Где твой младший брат

Эдуард, а, Олег? «Татарин он что ли?»

— Не в курсе, гражданин начальник, а что очень нужен?

— В председателя «Юникса» стрелял парень ростом выше среднего, мы думаем не твой ли это братец?

— Не сочиняйте. Позвоните моей жене, она передаст Эдьке и я уверен, что он сразу придет.

— Думаешь явится?

— Конечно, прятаться от милиции ему не зачем.

— Ты случайно к этому убийству руку не приложил?

— Нет.

— Тогда может подскажешь, откуда ветер дует?

— Не знаю, но просто так людей не убивают.

Вечером в ментовку пришел Эдька и покачав его минут сорок, оперативники вообще потерялись, где шукать и кого, что докладывать высокому начальству.

— Хер его знает, — потер воспаленные глаза Алимов. — Опознание утром устроим и все, это последний шанс раскрыть преступление по горячим следам, которые смыл дождь.

На следующий день в шеренгу невыспавшихся подозреваемых пристроили троих молодых высоких, под стать Эдику, поселковых парней и будничным голосом Черноухов объявил.

— Сейчас будет проведено опознание, — высморкался в клетчатый носовой платочек прокурор. — Когда в кабинете будет находиться потерпевшая, прошу всех присутствующих соблюдать тишину. Абсолютно всех. — глянул он поверх стекляшек очков на милиционеров.

Отворились без скрипа двойные дермантиновые двери и робко, полубоком вошла сожительница Манто. Заранее предупрежденная, что скорее всего убийца стоит в шеренге, Нина со страхом и некоторым любопытством, не слушая о чем монотонно говорит Черноухов, вперилась в подозреваемых. Прошло три-четыре минуты глухой тишины.

— Вот этого отведите в сторонку, — наконец ткнула она пальцем в Эдика. Прокурор молча взял его под руку и поставил у окна, предварительно пошире отдернув шторину.

— Тот был в куртке.

— На, надень, — с готовностью сдернул с себя куртешку один из оперативников и подал Эдьке.

— Гражданин прокурор, — среагировал на ментовский ход Святой, — сейчас прикинете его в куртку, потом приклеете ему усы, бороду. Так из любого человека убийцу можно слепить.

— Подозреваемый прав, — кашлянул Черноухов. — заберите куртку и еще раз напоминаю, тихо.

Еще одна долгая минута томительного ожидания закончилась

тем, что сожительница бывшего председателя «Юникса» отрицательно покачав аккуратной прической головы, выдавила.

— Не он, у того были ноги другие.

Морщинистое лицо прокурора подернулось улыбочкой.

— Физиономия значит та, а вот ноги нет, так я вас понимаю? Давайте поконкретней, тот это человек, который стрелял в Манто или нет?

— Нет, не похож.

— Тогда все свободны, а вы пожалуйста распишитесь в протоколе опознания, вот тут.

***

Двадцать девятого Олег, Беспалый, Эдик, Агей и Слепой пили чай с блинами в кафе «Лотос» и поджидали Культурного. Глава городской мафии каждый день приезжал на «стрелку» ровно к двенадцати часам. За соседними столиками сидели только уголовники. Многих из этой братии «Святой» встречал за колючей проволокой и иногда в знак приветствия кивал то одному, то другому. Без пяти двенадцать к невысокому бетонному крылечку кафе подкатила серебристая «Тойота», подаренная Пал Палычу Калиной, и кряхтя, выбросив из нее худые ноги, старый бандюга спустя парочку минут подсел за столик первомайцев.

— Привет, шпана, решили значит проведать пенсионера. Расскажите про радость и горе?

— Все, как надо, кого только нашли из богатеев — обложили, шугаем короче коммерсантов. Секретарь тебе уже наверное доложил, что мы председателя «Юникса» двадцать пятого завалили?

Культурный, не ожидавший, что Святой ответит так откровенно, беспокойно оглянулся и понизил голос.

— Не так громко давай?

— Здесь ведь все свои вроде?

— Вот именно вроде. Так что на такие темы лучше базарить на рыбьем языке. Помощь нужна? Вообще-то какая вам помощь, — поскреб он чисто выбритую щеку, — если вы там барыг шмаляете. Тогда, братва, у меня до вас просьба. Нерчинск ведь от вас совсем рядышком, там зона строгого режима находится, да вы и сами знаете. — махнул Пал Палыч сухой рукой с «рыжим» браслетом на запястье. — Может возьметесь ее греть, силенок думаю у вас хватит. Денег на грев мы вам с городского «общака» выделим».

— У нас свой «общак» имеется и «капусты» в нем

прилично, — Олег вынул из кармана брюк сто тысяч и положил перед Культурным. — Отправишь в крытую тюрьму Тулуна на «воров».

— Запиши, — подошедшему Нугзару приказал Пал Палыч, — от первомайской шпаны на «воров» сто штук, число пометь. В Нерчинск значит я никого больше не посылаю?

— Нет конечно.

— Ништяк, — упала гора с его плеч. — Уколетесь?

— А че, есть? — блеснул большими глазами Слепой.

— Сейчас сварганим.

— Мак уже подсох на корню, я думал у тебя бинты есть, а с сухого туго варить. — Святой перебил Слепого.

— Благодарю, Паха, мы «черняшкой» вмажемся, сейчас на рынок шагнем, а потом домой.

На базаре было, как на базаре. Шум и гам висели не только в высоком здании, но и вокруг него.

— Вешайтесь, вешайтесь! — орал что есть мочи в засаленней футболке с оторванными рукавами курчавый цыганенок у ржавых украденных с железнодорожного вокзала весов.

— Не вешайтесь, а взвешивайтесь, — поправил его Оелг„- а то всех клиентов распугаешь.

— Вешайся, дяденька, — упрямо повторил пацаненок, — не дорого, всего сто колов, нет двести, — сообразил он, что у этого путем прикинутого дяди можно раскуриться.

— Двести так двести, — ступил на шаткую площадочку Святой. — «Черняшки», шплинт, неси.

— Много?

— Десять грамм.

— За услуги сто рублей.

— Разумеется.

— И закурить.

— Не курящий я, Рома.

— А мне-то дело?

— Уговорил, родной, заметано. Чеши давай.

Пока цыганенок летал за «отравой», сходить с весов негласный закон рынка запрещал, и Олегу пришлось чуточку потерпеть под любопытными взглядами зевак, торговцев и покупателей. Немножко впереди весов остановился двухметровый детина с небрежно ложматым русым чубом на высоком лбу.

— Васька, сфотай меня?

Но матерый КГБэщник Ушатов сфотал не его, своего начальника майора Грознова, а парня на весах. Святой не обратил на них внимания, он ждал Рому, который, раздувая паруса пошитых бабушкой шароваров, мчался обратно к покупателю

«черняшки».

— Деньги вперед.

Олег сунул в его грязную ладошку заранее приготовленные филки.

— Ты меня хоть взвешай для фортецала.

— Сто пятьдесят килограммов. — Сколько?!

— Точно не знаю, но отец сказал, что все человеки весят примерно одинаково, а весы все равно не пашут, так что отчаливай.

Проводив жигу первомайцев до выезда с Читы, ГБэшники вернулись к «Лотосу», от которого они с самого утра пасли Святого и его кодлу. Следующими в объектив «Кодака» попали Культурный и Секретарь.

***

На первом этаже управления ЗабГОКа постоянно дежурила вооруженная охрана, но начальника ОРСа они знали в лицо и поздоровавшись, пропустили его, а Олега тормознули.

— Пропуск. — потребовал бдительный страж.

— Он со мной, — отмазал его Ковалев и проводив Святого на третий этаж до приемной Разина, откланялся.

— Юрий Викторович, — догнал его словами в спину Олег — вечерком я к вам домой загляну.

Ковалев понял, что не просто так решил мафиози навестить его квартиру.

— Всегда рад тебе, Олег, всегда.

«Врешь, собака» — толкнул дверь в приемную Святой, и очутился словно в спортзале, битком заполненном людьми.

— Владимир Иванович у себя?

Средних лет секретарша согласно кивнула и выудив из красивого перламутрового стаканчика шариковую ручку, спросила.

— Вы записаны на прием?

— Он и так меня примет, позвоните.

— Извините, не имею права. Необходимо предварительно записаться и вам назначат день, и вообще кто вас пропустил сюда? Ну-ка, предъявите пропуск.

Олег, молча от нее развернулся, и прошагав по ковровой дорожке помещения до обтянутых кожей дверей с табличкой «директор», без стука вошел в кабинет.

Настроение у начальника ГОКа с самого утра было неважным и страждующих с ним встретиться просителей приемной, он под

предлогом занятости не вызывал.

— Что вам нужно и почему врываетесь без разрешения, я занят, очень занят, — раздраженно чихнул Владимир Иванович, от чего покраснела его лысоватая башка. — Наталья Сергеевна, — добавил он перетрусившей серкетарше, — в чем дело, я же русским языком вам сказал — ни ко-го.

— Я — Иконников Олег, — спас он от дальнейшего разноса побледневшую девушку.

— Оставте нас и ни-ко-го.

— Понятно, Владимир Иванович, понятно, — выпятилась секретарша из кабинета. Хозяин кабинета, как впрочем и его посетитель видели друг друга впервые, но по наслышке уже бы ж знакомы.

— Кофе, сигару? — казалось оттягивает начало серьезною базара Разин.

«Как в кино, кофе, сигару, еще наверное и гаванскую» — но вслух сказал другое.

— Владимир Иваныч, один ваш, так скажем недоброжелатель, стуканул, что Вы «БЕЛАЗами» приторговываете и я, дело прошлое, ему поверил. Улыбка слетела с хищной рожи.

— Олег, на кой ляд тебе мои деньги, я тебе весь поселок отдаю. Все, что нужно, бери, крути, делай денежку. Меня, старика, ты уж не шевели. Занимаюсь я конечно кое-чем, но это так, детишкам на молочишко.

Именно такой ответ и хотел заполучить Святой. Трогать Разина слишком круто было опасно. Рудник работал на оборонную промышленность и наверняка у этой акулы со значком народного депутата на груди, в Москве были завязки. Олег отчетливо понимал, что если сунет нос не туда, куда следует, то обязательно словит пулю. Поднимать вопрос о старательской артели уже не имело смысла.

— Владимир Иваныч, Вы поди уже в курсе, что я в «Березовой роще» вашим люксом пользуюсь.

— Да бог с ним, с этим люксом, — облегченно осел в кресле директор ГОКа, почуяв, что уголовник отцепился от его доходов, — если он вам нравится, отдыхайте на здоровье.

— Еще одна малюсенькая просьба.

— Слушаю, — оторвал задницу от кресла Разин и прошел к встроенному в стену небольшому бару.

— Возле «лягушатника», ближе к лесу я за железобетонным забором двухэтажное здание стоит, в нем сейчас находится строительно-монтажное управление, оно ведь вам подчиняется?

— К сожалению Чите. — вернулся директор за стол с бутылкой молдавского коньяка, — а чем управа тебя

заинтересовала?

— Зданием, семей восемь в него можно будет заселить, гаражи есть, подвалы. Помоги мне его купить, по дешевке конечно.

— Это только после нового года, Олег, — налил в тонкие Богемского синего стекла фужеры коньяк Разин, — я смогу отобрать у СМУ особняк и сразу выставлю его на аукцион, а там что-нибудь придумаем. Бери, — поднял он ближе стоящий к нему фужер и залпом выпил.

— Выпиваете на службе?

— А кого мне, Олег, бояться. Некого, а ты серьезно значит решил замутить, а я-то грешным делом сначала подумал, что ты бандит обыкновенный, а у тебя видно кишка не тонка, — плеснул себе «Дойны» Владимир Иваныч и заметив, что фужер Святого полон, опустил бутылку под стол. — Подмогну, чем смогу, а могу я многое, — дернул он вторую порцию и подцепив с блюдечка желтый пластик подсахаренного лимона, впился в него мелкими и острыми зубами.

— Сынок у меня есть, Ванечкой зовут, ничего с ним не должно произойти, худою я имею ввиду. Вот такая, Олег, у меня к тебе просьба.

— Сколь годиков вашему Ванечке?

— Девятнадцать.

— У-у, здоровый лоб. Охранять а его конечно не буду, но и что трону, тоже исключено.

— Договорились значит?

— Ту и и договариваться не о чем, сын за отца не огветчик, хоть в вашем мире, хоть в моем.

В плотную к управлению ГОКа примыкало четырехэтажное здание завкома, в котором находился офис «Юникса» и выйдя от Разина, Святой подтянул к себе взмахом руки балагурящих у тачки брата с Ветерком.

— Дуйте в восемнадцатый, Антоновна «бабки» приготовила за макли с мясом и шоколадом, а я пока Миловилова навещу. Он вроде теперь вместо Манто председателем «Юникса» стал.

— Рановато поди. — засомневался Леха.

— Не кони, куй железо пока горячо.

Сутуловатый высокий со впалыми щеками и такими же провалившимся глазами Миловилов в кабинете находился один.

— Здравствуйте, садитесь, — укачал он Олегу на стул у окна. — Вы на работу устраиваться пришли?

— Нет, не устраиваться, — поставил один из стульев напротив председателя Святой и верхом на него сел, сложив руки на спинке. — Кто бывшего хозяина этого кабинета убил знать

хочешь?

— Сколько с меня за эту информацию, — вьпулился из-за стола Миша, чтобы запереть на ключ входную дверь.

— Пятьсот штук.

— Многовато, но я согласен, — подрагивающей рукой сдернул он с телефона трубку и три раза крутанув диск, заорал, — Людмила Борисовна, срочно пятьсот тысяч в мой кабинет, срочно. Все, сейчас бухгалтер приволокет деньги, — бросил Миловилов трубку мимо аппарата.

— Я.

— Кто? — побледнел новоиспеченный председатель.

— Я.

«О господи, зачем он заявился, неужели убивать меня среди бела дня будет, что он сумасшедший, что ли, вообще-то мафия все может, забашляли этому типу миллион… а вот он, выход — переплатить» — и судорожно сглотнув противную слюну, вышептал.

— Сколько моя жизнь стоит?

— Пятьсот штук в месяц и так до тех пор, пока будет существовать кооператив, это раз. Полное сотрудничество, это два. Не бегать к легавым, это три.

— Согласен, — промокнул Миловилов вспотевший лоб рукавом белой, как тополиный пух, рубашки. Тебя как хоть звать?

— Олег Иконников.

— Это твоя жена в управлении работает?

— Моя, а что?

— Нет-нет, ничего. Просто трудно поверить, что ты — убийца, мафиози, а она работает.

— Это не для денег, для души, дома сидеть не желает, вот я батрачит на государство.

— Моя, вообще-то, тоже работает. Олег, в Чите Культурный такой есть, слышал?

— Не только, а что?

— Значит ты с ним знаком?

— Больше чем знаком, нужен он тебе что ли?

— Нет, просто я надеюсь, что читинцы мой кооператив теперь не тронут?

— Теперь не тронут.

Оборвал его стук в дребезжащие двери.

— Бухгалтерша, — уже спокойно, по-хозяйски провернул в замке ключом председателя «Юникса».

— Миша, вот ровно пятьсот, — просунула в щель приоткрытых дверей целлофановый мешок с деньгами Людмила Борисовна, — ничего больше не нужно?

— Нет, ничего. Спасибо за оперативность.

— Че они тебя не по отчеству кличут?

— Молодой еще видно, — позволил он себе улыбнуться и выдвинув ящик стола, бросил туда целлофан с филками.

— Э-э, так не пойдет. Я ведь тебе сказал, кто мякнул Манто, сказал, так что башляй.

В кармане стоянки за завкомом, на капоте Жигулей тэрсили Эдька с Ветерком.

— Ну что? — швырнул на капот карты братан. — Ништяк, потом расскажу, что у вас? Директорша триста штук отстегнула, это только за мясо, за шоколад — завтра.

— Отлично. Сто пятьдесят отложи для Ковалева, вечерком к нему заглянем, а сейчас давайте до школы проскочим. Игореха что-то натворил и меня вызывают, я ведь не только бандюга, но еще и папаша.

Во втором «А» шел тихий урок рисования. Едва слышно сопели школьники и так же бесшумно водили кисточками по ватману, изображая стоящий на учительском столе пустой горшок. Святой приотворил дверь класса и заметив его, молоденькая симпатичная училка, вышла в коридор.

— Здравствуйте, Марина Михайловна, и извините, что перемены не дождался. Нет времени, поверьте на слово, — виновато развел он руками. — Что случилось?

— Ваш сын вчера дежурным по классу был и перед началом урока классную доску от мела не вытер. Я его спросила, в чем дело, он ответил, что тряпки нет. Тогда я отправила его искать тряпку, и знаете, что он сделал?

— Что? — ухмыльнулся Олег.

— Смеяться тут нечему, Игорь купил тряпку в соседнем классе за пятьдесят рублей. У него денег в карманах больше, чем я в месяц зарабатываю. Балуете вы его, Олег Борисович, и портите. В таком возрасте иметь столько денег не зачем.

— Марина Михайловна, у наших детей нет возможности в Дисней Ленд бегать и даже паршивой карусели в поселке и той нет, не говоря уже о зоопарке или детском кафе. Вот я и думаю — пускай сынишка куражится, пока папуля жив-здоров.

— Вы что умирать собрались?

— Не то, чтобы очень, но опасность такая существует, — дыбанул на циферблат «Ориента» Святой.

— Болеете вы, серьезное что-нибудь?

— Успокойтесь, Марина Михайловна, не физически я страдаю, душа болит. Жизнь паршивая, вернее время нынеешнее не только мне наверное сердце рвет и кровь сворачивает.

Медленно училка повернулась лицом к белой двери класса и

не решившись что-то сказать отцу Игорешки, зашла в старательно сопящий ребятишками класс.

— Олега, Миловилов с тобой потолковать хочет, — не дал ему сесть в машину Эдик.

— Где он?

— Вот в «Москвиче».

Святой перешел через дорогу и влез на заднее сиденье старенькой тачки.

— Что, Миша, стряслось, только быстрее?

— Манто цистерну спирта технического с Хабаровска пригнал и мы делали из него водочку и довольно бойко торговали, но после того, как вы его шлепнули, Читинская санитарная служба забраковала «горючку». Мне надо заключение областной санэпидстанции, что спирт наш — питьевой. После того, как я его разолью и реализую, забашляю всем, кому полагается.

— На той неделе мотну в Читу по делам и твой вопрос заодно решу. Все у тебя?

— Все, Олег, заранее благодарю.

Следующим был печеночник Шатров. Печень прихватило так, что несмотря на запарку по работе, которая обычно царит к концу сезона во всех злотодобывающих артелях, пришлось ему валяться в мягонькой постельке. В деревянном домк, под который он приспособил бывший обувной магазин, Николай Иваыч был один, ею супружница с дочерью ковалась в огороде.

— Привет, старатель, перевернула тебя лихоманка, — на край широченной тахты, закинутой шелковым покрывалом, присел Святой. — Долго прохлаждаться думаешь?

— Денька три еще наверное пошевелится и притихнет, проклятущая. — вроде как обрадовался гостю Шатров и поудобней подтянул спину вверх по пуховой подушке. — По делу ты, по глазам вижу, что по делу, говори?

— У меня, что глаза такие откровенные?

«Большие, холодные и жесткие для нашего здоровья» — взял с рядом стоящего причудливого журнального столика сигареты председатель и прихватив толстыми губами одну, зажег спичку.

— Пошутил я, Олег, — раскурил он влажноватую сигаретку, — но не навестить же больного ты пришел, люди мы деловые.

«Святой высыпал из пакета на кровать яблоки с апельсинами и разгоняя дым, подул перед собой.

— Вооруженная охрана у твоего золотишка есть?

— Грабануть решил? — надкусив яблоко, замер Иваныч. — Не советую, Олег, мы и так деньги сделаем, потерпи малость, — затушил он о надкус плода сигарету и положил и то, и другое

назад на столик. — Манто кто-то убил, надеюсь ты слышал?

— Тебе-то что, ты ведь живой.

— Я и дальше жить хочу.

— Дружи со мной, Николай Иваныч, и до ста лет протянешь, но потом имей ввиду, все равно сдохнешь.

— Умру ты хотел сказать?

— Нет, я хотел сказать сдохнешь. Умирают лошади, собаки, птицы, а люди подыхают. Ну ладно, длинная это тема, да и не за тем я сюда приперся, чтобы тебе, мужику полуседому, нравоучения читать. Рации нужны, должны у тебя в артели быть?

— Мною надо?

— Хотя бы четыре штуки.

— Столько-то у меня и дома есть, — снова поправил он под головой подушку. — В прихожей ниша по правую руку от входа, в ней коробка из-под телевизора стоит, а в ней рации лежат. Четыре можешь взять, Разин с ГОКа подогрел. Хорошие машинки, на три километра запросто бьют. Кстати, он звонил мне перед твоим приходом. Прочухал, старый лис, про нашу с тобой встречу, но конкретного ничего не знает. Звонил по такому поводу-пятого октября Владимир Иванович сына женит. Свадьбу собирает в «Березовой роще» и просит, чтобы ты ребят своих туда отправил. Пускай присмотрят, чтобы посторонние во время церемонии в ресторан не лезли. Говорит сразу после бракосочетания двести штук даст?

— Добазарились. Деньги себе заберешь.

— Все?

— Конечно.

— Многовато, Олег, пятьдесят мне за глаза.

— Все говорю, это тебе за рации.

— Спасибо, Олег, но все равно много.

«Не кормит тебя, волка, хозяин твой видать», — поднялся он с тахты и оправил в том месте, где сидел покрывало.

— Выздоравливай, Иваныч, да забухаем это дело.

Только в двадцать три ноль-ноль Святой более менее разделался с тем, что на сегодня запланировал. Ветерок давно юзанул до хаты и только брат терпеливо катался рядышком.

— Олега, может домой рванешь? Смотри, худо для тебя все это кончится может.

«Да-а, шею Ленка мне путем намылит», — но оставался еще начальник ОРСа. «Хочешь бай-бяй»?

— Нет пока.

И спустя пятнадцать минут братья звонили в желтые двери коттеджа Ковалева, который одним боком притулился к зеленому массиву. Место это было пожалуй самым шиканым и престижным

в Первомайске, соседствовали с Юрием Викторовичем такие же тузы местного значения.

— Дома его, козла, нет что ли? — отпустил Эдик квадратную кнопку звонка и толкнул кулаком в почтовый ящик. — Не заперто, — первым шагнул он в освещенный коридорчик.

За второй дверью в богатом персидском халате на карачках стоял Ковалев.

— Слава богу, это вы, ребята, — облегченно опустил он взгляд в ковер, — проходите, в зал проходите, — и пополз впереди Эдьки, показывая ему дорогу, куда идти.

«Круто западает ворюга» — ковры были везде, на полу, на кожаных диванах и даже кресла прикрывали узенькие ковры. Не было их только на потолке, зато там красовалась красотка-люстра из диковинного оранжевого стекла.

— Юрий Викторович, в такой позе удобней передвигаться что ли?

— Грешно, Олег, насмехаться на пожилым человеком, — сел он посреди зала и отвернув с резного горлышка шотландского виски пробку, попросил Эдика, — будь добр, притащи с кухни еще пару стаканов. Как врежу грамм пятьсот, так ноги отказывают, что это, а, Олег?

— А характер у вас буйный или ничего себе?

— Ох, кипишной, убить кого-нибудь по пьянке — раз плюнуть, — врал не столько Святому, сколько себе начальник ОРСа» — веришь?

— Вот и ништяк тогда, что бухого тебя ноги не держат. Прикидываешь, Юрий Викторович, чтобы ты набедокурил, если бы сейчас нормально передвигался?

— Пожалуй ты прав, — в принесенные Эдиком стакашки, он не глядя набулькал ровно по сто и только тут в одном из них заметил скрученные в трубочку деньги. Что это?

— С восемнадцатого, за мясо.

— Сколь здесь?

— Сто пятьдесят.

— Маловато.

«Шатрову наоборот многовато, но он и не ворует, а этому крадуну маловато. Прешь ты видимо, дядя, у государства эшелонами», — неожиданно для себя прыснул в кулак Олег, представив, как верхом славно было бы промчаться вдоль по буржуйской улице на хребтине Ковалева.

— Третья часть, Юрий Викторович, как и договаривались, за шоколад чуть позже рассчитаемся.

Жигули неторопливо отъехали от Ковалевской усадьбы.

— Зря ты согласился Разину свадьбу охранять, — вспомнил

вдруг его Эдик. — Они, суки, нас после этого халдеями называть станут, вот увидишь.

— Владимир Иваныч не только директор ГОКа, но еще и депутат областного совета. Такой вроде положительный человек, а за помощью не в милицию обратился, а к нам. Понимаешь? Силу реальную он видит не в ментах, а в нас, так что лакейством тут и не пахнет или ты считаешь Разина блатнее себя?

***

В субботу Эдька взял с собой Сэву, Корейца, Десятка и ушел на свадьбу, чуть позже к ним присоединился и Слепой. Олег, Агей и Женька поехали на первомайский пищекомбинат. Цех, где варили пиво, арендовала старательская артель, база которой находилась в ста восьмидесяти километрах от посева в маленьком городке. Начальник цеха — пожилая женщина, сказала им, что решать серьезные вопросы не в ее компетенции.

— Позвоните председателю артели и скажите, чтобы через три дня он был здесь, я подъеду к десяти утра, если его не будет, у вас начнутся неприятности.

— Тебе надо, ты и звони, — огрызнулась тетка.

— Три дня, — показал ей три пальца Святой, — и сначала мы сожжем все машины, на которых вы развозите пиво, если это не подействует, взорвем цех.

Вечером в люксе пили пиво с балыком и Эдик рассказывал, как гости Разина перебухались и заблевали весь бар и фойе.

— Свиньи обыкновенные, сначала вели себя прилично, а под конец захрюкали.

— Без кипиша обошлось?

— Почти, Слепой кому-то в рыло дал разок.

— Кого ты, Олега, осчастливил?

Тот стряхнув пепел с кончика папиросы, забитой «шалой», ответил Святому.

— Пнул овцу одну под зад.

— Бабу?

— Не-е, мужика. В туалет зашел оправиться, а он, чертогаз, мимо унитаза мочится, тяга у него такая наверное ссать на стены, ну я ему и впорол меж глаз.

— Ванюша интересно где теперь жить будет?

— В Чите. Папаша ему там хату вымутил по Ленина, здоровущую, как футбольное поле.

— Отправляет значит сыночка в город, ништяк, одной заботой меньше для нашей банды.

Восьмого в десять утра Олег со Слепым и Андрюхой подкатили к пищекомбинату. Председатель пивной артели, сидя на капоте «УАЗика», дымил сигаретой и чему-то щерился. Подождав, пока непрошеные гости подойдут поближе, он спрыгнпул на землю и отряхнул от табачных крошек брезентовые походные штаны.

— Опоздали вы, ребята, я уже давно отстегиваю.

— Кому?

— Культурному.

— А он тут при чем?

— У меня в Чите две точки пивом торгуют. Пал Пальм гарантировал мне полную безопасность.

— Вот путь он тебя и охраняет! — газанул Святой. — Раз ты ему башляешь. Пивзавод расположен на территории Первомайска, так что если ты получишь пулю в дурную свою башку, я за это отвечать не буду.

— Я прямо сейчас к Культурному поеду…

— Вали, жалобься.

Возле жигуленка, на котором приехали приятели, стоял директор пищекомбината.

— Здравствуйте, хлопцы, ругались с этим боровом? — Было дело, — вопросительно дыбанул Олег на Баритонова. — Вас это интересует?

— Год назад мы отдали пивной цех в аренду старательской артели, которой руководит этот боров, на целых пять лет, — тоскливо поскреб он щеточку усов под длинным носом, — а теперь вот пищекомбинат преобразовывается в акционерное общество. Подмогните мне, Олег, возвратить пивной цех, в долгу не останусь.

— Попробую, думаю, решим этот вопрос.

— Как скоро?

«Придется в Читу жечь, «Юникс», пищуха…» — поправил он «дворник» на лобовом стекле тачки.

— Завтра к Культурному махну, после завтра ответ получишь. Железнодорожный переезд семафорил красным светом, скопив перед шлагбаумом вереницу машин, в хвосте которых тормознул и жигуленок Святого.

— Олега, мы с охраной этой паршивой скоро из уголовников в сторожей превратимся…

— Не торопись, Андрюха, с выводами. Новое это конечно движение в преступном мире, но уголовники наконец-то объединились, благодаря усилиям «воров». Империя создается, чуешь? Возьми того же Баритонова, он даже не пытается в прокуратуру нырнуть или в суд, то есть законным путем вернуть пищекомбинату пивной цех. Беззаконие для него выше закона, почему?

— Понял, чему тебя старшие учат? — хлопнул Агея по широкой спине Слепой.

— Ежу понятно. У ПТУ меня высадите.

И когда Андрюха вылез, Слепой зашабил «гашиш».

— Ты куда сейчас рулишь?

— За братаном в гостиницу, а потом жрать.

— Давай сначала к Женьке заскочим, уколемся, затем в «Фантик», деньги заберем и к Эдьке?

— Соблазнительное предложение.

Прогнав с подсобки чернявого, бородатый владелец комка что-то уж слишком пасмурно слюнявил месячную дань.

— Ты что такой хмурый, неприятности?

— Скажи, Олега, честно, «Гермес» вам платит?

— Куда он денется, отстегивает, как положено и не меньше вашего, а че ты спрашиваешь?

— Вчера в «Кристалле» Чиж хвастал, что мафию не признает, выходит храбрится?

— Есть, Семен, мафия и сегодня ночью ты в этом убедишься, — мгновенно созрел в башке Святого план дальнейший действий. — «Гермес» сгорит и ты теперь в курсе, так что, если пацанов моих на делюге этой гребанут легавые, то быть тебе без головы, а «Чижа» не жалей, он ведь ваш конкурент. Когда «Гермес» пыхнет, тебе торговать полегче будет, а?

Беспалый с Десятком варили «ханку».

— Вовремя припылили, — впустил подельников в квартиру Женька. — У нас все на стреме.

— Растворителем воняет наверное на весь дом, где у тебя жена с дочкой?

— К родственникам ушли.

— Ты хоть при них не вари, отравятся.

Когда вмазались, Олег обстоятельно раскатал про встречу с хозяином «Фантика».

— Расколотить ему башку, козлу, — имея в виду Чижа, всколыхнулся Беспалый.

— А мы надумали «Гермес» сжечь.

— Тоже мыслишка путевая, — ответил он Слепому. — Сегодня ночью и пустим Чижа по миру.

— Нас менты выщипнут первых, — некурящий Святой пару раз затянулся Слеповским «гашишем», — поэтому я, Эдька, ты, Ветерок и Слепой в Читу ночью отвалим. Алиби сделаем и заодно к Культурному заглянем, по пищухе и «Юниксу» кое-что убацаем.

— Я не смогу, Олега, — пригасил пяточку» «Слепой. — Катюху не с кем на завтра оставить…

— А кто в «Гермес» петуха подпустит? — концом хлопушки почесал меж лопаток Женька.

— А я на что? — закатывал в стерильно чистый носовой платок шприц с иголками Леха. — Толком только обрисуйте, что и как, и бензина канистру с тачки слейте, и я такой кипишь

засажу, что менты обуглятся, суки, они как раз через дорогу от магазина обустроили свое осиное гнездо. — (это про первомайское отделение милиции).

В час ночи подельники были в Чите. Ночевать отправились в ГОКовскую заежку, котероя как нельзя лучше состряпала им алиби.

***

Чтобы не промахнуться, Десяток завел будильник на три часа. Но спать не давала Людмилка, с трудной судьбой девчонка, не так давно выпущенная на вольные хлеба с Шилкинского детдома.

— Леша, бензином от тебя ужас как пахнет.

— Я шофером теперь наворачиваю.

— Не ври, у тебя и прав-то сроду не было.

— Я купил их.

— Дорого?

— За три литра бражки.

— У кого?

— У Алимова.

— У начальника милиции?

— Но.

— Вот вруша — дошло до нее, что Леха чешет, — а будильник на три часа зачем поставил?

— На работу чтобы не опоздать.

— Какая еще среди ночи работа?

— Опасная, — улыбнулся ей в плечо Десяток.

— Очень?

— Примерно как у сталевара, который в любую секунду может обжечься.

— Не пойдешь может, а Леша?

— Надо, родина требует, — резво сел он на кровати. — Пойду-ка я побреюсь, все равно ты, красавица, мне спать мешаешь.

— У тебя там и брить-то нечего, — хмыкнула Людмила. — Пошли лучше чай пить.

Будильник так и не зазвонил, без пяти три Десяток заткнул его голосистую глотку нажатием пальца на коричневую кнопку, торчащую из зеленого корпуса и стал одеваться. Из родительской комнаты с закрытыми глазенками, пошатываясь спросонок, вышел в одних трусишках младший братишка.

— Ванюха, ты куда? — натягивая свитер Леха, ночи

становились все прохладнее.

— В туалет, а ты куды?

— В п… за мясом.

— Ой как вкусно, а ты скоро вернешься?

— Вот проснешься… — перестал вдруг Десяток шнуровать кроссовок и сидя на полочке для обуви, выпрямился. — Ванька, а это не ты случаем мне на подушке клей пролил?

— Не-е, — спустил братишка до колен трусы и шмыгнул в сортир.

— Ты, разбойник.

— Не-е, — пропищал тот из туалета.

— Клянись!

— Клянусь!

— Чем клянешься-то?

Ванюха призадумался, но только на секунду.

— Здоровьем матери.

В половине четвертого Леха согнувшись у слухового чердачного окна «Гермеса», расстегивал большую хозяйственную сумку, в которой покоилась десяти литровая канистра с бензином и вслушивался в тихую тишину дрыхнувшего без задний ног поселка. «Эх, хвост, чешуя, не поймал я ни х…» — включил он карманный фонарик и спустя пять минут, надыбал вентиляционную отдушину, из которой тянуло магазинным теплом. Тоненькой, чуть журчащей струйкой, бензин убежал вниз. Десяток чиркнул спичкой и отклонив корпус назад, бросил ее в вентиляцию, Снизу ухнуло так, что на крыше лопнуло несколько листов шифера. Цепанув пустую канистру, Леха спрыгнул на покрытую асфальтом землю и перемахнув через забор ближайшего от комка дома, огородами ушел с места преступления.

Поджидая Десятка, Людмилка бодрствовала у темного окна спальни и когда где-то в районе милицяи раздался взрыв и затем в черное небо взметнулся столб огня, она вздрогнула от леденящей душу догадки. «Сталевар, который в любую секунду может обжечься». Минут через двадцать отомкнув дверь своим ключом, в прихожку на цыпочках вкрался Леха.

— Все-то не спишь?

— Опять от тебя бензином несет за версту.

— Это худо, — начал разбалакиваться Десяток, — замочи, а, Людмилка, а то не дай бог… — менты подъедут, едва не проговорился он. — Работа у меня такая, понимаешь?

***

Как обычно в двенадцать Культурный был в «Лотосе». Посетители кафе, как всегда шушукались, балдели и раскуривались и, как всегда, только узрев первомайскую, «дикую», как называл ее Пал Палыч бригаду, он торопливо прошагал к ней.

— Привет, бродяги, спрашивайте, — сел Культурный за их столик, зная, что Святой без дел в Читу не заглядывает.

Грея о горячий стакан с чифиром ладони, Олег подробно рассказал о встрече с директором первомайского пищекомбината.

— Знаешь, Святой, — жевательная резинка мешала Пал Палычу говорить и выплюнув ее в щепотку, сделанную из худых пальцев, он продолжил, — председатель артели нам действительно отстегивает и уже скоро два года стукнет.

— Пал Палыч, мы ведь к вам в Читу не лезем. «И слава богу, дикая бригада».

— Пивной цех находится на нашей территории, пусть нам и башляет, у меня бригада большая, чем-то надо кормиться и вообще мы считаем выгоднее отобрать пивзавод у артели и отдать его пищекомбинату.

— Давай сделаем так, — предложил Культурный и засунул в рот замызганную пальцами жевачку, — сведем вот здесь в «Лотосе» председателя артели и директора пищухи — кто из них больше платить будет, тому и отдадим пивзавод. Если он все-таки останется у артели, то восемьдесят процентов оброка пойдет вам, а двадцать мне, но это уже чисто для показухи, артель должна видеть во мне силу.

— Так потянет, — чуть заметно, соглашаясь, кивнул Олег. — В санэпидстанции подвязки есть?

— У нас там плотно все схвачено.

— Новому председателю «Юникса» помощь кое-какая необходима, поможете?

— Базара нет, пусть в любой рабочий день к двенадцати подскочит сюда и меня найдет.

Заканчивали треп на крылечке кафе, под последними в этом году ласковыми лучами солнышка, на завтра выпадет снег, а из пятиэтажки, стоящей напротив «Лотоса», всю их шатаю снимали на видеопленку оперативники Министерства Безопасности. Святой сидел под колпаком, но пока этого не чувствовал. Ночью подельники вернулись в поселок. Жигуленок, крутанувшись возле сгоревшего до самого фундамента «Гермеса», покатил к дому Олега.

— До завтра, словимся на обеде в «Кристалле».

Где-то совсем рядом рванула граната. Не сговариваясь, приятели высыпались из тачки и припустили к восемнадцатому,

от которого брызнуло звуком. Так оно и было, два огромных витража мелкими осколками усыпали тротуар.

— Интересно, кто это нас не боится? У меня дел под завязку, а вы обязательно отыщи те, кто обидел Валентину Антоновну, — зло харкнул в битое стекло Олег. — Разбегаемся, пацаны, сейчас легавые подъедут.

На четвертый после взрыва день к Эдьке и Агею, которые ужинали в ресторане «Березовой рощи» подсела официантка, которую недавно опозорил чернявый с «Фантика».

— Вы кажется шукаете того, кто в восемнадцатом витрины вышиб?

— Если знаешь что, расскажи, в долгу не останемся, — сразу вцепился в нее Эдик.

— Никому не проболтаетесь, что от меня услышите, пообещайте, а, парни?

— Говори, не бойся.

— Вон он, — чиркнула Ритка красивыми раскосыми глазами на парня, курившего у бара.

Клоун пахал грузчиком на мясокомбинате и выменял за приличный кусок говядины у солдат первомайской воинской части гранату. Девятого октября, пьяный в жопу, он плелся из ресторана домой и вспомнив, как директорша восемнадцатого когда-то насолила ему, швырул РГэшку в сторону ее частного теперь магазина. Сейчас, избитый до полусмерти, он валялся в багажнике Жигулей и трясясь от холода и страха прикидывал, куда же его везут. Машина остановилась у дома Святого. Эдька шустро вызвал на улицу старшего брата и в двух словах объяснил ему, что случилось. Восемнадцатый еще работал и дожевывая на ходу Ленкин один в сметане, Олег молчком привел к жигуленку Антоновну.

— Подарочек вам, покажи, Андрюха.

Тот улыбаясь, поднял крышку багажника. Увидев окровавленного человека, Валентина Антоновна взялась за кольнувшее сердце.

— Кто это?

Вместо ответа Святой ткнул кулаком застонавшего Клоуна в бочину.

— Зачем гранату в магазин кинул?

— По пьянке.

— Других причин нет?

— Нет, — заскулил Клоун, размазывая по опухшим от постоянного бухалова небритым щекам слезы вперемешку с кровью. — Не убивайте, пацаны, все отдам, жизнь оставьте.

— А че отдашь-то?

— Все отдам, — продолжал всхлипывать Клоун, но нично у него не было. Ни родины, ни флага, ни отца с матерью и даже собственной квартиры и то у грузчика с мясокомбината не было.

— Валентина Антоновна, решайте, что с ним делать, ваш обидчик. Свое мы с него получили.

— Олег, отпусти его пожалуйста?

— Слушай, Клоун. Отоспишься, отмоешь рыло свое страшное и завтра придешь к Антоновне. Она тебе скажет, сколько за витрины уплатишь или по другому, как пакость твою утрясете, а потом меня найдешь, базар будет. Понял?

Тот понял, но видимо только то, что убивать его не будут, и радостно закивал в ответ.

— Андрюха, дай ему пинка путевого на дорожку. Агей за шиворот солдатского бушлата извлек Клоуна из пыльного багажника и так саданул того под зад, что первые метра четыре грузчик пропахал на пузе.

— Спасибо! — почти одновременно с Антоновной гаркнул он и припадая на ушибленную при падении ногу, чесанул до общаги, где снимал комнатенку.

Через два дня директора всех магазинов знали, кто взорвал восемнадцатый и чем эта история закончилась. Информация просочилась и в милицию. Клоуна вызвали, но он от всего отказался. Не подтвердила слухи и Валентина Антоновна.

***

Последнее время Святого стал шугаться Кот. По его инициативе мякнули «Жука» и он не без оснований предполагал, что Беспалый ему этого не простит. Двадцать пятого в девятом часу вечера, в самый разгар свистопляски в «Березовой роще», Олег выцепил Костю в дергающейся толпе танцующих и усадив его в тачку, вывез за поселок. Остановились у кладбища. Святой вынул из кармана седушного чехла «ПМ», передернул затвор и подал его Коту.

— Пошто он мне? — не понял тот.

— Ты ведь меня бояться стал, думаешь, что я тебя шлепну. Вот сейчас ты с пушкой, стрельни меня и зарой в какой-нибудь пустой могилке.

— Не буду, — Костя бросил пистолет на колени Олегу.

— Тогда прекращай щекотиться. Женька действительно мой приятель, но и ты мне не чужой. Он и в натуре просит у меня разрешения тебя удавить, но пока ты со мной, этого не случится, В кабак вернулись только через полтора часа. За сдвинутыми

столиками ожесточенно жестикулируя о чем-то базарила шпана и только один Рыжий, повесив клюв, торчал у пустующего бара. Младший брат рассказал Святому почему Вовку не пустили за стой стол. Вчера Ветерок попросил его утартать из ресторана свою любовницу до хаты и тот воспользовавшись тем, что Майка бухая, изнасиловал ее.

Разрезая плечом таницующую толпу, Олег прошел к бару и вышиб из рыжей руки подельника жестяную банку пива.

— Ты что, козлина, натворил?

— Она сама, Олега, я не виноват.

— Твое счастье, Вовчик, что мы с тобой под пули ходим, а то быть бы твоей поганой шкуре в карьере. Мы с твоими шлюхами на вы разговариваем, так что зря ты на Леху руку поднял. Утрясай с ним это дело, а то не знаю, чем все кончится.

Рыжий опустил голову на полированную стойку бара и призадумался, как выкрутиться из опасной ситуации, но обошлась для него эта подлость более хорошо, чем он предполагал, Ветерок просто плюнул ему в рыло.

Настроение Кота после кладбищенской беседы явно улучшилось, он без меры поливал горькую и по очереди таскал в кабинет директора молоденьких девчонок. Святой дал Эдьке ключи от машины и тот привез жен Ветерка и брата в ресторан.

После одиннадцати, ближе к полночи, изрядно затянутый Костя подсел к Агею.

— Андрюха, здесь бывший начальник ОБХСС пьянствует, мразь конченная. Помоги ему рожу расквасить?

Когда-то Лисицын со своим дружком Азаряном гонялся и за Агеем, зачем он тогда им был нужен, Андрюха не знал до сих пор.

— Айда с Олегом потрещим, может, он против будет.

Кот и Агей были друзьями — надо, так надо.

Святой с братаном загнав жигу за угол кабака, ждали.

Костя выманил Лисицына на улицу. Андрюха пнл его в солнечное сплетение и втроем подхватив обмякшее тело, бегом уволокли Лису в тачку. За спиной брата сидел Эдик, посередке Агей и с края Леха, на коленях у них лежал Лисицын.

— Куда вы меня везете?

— В последний путь, гражданин начальник, — Кот ударил его кулаком по башке, — руки людям за спину закручивал? Вот за это мы тебе сейчас веревку на шее завяжем.

— Отпускать эту Лису живьем теперь нельзя, врагом станет, — и Ветерок рукоятью пистолета врезал жертве в нос.

— Прекращайте, — переключился Олег на третью передачу, потому что дорога пошла в гору, — салон кровью испачкаете.

Приехал «Лиса не в отделение милиции, как в глубине души

надеялся он, косясь опухшим глазом на присутствующего в этой странной кодле Костю, а в заброшенный карьер. Двигатель «Жигулей» заглох и с наступившей тишиной, пришел страх. Он видел, как Кот протянул парню, который сидел за баранкой что-то вроде кожаного узенького ремешка, тот сразу вылез из машины и открыл дверку у самой его головы. Хотелось по звериному выть, но вместо этого Лиса послушно подставил худющую шею под удавку. Набрал в легкие кучу воздуха и только когда склонившийся над ним фиксатый потянул концы ремешка в разные стороны, отчаянно пнул того, что сгорбился у противоположной дверцы в белеющее в ночи лицо. Ни черта не вышло, все кто находился в салоне, скопом прижали его и в глазах замельтешила прожитая уже жизнь.

— Вот, сука, губу развалил. — сплюнул на коричневый пиджак Лисицына Леха. «В ресторан нужно возвратиться, как можно шустрее, чтобы наше отсутствие никто особо не приметил» — отворил он дверцы и встав одной ногой на землю, а коленом другой на сиденье, перехватил у Святого концы ремешка и завязал его на булькающем горле жертвы на два крепких узла. Потом взял Лису за дергающиеся ноги и выдернул на улицу. Поеживающийся от холода Костя видимо решил размяться, а может, из каких других побуждений, но неожиданно для подельников принялся смачно пинать корчившееся в предсмертных судорогах тело бывшего начальника первомайского ОБХСС. Олег обежал тачку и повалил разбушлатявшегося приятеля на каменистую землю карьера.

— Завязывай, урод. Дай ему спокойно «улететь». Когда труп остыл, его перенесли немного вверх и устроив меж двух валунов, заложили камнями.

— Все! — отряхнул вельветовые брюки Ветерок. И словно услышав, что все, беззвездное небо просыпалось на старый карьер густыми хлопьями снега. Первый, выпавший девятого числа, под первыми же лучами октябрьского солнца растаял в обед следующего дня. Этот лег до весны.

«То дождь, то снег, то замывает следы, то заметает, пидарит пока» — врубил Святой стеклоочистители и не зажигая фар и габаритов, почти на ощупь, стал выбираться из карьерной лощины.

В фойе «Березовой рощи», сбивая снег с туфель, Леха дыбанул на часы. С момента, когда Лису выудили из-за стола прошло всего сорок минут.

— Где ты был? — подозрительно сощурила зелень взгляда на мужа Лена. — Повторяю, где был?

— Здесь.

— Не ври, в ресторане ты отсутствовал.

— У директора…

— Не ври, — перебила его жена, — я там проверяла, вместе с Настей. Подтверди, Настя.

— Точно.

— Сказано вам, что мы тут были, — психанул Ветерок, — и успокойтесь.

Белокурая, лет двадцати пяти девушка, которую Лисицын пригласил гульнуть в кабак, потеряла его. Одиноко сидя за столиком, она тревожно крутила головой, оглядывая зал и думала, хватит или нет у нее денег рассчитаться за шикарный ужин, если ухажер скрылся. Когда «Березовая роща» опустела, в гардеробе на вешалке осталось сиротливо болтаться чье-то драповое полупальто и кожаная шляпа.

Супруга убитого привыкла к тому, что муж ее иногда не ночевал дома и только через пять дней заявила в милицию о его пропаже, а всем его друзьям и знакомым закатила концерт.

Азарян позвонил Олегу.

— Выйди на минутку, я сейчас подъеду к твоему подъезду. Потолковать надо, срочно. Когда Святой сел на лопнувшее переднее сиденье красной семерки, Азарян подкинул на ладони рубчатую лимонку.

— Лиса мой друг, я знаю, он у тебя. Отдай его лучше по-хорошему, не то вот эту штуковину я заброшу тебе в квартиру.

— Крутой ты, парняга, как я погляжу, путем все обмозговал?

— Да.

— Ну, тогда дергай за кольцо, да полетели. Задумался? Тогда жути не гони, на таких, как ты я в зонах десять лет срать ездил.

— Ответь, Лиса живой хоть?

— Много знать вредно, — забрал лимонку у Азаряна Олег. — На первый раз я тебя прощаю, но еще одни ход влево и ты встретишься со своим приятелем, а швырять гранаты в спящие окна не хорошо, ведь она может упасть и в кровать ребенка.

Возвратившись в квартиру, Святой не снимая кожанки прошел в зал, где на продолговатом журнальной столике у него стоял дублер телефона.

— Папа, иди чай пить, — позвал с кухни Игорешка.

— Некогда, Игорь, — подтянул он к себе аппарат и сняв трубку, нажал на две клавиши. — Алло, это милиция. Здравствуйте, начальнику вашему как позвонить? Благодарю. — и положив трубку на рычаг, вновь поднял ее и натыкал на табло сказанный ему дежурным номер.

— Алимов слушает.

— Добрый вечер, Гражданин начальник.

— А-а, это ты, что, Олег?

— Базар есть.

— Срочный?

— Думаю, что для вас, да.

— Хорошо, где встретимся?

— Подкатывайте к моему дому.

— Минут через двадцать тебя устроит?

Без сопровождения Алимов приехать не рискнул, рядом с ним в служебном УАЗике сидели еще три мента. Святой нырнул в жигуленок и спустя минуту туда же влез начальник милиции.

— Что Лисицын потерялся в курсе наверное? Собравшийся было прикуривать, майор задул вспыхнувшую спичку и заинтересованно скосился на Олега.

— У меня только что Азарян был, лимонкой под носом махал и даже пообещал в хату ее мне забросить.

— За что?

— Требует, чтобы я ему Лису отдал. Так вот, имейте ввиду, что если я Азаряна убью, то не потому что я кровожадный, а потому, что он через чур уж этого желает.

— Не торопись, Олег, утрясу я это дело. Лимонка где?

— У меня.

— Может отдашь, от греха подальше.

— Самому нужна.

***

Калина не забыл, как Гоцман этим летом в присутствии городской шпаны в «Лотосе» грубанул ему и через Весну, плеснув керосина московским ворам, что Гоцман прет против общакового движения, Игорь выпросил у авторитетов уголовного мира лицензию на убийство Гоцмана, обошлась она ему всего в один «Мерседес». Второго ноября по пути в «Лотос» вишневая девятка Гоцмана подвернула к продмагу по Ленинградской и Ловец без куртки и шапки выскочил из машины за пивом, Санька остался один. Опустил боковое водительское стекло и гоняя о чем-то своем, смолил в порошащее снежком небо сигарету. Мимо тачки небыстро прошуршала «Ява» и сидевший сзади водителя человек в гермаке, швырнул Гоцману на колени гранату. Выбивавший в кассе чек Гриха сразу врубился, что взрыв, от которого в магазине полетели витрины, предназначался его приятелю и подскальзываясь кожаными подметками туфель на плиточном полу, чесанул на улицу. На счастье Гоцмана ухнула противопехотная РГэшка, осколки которой летят

целенаправленно и только в одном направлении, и хотя граната разорвалась буквально у его ног, Саньку только контузило, основной удар прицела приняла на себя «девятка». Легавых ждали только зеваки да невольные свидетели взрыва, толком не понявшие, что произошло, Ловец же крутанув стартером, завел легковушку, и так на искореженной тачке и подъехал к «Лотосу».

Культурный, как обычно путем вмазанный, шевелился плохо, а соображал тем более, проворил Секретарь. Он со Святым аккуратно перенес бесчувственное Санькино тело в японский микроавтобус, отобранный у читинских барыг и они дунули в клиническую больницу.

— Что за сука гранатами швыряется?

— Х.. его знает, — в треснутое заднее окно смотрел Олег за хвостом. — Чужих в городе нет?

— Вроде нет, хотя пацаны говорят, что видели на днях в кабаке чеченцев, но им зачем Гоцман. Долбанули, так бы Пал Палыча. Кстати он недавно с Москвы прилетел, с ворами толковал и вас вспоминал.

— В столице?

— Нет, здесь в кафе, — Нугзар подложил под Санькину голову скрученную куртку, — Иномарки с востока на запад гонят, за проезд по нашей области не платят. Нужно им шлагбаум поставить. До Чернышевска они на платформах едут, там сгружаются и своим ходом дальше жарят. Станция эта к вам поближе, может, займетесь? Культурный базарил, что капуста, которая с трассы пойдет, вся в ваш первомайский общак осядет…

Пятого Святой отправил в Чернышевск Эдьку, Беспалого, Леху, Слепого, Костю, Сэву, Кореша, Вовчика и Десятка, а сам поехал к Шатрову, который позвонил накануне и попросил встречи.

— Добрый день, Олег, — председатель, листая расчетные ведомости, сидел один в своем кабинете.

— Здорово, Иваныч, что у тебя так холодно?

— Не включают, сволочи, отопление, — поправил он сползающий с полных плеч бушлат. — Садись.

— Ставь чайник и говори зачем звал?

— Как ты думаешь, если мы «Юникс» купим, — снял с толстыми линзами очки Шатров и положил на ведомости.

— Кто это мы?

— Артель.

— Идея конечно не твоя?

— Нет, Разина. «Юникс» в ногах путается, давай его под артель замнем?

— Нужно прикинуть, что да как, через парочку дней ответ будет готов, но ничего не обещаю.

— Еще канитель имеется. Аукцион в декабре в Шилке проводиться будет. С нашего поселка на торги выставляют «Кристалл», «Детский мир», магазин кондитерских изделий и еще несколько торговых точек.

— Откуда сведения, я пока ничего не знаю?

— Глава Шилкинской администрации поведал, по секрету конечно, так что сам понимаешь.

— Понятно, что дальше?

— «Кристалл» сторговать хочу, поможешь?

— Лично для себя?

— Нет, под партель.

— Цена высокая?

— Начальная сто тысяч.

— Это что, всего три норковые шапки, такой ресторан? — дунув в пустой стакан, очищая его от пыли, Святой все же не рискнул налить в него чай и поставил назад на подоконник. — Я пожалуй и сам его возьму для банды, а тебе надо, по его надо?

— Олег, уступи на год, всего на один год, — умоляюще сложил на груди ручки председатель «Бирюзы», — качну с него денежку и потом бесплатно тебе передам, задаром.

— А получится бесплатно?

— Устроим.

— Что для хорошего человека не сделаешь, договорились. Разин под надоумил на счет «Кристалла»?

Шатров слегонца покраснел, но не ответил, потому что так оно и было.

— Приходи тогда к часу в ресторан, я с персоналом познакомлюсь и подготовлю их морально к продаже.

— Мое присутствие обязательно?

— Заявок на покупку «Кристалла» сейчас уже шесть, а к началу торгов я уверен будет еще большей все, — поднялся с кресла Святой. — Словимся в час и не опаздывай, у меня лично время горит.

Миловилова Олег заикрючил в цехе разлива. Под мелодичный звон пустых бутылок, катившихся по резиновому транспортеру к аппарату, который наполнял их техническим спиртом, Миша широко размаслав длинные ноги и заложив руки за спину что-то недовольно выговаривал начальнице смены, а проход Святому загородила непонятно откуда выросшая Майка.

— Олежа, — жалобно затеребила она обшлаг его куртки, — помири меня с Лешкой, а?

— Женатый он, понимаешь, Майка? Оставь ты его в покое,

тем более причина есть.

— Помири, не пожалеешь.

— Дашь разок? — Тебе дам.

«Что в ней Ветерок надыбал необычного, подстилка, как подстилка» — зачесались костяшки кулака, но по носу ей Святой не вмазал.

— Что такое дружба знаешь?

— Примерно.

— Леха — мой друг, тебе это о чем-нибудь говорит?

Сообразив, что с ебатой обломилась. Майка огромными наглыми глазищами вперилась в такие же огромные глаза Олега. «Симпатичный мальчик, — облизнула она сиреневую помаду с губ, — все рано я под тебя залезу».

— Олег! — наконец заметил его Миловилов, — Ты ко мне?

— Привет, председатель, гляжу, вертится твоя шарманка, — кивнул он на конвейер.

— Благодаря тебе, Олег. Был я у Культурного, помог он мне и на удивление быстро.

— В нашей фирме бюрократов нет. Нравится тебе твое детище, наверное? Миша не хотел вспоминать, что детище это не его, а Манто и улыбаясь до ушей, согласно затряс башкой.

— Нравится.

— Придется тебе распрощаться с «Юниксом».

— Шуточки у тебя не очень, — ослабил узел галстука Миловилов. — Ты ведь пошутил?

— Не совсем. Разин на вас бочку катит, почему пока не знаю, может ты в курсе?

— Не-е, — промычал Миша или что-то похожее на это, — а куда нас, в ГОК что ли?

— В «Бирюзу».

— Это смерть, Олег, выручай. Восемьсот штук теперь отстегивать стану. Это сейчас, а перспективы вообще крутые, размахнусь — в золоте щеголять будешь.

— Я не один…

— Само-собой! Все значит, заметано?

Тростиночка-директорша Святого слушалась. Шустро вьпроводив обедающих, она в пять секунд собрала в кабинет поваров и официанток и не зная, куда сесть, так как за ее столом восседал Шатров, притулилась у сейфа. Наверное для того, чтобы его лучше видели, Николай Иваныч встал.

— Я — председатель старательской артели «Бирюза» Шатров Николай Иванович. Скоро аукцион и ваш ресторан купит моя артель, Женщины в раз загалдели.

— Вы почему нас не спросили, может мы и не пойдем к вам.

— Пойдете, милые дамы, — вмешался Олег, — другого хозяина у вас не будет, а вздумаете брыкаться, взорву вашу богадельню, вообще без работы останетесь. Бабенки притихли, понимая, что слов на ветер он не бросает.

— Олег, ты бы сам купил нас, а?

— Один год, Александра Сергеевна, отпашете на «Бирюзу» и я вас заберу у артели.

— Правда?

— Как работали, так и продолжайте. Хозяин ваш Шатров, но если он вас обидит, жалуйтесь мне.

Прикачивал суматошный и толковый денек Святой в «Березовой роще» с Агеем.

— Андрюха, вон та девчонка, кто?

— Это Колбаса, с мясокомбината, а че? Влюбился что ли, брось я тебе лучше сыщу.

— Кто она.

— Не целка, это точно, — вылавливал во французском мясе колечки лука Агей, и как ему казалось, незаметно стряхивал их с вилки под стол. — Да не про то я, кем работает?

— А-а, главный бухгалтер.

— Доедай, Андрюха, и давай тащи ее в машину, только без кипиша, я смываюсь.

Агей без труда обманул бухгалтершу и спустя десять минут, она затянутая и воняющая луком, ежилась от холода на заднем сиденье «Жигулей». Остановился Олег снова у кладбища, но в этот раз не случайно и когда вырубил весь свет и заглушили мотор, Колбаса струхнула. За бортом мело снегом, выл в крестах ветер и мороз моментом пробрался под ее легкую выходную блузку.

— Жутковато, — Святой так, чтобы не видела девчонка, включил портативный магнитофон с «Виража».

Бухгалтерша от холода и страха заикала.

— Ты ведь главбухом на мясухе вкалываешь?

— Ага, — заикала она еще пуще.

— В курсе значит всех финансовых операций?

— Ага.

— Вот и просвети нас, балбесов, как начальник твой государство обворовывает.

— Не плачь, Колбаса, че ты? Никто тебя убивать не собирается, — подмыливался к ней Анлрюха, — говори, что знаешь и назад поедем, не жалей ты этого волка.

Промозгло было на пустынной дороге, темно и жутко и только в зеркальце, закрепленном над приборной панелью салона, в свете Луны, поблескивали рыжие коронки Олега.

— Ты что, роднуля, кроме слова «ага» ничего больше не помнишь?

— Помню!

Через полчаса все сидели в теплом, уютном помещении кабака. Под «Белый, белый шарик», кроме которого музыканты почти ничегошеньки не знали, Святой потягивал шампанское и еще разок прокручивал магнитофонную ленту.

— Нормалек. Завтра, Андрюха, в Чернышевск рванем, будь на стреме, а оттуда вернемся и по мясухе встрянем.

Ранним утром, ломая у Лехиного гаража тонкий лед замерзших луж, топтался Агей.

— Ты че в натуре, — ворчливо встретил он Олега, — я замерз, как собака.

— Проснулся кое-как, хорошо хоть Линда, как в туалет захочет, руку мне лижет.

— Давай ключ от «собаки».

— Сам открою. Андрюха, ты водить тачку можешь?

— Я прирожденный угонщик.

— Вообще-то че я спрашиваю, в тюрьме ведь вождению не учат.

На заправке в Нерчинске повстречали шесть иномарок и пока поили жигу бензином, Святой выяснил у перегонщиков, что его бригада уже пашет, с этого каравана деньги она слупила. Через полтора часа тряски по чушачьей дороге над укутанной белым снегом степью, выросло черное облако угольной пыли и копоти, это был Чернышевск. Первой же попавшейся на выезде из города «Тойете» Олег моргнул фарами и, когда та замерла напротив, опустил боковое стекло.

— Привет, путешественник! Откуда прешь?

— Сейчас с товарной станции, а вообще-то с Владивостока, — подозрительно всматривался в незнакомцев щетинистый мужик с хохляцким акцентом. — Я на Читу правивьлно еду?

— Правильно, до товарной как проехать?

— Не суйся туда, парень, не советую.

— Что так?

— Там дикая бригада работает с какого-то Первомайска.

— Знакомое название, — сморщил лоб Агей, с понтом что-то вспоминает.

— Беспредельничают?

— Не так, чтобы шибко, но меня от Владика три раза выхлопами на трассе, а ехать аж до Днепропетровска, где деньги на горючку брать? Вот то-то, а еще тут требуют. Нету, говорю.

— А они?

— А они вырвали с моей тачки магнитофон и шапку

норковую отобрали. Взамен вот листок от календаря всучили, говорят, что это пропуск до Иркутска, — тяжело вздохнул хохол.

— Может в милицию стоит обратиться?

— Да ты что, они с моего паспорта данные переписали, так что отыщут и под землей, не то что на Украине. Машину не изувечили, да и ладно, — снова невесело вздохнул он, — пощайте, ребята, я отваливаю.

Вкатил жигуленок в распахнутые ворота товарного двора как раз, когда там шел очередной погром.

— Не будешь за дорогу платить? Ну и в рот тебя еб… — бушлатился Эдька. — До Читы пока жгете вас всех, блядей, перешмаляют на дороге.

— Послушай, паренек, — в облезлой ондатровой шапчонке вертелся вокруг него пожилой фиксатый бульбаш, — нет у меня ни копейки, честное слово нет, клянусь.

— Вот, штрибанюга, — зло улыбался Эдик, — за восемьсот штук лайбу купил и воет, что денег нет. Сэва! Глянь, че у него отмести.

Сэва все делал с Корешом и хорошее, и не очень. Друзья детства нырнули во вместительное чрево «Мерседеса» и оттуда полетело на грязный утоптанный сне.

— О-е-ей. У него в тачке, словно коммерческий магазин, вылазь, Андрюха, пошли.

— Привет, шпана, — заметив их, вывалился из японского микроавтобуса «Слепой».

— Здорово, трудитесь, гляжу в поте лица.

— Но, запарился к чертям собачьим, тырят деньги не сознательные элементы, приходится рукоприкладством заниматься. Битком салон видаками забит, а денег нет в у волков.

— Бери натурой.

— В смысле, пороть их что ли? — шутя перепутал перегонщиков Слепой, — Да ты посмотри какие они некрасивые, грязные, небритые да еще, наверное — и вшивые.

Прервал их болтовню высунувшийся из «Мерседеса» русоголовый Сэва.

— Святой, шагай сюда.

— Че, Саня?

— Иди, иди, че я тебя зря зову что ли.

— Андрюха, помогай Слепому, — и Олег побежал к Сэве. — Здорово, пацаны, — пожал он холодные ладони подельников и осекся на полуслове. В развернутой мешковине на заднем сиденье лежал автомат. — Где надыбали?

— За спинкой.

— Саня, волоки сюда хозяина.

Сэва и Кореш минуту спустя не очень вежливо втолкали в иномарку бульбаша.

— Че тебя так коноебит? — похлопал его по плечу Святой — За проезд отстегннул?

— Нет, — ответил за белоруса Кореш.

— «Ромашку» где раздобыл? — мужик молчал. — Ну ладно, по-другому спрошу, ты мент? Может это твое табельное оружие? — Не-е, в порту Ванино купил.

— Дорого?

— Пятьсот.

— Мы игрушку у тебя изымаем и за дорогу в расчете, годится?

— Я согласен.

— «Маслята» есть?

— Что это?

— Патроны. — Не-е, нету.

Завернув автомат в мешковину, Олег возвратился к микроавтобусу, в котором шел кипишь.

— Слепой?

— Че? — вылез тот из салона и поглубже на уши посадил шапку. — Что это у тебя?

— Автомат.

— Че в натуре?

— Но, с коротким стволом и откидным прикладом. Я сначала подумал, что ментовский.

— Ништяк.

— Где Женька?

— С Десятком ханку варят.

— Далеко?

— Да нет, вон за забором кемпинги видишь? В первом от въезда, это столовая.

— Чьи кемпинги?

— А хрен его знает. Мы на двух замки сорвали и живем. Объявится поди начальник.

— Кота что-то не видать?

— Я его на вокзал угнал за продуктами.

В кухне столевой на электрической плите Костя разогревал консервы, а Беспалый с Лехой шаманили над эмалированным тазом с молотым маком. Вкусно пахло тушенкой и растворителем.

— Привет, бродяги, — подал Коту сверток Святой. — Притырь куда-нибудь, где поближе взять.

— Ну и нюх у тебя, — накрыл таз крышкой Десяток, — опять на ханку попал.

— Вы где ее раздобыли-то?

— У шпанюков местных.

— Как работенка?

— Далековато от дома, — снял с плиты закипевший чайник Женька, — но прибыльно. Всего третий караван чистим, а капусты уже море, видаки, шмотки, короче все путем.

— По-сколько с машины лупите?

— Эдька определяет, но меньше двадцати пяти не берет, — налил пол-литровую кружку чая Беспалый и пододвинул ее поближе к Олегу.

— Легавые наведывались?

— Еще нет. Пацаны после-экспроприации каждый караван провожают до трассы.

— Грматно пашете, — бросил он на пластиковую поверхность стола норковую шапку и, сдернув мохеровый шарф, положил его на рядом стоящий стул-Сахар где?

— Нету, Олега, вон в пакете конфеты.

— Ветерок где?

— Затемпературил, горло ночью прихватило.

— Говорил я ему… — обжегшись, уронил на пол крышку Леха и сунул на сунулц пальцы в рот.

— Что говорил?

— Одевался, чтобы потеплее, — дул на покрасневшие пальцы Десяток, — так он не слушает, ежик несчастный. Блатует, грудь на растопажку, а перед кем тут блатовать, перед железнодорожниками что ли.

Хохоча в столовку всыпала шпана.

— Вы че, волки, ржете? — долил кружку Святой.

— Ты только ушел, — стал раздеваться брат, — Сэва с Корешом бульбаша отпинали.

— За что вы его, Саня?

— Наглый мерин, — сел за стол Сзва, — помогите говорит лантухи собрать, что вы у меня с машины вышвырнули. Я ему и пнул, а где я, там и Кореш, сам знаешь.

— Слепого где потеряли?

— Он с Рыжим караван провожает.

Неделю отработал Олег в Чернышевске, пятнадцатого он оставил там Слепого, Севу, Десятка и Кореша, с остальными вернулся в Первомайск Людей в бригаде стало не хватать, а работенки к тому времени прибавилось. Шестнадцатого с обеда лучили директора мясокомбината. Жизнерадостный сердечник на два раза прослушал магнитофонную запись и понял, что деньгами хошь не хошь, а нужно делиться.

— Сколько хочешь за кассету?

— Не продается. Пускай пока у меня хранится, а вы не боитесь, все будет шито-крыто. Цели засадигь в тюрягу у меня нет. Денежки раз в месяц будете отстегивать и услути кое-какие оказывать, потянет?

— С удовольствием, Олег, с удовольствием.

Напротив мясухи за железобетонным капитальным забором располагалась геологоразведовочная экспедиция, в административном кирпичном здании на втором этаже находился офис кооператива «Заря». У входа в подъезд Жигули тормознули и Эдик с Агеем пошли тукать председателя. Ветерок баночным пивом полоскал свою ангину и сплевывал в цель приотворенной дверки.

— «Заря», первый раз слышу.

— Я, в общем-то, тоже, закукленная фирма. Богатая, наверное, раз тырится, — на хлоп подъездной двери повернулся Святой, — Ведут, ты, Леха, не знаешь этого мужика?

— Знакомая харя, но близко не знаком, — пододвинулся он по чехлу сиденья, освобождая место для Сыроежкина.

— Что надо, быстрей базарьте, — с места в карьер скакнул тот, — время деньги.

— А ты знаешь, с кем говоришь? — в зеркало наблюдал за выражением лица председателя «Зари» Олег.

— Примерно в курсе, — тряхнул он кудрями.

Резко развернувшись, Святой врезал ему по морде и воткнув передачу газанул.

— Сейчас, кобыла, ты по другому запоешь.

— Подождите, ребята, — съехал Сыроежкнн, зажав кровоточащий нос, — давайте здесь потолкуем.

В карьере Ветерок сразу за кудри выудил председателя из тачки и пнул его в мячик живота.

«На колени»! — на карачки он ставил всех, кого хотел унизить, но выполняли его команду не все. Сыроежкин встал.

— Не бейте, хлопцы!

Но с просьбой он опоздал. Четверо пинали его молча и с остервенением, до хрипоты в легких.

— Может, мякнем его? — потянул из брюк ремень Ветерок.

— Не торопись, — Олег прислонил избитого председателя к гранитному валуну, — отношение твое к мафии не изменилось?

— Простите, мужики…

— Какие мы тебе, капуста, мужики, — пнул его по разбитому лицу Леха.

— Погоди ты, — отстранил приятеля Святой. — Побазарим, председатель, или под камни полезешь?

Тот утвердительно кивнул.

— Платить будешь? — Слово даю, денег на счету нет.

— Что это интересно за кооператив, у которого филок нет, чем вы промышляете и на что живете?

— Пока нет, это пока…

— Два миллиона я тебе, дурню, дам. Через неделю мясокомбинат на счет «Зари» деньги перегонит. Ты их крутанешь, навар пополам, к новому году долг ка мясуху вернешь.

— Так быстро накрутить деньги я не успею.

— Успевай, Сыроежка, или закрывай свою шарагу. Бедный кооператив нам не нужен.

Сев в машину, подельники хлопнули дверками и укатили, а раздетый председатель, чтобы не окоченеть, по пустынной дороге в след за «жигой» чесанул в поселок.

Бывший компьютерный клуб, в котором теперь торговала «Мия», преобразился. В квадратном просторном торговом зале у прилавков толпились покупатели. На немой вопрос, где начальница, одна из ее «девчонок», обвешивающая какого-то мальчонку, кивнула Олегу в сторону подсобки.

— Здравствуйте, мальчики! — явно обрадовалась Меркулова. — Редко заходите, редко.

— Упрек принят, — развел руками Святой, — дела, Альбина Михайловна, дела, а у вас тут красота, чистенько и цены на товар не высокие, в восемнадцатом подороже.

— Стараемся на благо поселка, пока покупатели вроде довольны нами. — Меркулова из несгораемого шкафа достала заранее приготовленный серый бумажный пакет с деньгами и сунула Олегу за пазуху. — Это, ребятки, вам на конфеты.?

— На шоколадные?

— Обижаешь, Олежа, — притворно надула еще не очень дряблые губы Михайловна, — долг платежом красен.

— Полста штук Беспалому в общак, — отдал он капусту брату, когда падали в жигу, — на остальные собери шпану и погуляйте.

Вечером «Березовая роща» отрывалась. Уголовники сдвинули несколько столов вместе. Официантки, которым Эдька дал сто штук вперед, носились, как угорелые. В это время Сыроежкин в гараже «Зари» помогал сдернуть с новенького «Москвича» с шифоном головку блока, нужно было заменить прогоравшую прокладку. Пестун и Якут перегоняли машину из Братска в Краснокаменск, у них была дыра в Китай, куда они и скидывали тачки за доллары.

— У тебя, кажется, морда побита? — посветил переноской на лицо председателя Пестунов.

— Есть маленько, ключ на семнадцать дай? Не этот,

накидной. Мафия в поселке обьявилась, сегодня и мне бока намяли.

— За что?

— Я ведь председатель кооператива. — Понятно.

— Иконников у них за паровоза, не слышал такого?

— Честно говоря нет, а он что местный? — Лет семь назад из Читы сюда переехал. — Ну ладно, «Москвича» отладим и поедем, погоняем вашу знаменитость. В первом часу ночи залаяла Линда, и после этого в дверь толкнулся Эдик.

— Олега, я из кабака, какой-то Пестун с Краснокаменска приперся, тебя требует.

— Мент или блатной?

— Блатюк вроде, говорит Культурного знает.

— Один?

— Базарит, что с бригадой и председатель «Зари» что-то возле него вьется, еще хочет что ли.

— Надоели, суки, ни днем, ни ночью от барыг поганых спокоя нет. Пока я одеваюсь, брякни Ветерку, чтобы на чемодане сидел.

Высокий и усатый, плотно сбитый парень лет тридцати, небрежным жестом пригласил братьев за свой столик.

— Сыроежкина знаешь?

— Знаю.

— Так вот, денег с него брать не будешь.

— Кто это решил?

— Я.

— Все отстегивают и он никуда не денется.

— Тогда сегодня ночью мы всех вас перестреляем. Я не один приехал. — блефанул Пестунов.

— Тем хуже для тебя, — резко поднялся со стула Олег.

— У тебя что денег нет?

— Что?! — сел на место Святой.

— Ты че, глухой что ли?

Почти ничего не соображая, Олег расстегнул молнию на полусапожек, медленно стянул его, затем снял с ноги чистый в общем-то носок и скомкав, швырнул его в усатое рыло.

— Это твой последний аргумент? — ни сколько не обиделся Пестун. «Не судимый значит» — без помощи рук одел обуток Святой.

— Нет, Пестун, — снова встал он, — Эдька, всех наших пацанов с ресторана на улицу собирай к машине, шустрее.

В «Жигули» набились семь человек. Прихваченный морозцем двигатель никак не хотел заводиться. Заднюю дверцу открыл Пестунов и полез в салон.

— Потолковать надобно, куда вы срываетесь?

— Пошел ты на х…, - пнул его ногой в грудь Эдька, но это не помогло.

— Пускай садится, наверное это судьба его, — Олег еще раз крутанул стартер и машина чихнув воздухоочистителем, пустила из выхлопной трубы сизым дымом.

— Айда допивать, — обнял Якут за плечи Сыроежкина и они возвратились в теплую «Рощу». «Жига» остановилась за Лехиным домом.

— Я моментом, — исчез Святой.

Одетый Ветерок чаевал в кухоньке и услышав, как кто-то вошел в прихожку, прямо с кружкой поспешил ему на встречу.

— Это ты, что случилось?

— Привет, оружие у Кота?

— Шабер у меня.

— Давай сюда я одевайся, автомат где?

— У Кота, ни х… дела, — засуетился Лежа и через минуту они садились в тачку.

— Братцы, — врубил фары Олег, — места в салоне маловато, поэтому шуруйте назад в ресторан и ждите меня там. Со мной поедет братан, Ветерок и Агей, добро?

— К положенцу меня везите, — потребовал Пестун.

— Сейчас встретишься и с богом, и с чертом, — отмахнулся от него Эдька. Спустя десять минут жигуленок был в карьере и как раз в том месте, где днем лудили Сыроежку, Пестунова вывели на улицу и прислонили к тому же валуну, не боялся он Святого и криво ухмылялся.

— Что дальше?

— От тебя зависит. — поднял воротник кожанки Олег, — детей зря ты затронул. — вынул он из-за пояса пистолет и слегка оттянув затвор, проверил есть в стволе масленок или нет.

— Ой, как страшно, прямо поджилки трясутся, — сбил на затылок петушок Пестун.

— Зря ты кочевряжишься, я и так вижу, что парняга ты дерзкий, отложим, может, все до завтра, утром ты трезвый будешь, поговорим на свежака, наверное по другому.

— А кто тебе сейчас мешает, базарь. Ночь, темень, хоть глаз выколи, попугай меня, постращай.

— Олега, че ты с ним вату катаешь?

— Подожди, Леха. Слушай, Пестун, ты меня в безвыходное положение ставишь?

— Убивайте, если отпустите живым, я вас всех в этом карьере похороню — вот тут, — похлопал он по валуну широкой ладонью.

— Посадите его в лайбу, — сунул Святой шабер в карман и с минуту простоял в одиночестве, раздумывая, что делать, смерть

этого уебка нужна была пожалуй только ему.

Ветерок выдернул из брюк пьяного Андрюхи ремень и когда Олег открыл дверцы, попытался выбраться из салона.

— Садись, Олега, придержи его, козла, а я задушу. Святой чуток толкнул приятеля обратно и взял у него ремень, накинул на бычью шею Пестун и потянул концы удавки.

— Стой, братан, согласись, эта смерть лишняя.

— Не слушай ты его, давай, дави, — выпучил глаза Леха, — все равно ведь не отпустим!

Святой снова затянул петлю. Прошла минута, а может и меньше, но руки устали.

— Поговорим, — вдруг выдохнула жертва.

— Не отпускай, — швыркнул носом Ветерок, — его поезд уже ушел и он на него не опоздал.

Труп лежал на кровавом снегу.

«У председателя из башки накапало» — подсознательно ворохнулась у Лехи мыслишка и как всегда деловито на синюшной шее покойника он сделал два тугих узла из ремня. Блевал ресторанным салатом Агей. Эдик, присев на теплый капот машины, недоуменно крутил головой, думая о чем-то своем и никто, наверное, не поверит, но опять пошел снег. Жесткий и мерзлый, он не таял ни на горячих лицах, ни на холодном трупе.

— Ну, че вы, подмогните — ухватил покойника за зимние кроссовки Ветерок и волоком попер его в нагромождении камней.

Всего пять минут понадобилось снегопаду, чтобы завалить захоронение Пестунова, там же Олег и двинул речь, но убитого она не касалась.

— Прямиком отсюда шелестим до Лехиной хаты, и вы там останетесь, а я рвану к Беспалому. Запомните — от Ветерка я уехал вдвоем с Пестуновым, вы ни при делах. Одному мне легче будет от легавых отболтаться.

Женька ложился спать, но не очень удивился позднему визиту подельника: тот частенько наведывался в такое время.

— Одевай штанишки, в «Березовую рощу» поедем.

— Случилось что? — стал он быстро собираться.

— Пестуна краснокаменского помнишь?

— Этот тот, что летом мне жути гнал?

— Он самый…

— Где он?

— Минут тридцать назад я его кончил — в двух словах Святой поведал о случившемся.

— Молодцы! Его, ублюдка, еще полгода назад надо было ебнуть, морда барыжная, еще тогда он меня пугал, что всех в Первомайске, кто ему дорогу перейдет, перестреляет. Мне что

делать?

— По дороге объясню.

В ресторане Женька подсел к бухающем Якуту и председателю «Зари».

— Я в поселке на положении, что хотели?

— А где Пестун? — спросил Олега Сыроежкин — Беспалый ему нужен был.

— Я думал он здесь. Возле ПТУ остановились, Пестун вылез из тачки и не вернулся. Может домой упылил, может, куда в другое место. Ну ладно, Женька, я исчезаю, завтра словимся.

На хате у Ветерка Святого не просто ждали, там готовились к войне. Костя притащил из загашника все, что стреляло и взрывалось.

— Кот, ты Пестуна знаешь? — сбросил у холодильника куртку Олег и взял со стола чью-то дымящуюся кружку кофе.

— Нет.

— А из наших пацанов?

На мгновение приятель задумался.

— По-моему, только Сэву.

— Эдька, сейчас дунешь в Чернышевск. Передашь Сэве, чтобы он немедля на паровозе ехал в Читу, Оттуда до Первомайска тоже пусть добирается электричкой и прямо с автобуса пускай шагает к родичам Пестуна. Скажет им, что видел их сыночка на вокзале в Чите. Сегодня у нас шестнадцатое…

— Семнадцатое уже — посмотрел на часы братан.

— Семнадцатое, значит, живым Пестунова в Чите Сэва видел восемнадцатого.

— Все?

— Да, вали. Смотри аккуратнее и не засни по дороге. Если хочешь, можешь с собой кого-нибудь взять.

— Один доеду, ключи от машины давай.

— В кожанке, шабер под водительским сиденьем.

Леха пошел закрывать за Эдиком дверь.

— Олега, пять трупов уже, многовато.

— Были, Кот, у нас причины и на это убийство. Понимаю, чувствуешь ты себя неуютно из-за того, что нас теперь преследует закон, но делает это он не из-за того, что мы мякнули человека, а из-за того, что мы нарушаем схему жизни, которую построило государство. Можно убивать людей, но только за медали и ордена. Кто-то на крови делает карьеру и получает за это не плохие денежки, а нас с тобой за ту же кровь накажут. Ты где-нибудь встречал, чтобы государство пропагандировало насилие над женщинами, допустим или детьми?

— Нет вроде.

— А убийство государством поощряется, но только на государственном уровне. Бесшумно вошел в кухню Ветерок.

— Пестун с кодлой?

— Не знаю, Леха. Костя до утра останется у тебя. Чуть чего — звоните. Я до хаты отрываюсь, меня по ходу первым шевельнут — прихватив автомат и пару гранат, Святой ушел.

Рассвело поздно, валил за окном снег и глупая Линда, радуясь ему, оглушительно лаяла. Жена жарила блины и, не смотря на выходной день, Максим и Игорехой уже проснулись.

— Папа, дядя Саша к тебе пришел — отворил дверь младший сынишка и упорол на кухню к матери.

Воробьев с Якутом, отряхнувшись от снега, прошли в зал.

— Здорово, Олега — сели они рядышком на диване.

— Извини, что спозаранку — пятерней поправил ежик на башке Воробей — Якут вот попросил, чтобы я его к тебе сводил.

Святой прибавил звук телевизора.

— Говори.

— Олега, Пестунов где?

— Дерзен был твой друган, но и я не лом во ржи, пришлось его укокошить.

— Надеюсь, ты шутишь? — то ли вспотел Якут, то ли снег таял на его лице.

— К сожалению другого выхода у меня не было. Детей он затронул, нагрубил кучу.

— Что я его Лизке скажу? — схватился за перебздевшую голову Якут — у него ведь двое ребятишек осталось.

— Вчера нужно было об этом думать, ведь дело прошлое, ты мог его тормознуть, когда он бушлатился, вы ведь, кажется друзья? Шобле Пестуна передай, чтобы жгли отсюда и быстрее.

— Какой шобле? Нет у него, вернее не было бригады, в двух мы прикатили — снова взялся за гудевший шарабан Якут — что я его Лизке теперь болтать буду, что?

Через час он летел по трассе на Краснокаменск и прикидывал, отразится каким-нибудь боком на нем убийство друга или нет. Получалось, что нет и даже наоборот, деньги с продажи «Москвича» теперь достанутся ему одному.

В двенадцать дня разбудил Святого возвратившийся с Чернышевска брат.

— Караван из восьми иномарок платить отказался — широко зевнул он и потер красные от бессонно проведенной ночи глаза.

— Часа через два он мимо Первомайска пронесется, пацаны на своей тачке у него на хвосте повиснут, а спереди надо бы нам их встретить.

— Спать хочешь?

— Смертельно, — упал Эдька спиной на кровать.

— Ночью выспишься, вставай. У Ветерка дома Кот сидит, шуруй туда. Собирайте оружие, бригаду и ко мне.

Выполнив поручение брата, Эдик последнего из банды Агея выхватил на квартире у его матери и газанул в ресторан за продовольствием на дорогу.

— Стой, Эдька, тормози! — заметил Сыроежкина Андрюха и с не совсем еще остановившейся «жиги» выпрыгнул на дорогу.

— Эй, Сыроежка, ходи сюда, поганая коблуха.

Пинали его приятели прямо посреди поселка и среда бела дня, приговаривая:

— Из-за тебя, сучонок, человека порешили, жена осталась без мужа, дети без отца. Продавай, козлина, свой кооператив засраный и все деньги от продажи семье Пестуна отдашь. Месяц срока, потом охоту на тебя откроем.

Словно наворожил Эдька, ровно в два на последнем перед Размахнино взлобке показался караван. Леха перегородил проезжую часть «жигуленком». Коротко стрекотнув из автомата вверх, Олег в минуту согнал легковушки с трассы и, не снимая маски, через заметенный снегом кювет, пошел вслед за скрывшимся в придорожных елках караваном. Потрошили иномарки деловито, весело и немного суетливо. Визжала на заднем сидении «Тойоты» в нутриевой шубе молодая девушка, которую придавив коленом и тыча обрезом в шею, стращал Сэва.

— Где деньги, курица?

Обрезом пятизарядки лупил какого-то чукчу Рыжий. Ветерок, раздев до трусов здоровенного жлоба, тоже искал деньги. Кот, Слепой, Кореш и Беспалый пинками сгоняли перегонщиков из тачек в микроавтобус. Эдька с Десятком и Андрюхой выворачивали из опустевших от владельцев машин упакованные в целлофановые мешки вещи и радиоаппаратуру.

— Завязывай — остановил Вовчика Святой.

— Это казах, они в армии меня хлеще лудили!

— Я сказал харэ, иди лучше паспорта собирай и тащи ко мне или пока в нашу «жигу» брось.

Сэва сдирал с бабы шубу.

— Снимай, овца, новую купишь.

— Оставил бы ты ей эту шкуру, замерзнет.

— Не-е, пускай скидывает. Она, стервоза, с пальцев все кольца с брюликами проглотила, жадная, скотина. Продрищется, возьмет себе таких шуб еще штук десять.

Сухо шмальнули с шабера. Держа автомат стволом в небо, Олег пошел на звук.

— Че ты?

— Да пока ему, козлу, в ноги не стрельнул, деньги не отдавал. Одевайся, яйца отморозишь, — ногой пнул в сторону жлоба шмотье Леха — следующего давайте!

Слепой выпустил из микроавтобуса следующего.

С каравана слупили прилично. Две своих легковушки забили лантухами так, что казалось, самим садиться будет некуда. Бумажный мешок с деньгами Святой забросил пока на крышу и, поставив автомат на предохранитель, влез в автобус.

— Ограбили вас потому, что не уплатили за дорогу. Вот ваши паспорта, мы переписали с них ваши фамилии и места прописки, в ментовку заявлять не советую, найдем любого. Сейчас мы уедем, вы тронетесь в пять и не хитрите. Одного своего человека я на всякий случай оставлю присматривать за вами. Счастливого путешествия — вылез он из микроавтобуса.

— Иди сюда — махнул автоматом Сэве — ты че не в Чите?

— Поезд с Чернышевска до Читы ближайший самый в пятом часу, так что я лучше с Солнечной уеду, а назад, наверное, завтра. Что о к чему Эдька мне объяснил.

— Один укатишь?

— С Корешом. Высадите нас на станции, в поселок мы заглядывать не будем. Домой ко мне сходи, скажи сестренке, чтобы Луну проведала — как она там?

— Кто это Луна и где она, подружка?

— Ты че, жена — улыбнулся Саня — в больнице лежит, не сегодня завтра родить должна.

— Так ты почти папаша, поздравляю.

Филки и шмотки разбанковали поровну, долю Сэвы и Кореша, пока те в поездке, забрал Слепой. Замыв эту делюгу в «Кристалле», поздней ночью путем затянутые Женька, Слепой, Десяток и Вовчик, мотнули в Чернышевск. Остальные остались с Олегом в Первомайске.

Двадцать первого, вечером Эдька приволок в люкс высокого сухопарого парня.

— Сиди, чучело — толкнул он его в кресло и пошел в сауну за старшим братом.

— Олега, в гостиной зять Меркуловой — присел он на бортик бассейна.

— Что ему?

— Вчера в «Кристалле» по пьянке болтнул, что его теща тебе кровь пустить собирается.

— Устал я, Эдька. Позвони ко мне домой, пусть Ленка ребятишек сюда отправит, побарахтаюсь с ними, а с зятьком сам разберись. Андрюху в помощь возьми, что ли.

Зять Альбины Михайловны отделался легким испугом, новую видеодвойку «Джи Ви Си» и двести тысяч наличкой — вот и все, с чем ему пришлось расстаться.

С Меркуловой за длинный ее язык в виде наказания Эдька содрал пятьсот штук деньгами и сто ящиков «Боровинки».

На следующий день в обеденный перерыв Святой сидел у Разина.

— Олег, Шатров передавал тебе мою просьбу на счет «Юникса»?

— Загнать его в артель?

Директор утвердительно прищурил глаза.

— Невыгодно. Миловилов на мою банду хорошие бабки отстегивает.

— Подумай, Олег, может все-таки в одни руки поселок взять, конкурентов не будет, понимаешь?

— Владимир Иваныч, почему вы так об артели печетесь?

— Почему говоришь — ему нужно было прикинуть, чтобы ответить и директор прикурил сигарету. Красиво запел телефон.

— Разин слушает, кого? Тебя, Олег, — подал он через стол трубку.

— Кто это?

В мембране орал Сэва.

— Родила Луна!

— Поздравляю! Ты как меня нашел?

— Эдька сказал, я у него в гостинице. Копытца обмываем, не сваливай никуда. — Дай Эдьке трубочку. Братан, откупай на вечер «Березовую рощу», забашляй там всем, кому положено. Кто родился-то хоть у этого гангстера? Девочка? Все, понял, отбой.

— У кого прибавление? — стряхнул пепел под стол Разин, пепельницы не было.

— У товарища моего обстоятельства в жизни появились, которые теперь будут сильнее его.

— Я его знаю?

— Нет, Владимир Иванович. Так что у нас с «Бирюзой», вы так и не ответили?

— Она почти моя, я в ней учредитель, так что это мое дитя. На-ка вот держи — толкнул по столу директор к Святому лист бумаги с машинописным текстом — это все объекты, которые на аукцион выставляются.

— Спасибо — он бегло прощупал печатное — здания СМУ здесь нет, почему?

— Весной, Олег, весной.

— Хорошо — Святой вчетверо сложил лист и сунул его во внутренний карман куртки.

— У вас к управлении в кассе девушка работает, квартиру ей нужно.

— Многие в жилплощади нуждаются.

— Она не многие, она жена моего друга.

— Это совсем другое дело — директор ГОКа из папки с бумагами взял авторучку и на листке настольного календаря приготовился писать — как ее фамилии?

— Ветрова.

— Хоть маломальская хатенка у них имеется?

— Однокомнатная.

— Чудесно, нет проблем — бросил он ручку на стол — скажи, пускай зайдет ко мне, хоть когда.

На первой этаже управления Олег столкнулся с Воробьевым.

— Привет, ты в курсе, что Эдик мне двести штук крутить дал?

— Обязательно, как твоя коммерция?

— Все путем, цветет и пахнет. У сына Ковалева пистолет газовый отняли, ты знаешь?

— Когда и что за сын, откуда он взялся?

— С Москвы прилетел, похоже, насовсем, а пистоль у него, по-моему, два дня назад отобрали. Юрий Викторович просил помочь. У меня все, если я тебе не нужен, то бегу.

К вечеру Агей нашел пукалку. Пингвин отнял ее у сына начальника ОРСа, когда тот по бухлу в ресторане начал из нее травить посетителей.

Двадцать девятого ночью Святой с братом упороли в Чернышевск.

Бригада пахала путем, и на одного человека в ней стало больше. Местный парнишка по кличке Гуран прибился к первомайцам и уже приработался с ними, только выглядел он пока не так, как они, в черной трепаной телаге и без шапки. Попив крепкого чая, все, кроме Эдьки укололись и, взяв часть денег, что надербанила бригада за эти дни, через час машина катила уже в обратном направлении, на Читу.

Обедали, а может уже и ужинали в «Лотосе», часы показывали четыре. Ни Секретаря, ни Культурного босота никак не могла отыскать и, прикончив пельмени, первомайцы собрались, было ехать в заежку, как появился Ловец.

— Привет, шпана, вы к пенсионеру? — и, не дождавшись ответа, взял Олега за локоть — отойдем в сторонку, посекретничаем.

В закутке кухни присели на мешки с сахаром.

— Канитель, Олега, серьезная есть, поможешь?

— Тебе помогу.

— Только между нами, чтобы никто больше не знал. Тут за

углом комок есть, его летом какие-то пацаны грабанули. Крышу этому магазину Калина делает. Он сразу засуетился, а Гоцман ему вот здесь в кафе высказал прямо в глаза, что правильно пацаны и сделали, что «Лион» тряхнули. Калине это не понравилось и, по-моему, он на Саньку злобу затаил. Граната, которая ему в «девятку» залетела, кажется мне, Калининых рук дело.

— Наебнуть его?

— Пока нет, не надо. Вдруг это не он, может случиться, что ты со своими хлопцами понадобишься. Значит, в принципе ты не против Калине башку сорвать?

— Конечно, кто он такой в нашем мире. Как только я тебе понадоблюсь, цинкуй.

— Еще, Олега, просьба, у вас ведь в поселке рудник, может, взрывчатки достанешь?

— У меня есть. Сколько нужно? Килограмм сорок хватит?

— За глаза, только не на Культурного отправляй, а на меня. Этот пенсионер все равно ей применения не найдет. Что на котлы посматриваешь, торопишься?

— Да, в общем-то, пока светло хотя бы до Урульги докатить — вытащил он из кармана куртки деньги — держи, Гриха, пятьсот штук. Отдашь Пал Палычу, скажешь на Читинский общак с Чернышевска, а эти двести — на воров, куда отправить, решите сами.

Эдик остался погостить у родителей, а Святой с Женькой махнули в Первомайск. В Урульге перед съездом с асфальта на гравийку, в самом повороте словились с иномарками и Олег едва успел перегородить им проезжую часть «жигуленком».

— Беспалый, сходи узнай — за дорогу платили?

Минут пять Женька катал вату с перегонщиками, проверяя у тех листки календаря, которые им после отстежки выдавали в виде пропуска до Иркутска первомайцы, и довольный вернулся.

— Ништяк, с Чернышевска прут. Базарят — бригада Святого пашет, с тачки по двадцать пять тысяч отстегнули.

В поселок заехали в одиннадцать. Высадив Беспалого возле заканчивающего работать «Кристалла», Святой газанул до хаты Воробьева. Два раза коротко посигналив, он выключил свет фар, и устало, насколько позволяла теснота салона, вытянул ноги. На отходе с ханки чуть выламывало суставы и покалывало печень. Опиуха — вещь конечно путняя, но печень все же разрушала.

— Привет, Олега — в телаге на голое тело и шлепках на босу ноги в тачку влез Санька — что так поздно?

— В Читу когда собираешься?

— Как скажешь.

— Тогда завтра. Возьмешь сорок килограмм взрывчатки и отдашь в «Лотос» но не Культурному, а Ловцу, понял?

— Усек — прибавил оборотов обогревателю салона Воробей — Юрий Викторович тебя срочно заказывал, если временем располагаешь, забеги к нему.

— Зачем я ему?

— Мне не говорит — отквасил нижнюю губу Саня.

— Ладно, шуруй домой, я к Ковалеву.

Пока начальник ОРСа готовил кофе, Святой еще раз блуждал в его хоромах.

— Юрий Викторович, у тебя зарплата какая?

— Слезы, Олег, детские слезы.

— Почему ты тогда богатство свое не скрываешь, а? Или у тебя с ментами все вась-вась?

— Обижаешь старика, это все нажито честным путем, понимаешь, честным.

— Врешь, конечно, ну да бог с тобой — вошел в кухню к честняге — старику Святой и плюхнулся в глубокое плюшевое кресло — что у вас ко мне за дельце?

— С Сочи человек один прилетел, старый мой знакомый, предлагает пять вагонов мандарин к новогоднему столу, но требует предоплату.

— Ну, и какие проблемы?

— Боюсь, что он меня обманет или вообще мандарины не отдаст или отцепят его люда вагоны на соседней станции, потом ищи-свищи. Время сейчас сам знаешь, какое. Я покупаю, а ты обеспечишь со своими ребятами доставку груза в поселок. Наварим бешеные деньги, товар ходовой, скоро ведь праздник.

— Говорите, старый знакомый, а что тогда его боитесь?

— Нас, работников торговли, связывает между собой не дружба, а денежки. Давай, Олег, я тебе в кофе коньячка добавлю.

— Чуточку можно, кумар собью.

— Что такое кумар?

— Вроде как опохмелиться, только не с водки. Доболтались, Юрий Викторович, как у тебя срастется все с мандаринами, дашь знать. Может, врежем грамм по двести?

— Честно говоря, очень хочется, но, увы — с сожалением глянул на бутылку Ковалев.

— Ноги не держат?

— Не держат, проклятые.

Пятого декабря вернулся с Читы Эдик. Шестого перед обедом его разбудил старший брат.

— Как там отец с матерью?

— Нормально.

— А что тогда такой кислый?

— Забухал со школьными друзьями, в комок зашли, пива взять, а нас там сначала обсчитали, а потом еще и грубанули. Хотел директору рожу набить, но кое-как сдержался.

— Правильно и сделал, магазин богатый?

— Жирненький, — залпом выпил стакан воды Эдька — шубы, кожа, видаки, впороть можно — и потянулся к зазвонившему телефону — это тебя — подал он трубку брату.

Звонила жена.

— Олежка, какой-то Слепой с Чернышевска только что по телефону со мной говорил, сказал, чтобы ты встречал караван на старом месте, он с парнями тоже туда подъедет.

— Спасибо, Ленуся, сегодня рано домой меня не жди.

В двенадцать ночи каравана еще не было. Решили подождать еще час и отваливать. Машину Рыжего поставили ниже по трассе, чтобы она блокировала иномарки сзади. В ней кемарили Кот, Андрюха и Кореш. Без пятнадцати запищала рация.

— Олега, мимо нас прошел караван из восьми тачек, а Вовчика припадок колошматит, что делать?

— Все, как запланировали, Андрюха, этого придурка на заднее сиденье положите и машинам на хвост садитесь.

«Жигу» со снятыми номерами поставили поперек укатанной дороги, натянули маски и полезли из теплого салона в мерзлую ночь. Спустя мгновение в темноте заблистали яркие фары иномарок и еще через минуту караван замер перед человеком с автоматом. Работа закипела. В хвостовой тачке водила не открыл Агею дверь и тот принялся вышибать в ней лобовое стекло. Переднюю «Тойоту» пинали несколько человек, шофер тоже не отмыкался и не опускал боковое стекло.

— Съезжай, сука! — орал Слепой где-то в середине вереницы машин и долбил стволами обреза по блестящей под звездами крыше «Мерседеса».

С шумом и гамом, но караван с трассы согнали и заставили на всех тачках вырубить освещение. Леха с Сэвой под обрезами гуртовали перегонщиков, остальные потрошили легковушки.

— Иди-ка сюда — окликнул Олега Десяток — вон тот, толстомордый в норковой шапке, в Чернышевске всех водил уболтал, чтобы за проезд не отстегивали.

Святой прошел к тому и молчком врезал по толстой складке подбородка.

— За что? — сжалился мужик в рыхлый снег и прикрыл лицо руками.

— Не прикидывайся, поросенок, из-за тебя всех чистим, мы уедем, мужики, еще ему всеките. Сейчас без двадцати два,

тронетесь в четыре, и в следующий раз, кто из вас тачки перегонять будет, советую за трассу платить.

Чтобы Рыжий не подавился собственным языком, Костя разжал ему ножом крепко стиснутые зубы и стволом обреза прижал язык к нижней челюсти. Изо рта опять, как и в Иркутске пенило, но тогда Кота не стошнило, а сегодня он на подельника блеванул и когда отпахавшие приятели возвратились к «жигуленку», он громко хохотал.

— Вот, блядство, думал караван почешу, а пришлось в блевантине купаться. Шмотки и деньги поделили на даче Ветерка, тачку Вовчика до утра оставили там же, а его самого, полупарализованного, Олег увез до дома и помог дотащиться до квартиры. В Чернышевск никто не вернулся, перед делюгой в Чите.

Святой дал банде двое суток на отдых.

Восьмого Кот и Сэва повезли оружие до Читы на электричке, а Олег, Леха, Рыжий и Эдька — на двух машинах, взяв с собой только шабер.

— А почему курок взведен? — Святой посмотрел на Вовку, у которого последнюю ночь ночевал «ПМ», затем вынул обойму и пересчитал патроны. Их было шесть, один в стволе.

— Где восьмой?

— Извини, Олега, честное слово, черт попутал. Вчера вытащил его из курка, пока супруга плюхалась, в зеркало в серванте прицелился и нажал на курок, а он выстрелил. Зеркало вдребезги, ребенок перепугался, а жена от страха чуть в ванне не утонула.

— Ох, и мудила же ты, Рыжий — не открывая глаз, пробормотал Ветерок — Олега, что за дело в городе?

— Эдьке грибосос один нагрубил. Седло ему поправим и заодно комок его выхлопаем.

Входные двери магазина закрылись равно в семь. Со служебного хода вышел сторож и стал закрывать железные ставни. У него на хвосте подельники и ворвались в комок. Все были в масках. Эдька сразу устриг своего обидчика и пнул его ногой в голову. Директор перелетел через стол и, повалив вешалку с одеждой, упал на пол. За спиной брата, держа в правой руке автомат, стоял Святой, все остальные шманулись в торговый зал. Эдик продолжал пинать директора, тот хотя и ничего не понимал в происходящем, но не орал. Парнишка — сторож видел такое только в американских боевиках и до того испугался, что сел на корточки за массивный коричневый сейф и крепко зажмурил глаза.

— Вставай — ткнул его стволом автомата в лоб Олег.

— Шевелись, время нет, — и почти силком упер парня в туалет — сейф, за которым ты тырился, где от него ключи?

— У бухгалтера, она только что ушла.

— Молодец — подбодрил он сторожа — сейф с капустой?

— Да, в нем три миллиона деревянных и четыреста штук зеленью, сам видел. На голоса в сортир заглянул Сэва.

— Помочь?

— Не надо, что у вас?

— Ништяк, их всего двое, хозяин да он — кивнул на паренька Санька.

— Пацаны работают, а работы — море — поднял он указательный палец вверх, магазин, что надо.

— Ладно, иди — и повернулся к сторожу, сидящему на унитазе.

— Тебя как звать?

— Вадим.

— Вот что, Вадька, я тебя на сничку запру тут, а ты тихонько посидишь, договорились?

— Вы меня не убьете? — в больших глазах парнишки блестели слезы надежды.

— Нет, конечно, ты, что с ума сошел, за что тебя жизни лишать? Вот видишь, не за что, ты куришь?

— Ага.

— Покури минут сорок, а почувствуешь, что мы утопали, вышибай дверь, понял?

— Понятно.

Сняв с «Жигулей» номера, подогнали их к служебному входу и битком утрамбовали шубами, кожаными куртками, видеомагнитофонами, парфюмерией и женским шмотьем. В шиньон «Москвича», принадлежащий магазину, загрузили сейф. Директору связали руки, втолкали в туалет к сторожу и три тачки рванули из города. Святой первым миновал пост ГАИ в Песчанке и сообщил по рации в следом идущие машины, что ментов нет. До Первомайска добрались без приключений и во втором часу ночи на даче Ветерка взломали сейф. Пацан не обманул, кроме денег в несгораемом шкафу нашли еще и двести приватизационных чеков. Раздербанив все поровну, выделили и тем, кто на деле не был. Как всегда отломили и в общак. В начале пятого исковерканный сейф забросили в «Москвич» и Леха с Котом газанули подальше от поселка. Когда стало светать, они свернули с дорога к реке и у паромной переправы в громадной проруби утопили и машину, и сейф.

Проснулся Олег после обеда. Чуть моросило снежком, погода была отличной и прихватив с собой Линду, он решил прогуляться

до «Детского мира».

Дородная директорша скучала в своем кабинете, и от нечего делать аккуратно щипала брови. На вошедшего без стука посетителя она даже не взглянула.

— Чем обязана?

— Здравствуйте, я Иконников. Женщина резко к нему повернулась.

— Здравствуйте, проходите, садитесь.

— Спасибо — не снимая шапки, а чуть сдвинув ее на затылок, Святой сел и хлопнув ладонью по загривку собаки, положил ее на пол рядом со стулом.

— Пугать, наверное меня пришли?

— Помогать.

— Помогать?! — удивленно вытаращилась Наталья — это чем интересно?

— Надеюсь для вас не новость, что магазин выставляется на ближайший аукцион.

— Да, я в курсе.

— А сами выкупить свой магазин вы бы хотели?

— К сожалению, это не возможно. Заявки на «Детский мир» подали «Юникс», пищекомбинат, артель, Азарян и еще кто-то.

— Чепуха все это, Наталья, я устраняю всех конкурентов, так что купите свой магазин за начальную цену. Январь, февраль и март — вам на раскрутку, а с апреля — по пятнадцать процентов от прибыли будешь мне отстегивать.

— Да хоть по двадцать — ей, как и всем, не хотелось иметь хозяина — но ничего у тебя не получится. Тягаться с такими…

— Это уже не твои заботы.

— Хорошо. Олег, ты начальную цену нашего магазина не знаешь?

— Сто двадцать тысяч.

— Смеешься, всего четыре норковые шапки?

— Да, всего четыре, но это начальная цена. Планируют же ваше заведение сбулькать за девять миллионов.

Директору мясокомбината, главному инженеру и Баритонову достался продуктовый магазин номер семь. Миловилову Святой разрешил взять с аукциона овощной магазин с пристроенным к нему пивбаром, цех кондитерских изделий и продмаг «Новинка».

Дня через два позвонил Рыжий.

— Привет, Олега, это я.

— Слышу, что ты, не болеешь?

— Пока нет.

— Что нужно?

— В кинотеатре «Россия» на втором этаже в бильярдной

четыре цветных телика стоит с компьютерами, можно мы их наблындим?

— А в чем дело, денег у тебя на хлеб не хватает и вообще, почему у меня разрешение спрашиваешь?

— На всякий случай, вдруг ты вернуть заставишь, туда ведь братан твой частенько заходит.

— Вор должен воровать. Кого возьмешь на делюгу?

— Сэву и Кореша можно?

— Потянет, пока они в Чернышевск не умотали. Отработаете, скажешь.

Двадцать пятого Олег взял с собой в люкс сыновей. Максим и Игорехой плескались в бассейне, а он с братаном и Агеем крутили по видику порнуху, вшивая томные вздохи проституток с Германии китайским пивом. Ритка привела из ресторана двух парней.

— К тебе. Говорят с Читы.

— Падайте. Вон пиво, рыба, налетайте.

— Спасибо, мы сыты — подал Святому запуску усатый, неопрятно одетый, лет тридцати двух, парень.

— Это тебе, от Культурного — опустился он опять на стул.

«Братка, пишет «К». Пацан, который тебе эту маляву отдаст — мой человек. Чем сможешь, подсоби, он все растолкует. Малек сожги. Заранее благодарен».

— Ясность полная. Что надо? — поджег он записку.

Откашлявшись от волнения, заговорил тот, что давал Святому маляву.

— Я адвокат. Работаю в Чите. Предложение такое. Вы мне помогаете приобрести «Лакомку», а я, разумеется, бесплатно, буду в твоей бригаде адвокатом до самой пенсии.

Предложение было заманчивым, но цех кондитерских изделий Олег пообещал Миловилову.

— Как тебя по батюшке?

— Миша, фамилия Жабинский.

— Сейчас десять вечера, Миша, а завтра в десять утра аукцион, если что-нибудь изменить успею, то считай — тебе повезло. В басике сыновья мои плещутся, присмотрите за ними. Эдька, пошли.

Когда пришли братья, председатель «Юникса» ворожил над ведомостями с калькулятором.

— Здорово, Миша, корпишь?

— Здравствуй, Олег — загнал он собаку в ванную комнату.

— Вкалываю, проходите, только тише — мои уже спят. В кухню проходите, что так поздно?

— Придется слепка переиграть — Святой объяснил ему

ситуацию насчет «Лакомки».

— Может, оставишь ее мне, это ведь не просто магазин, а целое производство.

— Рад бы, Миша, да не могу — Культурный просит.

— Все у меня отнимаешь.

— Не понял? Ведь со всеми добазарились, все путем вроде.

— А «Новинка»?

— Твоя ведь «Новинка»?

— Баритонов вчера позвонил, говорит, что пищекомбинат заявку на нее подал.

— Вон что! Спи спокойно, Мишаня. Сейчас все утрясем — попрощались братья. Директор «пищухи» жил в коттедже на краю поселка у самого леса, по соседству с Ковалевым, Олег нетерпеливо и зло постучал в залепленное зимними узорами стекло кухонного окна и вызвал хозяина усадьбы во двор.

— Сергей Михалыч, а что у вас за канитель с «Новинкой», ведь мы решили ее «Юниксу» отдать.

Обломанной спичкой Баритонов колупался в зубах.

— Этот магазин купим мы.

— Кто это мы?

— Пищекомбинат и будем за него торговаться в пределах тридцати миллионов.

— Вы что, пьяный?

— Никак нет — выплюнул спичку на крыльцо директор.

— А что тогда за чуть порешь? Начальная стоимость «Новинки» миллион двести тысяч. Пусть Миловилов ее за эту цену и приобретет. Допустим, вы возьмете магазин за двадцать миллионов, а я вам его взорву. Пропадут денежки, да и со мной поссоритесь.

— Первое тебе помешает выполнить милиция, а второе, по-моему, не страшно.

— Интересно ты запел — поймал его Эдька на удавку и потащил волоком по хрустящему снегу хрипящее тело в сторону чернеющего леса.

— Щас, сучка, обдрищешься.

Вертухался Баритонов так, что в разные стороны полетели его валенки.

— Приотпусти его, Эдька.

— Все, Олег, все — только ослабла удавка, просипел почерневшими губами директор.

— Что все?

— Все, что хочешь.

— Что Сергей Михалыч, страшно стало?

— Страшно — глянул он на желтое в темноте кухонное

окошко — страшно.

— Бзделоватый ты конь, а что вдруг брыкаться начал? Я обращаюсь к тебе по имени-отчеству, но это не означает, что я тебя уважаю. Для своих подчиненных ты начальник, а для меня — крыса, даже еще хуже. Работяги верят в тебя, а ты, государственный чиновник, их обкрадываешь. Ползи домой, собака, и рот свой поганый больше не разевай, а то пулю словишь, это последнее предупреждение.

— На брюхе ползи — ногой не дал Баритонову подняться Эдик — ну, давай.

Босой директор пополз.

— Вставай, что смотришь? — удивленно и недоуменно крутил головой Святой — у тебя чувство достоинства вообще, что ли, отсутствует? Баритонов не отвечал.

— Гавно свинячье — пнул его в пах Эдька.

Утром всей бандой выехали в Шилку. Аукцион проходил в актовом зале здания горсовета. Агей внимательно осмотрел всех присутствующих в зале и вышел к подельникам в фойе.

— Олега, там директорша «Лакомки» со своими продавцами сидит.

— Приведи ее сюда.

Минуты три спустя Сэва с Андрюхой вывели из зала невысокую симпапулю.

— Здравствуйте, как мне к вам обращаться?

— Ирина Михайловна — поправила она на пышной прическе белую кружевную шаль — можно просто Ирина.

— Где вас таких красоток делают?

— На Украине — улыбнулась женщина — а что?

— Потом скажу.

— Когда?

— А вот ответишь мне, что ты тут делаешь и скажу.

— Думаю с девчонками «Лакомку» выкупить.

— Денег хватит?

— Должно. Начальная стоимость вместе с товарооборотом триста пятьдесят тысяч. Наскребли кое-как, да заняли маленько, выкрутимся, поди.

— Не получится, Ирочка. Ваш цех возьмет вот этот парень. Ничего плохого он вам не сделает, правда, Миша?

— Конечно.

— Вот видите, да и я рядышком, так что бояться вам нечего.

— А кто ты?

— Иконников.

— Старший?

— ОН самый.

— Мафия, значит?

— Вроде так.

— Можно мне хоть на торгах присутствовать?

— Пожалуйста, Ирина Михайловна, только спокойненько, без кипиша, ладно? Она еще раз оценивающе посмотрела на Жабинского, и чуть поникнув головой, ушла в шумевший аукционом актовый зал горсовета.

Торт прошли именно так, как запланировал Святой. Единственное — проморгали «Хозтовары», магазин приобрел Федя Буянов, у которого прошлой зимой Олег обокрал склад. Его подождали на улице и когда он, радостный удачной покупкой, выгреб на улицу из двухэтажки, его посадили в «жигуль». Буянов по молодости отсидел в тюряге пятнадцать лет и был себе на уме, но с организованной преступностью напрягать отношения не стал. Договорились, что его жена, работающая на базе ОРСа товароведом, будет регулярно сообщать Воробьеву обо всем дефиците, поступающем на базу, и с магазина он будет отстегивать исправно каждый месяц. Обратно Олег ехал в тачке Рыжего, у того после припадка побаливала левая рука и баранку крутил Ветерок.

— Как, Вовка, с «Россией»?

— Нормально. Сторожа не было, стекло аккуратно выставили. Сэва, оказывается каратист — с одного удара дверь в бильярдной ногой вышиб. Телики в «жигу» пересортировали и затем у меня в гараже притырили.

Улыбался своим потайным мыслям Миша.

— Чему радуешься? — толкнул его корпусом Святой.

— Жизни.

— Врешь, ни черта хорошего в ней нет. Ирину Михайловну теперь на торт, наверное, мазать станешь или так, в прикусочку? Ответить адвокату помешал младший брат.

— Олега — развернулся он на передней седушке — а че мы все поотдавали с торгов, сами бы купили, например «Кристалл» или продмаг какой-нибудь на худой конец.

— Рановато. Они и так на нас пахать будут. Торговля в Первомайске хиреет потому, что в ГОКе сокращение штатов происходит, и у рабочих денег нет. Вот коммерсанты пускай и раскручивают бизнес, а через пять лет мы отберем у них все, что они сегодня поднакупили.

За базарами нежданчиком вырос железнодорожный мост через Ингоду. Шлагбаум, как всегда мигал красными фонарями и экономя время, Леха свернул вправо, намереваясь переправиться на ту сторону по льду. Зад легковушки занесло и он, выравнивая ход, резво крутанул руль влево. Оказалось поздно, и мягко

крутанувшись по заснеженному откосу три раза, машина встала на крышу. Пострадал один Вовчик и то морально, прикидывая, во что ему обойдется ремонт.

— Не вешай, Рыжий, гриву, тащи эту кастрюлю на станцию техобслуживания — отряхивался от снега Святой — за ремонт деньги с общака выделим.

Двадцать седьмого бригада уехала в Читу на поминки Гасана. Начальник второго отдела Управления по борьбе с организованной преступностью майор Кладников завалил Гасанова, когда тот пытался ограбить коммерческий киоск. С городского общака вьделили на похороны двести тысяч, столько же привез Олег. Еще два дня после поминок по просьбе Культурного он со своими пацанами поработал на Читинских аукционах и на прощание, швырнув пару гранат в магазин несговорчивого барыги, бригада рванула домой.

Новый, девяносто третий год мафия встречала в «Кристалле». На праздничных, шикарно уставленных столиках, в полумраке зала горели свечи. Воробьев расстарался, чтобы все было на должном.

— Подарки сделал?

— Ты насчет детишек? — с ведерка со льдом достал бутылку шампанского Воробей.

— Торты в «Лакомке» настряпали, бесплатно между прочим, а все остальное — в «Юниксе» взял и на базе ОРСа.

— Тоже, наверное, за так?

— Не-е, Олега, за денежки. С утра по всем развез, у кого дети есть.

— Время сколь?

— Без четырех минут уже, — глянул на котлы Воробьев и принялся снимать с запотевшего горлышка бутылки золотнику.

— Леха, крикни по рации пацанов, пусть заходят. Тот, не вынимая аппарат из внутреннего кармана кожаного пиджака, нажал кнопку вызова.

— Сэва, ты ведь там с Корешом?

— Но.

— А что такое свистит?

— Это ветер.

— А-а, ну давайте, заваливайтесь, через служебный вход, я пошел открывать.

— Подожди пару минут. На крыльце, на парадном менты тарабанятся.

— Олега, легавые.

— Слышу — встал он из-за стола и вышел в фойе.

Не отпирая дверь, с милиционерами собачился Кот.

— Что нужно?

— С проверкой, открывай.

— Отдыхайте, здесь все ништяк. Где уголовники гуляют, там все чин-чинарем.

— Это ты что ли уголовник?

— Да пошли вы в жопу!

— Костя — негромко окликнул подельника Святой — не связывайся ты с ними, люди на работе, пошли, слышишь, бутыли пробками стреляют.

По телику, установленному Воробьем посередине ресторана, забили куранты и в ту же секунду небо над поселком прорезали желтые, зеленью и красные хвосты ракет.

***

После того, как Гоцману залетела в машину граната, он постоянно был на стреме. Два человека всегда, словно тени, всегда были рядом с ним и никуда не отлучались. Пятого января Санька все-таки не уберегся. При выходе из ресторана, парень с закрытым шарфом лицом, выстрелил в Гоцмана из пистолета, забежал за кабак, лег в заранее открытый багажник красного «Москвича» без номерных знаков и ушел.

Пуля выбила Саньке зубы и застряла в черепе. Поздно ночью операция закончилась. Гоцман остался жив, но разговаривать и шевелиться пока не мог.

Олегу позвонил Ловец и он, взяв с собой Леху, Кореша, брата, Сэву, Костю и Рыжего, в тот же день выехал в Читу.

Гриха встретил первомайцев на въезде в город. Вдвоем со Святым они отошли в сторонку.

— Про Гоцмана до вас докатилось?

— В курсе — кивнул Олег.

— По-моему это Калина мутит, может, шлепнем его, суку?

— Смотри, тебе тут виднее. Я помогу в любом случае.

— Завтра на этом же месте в десять вечера словимся — попрощался Гриха — может, я что пронюхаю.

Ночевали в первомайской заежке. На всякий случай не бухали, и всю ночь Сэва просидел у зашторенного окна номера с автоматом на коленях. Встали только в двенадцать дня. Пообедали в «Забайкалье» и по предложению Ветерка, чтобы не возвращаться назад пустыми, решили присмотреть магазин для работы.

В шесть вечера по улице Красной звезды нашли подходящий

объект. Подождали, пока стемнеет. Родители братьев жили не так далеко от этого места и, боясь, что в момент нападения их кто-нибудь узнает, пахать они не стали. Первым в магазин вошел Леха. На глазах изумленных продавцов, он натянул маску, вытянул из-под ремня пистолет и положил женщин на пол. Щеколда на двери отсутствовала, Кот держал ее изнутри руками. Сэва с Вовчиком пролетели ходом в подсобку, но она оказалась пустой, людей в магазине больше не было. Сэва нашел навесной замок, вышел на улицу и навесил его на входные двери. Рыжий сгребал все ценное, шубы, сапожки, детские комбинезоны. Ветерок, отобрав у продавцов ключи от сейфа, вытащил из него почти четыреста штук деньгами. Торопились, на все дела Святой выделил всего десять минут.

Братья, сидевшие в тачке, увидели, что к служебному входу подошел легко прикинутый мужик и стал громко и напористо стучаться в клеенчатые створки дверей. Сэва с Эдькой зашли ему со спины. Леха приоткрыл дверь.

— Что надо?

— Продай бутылочку, позарез нужна.

— Закрыто, что не видишь, что ли?

— Без пузыря не уйду — вцепился мужик в ручку.

— Заходи — Ветерок шире приотворил одну половину дверей и пнув жертву ногой пониже спины, Эдик захлопнул за ней дверь. Леха рукояткой шабера добавил незадачливому покупателю по шее и положил его рядом с тетками — лежи, мужик, тихо.

— Все-все, я все понял — колотило его, словно малярийного — у меня в машине деньги есть…

— Лежи тихо, я тебе говорю.

Мужик заткнулся.

Из открытых дверей показался Костя и махнул рукой. Двое «Жигулей» подкатили к служебному входу. За минуту набили багажники и салоны награбленным. Подошли еще два пошатывающихся молоденьких паренька.

— Продайте бутылку?

— Прошу — Кот втолкнул их в магазин и закрыл двери на замок. Через четырнадцать минут машины были за городом. Ждали Ловца, оставалось до назначенного времени еще тридцать минут. Наконец приехал Гриха, но не один, с Торопыгой. Олег пересел к ним в тачку.

— Здорово, братцы, ну что новенького?

— Трясли вчера Калину с Весной, божатся, бляди, что не они. Чечены в город заехали, пробьем еще с этой стороны, может в натуре они. Так-то Гоцман авторитетный, многим мешает, он ведь старой закваски. Против рэкета, всяких крыш, отстал от времени,

наверное, за это его глушат, а может и за что личное.

— С Калиной, значит откладывается?

— Да, Олега, пока повременим.

— Пошли, тогда я вам на общак коробку сигарет подгоню да ящик винца путного.

— Если купили, то не надо — докурив сигарету, швырнул ее в сугроб Гриха.

— Да нет, магазин хлопнули.

— Где?

— По Красной звезды.

— Давно?

— Час назад.

— Шустрите, молодцы — рассмеялись Ловец с Торопыгой — смотрите, узнает Культурный, осерчает.

— А вы ему не говорите.

— Да я шучу, ну ладно, удачи вам в разбойных делах ваших, побежали, если что, брякну.

Почти подошедшего к своей «жиге» Святого окликнул Гриха.

— Олега, топай обратно. Падай — он открыл заднюю дверку «Тойоты» и когда Олег залез в салон, сел рядом.

— Я сегодня с Торопыгой насчет тебя весь день масле гонял, ты как на счет того, чтобы вместо Культурного в городе на положение встать?

— А его куда?

— Это уже не наши проблемы, пусть пасется.

— Неожиданно все, Гриха, растолкуй все поподробней.

— Во-первых, Пал Палыч староват для дел крутых и видимо, поэтому боится срок поймать. Во-вторых, как только наркоту увидит, сразу все рамсы путает, а как вмажется, то сам понимаешь, ему уже не до дел общаковских. Шпана, глядя на него, тоже колется без удержу, никто Культурного не кохнит и не уважает. Руки жесткой в городе нет, на общаке больше двух миллионов в месяц не бывает, а прикинь, сколько с Читы можно филок снимать? Полетели к ворам в Хабаровск, растолкуем им все как надо, вернемся, а в этот же день место этого пенсионера займешь.

— Не все так просто, Гриха. Почему Гоцмана стрельнули, а Пал Палыч жив-здоров? Да потому, что Саньку боятся, личность сильная. А Культурный никому не мешает, живет, хлеб жует. Допустим, я соглашусь и заеду в город, сами понимаете, сопли жевать не стану. Бригада у меня дерзкая, кровушкой никого не удивишь, но даже они меня от пули не уберегут, а охотиться за мной начнут сразу.

— Кто?

— Как и ты не знаю, но предполагаю, что тот, кто и Гоцмана на тот свет отправить хочет.

— Считаешь, что положение безвыходное?

— Почему. Серьезно если мутить, то я представляю себе все это так. Ты ищешь, кто ранил Саньку и козе этой публично на стрелке башку свернешь, чтобы другим неповадно было на таких, как Гоцман, руку поднимать. После этого я сколачиваю в Чите при общаке естественно, сильную бригаду из бухгалтеров, снабженцев и всех, кто не только желает, но и умеет делать деньги.

— Где ты их насобираешь?

— Главных бухгалтеров мясокомбината, молокозавода приглашу, пивзавода, ликеро-водочного. За деньги если не согласятся, то по другому заставим поработать. Завязки чисто коммерческие по стране у них представляешь, какие? Капусты море можно сделать и самое главное быстро. Банд на твой взгляд в Чите крепких много?

— Штук шесть, пожалуй, наберется — после недолгого размышления ответил Ловец.

— Не объясняя для чего, надо собрать их на стрелку где-нибудь в большом помещении или в лесу, там представить меня, как нового положенца города. Я им растолкую, что пора объединяться, так и ментам нас перещелкать будет труднее и грызня меж уголовниками прекратится из-за жирный кусков. Чита большая, всем всего хватит.

— А если объединяться откажутся?

— Я ведь ставленник воров буду, должны прислушаться.

— Ну, допустим, а если гривами только для понта помашут, а потом пасти тебя начнут, чтобы грохнуть?

— А я на время, на дно лягу. Пацанов первомайских для охраны возьму и желающие меня укокошить, пусть отдыхают.

— Должно получиться — размышлял вслух Гриха — завалить тебя будет невозможно, а раз сказал, надо выполнять. Сплотить уголовников вокруг сильного центра, которым станет городской общак — мысль дельная, но тебе нужно будет когда-то всплывать?

— Придет время, вынырну. Механизм, который запустим, отладится и никому уже просто моя смерть не нужна станет. Купим вертолет и на рыбалку куда-нибудь махнем. — шутя закончил Святой.

***

К Сэве в гости приехал узбек, с которым он сидел в дисбате. Встретили его, как полагается, с общака выделили деньги не только на одежду, но и на жизнь. Гуран с женой жил тоже у Сэвы. В одни из дней шпана гуляла в «Березовой роще». Подзатянутый узбек вышел хапнуть свежего воздуха и не вернулся. Минут пять спустя тоже крепко подвыпивший Гуран решил пойти до хаты. Из-за закрытых дверей Сэвиной квартиры неслись крики о помощи. Гуран, несколько раз ударив плечом в дверь, вышиб ее и сразу же получил табуретом по голове. Узбеку удалось свалить, да, и видимо Гурану не очень-то хотелось его поймать, башка-то ведь одна и получать снова по ней табуреткой не сладко. Плачущая жена рассказала Гурану, что нерусский пытался ее изнасиловать. Одежда на девчонке действительно была изорвана и лицо избито. Гуран с женой переехали в гостиницу. На что надеялся узбек не понятно, но из поселка он не уехал. Утром Эдик привез старшего брата в «Рощу» и завел в номер Гурана. Увидев избитых до черно-желтого состояния супругов, Святой подробно выяснил, что произошло ночью.

— Одевайся, Витек, минут через десять я посигналю под окнами, сразу выходи. Она пускай тут останется.

Узбек спал одетый. Олег растолкал его.

— Пошли, паренек, дело есть. Тот натянул ботинки, надел пуховик и шапку.

— Подожди, я чай попью.

Подождали, пока он последний раз в своей жизни начаюется и, усадив его в «Жигули», махнули в гостиницу за Гураном. Сэва перехватил машины Святого и Вовчика у мясокомбината.

— Олега, отпусти Нурали, хороший он парень.

— Хорошие так не поступают, его встретили, как человека, а он смотри, что натворил.

— Ну отпусти, ты же меня знаешь, я в долгу не останусь. Сегодня же из Первомайска его угоню.

— Дело не в долгах, Саня, с тобой что — нибудь случится, я и тебе помогу. Узбек оскорбил Гурана, он его судьбу и решит. Отпустит, его дело, нет — значит, нет.

Сэва ушел в «жигу» Рыжего.

— Витек, прости Нурали. Помнишь, как попал в нашу бригаду, это ведь я Святого за тебя просил.

— За это я тебе благодарен, но такое не прощается, сам понимаешь. Твою бы жену изнасиловали, ты бы как поступил?

Санька вернулся к тачке Олега.

— Гуран сказал, что убьет узбека. Отпусти его, Святой.

— Все решит Гуран, мы погнали, Саня. Передай Корешу — пусть сумку с оружием утром на электричке в Читу привезет, на вокзале мы его встретим, а ты извини и не обижайся.

— Дай, я с вами поеду.

— Нет, Сэва, нет.

Убивали узбека в том же месте, где грабили караваны, чуть повыше к вершине сопки. Эдик с Витькой взяли его под руки и по глубокому снегу завели меж огромных гранитных валунов. Гуран вынул из кармана телогрейки кусок бельевой веревки.

— Подержите его за руки, я задушу.

— Ничего сказать не желаешь?

Тот повернул голову к Олегу.

— Убивать мужчину из-за женщины нельзя. Таков наш обычай.

— Ты считаешь, что прикатил к нам в гости и за все добро, что мы для тебя сделали, плюнул нам в душу — это нормально?

— По моим законам ничего плохого я не сделал. Бабы должны мужикам ноги мыть и потом эту воду пить.

— Вот ехал бы к себе в Узбекистан, да чудил там по своим законам, а в чужой монастырь со своим уставом лезть не гоже. Решай, Витька, туда или сюда, да поедем, холодрыга стоит.

— Смерть. Помогите мне его грохнуть.

С наплечной кобуры Святой достал пистолет, патрон, как всегда был в стволе.

— Гуран!

— Все, Олега, все! Помоги.

Узбек молчал, не оставляя выхода. С единственной целью не мучать его на удавке, Святой на уровень груди поднял шабер и три раза подряд нажал на спусковой крючок. Пули пробили печень, легкое и сердце. Нурали встал на колени и рухнул белым от ужаса лицом в такой же белый снег. Чтобы не закопать его живым, Олег еще два раза навскидку шмальнули ему в голову и взяв за толстый воротник зеленого пуховика, подтащил безжизненное тело ближе к валуну. Сегодня снег не пошел, но все равно едва заложили труп камнями, место захоронения тут же плотно замело.

Вовка с Витькой ночевали в заежке, братья — у родителей в «Северном». В обед встретили электричку и уехали с Корешом в заежку.

— Хата жирненькая на примете есть, вечером ее отработаем. Барыга в ней живет. Книгами, шмотками торгует, короче — богатенький Буратино, поднакопил, думаю порядочно.

Выскочили из гостиницы, отдохнувшие и отоспавшиеся, минут пять девятого. От самых ворот Олега не покидало ощущение чужих подсматривающих глаз. Он настороженно посматривал в зеркала и, наконец, выхватил из редкого потока транспорта синюю «шестерку». «Менты, интересно, или свои?» Включив правый поворот, он свернул к кафешке и остановился.

— Ты что Олега?

Братан ему не ответил. «Шестерка» встала чуть сбоку и сзади. Из нее вылезли двое, тот, что повыше запер ключом дверцу и мужики, спокойно переговариваясь, утопали в жорное заведение.

«Дай бог памяти» — зажмурился Святой — «где-то я их встречал, но где?»

Он действительно видел этих мужиков перед ограблением комка в Иркутске, тогда высокий шмонал своего подчиненного в поисках утерянного им удостоверения личности, но то ли подсознание подвело Олега, то ли опустившиеся на город сумерки, помешавшие путем рассмотреть преследователей. Так или иначе, машины сорвались до объекта.

Рыжего оставили у тачек.

— Моторы не глуши, пусть молотят — Святой отдал пистолет Эдику, а сам взял обрез.

— Кореш, тоже обрез бери.

Гурану он не дал ничего кроме маски.

— В людей не палите, если что, хозяев и так повяжем. Не думаю, что эти барыги брыкаться станут. Вовчик?

— Что, Олега?

— Автомат не тронь, а то еще застрелишься.

— Че я, ребенок что ли? — обиделся он.

— Большой ты, но без гармошки. Тяжело тебя, придурка, нести будет, поэтому слушай, что тебе старшие говорят.

На крыльце деревянного домика, в тесной ограде одели маски. Эдик постучался.

— Кто там? — спросил детский голос из-за двери.

— Дед Мороз.

— Новый год ведь уже прошел.

Святой не больно шлепнул брата стволами вертикалки по горбушке.

— Шучу я, шучу. Отца позови.

— Он с мамой в гости ушел.

— Открой, я входить не буду. Книги отцу твоему принес, заберешь и все. Щелкнула задвижка и дверь отворилась. Взяв паренька за руку, Эдька вошел с ним в кухню. Отец и мать были не в гостях, просто они гнали самогон и поэтому куклились. У парившего аппарата Эдик их и прихватил.

— Сидеть! — погрозил он шабером ошалевшим от такого визитера молодоженам и подтолкнул к ним сына — без кипиша!

Мужчину Олег завел в зал, положил лицом в ворсистый палас и присев шепнул.

— Деньга где?

— В подполье — сразу колонулся тот.

— Иди-ка сюда, — позвал Кореша Святой — посиди тут с ним чуток, я нырну кое-куда.

Подпол походил на склад, В этом нагромождении коробок и мешков он не без труда отыскал металлический ящик, в котором вместе с патронами, порохом и пустыми гильзами, лежали денежки. Прихватив двустволку, Олег вылез по крепкой лесенке в кухню.

— Давайте их вниз — показал он на молодуху и пацаном, а сам прошел в зал к Корешу.

— Проводи его в подполье и ворачивайся, прохлопаем самогонщиков.

Закрыв крышку подпола, Эдик с Гураном водрузили на нее кухонный стол я сели пить чай. Олег с Корешом шмонались. Здесь поживали в натуре коммерсанты, чего только не выгребли из шкафов и шифоньеров. Пар пятнадцать женских сапог, кучу мохеровых шарфов и китайских одеял. Колька выудил из картонной коробки песцовую шубку и встряхнул ее, из рукавов посыпались юани.

— Ого — удивился он — что это?

— Деньги, Колек, китайские.

До машин дотащились без приключений. Ночевали в «Северном», банковали там же. Рыжему выделили побольше — у его супруги послезавтра был день рождения. Остальное поделили поровну, не забыли и общак.

Утречком Кореш с Витькой повезли оружие в Первомайск поездом. Братья поехали на «Жигулях», сзади пылил Вовчик. Рулил Эдик.

— Вставай, скоро дома будем — тормознул он брата, прикорнувшего сбоку. Святой продрал глаза, потянулся и невольно обратил внимание на промчавшиеся на встречу «Жигули», в которых сидели вооруженные автоматами первомайские мусора. Солнце лупило им в шары, и они не узнали Олега.

— Газуй, это по наши души — он опустил стекло и завернув «ПМ» в тряпку, бросил его напротив километрового столбика.

— Место это запомни.

Через десять минут менты догнали машину братьев. Из белой «пятерки» Эдьке многозначительно маякнули автоматом и он

затормозил.

— Что делаем?

— Сдаемся, а там видно будет.

Брали лихо.

— Выйти из машины, руки на капот, ноги на ширину плеч, не разговаривать! Обшмонав, надели наручники и усадив пока еще подозреваемых в свою тачку, легавые слепка успокоились.

— Вы нас не на расстрел прете?

— Не-е — сел за баранку начальник ГАИ — Алимов приказал нам от вас шарахаться. Действуем по инструкции, накачали меня, что вы вооружены до зубов и живыми, наверное, не дадитесь.

— Чушь какая-то…

— Вот и я ему говорю, чушь собачья — подмигнул он в зеркало Святому — отпустят через трое суток.

Рыжего не тронули, так в конце каравана он и попылил дальше. Перед въездом в поселок, перегородив дорогу, торчали два «УАЗика», заметив жигу Олега, из зеленых утроб машин посыпались опера в бронежилетах и касках.

— Ну и встреча, поднимай их из снега — приказал сержанту начальника ГАИ и остановил тачку.

Сержантик сгалопировал и спустя пару минут, караван пошел. Замыкали его «УАЗики».

В отделе братьям предъявили постановление о задержании на трое суток по подозрению в убийстве Пестунова и заперли в камеру. Там уже сидели Кости Беспалый и Пингвин. Менты искали, где тырятся Слепой и Агей, Ветерка тоже нигде не было, а был он у Майки, но никто этого не знал.

«Только бы они, волки, на станцию не сунулись, не дай бог, Кореша с Гураном выцепят, тогда крыха» — Святой скрутил куртку и растянувшись на жестких нарах, примостырил ее под голову. «Хорошо все-таки за решеткой» — ухмыльнулся он сам себе — «отдохнуть хоть можно».

В первом часу ночи его подняли.

— Иконников, на выход.

— Двое нас, кого надо?

— Брата буди, быстрее.

— Проснулся я — сел на шконке Олег.

— Здорово, сержант, это тебе я прошлый раз зубы обещал вышибить?

— Мне.

— Блядь, так и не выполнил обещание, потерпишь еще чуток? Или жмут шибко?

— Да вроде ничего — теперь уже зная, что представляет собой Святой, не стал с ним зубатиться мусор.

В просторном теплом боксе под отделением милиции, «жигу» Олега в присутствии понятых тщательно обыскали и, ничего в ней не обнаружив, возвратили задержанного в хату. В четыре ровно его и Эдьку черным ходом вывели в гараж, посадили в «Ниву» и под конвоем утянули в Читинскую КПЗ. Вечером этого же дня приперли бухого еще Леху, а после бессонно проведенной ночи Святого вызвали на допрос. На четвертом этаже старинной пятиэтажки Управления внутренние дел в маленьком кабинете сидели полукругом четверо в штатском.

— Здравствуй, Олег. — панибратски встретил его видимо старший этой четверки. — Как спалось?

— Клопы, вши, холодно, не кормят, а так, в общем-то, ништяк. Можно я сяду?

— Конечно, конечно — посадил его начальник шайки-лейки на табурет, привинченный к полу.

— Чувствуешь, Олег, что вляпался и по ходу надолго, если не насовсем?

— Пока нет.

— Так, по-хорошему значит, не желаешь?

— Ни по-хорошему, ни по-плохому. Разговаривать мне с вами не о чем.

— Чаю хочешь?

— Не хочу — по слогам произнес Святой.

— На нет и суда нет. Пестунов, фамилия такая тебе о чем-нибудь говорит?

— Знакомая фамилия.

— За что ты его убил?

— Ранее я уже пояснял, что он убежал от меня с машины возле первомайского ПТУ.

— Но его нигде нет.

— Побережье пошерстите, может он там.

— Летали мы, Олег, на вертолете летали и над карьером вашим, и вдоль Ингоды.

— Я имею в виду не то побережье…

— А какое?

— Побережье Черного моря. Резвится, поди, Пестун с красивой телкой в его теплых волнах, а вы тут, бедные, ноги по самые яйца стираете.

— Завязывай, Олег. У нас имеется информация, что он мертв, мертвее не бывает.

— Гражданин начальник, просто так людей не убивают. Наверное, выпросил.

— Послушай, Иконников. Давай чисто по — мужски потолкуем.

— Ну, давай, попробуем.

— Пестунов мертвый?

— Мертвый.

Опера переглянулись.

— Труп отдай, родным ведь надо его похоронить.

— Вам нет, а им отдам, но не сейчас. Сейчас не получится, к сожалению. Я все, конечно, понимаю, но при таком раскладе мне прямой ход в тюрягу, правильно?

— Так-то оно так, а совесть не мучает?

— Честно говоря, нет. Пестун сам смерти искал. Я только помог ему из жизни уйти.

— Помог значит — облокотился локтями на колени мент — добренький ты парнишка, а если мы тебе поможем уйти из жизни, вот через это окно допустим, ну как?

— К полету готов и не надейтесь, суки, что я орать буду, как потерпевший, ни х. я — настраиваясь, замотал башкой Святой — че замерзли, или передумали?

— Ладно тебе, успокойся — встал он и выглянул в коридор — старшина, уведите подозреваемого. Покормите и завтра в десять приведете.

Эдька на допросе прикинулся простачком и убедил оперативников, что ничего про дела старшего брата и его бригады не знает.

Ветерок с легавыми не базарил вообще.

Начальник УВД добавил им еще по семь суток, потом еще по трое. По первомайскому телевидению Алимов дал объявление: «Задержана группировка братьев Иконниковых. Всех потерпевших и кто имеет к Иконниковым претензии, просим обратиться в отделение милиции».

Слепой, Андрюха и Кореш с Сэвой сразу после объявления прочесали всех возможных заявителей и ни жалоб, ни тем более заяв в ментовку от жителей поселка не поступило.

Двадцать шестого в камеру к Олегу втолкали Ловца.

— Привет — обрадовался он — тебя за что замели?

— Паренек у нас в Первомайске потерялся, мусора думают, что я при делах, а ты что тут делаешь?

— Целое кино, не поверишь — скинув полусапожки, Гриха влез на нары. — По Ленинградской менты окружили, руки за голову и маузер из-за пояса вытащили. В центральном отделе я им при понятых на эту пушку заявление предъявил, что так, мол, и так, нашел на улице, пру сдавать в ментовку. Ерунда короче.

— Повезло.

— Есть такое, а тебя — то выпустят?

— Шут их знает, они ведь могут все.

Следующим утром его, в конец изожранного злющими камерными клопами, уволокли в Управление, в тот же кабинет. На этот раз знакомый уже мент чадил заварником с пригоревшей в нем заваркой один.

— Присаживайся, Олег, чаем угостить тебя не удалось, но думаю это только на этот раз. Парень ты у нас знаменитый, так что обязательно еще встретимся.

— Отпускаете что ли?

— Угадал, больше тринадцати суток вмантулить тебе не удалось, так что гуляй пока — с явным огорчением на лице прикурил он сигарету и официально попрощался.

За массивными дверьми управления холодно и ярко било в глаза солнце. Святой зажмурился и глубоко вздохнул мороз и снова он не щекотался, а его из «Волги» с затонированными стеклами опера из другого, не ментовского ведомства, усиленно щелкали на «Кодак».

У родителей в «Северном» Олега уже ждали Ветерок, братан, супруга с сыновьями, Сэва, Слепой, Кореш — короче все, кому он был дорог.

Час ушло на то, чтобы привести себя в божеский вид и двумя машинами толпа шуранула в Первомайск. Приехали поздно и голодные, готовить дома просто не было времени и не рассасываясь по хатам, всем гуртом завалились в «Кристалл». Толпа посетителей смолкла, когда в зал вошла банда братьев Иконниковых, как рекламировали их по видику, даже музыканты заткнулись. Такой встречи Святой не ожидал.

«Расстроились, бедолаги, скорым нашим появлением. Ну, эти — то ладно, а официантки — то почему сникли. Всегда за них заступаюсь, отстегиваю, интересно!»

Пока накрывали сдвинутые столики, Эдька устриг председателя «Зари» и подсел к нему. О чем они болтали, было не слышно, но Сыроежкин с каждой минутой бледнел все сильнее и сильнее. Спохватившиеся музыканты заворопятили «Белый шарик» и на покоящейся на коленях правой руке из-под стола кто-то начал закатывать рукав свитера. Мягко вошла в вену игла и по организму побежала ханка.

— Папа, что с тобой?

— Хорошо мне, Игорешка, не беспокойся.

На другом конце стола из-под белой скатерти вынырнул Слепой, и Олег ему благодарно кивнул.

— Спасибо.

— Папа, это ты кому?

— Людям, Игореха, которые меня любят.

Эдик ушел в туалет и, укараулив этот момент, к Святому приблизился Сыроежка.

— Можно с тобой поговорить?

— Садись, председатель, и не трясись ты словно лист на ветру. Как с тобой, с таким слюнтяем, бабы трахаются? Базарь, что нужно, только быстрее, а то Эдька удыбает тебя рядом со мной, ушибет.

— Олега, твой брат у меня гараж отбирает, оставь, а? Меня Галка из дома выгонит, у меня и так с ней сложные отношения, а тут еще эта история с Пестуном.

— Да не история это, трагедия скорее. Боишься, значит, на улицу вылететь, Сыроежкин?

— Боюсь. «Москвича-шиньон» я завтра к обеду к твоему дому пригоню, правда у него движок чуть постукивает. Еще летний павильон есть, на базе ОРСа лежит в разобранном виде. Два «ЗИЛа» сто тридцать третьих, как только отремонтирую, сразу отдам.

— Это все «Заре» принадлежит?

— Все.

— А гараж, что Эдька у тебя отымает?

— Мой, личный.

— Ох, и мерзость ты, председатель — усмехнулся прислушивающийся к их базару Агей — чеши отсюда, пока ветер попутный. Видно, мы с Эдькой еще разок тебе седло поправим.

Назавтра, после обеда Святой привел Сыроежкина в «Бирюзу» и нашел председателя.

— Здорово, Николай, как печень?

— Спасибо, отлично пока, зима на дворе, благодать. Кофе сварить?

— Надоел ты своим кофе. Не обижайся, шутка. Вот у этого парня возьмешь «Москвича», чтобы официально все выглядело, перегонишь на счет «Зари» десять тысяч. Через месяц заберешь у него таким же образом два «ЗИЛа» сто тридцать третьих. «Москвич» будет только моим, грузовиками артель может пользоваться, но когда они мне понадобятся, я их заберу.

«Москвич» загнали на станцию техобслуживания делать двигатель. Жабинский забрал у Сыроежкина с базы ОРСа павильон и за это заплатил за ремонт «шиньончика» и за отремонтированную тачку Рыжего.

— С нами ты в расчете. Теперь рви шкуру на семью Пестуна — огорчил Сыроежку Олег.

Вечером братьев отыскал в люксе Костя.

— Олег Борисович, — как всегда шутливо раскланялся он, —

разрешите отлучиться на пару дней? На охоту сбегаю, руки чешутся, давненько никого не убивал.

— Два дня, Кот, не больше, понял?

— Приказ начальника — закон для подчиненного. На следующий день, ближе к полночи, он припер на квартиру Святого мешок мяса.

— Так быстро — удивился тот, — где это ты охотился?

— Рядышком, за сопкой чабанская стоянка, я у них парочку чушек отстрелил. Правда, кое-как ноги унес, жадные эти буряты. Из-за двух свиней такой кипишь устроили.

— Больше не поедешь, наверное, туда?

— Не-е, ни за какие пряники.

В первой декаде февраля в поселок нарисовался Секретарь, припер от Культурного маляву и базар.

— Пацаны, Шилка от вас недалеко ведь совсем, но там вообще тишина. Уголовники есть, конечно, но в основном синюшные морды и им не до рулежки. Пал Палыч просит, чтобы вы ее подмяли под себя, если конечно время для этого найдете.

— Раз надо, найдем.

— Спасибо, Олега, что не отказал.

— Да брось ты, все у тебя?

— Нет, еще Культурный просил передать всей вашей шпане от Нерчинских бродяг с зоны тоже огромную благодарность за тепло и внимание. Теперь все.

Деньги на лагерь действительно не кропили.

В субботу первомайская бригада на трех машинах отправилась в Шилку. Городские коммерсанты давно ждали, когда к ним пожалует мафия и, на удивление Святого, легко и всего за один не полный день все коммерческие магазины сдались. Никого не пришлось, не только убивать, но даже и пугать. Этим же вечером, когда Святой выгуливал Линду у подъезда своего дома, возле него остановилась белая «Тойота», из нее, как показалось Олегу, несмело вылез здоровенный (в смысле живота), мордастый и такой же жопастый парняга.

— Я к вам.

— Ко мне?

Жопастый тряхнул жирным подбородком.

— Тогда не выкай, что хотел?

— Моя фамилия Юменцев, Юра.

— Что дальше?

— Я прикатил с Азербайджана сорокатонную цистерну вина, но начальник станции загнал ее в тупик и намекает на то, чтобы я ему в лапу дал. Деньги у меня будут только после реализации, а за простой на железной дороге штрафы просто бешеные.

Помогите, пожалуйста, цистерну к Миловилову в цех разлива доставить.

— За спасибо?

— Нет, что вы.

— Не выкай.

— Понял. На литр по полтиннику набросим и это все твое.

— Где начальник станции живет, знаешь?

— Да.

— Тогда поехали, собаку только домой заведу и брату позвоню, минут пять обожди.

Начальником Солнечной оказался тщедушный лысоватый с крючковатым носом мужичок лет под сраку. Для начала Эдик несильно ткнул его кулаком в нос и Юрий Петрович в одном трико и на голу шкуру телогрейке, кувыркнулся в сугроб. Приходя в сознание, он с минуту полежал крестом, затем ворчливо сел на тощую задницу и подобрал отлетевшую в сторону кроличью шапку.

— За что бьете?

— Я тебя и не бью, ты че на меня понапраслину возводишь, Геракл засушенный.

— Это называется, не бьешь?! — негодующе задохнулся мужичок и перевел взгляд на Святого, его он узнал сразу. Кинул в миг испугавшиеся шары на тачку Юмы и судорожно вцепился в ствол зассанного дворнягами тополя — в машину не пойду!

— Если тебе здесь удобней, давай так поговорим — присел на корточки Олег — Юменцев цистерну вина на Солнечную притаранил, это моя бочка, надо ее как можно быстрее в «Юникс» отправить.

— Завтра сделаю.

— Не завтра, а прямо сейчас. Утром вино должно быть у Миловилова, соображаешь?

Гроза пролетела, и Юрий Петрович разжал заледеневшие на дереве пальцы.

— Вы мне зуб выбили, нужно бы как-то компенсировать.

— Да ты, дядя, тоже рэкетсмен — рассмеялись братья — Скажешь Юме, чтобы насыпал тебе пару канистр от моего имени. Послушай, Юрий Петрович, на станции воровать можно?

— Не можно, а нужно, понимаешь, нужно, но базар длинный. Приходи, Олег, завтра, посидим за поллитрой, потолкуем обстоятельно, я тебе такие наколки дам…

— Уговорил, Петрович, завтра так завтра, а сейчас вино организуй.

— Это я мигом, в Солнечной меня, как огня боятся, щас я туда брякну.

Двадцать первого в поселок опять приехал Секретарь. Всю первомайскую бригаду во главе со Святым он прихватил в гостинице. В люксе смердило растворителем и коноплей.

— Здорово, пацаны — не спавший почти двое суток Нугзар, буквально свалился в кресло и с наслаждением вытянул ноги.

— Меня к вам Ловец отправил. Дела такие — в Чите новый аэропорт строят, через него с Аляски самолеты транзитом на запад пойдут. Чечены хотят лакомый этот кус себе урвать. Мы с ними по доброму хотели договориться, но они на стрелку с оружием прикатили. Базарят, что если мы им порт по-хорошему не отдадим, то всех нас перешмаляют. Война, короче, назревает, помогайте?

— На стрелке они с каким железом были?

— Наглые псы, с АКээмами, в кожанках, очках черных, как американцы, правда, голоушие, словно китаезы. Сначала аэропорт хапнут, потом дальше попрут. Находку так же брали, сейчас там сами знаете, что творится.

— Когда выезжать?

— Давай, Олега, сегодня.

— Сегодня не получится, мы почти все под подпиской о невыезде ходим, так что сутки на то, чтобы ментам нашим откорячку двинуть, по любому нужно.

— Тогда завтра, но это в край.

— Где в городе словимся?

— По Ленина блатхату знаешь? Ямой ее кличут.

— Есть такая.

— Вот там, завтра в одиннадцать вечера. Ночевать там опасно, но мы вам другую квартиру подготовим. Оружие, какое у вас есть, прихватите, и мы вам еще подкинем.

— А вы че там без нас справиться не сможете? — на кончик иглы наматывал «метлу» Слепой.

— Чита вроде большая, триста с лишним тысяч, бродяг море должно быть.

— Да вот видишь как — развел руки Секретарь — коснулось серьезного и блоть, словно мыши серые по норам, затырилась. Вы не поможете, что ли?

— Мы че, на мышей что ли похожи?

— Извини, не то сказал.

Ночью Секретарь свалил. Следующим стылым февральским вечером засобирались и остатки банды — на утренней электричке в Читу уже уехали Сэва, Кореш, Десяток и Агей, зацепив с собой почти все оружие первомайской бригады. Все вроде было сделано.

Куда и зачем уезжает, жене Святой не сказал. Максим крутился на танцульках, Игорешка старательно зубрил

стихотворение по литературе, у батареи отопления в зале сопела Линда. Ощущения, что покидает свою уютную семью навсегда, не было. Олег, стараясь не шуметь, выскользнул в коридор, так же бесшумно притворил за собой дверь и растворился в новом и старом, добром и злом мире.

Подкатились к Костиному дому. Святой видел, как подельник показался из подъезда и пошел ему на встречу.

— Кот, может, паровозом в Читу махнешь?

— А что в машине места нет?

— Место-то имеется, но там Слепой с Женькой. Ты ведь их потрухиваешь — и я с Эдькой, меня ты тоже шугаешься.

— Олега, скажи, положа руку на сердце, после бойни с чеченами, мне грехи мои ментовские простятся? Ведь я за общее и воровское воевать иду?

— После всей этой каши. Костя, можешь любому смело пасть заткнуть, это я тебе говорю.

— Тогда погнали, — решился Кот.

В город вкатили в половине одиннадцатого, а спустя тридцать минут были на Яме. Секретарь их уже поджидал.

— Вы что, всего впятером?

— Нет, четверо уже с обеда в Чите.

— Оружие привезли?

— Привезли.

— Где оно?

— Ты че в натуре, качаешь меня, как на допросе, тут оно, в городе.

— Извини, Олега…

— Да за. бал ты со своим извини, ночевать где будем лучше, скажи?

— Придется вам эту ночь по своим хатам перетыркаться, у нас ничего не готово. Завтра по утру за городским кладбищем стрелка будет, ровно в одиннадцать, не опаздывать.

— Хазы нет, зато на стрелку не опаздывать, понятненько, это все?

— Не обижайся, Олега, там все решим, а не опаздывать потому, что на стрелку все авторитеты области соберутся.

«Это для тебя, комсомолец, они авторитеты, но не для моей бригады».

— Тебя утром где искать?

— У родителей в «Северном».

— Без пятнадцати одиннадцать будь на стреме, я за тобой забегу — попрощался он с первомайцами.

Матери приснился страшный, но самое главное — цветной сон, которым она верила.

— Тебя, Олежка, ночью видела, — ворочала она на сковороде оладушки — лежишь будто бы то ли на снегу, то ли на простыне белой, зубы сжал, аж скулы заострились и весь в крови.

— С головы до пяток что ли?

— Не хохми…

— А ты настроение себе с утра не порти, день — то сегодня смотри какой расчудесный, двадцать третье — день Советской армии. Батяня — то поди уже в винополке морозится?

Нугзар объявился, как вчера и обещал. Устроившись в его воняющей дамскими духами «японке», братья дунули на кладбище. Никого еще на поле не было и только в одинокой «Тойоте», прижавшейся ближе к заснеженным елочкам, под мелодичный треп магнитолы дымили Весна с Калиной.

— Чечены — суки, из города их, собак, гнать нужно метлой поганой. Среди них воров нет, никогда не было и не будет. Кто за то, чтобы им Читу отдать, можете отсюда валить.

Культурный помалкивал, казалось, он не одобряет сказанное Ловцом, но и был не против войнушки, Молчали и все остальные. Поле как будто вымерло, шпаны была тьма, но тишина стояла гробовая.

— Лупим чеченов?

— Мы готовы — прихлопнул ладонями Святой. И вслед за его словами блатных, наконец, прорвало, «стрелка» зашумела, загалдела.

— Тихо! — облегченно выдохнул Гриха. — Чечены живут на турбазе «Акация», что за городом. Вот первомайская бригада, она все сделает. Наша задача устроить им грамотный отход. Жгнем нерусских сегодня, завтра может быть поздно.

— Оружия у нас маловато для такой акции, Секретарь говорит они там все с автоматами.

— Сейчас, Олега, с турбазы подкатит Черный, это человек Калины, он на «Акации» обстановку мацает, подождем его, а ты, Игорь с Весной, чтобы к двум часам к дому Князя два автомата приперли.

Немного пробуксовывая, «Тойота» Калины, вихляя на солнце лакированным задком, поползла на выход со стрелки, навстречу ей так же неуверенно на поле въезжал джип Черного. Прутиком на мягком снегу он стал во всех деталях рисовать план гостиницы, — в каких конкретно, номерах, проживают чечены.

— Смотри, Валерка, не ошибись — внимательно наблюдал за бегающим кончиком елового прута Святой.

— Если моя бригада убьет на «Акации» кого-нибудь из русских, кровь ляжет на тебя. Про детей и женщин я вообще молчу.

Черный парнем был серьезным и по ходу ответственным, но соображал медленно. Он не торопливо разогнулся, отряхнул с колен фендибоберных штанов снег, еще секунд тридцать крутил услышанное и наконец согласно мотанул огромной головой.

— Тогда я прямо сейчас для подстраховочки еще раз на турбазу смотаюсь.

— Стой — придержал его Ловец. — короче, делаем так. Ты, Валерка, шуруй на «Акацию» и все конкретно пробей за обстановку, ждем тебя на хате Князя не позже, чем через час. Ты, Секретарь, протри от отпечатков микроавтобус и приготовь его полностью к нападению, эта сторона дела на тебе и надеюсь, все будет на мази. Ты, Олега, со своими пацанами к половине третьего будь наготове на квартире у своих родителей. Секретарь заедет за вами на готовом уже микроавтобусе и перебортирует до Князя. Жарить черномазых будем сегодня. Все, братва, разбегаемся, если всем все понятно.

Спустя минуту поле словно вымерло.

На хате в Северном возвращения Святого ждали подельники. Мать прикидывала, как такую прорву здоровенных парней напоить чаем, а те заперлись в зале, на стеклянную дверь набросили плед с дивана и на ковер посередине комнаты с двух баулов высыпали оружие, которого для такой операции действительно было маловато.

— Ну че, пацаны — взял из кучи автомат Олег — я попру с этим чудищем. У Женьки рука одна не рабочая, поэтому я думаю, ему с пистолетом сподручней будет. Автоматы, которые подвезут, возьмут Эдька и Агей, они со мной внутрь пойдут. Остальные разбирайте обрезы и по две гранаты прихватите, может, пригодятся, но это так, сами понимаете, пока все предварительно, может, еще и переиграем. Вот то, что в масках будем вкалывать, это точно, примеряйте, пока время есть.

В два прилетел Секретарь и припер десять пар тряпочных перчаток.

— Еще что нужно?

— Автобус протер?

— С бензином.

— А в баке как?

— Заправились.

В стоящий под балконом автобус просочились по одному. Сумки с оружием унесли Эдька с Андрюхой, последним из квартиры обняв на прощание что-то предчувствующую мать, выскользнул Святой.

У зеленого палисадника Княжеского барака в салатного цвета Волге сидели Калина и Весна. Приоткрыв дверцу микроавтобуса,

приятели поднакурили, а Олег с Беспалым ушли к Калине. Женьку они почти не знали, и Святой сначала его представил, а потом уже поинтересовался.

— Автомата два притащили?

— Один всего — соврал Паха — второй у пацанов, которые по делам в Краснокаменск упороли — вынул он из-под седушки, на которой сидел черные валенки, рассоединил их и вытряхнул Олегу на колени с длинным стволом и откидным прикладом черную железяку.

— Дыбани.

Игорь, синей изолентой связывал между собой два набитых маслятами рожка, поперек одного шла приличная трещина. Заметив придирчивый взгляд Святого, Калина его успокоил.

— Ништяк подает, проверяли.

Откуда-то сзади вынырнула белая «Нива» и, обрулив «волжанку», ткнулась капотом в распахнутую калитку ограды.

— О, Ловец — снова суетливо поспешил на улицу Игорь и помог водителю «Нивы» выудить из салона большой брезентовый мешок с оружием для Грихиной бригады.

— Айда и мы — сунул в валенки автомат Паха.

Проходя мимо автобуса, Олег цинканул брата и Андрюху, те сразу же выпрыгнули и вслед за ним вошли в левое крыло барака. В маленькой и тесной, напрочь прокуренной и давно небеленной комнатушке с закупоренным наглухо оконцем, было душно и тоскливо. Сам Князь, бухой или вмазанный, полулежал на задрипанном диване и наколачивал патронами рожки автоматов. Гриха обещал одну железяку, а припер в отличии от Калины две.

— Еще один, точно такой же с минуту на минуту Торопыга подвезет. Вот еще восемь лимонок и все, но, думаю, этого всего хватит. У тебя из оружия что?

— Автомат один, пистолет, шесть обрезов, пятизарядка, гранат немеряно.

— Ништяк — перебил Святого Ловец — у вас автомат, наших три, куда их больше?

— Четырех хватит, хотя и не густо конечно, но на нашей стороне внезапность, думаю, пролезет с моими сорванцами.

— Да-а, с подельниками тебе, конечно, повезло, здесь в городе все не так, все по другому.

Читинцы, словно не слыша Ловца, занимались каждый своим, но по мордам их недовольным читалось, что они подзассали.

— Че не правильно говорю, что ли? Нугзар, где Культурный?

— Не знаю.

— Все ты знаешь, только врешь, потому что шефа своего бздишь. Тут такая бодяга мутится, а он, конь, ненаглядной своей

под юбку сквозанул, трусы ее нюхать.

Аккуратно втиснулся в помещение Черный.

— Пацаны, сегодня ведь двадцать третье. Менты на «Акации» футбол гоняют.

— Цветные?

— С Ингодинского отдела.

— Хуево, отложим бойню на завтра — мгновенно решил Гриха.

— Олега, ты раньше на турбазе был?

— Не доводилось.

— Секретарь, устрой первомайцев на ночевку и чтоб по-человечьи, понял?

— Да.

— А ты, Олежка, бери Эдьку и Агея, на «Акацию» махнем. Покажу вам место работенки.

Ехали в тачке Ловца.

— Гриха, а вот ты Валерку только что спрашивал, цветные менты на турбазе мяч гоняют или нет, а че еще какие-то бывают?

— Бывают, Эдька, еще полуцветные — это дубаки, пожарники, лагерные мусора и так далее.

Не дотянув метров двести до двухэтажного деревянного здания гостиницы, «Нива» остановилась.

— Вот здесь чечены и сушат лапти, сейчас обратно рванем, дорогу запоминайте.

Посередине реки, из-под набухшего грязного льда торчало несколько сухих кустов ивы.

— А вон у того островка на отходе вас будут поджидать несколько иномарок. Микроавтобус подожжете, оружие и маски побросаете в мешок и зашвырнете его в эту «Ниву».

На противоположном берегу Читинки ясно вырисовывались желтые коробки двухэтажек.

— У крайнего от берега дома в семь утра вас будет ждать Торопыга и Черный, оружие получите здесь и свое, и мое, а теперь поехали, покажу, где ночевать устроитесь.

Бригада дружно мяла цыплят табака, когда прикатили братья и Андрюха.

— Помогайте — позвал их Слепой — мы уже не можем.

Слепой, конечно, врал, приятели только что уселись за низенький длинный стол. Из окон зала виднелся коммерческий магазин Козлова, который банда Святого выхлопала перед новым годом. Расстелив на подоконнике лист, выдранный из альбома для рисования, Олег взял валявшийся тут же красный карандаш и оторвал подельников от курочек.

— Идите сюда, пацаны.

За его спиной внимательно скучковались.

— С автоматами пойдем я, Эдька, Андрюха и Кот. Вот это — Святой ткнул карандашом в номер, помеченный крестиком — комната, где живет вооруженная охрана, сюда вообще никто не суйтесь, ее я беру на себя. Сзади с пятизарядкой меня будет страховать Сэва. Эдька и Слепой отрывают на первом этаже телефон и на время всего налета блокируют весь этаж. Лестниц в здании две, я с Сэвой поднимаюсь наверх по левой. Агей по дальней от входа в гостиницу, Кореш с Десятком, кинете гранаты вот в эти окна, смотрите, не перепутайте, а то русским достанется. Костя с Беспалым, на улице останутся, прикроют тех, кто гранаты швырять будет и если чечены в окна ломанутся, живыми никого не отпускать. Вот вроде и все. Вопросы есть?

Вопросов у дикой бригады не было.

— Тогда до пяти утра отдыхайте. Проснемся, на свежака еще раз все обсосем. Олег сел к столу и выбрал цыпленка подзажаристей.

— Олега, а где Леха?

— Как раз его вспоминаю, непутевого. К Хадиче, волк, в гости упорол, в Кутулик. Эдька, вруби в ванной воду погорячее, пока я хрястаю, пусть набежит.

Будильник под ухом Святого пробулькал ровно в пять. Спал этой ветреной ночью оказывается он один, приятели в зале баловались крепким чаем и подшучивали над Костиным мандражом. Святой шустро натянул поверх цивильной одежды черную робу и пошел в ванную. Через пять минут все опять сгуртовались над планом гостиницы, начертанном от руки Черным.

Двадцать минут седьмого в дверь тихо стукнулись, это пришел водитель микроавтобуса. Молодой, лет семнадцати паренек трясся, словно бобик после случки.

«Хорошо, что я дорогу знаю» — скрывая улыбку зевнул Олег.

— Тебя как зовут, кучерявый?

— Миша.

— Автобус где стоит?

— За домом.

— Давай сюда ключи сжигания. Мишка, и ложись-ка ты спать, мы без тебя постараемся все обтяпать. Надеюсь, ты не против?

— Спасибо — покраснел парнишка — у меня кажется и взаправду температура, я поваляюсь чуточку, может, полегчает.

Не обращая на них внимания, банда одевалась, хлопала себя по карманам, проверяя, нет ли в них чего лишнего, что можно потерять в момент нападения. Святой молча кинул ключ от автобуса Слепому и тот понял, что рулить до «Акации» придется

ему.

Без семи семь бригада подкатила к двухэтажкам, в половине заледенелых окон горел свет, человечество готовилось на работу, в школы и детские сады. Возле одинокого фонарного столба дымили три иномарки — Торопыгина, Весны и Черного. «Нива» с оружием стояла чуть поодаль. Заметив микроавтобус, тачки медленно тронулись и ушли в темноту к берегу Читинки. Было чертовски холодно, с реки тянуло низовиком и высыпавшая из автобуса шпана, затопала ногами о твердый грунт откоса и толкаясь, стала разбирать железяки, вытащенные из багажника «Нивы». Валерка с Эдиком и Агеем снова что-то колдовали, присев в свете красных габаритов джипа, а Олег оттянул в сторону Кота.

— Ты будешь с автоматом на улице, поэтому присматривай за Женькой, у него жена на сносях и если с ним что-нибудь случится, я с тебя с живого шкуру сдеру, понял?

— Мне было бы приказано…

В черных робах, такого же цвета масках, натянутых от обжигающего ветра на лица и увешанные оружием бригада выглядела внушительно и весело, и, пожалуй, только непогода, слегка мурашившая синюю шкуру под вязанным Ленкой свитером, навевала на сердце муть.

— Святой, а где пацан, что за баранкой должен быть? — скрипя снегом, вынырнул из-за автобуса Торопыга.

— Температура у него под сорок, оставил я его на хате, пусть отсыпается, сопливый.

— Вот, бляденыш…

— Да ладно тебе — одернул его Сэва — послали пацана зеленого совсем, ему надо титьку…

— Это ты точно подметил, — досадливо сморкнулся Торопыга на колесо джипа — титьку ему надо, но не мамкину, а папкину. Ну, че, пацаны, трогайте, уже половина восьмого.

— Темновато — дыбанул в небо Десяток — если проводку в гостинице повредим, как бы друг друга не перешмалять.

— Давайте все в автобус, замерзнете — толкнул к открытой дверце брата Святой.

— Слепой, поехали поближе к турбазе, там рассвета дождемся и попрем.

Без десяти восемь по очереди лязгнув затворами, загнали патроны в стволы. Разогнули на гранатах усики и сняли с предохранителей обрезы.

— Андрюха, что там у тебя?

— Не пойму, патрон из рожка не выходит. Олег взял у подельника автомат.

— Рожок треснутый — вставил он другой — Калина, дерьмо собачье, говорил, что пашет нормально, проверял лично, сука паршивая. Вернемся, ебни ему этой дударкой по башке.

Еще раз Святой придирчиво оглядел своих пацанов и поправил на Косте маску.

— Ну, че, шпаиа, с богом!

Коричневый микроавтобус медленно тронулся в неизвестность.

Никто не предполагал, чем все это кончится. Не знал и Ловец, посылая первомайскую бригаду на «Акацию», что в Гоцмана стреляли не чечены, а люди Калины. Банда Святого шла в бой за идею, а Калина надеялся при помощи этой операции избавиться от сильной первомайской группировки и сбить с верной дороги Гриху, на которую он уже почти вышел.

Автобус еще не остановился, когда из того выпрыгнули Кореш с Десятком и рванули за угол здания. Первым в гостиницу, пнув ногой входную дверь, ворвался Олег. Вахтерша с горячей кружкой молока в морщинистой руке, увидев человека в маске и с автоматом, упала без сознания, часы с кукушкой над ее с годом показывали пять минут десятого.

По крутой винтовой лестнице Святой с Сэвой мотнулись на второй этаж, коридор был пуст. Зато коридор первого этажа кишел туристами, спешащими в туалет и на общую кухню.

— Всем на пол! — заорал Эдька и дал короткую очередь поверх пока еще не испуганных лиц.

Постояльцы гостиницы послушно повалились на мягкий желтый линолеум коридора. Андрюха плечом вышиб дверь с табличкой «администратор» и, не рассчитав силу удара, встал по инерции не левое колено, прямо через его голову Слепой влез в узкий кабинет и едва успел выхватить из рук директорши телефонную трубку.

— Ты кому это в такую рань звонишь? — с силой и злостью шмякнул он по аппарату обрезом.

В левой руке был обрез, Кореш зубами выдернул с гранаты кольцо, замахнулся и поскользнулся. Он упал, больно ударившись лицом о высокую завалинку, а «РГэшка», врезавшись в переплет рамы, шлепнулась ему на спину. Десяток схватил нежданный подарок и швырнув его в сторону, завалился на приятеля. Граната рванула в воздухе, посыпались стекла с окошек первого этажа и все, осколки улетели в никуда. Леха поднял башку, оглядываясь, и в этот момент щелкнуло. Скоба лимонки переломилась или от мороза или от удара о землю, но секунды пошли и сейчас он уже не помнит как, но вот так лежа на спине, Десяток забросил «Ф-1» в номер второго этажа. Эта штучка тоже полыхнула в полете, но

уже в помещении.

Олег услышал пальбу внизу, устриг ее и чечен в комнате охраны. Он встал в мертвую зону, где его не могли достать пули, и направил на дверь ствол автомата. Святой обернулся — кроме Сэвы за спиной и влево по коридору никого не было. «Где Андрюха?» — больше ждать было нельзя. Может, на первом этаже во всю лилась кровушка. На улице рвануло и через пару секунд оглушительно бабахнуло в номере охраны. Дверь, словно картонная, слетела с петель и Олег, с пояса, в клуб дыма и огня дал длинную очередь. Контуженный и чудом, не задетый пулями охранник, уполз под кровать. Святой сделал два шага влево и пустил такую же стаю свинцовых шмелей в соседний номер. Пули со смещенным центром буравили тонкую дверь и рикошетя от мебели и батареи отопления, вылетали назад в коридор, вспарывая чуть правее от Сэвы реечную панель. «Шмаляют оттуда, что ли?» — не врубился он, не выпуская цепкими глазами рамку слабо освещенного коридора и, следом за Олегом, переместился опять вправо.

Словно нащупывая хоть что-нибудь живое в дымящемся помещении, бешено плясал в руках Святого автомат. Утро выдалось пасмурным и мерзким, но двуногим сегодня фортило — пули нашли в номере все, кроме чеченца, из продырявленной батареи на плешивую его голову струился кипяток, но он стойко терпел и не шевелился. Удыбав поливалово наверху, Эдька по заваленному телами коридору рванул на звук, ему тоже показалось, что на втором этаже идет заруба. В четыре громадных прыжка, преодолев два лестничных марша, о последнюю ступеньку он запнулся, и с ходу вваливаясь на левый бок в коридор, непроизвольно нажал на спусковой крючок. Веером, бороздя известку, пошли по продолу пять-сорок пять. Человек в робе и маске, подломившись в коленях и неестественно подобрав под себя руки, упал. Досталось и его опекуну в левую ногу, и тычок был настолько силен, что Сэва встал с ног на голову.

— Эдька! — в миг узнал его Сэва и не чувствуя боли в онемевшей ноге, перевернул Олега на спину — в рот меня мама целовала, ты че наделал!

— Кто это, кто?

— Братана завалил — из безжизненных рук Святого Санька осторожно взял автомат и беспомощно оглянулся.

Эдька был в шоке, ничего казалось, не видел и не слышал, хорошо, что в коридор с дальней лестницы вбежал Агей, но и он, не разобравшись в ситуации, стал длинными очередями поливать хаты чеченцев.

— Андрюха! — старался перекричать грохот автомата, Сэва

— помогай! Помог Слепой, влетевший вслед за Агеем, но, пробегая за его спиной к Саньке, тоже словил в руку бзыкнувшую с номера пулю. Везло сегодня определенно всем.

— Иди сюда! — позвал Андрюха подельника.

Эдик, не соображая, что делает, монотонно ходил от номера к номеру и коротко стрекотал в филенчатые двери.

Выполняя приказ Олега, Кот носился по ограде за Женькой. В здании рвались гранаты, с выбитых окон мельтешили в сереющее небо огненные полосы трассеров. Мелькнувшего в оконном проеме любопытного китайца Костя сразу поймал на мушку и тот с двумя пулями в правом легком, на всю оставшуюся жизнь запомнил русскую мафию.

Из дверей на руках вынесли Святого. Десяток с Корешом помогли Сэве и Слепому, подхватив тело приятеля. Куда его шлепнуло, пока было не понять, кровь текла из-за шиворота, а может и из головы — и маска, и роба были мокрыми. Чуть было не резанул Кот по вылупившимся из гостиницы Андрюхе и Эдьке. Выдернув с лимонки кольцо, он метнул ее в отворенные двери и там так шарахнуло, что опять полетели коридорные стекла.

— Все, сваливаем! — орал Агей и волок к микроавтобусу ошалевшего брата Святого, который уже беспорядочно лупил с автомата по деревянному строению Акации и пока из затвора не вылетела последняя гильза, Эдька не успокоился. Стрелой вылетел со двора турбазы автобус. Встав на колени перед братом, Эдька снял с него маску и бросил ее под заднее сиденье. Ему теперь уже было все равно, поймают его менты или нет.

— Олега, где ты?! Ты меня слышишь?!

Не слышал его Святой.

Тошнило Сэву, в брезентовый мешок складывали оружие и маски, бригада не паниковала.

— Пацаны, простите, если что не так…

— Это че, Олега? — обернулся Слепой.

— Он — улыбнулся сквозь тошноту Сэва — значит, будет жить. Гони, Слепой.

— Олега! — снова затормошил его братан и разорвал на нем куртку робы. Все было в крови, но пулевого отверстия не было, крупные капли выкатывались откуда-то из слипшихся кучеряшек у основания черепа.

Подпрыгнув на крутом кочковатом спуске на лед, двигатель заглох, но до островка автобус хоть и накатом, но все же дотянул.

Мешок перебортировали в заранее открытый багажник «Нивы», а Святого аккуратно перенесли в тачку Весны.

— Дуй в город, там решим, что делать — полуприказал ему Эдька, вперед сел Слепой.

Бригада рассосалась по легковушкам, и те рванули в разные стороны. У засохших кустов застыл коричневый микроавтобус, его так и не подожгли, а это была уже улика.

Эдик, склонившись к брату, пытался уловить его дыхание, пульса не было и он снова запаниковал.

— Все, Паха, жги в больницу!

— В какую?

— В областную давай!

— Эдька, его там менты найдут — взяв с аптечки бинт, заматывал себе руку Слепой.

— Да мне по хуй!

— Че по хуй — то, очнется он, даст тебе по хуй!

— А если умрет?!

— Делай, как тебе сердце подсказывает.

— В больницу! Под чужой фамилией его оставим. Навстречу летели под мигалками менты, и Весна прижался к обочине. «Везет Калине, теперь Святого не надо будет пасти и так сдохнет».

— Паха, давай шустрее!

Шпана по одному, по двое просачивалась на хату, которую покинули два часа назад, а Агей тем временем, сняв с себя робу в крови приятеля и забросив ее в кузов проезжающего мимо грузовика, искал по городу врача, думая, что Эдик привезет брата на ту квартиру, откуда бригада стартовала на «Акацию».

— Фамилия?

— Не знаю — отвечал Эдька врачу приемного покоя областной больницы — мы на улице его подобрали.

— Когда?

— Минут тридцать назад.

На Олеге ножницами резали одежду два практиканта мединститута.

— Где подобрали?

— В «Северном».

— Ваша фамилия?

— А моя — то вам зачем? — повернулся и быстро зашагал к стеклянному выходу из помещения Эдик.

— Молодой человек!

Но он уже не слышал врача. Весна газанул и на скорости резко повернул за серый угол семиэтажки. Японка встала на два правых колеса и словно чуть подумав, опрокинулась на крышу. Лобовое стекло стрельнуло и завалившийся на Паху младший брат Святого, моментально выкатился в образовавшуюся дыру. Ударив раненую руку, Слепой на мгновение потерял сознание… Беременную его мать на одеяле четверо здоровых мужиков из квартиры бегом перенесли в «Победу» и сумасшедшая, с

оторванным глушителем, машина понеслась к роддому. Вот так же на первом повороте «Победа» встала на уши, и Слепой появился на свет божий, поливаемый бензином из распоротого бака… Сейчас его снова поливало горючкой и если бы не Эдька, выпнувший заднее стекло «Тойоты», то при каких обстоятельствах Слепой народился, при таких же бы и возвернулся туда, откуда пришел. Радужной свечкой в наступающем утре полыхнула иномарка, но на счастье преступников, не взорвалась и спустя полтора часа, первомайцы на двух тачках, которые им выделили Ловец с Калиной, укатили домой.

***

Под почти неслышное стрекотание видеокамеры чьи-то пока не видимые холодные, но приятные ладони ворочали его тело на узенькой реанимационной кровати.

— Теперь на другой бок — тихо кто-то командовал. — У него там тоже татуировки. Так, хорошо, теперь ноги. Все, всем спасибо.

— Пить…

От неожиданности пучеглазая красотуля медсестра вздрогнула и, схватив со столика тонкий стакан с компотом, метнулась к Святому. Сделав один маленький глоток, он сразу его выблевал.

— Еще.

И эта порция компота выплеснулась обратно.

— Послушай, парень, кто ты? — последние ненужные два слова повисли на языке, потому что майор Грознов вдруг узнал в этом щетинистом с забинтованной головой человеке Иконникова.

— Какое сегодня число?

— Второе марта, Олег.

«Откуда он меня знает и вообще, кто он такой?»

— Где я?

— В реанимационной палате нейрохирургического отделения областной больницы…

Дальше Святой уже не слышал, без сознания было лучше, чем даже в первомайском КПЗ.

Очнулся он далеко за полночь. В углу палаты оглушительно храпел, уронив автомат на пол лейтеха с управы по борьбе с организованной преступностью. Олега штормило, но он все таки попробовал сесть. Что — то мешало в ногах. Святой поддернул вверх простыню, но в блеклом свете луны не рассмотрел, что его держит за ноги. Заслышав его ворочанье, в палату вошла сестра

— красотка.

— Пить хочешь?

— Нет. Кто это?

— Милиционер.

— Спал бы дома, урод, что он тут потерял.

— Тебя сторожит. А, правда, говорят, что ты с чеченами воевал, и там тебя ранили?

— Кто говорит?

— Вот они — кивнула девушка на мусора.

— Тебя как зовут?

— Таня.

— Милая Танюшка, глянь, что у меня с ногами.

— Нормально все, вот только они тебя за лодыжки железными браслетами к койке пристегнули, а так вроде все нормально.

— Нельзя, не положено! — четко выкрикнул мент. Как и утром, медсестра вздрогнула.

— Не бойся, это он во сне на жену, наверное, орет, она, поди, ему в штаны лезет, а ему не до этого — кругом мафия, бандиты, ловить надо, а не любить.

— А ты бандит?

— Был бы Брежнев у руля, был бы я бандит, а сейчас не знаю, но и не Робин Гуд конечно. Браслетики значит на ходулях — пошевелил Олег занемевшими пальцами ног — не встречал я еще таких цацок. Давай тогда баюшки, Танюшка, а этого мерина толкни, пожалуйста, нельзя ему при исполнении пузыри пускать, да и храпит безобразно.

Утром к Святому пустили жену. С зеленых глаз ее не переставая, срывались на тощую подушку мужа соленые хрусталики и за неделю, что они не виделись, морщина на ее лбу стала чуточку глубже.

— Сильно тебя?

— Ерунда, — подмигнул он весело супруге — пуля пробила шею и по черепу чиркнула. Шейный позвонок цел, контузило, правда — крепко, а так все путем.

— Скоро тебя выпишут?

— Не знаю, Ленка, но заранее тебя предупреждаю, что выпишут меня отсюда в тюрьму.

— Да ты что, Олега, не пугай меня — немой вопрос застыл в ее мокрых глазах. В палату заглянул подслушивающий мент.

— Извините, но свидание окончено.

— Принести чего-нибудь вкусненького?

— Думаешь, тебя ко мне еще пустят?

— Обещали.

— Не верь ментам, никогда они своих обещаний не выполняют, а на счет продуктов не беспокойся, я все равно ничего не см. Неудобно как-то, чтоб из-под такого лба горшки таскали, вот телогрейка мне теперь понадобится.

— Товарищ начальник, разрешите, я мужу телогрейку привезу — засобиралась Лена.

— Завтра.

— Можно сегодня?

— Ладно, но после обеда.

Легавый проверил кандалы на арестованном и пошел провожать супругу Святого.

Через час его на каталке в грузовом лифте опустили на первый этаж и переложили на брезентовые носилки. От лифта до «УАЗика» несли его уже менты. В такт торопливым шагам покачивалось и сознание. Он не видел, но слышал, как визгнули тормоза его «жигуленка» и Ленка закричала.

— Куда вы его?! Мне ведь обещали…

— Телогрейку хоть возьмите, он ведь в одной футболке… — неслось вдогонку удалявшемуся «УАЗику».

Спустя пять минут машина выбралась на обводную трассу, и Олег сообразил, что тянут его на «пятерку», где находилась областная больница для заключенных.

— Тормозни — один из конвойных заметил преследующий их «жигуленок», и когда «УАЗик» пустил из под задний скатов резиновый дым, выскочил из салона. «Жига» встала и когда мент дал из автомата длинную очередь в небо, развернулась и ушла в город.

Так на носилках Олега и занесли в больничный барак и вот так началась его новая старая жизнь. Знакомые бритые головы арестантов, лай овчарок, носящихся по запретке, краснопогонник на вышке, воющий о том, что видит, бездушные врачи, давным-давно забывшие о клятве Гиппократа.

Метелило в башке от укола на дорожку, которым проводила его Танюшкина подружка, свистела за задубевшим стеклом холодной палаты непогода. Мерзко было на душе и неуютно, спасла боль, утащившая его сознание в свой спокойный мирок, но погостил там Святой недолго. Не прошло и тридцати минут, как к нему через забор, что отделял больничку от зоны строго режима, полезли уголовники. Что это было, сон или бред, но он чувствовал, как его вместе с койкой осторожно перенесли в теплую палату и накрыли толстым ватным одеялом.

— Одыбает пацан, чифирку ему сварганьте — командовал кто-то неразличимый в молочном мареве. Скажете — Ловец подъезжал к забору, передал вот витамины, апельсины, конфеты.

В палату лишних не пускайте, не хуй им знать, кто он и за что устроился.

В этот же день вечером арестовали Беспалого и Слепого. Узнав, что Олег на «пятерке», они затарились чаем, спиртом, деньгами и рванули в Читу. На выезде из поселка их машине попался на встречу ментовский «Рафик». Добравшись до отдела, мусора сразу упали на телефон и на первом же «КП» тачку с подельниками вывернули. Женька врюхался плотно, его закрыли в тюряжку, а Слепой пока отделался тремя сутками КПЗ.

Утром забрали Эдьку и Десятка, тепленькими, прямо из кроваток их уперли в первомайскую кадушку. Агею повезло, буквально за минуту до ментовского визита, он отвалил с материнской хаты в Читу. Ветерка легавые не тронули, причин беспокоить уголовника пока не было.

По поселку поползли слухи, что банду замели. Главное — спекся Святой. Потеряв его твердую руку, шпана расслабилась. Бразды правления негласно перешли к Ветерку, общак тоже, но авторитет Олега к Лехе не перешел.

Шестого, возле восемнадцатого продмага Агей скараулил жену Святого, на хату к ней идти он не рискнул.

— Здравствуй, Лена, Олега где?

— Парни говорят на какой-то «пятерке», ты знаешь, где она находится?

— Съездить хочешь?

— Игореха с Максимом замотали, я — то понимаю, что пока нельзя.

— Собирайтесь, только втихаря, в час ночи я за вами заскочу. Дома ничего запрещенного нет?

— Нет, обыск ведь делали два раза уже.

— Ладно, ровно в час выходите, я сигналить не буду. Ветерку брякни, если желание у него есть на мужа твоего дыбануть, пускай тоже подтягивается.

В двенадцать следующего дня Лена вошла в Лотос, и увидев кучу уголовников, сразу забыла все инструкции Андрюхи. Шпана глазела на дамочку в мутоновой шубке, она растерянно на них.

— Ты, красотка, случаем не заблудилась?

— Мне бы этого, как его, Культурного — наконец выпалила она.

— А он тебе зачем?

— Я Олега Иконникова жена.

— Сразу бы так и сказала, че молчишь.

Ее провели заставленным коробками узеньким коридорчиком в маленький кабинет Пал Палыча.

— Это Святого супруга — за ее спиной негромко доложил

Секретарь и, притворив дверь, исчез.

— Здравствуй, Лена, садись — поставил он ей колченогий стул.

— За тобой не следили, когда ты сюда шла?

— Даже не знаю…

— Да и в рот их… — кого и куда он не сказал — одна приехала?

— Нет, с Агеем и Ветерком, вот тут они все написали — из-за голяшки зимнего сапожка выудила она записку и подала положенцу.

Культурный быстро прохлопал малявку, закурил и на огоньке зажигалки сжег писанину.

— Нугзар!

Тот видимо стоял за дверью и мгновенно влетел в кабинет.

— Я тут.

— Дай ей тридцать ампул морфина, спирта пузырей пять и денег…

— Деньги не надо, пока не надо. Олега кое-что оставил.

— Хорошо. Выведешь ее через черный ход, а ты, Лена, больше сюда не приходи, не светись. Менты обязательно у тебя на хвосте висят.

Докричались Олега быстро, но передвигался он еще плохо, и к забору его под руки подвели два зека. Вертух на вышке, которому Андрюха сунул пять штук, базарить не мешал.

Башку отбило путем. Святой только сейчас понял, что еще ни черта и не видит, никого, ни жену, ни детей он не различал и вдобавок ко всему не слышал правым ухом. Поднимая кучи пыли, в золу у стены больничной кочегарки приземлился «подогрев» и, подгоняемые омоновцами первомайцы, упав в пригазовывающую тачку, отвалили.

Весь март поселковая шпана сидела без работы, перебиваясь квартирными кражами — без Святого все встало. Ветерка, похоже, это устраивало, и он потихоньку начал грести под себя, беря пример со своих курочек.

Сэва с пулей в ноге, с Корешом и со Слепым тарились в Чите, нанимая арестованным приятелям адвокатов. Кота менты по ходу просто выпустили из виду, а может и водили его — шут их знает.

Двадцатого по темноте у больничного забора легавым удалось прищучить Агея с Сэвой. Корешу и Слепому юзануть от решки помогла наступающая ночь. Утартали в отдел их в разных машинах и там сразу развели по разным кабинетам.

— Фамилия.

— Попов — врал Андрюха, зная старшего брата Сэвы — Владимир Викторович.

— Проживаешь где, в Первомайске?

— Там — и он назвал точный домашний адрес, но не свой, а где жил Поп. Швыркающий поминутно длинным носом, зеленый опер поднял с черного телефона трубку и продиктовал кому-то Андрюхину ахинею. Примерно через минуту ему ответили и аккуратно положив трубку на место, он призадумался.

— А что ты в такой поздний час у «пятерки» шлындал?

— Не поверите, конечно, но просто заблудился.

— Ну ладно — широко зевнул мент — чеши.

— Куда? — не поверил в удачу Агей.

— Домой, куда или — к любовнице — встал он, с хрустом потянулся и выпроводив Андрюху, пошел в дежурку, где качали Сэву.

За заляпанным чернилами дермантиновым столом, такому же сопливому лейтехе рассказывал сон рябой кобылы второй задержанный.

— Воровать грех, в Библии так писано, а убивать, тем более, музыканта, понимаете…

«Попов Александр Викторович — читал через плечо своего напарника опер, отпустивший Агея, и тот — Попов, братья они, что ли? Вообще-то говорят, что не знакомы».

— Послушай, Попов, а ты откуда?

— Я — то? С Первомайска.

«Наебали, сволочи» — от досады покраснел он. «Врюхался» — сообразил Санька и схватившись за сердце, сполз с табуретки, наглухо привинченной к полу.

— Что с тобой?! — всполошились менты.

— «Скорую», сердце… — и Сэва закатил шары.

Бить врачей нехорошо, но этому, чтобы дать деру, пришлось врезать. Рвал Санька весело и шустро, в голове вертелись мыслишки о том, что с самых пеленок в его организме не хватало железа. Девять грамм он отхватил на «Акации» и вот теперь совсем рядышком посвистывало еще несколько грамм. «Пронеси, господи! Пить брошу, курить, колоться…» — спустя десять минут он, тяжело отдуваясь в подъезде какой-то пятиэтажки, ухмылялся той чепухе, которая лезла ему на бегу. Через два часа Сэва был на квартире, где его уже не ждали подельники, но на всякий случай тормознули прямо в шприце два куба ханки, а случаи действительно бывают разные.

Андрюху так и не дождались. Где он потерялся?

***

Двадцать восьмого, какого-то по-особому теплого в жизни Святого марта, его с больнички везли в Управление внутренних дел. Такой солнечно-мокрой весны он не помнил, грязь с водой фонтанами била из — под колес «УАЗика». В норковой шапке, сбитой на затылок и распахнутой китайской кожанке, на заднем сиденье рядом с Олегом курил Кладников.

— Бурдинский с тобой хочет встретиться.

— А кто вы?

— Я — то? — в приоткрытую форточку стряхнул он пепел сигареты — майор Кладников Виктор Лаврентьевич, с Управления по борьбе с организованной преступностью.

— Это вы этой зимой Гасана убили?

— Выходит, что я.

— Виктор Лаврентич, убийство это плохой поступок или хороший, однозначно ответить можете?

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что плохой.

— Я думаю также.

— Вот я убью человека, мне за это лоб зеленкой помажут, а тебе за тоже самое — медаль дадут, наверное, а?

— Я уже получил, орден за личное мужество. «За то, что мякнул чьего-то сына, отца и мужа, государство его поощрило» — помассировал занывшую часть головы Святой и горько улыбнулся.

— Добро должно быть с кулаками — стрельнул в форточку бычок майор.

— Да-а, интересная штука жизнь, скорей бы сдохнуть, чтобы не видеть всего этого дерьма.

В маленьком кабинете первого этажа Управления безбожно дымил Беспалый.

— Привет! — вроде бы искренне обрадовался он приятелю.

— Кое-как уболтал Кладникова, чтобы он нам встречу организовал. Лаврентич, пятнадцать минут нам дай?

— Пятнадцать, но не больше, мужики — глянул на часы майор и выйдя из кабинета, притворил за собой дверь.

Опасливо дыбанув вслед Кладникову, Женька на ухо подельнику прошептал.

— Давай грузиться?

От неожиданности Олег отшатнулся от Беспалого, внимательно посмотрев в его бегающие глаза.

— Ты что, Женька, ведь всего месяц назад ты втыкал пацанам, что менты — козлы, надо бороться с ними до последней капли крови. Объясни мне, что ты тут несешь, может я тебя пойму?

— Олега, да я тебе и не предлагаю давать показания, просто я

решил с тобой посоветоваться.

Кладников видимо подслушивал, а может — и нет, но беседу подельников прервал.

— Ну, что, мужики, на чем остановились?

— На том, что показаний давать я не буду — заявил Беспалый.

— Да ты что, Бурдинский, что случилось?

— Ничего, просто передумал.

— Чтоб ты сдох, паршивец, — плевался всю обратную дорогу на «пятерку» Лаврентич — зачем я тебе с Бурдинским базар устроил, он парень хороший, а ты его сейчас сбил с толку. Я его спрашиваю — стрелял чеченцев? Он говорит — да, но не за деньги, а за идею.

— На счет идеи, Виктор Лаврентич, тема особая, как-нибудь потолкуем, а на счет Беспалого, то — пусть грузится, это его личное дело, но решать судьбы других он не имеет права, а раз вам помогает, значит, выгадывает что-то для себя и в идею не верит. Сегодня он высветил мне свою личину обыкновенной лагерной акулы, которая ничем не брезгуя, пытается выскользнуть из ваших сетей. На пацанов, с которыми Женька был под пулями, ему видимо насрать.

На следующий день Святого выписали с больницы и ночью перевезли на КПЗ, а чуть забрезжил за решеткой рассвет, в хату к нему бросили Ловца. Его и Князя за мордобой гребанули в ресторане и устроились на этот раз они намертво. Ржавыми провалами узких зашторенных окон камеры выходили во двор Управления Министерства Безопасности и шесть дней, что протоптались между собой подельники, оперативники этого ведомства накрутили на магнитную пленку.

Седьмого апреля в четыре двадцать утра Олега, тщательно прошмонав, нарядили в тяжелый бронежилет и, положив на заднее сиденье белой «семерки», лихоматом по пустым улицам Читы утянули в аэропорт. Миновав служебные ворота территории аэродрома, тачка встала у самого трапа мокрой «АНнушки». Бронежилет сняли, а вот наручники — нет.

— Так полетишь — зло попрощался с арестованным Кладников — придется потерпеть.

— Ты что, Лаврентич, не выспался?

Тот смолчал и, разбрызгивая мутную жижицу замерзших за ночь луж, умчался.

Взлетали в уже подернутое восходом безоблачное синее небо. Взревел правый мотор, за ним левый и, стряхнув с крыльев последние капли из мороси, серая птица поползла к старту.

— Стюардесса! — подбросило в середине салона

сорокалетнего мужчину с кавказской мордой — стойте! Не полечу я! Остановитесь!

Двигатели стихли, но пока к самолету не подъехали менты, из салона никого не выпустили.

По мятой красной роже дежурного по аэропорту мусорилы видно было, что он с бодуна.

— Что стряслось, Любаша?

— Вот — стюардесса ткнула в чурека лакированным ноготком, — лететь не хочет.

— Ваш паспорт, пожалуйста.

Он терпеливо подождал, пока пассажир шуровал по многочисленным своим карманам и потом, развернув в кожаных корочках его документ, вслух прочитал. — Имаев Хамза, национальность — чечен…

— Кто?! — аж подскочил старший конвоя и, отведя в сторонку старшего лейтенанта, зашушукался с ним, ожесточенно при этом жестикулируя. Спустя минуту пассажиры, удаленные от «АНнушки», тревожно обсуждали происходившее, а еще через десять — самолет шерстили миноискателями, но видимо не легавые.

— Не нравится мне все это — задумчиво пытался прикурить отсыревшую беломорину белобрысый с плоским носом и оттопыренными мясистыми ушами второй конвоир, к левой руке которого наручником был пристегнут Святой — а тебе как?

— А мне все равно «вышка» улыбается, так сами соображайте, что и как, но по ходу должны мы сегодня уебаться.

— Предчувствуешь?

— Да нет, в общем-то, просто лечу в первый раз в жизни.

— Че, правда, что ли?

— Но-о.

— Тьфу, тьфу, тьфу — через левое плечо сплюнул ушастый — слава богу, что холостой хоть.

Через час сорок дребезжащая старушка «АНнушка» легла на правое крыло и, стремительно разрезая свинцовые тучи, упала на мокрые хлопья снега взлетно-посадочной полосы Иркутского аэродрома. В Чите все таяло, а здесь валил снег и градусов на пять было похолоднее. Здоровенные хлопцы в краповых беретах, под локти подцепив подозреваемого, вели его к бронированному «УАЗику», а он жадно ловил ртом липкие снежинки и чуточку зябко ежился. Спустя двадцать минут древний, как мамонт Иркутский централ принял в свою утробу еще одного арестанта.

Олега помыли в бане, в каптерке выдали какое-то подобие матраца с подушкой и утартали на «красный» корпус, где содержали молчунов, которых раскручивали «наседки». В угловой

четырехместке второго этажа парились всего два уголовника.

— Привет, бродяга — худой, словно угорь, мужичишка слез с параши и подтянув шерстяное трико, ощерился фиксатым хлебалом — за что гребанули?

— Чемодан на «бану» подрезал — бросил на свободную шконку поклажу Святой.

— Чемодан? — удивленно переглянулись зэки. Начальник оперчасти сказал, что подсадит к ним террориста.

— А ты откуда?

— Родом что ли?

— Не-е, откуда сел?

— С воли.

— Да понятно, что со свободы, с какого края?

«В прессхату ткнули, суки» — сел на матрац Олег.

— Тебя как обзывают?

— Угорь.

— Слушай внимательно, курица, я именно тот, кого вы ждете, но под шкуру мне лезть не советую — или убивайте, или отъебитесь, все равно ни хуя не подсосете.

— Ясненько, ты ведь с Читы? Не глядя на «наседку», Святой согласно кивнул.

— Ясненько, что же делать? — завернув руку за спину, поскреб меж острых лопаток Угорь.

Помалкивающая вторая «курица» слетела с верхних нар и присела напротив Олега на корточки.

— Давай так сделаем, если мы тебя не раскачаем, нас кумовья закнокают. Объяви голодовку, что тебя не по режиму устроили, ведь мы осужденные, а ты подследственный. Самое большое через неделю тебя переведут в общую хату на «белый» корпус, ну как, потянет?

— Ништяк.

— Ты судимый?

— Было дело.

— Много отмотал?

— Червонец.

— Прилично — и вслух и про себя прокабалил зек — Мессер базарил, что ты ранен в башку?

— Мессер — это кто?

— Начальник оперчасти.

— Зачем тебе моя башка?

— Да ты не подумай чего худого, я к тому, что недельку могу и наверху поспать.

***

Чуть раньше описываемых выше событий, то есть тридцатого марта, спустя два дня после встречи со Святым, Женька на читинском КПЗ загнал Десятку маляву: «Дашь показания, что братья Иконниковы, вооруженные автоматами, двадцать четвертого февраля ворвались в здание гостиницы на турбазе «Акация». Ты по приказу Олега швырнул в одно из окон гранату, а я стоял у входа и контролировал общую ситуацию Делай, как написано — братья в курсе».

Для Лехи Беспалый был авторитетом и еще Леха был не судимым и, поверив подельнику, он сделал все по — написанному. Вечером его, изъеденного КПЗэвскими вшами и клопами, увезли на тюрьму и специально или по недосмотру поместили в камеру, над которой сидел Эдька. Централ был «закабуренным» и через небольшое отверстие в потолке, Десяток, поболтав с братаном Святого, через пять минут понял, что с малявой Женька его дуранул. Что дал показания, Леха умолчал, но через три дня он перед следователем от них отказался.

Этой же ночью Женьку этапировали самолетом в тюрьму столицы Бурятии. Показания он не дал, пообещав ментам, что сделает это месяца через два, надеясь на то, что за это время они раскрутят братьев, и он будет не первым, кто раскололся.

***

Ровно в шесть прапор, дежуривший на маленьком продоле, где находилось всего восемь камер смертников, неслышно открыл одну из кормушек, и постучал ключом в металлический засов дверей.

— Шустов, вставай.

Молодой, но уже с крепко прихваченными сединой висками парнишка, казалось, не смыкал глаз в эту последнюю для себя ночь. Оторвав от тощей арестантской подушки испуганную голову, он вытаращился на надзирателя.

— Начальник тюрьмы велел передать тебе, ну короче — виновато спрятал в густых ресницах мутные от старости глаза Ефимыч — к девяти побрейся, умойся. За тобой придут.

— Кто?

Ответить не было сил, и вопрос Шустрого завис в тусклом свете хаты. Прапор замкнул кормушку на висячую «собаку» и, стуча подковками яловых сапог, медленно ушел.

Свесив худые волосатые ноги с нар, Васька дрожащими пальцами размял сигаретку и, закашлявшись от глубокой затяжки, пустил столб дыма в некрашеный бетонный пол. На

плотно заваренной железом решке весело чирикал невидимый из камеры воробей.

За два года, что ходила в Москву помиловка, Шустрый свыкся с мыслью о расстреле, но сегодня, когда с воли пахло весной, умирать не хотелось. «Недавно президент «Лифтера» помиловал, который в Минске девчонок насиловал и душил, Слабо шевельнулась в глубине души надежда: «Неужели шмальнут меня?» Не плакал Васька давно, крупные капли безвкусных слез щипали покусанные губы и впитывались в табак потухшей сигареты. В двадцать один год жизнь обрывалась. Представив, как мать с сестренкой неделю назад бывшие у него на краткосрочном свидании получат извещение о его расстреле, Шустрый похолодел. Зажмурившись, он потряс башкой, как хотелось, чтобы все это было дурным сном. Глупый воробей продолжал беззаботно рвать его душу. Тупым лезвием Васька скоблил щетину на впалых скулах продолговатого лица и не вытирал гроздья катившихся на полосатую робу смертника слез — стесняться было некого. Морально он завернул боты там, на суде, сегодня предстояло умереть телу. По старой привычке Шустрый аккуратно заправил постель, потом на параше выблевал остатки вчерашней баланды и обессилено присел на бетонную тумбу, заменявшую в хате табурет. Шкура ходуном ходила от крупно бившей дрожи. Ускользающие мысли оборвали выросшие на пороге отворенной блокировки четыре человека в пятнистой форме.

— Лицом к стене, ноги шире, руки назад — скомандовал чей-то хриплый и слегка подсевший от волнения басок.

В прозрачные запястья татуированных рук больно впились колючие браслеты. Два дюжих конвоира взяли Ваську за локти, один встал сзади, один спереди, так они и покинули последний приют вздрагивающего пацана. Удаляющуюся по коридору сгорбленную его спину набожно перекрестил Ефимыч. Шустрый был не первым и наверное не последним, кого старый надзиратель провожал по гулкому продолу смерти, он знал, что если через час приговоренного к «вышке» не приведут обратно, то значит зек не вернется никогда.

В небольшой камере без окна, с побледневшими лицами Ваську ждали начальник тюрьмы, прокурор области, врач в белом халате и, в черной маске, исполнитель приговора. Он шагнул к Шустрому и залепил ему пластырем рот. «Хозяин» централа в подполковничьих погонах подал прокурору белый конверт с красной сургучной печатью, и затрещала в ушах раздираемая бумага жизни или смерти. Приступ рвоты погнал из пустого желудка желчь, она потекла из носа и, смешиваясь с холодным

потом, побежала по подбородку на грудь. «В помиловании отказать, отказать…» — бились в сознании последние слова прокурора — «Боже мой, ведь мне всего двадцать один. Жить! Я хочу жить! Мама, прости меня, мама».

Ваську повернули белым лицом к обшитой деревянными брусками забрызганной кровью стене и, надавив на плечи, поставили на колени. В секунду поседела башка и только на самой макушке осталось каштановое пятно родных волос. Именно к нему и прижался ствол пистолета.

«Жить!» — и брызнули мозги Шустрого на стену…

Вздрогнул во сне и перевернулся на другой бок Святой.

Девять томительно долгих минут врач держал руку в резиновой перчатке на пульсе еще теплой Васькиной шеи.

— Все, отмучился, бедолага — наконец выпрямился он и стягивая на ходу перчатки, пошел расписываться в «Акте о казни».

Час пролетел. Кинув под язык таблетку валидола, Ефимыч уговаривал себя:

«Сейчас приведут, еще пять минут подожду и приведут. Молоденький ведь совсем парнишка, ему жить да жить». Слеповато прищурившись, прапор глянул на часы, секундная стрелка стояла на месте. Еще не веря в то, что произошло, он поднес ходики к уху — время остановилось…

— Олега! — подергал его за рукав рубашки Угорь — проснись, к адвокату тебя вроде.

Покачивало даже лежа. «От голодухи, что ли? — сел он на шконке — восьмой день уже канает». Шустро сполоснув лицо, шатаясь, Олег вышел с хаты в коридор. Шмонал его сам Мессер.

— Руки за спину. Иди и не оглядывайся.

Навстречу по продолу дубаки вели бича в синей мастерке. Святой признал его сразу, этого кудлатого он развернул при ограблении винополки, когда был в ментовской форме. Сокращалось расстояние между подследственными. Бичара наморщил узкий лобешник и вперился в Олега, вспоминая, где его раньше видел. Не отвел взгляда от внимательных шаров бича Святой. «Интересно, один глаз голубой, другой зеленый». Кудлатый не узнал шедшего ему навстречу зека, не узнал потому, что голубой глаз у него был ноль пять, а зеленый вообще стеклянный.

К щеголеватым усикам Жабинского приросла не очень аккуратная клиновидная бородка и житуха его видимо была настолько беспечной, что над брючным ремнем повис небольшой мячик живота.

— Ты где, волчара, запропастился?

— Извини, Олега — воровато оглядываясь на коричневую

дверь, адвокат полез в носок и подал ему вчетверо сложенный тетрадный листок — это письма от жены и детей.

— Как там они?

— Нормально, пока все нормально, у тебя как?

— Как? Не жру неделю уже…

— Извини, еще раз извини — виновато прижал к пухлой груди пухлую ладонь Миша — менты, ссылаясь друга на друга, скрывали, куда тебя утартали…

«Здравствуй любимый папа. Я тебя очень люблю, жду не дождусь…» — писал неровным почерком Игорешка. Святой на ровные полосы порвал письма и стал их тырить в одежде.

— Один прикатил?

— С Агеем.

— Филки есть?

— Сто штук хватит?

— Пока хватит — Олег забрал у Жабинского свернутые в трубочку и запаянные в целлофан деньги. Запить было нечем и «торпедку» пришлось проглотить так.

— А как достанешь?

— Выблюю.

— Олега, вот ты не принимаешь пищу, а администрация как на это реагирует?

— По-моему довольны, суки, что я через две недели боты заверну. Вали к хозяину…

— Это кто?

— Начальник тюрьмы, требуй у него, чтобы меня перевели в общую камеру к тяжеловесам. Сейчас со мной сидят два «полосатика», по закону это не положено.

Отрабатывая должок, Миша усердно минут тридцать пошумел в кабинете «хозяина» и возвратился к Святому злой и бледный, но довольный.

— Ништяк, — подмигнул он ему с детства косоватым глазом — прямо отсюда тебя уведут в новую хату, а завтра с утра я к тебе приду, проверю все ли ладом.

— Принесешь коньяка литр или «Амаретто».

— А как?

— В грелке, Андрюха все сделает, ты только пронеси, вас ведь не шмонают?

— Нет.

— Где таритесь?

— У племянника Ветерка.

— А сам-то он где?

— Честно говоря, не знаю…

Обедали в русском вроде ресторане, но почему-то с немецким

названием «Фихтельбур». Уголовники в нем тащились, пока, слава богу, русаки и одного Агей узнал от входа.

— Дурак, здорово!

— О-о, привет, Андрюха. У вас че, в Читаго кабаки не пашут? Присаживайтесь.

— В Чите, как в Греции, все есть — Жабинский, Славка и Агей сели за нарядный стол Дурака.

— По делу мы в Иркутске.

— По секретному?

— Да нет. Подельника проведали на вашем централе.

— В какой он хате?

— В сто одиннадцатой.

— На «красном»?

— Но.

— Помочь чем?

— А сможешь?

— Я в городе на положении.

— В натуре?!

— Серьезно, второй месяц уже. За что пацан ваш парится?

— Чеченцев по Чите гонял.

— Путем?

— С автоматом.

— Молодец, парнишка. Чеченцы и мои враги.

— Тебе-то они чем насолили?

— Передо мной на положении Степа был, они, козлы, его среди бела дня завалили. Оборзели, мрази, как у себя дома зажигают. Погоняло у вашего приятеля как?

— Святой.

Утром адвокат не появился, он, собака пьяная, потерял в «Фихтельберге» удостоверение, без которого в тюрьму его естественно не пустили и вечером этого же дня Жабинский с Андрюхой улетели в Читу, а в новой камере, куда перевели Олега, он наконец-то расслабился. Сидели здесь одни убийцы и встретили его, как родного. В хате, где на девяти трехъярусных шконках по очереди спали шестьдесят арестантов, было душновато по сравнению с «красным» корпусом, но зато здесь были свои, и первые трое суток, согнав с нижних нар какого-то сопляка, Святой продрых, словно убитый, а не по «тулунски», с полуприкрытыми глазами.

Вчера от адвоката Гоха поймал письмо с фотографией от сожительницы Соньки и сейчас, примостившись на тощем своем «сидоре» в углу камеры, сочинял ответ: «Здравствуй, Сонечка! Маляву с фоткой получил, вот только ты тут не одна, а автобус позади тебя, ну да черт с ним, а вот солдат, что возле тебя

трется? Не знаешь, поди, я вот тоже не знаю. Фотографии у меня моей нет, поэтому и отправить-то тебе, голубушка, вроде нечего, но я вот тут чуть пониже нарисую для тебя». И Гоха старательно изобразил колосящееся поле, посередке которого, печально повесив голову, красовался мужской член. «Это, Сонечка, хуй, пшеницу клюет. А насчет того, что у тебя волосы выпадают, могу посоветовать — побрей свою дурную башку наголо и тогда уж точно никто не заметит, что у тебя волосы редкие…»

— Гоха! — оторвал его от писанины положенец хаты — растормоши-ка парнишку читинского.

Через небольшое отверстие в потолке на Сатану пришла малява от Ушана, которому с воли за Олега отписал Дурак.

— Иди, Сатана тебя зовет — осторожно разбудил Святого Гоха — можно, я пока подремлю чуток на твоем месте?

— Заваливайся, если не вшивый.

Гоха почесал задницу и пошел дописывать, вши жрали его живьем. От нехватки кислорода поташнивало, и в хате не то что воняло, но парашей несло. В одних трусах, мокрый от пота, Олег взобрался к единственному окну камеры, возле которого обосновался положенец и, воткнув лицо меж прутьев решетки, жадно и глубоко вдохнул в себя весну.

— Тебя что так жутко обзывают?

— Сатаной — то? — он наклонил, показывая Святому бритый череп — три шестерки видишь? На малолетке накололи, это знак сатаны, вот и прилепилось кликуха.

— А зовут тебя как?

— Да так и зови.

— Че звал?

— Малек со свободы подканал, насчет тебя.

— От кого?

— Ты не знаешь, наверное: Дурак, Ушан…

— Не знаю.

— Что отпишем?

— Пока все путем, прессовать начнут, закипишуем.

— Ништяк. Гоха, чифирку сваргань.

— Я не чифирю — поморщился Святой.

— Тогда закуривай.

— И не курю.

— В карты — то хоть шпилишь?

— А какой русский не любит быстрой езды?

— Во — обрадовался Сатана — это уже лучше. Вон маменькин сынок носом клюет, видишь? Давай в одну лапу его задерем?

— Во что?

В двадцать одно.

***

Калина гулял на волюшке. Ловец с Князем парились в читинской «кадушке» и стали для него не опасны. Торопыга, кент их, нет-нет, но мелькал в городе, правда, поджавши хвост, и опасности для Игоря тоже не представлял, а вот Гоцманом пора было заняться. Автоматы, шумевшие на «Акации», хранились у Торопыги и, выпросив один якобы для дела в другом городе, Калина стал готовиться.

Двадцать второго апреля «Хонда», в которой на заднем сидении развалясь, дремал Гоцман, остановилась на красный сигнал светофора на перекрестке улиц Калинина и Полины Осипенко. В левом ряду, чуть впереди иномарки плавно тормознул мотоцикл, человек в гермошлеме, сидящий за водителем, засунул руку в спортивную сумку и не вынимая из нее автомата, чтобы стреляные гильзы не сыпались на асфальт, полуобернувшись к «Хонде», нажал на спусковой крючок. Получив одиннадцать пуль, три из них в лицо, Санька покинул эту грешную землю спящим. Мотоцикл ушел под красный свет, за ним рванул, но уже под зеленый, белый «Москвич», в котором страховал убийц Черный. Через неделю Калина вернул Торопыге автомат и тот понял, что хотя и косвенно, но помог Игорю завались своего лучшего друга. Следующим должен был стать сам Торопыга. Воевать с Калининой бригадой Толян собздел, Святой сидел, а вот Агей ховался где-то в Чите и потратив два дня на осторожное рысканье по темным хатам, Торопыга нашел первомайца.

— Гоцмана мякнули, слышал? Теперь-то уже ясно, что это Калина. Собери, Андрюха, шпану, да перестреляйте его кодлу бешенную, сам я не могу, он за мной пасет и людей для такой делюги у меня не хватит. Оружие я вам дам.

— А с чего ты взял, что Гоцмана бригада Калины убрала?

— Чувствую, понимаешь, чувствую.

— Это не аргумент и вообще, Толян, я в данный момент тоже один. Ты же в курсе, что наших всех пересадили. Крутись сам, а мне пацанам помогать нужно, адвокатов нанимать, передачи собирать. Вот от Святого недавно прилетел, менты его крепко жарят.

Торопыга уехал не солоно хлебавши и понимая, что Калинина банда теперь будет за ним охотиться, затырился, не подъезжая даже к тюрьме, где его каждый день ждал Ловец.

***

Первое мая Святой справлял в карцере, куда без видимых причин его устроил Мессер. В одних трусах, босиком и облитых холодной хлорированной водой, тусовался он по бетонному полу узенькой хатке подвала. Не кормили уже четвертый день. «Забыли меня что ли? Хотя нет, хлорочкой поливают регулярно. Жрать охота» — но чувство голода, это было всего лишь чувство, тем более не душевное, а всего лишь физическое, а значит, и бороться с ним нужно было физически. На приступок параши, называемый в тюремном обиходе «китайкой», Олег примостил кисть левой руки и огрызком красного кирпича в кровь раздолбал пальцы. Теперь стало не до баланды и даже чуточку теплее. «Что там у меня дома творится? Здравствуй мой любимый папа…» — вспомнились строки из Игорешкиного письма. «Хорошо хоть, Максим более-менее взрослый и с женой мне судьба угодила…» — с женой судьба ему не угодила, но он пока этого не знал. Таким же голодным, дроглым и саднящим выдался и следующий день. Зато третьего к обеду все резко кончилось. На плохо слушающихся ногах, его почти волоком утартали в баню, заставили под прохладным душем шустро ополоснуться и длинными шумящими коридорами централа повели в административное крыло здания. Спустя пять минут все выяснилось — приехал адвокат, но это был не Жабинский. Высокий, плотный, а может слегка тучноватый мужик лет сорока пяти.

— Здравствуй, Олег, — как старому приятелю подал он подследственному широкую ладонь — я — Подойницын Семен Михайлович, но это так — поближе пододвинулся он к столу, — для посторонних, для тебя я просто Михалыч.

Святой выжидающе молчал и адвокат продолжил.

— Меня нанял Агей, знаешь такого?

— Предположим.

— Да не мент я — стукнул себя кулаком в грудину Михалыч.

— Не мент говоришь, ну поживем, увидим, а пока расскажи, что в Чите новенького.

— Гоцмана грохнули, в курсе?

— Читал, про этот случай даже в Иркутской прессе намарали, еще что?

— Что Культурный к ворам летал, знаешь?

— Куда?

— В Москву.

— Нет.

— Про «Акацию» хвалился, так что твою медаль он получил.

Один из воров за кипишь, который ты со своими ребятами засадил на турбазе, отметил Пал Палыча и на другой день ему, видимо чечены башку со снайперки продырявили.

— Кому, Культурному?

— Не-е, вору. Круто все заворачивается.

— Худо значит дело.

— Наоборот, все хорошо. У милиции ничего по «Акации» нет, ни одной зацепки.

— Эдька где и что с ним, знаете?

— Конечно! Брат твой, как сыр в масле, катается на Читинской тюрьме, у него все пучком, обратно мы с Андреем поездом отвадим и по пути в Улан-Удэ заглянем к Бурдинскому.

— У Эдьки деньги есть?

— Все у него есть, а вот тебе — запаянные, как и в прошлый раз в целлофанчик, деньги выудил из потайного карманчика адвокат — здесь сто штук. У тебя тут как?

Олег поведал как, но это ни к чему не привело — его от Михалыча снова уперли в карцер. Мессер неизвестно с чьей подачи опять принялся прессовать Святого и тот, привыкший из любой ситуации выпутываться самостоятельно, на этот раз не выдержал. «Выручай, Ушан» — всего два слова черкнул он положенцу централа и с утра четвертого числа тюрьма заголодовала.

Не хотелось Мессеру, ох как не хотелось расставаться с недоломанным арестантом, подрагивали от злости кончики его усов, когда он вошел в камеру Олега.

— Собирайся, Иконников, с вещами…

— С какими?

— Не юродствуй — поперхнулся слюной кум — твое счастье, что успел сорваться, но это твой последний зехер, в следующий раз я все равно в этой одиночке придушу тебя.

***

Устранив Гоцмана с пути, Калина продолжал медленно, но дерзко и уверенно подминать под себя Читу.

Начальник управления «Забзолото» открыл глаза на пятнадцать минут раньше, чем затрещал будильник и тихо, чтобы не потревожить сон температурящей супруги, направился на кухню. Поставив на горелку кофеварку, он повернул ручку газового крана и, чиркнув спичкой, сначала прикурил сигарету, а затем поджег газ и пошел, шлепая босыми ступнями ног в туалет.

С той стороны входных двойных дверей раздался подозрительный шорох и Ерофей Палыч без раздумий бросился ловить еще сам толком не зная кого. Замок второй двери подзаело. «Вот чертовщина, давно пора его заменить» — дернул он с силой ручку и из распахнутой двери на ноги ему упала круглая рифленая железяка. «Граната — сообразил Ерофей Палыч — а где предохранительное кольцо?» — нагнулся он за железякой и ему буквально вдребезги разнесло взрывом голову. Хоронили золотаря, как и всех смертных, через три дня.

Торопыга сидел в своей норе тише мыши. Культурный шугался вообще от всех, он боялся и Ловца, сидящего в тюрьме, и Торопыгу, упавшего на дно, и Святого, который в любой момент мог уйти в побег, и лившего кровь Калину. Несколько раз Пал Палыч подумывал отойти от дел, но воровать на старость лет не хотелось и он, купив себе бронежилет, продолжал тащить нелегкий крест положенца области.

С Нерчинска откинулся Сюрприз, в уголовном мире его считали парнем башковитым, но после пышных встречин, он не только увильнул с общака, но и к всеобщему удивлению шпаны, ударился в запой. Не признавая никаких «крыш», он вваливался в любой комок или коммерческую палатку и отбирал у барыг не только спиртное, но и деньги. В «Лотос» посыпались жалобы и через две недели труп «Сюрприза», истыканный ножами, милиция обнаружила на городском кладбище.

***

Ушан, смотрящий за централом и получивший от Дурака с воли маляву относительно Святого, хоть и через голодовку, но затянул читинца в свою камеру. Тридцатипятилетний Санька пятнашку уже отмотал, но в жилах его билась благородная кровушка и на простого уголовника он не походил.

— Проблемы есть?

— После ранения, Санька, у меня башка едет, душно у вас в хате, поближе к окну бы лечь?

— Мужики, пару матрасов на подоконник бросьте и привяжите их к решке, чтобы не свалились. Садись, Олега — пододвинулся он на шконке — вмажем — и добыл из — под подушки бутылку «Амаретто».

— Мессер тебя прессовал?

— Он, собака.

— Правильно говоришь, собака. Лупатый, шуруй сюда. Вот этот пацан на решке отдыхать будет, и не дай бог оттуда во сне

упадет, я тебе, урод, печень живому вырву, усек?

Неделю назад Лупатый сел с Санькой помусолить в картишки и подрезал стос не в ту сторону. На тузу бьют за все и с приходом: «Или жопа в клочья, или пизда в вдребезги» — Лупатый потянул из-под колоды вторую карту. Приперся валет, и стало тринадцать очей. На тринадцати игровые не останавливаются.

— Еще.

— Бери, кто тебе не дает.

В хитром стосе Ушана безбородый валет был прокладкой и как медленно Лупатый не тащил третью карту, все равно выудил он бубнового туза. Платить было нечем и, понимая, что судьба его теперь в Санькиных безмозолистых руках, Лупатый покорно слушал.

— Усек.

— Ну, раз усек, отваливай.

Наконец-то менты оставили Святого в покое, и только приблатненный Клоп иногда пытался залезть ему под шкуру и покачать по делюге, но подлая лагерная жизнь с детства научила Олега разговаривать на рыбьем языке и конопатый кумовской работник, навострив треугольные совиные уши, с замиранием сердца слушал, как читинец метет ему сны рябой кобылы.

Двадцатого мая Святой проснулся рано. Лежал он на правом боку и через крупные аккуратные ячейки ржавых прутьев, решетки смотрел на бледные звезды Большой Медведицы, на клочковатый туман, запутавшийся в колючей проволоке запретной зоны. Прямо под окном блестела росой сетка-рабица, натянутая поверх прогулочных двориков. Арестант с трудом, но все же высунул руку на улицу и, словно поджидая его ладонь, в нее тут же уселась синица. Почистив клювом перья, чуточку потопталась по теплой ладошке и подброшенная в первые лучи солнца, упорхнула.

— Кого ты там ловишь? — с интересом наблюдал за Олегом чифирivший Ушан.

— Пернатый зачем — то прилетал.

— Хорошая примета — жди гостей. На утренней проверке камеру посетил «хозяин».

— Почему без рубашки? — прицепился он к Святому.

— Гражданин майор, это вам полагается в галстуке ходить, вы ведь здесь на работе, а — я вроде, как дома.

— Откуда ты, такой зубастый?

— Это Иконников, — встрял Мессер.

— А-а, вот значит какой ты. Ну ладно, хотел выписать тебе десять суток карцера — позволил себе улыбнуться «хозяин» — но как борцу с интервентами, объявляю амнистию.

Синица прилетала не зря, перед обеденной баландой Олега дернули к адвокату. Жабинский привел с собой молодого курносого очкарика.

— Ты ведь, Олега, Петруху — Сюрприза знаешь?

— Конечно, он в Нерчинске на положении был, я к нему перед самой «Акацией» на общее свидание ходил, а что?

— Менты подозревают, что это я его убил.

— Ты?!

— Свидетели показывают, что после того, как Петруха сел в мою тачку, его больше живым в городе не видели. Вот такие вот дела, Олега, так что вместо меня ездить к тебе теперь будет вот этот парень, а я на время загашусь.

— А это кто?

— Это Аркаха, тоже адвокат, но понарошку — из внутреннего кармана пиджака Жабинский извлек пачку пятитысячных купюр — а это, Олега, пятьсот тысяч тебе с читинского общака отправили, можешь взять их, но есть идея на эти филки устроить тебе побег.

— Мутите.

— Сделаем так — очкарик шариковой ручкой на чистом листке бумаги стал чертить план тюремных коридоров, закончив, пододвинул его Святому.

— В следующий раз я принесу с собой в дипломате офицерскую форму и ключ, сам знаешь, он подходит к любой двери этого заведения, замки ведь все одинаковые. Ты в этом кабинете переоденешься и открыв всего одну решетчатую дверь, спустишься на первый этаж. На проходной я буду тебя поджидать. Когда возьму свое удостоверение и дубачка откроет мне последнюю решку, спокойно выходи со мной. Если эта коза на дергалке закипишует, то встанем на рывок. У крыльца «жига» без номеров стоять будет и все дела.

— Потянет, давайте шевелитесь. Кого из наших еще замели, не знаете?

— Сэву, но не за «Акацию», по воровайке влетел, еще Гурана, пока не знаем за что.

— Как Ветерок поживает?

— Давненько с ним не встречался — поскреб щетину Жабинский — сначала он тянул твою линию и все к нему прислушивались, а сейчас Леха, по-моему, под себя метет и ему стало выгодно, что ты в кадушке. Агей пока его не трогает, ведь Ветерок — твой друг, но имей в виду, что первомайцы сидят без капусты и злые на Леху, как бы ему байку не снесли.

— Где он сейчас?

— На Байкале пухнет, в доме отдыха вместе с женой, Разин

ему бесплатную путевку сделал.

— Конь тупорылый — скрипнул зубами Святой и почувствовал, как из зуба в нижней челюсти выкрошилась пломба — вместо того, чтобы заметать там, где насорили, решил позагорать. Передайте ему, на шармака наши дела не пролезут, если будет балдеть, то скоро мусора и его загонят на нары.

Назад в камеру Олега провожал Мессер.

— Что морщишься?

— Пломба выкрошилась.

— Может, к стоматологу завернем?

— Что это ты так раздобрился?

— Для хорошего человека, что только не сделаешь. В глубоком и прохладном кресле врача Святой немножко остыл и успокоился, путнее настроение навевали и добрые лучистые глаза молодого зубника.

— Откройте рот, вот так, молодец — и жужжащее острие бормашины впилось, но вроде бы не в тот зуб.

«Он че, конь, не видит…» — мысли полыхнули нестерпимой болью, и не заорал Олег только потому, что не хотел своим криком доставлять удовольствие Мессеру.

— Вам плохо? — ваткой, смоченной в нашатырном спирте, врач водил под носом отрубившегося Святого.

«Вот сука, из здорового зуба нерв высверлил и еще спрашивает» — покосился Олег на радостного кума.

— Нет, мне хорошо…

— Врешь — попробовал оборвать его Мессер.

— Нет, не вру. Можно конечно и обматерить твоего зубника за то, что у меня из глаз искры сыпались, но это с одной стороны, с другой — зуб без нерва теперь у меня точно до самой смерти болеть не будет, так что спасибо, вурдалаки.

В хату Святой вернулся широко улыбающимся.

— Ты что такой счастливый — прекратил бриться Ушан — в кино что ли ходил?

— Да нет, представляешь, козлы, со здорового зуба нерв мне высверлили.

— А я — то думаю, че это ты такой радостный, вари «купца», я пока подмоложусь. Новостей, наверное кучу припер?

— Ничего хорошего. Попрятались все, Саня, как крысы. Культурный в бронежилете ходит, кого боится? Сюрприза убили, Гоцмана, в Москве по нашей делюге вора завалили.

— Кстати о ворах — закончивший бриться Ушан, фышкался французской водой — у нас ведь в городе два вора, как ты думаешь, почему Культурный в Москву летает вопросы решать, мне кажется от Иркутска до Читы гораздо ближе?

— Первый положенцем Читы был Сюрприз, его московский вор ставил, с которым он срок в Якутии мотал, когда Петруха устроился на два года в Нерчинск за надзор, вместо него опять же москвичи на положение поставили Культурного, вот откуда завязки со столицей. Ловец парился в Хабаровске и там познакомился с вором Галушкой, а когда откинулся, прикинул, как у Культурного немного власти отобрать. Заманил того в Хабаровск и Галушка от своего имени запретил Пал Палычу решать человеческие судьбы без мнения Ловца. Культурный понял, что попал, но мнение вора в уголовном мире не обсуждается, сам знаешь. Вот такая каша, а иркутские воры — грузины по национальности, может, поэтому Чита к ним не прислушивается?

— Может быть — скомкав полотенце, Санька швырнул его Лупатому — пости-раешь.

***

Беспалого, который обещал в июне дать показания и на уровне информации уже сотрудничал с ментами, пассажирским поездом перевозили в Читу. Пристегнутый за правую руку «браслетом» к ножке купейного столика, он потягивал из бутылки пиво и с тоскою смотрел на пестреющий зеленью лес, мелькавший за окном мягкого вагона. В это время Эдька без пива, но тоже в наручниках, гонял масло о дальнейшей судьбе своей в жестковатом кресле «АНнушки», на которой его этапировали в Улан-Удэнскую тюрьму, из которой утром забрали Женьку. Узнав, что братья не колонулись, Беспалый выпросил себе еще два месяца молчания, а Эдик прямо с самолета попал на сковороду. Его заперли в маленький боксик без лавочки, со сломанной парашей и захарканным кровью полом.

— Фамилия? — зевающая морда бурята заглянула в кормушку.

— Иконников.

— Откуда?

— С Читы.

— А че тебя в нашу тюрьму приволокли?

— Пошел ты в жопу — обозлился Эдька, — я не выбираю, где мне сидеть. Зевота с тарелочной рожи дубака слетела и сузив без того щелочные глаза, он забрызгал слюнявым ртом.

— Ты с «на-на» не знаком?!

— Бог миловал.

— Ошибаешься, сейчас я их к тебе пришлю.

Через пять минут в коридоре затопали тяжелые кованые сапоги и голодные цепные псы государственной схемы жизни, в касках и вооруженные резиновыми дубинками, забили Эдьку в две минуты до полусмерти. Очнулся он минут через сорок и понял, почему боксик всегда в крови. Лежа на полу и корчась от боли, Эдик достал из-под стельки туфли бритвочку, и несколько раз полоснул по венам левой руки.

Когда менты волоком вытащили его тело из хатки, он почти сдох.

— Что делать будем?

— Да пусть издыхает, кто он такой?

— Вы что, совсем озверели?! — спасла Эдьке жизнь дубачка, — это он преступник, а не вы или вы такие же? Вызывайте врача или я на вас рапорт напишу.

***

Как Разин и обещал Святому, в новом доме он выделил супруге Ветерка новую трехкомнатную квартиру. Старую мебель на новую хату перетаскивать не хотелось. На шикарную чуточку не хватало, семьи все-таки было две и его понесло. Уболтав Кота, (Рыжему он уже не доверял) выхлопать богатенький магазин, они взяли с собой пистолет с обрезом и махнули в Иркутск. Работали по старой схеме, но тормозить Леху теперь было некому, а магазин он искал не по принципу, как безопаснее отработать, а лишь бы побольше срубить деньжат. Пахали в центре города, в наглую и как пишется в ментовских сводках, дерзко.

— Отворяй! — ровно в пять тарабанился Ветерок в дверь кабинета заведующей специализированного продмага.

— Кто там? Мы деньги к сдаче готовим — строгим голосом откликнулась из-за запертой двери женщина.

Леха плечом попробовал дверь: «Плотная, просто так не вышибешь» — и на халяву, лишь бы не молчать, произнес.

— Инкассаторы.

— А что так рано? — торопливо повернулся в замке ключ, и дверь нешироко приоткрылась.

— Кто вы? Я вас не знаю!

Если бы деньги не были сложены в аккуратные стопки, то, пожалуй, все в одну хозяйственную сумку бы не уместились. Четыре пожилые тетки на взгляд Ветерка вели себя прилично, скорчившись: кто, сидя; кто — лежа у обеденного стола, они дружно помалкивали. Чуть подрагивающими от удачи и страха руками Костя попытался застегнуть сумки на молнию, но она

была настолько полна, что замок сломался, тогда он сдернул с вешалки чей-то белый халат и им прикрыл денежки — все. Через шумящую толпу женщин торгового зала подельники не суетясь, протопали к выходу и в ту самую секунду, когда они выходили на улицу, в кабинет заведующей ломились настоящие инкассаторы.

— Галина Сергеевна! Вы здесь? Женщины беззвучно растирали по щекам слезы и молчали, а Леха, бросив сумку в багажник красных Жигулей, хлопнул крышкой и тачка рванула. Кот перебежал дорогу и дальше идти не то чтобы не рискнул, а просто интуитивно чего-то шуганулся и юркнул в стеклянные двери небольшого уютного кафе, своим витражом безразлично смотрящим на только что выхлопанную «Птицу». Ветерок стоял на месте и именно на том же месте, откуда только что ушел жигуль, он поймал частника. К хате, где банда обычно тормозилась при работе в Иркутске, Леха добрался почти одновременно с племянником.

— Ты что так долго?

— Тише едешь — дальше будешь. На гаишников зато не нарвался.

Срубили два миллиона семьсот тысяч.

Двести штук Ветерок дал Славке и, пока тот полоскался в ванной, задумчиво водил электробритвой по раздобревшим за последнее время щекам. Наконец жадность поборола совесть. Подельнику, с которым час назад он бродил рядом со смертью. Леха отложил не долю, а всего пятьсот тысяч, остальные оставил себе.

Четыре дня Костя угощал всех желающих в первомайских ресторанах, на пятый его арестовали по подозрению в убийстве Жука.

Этим же днем вечером с Читинского КПЗ выпустили Рыжего. Накануне, в самой сраной камере предвариловки его прилично тряхнула эпилепсия, и никто ему не помог подняться с грязных досок пола, ни надзиратели, ни арестованные. Прикинув, что его ожидаем в переполненной тюремной хате, Вовчик колонулся и при условии, что его освободят под залог, выложил Кладникову с Вьяловым все, что только знал о банде Святого, но к великому своему сожалению не сумел помочь легавым отыскать ни одного места захоронения. Неделю Рыжий с операми шарил в заброшенном карьере, но безрезультатно. Агею и возвратившемуся с Иркутска Ветерку промел, что забирали его по подозрению в убийстве Пестуна, но на допросах он прикидывался дурачком, предоставил следователю справку об эпилепсии тот вынужден был его нагнать.

***

Проигравшийся Лупатый, во что бы то ни стало, желал выкарабкаться из Санькиной кабалы. Шпилить было не на что, «под тоды» с ним никто не садился, и пришлось Лупатому в прямом смысле слова просадить с себя все до трусов. В камере все тусовались в трусах, так что любитель картишек ничем не выделялся на их татуированном фоне, но сегодня, двадцать второго июня, его дернули на следствие. В трусьях до колен, без майки и тапочек — в таком неглиже Лупатый не мог себе позволить появиться на тюремном коридоре. Выход был один.

— Гражданин начальник, минут пять выдели. Помыться, побриться, трусы погла-дить…

— Давай шустрей, — громко шмякнул закрываемой блокировкой дубак и гремя ключами и наверное остатками мозгов в шарабане, полетел к соседней хате. — Иванников, — заорал он там спустя минуту, — нет, Иконников! Есть такой? — Что уж там ему ответили, но вернулся он веселый и широченно распахнул и тяжелую железную дверь, и блокировку.

— Иконников?!

Сидя верхом на лавке, вбетонироваиной в пол, Лупатый сосредоточенно прибивал к ней себя за яйца здоровенным ржавым гвоздем.

— Ты че? — забыв про Олега опешил дубак, наблюдая за тем, как Лупатый загибал шляпку гвоздя.

— Не поеду.

— Ну ты даешь, — кажется восхитился происходящим сержант, — семь лет уже на централе работаю, но такого еще не видел. Что мне делать-то?

— Это ты у меня что ли спрашиваешь?

— Ну ты даешь, — еще раз крутанул башкой дубак и пощупал свои яйца, проверяя на месте ли они. — Иконников-то хоть тут?

— Зачем он тебе? — не убирая мокрого полотенца с лица, сел на нарах Ушан.

— Не знаю, мое дело маленькое, приказали, вот я и вызываю.

— Кто приказал? — стянул потеплевшее уже полотенце Санька и бросил его в таз с холодной водой.

— Мессер.

— Передай этому Мессершмидту, что никуда Святой из камеры не пойдет.

— А тебе-то какое дело?

— А такое, что замордовали вы, суки ебаные, пацана, — начал газовать Ушан, — он в нашей тюрьме всего три месяца с небольшим, а вы его уже в пятую по счету хату переводите. Не

пойдет Иконников никуда, понял ты или нет? А силой попрете, голодовку объявим.

— Не перебрасывают вашего сокамерника, это точно я тебе говорю. За ним спецконвой с Читы прилетел, у них самолет через два часа.

— Ну смотри, сержант, если плетешь, пожалеешь.

Сержант не плел, в жарком, как и хата тюремном дворе, Олега, сидя в тени «УАЗика» ждали читинцы.

— Здорово, бандит, — первым поднялся с корточек Вьялов, — руки подставляй, — и он ловким и привычным движением заковал Святого — не жмет?

В брежневские, так называемые застойные времена, физически сиделось легко, а вот морально тяжело. Тянуло на волю, заведовал людям по ту сторону колючего забора и чувствовал, что жизнь течет мимо, а теперь вот все наоборот. Сидеть в физическом смысле стало трудно. Менты могли забить дикого зека до смерти и катай жалобы хоть в Организацию Объединенных Наций, никто тебе не поможет, а вот морально за решеткой теперь легко, на свободу совсем не хотелось.

«Убеждал нас когда-то социализм, что человек человеку друг, товарищ и брат, выходит, что ерунда все это. Человек человеку — волк, хочешь выжить? Будь значит если не сильным, то ловким и хитрым, будь готов сожрать в любой момент ближнего своего, зачем? Чтобы быть сытым, но это ведь закон джунглей, по нему живут в лагерях и тюрьмах? Когда-то действительно жили только там, а теперь вот и на воле так живут. Может поэтому и не тянет к людям?»

Машину подогнали к самому трапу «ТУ-134» и, когда из-за затемненных стекол ее утробы в наручниках вывели Олега, толпа пассажиров шарахнулась.

— Уголовников словно министров сторожат, — швырнул ему кто-то в спину, — чтоб вы сдохли, сволочи.

«Не желают они со мною жить, — медленно, как на эшафот, поднимался по трапу Святой, — а что это я сопли распустил, мне ведь тоже к ним не хочется».

«Сто тридцать четвертый» — не «АНнушка», и едва взобравшись к солнышку, где и дышалось-то вроде приятней, лайнер свалился вниз, к серой башенке читинского порта. За сорок пять минут путешествия руки подзатекли и встречавший конвой Кладников, устроив Олега меж дюжих омоновцев на заднем сиденье служебной «жигулешки», браслеты снял.

— Привет, Олег, ну как тебе вдали от дома?

— Вдали от дома наверное все худо, — ныли запястья и Святой с удовольствием их помассировал, — у тебя-то как?

Майор обернулся, но глянул мимо арестованного, убедившись, что задняя машина тоже упакована, тычком воткнул первую передачу и резко стартанул.

— Нормально, Олег. — сунул он в угол рта сигареты и большим пальцем правой руки вдавил в пластмассовую панель кнопку прикуривателя.

— Вот ты воевал с чеченами, а Торопыга поехал Иццу встречать, тот с Казани откидывается. Ицца — чечен, Торопыга, по нашим сведениям вместе с тобой участвовал в нападении на «Акацию». Теперь объясни мне, где твоя идея и вообще, что все это значит?

«Лаврентич врать не станет», — и лицо Святого чуточку побледнело.

— Иццу завалят и Торопыгу вместе с ним, раз он без башки.

Ночь эту Олег не спал, не хотелось, да и клопы не давали. Думалось о завтрашнем дне, что он ему готовит? Готовил день грядущий ему одни неприятности.

— Здравствуйте, Олег Борисович, я следователь по особо важным делам областной прокуратуры. Фамилия моя Кунников, Игорь Валентинович. Ваше дело веду я, понятно? — представился среднего роста сухощавый, с зачесанными назад темно-русыми густыми волосами, тридцатилетний парень.

— Ясно, гражданин следователь, что так долго меня не шевелили?

— Всему свое время, Олег, — задымил «Кэмэлом» Кунников, холостяцкая житуха пока позволяла ему баловаться «верблюдом», — закуривай.

— Спасибо, не надо.

— Что так, брезгуешь или гордый?

— Просто не курю.

— Молодец, а я вот травлюсь, — откопавшего в большие глаза дыма, Игорь прищурился.

— Сейчас будет допрос, нуждаешься ты в помощи адвоката?

— Пока нет.

— Тогда поехали. — следователь прикурил затухшую сигарету и официально завыкал.

— Двадцать четвертого февраля этого года вы в составе вооруженной группы совершили разбойное нападение на гостиницу турбазы «Акация», пояснить следствию что-нибудь по этому эпизоду можете?

— Нет.

— Нет, так нет, — зная от оперов идейные убеждения Святого, не стал настаивать на вопросе Кунников. — Мы и так все докажем, вот ознакомьтесь — он подал арестанту бланк

постановления, — и внизу листа, пожалуйста, распишитесь.

Олег внимательно прочитал бумагу. Его обвиняли в убийстве Нурали, которого он застрелил в январе.

— Было? — наблюдал за его реакцией следователь.

— Нет — свернулась в организме кровь. «Неужели у Гурана не хватило мужества сгрузить этот труп на себя?»

В половине девятого утра следующего дня скрипучие ворота Иркутского централа нехотя отползли в сторону, пропуская в ограду черную «Волгу» и, час спустя, после несильного шмона, Святого подняли из боксика в камеру.

— Привет, Олега, здорово, Мужики, Святой прилетел… — все это неслось в его адрес от вмиг проснувшейся хаты.

— Где был, что видел, девки голые поди по улицам шастают…?

Уставший, но довольный тем, что вокруг знакомые все рожи, к которым он уже успел привыкнуть, Святой сходил на «парашу», вымыл лицо и руки и сел на шконку Ушана.

— Помогай, Санька, если ход есть.

— Че, поджимают тебя мусора?

— Труп «мой» раскопали, — он шепотом и подробно растолковал суть дела. После обеда по тюрьме поползли малявы, в которых обращались ко всем уголовникам, кому не чуждо общее, собрать для читинца триста тысяч.

Олег не интересовался кому забашлял Ушан, но через два дня поздно ночью открылась кормушка.

— Иконников есть?!

— Есть — ответил кто-то вместо него.

— Выходи с вещами, только побыстрее, этап уходит, одного тебя ждут — захлопнул дубак кормушку и, безбожно гремя ключами, стал отпирать дверь.

— Ну, прощевайте, братцы, больше может не свидимся, — и спустя пару часов, растянувшись на нижней полке полупустого «столыпина», он дремал под знакомый перестук колес вагона, идущего на Восток.

Проспал Святой часов десять и проснулся не оттого, что выспался, а от того, что кто-то стоял над душой.

— Одеколон будешь?

— Не, этой бяки не надо. Путевое что есть?

— «Радедорм», засветил солдатик Олегу пачку таблеток — восемь тысяч лист.

— Восемь? — удивился он, — ты что, шкуродер, за такие бабки свои колеса до дембеля не толкнешь, давай за две штуки?

— Не канает, — пожадничал красноперый и перешел к следующей клетке. На Читинский вокзал этап втянулся под утро

и началась этапная свистопляска. Подгоняемые пинками конвойных и злющим лаем овчарок, заключенные стрелой влетали и «черные вороны». Для первоходов все происходящее было страшным, для старых арестантов привычным атрибутом всех этапов и дымя сигаретами, они поучали молодежь.

— Привыкайте, хлопцы, к молотиловке. Когда вертух лупит тебя дубинкой по шарабану, ты сидором прикрывайся, на живот и спину под ремень книги ложить нужно и чем они толще, тем лучше, это на тот случай, если тебе краснопогонники седло править возьмутся.

Святой глядел в щелку воронка на перрон, где выстроились редкие зеваки и улыбаясь слушал стариков, смакующих сталинские времена, когда били гораздо больше и больнее.

В тюрьме зеков растолкали по тесным боксикам и после тщательного шмона, на который у дубаков ушло часа полтора, развели по камерам.

На положении в централе стоял КНЯЗЬ, и чисто случайно Олег попал в его хату. Как и на Иркутске, здесь тоже было все переполнено и базарили шепотом.

— Сэва где?

— Кто это? — почесал рано начавший лысеть череп Князь.

— Пацан наш, первомайский, что со мной на «Акации» чеченов лудил.

— Он тут, что ли?

— Ты че в натуре, стегаешь? Парень за «общее» кровь лил, а ты не знаешь, что он здесь рядышком с тобой парится? Десяток где или такого тоже не знаешь?

— Не слышал.

— Беспалый?

— Этот, по-моему, в сто третьей.

— Гуран?

Похоже Князя интересовала только собственная судьба, ни хрена он не знал.

— Олега, ты давай пока чифирни да похрястай, а я пробью — кто где сидит.

— Давай шустрее, сегодня пятница, в понедельник менты обязательно рюхнутся, что я в тюрьму заехал.

Только вечером Святой сел за малявы и пока дописывал второй, первый уже вернулся, потому что вчера Гурана выдернули на следствие в Чернышевск. Сэва откликнулся тоже быстро.

— Пять восемь!

— Говори!

— Святого на балкон.

— Говори, Санька, это я, узнаешь меня по голосу?

— Конечно, надолго ты к нам?

— Думаю, что нет. Сэва, за Гурана прохлопай, когда он с этапа прикатит. Покачай его, блядину, туда-сюда, не верится мне, что он, сука, совесть потерял.

— Ты имеешь в виду делюгу с узбеком?

— Но.

— Грузит он тебя, Олега, плотно грузит.

— Откуда знаешь?

— Очная ставка у меня с ним была, ездит, козел, на жопе, но видно, что вломил тебя.

На минуту Святой умолк.

— Олега!

— Че, Саня?

— Подогреть тебя?

— Не надо, вроде есть все, ну побежали пока, если что, подкричу. Десяток и Кот сидели в одной камере. Получив, мульку от Святого, они ходом ответили, что у них все нормально, не только по тюремному быту, но и по делу. Отписал Олег и Беспалому, а тот сразу ментам и в понедельник с самого ранья в хату почти вломился Кладников.

— Собирайся и выходи.

— Че злишься-то так, дай хоть харю сполосну. — зевнул Святой.

— Мойся, — не думал остывать майор, — что за гнида интересно тебя сюда зарядила и за сколько.

До трех дня пришлось дремануть в знакомом клоповнике КПЗ и в начале четвертого Кладников с Вьяловым повезли его в порт.

— Не даете вы мне, мужики, в родной тюряжке хоть с недельку отдохнуть.

— Сидеть, Олег, будешь не там, где тебе больше нравится, а там, где нам нужно.

— Ладно тебе, Лаврентич, не заводись — по приятельски похлопай его по колену Вьялов.

— Александр Васильевич, наври что нибудь. Тот полуобернулся к Святому и разгоняя клубы сигаретного дыма от смолившего Кладникова, помахал перед собой ладонью.

— Про Мирона что слышал?

— Это смотря что.

— Три дня тому назад в Черновских киоск коммерческий из автомата изрешетил, двух девчонок-продавцов убил, вот ваша дерьмовая мафия.

— Почему думаете что он?

— Гаишники ему на хвост сели, он им машину издырявил. Одного наповал уложил, другого ранил, но подстреленный

паренек в «Жигули» Мирона успел очередь всадить. Скаты задние пробил и бензобак. Тачка перевернулась и вместе с ним сгорела. Чику знаешь?

— Немного.

— Недавно в машину вневедомственной охраны гранату швырнул и тоже двоих наглухо уделал.

— Ментов?

— Ментов.

— Да-а, жарковато вам в городе.

— Не без этого, — плюнул на носовой платочек Вьялов и принялся оттирать с пальцев крапинки разноцветной краски.

— Ремонтом квартиры занимаешься?

— Нет, в свободное время картины творю.

— Рисуешь что ли?

— А что, не похож я на художника?

— Получается хоть?

— Мне и друзьям моим нравится.

Через час Олег крепко спал в удобном и мягком кресле «ТУ-134», а Ловец, привалившись костистым хребтом к жестким ребрам батареи отопления камеры, строчил ма-ляву Торопыге. «Пацаны за чеченов сидят, а ты, змей, с Иццой по Чите в одной тачке раскатываешь, если первомайцы начнут колоться, отвечать будешь ты. Сегодня с централа вывезли Святого, он мне уже отписал, что про тебя думает. Смотри, собака, если по твоей вине канитель получится, на тюрьму не заезжай, шкура твоя поганая сразу на продол с хаты вылетит». Получивший на следующий день маляву Торопыга понял, что пронес, вдобавок ко всему в пятницу ему привезли с Улан-Удэнского централа записку от Эдьки, в которой тот просил помочь ему провернуться на ментовской сковороде, ее Толян тоже оставил без внимания и теперь ему срочно нужно было грести очки. Этим же вечером он накачал Иццу в кабаке огненной водицей до бесчувствия и упер его на своей «тойоте» на кладбище. До рассвета Торопыга просидел в тачке рядом с другом, но так и не решился его зарезать, хотя свежевырытая яма ждала жертву. Но своя шкура все же ближе к телу и поздним вечерком, выгребая из подъезда пятиэтажки, в которой Толян жил, Ицца все-таки получил две пули в голову. Стрелявший человек в спортивной шапочке ушел через забор детского сада, а прибывшая на место преступления милиция, не нашла ни одного свидетеля убийства.

***

Второго августа к централу подъехал Агей, отправил Пингвина с передачами для первомайцев в комнату свиданий, а сам залез на крышу двухэтажного барака, стоящего рядом с тюремным забором и несколько раз крикнул Беспалого.

— Говори, — отозвался он сонным голосом.

— Сидора вам притаранили, слышишь?

— Ништяк.

— У пацанов как?

— Путем.

— Привет всем передавай и за Котом приглядывай, ему-то как сидится?

— А хуй его знает, пусть этот ментяра бывший о себе сам заботиться.

— Ты че ебатень несешь всякую, спецом что ли?

— Да нет, просто у меня с легавыми ничего общего нет.

— Почему тогда на «Акацию» с ним ходил?

Ответа Женька не нашел, а может — и просто увильнул от него, спрыгнув с решки. Костя, сидевший на окне соседней хаты весь базар слышал, он надеялся, что после делюги на «Акации» все прошлые грехи в уголовном мире ему простят, но плохо знал он это мутное болото. Последнюю неделю его особо тщательно на допросах марьяжили менты, а вечерами, когда Кот, выжатый, возвращался в камеру — уголовники, как и он слышавшие, что кричал Андрюхе Беспалый. Десятого, сжатый с двух сторон Костя, выпросив себе свободу под залог, вынужден был дать показания.

В старинном купеческом особняке бывшего КГБ по улице Ленина, а ныне Управления Министерства Безопасности по Читинской области он два дня изливал душу Кунникову по «Акации». На третий, в начале ночи, майор госбезопасности Грознов, его зам капитан Ушатов, следователь Вьялов и Кот были в первомайском карьере. В отличии от Рыжего, он быстро надыбал, где мякнули Жука и на тихо стрекотавшую в темноте видеокамеру Грознова рассказал, как произошло убийство, мяконько подстелив себе при этом. Дав слово операм и Кунникову, что больше ничем не замаран, Костя спрыгнул со сковороды. Но так считал только он, ГэБэшники же дали ему дыхнуть волюшкой в надежде на то, что заметая следы, Костя выведет их на другие трупы банды. Залог за его освобождение в двести тысяч деревянных внес Агей и следующие трое суток Кот, Ветерок и Андрюха западали в люксе. Пили пиво, парились в сауне, изголодавшийся Костя отрывался с девками и все это время возле них отирался Вовчик, пытаясь что-нибудь подсмотреть или подслушать.

Восемнадцатого днем Леха приготовил мешок угля, две

канистры с бензином и среди ночи из под теплого Настиного бока юзанул в карьер. Час он проползал на коленях по острым каменкам, вынюхивая, где зарыт труп Пестуна и наконец в нос шибануло мертвечиной. «Вот где ты, дружочек», — принялся Ветерок шустро разгребать холмик валунов, поминутно поглядывая на начинающее сереть небо и минут тридцать спустя обильно полив кости Пестуна горючкой в обложив их углем, запалил. Горело его творение долго и вяло, но Леха упорно сидел рядышком к изредка подплескивал в кострище бензин. В семь утра все таки пришлось завязывать. Ветерок деловито и основательно закидал пепелище породой, выбрался на отвал и отметив, что отсюда ничего не видно, заспешил домой, до чертиков хотелось спать. Двадцатого, двадцать первого и двадцать второго, не обращая внимания на ворчавшую жену, подозрительно смотревшую на то, где это он пропадает по ночам, Леха шарился в карьере, ища труп Лисицына, но напрасно. Место убийства заранее не присматривали и произошло оно зимой, сейчас, в конце лета каменные россыпи, поросшие бурьяном, выглядели однообразно и он никак не мог вспомнить, где задушили Лису. Еще две короткие августовские ночи Ветерок рвал штаны в поисках Жука и на Костино счастье не нашел его. «Харэ, кого я ебу себе мозги. Раз я не в состоянии надыбать, где жмурики лежат, то легавые и подавно их не отыщут».

***

Тридцатого августа Олегу стукнуло тридцать пять.

— Вставай, зек проклятый, — разбудил его Ушан, — бухать будем. Выскобленный стеклышками добела тюремный стол, уставленный ликерами, на тюремный не походил.

— Помнишь, Санька, семидесятые годы, — под теплую струю воды, слабо бившую из крана, сунул голову Святой, — поймают дубаки, что чифир варишь, отмолотят, как резинового, да еще и заставят, собаки, целую кружку этой отравы одного выпить.

— Да-а, это вам не тогда — рассмеялся Ушан.

Настроение ему испортил Клоп, принявший из соседней хаты маляву по кабуре, выдолбленной в толстой стене.

— Кто у нас вчера на следствие катался?

Читавший газету Совенок настороженно поднял на Саньку глазенки.

— Я.

— Вот тут пишут, что вчера на шмоне легавые отмели у тебя два малька, правда?

— Было дело. Камера притихла.

— У-у, сука, — бросил в Совенка зубную щетку чистивший фиксатый рот Сом, — это мои мульки, я хотел через него их на волю выгнать, а эта коблуха спалила их, приехала и помалкивает.

Раньше за такой зехер однозначно провинившегося бы отпидарасили и сломали хребтину, сегодня было чуточку другое время. Ушан задумался, Совенок ждал, хата молчала и только из незакрытого носика крана текла вода, отмеряя последние секунды нормальной житухи Совенка.

— Всеките ему и на продол, — распорядился наконец Санька. Сокамерники били Совенка, моментом переименованного в Поросенка, долго, очень долго и садко, кулаками, сапогами, алюминиевыми мисками. Моцарт, получивший такую величавую кликуху за любовь к губной гармонике, отцепил с левой ноги протез и прыгая возле бездыханного тела на правой, методично и без промаха лупил Поросенка по черепу.

Олег смотрел на бытовую для всех времен и централов сцену и в очередной раз удивлялся насколько живуч зек.

— Хорош, а то кони кинет.

— Да ты че, Святой, — усердствовал Клоп. — его, козла, атомной бомбой не убьешь.

— Сказали вам завязывайте, — пожалел измочаленного Совенка и Ушан, — бросьте его к дверям поближе, на вечерней поверке мусора заберут. Олега, иди сюда, — Санька сдернул с черной бутылки «Амаретто» белую пластмассовую пробку и помаленьку плеснул в стаканы, — а вы, «черноспинки», имейте ввиду, что за такие косяки у любого хребет треснет.

***

От адвоката Беспалого Костя узнал, что того выгоняют под залог. Нужны были только деньги — двести штук. Вечером он поймал в «Кристалле» Агея.

— Здорово, Андрюха, Бурдинского под залог отпускают…

— Да у курсе я уже, а ты не ведись, — заметил он беспокойство Кота, — прейдет, мы с него спросим за то, что он на тюрьме тебя полоскал.

— Не получится, Святой в кадушке, а Женьке вся шпана верит, они на его стороне будут.

— Если у тебя получше предложение имеется, выкладывай.

— Есть. — поближе к Агею двинул кресло Костя. — Давай встретим его и прямо от центра в лес упрем, а там я его сам удавлю и зарою.

— Когда тварину эту освобождают?

— Адвокатша говорит, что сразу, как только за него залог внесут.

Ветерок денег не дал. Два дня Андрюха потратил собирая в поселке нужную сумму и пятого сентября вместе с Котом взяв у Пингвина тачку, понедельники выехали в Читу. Нестерову, защитника Беспалого, они нашли в тихом деревянной двухэтажке коллегии адвокатов. Пожилая дама в громадных роговых очках, закурив сигарету, недоуменно пожала полными плечами.

— Вчера, ближе к вечеру я была у Бурдинского, он отказался от суда выходить под залог.

— Почему?

— Сама не знаю, — ответила она Агею.

— Прочуял, сука, что мы его наебнем, — дал волю эмоциям на улице Костя. — На Акации Святой мне приказал, чтобы я за этой гнидой присматривал, у него ведь тогда жена беременная была, я старался, а он в благодарность за это запустил по тюрьме, что я — мент поганый. Теперь ему от меня не сорваться, он мой враг по жизни.

Возвращаясь в Первомайск, на обочине трассы Чита-Чернышевск подельники неожиданно для себя увидели пустую машину Рыжего. Тормознув Агей посигналил и из густого ельника, словно пугнутый косолапым, выпулился Вовчик.

— Ты что здесь блудишь?

— От родственников вертаюсь, — начал врать Рыжий, — в туалет остановился сбегать.

— Бледный ты какой-то.

— Эпилепсия, вы ведь знаете. Шарабан с утра раскалывается.

— Может помочь тебе чем?

— Не, не надо, вы газуйте, меня не ждите, я еще минут двадцать подрищу, крутит живот, зараза.

— Ну ладно, понось, вечером в «Кристалле» покажись, чтобы мы знали, что ты живой.

Когда иномарка приятелей исчезла за поворотом, Рыжий утер холодный пот с рожи и сел на землю. Эпилепсия действительно давала о себе знать, в неделю по несколько раз он прочесывал трассу, пытаясь визуально вспомнить, где зарыли труп милиционера, но пока безрезультатно, за этим занятием сегодня его и прихватили Костя с Андрюхой. Отболтался Вовчик вроде удачно, но страх в сердце заполз.

Ушел с ресторана Кот рано. Сел с сынишкой к телевизору, но не смотрелось, на душе было муторно и неспокойно. Вспоминая дневную встречу с Вовчиком он понимал, что неспроста тот крутится не далеко от того места, где прошлым летом банда

завалила мента. Поведать о своих подозрениях Агею или Лехе Костя боялся, потому что подельники не знали, каким образом он сам ушел от ментов. Навороченного за спиной было много и выход напрашивался один, бежать. «Все равно рано или поздно все откроется. На суде вышак схлопочу, нет, так уголовники зарежут за то, что по Акации колонулся…» — размышления прервал стук в дверь.

— Покурить перед сном на улицу выгреб, — таинственно зашептал сосед, — смотрю, а с крыши дома, что напротив нашего, кто-то в твои окна в бинокль заглядывает.

— Не привиделось тебе?

— Че я дурак что ли, линзы блестят…

Дальше Кот договорить ему не дал.

— Спасибо, Николай, — проводил он соседа.

«Наверное легавые меня пасут, а может и свои», — прокрутил в задымившейся башке Костя.

— Люся, собери в дорожную сумку мои вещички.

— Куда ты на ночь глядя? — всполошилась супруга.

— Долго рассказывать, а если коротко, то рвать надо.

— Ты ведь говорил, что все нормально.

— Врал я тебе все.

Милая его Люсьен уткнулась в кухонный фартук и осела на табурет.

— Значит плохо все?

— Хуже не бывает.

— Куда ты теперь?

— Не знаю.

— Едь к моему брату а Казахстан, республика во-первых, другая, да и далеко от Первомайска. Может обойдется?

— Бесследно такое не проходит.

Потушив в квартире свет, Костя распахнул в спальне окно и никем не замеченный вылез на улицу. Через двадцать минут нервного бега он на приличное расстояние удалился от дома и отдышавшись, дальше шагнул уже неторопливо. К пяти был на железнодорожной станции, а в десять — в Чите. Спустя неделю Люся получила от мужа открытку без обратного адреса и сообразив, что тот благополучно добрался до места, дала объявление в газету о продаже квартиры, собираясь с сыном в Казахстан.

Пятнадцатого Рыжий надыбал все таки труп и лихоматом рванул в Управление Безопасности к Грознову. Тот выслушал сбивчивый рассказ Вовчика и тут же брякнул Кунникову.

— Игорь Валентинович, давай срочно ко мне, Рыжий место захоронения сотрудника милиции отыскал, так что все, что тебе

нужно для работы, прихватывай.

Кот из-под «колпака» пропал, Грознову и Ушатову забот прибавилось. Им теперь предстояло копытить и копытить, выясняя убили их подопечного уголовники, или тот просто сбежал, но зато сейчас можно было брать Ветерка и это тоже предстояло сделать им.

Наручные часы, лежавшие на ночном столике у кровати, пикнули четыре и Грознов открыл глаза. Широко зевнул, сел и сбросил на Грягу длинные крепкие ноги, посмотрел по привычке на окно. — «Поздненько нынче светает, осень» — и наклонившись к давно нестриженому Грягу, потрепал его по косматому загривку.

— Опять, урод, тут развалился, зашибу я тебя когда-нибудь нечаянно.

— Куда ты, Сережка, ни свет, ни заря? — скорее во сне, чем наяву прошептала укутавшаяся с головой в плед супруга.

— Служу Советскому Союзу.

— Не сочиняй, нет давно уж никакого Союза.

— Не царапай с утра по сердцу, — в темноте комнаты он нашарил на столике сигареты и тихо пошел в ванную.

Эрдельтерьер, повиливая купированным хвостом, уже поджидал хозяина у входной двери.

— Че, родной, обоссываешься, ну давай чеши, да возле подъезда этим делом не занимайся, а то перед соседями за тебя стыдно.

Гряг кажется понял, но вниз по лестнице не рванул, а пошел, потому что торопиться ему было некуда, а напрудил у подъезда несколько дней назад вовсе и не он, а какой-то пьяный мужик, которого, кстати, эрдель облаял.

Грознов умылся, почистил зубы, всухомятку съел бутерброд с колбасой и когда на вызов сработала рация, даже не стал отвечать, накинул ветровку и отворил дверь. Мимо него в квартиру шмыгнул Гряг, Серега до щелчка английского замка притворил дверь и аршинными шагами заспешил на улицу. В служебной «шестерке», опустив лобасную с небольшими залысинами голову на грудь, дремал Ушатов.

— Проклятый КГБэшник, — постучал в стекло дверцы Грознов, — открывай, кого заперся-то?

— Инструкция, Николаевич, инструкция, — потирая до синевы выбритые скулы, Ушатов впустил в салон начальника, — и не ори, не дома. — кивнул он на заднее сидение, где сладко посапывал Кунников.

Сдвинув чуточку взад седушку, Грозно умостил свое не полное, а большое, ладно сбитое тело в машине и закурил.

— Погнали, Васька.

— Гоню, — улыбнулся тот и на левой щеке его образовалась не ямочка, а целая ямина, за которую бабы и любили матерого опера, — ты только не усни, Николаевич, а то я тоже, того.

— Я тебе дам того, у меня трое детей.

— Вот ты и не спи.

— Ну ладно, спрашивай тогда о чем-нибудь.

По пустым улицам газовать было одно удовольствие, облетевшие тополя позволяли задолго до перекрестков замечать, что там происходит, а уж глядел и чувствовал Ушатов от Бога.

— Вот я тебе сейчас из койки выдернул, ты ведь жене что-нибудь наврал?

— На Луну говорю полетел.

— А она?

— Без лунного камня сказала не возвращайся.

— Серьезное предупреждение, как думаешь выкручиваться?

— На обратном пути с первомайского карьера камушек прихвачу, вот и все, хитрый я?

— Хитрый, — растянул слово капитан, — только громадный не бери, если Борисовна поймет, что каменюга не с Луны, плохо все кончится.

— Дельный совет, — явно передразнивая Ушатова, растянул первое слово Грознов, — теперь давай ты заливай, страшное что-нибудь знаешь?

— Страшное, — Григорьевич, не отрывая взгляд от дороги выудил из кармана Серегиной ветровки пачку сигарет и вытряхнул одну фильтром себе в зубы, — вчера младшую в детсад повел, ее на горшок приспичило, а я на службу опаздываю. Ну посадил принцессу на горошину, она, красавица, свалилась и горшок опрокинула, я ее по попе, она кажется обиделась на меня. Страшно?

— Элемент садизма в этой истории, конечно, присутствует. — пробурчал Кунников и сел, с удовольствием потянувшись руками и ногами. — Давайте кофейком меня поите.

— Во дает. — ухмыльнулся Грознов и вытащил из плотно сжатых губ зама недокуренную «Магну» — Это ты, дружок, должен нас кофе баловать, ты ведь холостой.

— Не-е, — не согласился с ним Игорь, — обо мне некому позаботиться, а у вас жены есть.

— А мы кофе не употребляем, точно, Серега? — посмотрел на него Ушатов.

— Точно.

— Это вы свое не пьете, а мое будете, — полез в дипломат следователь, — с молочком.

— Ну если только с молочком, — затянулся и ткнул окурок в пепельницу Грознов, — Игорь, а че ты не женишься?

— С парашютом завяжу, — скручивал тот с горловины литрового термоса крышку, — и окольцуюсь поди.

— Так ты прыгаешь? — заинтересованно повернул к нему голову Серега, у которого старший сын Аркадий занимался парашютным спортом. — Прыжков много?

— По-моему триста, но пока все без парашюта.

— Так ты во сне летаешь?

— Конечно! — вроде как удивился Грозновской недогадливости Игорь. — Я что на сумасшедшего смахиваю?

— Нет вроде бы, но летать во сне ты будешь до самой пенсии.

— А это значит…

— Что жениться ты не собираешься.

— Во! — поднял ему крышечку от термоса, наполненную горячим кофе Кунников. — Соображаешь, жениться — расходиться мне не грозит.

— Нам тоже.

— Как сказать, вон зама твоего супруга из дома выгоняет.

— Васька, врет ведь он?

Не так давно Ушатов действительно имел неприятный разговор с женой, но не настолько, чтобы его попросили с хаты.

— Ленуся моя как узнала, что примерно еще шесть месяцев я дома редко ночевать буду, естественно, не обрадовалась. Кончим с «Акацией», вот тогда…

— Мечтать не вредно, — то ли оборвал его, то ли поддержал начальник и не сговариваясь троица притихла, понимая, что за этим делом подканает следующее и не известно пока, будет оно легче или тяжелее этого.

Ветерка взяли проще, чем предполагали. Начальник милиции Алимов позвонил ему по телефону домой и через сорок минут тот, как обычно чистенький и опрятно вкованный, вошел в его кабинет.

— Вызывали?

— Присаживайся, Алексей Владимирович, вот ознакомьтесь и распишитесь. — Кунников с некоторым чувством удовлетворения наблюдал, как читал Леха постановление о возбуждении против него уголовного дела.

— Все понятно?

— Да вроде так.

— Что так? — сразу уцепился следователь.

— Напечатано четко, а о убийстве, о котором в вашей бумаге нарисовано, ничего не знаю.

Не снимая наручников, Ветерка завезли домой. Настя была на

работе, так что не терпевший слез Ветерок от прощальной сцены был избавлен. Быстренько скидал в рюкзак трусы, носки, полотенце и в полдень синий «Жигуленок» выскочил из Первомайска.

Ночь Леха провел в читинском КПЗ, а утром за ним приехал конвой из отделения милиции, где когда-то служил мент, которого убили в июле прошлого года. Бить Ветерка начали, как только «воронок» тронулся с места, давненько он не попадал в такую мясорубку, но это были только цветочки. Спустя три дня Леха не в состоянии был доползти даже до «параши» и когда Грознов забрал его к себе, то черно-желтая шкура Ветерка вздохнула с облегчением. Понимая, что с арестованным разговаривать, когда тот находится в таком состоянии бесполезно и давая ему прийти в себя, и одновременно пряча Леху от читинской милиции, Кунников этапировал его в тюрьму города Якутска. Показаний Ветерок не дал.

Понесло жаренным, Агей чутко это уловил и свалив с поселка в Читу, затырился.

Как не осторожничал Слепой, но двадцать шестого КГБэшники взяли и его с Корешом, когда они появились в Первомайске проведать свои семьи. Показания давать оба отказались. Кореша утартали в читинскую «кадушку», а Слепому пришлось больше недели позагорать в КПЗ.

***

Третьего октября централ как будто вымер, такая стояла тишина. В камере Святого негромко базарившие меж собой зеки, гуртовались у единственного и тщательно тыринового от шмонов компактного транзистора, слушая репортажи из Москвы. Президент и Руцкой поносили друг друга последними словами, кто-то штурмовал телецентр в Останкино. Вице-президент России с народными депутатами заперся в Белом доме, Ельцин отправил туда войска.

— Как думаешь, Олега, чем все кончится?

— Чем бы вся эта каша не закончилась, таких, как мы, Саня, в первую очередь расшмаляют. Не знаю пока, кто прав, кто виноват, но то, что Ельцин в Беловежской пуще, преследуя личные цели, сожрал Горбачева и тем самым развалил СССР — это точно. Ни капли не удивлюсь, если он прикажет открыть палубу по Белому дому.

— Лишка двигаешь, — засомневался Ушан.

— Дай Бог, чтобы ты оказался прав, но Ельцин не только президент нашей страны, а еще и просто человек, вот в этом-то качестве он мне и не нравится. Был первым секретарем горкома партии Москвы, затем отказался от коммунистической идеи, потом по-моему на девятнадцатой партконференции попросил у коммунистов реабилитации, сейчас опять прет против них. Жестко поступит против тех, кто в данный момент не с ним, вот увидишь.

— Может быть, ход у него и в натуре видимо один, чтобы у власти удержаться.

Как Святой и предполагал, случилось худшее. Танки стреляли по Белому дому. Осажденные, из переполненных смертью автоматов, поливали свинцом шедших в атаку солдат, а тех — отправил убивать избранников народа Президент.

— Ну и дела, — давно не мытую, выбритую черепушку поскреб Клоп, — депутатов выбирали, такая шумиха в стране была, а теперь Ельцин без разрешения народа им, бедолагам, кровь пустил, почему, а, Олега?

— Вот ты у него и поинтересуйся.

Шестого страсти стали утихать, но это там, за решкой, здесь же в камере…

— А-а-а! — протяжно и истошно вопил дед Истрат, — Помогите, ослеп! Ни че не вижу!

Без очков дед Истрат действительно ни черта не различал,

даже у себя под носом и пока он дрых, шпана замазала толстенные стекла его очков зубной пастой. Дед проснулся, нацепил на сморщенную картофелину носа окуляры и …

— Помогите! — орал он, а хата надрывалась от смеха. И никто не обратил внимания на откинувшуюся кормушку.

— Иконников, с вещами!

В дежурке его ждали Вьялов и трое омоновцев.

— Здорово, Александр Васильевич, худеешь прямо на глазах.

Вьялов за руку поздоровался со Святым.

— Работа, Олег, такая, с такими жуликами, как ты, забегаешься, скоро штаны спадать станут.

— На шутку это не похоже.

— Шутки для тебя кажется и впрямь кончились.

— Раскопали что-нибудь новенькое?

— Нашли, Олега, нашли, не зря я худею.

Везли его не в аэропорт, как он ожидал, а в Управление внутренних дел по Иркутской области. Подняли на четвертый этаж и завели в просторный длинный кабинет, в глубине которого за массивным дубовым столом дымил сигаретой русоголовый здоровый мужик, слева у самих дверей — смугловатый, с виду одногодок Олега, с пронзительным взглядом опер, тоже в гражданке. Арестованный молча прошел к столу и сел на приготовленный для него стул, слева отрезая его от окон, устроился Вьялов.

«Профессионально пашут», — отметил Святой.

— Здравствуйте, Олег Борисович, я майор госбезопасности Грознов Сергей Николаевич. Приказом прокурора Читинской области сформирована следственная группа из сотрудников Министерства безопасности и работников Управления по борьбе с организованной преступностью, вот откуда я взялся.

— Давай, майор, дальше. Не обращая внимания, что я с тобой сразу на ты, это для связки слов, да и устал я честно говоря от дерьма жизненного.

— Значит и мне с тобой на ты можно? — ослабил тугой узел галстука Грознов.

— Конечно.

Затылок буравили, раскалывали настырные глаза и Святой обернулся к ним. Скрывая выражение лица, Ушатов облокотился на колено и ладонью правой руки до самых глаз спрятался, слегка при этом смежив ресницы.

— Восьмой месяц, Олег, сидишь, ничего в душе не проснулось?

— Святой развернулся к задавшему вопрос и сзади снова зажгло.

— Против вас, Сергей Николаевич, кто не спит по ночам и землю роет, как Вьялов, я ничего против не имею, а на начальников и сильных мира сего — я злой. Сам видишь, что в стране творится, желания разговаривать нет. Тех, кто в мягких креслах сидит и топая ногами кровь людскую льет, я бы повыбрасывал в окна из кабинетов, наверное они высоко сидят, рак от народа так оторвались, а вы им служите, поэтому базара не получится.

— Ну служим мы не сильным мира сего, как ты выразился, а народу. Насчет твоих взглядов на жизнь мы надеюсь еще поспорим, а пока, Олег, давай-ка видик покрутим, правда пока без звука, но по-моему ты и так все поймешь. — Грознов встал и включил видеодвойку.

На экране появился Кунников и две женщины, видимо понятые. Беспристрастный объектив видеокамеры показывал, как опера разгребают опавшие листья и разбирают железобетонный сток грунтовых вод. Потом похоронную процессию и молодую девушку с огромным портретом в руках. Взгляды живого убийцы и погибшего от его руки милиционера встретились.

Ушатов наблюдавший за реакцией арестованного, черкнул на бумажке всего одно слово — «побледнел», — прошел к столу и положил клочок бумажки перед Грозновым.

— Что скажешь, Олег?

— Ничего, Сергей Николаевич.

— Сейчас я воткну еще одну кассету, твой подельник поведает тебе, как вы все это сделали.

— Дело ваше, но имейте в виду, чтобы я не увидел, буду молчать.

— Понятно.

Святого увели на первый этаж и заперли в малюсенькую камеру, без параши, вентиляции и даже без привычного глазка в глухой металлической двери. «Че они меня в тюрьму не уперли?».

В тюрьму его не возвратили потому, что в нее только что завезли Эдьку, а ему предстояло путешествие на другой конец России.

В четвертом часу утра Олега, дремавшего сидя на корточках, разбудил Ушатов, сводил в туалет, позволил умыться и через пять минут пристегнутого наручником к внутренней ручке управленческой «Волжанки», его катили в порт.

— Закуришь? — Грознов протянул Святому сигарету. — извини, ты ведь не куряка, забыл совсем.

— Давай, — прикуренную уже «Магну» взял у него Олег и словно заядлый курильщик, глубоко затянулся.

Николаевич с Ушатовым переглянулись.

— Вот, Сергей Николаевич, любуйся на то, что ты делаешь, — блеснул в темноте салона ровными белыми зубами его заместитель, — не курил ведь человек, зачем предложил?

— Говорю же — забыл, — расстроился похоже Грознов по-настоящему, — Олег, может выбросишь?

Святой молчал и дымил. «…Здравствуй, любимый папа… Березку под окном я поливаю и берегу… Линда большая стала…» — нет, на волю не тянуло.

«ТУ-134» стремительно вспарывая темное небо, набирал высоту.

— Вот так же и ты, Олег, оторвался от реалий жизни и витаешь в облаках.

— Спорить не стану, Сергей Николаевич, может ты и прав. Время у нас есть?

— Навалом.

— Тогда может болтовню мою послушаете.

— Валяй.

Расположились во втором салоне напротив крыла, турбины особо не мешали, но, чтобы лучше слышать и Грознов, и Ушатов немножко склонили головы к сидящему посредине Святому.

— Начну с океана. Люди не только выбили всех китов и выловили все живое, что там водится, но еще и заливают моря нефтью и соляркой. Один только Российский флот устроил из Арктики гигантский могильник. Подводники топят атомные реакторы, отработавшие свой срок, в газетах пишут, что с американского авианосца упали в океан два бомбардировщика с ядерным оружием на борту. Человек за одну секунду вырубает на планете один гектар зеленых насаждений, которые дарят ему жизнь в виде кислорода, но этого мало. Зайца, который питается только морковкой да капустой и не причиняет никому вреда, мы жрем за милую душу и вообще все, что только шевелится, или плавает в этом мире. По телику «В мире животных» показывают, как богатые туристы от нечего делать прямо с вертолетов где-то в Африке шмаляют диких лошадей ради удовольствия, понимаете некуда им тратить капиталы, а в это время только в пяти странах Южной Америки — Уругвае, Парагвае, Перу, Боливии и Чили каждые десять секунд от голода умирает ребенок. Нет людям друг до друга дел, нет настоящего сострадания, всем на все наплевать. Смотрел как-то по ящику аукцион, Австралию показывали, знаете, что на нем продавали? Лицензии, охота на крокодилов, счастливую женщину, которой досталось разрешение на убийство снимали на камеру, как она охотится на зубастых и сдает их шкуры, ее спрашивают — ну и как вам все это? Она отвечает — очень понравилось, на будущий год еще лицензию куплю. Газету

иркутскую неделю назад разворачиваю, в связи с конверсией статья. Женщина на оборонном предприятии делает мины и жалуется, что завод замораживают, а по статистике в девяносто втором году на этих минах в мире три тысячи человек подорвалось, из них почти две тысячи детей, а ей своих троих нечем кормить. Своя рубашка ближе к телу тех, которым руки-ноги отрывает где-то там далеко, она не видит, а ее детишки — каждый день на глазах и о них нужно заботиться. Трудно для меня жизнь воспринимается, непонятно и сложно. Каждый школьник знает великого гения нашего столетия, изобретшего атомную бомбу, которую затем сбросили на Хиросиму и Нагасаки, а в моем понимании он сумасшедший. Не верю я в то, что порождая такое зло, человек не предполагал, какая это трагедия. Все знают Гитлера и Пиночета, никто не знает простых Ивановых, или Сидорова, пашущих землю и сеющих добро. Наверное человек — «СПИД» вселенной, скоро мы изобретем межпланетные корабли и станем разрушать вселенную.

— Смысла жизни, вообще, что ли не видишь?

— Не вижу, Сергей Николаевич. Не может, конечно, быть, чтобы человек так и не узнал, что он делает на этом шарике, тогда получается, что смысл бытия нашего заключается в смерти, видимо только тогда мы узнаем, что и как.

— По-твоему, всем надо начинать грабить и убивать? — ярко выраженный холерик Грознов загазовал — у меня другие идеалы и я им служу. Ведь просто все. Не делай зла, раз не хочешь, или не желаешь делать добро. Вот летим мы сейчас в Хабаровск, на положении в городе Пес, правильно? Он за изнасилование девушки отсидел пятнадцать лет, вы, уголовники, ведь насильников в тюрьме бьете смертным боем, а тут вдруг «стекольщику» подчиняются арестанты всего края. Почему? Да потому, что нет, у вас, никакой идем, ворам все равно, кого на положение ставить, лишь бы деньги рвать. Разворачивайся, Олег, пока еще не поздно, умрешь хоть человеком.

От услышанного у Святого перехватило дух. Грознов был прав, «стекольщиков» лудили на всех пересылках и не верилось, что такую мразь, могли поставить ответственным за весь Хабаровский край.

— Ты видишь мир таким, — прервал его размышления Ушатов, — что все мы — твари паршивые, так?

— Так.

— Тогда ответь мне, сына своего, Игорешку, ты тоже ненавидишь?

Вот так просто и доходчиво, особисты навесили Святому моральных оплеух.

— Молчишь? Правильно и делаешь, на этот вопрос есть только один ответ. У меня две дочки, у Сергея Николаевича — два сына и дочь, вон женщина с ребенком сидит, и все мы любим своих детей и надеемся, что из них получится со временем что-нибудь доброе и хорошее.

Самолет лег на бок, показывая пассажирам, величие и красоту Амура, потом выровнялся и пошел на встречу взлетно-посадочной полосе. Вывели Олега с «ТУшки» первого и прямо с трапа усадили в черную «Волгу». Пожилой в кроличьей шапке шофер на него не обернулся, а вот сидевший рядом с ним мужчина лет сорока, с тонкой полоской усов под тонким прямым носом, на переднем сиденье развернулся.

— Вот ты какой, Иконников. Ну давай знакомиться, я — Журавихин Анатолий Васильевич, начальник тюрьмы, в которой тебе теперь придется сидеть.

— Здравствуйте, — не понял Святой, почему его встречает такая «шишка».

Сорок минут, что пилили по длинному городу, усыпанному желтой листвой, чуточку приподняли настрой. Тяжелые темно-коричневые тюремные ворота отъехали в сторону, пропуская в предбанник машину с «гостями», но к удивлению Олега его не выводили. Отворились вторые ворота, «Волга» медленно въехала на тюремный двор и обогнув два «зашторенных» четырехэтажных корпуса, уткнулась носом в еще одни железные с алыми звездами ворота. Журавихин поднял трубку автомобильной рации.

— «Кайрат», первый дом, отворяй.

На улице, разминая затекшие ноги, Святой осмотрелся. Тюрьма в тюрьме, вышки, овчарки, бегающие по натянутой проволоке. Маленькое оштукатуренное трехэтажное здание, беленое желтой известью и выстроенное наверное еще пленными япошками, ничего пока не было понятно. Начальник тюрьмы сунул руку, затянутую в перчатку, в пластмассовый, белый ящик, прилепленный справа над крылечком и недолго покопавшись в нем (видимо с кодовым замком), толкнул от себя металлическую дверь. На первом этаже читинцев встретили три офицера с синими просветами на погонах.

«Летчики что ли?» — за последние десять минут Олег удивился во второй раз. Шмонали его вежливо, но так плотно, как нигде раньше. Дорожная сумка, у которой одна ручка оказалась толще другой, была тут же вспорота. Арестованный стоял в небольшом помещении приемника совершенно голый и с интересом наблюдал, как тщательно теребят каждый сантиметр его одежды. Вернув вещи, прозвонили жужжалкой — нет ли у Святого притыренных от обыска металлических предметов и

надели наручники.

— До свидания, Олег, — руки в железе ни Грознов, ни Ушатов жать ему не стали, — не верим мы с Григорьевичем, что ты конченный. Думай, кто прав, кто виноват, где правда, где ложь. Время у тебя есть, но немного, все в этой жизни рано или поздно кончается. Закономерность одна — смерть, и уверен ты, ее не боишься, но если мы все будем трястись за свою шкуру, то тогда действительно зло победит добро.

На втором этаже узкий прогал был застелен пестрой ковровой дорожкой. Двери камер обтянуты черным дерматином, под номером четырнадцать — распахнулась Святому. В чисто выбеленной хате стояло две кровати, большое окно с крупными ячейками решетки и две лампочки под белым плафоном на потолке. Он прошел к заправленной постели и устало сел, облокотившись спиной о стену, на противоположной, висели из серой бумаги «Правила поведения заключенных в следственных изоляторах КГБ». Теперь стало ясно, куда его забросила судьба.

***

После улан-удэнской жаровни иркутский централ показался Эдику раем, наслышанные о Святом, встретили его первоходы без базара, а вот Слепой прямо с транзитки попал в канитель. В тот день, когда с тюрьмы вывезли Олега, заехал Кудряш, объявивший себя «вором в законе». Слепой хорошо разбирался в воровском, и относительно последних событий в уголовном мире был в курсе. Он сразу сказал, что к Кудряшу, делали подход ссученные воры, поэтому самозванца прислушиваться не будет. Втихаря от Слепого из камеры ушла малявка на Кудряша. Ночью пришел ответ. Слепого разбудили сокамерники.

— Вот малява, в ней написано сломать тебе хребет и выбросить на продол.

От кого пришла эта мудистика, Слепой читать не стал, он плюнул в послание, затем скомкал его и швырнул на парашу.

— Ломайте, вас ведь сорок, а я один, только имейте в виду, что я не овца романовская, — потянул Слепой из-за пояса заточку.

Дело пахло свежей кровушкой.

— Подождите, — тормознул всех Черепаха, с наколотым на выбритой башке панцирем животины, — нужно раскачать все, как положено, как бы не изломать парня не по делу, вдруг он прав.

Перед завтраком был шмон. После того, как подследственных выгнали на коридор, Мессер прошел к шконке, где спала

«наседка» и взял из-под подушки малек, приготовленный для него. Через тридцать минут зеков вернули в хату, Слепого оставили. Двое дубаков вцепились ему в руки, а Мессер не то, чтобы его обыскал, а просто на спине задрал свитер и вытащил самодельный нож.

— Твой?

— А где вы его взяли?

— У тебя из-за пояса выудил.

— А что тогда спрашиваешь?

— Так, на всякий случай, — держа нож правой рукой за рукоять, лезвием Мессер постукивал по ладони левой, — есть возможность замять это дело. Изготовление и хранение холодного оружия — статья, понимаешь, надеюсь.

— Понимаю.

— Ну, так как?

Улыбался Слепой редко и сейчас он только слегка ухмыльнулся.

— Гражданин начальник, смажьте этот штырь вазелином…

— И засунуть себе в жопу — серьезно продолжил оперативник. — Слышал я уже это.

Трухнул Мессер, или просто у него не было времени связываться с арестантом, но Слепой отделался десятью сутками карцера.

Спички в кармане завалялись, а вот курехи не было и он присел у «кобуры» выдолбленной в углу.

— Халя-баля, есть кто живой?

— Есть. — отозвались из-за стены.

— Закурить толкни, если имеешь.

Спустя пару минут в «кобуру» влетела сигаретка, за ней еще одна, еще и еще… «Десять», — насчитал Слепой.

— Харе, себе тормози.

— Я не курящий.

— Бляха-муха, голос твой знакомый, ты откуда.

— Из Читы.

— А из Первомайска кого знаешь? — и он расхохотался, узнав кому принадлежит голос, — Эдька ты?

— Я — за толстой стеной забалдел тот — Слепой, это ты?

— Но. Ты давненько здесь?

Непроизвольно Эдик глянул на «китайку», где запеклась чья-то кровь. С верхней камеры ему подкричали, что тут когда-то сидел его брат и с тех пор Эдьке казалось, что эта кровь принадлежит Олегу.

— С шестого.

— А Святой где?

— До шестого был тут. Меня сюда завезли, а его куда-то выдернули и с концами. А тебя когда замели?

— Двадцать шестого сентября, вместе с Корешем.

— За что?

— «Акацию» предъявляют, но мы делов не знаем. Ветерка гребанули, в курсе?

— Нет, — расстроился Эдька, — ишак драный, — ноги затекли и он сел на бетонный некрашеный пол.

— Дай закурить.

— Завязывай, не куришь ведь и не начинай.

— А на хуй мне теперь здоровье?

Слепой не ответил, но прикуренную сигаретку отправил.

— Олега, про Кота что слышал?

— Его в августе под залог нагнали, а с пятого сентября мы Костю потеряли. Или намылился, волк, или убили где-нибудь, но, скорее всего, первое. Жена его квартиру продала, контейнер затарила и свалила в Казахстан. Тебя, Эдька, жарят менты?

— Вчера в хате сказал громко, что неплохо бы побег замутить, сегодня видишь — в «подлодке». В Чите-то как, Олега, движение есть?

— Замерзли все, мыши серые. Ловец сидит, а без него Культурный Калине жопу лижет, в бронежилете, урод, на «стрелки» ездит.

— Не в курсе, что я, Торопыге, из Улан-Удэ отписывал?

— Первый раз слышу, а не видел его вообще давненько, он Калины, как огня боится, притырился где-то.

— Ветерка куда отправили, не знаешь?

— В Якутию, а Ловца в Улан-Удэ перевезли. В читинском централе Князь на положении. Леха, дело прошлое, круто себе в карман грести начал. «Москвич», который у Сыроежкина забрали, продал втихушку от нас за полтора лимона и капусту зажевал. После твоего братана «общак» к нему перешел, Агей говорит — денег дай пацанам на передачи, а Ветерок руками разводит — нет мол ничего. Куда бы мы не сунулись — с напрягами, везде Леха был и капусту снял, дачу расстроил, Майку одел-обул. Жировал короче, сейчас ему туговато, наверное, без любимых курочек и поросят. У тебя-то, Эдька, как настрой?

— Надоело мне плавать в этом болоте, сдают на каждом шагу, из-за пайки хлеба рожи бьют друг другу. Хитрят, мудрят, кого обманывают? Арестанты вроде все. Из-за брата только и держусь, а так бы загрузился, чем только можно и пусть бы меня стрельнули. Рыжий, говорят, на воле?

— С ним, вообще непонятное. Его жена моей жалится, что

Вовчик по ночам на середину спальни выходит и у Святого за какие-то грехи прощения просит, но по идеи-то вломить не должен, замаран ведь в крови по уши.

***

Брат жены притырил Кота в небольшом поселке городского типа в часе езды от Семипалатинска. Недели три Костя шугался всех и всего, но постепенно расслабился. Деньги кончались, а жить он привык широко, надо было шевелиться. Обрез Кот привез с собой из Первомайска и в начале ноября попросил родственника смотаться в город. Ничего не подозревая, тот согласился и пятого числа до трех часов дня катал Костю по городу, пока тот не выбрал магазинчик по зубам. «Работать» предстояло одному.

— Тормози, Мишаня, — остановил он «Жигули» за квартал от «объекта», подожди меня в тачке минут двадцать, а тут я до одного места сбегаю.

— Вали, я пока подремлю.

— Двигатель не глуши, а то замерзнешь, а при работающем угоришь. Правильно?

— За двадцать минут не сдохну. Ведь ты вернешься?

— Твои слова, да Богу в уши, — пошутил Кот.

«Магазинчик маленький, — прикинул он, — должно все срастись».

Заведующая в кабинете сидела одна.

— Тихо, сука, — ткнул ее в губы стволами обреза Костя. — Где сумка?

— Какая?

— Инкассаторская.

— Они с собой ее привозят, вы меня не убьете?

— Деньги где?

Трясущимися руками женщина открыла сейф.

— Не трону я тебя, не бойся, — сбрасывал он в сумку деньги, аккуратно сложенные стопками.

Инкассатор, вошедший в кабинет, сразу понял, в чем дело и выдернул из кобуры пистолет. Кот устало опустился на сумку, в которой засыпанный деньгами лежал обрез. Масти не было, все для него кончилось, вернее только начиналось. Через тридцать минут Костю провезли в ментовском «воронке» мимо «Жигуленка», возле которого, обеспокоенный долгим отсутствием родственника, топтался Мишаня. «Может и к лучшему все прет, — размышлял Кот, — грабил один, без стрельбы, больше пятерочки

не дадут и первомайские менты теперь-то уж точно меня потеряют».

В семипалатинскую тюрьму Костя заехал, как в дом родной. Здесь его никто не знал, зато он, вышколенный читинским централом, знал, как крутиться в этом чертовом колесе.

***

Правая сторона головы онемела и как обычно на перемену погоды, заныло пулевое ранение. Святой встал на столик и открыл фрамугу окна, стеклянную толстым плексиглазом. На решетку падали крупные хлопья мокрого снега и тут же тая, капали ржавыми слезами в ночь. Большая медведица висела на месте. В соседнем здании уголовной тюрьмы объявили подъем и под окном, позванивая цепью, брехнула овчарка. «Она на цепи и я на цепи», — не затворяя фрамугу, он сел на койку, набросил на плечи телагу и потрогал батарею отопления: «Горячая». В пол литровую капроновую «ГБэшную» кружку опустил кипятильник, сунул вилку в розетку и взяв шариковую ручку, чисто машинально вывел на обложке общей тетради: «Большая медведица». Несколько раз обвел в раздумье буквы пастой и положил ручку на тетрадь.

Бесшумно приоткрылась кормушка и в квадрат отверстия заглянул заступивший на смену прапорщик.

— Доброе утро. Как спалось?

— Спасибо, хорошо.

— Вопросы, жалобы, заявления есть?

— Нет — выдернул Олег вилку из розетки и убрав с кружки кипятильник, сыпанул туда заварки.

— После завтрака приготовьтесь в баню.

Как неслышно появился, так же неслышно и исчез прапор, а Святой, закинув руки за голову, растянулся по мягкому матрасу. Интересная была тюряжка и необычная. Первый день своего здесь пребывания Олег, ждавший, что вот-вот ему начнут мотать кишки на вилы, ничего не ел, чтобы перед теми, кто его будет пытать, не валяться в обосранных штанах и, честно говоря, жалко было выливать в парашу невиданный для тюрьмы суп с лапшой, в котором обязательно торчала куриная нога. Просто не брать пищу было нельзя, он понимал, что за его физическим и моральным состоянием наблюдают, но минул день, другой… Святого словно забыли. На пятый вошли аж четверо.

— Профилактический обыск — объявил офицер. — Но этой

неприятной процедуры можно избежать, мы не любители шариться в чудом белье.

— Что я для этого должен сделать?

— Дать слово, что ничего запретного у тебя в камере нет.

— И все?

— Да.

«Раз обманешь, верить перестанут», — очень простая и надежная формула шмона сработала безотказно, но это было только начало. Оказывается в этом странном заведении не пытали, тут использовали оружие пострашнее — доброта, а против нее Олег был беззащитен, доброта порождала обратную реакцию. На утро после обыска он позавтракал рисовой кашей с мясом и впервые выгреб на прогулку. Не очень тепло оделся и нажал на красную кнопку справа от двери. Сразу пришел дежурный. Святой повернулся спиной к двери, сунул запястья рук в кормушку, его нарядили в наручники и только после этого отомкнули дверь. Два выводных прапора сзади и два спереди, перед которыми шлепал офицер, не были трусоваты, видно было, что они, просто через чур строго выполняли инструкции, но это Олега не волновало, главное в действиях администрации отсутствовал солдафонизм и никто не лез и даже не пытался лезть ему под шкуру.

— Иконников, в баню идете? — отрывая его от воспоминаний, по откинутой кормушке ключом от камеры постукивал прапор.

— Иду, капитан, иду, — Святой разделся до трусов и повесив на шею полотенце, подал руки в кормушку.

Щелкнули «браслеты» и дверь открылась. На этаже находилось всего десять камер, все видимо на двоих. Судя по расположению их, теснившихся друг к дружке входов, крайняя — облицованная однотонной кафельной плиткой приспособлена под баню, но какую, мечта арестанта, даже настоящий березовый веник всегда свежий висел в углу. Ни разу пока он мылся, прапорщики не поторопили его, как это делается в уголовных тюрьмах, где дубачье ровно через десять минут после начала помывки просто перекрывали горячую воду и, синея от наколок и холода, заключенные смывали с себя остатки хозяйственного мыла ледяной водой. Сегодня Олег тоже напарился в волю, вернувшись в хату, заварил «купца» и вновь затребушил прошлое.

Два раза в неделю обязательно наведывался начальник тюрьмы, вроде не его дело, но в камере Святого Журавихин задерживался на час, а то и больше. Поговорить с толковым мужиком было интересно, в длинных беседах зарождалось другое, новое отношение к окружающему. Никто из зеков, наверное, не

поверит, читая эту книгу, что тюрьма выпрямляет душу, но это — так. Все непонятное постепенно становилось на место, только поздно пришло отрезвление, слишком много он пролил крови, чтобы люди его простили. Жизнь была уже не нужна.

— Иконников?

Он как раз споласкивал от шары кружку и повернулся к двери, но она и кормушка были закрыты. «Почудилось что ли?».

— Иконников, — откуда-то с потолка лился говоривший, — за вами спецконвой, в три часа прошу быть готовым, с вещами.

Ненужную теперь уже кружку Олег положил в раковину, сел на койку и, враз обессилевший, опустил лицо в подушку, но привычка аккуратности поставила его на ноги. Он намочил тряпку, протер, где это положено было, пыль, вымыл пол, затем руки и только тогда дал волю чувствам. «Ох, что я маленьким не сдох», — тусовался по хате Святой. Предстояло ломать свою мораль, или заканчивать жизнь самоубийством, смерть бродила рядышком, но он с ней уже свыкся. «Давануcь в Чите, а то еще захоронят где-нибудь здесь, в Хабаровске, неохота, да и родным на могилу далековато будет ездить».

В начале четвертого охрана спустила Олега вниз, в коридоре его ждали два молодых, лет под тридцать, парня. Один невысокий и плотный, другой — на голову выше своего приятеля и полегче.

Из кабинета начальника тюрьмы вышел Ушатов.

— Здравствуй, Олег, вон у Шульгина сумка, там теплые вещи тебе Лена отправила, одевайся, на улице уже холодрыга стоит. Ты что улыбаешься?

Святой взял у крепыша вещи.

— Игорь Геннадьевич, — представился тот.

— Не привык я, Василий Григорьевич, к хорошему отношению в тюрьмах, ненормальные вы какие-то, на ментов-то не похожи.

— А может наоборот, Олег, нормальные?

— Может и так. Надеюсь, ваша тюрьма сделана не в противовес уголовной, там стегают кнутом, вы — кормите пряниками.

— Да нет, Олег. Человек если дерьмо, то это, как правило, навсегда, а если с лицом, то это рано, или поздно — выстрелит. По-моему все просто, не надо никого бить и унижать, нужно пахать, собирая факты и улики, а жизнь сама расставит все по своим местам.

Святой натянул поверх трико слаксы с грабежа в «Крабе», обул левую ногу в меховой полусапожек, накаченный ему когда-то Агеем, притопнул и перестал улыбаться.

— Заглянуть бы тебе в душу, Ушатов, узнать честный ты, или хитрый?

Вместе с ботинками Григорьевич весил примерно килограммов семьдесят пять, из них где-то килограммов шестьдесят весили мозги и внимательные чистые глаза, радовался он и морщил высокий лоб как-то откровенно по-детски.

— Сомневаешься пока, — добыл он из кармана куртки пачку «Магны», но закуривать не стал, — ответить-то вроде нечего, пообещаемся вот и сделаешь вызов. Сам знаешь, человек может себя в задницу до смерти зацеловать, но это еще не значит, что он хороший.

Во дворе кружил снежок.

— Василий Григорьевич, давай покурим?

— Дыши, Олег, дыши, время позволяет.

— Закуривай, Игорь Геннадьевич, — вытряхнул ему Святой из пачки сигарету.

Не вынимая рук из карманов, тот губами взял «Мальборо».

— При своих, можешь звать меня просто Игорь, а этого, — кивнул он на Краева, — Андрюхой, но это когда он в духе, а так лучше Андрей Николаевич.

— И часто он злой бывает?

— Никогда, за что я его и люблю, путевый парень, когда спит зубами к стенке.

Русоголовый «путевый» парень слушал Шульгина и улыбался его болтовне и мягкой снежной пороге.

Таявший снег делал мелькавший за стеклами «Волги» город грязным и неуютным. Люди зябко кутались в куртки и шубы, пряча лица за поднятыми воротниками.

— Тянет?

— Сколько тебе лет, Андрей Николаевич?

— Тридцать один.

— Звание есть?

— Капитан.

— Не тянет, капитан, напакостил, наверное, через чур, может просто устал от жизни.

— А, по-моему, Олег, все белое видится тебе черным.

— Василий Григорьевич, самолет ваш через час, а мне срочно возвращаться нужно. Как быть?

— Нет проблем, возле порта нас высадишь и кати.

Шульгин пристегнул к себе арестованного, металлическое соединение наручников замаскировал своим мохеровым шарфом и все вылезли из машины. Сквозь пестро прикинутую толпу, запрудившую весь первый этаж нового бетонного стеклянного

здания аэропорта, пробрались к накопителю и, пока Ушатов оформлял документы, переписывая номера пистолетов вооруженного конвоя, сдвинувший к тонкой переносице брови, серьезный, но быковатый старшина милиции гонял Шульгина и Святого через жужжалку.

— Все металлическое из карманов выкладывайте, слышите, пищит?

— У меня ничего нет.

— Ну-ка еще раз пройдите, только по одному.

— Не получится, — прибалдел Игореха, — мы в наручниках.

— Снимите — приказал мент.

— Нельзя, старшина, разгонит он у вас пол — аэропорта, с меня в Чите шкуру сдерут.

— Что тут за сыр-бор? — вернулся Ушатов.

— Все в порядке, — отцепил милиционер, — можете пройти в накопитель — и, чувствуя в спрашивающем начальника, некстати козырнул.

Сунув сумку под лавку, Олег сел и утянул за собой Шульгина.

— Игорь, дай закурить, мои крепкие сильно.

— А че, ты, Олега, задымил, вроде ведь не баловался?

— Закуришь, когда косая в спину дышит.

Заметив струйки дыма, хотя Святой и старательно его разгонял снятой с взмокшей башки шапкой, к нему подлетела молоденькая девчонка в форменной тужурке «Аэрофлота».

— Затушите немедленно!

— Ой, как страшно, ты че орешь-то?

Хамили девчонке ежедневно и наверное от обиды и бессилия перед мужиками, на большие коровьи глаза ее навернулись слезы.

— Гасите, а то оштрафую, — видно было, что она не верит в то, что говорит, но слезы…

— Ладно, ладно, что ты, в самом деле, вот смотри. — Олег уронил на пол сигарету и старательно ее затоптал, — а насчет штрафа, — поднял он руку, — кроме «браслетов» ничего другого предложить тебе не могу. Возьмешь?

Час спустя, задрожав крыльями, «ТУ-134» отпустил тормоза и после короткого разбега, осев на хвост, устремился в небо, лег на бок и Святой сразу уткнулся в иллюминатор на замерзающий Амур.

— Что там, Олега?

— Река красивая, берега лед прихватил.

— Служил я когда-то на границе.

— Тебе сколько годиков?

— Пока двадцать девять.

— Старлей поди?

— Обижаешь.

— Капитан?

— Обижаешь.

— Че майор, что ли? — оторвался от оконца Святой и задернул его шторкой.

— Угадал.

— Молодой для майора…

— Я хитрый, за бугром служил, а там год за три идет, так что в управе я самый молодой майор, но кроме звания, жены — красотки да детишек, ни хрена больше нет, живу в общаге, вот такие пироги. — на грустной ноте закончил Шульгин.

— Послушай, Игорь, вот например я не россиянин, а землянин. Не коммунист и не капиталист, а просто человек. Заброшу в рюкзак буханку хлеба и пойду в Африку, мне ведь нет дела до ваших границ, не я их придумал, правильно? Вот ты меня там выловишь и стрельнешь. А за что?

— Схема жизни, Олег, не я ее выдумал. Служу народу и Закону, я человек военный, но есть и у меня свое мнение, с чем-то я согласен, с чем-то нет и не держу в общем-то этого в душе.

Стюардесса, а может официантка, подала Святому через Краева и Шульгина поднос то ли с обедом, то ли с ужином.

— Спасибо, я не хочу.

— Ты че? — взял у него поднос Игорь.

— Не удобно здесь, тесно.

— Не удобно срать в штаны и затем снимать их через голову, — на откинутый с переднего кресла столик он поставил перед Олегом закуску. — Ешь давай. Я, знаешь, как в учебке однажды на спор ел?

— Как?

— Вверх ногами.

— По есть вниз головой — извлек из походного сумаря купленную в Хабаровске литровую банку красной икры Краев.

— Умные будут носить чугун, — повернулся в половину корпуса к нему Шульгин.

— Все, Игорь Геннадьевич, все, продолжайте, — и многозначительно глянул на икру, Шульгин на дремавшего впереди него Ушатова и из сумки, принадлежащей ему, достал поллитровку.

Разливал в бумажные стакашки Андрей. Игорь внимательно вслушивался в ровное дыхание Ушатова, который широко, до самых зубов улыбался и не понять было снится ему веселый сон, или он просто притворяется, что спит.

Водка в стаканчике не пахла тем, что за нее нужно будет

давать показания и Святой выпил.

— Пойдем, Игорь, курнем?

— Пошли. Андрюха, пропусти нас.

Из туалета вышла женщина с мытыми ложками и стаканами в руках, острый столовый нож она забыла на полочке у зеркала. Олег протер его салфеткой и заткнул за пояс под свитер. Сама судьба разрешала ему зарезаться. «На земле ткнусь, — решил он, — в самолете кипиша не оберешься, да и мужикам попадет, что тычину у меня не зашманали».

Самолет сел в восемь.

У трапа в расстегнутой длинной кожанке, вязаном полувере и сбитой на затылок норковой шапке, встречал конвой Грознов.

— Здорово, мужики! Думал, не посадят вас. Двое суток снег валил, минут тридцать как утихли небеса. Пошли в машину, — отобрал он у Святого сумку.

Под крылом самолета стоял при габаритах запорошенный синий «Жигуленок».

— Ну, как, Олег, настроение?

В свете прожекторов только сейчас Святой заметил в верхнем ряду зубов майора «рыжие» коронки.

— Да какое там к черту настроение, Сергей Николаевич. Тридцать пять лет живу и до сих пор блужу сам в себе. Может я не с этой планеты. А?

— С этой, Олег, с этой, голова у тебя на месте, поэтому я уверен, что ты разберешься, что к чему. В судьбу веришь?

— Верю.

В «шестерке» было тепло. Грознов врубил сразу вторую передачу и с натягом, чуточку буксуя, тачка пошла.

— Мой жизненный опыт позволяет сказать мне следующее — пуля не оборвала твою жизнь, а только, как бы это выразиться, — майор пощелкал подбирая слово пальцами, — прекратила что ли твой преступный путь, что-то в этом есть.

Набравшую скорость «шестерку» швырнуло на колдобине и закрутилась она, словно волчок, вокруг своей оси, но похоже ее седоки не заметили этого, они молчали и жадно, как будто последний раз в жизни, смолили задыхаясь Ушатовскую «Магну».

Ночевал Святой в просторной теплой камере внутренней тюрьмы Министерства безопасности Читинской области. До утра ходил он из угла в угол, гоняя в башке масло, но уже не по делюге, а по жизни. В десять притопал Ушатов.

— Одевайся, Олег, покатаемся по городу.

В ограде его посадили в знакомую уже «жигу» и пристегнули за левую руку наручников к дверце, рядом устроился Григорьевич. На переднем сиденье зевал Грознов — ночью тоже,

видимо, не спал. За рулем без шапки сидел русоголовый, лет тридцати, крепкий паренек.

— Игорь, давай в Северный, где у них перед «Акацией» стрелка была, — и обращаясь к Святому, добавил, — это с моего отдела сотрудник, Веселов. Не встречал его раньше нигде?

— Вроде нет.

— Молодец, ГБэшник, — похвалил Игоря начальник, — умеешь быть незаметным. — и снова добавил Олегу. — Ходил он когда-то за тобой, как тень, фотографировал, характеристику составлял.

— Ну и как?

— Пишет, что у тебя взгляд холодного…

— Хладнокровного, — поправил его Веселов.

— Хладнокровного убийцы, — снял шапку и положил ее на колени Николаевич, — но, честно говоря, не похож ты на хладнокровного убийцу. Че врал-то, а, Игореха?

Распахнулись ворота, и легковушка выкатилась на улицы города, а спустя двадцать минут, остановилась точно на том месте, где решалось быть или не быть.

— Узнаешь?

КГБэшники знали по ходу немного, а все.

— Как не знать, Сергей Николаевич, что дальше?

— Поехали, Игорь, к дому Князя.

— Не надо, майор.

— Оттуда, Олег, ты, Эдька, Агей и Ловец направились на турбазу, он показал вам место работы и где утром вы получите оружие. Газуй, Игорь, на «Акацию».

— Не надо, Николаевич.

— Скатаемся, Олег, посмотрим, что там делается.

У самого входа в гостиницу «Жигуль» тормознул. «Фотографируют, наверное, — пронеслось в сознании, — потом пацанам моим светанут, вот, мол Иконников на «Акации» с нами был». Опера грамотно пахали, не подозревая, что подталкивают Святого к самоубийству.

— Погнали, мужики, назад в кадушку, хорош, вату катать.

Во дворе Управления он закурил.

— Постоим, мужики, минут пять, пощурюсь на солнышко.

— Бледный ты, как перед смертью. Болеешь? — буквально сверлил его глазами Ушатов.

Арестованный промолчал.

— Ну, пойдем, Олег, разговор есть. — Грознов опустил его в камеру и держал дверь открытой, пока тот снимал куртку. — Свитер не стягивай, прохладно в кабинете.

— Не пойдем мы никуда, Николаевич, — бросил на кровать

снятую футболку Святой и вытащил из-за спины нож.

Грознов, Ушатов и не понять откуда взявшийся Краев, бросились к нему.

— Назад — приставил он штырину к сердцу.

— Всем стоять — приказал Грознов, — подожди, Олег, дай мне три минуты.

— Да все, Николаевич, жизнь кончилась, — отгородился он от оперов койкой и, внимательно наблюдая за ними, пальцами левой руки нащупывал пространство меж ребрами грудной клетки.

— Стой, Олег, — схватился за голову Грознов, — увидев, что острые ножа встало точно напротив сердца.

Святой сел в угол, левой рукой держась за лезвие, воткнул чуточку нож меж ребер, чтобы не промахнуться и поднял правую. Осталось стукнуть по рукоятке, он уже не слышал, что говорит Грознов, в глазах поплыло. Душа расставалась с телом и по-звериному выла.

Ушатов орал громче и именно его крик вернул сознание.

— Мы не сомневаемся, что у тебя хватит духа покончить с собой, но как быть с жизнью, Олег? Ты ведь сейчас всех бросишь и жену, и детей, и пацанов, с которыми на «Акации» был, они-то пошли за тобой, потому что верили в тебя.

— Правильно Григорьевич толкует, — присел на кровать Грознов, — успеешь зарезаться. Не думаешь о себе, побеспокойся о других, ведь не для себя живем, Олег.

На металлических ступеньках лестницы, убегающих в подвал к камерам, где орали казалось звери, сидели Краев с Шульгиным.

— Как думаешь, Игореха, без крови обойдемся?

— Вот блин, пацан-то вроде нормальный, мне дело прошлое, он понравился.

По коридору бежал Веселов, таща за собой за руку невысокую девушку.

— Дорогу!

Оба встали, пропустив их в подвал. Спустя минуту запаренный Веселов присел рядом с ними.

— Кто это, врач?

— Жена Олега. Кунников разрешил ей свидание, а тут эта каша, посмотрим, может, вовремя пришла.

Управление вкалывало и никто пока не был в курсе, что происходило в подвале.

— Подумай обо всех, — продолжал Грознов, — это ведь труднее, чем то, что ты собираешься сделать.

— Прикури сигарету и брось.

Вилась струйка дыма, тек по голой груди тоненький ручеек

крови, текли вместе с ним секунды, определяя конец, или продолжение, вернее мучение дальнейшей жизни.

Ленка не торопилась что-либо сказать мужу и, наконец, подтолкнутая в спину Ушатовым, разлепила губы.

— Бросай нож, Олежка.

— Не охота, Ленка, в камере смертников подыхать, — отбосил он нож под кровать, — но видимо придется. Вызывайте следователя.

— Григорьевич, своди Олега в туалет, пусть умоется да побреется, а я пока Кунникову в прокуратуру брякну. Лена, приходи завтра, у Олега сегодня трудный день будет, — следом за ней Грознов быстро вышел из камеры.

Ушатов носком ботинка добыл из-под койки нож, присел на корточки, поднял его и улыбнулся, как вчера в самолете.

— Живет, Олег?

— Живем.

На лестнице Грознова караулили Краев, Веселов и Шульгин.

— Ну, что там, Николаевич?

— Все обошлось, мужики, расходитесь по рабочим местам.

Через час Святой глядел в холодный зрак видеокамеры и молчал. Грознов подошел к треноге, на которой был закреплен аппарат и вырубил его.

— Олег, ты ведь принял решение, не мучай себя и нас, давай, рожай — он нажал кнопку «запись», сел на стул и показал Святому кулак.

На сердце стало полегче.

— Сегодня десятое ноября тысяча девятьсот девяносто третьего года. Я, Иконников Олег Борисович, добровольно в отсутствии адвоката даю показания. Понимаю, что выгляжу измученным, но это не от того, что мне рвали ногти, все было как раз наоборот. Просто пришло время все сказать и будет суд, на котором придется все выслушать.

Неслышно работала камера, мотал пленку магнитофон Кунникова, стягивая тяжелый камень с сознания арестованного, кружил за окном снег, застилая серый асфальт белым покрывалом.

Эту ночь, выжатая душа Святого спала крепко, зато не спал Агей. Мокрый от пота и снега, набившегося в полусапожки и за воротник куртки, он с Пингвином разгребал камни, под которыми лежал труп Пестуна.

— На, Леха, фонарик, свети сюда. — Андрюха одел верхонки и стал разгребать не сгоревший уголь. — Жег его кто-то, что ли?

— Может Ветерок?

— Да, наверное, сказал бы мне. Держи мешок — он начал

складывать в него полуобгоревшую одежду и кости убитого. — Кажется все. Я устал. Леха, давай посвечу, а ты забросай всю эту бяку снежком и камнями заложи, как было.

Небо уже серело, когда подельники взобрались на крутой порог отвала.

— Раскидывай, Пингвин, кости в разные стороны.

— Подожди, Андрюха, я запарился с этим мешком, вроде скелет один, а тяжелый.

***

Весь следующий день Святой давал показания и ночью, когда устало опустив голову на колени, смолил одну за одной сигареты, Агей с Лехой, по уши залепленные снегом, нашли место убийства Лисицына. С отвала прямо на захоронение сполз огромный валун. Час разгребали подельники породу, пока докопались до трупа. От тошнотворного запаха мертвечины Пингвин блеванул.

— Какой ты нежный, хватит блевантином заниматься, или помогай булыган с Лисы столкнуть.

— Иди, Андрюха, иди. — его опять вывернуло.

Камень с трупа так и не спихнули. Леха, зажмурив глаза, держал мешок и дышал ртом. Агей монтировкой дробил на куски скелет и складывал кости в мешок.

— Пингвин, ты не умри урод, от страха, а то этого я унесу, а тебя под эти камушки зарою. Холодно наверное тебе лежать будет. А, Леха?

— Завязывай, Андрюха, и так тошно, — хватанул он носом воздуха и скорчился в приступе рыготины.

— Ты что в натуре, у тебя носки сильнее воняют, как мать только стирает их тебе.

Куски одежды, который Агей не смог выковырять из-под каменюги, обильно полил бензином и поджег. Под утро труп Силицына разбросали по отвалам.

Разморенный горячей ванной Андрюха пил шампанское, на софе, разметав руки, сопел Пингвин, а в карьер въехали читинские оперы. Минут тридцать «УАЗ-452» кружил по целику.

— Кажется здесь, — узнал Святой место, где убили Пестунова.

— Тормози, — приказал Грознов водителю и стал расчехлять видеокамеру.

Кунников проверил, как пишет портативный магнитофон.

— Я готов, застегнитесь, девчонки, на улице ветерок, —

обратился он к понятым.

Кладников с Вьяловым передернули затворы пистолетов, посылая патроны в стволы.

— Готовы? — посмотрел на всех Грознов. — Пошли.

Олег, пристегнутый наручником к Ушатову, свел всех в ложбинку.

— Под этой кучей должен быть труп Пестуна.

Оперы откидывали камни.

— Недавно тут кто-то рылся, истоптано все кругом — вытер потный лоб Кадников.

В куче пепла нашли обгоревшую спортивную шапочку и кисть правой руки.

— Олег Борисович, тела Пестунова нет, пояснить по этому поводу что-нибудь можете? — согревал руками магнитофон следователь.

— Нет, Игорь Валентинович, но это не моя работа.

Подъехали к захоронения Лисицина, даже из машины было видно, что и тут все перевернуто.

— Да-да, дела, — переглянулся с оперативниками Грознов, — неужели опоздали и сюда. Ну, пошли.

Кроме остатков сгоревшей одежды и здесь обнаружили кости левой руки, куда подевался труп, Святой не знал.

— Почему, Олег, убили Лисицына?

— Не помню, гражданин следователь, — он не врал, — просто показываю, где это случилось. Надеюсь, следствие во всем разберется. Ведь я не маньяк, не хватал на улицах людей, чтобы совершить убийство ради убийства, а причины обязательно были, и думаю веские, раз задушили человека.

Возвращаясь в Читу, он показал место, где застрелил узбека. Трупа под камнями не было, его еще весной при помощи Гурана поднял Грознов. Уже в темноте, ослепленный фарами «УАЗика», Святой стоял на месте убийства милиционера и вспоминал, как все это было.

Сутки его не тревожили, давая отдохнуть и собраться с мыслями. Следующие пять дней с утра до позднего вечера он давал показания.

Восемнадцатого ноября наступила депрессия.

— Все, Игорь Валентинович, больше не могу, дай передохнуть.

Тот тоже дико устал, выключил магнитофон и опустил голову на сложенные на столе руки. «Наверное хорошо все таки, что я не женат». Святой кашлянул и глазами кивнул следователю на мотающую видеокамеру. Игорь встал, отодвинул ногой стул, на котором сидел и загасил «Соньку».

— Олег, месяц повялишься, хватит? Извини, но больше месяца я тебе дать не могу.

— Спасибо, Игорь Валентинович. Куда меня теперь?

— Назад, в Хабаровск.

— С Эдькой дай встретиться.

— Я понимаю тебя, но брат твой родной, но не получится, закон есть закон.

Морозной ночью этого же дня Грознов увез Олега в аэропорт, сопровождали его снова Ушатов, Краев и Шульгин. С вислыми крыльями «ТУшка» пустовала и они, не торопясь, заняли места в стылом чреве самолета.

— Прощаться не будем, еще увидимся, держись, Олега.

— До свидания, Сергей Николаевич, спасибо тебе за все.

— Ну, надеюсь все нормально у тебя?

— Да нормально, нормально, — ответил за него Григорьевич, — отвяжись ты от человека, он уже прикидывает с чего книгу начинать.

— Какую книгу?

— Как она называется? — пихнул Олега локтем в бок Ушатов.

Ни о какой книге, конечно, и мыслей не существовало, но Святой поддержал Григорьевича.

— «Большая медведица».

***

Эдька «парился» в карцере, никого к нему не подсаживали. Слепого, после того, как у него кончились выписанные сутки, подняли на корпус, а вот Эдика не шевелили и месяц он уже ни с кем не общался. Да и желания особого видеть кого-нибудь, или слышать не было. И когда его выкрикнули на этап, он равнодушно покидал в сумку незамысловатые арестантские пожитки и пнул в решетку.

— Собрался.

На продоле Эдьку заковали в «браслеты» и повели в дежурку, где дымили дешевыми сигаретами РУОПовцы. Некурящий Вьялов от своих подчиненных держался в сторонке.

— Здорово, Эдик.

— Здравствуй, Александр Васильевич.

— Что такой смурной?

— Да настоебенило все, если побегу, шмальни мне в башку, чтоб не мучился.

— Ты прекращай ерундой маяться. Тебе еще жить да жить. Рано на себе крест ставить.

— Куда вы меня, в Улан-Удэ?

— В Читу пока, а там видно будет.

Час лета Эдик проспал в мягком кресле «ТУ-134». В аэропорту их встречали Кладников и, только возвратившийся из Хабаровска, Ушатов.

— Плохо себя чувствуешь, Иконников?

— Угадал, Виктор Лаврентьевич, но врача не нужно, все равно он не поможет.

Две «жиги», поднимая снежную пыль, резко понеслись от самолета. Эдька опять кемарил. Ушатов включил рацию.

— Сергей Николаевич, минут через пятнадцать мы будем на месте, у нас все нормально.

— Иконников как?

— Выглядит неважно, сейчас спит.

— Приедете, поднимай его сразу ко мне.

— Понял, конец связи.

Звезды усыпали небо, когда ворота Управления министерства безопасности, пропустив «Жигули» в ограду, плотно закрылись.

— Вылазь, Эдик, — расстегнул на его руках «браслеты» Вьялов, — постой маленько, подыши.

Из дверей вышел в одной рубашке молодой черноусый парень.

— Давайте к Грознову, мужики.

— Здороваться нужно, Сизов.

— Извини, Лаврентьевич, не разглядел в темноте.

— Пока Эдик дышит, травани что-нибудь новенькое.

— Сейчас сделаем, — потер руки Серега. — На проезжей части улицы лежит пьяный мужик. К нему подходит милиционер: «Гражданин, вставайте!» — «А где я нахожусь?» — «У Нарвских ворот». — «Слушай, сделай доброе дело, закрой их, а то страшно дует!».

— Зря ты, Сизов, в наш огород камни кидаешь, — погрозил ему Вьялов.

— Виноват, исправлюсь. Ну, пошли.

— Садись, Эдька, — пригласил его Грознов — Ушатов останься. Понимаю, что устал ты от всего, поэтому сразу к делу. Олег дал показания.

— Не верю. Сам загружусь, про брата ничего не расскажу.

— Грузиться не надо, Эдик, нужна правда.

— Не получится, — мотнул головой, — с Олегом встретиться дайте.

— Нельзя, это противопоказано, но, учитывая, что ты родной брат Олега и он для тебя авторитет, одну штуку сейчас провернем, но при условии, что ты не расскажешь про это

Кунникову. Покурите, — он вышел в коридор.

— Игорь Валентинович, — заглянул Грознов в кабинет следователя, сидящего в клубах сигаретного дыма и печатающего что-то на машинке, — дай, пожалуйста, видеокассету самую первую, где Иконников показания дает.

— Зачем? — подозрительно глянул Кунников.

— Проверить надо качество записи.

— Надолго? — бряцая ключами, открыл он сейф.

— Через тридцать минут верну.

— Сделаем так, Эдик, сейчас я дам тебе посмотреть запись всего одну минуту, это все, что я могу, — он ткнул кассету в видеомагнитофон.

Эдька увидел на экране телевизора лицо брата и внимательно слушал, что тот говорит. Прошла ровно минута, потух экран.

— Поехали, Сергей Николаевич.

— Не понял?

— Давайте, говорю, следователя.

Грознов поднял трубку.

— Игорь Валентинович, придется тебе, родной, опять до утра пахать.

— Что случилось?

— Иконников показания давать согласен.

— Сергей Николаевич, ты, что ему кассету показывал? — расстроился следователь.

— Валентинович, когда я ее взял?

— Минут пять назад.

— Вот и вывод, не мог я ему трехчасовую кассету за две минуты прокрутить, она в фотолаборатории. Ты вроде как не рад, что Иконников заговорил?

— Извини, Николаевич, устал, как собака, сейчас в туалет схожу, умоюсь и позвоню, сиди на телефоне.

Восемь дней Эдька давал показания и выезжал со следственной бригадой на места убийств и вооруженных ограблений, совершенных им в составе банды. Двадцать девятого вечером к нему в камеру пришел Грознов.

— Завтра летите, Эдька.

— Куда хоть, Сергей Николаевич?

— В Хабаровск, в тюрьму КГБ. Олег там.

— Может, с ним посадите.

— В одну камеру не могу, Эдик. Показаний у вас много. Следствие установит объективность того, что вы рассказали, если будут расхождения, то сделают вам очную ставку и только потом следователь может поместить вас в одну камеру. Ну, до свидания, к пяти утра будь готов. Поедешь с Шульгиным, Краевым и

Сизовым.

— Будь здоров, Николаевич.

***

Поле показаний братьев, Грознов с Ушатовым хоть и с трудом, но нашли в первомайском заброшенном карьере схрон с взрывчаткой, вторую ее половину искали в Чите.

Девятого декабря Грознов, получив от Кладникова сообщение по рации, что он с Вьяловым, кажется, выследил «малину», на которой должна быть взрывчатка, на двух машинах, полным своим отделением, выскочил из управы. Бронежилеты застегивали на ходу и, готовя «ромашки» (автоматы с короткими стволами и растопыренным пламегасителем на конце) к бою, щелкали затворами. В начале не очень оживленной улицы Хабаровской, застроенной только деревянными домами, Ушатов заметил красную девятку РУОПовцев.

— Вон они, Серега.

Приткнув свою «жигу» рядом, Грознов приопустил водительское стекло.

— Где работаем, Лаврентьевич?

— Дом по этой стороне, у ворот две тачки, видишь?

Легковушки капотами прижимались друг к дружке, Серега их видел. «Хорошо стоят, разбежаться им будет трудно». Чапай думал, отделение ему не мешало.

— Людей в доме сколько?

— Вошли четверо, может на хате еще кто торчит.

— Вас двое и со мной пятеро, по-моему нормально. Прем?

— Прем.

— Я, Ушатов, Кладников и Вьялов летим в дом, остальные блокируют его снаружи, всех впускать, никого не выпускать. Вперед.

Получилось все по-другому. Бригада оперов, хлопая дверцами «Жигулей», посыпалась на улицу и в этот момент, из потемневших от времени ворот, показались шесть здоровенных подвыпивших парней. Словно два тарана, Шульгин с Сизовым через их кодлу ломанулись в дом, троих с ног сбили. Самому высокому Грознов пнул в голову, удар вышел приличным — парняга упал не взад, а встал на колени и рухнул вперед, лбом выбив в РУОПовской «девятке» фару.

Обежав деревянное строение, Веселов завалился на спину и тяжело дыша, поднял «ромашку», наблюдая за окнами.

Распластанные на снегу тела еще двоих держали под

стволами Ушатов с Кладниковым.

— Васильевич, тащи наручники, в бардачке лежат.

Тот сунул «ПМ» за пояс и побежал к тачке. С треском вылетела рама и вместе с ней человек. Все повернули головы, но, чтобы не попасть в Вьялова, никто не стрелял. Изрезанный оконными стеклами Валет, медленно подымался с колен и, задирая вверх руки, с зажатым в нем «шабером». Васильевич потянулся за своим, но указательный палец попал в петлю свитера, жизнь вихрем пронеслась в голове. Валет поднял руки вверх, зашвырнув пистолет себе за спину. Из выбитого оконного проема выпрыгнул Сизов и ударил Валета под колени, повалил его в хрустящее стекло.

Через пару минут на прокурорской «Волге» подъехал Кунников с ордером на обыск.

— Заводите всех в дом, посмотрим, что у них там есть.

Такого улова не ожидал никто. Из подполья вытащили не только сорок килограммов взрывчатки, но еще два автомата, картонную коробку с гранатами, прибор ночного видения и винтовку с оптическим прицелом. После двух часов плотного шмона, половина кухни была завалена краденным шмутьем и оружием.

Далеко за полночь в кабинете Грознова шло совещание.

— После сегодняшней операции, жулики, скорее всего, начтут ложиться «на дно», по имеющейся у нас информации в десять утра Культурный и все авторитеты уголовной среды города должны быть у главы администрации Читинской области в здании горисполкома, о чем там будет идти речь, я примерно знаю, точнее — узнаем попозже. Но главное вся блоть будет в куче, легче брать. Черный с Секретарем в Москву к ворам улетели, предлагаю их возвращения не ждать, а то время упустим. Против — никого нет? Хорошо, давайте детали обсудим. Виктор Лаврентьевич, у тебя Вьялов и сколько человек еще возьмешь?

— Двух, Сергей Николаевич, остальные заняты.

— Четверо и нас шесть, машины четыре. Ушатов?

— Слушаю.

— Едь ищи Кунникова. Пусть готовит ордера на арест. К девяти утра, чтобы были готовы и спроси отдал он автоматы на экспертизу, или нет, может они на «Акации» гуляли.

— Сергей Николаевич, — потер воспаленные глаза Кладников, — у Культурного, да и у остальных тачки мощные, в основном «японки», если отрываться станут, туговато нам придется. По улицам мы их, конечно, погоняем, но по трассе уйдут.

— Понял, — закрутил он диск телефона. — Говорит «Сапфир», соедините с одним четыре один. Доброй ночи, товарищ генерал. Грознов беспокоит, нужен вертолет на завтра и два экипажа.

— Через час они будут у тебя. Шпану гонять надумал?

— Есть маленько, товарищ генерал.

— Осторожней будь, Сергей Николаевич, ныне у них зубы острее, чем несколько лет назад.

— Ну, все, мужики, — положил он трубку телефона, — пойду в соседний кабинет, на стульях покемарю. Вертолетчики подъедут, сразу меня будите.

В шесть утра в сизый от дыма кабинет Грознова вошел Кунников.

— Всем доброго утра.

— Здорово, Валентинович. Не виделись наверное часов пять. Ты когда побриться-то успел?

— Уметь надо.

— Санкции на арест готовы?

— Обижаешь, Сергей Николаевич. Пришлось правда прокурора области с постели поднять, но он у нас, слава Богу, мужик с понятием.

— Спасибо, Валентинович.

— За что?

— За то, что ты парень хороший. Короче, ребята, так, — повернулся он к вертолетчикам, — один экипаж должен быть все время в вертушке. Связь поддерживаем по рации, с вами будут дежурить со спецподразделения «Набат» восемь автоматчиков. Задача такая, если прорвется, или мы специально выпустим за пределы города машину с преступниками, вы должны будете ее перехватить, желательно брать живыми. Поэтому, сразу по тачке не палите, под носом у нее из пулеметов асфальт взбороздите и дальше действуйте по обстановке. Все ясно?

— Так точно, товарищ майор. Разрешите идти?

— Идите. Сизов, почему без бронежилета был, когда Валета брали?

— Виноват, исправлюсь.

— Ты мне зубы не скаль, тут не детский сад, еще раз замечу, получишь.

— Понятно, Сергей Николаевич. Сегодня ведь неожиданно выехали, я чужой жилет схватил, а он мне маловат оказался.

В десять две машины припарковались по улице Бутина, две — во дворе горисполкома. Через сорок минут запищала рация.

— Николаевич, прикатили гуси, на белом микроавтобусе. Выходят Культурный, Торопыга, Калина, все пошли в здание.

Весны нет, сейчас глянем, может в автобусе остался.

— Виктор Лаврентьевич, давай оперативней, я на рации. — Он опустил кнопку приема. — Веселов, они тебя не знают, попробуй узнать, где Весна.

— Слушаюсь, — испарился он.

Культурный с Калиной были в кабинете председателя горисполкома, в приемной караулил их Торопыга.

— Здорово, Толян, — присел рядом Веселов, — а где Весна?

— Зачем он тебе? — насторожился Торопыга.

— Я в ресторане работаю завпроизводством, вчера Паха мне сказал к десяти сюда придти.

— Он к одиннадцати только тачку с москвичевской станции должен забрать, жди, раз обещал, должен припылить.

Пискнула рация.

— Сергей Николаевич, в микроавтобусе кроме водителя никого нет. Знаешь кто это?

— Кто?

— Иванов, который бригаду Святого на «Акацию» возил. Он в розыске, мы его берем.

— Подожди минутку, вон Веселов бежит. Ну, что там, Игорь?

— Весна в одиннадцать будет на станции техобслуживания в Северном.

— Лаврентьевич, арестовывай Иванова и контролируйте выход из здания. Мы пошли. Ушатов, Сизов, Краев, со мной, Веселов и Шульгин, подгоняйте «Жигули» к служебному входу, во время операции никого из подъезда не выпускать.

Дремавшего за рулем Иванова выдернул из автобуса Кладников. Один из его помощников сразу пнул водителя в «солнышко», и, поймав за волосы, пригнул голову к асфальту. Вьялов одевал наручники, второй помощник с автоматом наготове контролировал ситуацию.

— Тащите его, ребята, в машину, я с Васильевичем к Грозному. — приказал Кладников и через большие стеклянные двери они вошли в здание.

На встречу им по лестнице шел Культурный, руки за спиной, за наручники его придерживал Ушатов. Сизов с Краевым вели Торопыгу и Калину.

— Иванова взяли?

— Все, как надо, Сергей Николаевич.

— Тогда машины во двор загоняйте.

Арестованных, чтобы не общались между собой, посадили отдельно друг от друга в разные тачки.

— Виктор Лаврентьевич, вези их в Управление, Кунников ждет вас в сто тридцать пятом, я с Григорьевичем и Веселовым за

Весной сбегаю.

— Управитесь втроем?

— На всякий случай держи с нами связь, микроавтобус во двор Управления загоните, чтобы никому в глаза не бросался.

На «Королле» Весне меняли масляный фильтр.

— Давайте шустрее, торопил он слесарей.

— Все, Паша, все. Газуй. Откройте ворота.

На улице «Королле» наперерез встал синий «Жигуленок». Весна не понял, кто его прихватывает и врубил заднюю.

Грознов, почти вылезший из машины, упал на сиденье.

— Игореха, не давай ему проскочить.

«Королла» уже мчалась на них, последовал сильный удар в правое переднее крыло и Весна вырвался на дорогу. «Короллу» Веселов догнал на светофоре, горел красный. Паха в зеркало увидел «Жигуль» оперов и, не дождав зеленого, даванул на газ. Чтобы не долбануть иномарку, водитель груженого КАМАЗа резко крутанул руль влево и уронил машину на бок, разбрасывая мешки и ящики. Через перекресток пронесся «Жигуленок».

— Держи его, Игорь, не потеряй, — Грознов включил рацию, — Кладников, слышишь меня?

— Говори, Николаевич.

— Весна уходит от нас по Новобульварной. Вы сейчас где?

— По Бабушкина, у Дворца спорта, я с Вьялычем.

— Стойте там, он не стал сворачивать на Бутина, по Кайдаловской Управление ГАИ, значит попрет по Горького, точно, завернул. Перекрывайте улицу напротив мединститута, аккуратней, мужики, он нам в бочину врезал и КАМАЗ на перекрестке Шилова-Новобульварная перевернул.

— Сергей Николаевич, — стягивал куртку Ушатов, — надо вертушку поднимать, если Весна на Бабушкина прорвется, то наверняка за город пойдет.

— «Стрела», Грознов говорит, взлетайте и контролируйте восточный выход из города. Задержать красную «Короллу», я иду за ней на синих «Жигулях».

— Вас понял, мы уже в воздухе.

Вьялов с Кладниковым, сняв автоматы с предохранителей, стояли за управленческой «девяткой», развернутой поперек дороги.

Весна, прикинув, что не проскочит, резко нажал на тормоза. Машину крутануло два раза на проезжей части и выкинуло на тротуар. Синий «Жигуленок», все время висевший на хвосте, чуть не отрезал, что есть силы бегущего Паху от спасительной ограды медицинского института. Увидев, что Грознов с Ушатовым побежали за Весной, Кладников с Вьяловым бросились по

Бабушкина, отрезая Паху от улицы.

— Стой, стрелять буду, — Грознов шмальнул в воздух.

Весна споткнулся и, падая на левый бок, два раза, не целясь, выстрелил в преследователей. Первая пуля, противно свистнув возле уха, шлепнулась в желтую штукатурку учебного заведения, осыпав Ушатова известью. Грознову спас жизнь бронежилет, но динамический удар пули был настолько мощным, что завалил майора на спину.

Ушатов, присевший на колено, полоснул из автомата по руке с револьвером.

— Лежи, сука, не шевелись.

Запурхавшиеся, через железные прутья забора перевалились Кладников и Вьялов.

— Мужики, Серегу посмотрите, этот урод в него пулю всадил.

Грознову помогли встать. В глазах метелило.

— В каком месте он меня просадил?

— Стой спокойно, — осматривали его оперы, — крови нет, все путем, Николаевич, «оса» в броню ткнулась. Главное — кожанку в машине сбросил, а то жена задала бы тебе перца за дырку. Ушатов, ты почему не рад, что начальник жив остался?

Мимо высыпавших на улицу любопытных студентов Весну в наручниках провели в машину.

— Не хорошо, Паша, в старых знакомых стрелять.

— Не узнал я тебя, Василий Григорьевич. Сейчас ведь не поймешь, кто кого убивает. Думал по мою душу с Чечни прилетели, с перепугу шмалять стал.

— Раз боишься, завязывать надо.

***

Первым допрашивали Культурного.

— Здравствуйте, Пал Палыч, присаживайтесь.

— За что замели? — пнул тот по стулу. — Адвоката вызывайте. Тридцать седьмой год устраиваете, сволочи проклятые? Я буду жаловаться, — брызгал он слюной.

— Все сказали?

— Нет.

— Ну хорошо. Времени у нас впереди достаточно, еще успеете меня поматерить. Вот адвокат, — Кунников представил Культурному средних лет женщину, — наверное не тот, которого бы вам хотелось, но мне придется в ее присутствии предъявить вам обвинение, после этого можете написать заявление и вам назначат адвоката. Вам понятно, что я сказал?

— В чем вы хотите меня обвинить?

— Пока только в недонесение правоохранительным органам о вооруженном нападении на турбазу «Акация» двадцать четвертого февраля этого года. Прочитайте и распишитесь.

— Не буду ни читать, ни расписываться.

— Дело ваше, оформим все при понятых.

Последним из кабинета следователя увели Весну.

— Можно к тебе, Игорь Валентинович? — постучался Грознов.

— Заходит, конечно, что спрашиваешь?

— Я думал ты работаешь еще.

— Да нет, на сегодня вроде все.

— Ну и как они тебе?

— Молчат, но я в общем-то такой реакции и ожидал. Вежливые все, ничего не знают и не видят. Культурный удивил меня только тем, что человек вроде пожилой, ему ведь за пятьдесят, а матерится, как сапожник, разговаривать с ним почти невозможно.

— Валентинович, вот посмотри, — Грознов положил на стул двенадцать листов настольного календаря. — Кладников на квартире Культурного при обыске изъял. Судя по записям и числам — это списки читинского «общака» за последние два года. Почему он их так долго хранил, мне и самому интересно. К делу пришивать будешь?

— Конечно, ты послушай, что здесь написано. От Святого на воров — сто тысяч. От Святого на читинский «общак» — сто тысяч. Теперь вот смотри. Иконников уже сидел. Святому через Жабинского — пятьсот тысяч, но Олег говорит, что адвокат на эти деньги обещал ему побег устроить и куда-то исчез. По числу получается, что Жабинский пропал с денежками после того, как понял, что мы подозреваем его в убийстве Сюрприза. Не может быть.

— Что ты там вычитал?

— Черным по белому, — щелкнул пальцем по листку следователь, — ассоциации «Родина» — один миллион рублей. Спасибо, Сергей Николаевич, за подарок. Завтра отправлю эту писанину на экспертизу — может Пал Палыч своей рукой все это начертил?

— Может быть. Обрати внимание, Валентинович, на левой стороне приход, на правой расход, дебет с кредитом не срастаются, трех миллионов не хватает. По-моему Культурный крал не только у государства, но и у своих собратьев. Ну ладно. С этим сам разберешься. Теперь главное. Кого куда изолируем?

— Культурного нужно лишить малейшей информации,

значит помести его в тюрьму КГБ. Весну, думаю тоже в Хабаровск, но к уголовникам. Дашь мне четверых своих ребят и я их увезу.

— Если не секрет, ты-то зачем полетишь?

— К Иконникову, Олегу. Кое-что уточню и в Якутск, за Ветровым. Торопыгу отправьте в Благовещенск. Иванова — в Иркутск, а Калина пускай пока в нашей читинской тюрьме посидит.

***

Тринадцатого декабря, не подозревая, что находятся в одном самолете, но в разных салонах, Культурный и Весна приземлились в Хабаровске. Сначала Шульгин с Сизовым вывели Пал Палыча, затем разрешили выходить пассажирам. Ушатов проводил взглядом «Волгу» Журавихина, увозившую положенца Читы и кивнул Краеву, тот пристегнул к себе Паху и встал.

— Все, Павел, потопали.

Шестнадцатого Кунников, Ушатов и Краев вылетели в Якутск за Ветерком. Сизов с Шульгиным — домой.

Морозным ранним утром, посматривая на часы, Агей топтался у ворот централа с передачей для Лехи.

— Валентинович, ты Агеева в лицо знаешь?

— Нет, фотография в деле есть, а что?

— Да в ограду сейчас заезжали, — оглянулся на закрывающиеся ворота Ушатов, — парень с мешком слева от машины мелькнул, лицо знакомое. Мудрите пока с бумагами, а я сбегаю все ж таки, проверю свои подозрения.

Андрюха, поймавший взгляд Ушатова, сразу признал в нем опера, бывшего в Первомайске при аресте Ветерка и встал в тень тюремного забора. Вылетевший из проходной Ушатов, покрутил по сторонам головой и никого не удыбав, досадливо плюнул себе под ноги. Подождав, пока он исчезнет, Агей присыпал мешок с продуктами снегом и быстро пошел вдоль ограды на светящиеся огни города.

Прижатый фактами и уликами Ветерок дал показания и через неделю его утартали в Иркутск, где он показал все магазины, которые ограбил в составе банды. Леху оставили на иркутском централе, а Слепого Кунников с Ушатовым забрали с собой в Читу.

Торопыга, помня угрозы Ловца, был доволен, что его отправили в Благовещенск, а не в Улан-Удэ, где сидел подельник.

Культурный, понимая, что рано, или поздно ему всекут за спаленные общаковские списки, был не против попарить старые

кости в тюрьме КГБ.

Весне Хабара не понравилась и чувствуя, что его начали жарить уже на четвертый день, написал письмо следователю. «Уважаемый Игорь Валентинович, надеюсь заставить вас в хорошем расположении духа. Здесь я нахожусь далековато от семьи, родных и близких, не могли бы вы перевезти меня в Читу. Благодарности мои не будут иметь границ. До свидания. Паха.»

Калина в отсутствие Ловца, у которого по его указке убили друга, чувствовал себя на читинском централе вольготно, но это пока. Он понимал, что рано, или поздно вся история с мокрухой выплывет наружу и уголовники, у которых Гоцман пользовался авторитетом, сломают ему хребет.

Секретарь через своих людей по кабельному телевидению в Чите объявил о своей смерти и улетел к родственникам в Грузию, а Черного по просьбе Читинского Управления безопасности уже пасли московские спецслужбы, выявляя его связи с уголовной средой столицы.

Двадцать первого декабря в камеру Святого зашел начальник следственного изолятора.

— Здравствуйте, Анатолий Васильевич, указ Ельцина о ликвидации КГБ слышали?

— Конечно.

— Как это понимать?

— Не знаю, Олег. Понять трудно, почему президент разгоняет спецслужбу, эту машину отлаживали семьдесят лет. Я думаю, она сильнейшая в мире, так что его решение на руку только Западу. По всей вероятности российская мафия вздохнет с облегчением после этого указа. Скоро наверное расстанемся.

— Почему?

— Телефонограмма утром была, что все тюрьмы Министерства безопасности будут передавать под юрисдикцию МВД.

— Значит собирать мешок?

— Не торопись, Олег, передача будет длиться месяц, Грознову я уже позвонил. Ну, ладно, через неделю зайду, отдыхай.

— Анатолий Васильевич, понимаю, что вам нельзя отвечать на такие вопросы, но может скажете. Брат мой здесь?

После некоторого раздумья тот ответил.

— У нас он, Олег. — и показал пальцем на потолок.

Система канализации была завязана одним узлом и по пустым трубам «параши» можно было разговаривать.

— Эдька, Икона!

Эдик его слышал.

— Кто говорит?

— Ты что, урод, брата не узнаешь?

— Это ты, Олега? — обрадовался он.

— Я, я. Ну как ты?

— Ништяк.

— Ништяк-то оно ништяк. Но давай подробней.

— С Улан-Удэ меня в Иркутск перевели, а теперь вот сюда.

— С кем летел?

— Сизов и Шульгин. Знаешь их?

— Конечно.

— Блядь, угарные пацаны, всю дорогу анекдоты травили и вообще заебатые парни.

— Но-о, мне тоже нравятся. Эдька?

— Че?

— Тюрьму скоро разгонять будут. Культурный и Весна где-то рядом сидят. Пал Палыч списки общаковые спалил и маляву воровскую, так что скорее всего молчать будет, рыбина старая, а вот Паха может керосина плеснуть, так что будь на стреме.

— Я думаю мужики заберут нас в Читу, не отдадут же они нас на растерзание.

— Как заберут, Эдька?

— Ельцин упразднил Министерство безопасности, поэтому ко всему будь готов.

***

Двадцатого января, накатив парочку хрустальных, граммов по триста, стаканов «Амаретто», Андрюха в прекрасном настроении возвращался со дня рождения родного брата, жившего в Чите. Представил пустую хату, где он в последнее время тырился, Агей замер посреди улицы, соображая, где бы продолжить вечер.

— О чем задумался?

В общем-то осторожный и очень разборчивый в отношениях между мужчиной и женщиной, в этот раз Андрюха непроизвольно присвистнул. «Хороша, чертовка, сколько ей интересно лет. Спрашивать не стоит, все равно наврет», — с ног до головы рассматривал он «таинственную незнакомку».

— Кто ты?

— Человек, — лукаво улыбнулась девчонка, — две руки, две ноги, еще кое-что имеется…

«Предлагает себя что ли?» — хмыкнул Агей.

— Дорого берешь?

— Давай с коробки конфет начнем.

— Ну пошли. Любишь сладкое?

— Обожаю.

На пешеходном переходе раскорячилась красная «девятка» и, придерживая под мутоновый локоток свою пассию, Андрюха стал обходить ее спереди, если бы он мог заглядывать в будущее, то обогнул бы это чудище, конечно, с другой стороны.

Вьялов чуть не расплющил себе нос о лобовое стекло.

— Лаврентьевич, это Агеев.

— Где? — перестал тот копаться в замке зажигания.

— Вон, с девчонкой к коммерческому киоску шлепает.

Темнело уже и Кладников, глядя на удаляющуюся широкую спину человека, не признал в нем Андрюху, но шабер с наплечной кобуры достал.

— Пошли, но это не он, не может быть, чтобы Агей терся напротив КГБ.

Молоденькая блядь с ярко размалеванной коробкой конфет страшно удивилась, когда ее кавалеру какой-то усатый мужчина ткнул пистолетом в бок.

— Привет, Андрюха.

— Вы меня с кем-то спутали, я не Андрей.

— Тише, тише. Не пугай людей, видишь, уже оглядываются…

На передке «шестерки» резина облысела, вошкаться с ней на морозе, да еще при звездах не хотелось и сдернув прямо с дисками, Ушатов занес ее в коридор первого этажа управления. В кабинете подпрыгивал телефон. Прислонив к стене скаты, Григорьевич прошел в открытую дверь помещения и, сняв перчатки, поднял трубку.

— Ушатов.

Звонил дежурный по управе.

— Товарищ майор, Кладников с РУОПа к вам, с ним Вьялов и еще один, говорят задержанный.

— Пропустите.

Новый год канул в прошлое, но по ходу продолжал кое кого одаривать.

«Видит Бог, кому тяжко», — удивленно и радостно осел на стоящий у окна стул при виде Агеева Григорьевич.

— Здорово, мужики. Лаврентьевич, сбегай в сто тридцать пятый, Кунникова Пригласи.

Игорь курил и печатал, печатал и курил и когда заглянул в кабинет Кладников, от машинки не оторвался.

— Подарочек тебе привезли, айда к Ушатову.

— Неси сюда, я занят.

— Тяжелый.

— Шибко?

— Килограммов под сто.

Заинтригованный Кунников лихоматом допечатал лист и рванул за Кладниковым. Увидел он действительно то, чего никак не ожидал.

— Вы где его выловили?

— Не поверишь, прямо напротив твоего кабинета.

— Серьезно?

— Серьезно. У коммерческого киоска.

— Андрей Валерьевич, минут через пять прошу на допрос. Или без адвоката не желаете?

— Можно и без него, но лучше завтра, сейчас я под газом.

Всю ночь Агей еще хмельной протусовался по вшивой камере КПЗ, вспоминая, как неожиданно круто и на очень интересном моменте закончился день. Три следующих он молчал, как рыба, и на четвертый Ушатов с Краевым самолетом уперли его в Улан-Удэ.

— Это не положено, это тоже, — шмонали Андрюхин сидор дубаки.

— Зубную пасту хоть оставьте.

— Сказано нельзя.

— Чем мне зубы чистить?

— Кирпичом.

— Кирпичом сам чисти.

— За пререкания с представителем администрации объявляю вам пять суток карцера — сержант сел писать рапорт.

Спустя двадцать минут Агея втолкнули в маленькую грязную камеру. От оставленной кем-то из зеков кучки испражнений метнулась под металлический столик черно-желтая крыса, таких огромных и противных он еще нигде и никогда не видел. Встав на колени, Андрюха снял футболку и заткнул дыру, в которой курканулась шушера — разбитое оконце законопатить было нечем. Пять суток казалось растянулись в пять лет.

Двадцать девятого бурят в капитанских погонах вел его, небритого и дрожащего от холода, по длинному продолу тюрьмы.

— Ну как тебе у нас?

На всякий случай зубатиться Агей не стал.

— Молчишь? — забрякал засовами капитан, остановившись напротив камеры, — Сейчас орать будешь, а я постою с этой стороны, послушаю.

В шестиместной хате сидели четверо. Андрюха бросил матрац на крайнюю шконку и вставшего с соседней молодого мордастого бурята пнул в пах.

— За что? — замычал тот, катаясь по полу.

— Будет за что — вообще убью.

— Все путем, — оторвал ухо от дверей капитан, — бойня началась.

— Откуда, землячок, будешь? — лет под семьдесят, но не по годам шустрый старикашка, стал командовать сокамерниками. — Нагрейте пацану воды, видите, с карцера человека подняли.

— Читинский я. Сижу за воровское.

«Откуда он, волк, знает, что меня с трюма приперли?» — прокрутил Агей.

— Пока вода греется, садись, похряпаем, с обеда каша осталась, я в нее маленько тушенки бросил, должна быть вкусной.

Андрюха черпанул ложкой серое месиво и понюхал.

— Нормальная, правда мертвечиной припахивает.

— Послушай, дед, — понял Агей, что попал в прессхату — трупного запаха я никогда не чуял.

— Да я так, к слову пришлось. На Беломорканале когда-то срок тянул и в побег пошел — то ли врал, то ли так и было, поправил очки старикан и стал чесать дальше.

— Четыре дня по горло в снегу брел и вышел на узкоколейку. Смотрю, товарняк груженный досками стоит, я залез под плахи и уснул. Очнулся, овчарки лают. Состав в рабочую зону загнали. Добавили мне трешечку, двадцать лет срок стал. На следующую зиму мы вшестером в бега ударились, одного мужика на корм с собой прихватили.

— На какой корм? — не понял Андрюха.

— Сожрали бы, чего тут не понятного? Слушай дальше. Заблудились на пятый день. Замерзли, как собаки, хлеб кончился, от голода и холода голова кружится. Хотели уж Ваньку валить на жареху и вдруг девчонка на лыжах из ельника выкатывает. Глядит на нас недоверчиво и думает — делать ноги или нет. Мы ее кое-как подманили, глупую, и в три ножа распластали. Разводить костер сил не было, слопали так. Наломали веток пушистых и отрубились. Разбудил нас выстрел. Смотрим, мужиков четверо, с карабинами все. Оказались геологи, радистку потеряли, и второй день по тайге ее ищут. След лыжный, по которому они шли, возле нас оборвался. Где, спрашивают девчонка. Молчим, ведь не скажешь, что она в желудке переваривается. Двое нас на мушке держат, двое по сугробам шастают. Нашли, суки, кишки и одежду. Затворы передернули, и давай нас шмалять. Мне пуля в шею попала, поэтому наверно и жив остался. В себя пришел, когда у лагерных ворот с оленьей упряжки на землю скинули.

— Почему тебе вышку не дали?

— Не было в то время расстрела, до двадцати пяти крутанули, вот так и ускребся.

Ночью пришла малява от Ловца.

«Привет, Андрюха, как делишки, где Святой? Отпиши подробней про все, что считаешь нужным, я в сто восьмой хате».

— Дед, сто восьмая от нас далеко? — полез в мешок Агей за тетрадью и ручкой.

— Угловая, этажом выше, на той стороне продола.

«Гриха, здорово. Святой в Хабаровской тюрьме, в начале января жена ему передачу увозила, говорит — вышел летчик, забрал продукты, сказал, что Олега жив, здоров. Где его держат, никто понять не может. В Чите никаких движений, такое впечатление, что все ментов перепугались или выгодно, что мы за решеткой паримся. У тебя голова больше, погоняй масло».

Штат Министерства Безопасности сократили на пятьдесят процентов, и само Министерство переименовали в Федеральную Службу Контрразведки, но изолятор у них отобрали. Четырнадцатого февраля с шумом распахнулась дверь камеры.

— Встать, быстро — орал красномордый майор, — пригрели тебя КГБэшники. Все, кончилась жизнь красивая, сейчас я вас устрою. — распалялся он все больше и больше — Собирайся, живо — офицер пнул сумку Святого.

Начинался солдафонизм.

— Дурак ты, майор, в общем-то, для тебя это не новость. Пошли, в вашу жизнь красивую.

— В подвал его, волка, на «белый корпус» — задохнулся от негодования красномордый — брату твоему я тоже сделаю — это он уже дошипел в спину подследственного.

«Хорошее болотце» — осматривал Олег новое жилище с мокрыми стенами и небритыми рожами сонных арестантов.

— Старшина, матрац-то дашь?

— Где его взять, скоро кормить вас нечем будет — заворчал дубак, запирая камеру — зарплату третий месяц не получаю — неизвестно кому жаловался он.

— Водки надо?

— Почем?

— Пузырь — пятнашка.

Святой оглянулся. С ним в шестиместке теперь стало девять человек.

— Пять бутылок.

— Давай деньги.

— Все, как всегда, старшина, отраву вперед.

— Да не бойся, не кину я тебя.

— Волоки, волоки — распарывал Олег телогрейку, вынимая свернутые в трубочку деньги — можешь пару банок на закуску прихватить.

— Иди сюда, побазарим, — похлопал рукой по нарам

сморщенный, как гармошка пожилой зек.

— Меня Молодым погоняют.

— Меня Святым, читинский.

— Спалился в Хабаре?

— Нет. Тюрьму КГБ разгоняют, я в ней с октября парился.

— Круто — с интересом посмотрел на него Молодой.

— Делов — то много?

— Шесть трупов. Ну и по мелочам немного.

— По ходу, на централе ты самый тяжелый, больше трех ни у кого нет.

Хлопнула кормушка.

— Где новенький?

Старшина подал ему пять пузырей «Распутина» и палку колбасы.

— Восемьдесят тысяч. Олег отсчитал деньги.

— Держи. Завтра дежуришь?

— Дежурю, а что?

— Принеси шампанского на опохмелку, бутылки три?

— Пятнашка.

— Договорились. «Хороший дядька, все у него по пятнашке» — сложил в раковину Святой водку и открыл кран с водой.

Снова загремела блокировка открываемых дверей.

— Фу ты, черт, напутал — встретил Молодой впнутого в камеру невысокого плотного парнишку — думал, легавые со шмоном, а это Ваньку с этапа приперли — пояснил он Олегу — хороший хлопец, два трупа. Вовремя подкатил, бухать будем.

— Я в «столыпине» проснулся, нос чешется — раздевался Ванька — статью заменили, так что пятериком отмажусь.

— За два трупа пятерочкой. — удивился Святой.

— Они у меня легкие. Откинулся когда, мне батя пятьсот штук дал на машину, я в порт Ванино махнул и прямо с парома «японку» старенькую взял.

Качу обратно, останавливают на трассе рэкетсмены, плати, говорят за дорогу, я рубаху снял, наколку на спине показываю, свой мол, синенький, а им, барбосам, нет разницы, с кого шкуру драть. Двоих монтировкой захлестнул и менты как раз едут. Кому повезло — не знаю. У тебя, Олега, подельники есть?

— Брат родной где-то здесь. Корпусов сколько?

— Два. Этот белый, второй — красный. Вечером прогон запустим, найдем. Вы по мокрухе?

— Шестерых наладили.

— В натуре?

Святой утвердительно кивнул.

— Да-а, по ходу с жизнью ты в расчете — Ванька нырнул под

шконку и через минуту вылез весь в паутине.

— Вот здесь — он подал Олегу запаянную в целлофан «ракетку» — грамм двадцать мышьяка, для себя берег, но теперь вроде не зачем.

Возвращающийся с прогулки Весна увидел, как младшего брата Святого закрывают в одну из «подлодок» — как называли зеки маленькие камеры и сразу отписал в нее маляву: «Здорово, Эдька, всех метут, кого сам знаешь. Где Святой? Дали вы показания или нет?»

«Про Олега ничего не знаю, и не слышал, а на счет показаний поздновато ты защекотился. Черный и ты вместо того, чтобы нам помогать, на «Короллах» по Чите катались. Калина за мебелью для своей квартиры аж в Москву летал. Куда вы все это хапали — или в тюрьме сидеть не собирались? Думали вы на нас плевать будете, а мы за это в жопу вас целовать, не получится, Паха» — Эдька запаял малявку в огрызок целлофанного мешочка и бросил коневому, дежурившему на кобуре.

— Отправь посрочней.

Тот сунул записку через дыру в стене в соседнюю хату.

— Гони по зеленой, без тормозов.

Ответ пришел быстро, но не на Эдьку, а на положенца камеры: «Иконникову хребет сломайте за общее и воровское. Весна».

Смотрящий хаты подал малявку Эдьке. Он внимательно ее прочитал и швырнул в парашу.

— Что делать будете?

— Выезжай из камеры без кипиша, а Весне мы отпишем, что получили его малек, когда тебя уже перевели.

— По-тихой не получится — Эдька встал в угол — поехали.

На шум драки прибежали надзиратели. За разбитые головы и носы Эдьку уперли в карцер. Понимая, что это еще не все, он выбил в небольшом оконце стекло и, выбрав самый крупный осколок, сел у блокировки.

Узнав, что Эдьку не убили, Весна отправил записку положенцу тюрьмы, прося о помощи. Прочитав малявку, Боча задумался: стоит влазить в воровское или нет?

— О чем думу думаешь? — проснулся Культурный.

— Да Паха вот намарал на счет Иконы, на, прохлопай.

Теперь катал вату Пал Палыч. Он ненавидел Весну и мог бы поддержать Эдьку, ведь это он с братом с автоматами в руках проливали кровь за воровское в то время, как Паха и его кенты гребли под себя, но сейчас братья были опасны тем, что могли знать про общаковские списки, которые зашмонали у него при обыске, весы качнулись в сторону Весны.

— Подмогни ему, Боча — зачеркнул Культурный Эдькину жизнь.

Фуфлыжник, не уплативший карточный долг и уже полтора месяца тырившийся в карцере, неожиданно для себя получил малек: «Неделя сроку, завалишь читинца с третьего карцера, за все долги в расчете. Боча».

Ночью Эдька очнулся от непонятного шепота на продоле и прижал ухо к дверям.

— Он ребенка изнасиловал и задушил, открой камеру, я его, волка, в сердце ткну спящего, а утром на обходе его найдут холодного, скажешь, что просмотрела, как он зарезался и все — уговаривал кто-то женщину надзирателя.

— Боюсь.

— Да не мнись ты, представь, что он твоего ребенка придушит. Приоткрылся глазок.

— Ой, нет, он не спит.

— Ну-ка, дай посмотрю.

— Давай, сука, открывай дверь — ткнул Эдька пальцем в чей-то глаз — за то, что восьмерики на меня плетешь, я тебе сердце вырву.

Слышно было, как матерившегося зека заперли в соседней камере. «Дело принимает серьезный оборот, раз они не брезгуя ничем хотят меня привалить» — тусовался по тесному карцеру Эдька. «Выхода нет, любому, кто войдет, придется кровь пустить, ментов, если не подкупят, то обманут. Где Олега?» — щеманула душу.

На пьяного Молодого пришел малек.

— Святой, будь другом, ответь — упал он опять на подушку, — порожняки гоняют, уроды.

Олег развернул записку и пробежав глазами, усмехнулся: Боча интересовался у Молодого — не у них ли в хате Иконников Олег. Бодаться с неизвестностью Святой не стал.

«Боча, ночи доброй и всем, кто рядом. Был такой, но вечером его менты с вещами выдернули, сказали, что на самолет и назад не вернется». Запаяв маляву, он отдал ее коневому.

— Отправь на Бочу от Молодого, что будет — цинканешь.

На улице посветлело, в разбитое окно дул холодом ветер. Услышав шаги, замершие у камеры, зек непослушными синими пальцами сжал стекло. С противным визгом отворилась дверь.

— Здравствуй, Эдуард.

За толстыми прутьями блокировки стоял Краев. Эдька устало присел на корточки.

— Что с тобой?

— Нормально, Николаич. Тюрьма, как тюрьма.

— Почему ты в карцере?

— Убить хотели.

— Кого?

— Меня.

— Не пойму. Тебя убить хотели и ты в карцере.

— Андрей, не буду ничего тебе объяснять, все равно ничего не поймешь, сходи лучше посмотри, Олег живой?

— Все, Эдик, я пошел. До завтра продержись. Вчера мы только узнали, что нашу тюрьму расформировывают, Кунников с Грозновым сразу к вам отправили. Через сутки Ушатов с Шульгиным с Улан — Удэ прямо сюда прилетят — и мы тебя с Олегом заберем. Не спи, я сейчас начальника оперчасти пугану, чтобы он за ситуацией присматривал.

На «белый» корпус Краев уже бежал, казалось, что может опоздать. Дежурный офицер, помахивая связкой ключей, неторопливо ушел, и спустя некоторое время вернулся.

— Ну, наконец-то, здоров.

— Привет, Николаич — обрадовался Святой — ты что такой напуганный?

— От Эдьки только выскочил.

— Понятно. Ну, как он?

— Плохо.

— Помоги ему, Андрей Николаич, я-то ладно, провернусь, они меня голыми руками не возьмут, а Эдька, если одного пырнет, то потом его не остановишь.

— Олег, завтра мы вас заберем.

— В натуре?

— Серьезно.

— Ну, до завтра-то я на одной ноге простою.

На следующий день после обеда в устремившимся в свинцовое небо «ТУ-134» крепко спал Эдька. Ушатов смотрел на его дергающееся во сне лицо, и казалось, о чем-то думал.

— Послушай, Олег, — повернулся он в кресле, — в аэропорту я с Эдиком разговаривал, по-моему, насчет администрации уголовной тюрьмы он сгущает краски?

— Почему вы так думаете, Василий Григорьевич?

— Потому что они, как и мы борются с преступностью.

Святой грустно улыбнулся.

— Сейчас я тебе все растолкую. В тюрьме КГБ я первый раз в жизни столкнулся с порядочными людьми. Фирма, понимаешь? Ваши надзиратели строгие, но честные, им не предложишь пять тысяч за пачку сигарет, а вот вчера я купил пять пузырей водки по пятнашке, но это ладно, для меня понятно. У ментов тоже дети есть и их надо чем-то кормить, а государство не выдает им

зарплату по три месяца, вот и приходится людям в погонах торговать за колючкой «отравой» и совестью. Ночью через камеру, в которой я сидел, «почта» шла…

— Извини, Олег, я тебя перебью, что такое «почта»?

— Тех, кого повезут утром на следствие или суд, всегда предупреждают с вечера, вот им со всего централа малявы и гонят, надеясь, что они уйдут через волю. В нашей хате почту собрали, и надо было ее на другую сторону продола загнать — прямо напротив нас сидел человек, который утром на этап шел. Залет я на блокировку, над дверьми отдушина вентиляционная есть. В камере напротив тоже. Плюнул из трубки хлебным мякишем, в который нитка закатана. Они хлебушек поймали и к себе тянут, с этой стороны к нитке веревочку привязывают, а на нее мешочек с почтой, схема понятна? Но дело не в этом. Пошли малявки — и вдруг на коридоре дежурный надзиратель почту ловит. Представляешь, если он весь этот криминал следователям раздаст?

— Представляю — заинтересовался Ушатов — что дальше было?

— Держит мент веревку и молчит. Ванька мне говорит: «Выручай, Святой, двадцать тысяч надо». Даю ему двадцатник. Ванька десятку бросает через отдушину на продол и веревку потихоньку дергает. Не отпускает мент почту, еще десяточку вымогает. Ванька только скинул ему вторую бумажку, сразу все ништяк, малявки ушли по назначению. Почему мы их легавыми дразним? Да потому, что днем они нас шмонают и бьют, как собак, а ночью честью торгуют. Спорить не стану и среди ментов люди есть, но я таких еще не встречал.

На воздушной яме самолет качнуло.

— Это по твой теории, Олег — в озоновую дыру попали — пошутил Ушатов.

— Смех-то смехом, Григорич, а человек не остановится, понимает, что уничтожает себя и будущее своих детей, но дыру эту увеличит.

— Пессимист ты, Олега, в любой теме черное ищешь. В выборах-то участвовали?

— В вашей тюрьме еще.

— За кого голосовал?

— Я — за коммунистов.

— Интересный ты парень, ну-ка выкладывай, что у тебя в душе.

— Хапнул всего помаленьку, Василий Григорич, и при социализме пожил и при капитализме, жизнь показывает, что коммунистическая идея победит. Не знаю когда, но все вернется

на круги своя, обязательно вернется. Народ, который потерял в войне с фашизмом двадцать миллионов жизней, проголосовал за Жириновского, я считаю, что этим самым люди выразили свое недоверие политике президента России. Представляю, как двадцать первого декабря у вас голова дымилась после того, как Ельцин упразднил Министерство Безопасности — за что боролись, на то и напоролись.

— Да-а, интересная житуха — протянул Ушатов — помнишь, компартию вообще запретили? Грознов вышел к трибуне и говорит, коммунистическим идеям не изменю, из партии не выйду. Он идет этой дорогой давно, майор, контрразведчик. Ты — крутая ему противоположность, а говорите одним языком, вот и суть твоя вылазит: если живешь по жизни, а не подстраиваешься под нее, то никуда от действительности не денешься, все будет так, какой ты есть.

В Чите самолет сел в сумерках. Проснувшийся Эдька, потягиваясь, смотрел в иллюминатор.

— Наконец-то дома — облегченно вздохнул он.

У трапа стояли синие и красные Жигули, возле которых курили Грознов, Кунников, Кладников и Вьялов. Увидев своих бывших идеологических врагов, в душе Святого щипануло, странно, но видеть их живыми и здоровыми ему было приятно.

— Здорово, мужики — он и брат пожали всем руки. Женщина с большой багажной сумкой, проходившая мимо и видя, что небритые парни в наручниках смеются, заворчала на Олега.

— Балуют вас.

— Успокойтесь, побалуют и расстреляют. Сергей Николаич, где ночевать будем?

— Сегодня у нас в Управлении, завтра что-нибудь придумаем. Игорь Валентинович, мы, как оперативники считаем, что братьев Иконниковых можно содержать в одной камере.

— Я, как следователь, тоже никаких препон не вижу. Расхождений в показаниях у них нет, очной ставки между ними проводить не буду и, учитывая то, что они родные братья, можно посадить их вместе.

— Спасибо, Игорь Валентинович. Лаврентич, ты что такой приморенный?

— Сплю, наверное, мало, у Вьялова вон тоже штаны черт знает, на чем держатся. Помнишь, летом еще я тебе как-то говорил, что Чика в машину вневедомственной охраны гранату швырнул?

— Помню, мы меня тогда с Василичем из Читинской тюрьмы в Иркутскую отвозил.

— Задержали его позавчера, он и в нас, дурак, пострелял

немного, ну да бог с ним, а сегодня ночью сигнализация в магазине на стройдворе сработала, патрульная машина, которая ближе всех к объекту была, подъехала и по ней сразу с автомата полоснули. Двоих наглухо.

— Не нашли никого?

— Взяли. Григорич, одного — который стрелял, сразу. Он в подвал заскочил, его блокировали со всех сторон — и через час он сдался. Прапор оказался из стройбата, о чем думал, когда руки вверх поднял, лучше бы стрельнулся.

Братья не виделись почти год. После мытарств уголовной тюрьмы Хабаровска, камера в подвале Контрразведки походила на дом отдыха и всю ночь, дымя сигаретами, они делились воспоминаниями.

— Олега, а почему в тюрьме надзирателей дубаками зовут?

— Дубак — это значит дубина. Ты заметил, что от всех дверей у них один ключ? Это для того, чтобы он, балбес, не думал. Если ему дать связку ключей, он тебя из камеры вывести просто не сможет.

— В натуре — расхохотался младший брат — ты не обижаешься, что я показания дал?

— Да нет, Эдька, все по жизни.

— Мне, честно говоря, тюремные отношения, как кость в горле. Тусуются по хате бичи натуральные с испитыми харями, мы — бродяги, говорят. Смотрю я на них, в натуре бродяги, грязные, вшивые, где только бродили — не могу понять. Один возле меня маляву пишет, в слове «блядь» пять ошибок сделал. На положении в Улан-Удэ Боря Торчок, я Торопыге маляву отписал — помоги, мол, Толян, меня менты прессуют, а он, сука, Торчку накатал, что никакого Эдьку не знает.

— Да бляди они все, Эдька. Ни у кого духу не хватило на «Акацию» пойти. Зато я еще в бинтах ходил, а Культурный, который во время налета, как мышь, у любовницы прятался, в Москву к ворам улетел.

— Зачем?

— Как зачем? За медалью. Сказал, что это он Акацию замутил.

— В натуре суки конченные, я-то вижу, что ты в воровскую идею веришь, ну и пру за тобой по бездорожью. Грознову спасибо, он понял, что я на тебя показаний не дам и светанул мне видеокассету, я хоть отмучился сразу.

— Ты что замолчал?

— Да думаю, Олега, Грознов, Ушатов, Кунников — нормальные мужики. В Хабаровск летели, всю дорогу с Сизовым и Шульгиным анекдоты травили. Шульгин молодой, уже майор, а

вот этот парень нас сегодня охраняет, ты его знаешь?

— Веселов Игореха, старлей. Рядом с нашими родителями в «Северном» живет, а что?

— Давай его позовем чай пить.

Святой подошел к деревянным дверям и пару раз пнул.

— Игорь!

— Это ты, Олег? Говори.

— Мы чайник включили, заходи, согреемся.

— Сейчас, за кружкой схожу — Веселов замкнул автомат в сейф, потом дежурку. Спрятал ключи под перевернутым ведром в коридоре и вошел к братьям.

— Не спится?

— Какой сон, Игорь, год не виделись. У тебя в дежурке холодно?

— Да прохладно, в общем.

— Ну и сиди с нами до утра.

Кунников тоже не спал. Напечатавшись до мотыльков в глазах, он вылез из-за машинки и поставил на плиту кофейник, потом заглянул в ванну, надеясь найти что-нибудь грязное из одежды и постирать, ничего не обнаружив, он взял тряпку, намочил ее и пошел в комнату протирать пыль. К сожалению, пыли тоже нигде не было. Игорь сел в кресло, бросил тряпку на пол и вытянул затекшие ноги. «Надо бы жениться, — лениво шевелились мысли, да кто за меня пойдет. Вечно на работе, а домой вернусь — тоже всегда печатаю». Затрещал телефон.

— Кунников, слушаю.

— Не спишь, Игорь?

— Да нет — узнал он голос Грознова — откуда звонишь?

— Из Управления. Агеева только что в КПЗ привезли из Улан-Удэ. Ты с утра где будешь?

— В прокуратуре.

— Ну, имей в виду, что до обеда мы с ним поработаем.

— Что сейчас-то делаешь?

— В подвал пойду, Веселев там с Иконниковыми чаи гоняет, погреюсь маленько, батареи в кабинете холодные, как лед.

— У меня тоже кофейник на печке постоянно, ну ладно, в обед увидимся. Святой смотрел, как Грознов, обжигая пальца, дул на горячий чай.

— Сергей Николаич, вот ты по ночам соскакиваешь и с пистолетом подмышкой убегаешь из дома, а жена как на это реагирует?

— По-моему нормально. Ведь не может быть, чтобы я, как ошпаренный, бежал к другой женщине.

— Ты давно женат?

— Восемнадцать лет летом стукнет, трое детей, так что все в порядке.

— Про Ушатова расскажи что-нибудь.

— Он у нас семь лет служит, с отличием закончил институт и работал в нем преподавателем. Жена у него с понятием, две дочки. В общем, хороший парень.

Отлежавшего бока на жестких нарах КПЗ Агея, выдернули на допрос в одиннадцать.

— Здравствуйте, Андрей Валерьевич — встретил его Кунников — разговаривать будем?

— Да вроде не о чем, Игорь Валентинович.

— Хорошо, садитесь удобней. Работать долго придется. Вот здесь и вот в этом месте ознакомьтесь и распишитесь. Это экспертизы по убийству Лисицына и Пестунова.

— Не валил я никого, что мне читать.

— Андрей Валерьевич, вы обязаны ознакомиться с экспертизами, понятно?

— Понятно — Агей зашелестел страницами. Улучив момент, когда следователь встал к сейфу, Андрюха перевернул пару листов и сразу наткнулся на показания Ветерка.

— Гражданин следователь, в туалет надо бы сходить.

Кунников поднял трубку.

— Сергей Николаич, Агеева в туалет сводите. Через минуту в кабинет заглянул Грознов.

— Пошли, Андрей.

В коридоре Агей остановился.

— Сергей Николаич, чтобы порожняки не гонять, ты мне скажи — Иконниковы дали показания?

— Послушай, Андрей, вот у всех у вас все в Олега упирается, ну, а если он молчит, что тогда?

— Он — близкий мне человек, понимаешь, и по духу, и по жизни. Пока Олега не заговорит, я не дам показаний.

— На слово мне поверишь?

— Тебе — да.

— Братья Иконниковы дали показания, больше я тебе ничего не скажу.

— Больше ничего и не нужно. Святого я не брошу по-всякому. Пошли к следователю.

— А в уборную?

— Я не хочу, Николаич, мне с тобой побазарить надо было.

Зайдя в кабинет, Андрюха сел за стол и отодвинул от себя уголовное дело.

— Игорь Валентиныч, врубай видеокамеру, говорить буду.

— О чем?

— Про преступления, которые совершил.

— Серьезно?

— Такими вещами не шутят.

Следователь, похоже, уже ничему не удивлялся.

— Сергей Николаич, ты куда с ним ходил?

— В туалет — настраивал камеру майор — все готово. Включать?

Двадцать пятого февраля, не найдя расхождений в показаниях между ним и Иконниковыми, следователь счел возможным поместить Агеева в одну камеру с братьями. Загремела решетка.

— Здорово, Андрюха — умывался Святой — поймали тебя, волка, наконец-то.

— Взяли — улыбался Агей — прямо напротив КГБ.

— О-о, привет — проснулся Эдька — я думал, тебя вообще никогда не поймают.

— Все когда-то кончается — бросил Андрюха матрац на свободные нары.

— Ну как у вас?

— Все путем, скоро лоб зеленкой помажут. Когда тебя замели?

— Двадцатого января, а где мы сейчас сидим?

— «Четверка», Андрюха — ответил Святой, — колония усиленного режима, а здание это — штрафной изолятор. Мы в буровской хате.

— В какой?

— Помещение камерного типа называется. Кто в зоне ментам косорезит, им по шесть месяцев выписывают и — сюда.

— Понятно. В соседних хатах кто-нибудь есть?

— Никого. Четыре камеры от изолятора блокировкой отделены, ключ от нее только у начальника режимной части. Упакованы глухо. Ты ведь с воли недавно, что там, Андрюха?

— Дома у тебя все пучком, а насчет движения в городе — стрем голимый. Я передачи вам собирал, к Культурному в «Лотос» приехал, он мне не с общака, а с личных сто штук дал, и больше я к нему не обращался. Валет материт их, блядей, пацаны, говорит за воровское парятся, а эта плесень старая капусту жмет, с понтом сто лет жить собрался и в тюрьме не сидеть. Да всем, короче, выгодно, что ты в кадушке и вышак схлопочешь. Захотела бы блоть вытащить тебя из этой трясины, по крайней мере, шевелилась бы маленько, а они покатывают по Чите на «Мерседесах» и думают: «Святой — пацан заебатый, не расколется». Правильно, Олега, и сделал, что показания дал.

— Андрюха, а Воробей где, не знаешь?

— Да козлина он, Эдька. Я ему деньги на хранение дал, а он машину себе на них купил и в бега пустился. Не видел я его уже месяца четыре.

Пятого июня на «четверку» приперли Кота и поместили в соседнюю со Святым камеру.

Как обычно, к братьям зашел Грознов.

— Так — сел он на нары и достал из кармана кителя блокнот с ручкой — жалуйтесь.

— Все путем, Сергей Николаич, перед забоем так жить можно.

— Шутки у тебя, Олег, черные.

— Извини, Николаич, но жалоб действительно нет. Кого за стенку сунул?

— Костю. Неделю назад Ушатов самолетом припер его с Казахстана, а вчера Кунников разрешил поместить вашего дружка сюда.

— Сколько ему наболтали?

— Пока пять. Зашлите ему трусы да майку, он говорит, что на нашем КПЗ сотрудник милиции, который ночью дежурил, украл у него белье, бритву и кое-что из продуктов.

— Может быть — согласился Святой — меня когда с Иркутска привозили на следствие, постоянно на КПЗ легавые обворовывали.

— Вопросов и жалоб значит, нет, тогда собирайся, поедешь со мной.

— Скажи хоть куда — сдернул с веревки трико Олег.

— Следователь свидание разрешил, к двенадцати в Управление жена твоя с ребятишками подойдет.

— Понятно. Что головой крутишь?

— Да смотрю на тебя и вспоминаю, как нам информация поступила, что первомайцы перегонщиков иномарок на трассе грабят. Мы тогда две недели подряд в Чернышевск на поезде уезжали, а там — на первый же караван подсаживаемся, оружие к бою и вперед.

— Ну и что?

— А то, придурок, если бы ты нам со своей бандой попался тогда, представляешь, чтобы было?

— Да-а, дыр друг другу мы бы наковыряли. Не в курсе, как там на централе Культурный поживает?

— Он один в камере, ходит сутками и помалкивает, а в городе от его имени для тебя сто миллионов собирают.

— Зачем?

— Чтобы ты показания изменил.

— Точно?

— Заяц трепаться не любит — хитро прищурился Грознов.

— Передай этому пню, что в нашей жизни не все продается.

В начале первого Святой наблюдал из окна кабинета Кунникова, как Ушатов заводил его семью через парадный вход в здание Управления Федеральной службы контрразведки.

— Ну, привет, стрижи — обнял Олег сыновей — как живете?

Максим и Игорь молчали.

— Вчера на вокзал собирались ехать, я почтовый ящик проверила, а там бумажка и на ней написано, что тебя расстреляют.

— Не обращай, Ленка, внимания. Когда мы председателя «Юникса» убили, то весь поселок радовался его смерти, а теперь ждут — не дождутся, когда меня в расход пустят, у тех, кто из себя ничего не представляет, злорадство видимо в крови.

Игореха прижался к уху отца и капая горячими слезами ему на щеку, прошептал:

— Папа, ты когда-нибудь вернешься?

***

В начале 1995 года в актовом зале штаба Читинского следственного изолятора состоялось первое судебное заседание. Все было, как всегда.

— Встать, суд идет, — подняла забитое людьми помещение на ноги секретарша.

Среднего роста лысоватый судья аккуратно положил перед собой на желтый полированный стол три тома обвинительного заключения и строгими глазами шерстнул по трем клеткам с подсудимыми.

— Прошу всех садиться.

Больше сотни человек опустились кто в мягкие кресла, а кто на жесткие скамейки, почти бесшумно.

— Судебное заседание объявляю открытым. Обвиняемый Иконников Олег Борисович, встаньте.

В первой, ближней к суду клетке — вместе со Святым сидели Эдька, Агей, Слепой, Кореш, Сэва, Десяток и Кот. Олег встал.

— Обвинение в суде поддерживают прокуроры Квыльченко, Малинина и Блочкова. Отводы к обвинению у вас имеются?

— Нет.

— Объявляю вам состав суда. Председатель я, фамилия оя Азаров. Народные заседатели Бабушкина, Очкасова, а также запасной заседатель Куприянова. Иконников, вам понятно то, что я сейчас сказал?

— Да.

— Отводы к суду имеете?

— Нет.

— Понятно, садитесь. Обвиняемый Иконников Эдуард Борисович, встаньте…

Во второй клетке, на длинной скамье, повольготней, в смысле физического пространства, устроились Ветерок, Рыжий, Гуран, Беспалый и племяш Ветерка. В третьей, как и в первой, было тесновато, но не от количества арестантов, а от малых размеров клетушки. Даже отсюда Олег видел, как необычно спокоен Культурный. Привычную для себя, жевательную резинку он не мусолил, а, смежив белесые ресницы глаз, о чем-то гонял. Зло буравили Святого Ловец с Торопыгой. Шептались Калина и Весна. Черный от суда стек. После очной ставки со Святым, Калина понял, что спекся, и адвокатше своей Калошиной пообещал «Мерседес» в случае если она выдернет его до суда под залог. Ольга Викторовна призадумалась. Очень уж хотелось заиметь престижную иномарку, тем более, что козырь для этого у нее имелся. Две недели назад в городе не без ее помощи убили известную судью Рубину, и Ольга Викторовна естественно отлично знала убийцу, но как говорится, и хочется, и колется. «Вывернусь» — наконец решилась она и слила информацию Ушатову (Грознов к этому времени в ФСК уже не работал), потребовав взамен свободу для Калины. «ГБэшники» сыграли и вместо Калины под залог в триста миллионов выпустили Черного, а тот, вмиг забыв подельников, из-под «колпака» дюзнул. Бывшего таксиста Плоткина Ушатов с Краевым раскрутили в три дня и Калошиной вместо «Мерседеса» досталась тюремная камера.

— Подсудимый Ловцов, встаньте.

— Гражданин судья, у меня есть заявление.

— Пожалуйста, Ловцов, слушаем вас.

— Иконников Олег находится сейчас в состоянии наркотического опьянения, и я требую, чтобы вы его немедленно отправили на освидетельствование.

Не только Святой повернулся к Грихе, все, кто находились в клетках, смотрели на него с удивлением. Бродяга просто не имеет права делать таких заявлений никогда и ни на кого. С минуту посовещавшись на месте, суд отказал Ловцу и принялся за оглашение обвинительного заключения.

Ветерок косился на жену, сидевшую в первом ряду кресел и ведал Славке о неудавшемся побеге.

— …сзади в тачке магнитофонные колонки встроены, вот первая пуля в одну из них и влетела, а от нее срикошетила мне в ногу. Вторая точно в правую бочину угодила, думал, сорвусь, но

видно не судьба, — отвел он взгляд от Насти, — говорят бог троицу любит, третья пуля и перевернула меня.

Помолчали.

— Болит?

— Не очень.

Снова помолчали.

— На свиданку давно ходил?

— Не дают после побега.

— Сына, значит, давно не видел?

— Давно, Слава, давно — и на Леху накатило.

Ровно в четыре Азаров объявил перерыв.

— До завтрам, до десяти часов утра, — именно так, «до завтрам», с буквой «м» на конце слова он и сказал.

«До завтрам, так до завтрам», — Святой сразу закурил, вертанул головой вправо и встретил обмороженные шары Гурана. Взгляда тот не отвел. Эдька усмехнулся и Гуран это заметил.

— Чо балдеешь, забыл, как в Узбека шмалял?

— Кто?

— Ты, кто же еще.

— Послушай, кобыла — в пустую пачку из-под «Опала» стряхнул сигаретный пепел Олег, — ты все в этой жизни перепутала…

— Не перепутала — газанул Гуран — четыре раза ты в Нурали стрельнул и два раза брат твой…

Теперь Эдька перебил Гурана.

— Мы ведь Узбека втроем завалили. Ты, я и Олега, правильно?

Гуран не ответил.

— Вот мы с Олегом и скажем, что это ты шмальнул Узбека.

— Кто это?

— Очень просто, мы свидетели, ты убийца. Мотивы совершить это преступление у тебя были. Нас двое, ты один, суд нам поверит.

Гуран зассал и только после того, как с третьей клетки конвой увел подсудимых, зашептал Эдику: «Не обижайся, что я так базарил, это Ловец меня научил, все еще надеется, что вы показания смените».

За одинарными и, наверное, поэтому вечно не замерзающими окнами зала вечерело, в сумерках едва угадывалось здание большого корпуса тюрьмы. Неожиданно завыла сирена, и вспыхнули на вышках прожектора.

— Одевайтесь, машина пришла, — и конвойные обступили клетку, — руки давайте.

Сковали попарно на одну цепь, так гуртом и увели до

«воронка». Холодно было на улице, а в напрочь промерзших металлических отсеках машины тем более. Воняло отработанными газами. Верещали мигалками легковушки сопровождения. Гаишники, омоновцы, какой-то СОБР, еще и конвой с автоматами.

— Вы что за нас так трясетесь, — поинтересовался Агей у сержанта-очкарика — думаете, мы ноги делать будем?

— Куда вы убежите, родимые, пуля дура, догонит.

— А что тогда?

— С вашей банды ведь Секретарь с Черным в бегах.

— Ну и что.

— Вдруг отбить вас надумают.

— Да брось ты — встрял Святой.

— Ну, тогда из гранатомета по «воронку» могут влупить.

— Вот это, пожалуй, не исключено.

***

Ушатов жил в соцгороде — так обзывали его микрорайон. Капитализм давал о себе знать, и в крупнопанельном пятиэтажном доме регулярно отрубали то свет, то воду, то все вместе. «Самсунг», в который Григорьич впорол две зарплаты не показывал, телемастер сказал, что далеко до центра.

«Да и черт с ним, — брился в ванной комнате Ушатов, — все равно электроэнергию по вечерам не дают». В кухоньке зашипел большой кофейник и едва успел трекнуть телефон, как с него сдернули трубку.

— Доброе утро, да это я, сейчас. Вася, иди Грознов звонит.

«Ага, Ленуся встала, — заплескал на не выбритые скулы холодной водой Григорич. — Что он в такую рань?» — Ушатов дыбанул на часы, шесть тридцать было на его «Ориенте». Шустро вытер длинным махровым полотенцем лицо, руки и, повесив его на голую шею, взял трубку.

— Серега, привет!

— Здорово, Васька.

— Ты что не спишь?

— Привычка.

Даже на расстоянии Ушатов почувствовал, как улыбается Грознов.

— Васька!

— Васька слушает.

Грознов походу опять улыбался, слышать голос Ушатова ему было приятно.

— Олега с Эдькой давно видел?

— Нет, сегодня снова к ним наведаюсь. Сначала на суд, у них обвинительное заключение читать закончили, а затем на четверку.

— Долго читали?

— Три недели.

— Сегодня значит, показания давать будут?

— Думаю, что да.

— С Олега, наверное, начнут.

— С него.

— Ну ладно, увидишь его, привет передавай и ребятам его.

— Договорились.

— Слушай, Васька, позавчера на железнодорожном вокзале поговаривают — кого-то в наглую средь бела дня убили, правда?

— Есть такое дело. Аслана. Помнишь такого?

— Не тот, что из Калининой бригады?

— Он самый и между прочим уже шестой труп в Калининой банде. Кто-то их выкашивает.

— Вася, чай или кофе?

— Чай, Леночка.

— С молоком?

— С молоком — кивнул ей муж.

— С кем ты там?

— С супругой.

— Не болеет?

— Слава богу, пока нет, Надюшка вот температурит.

Пять минут спустя добрившись и домывшись Ушатов, чаевал, нагоняя себе аппетит натюрмортом над столом.

— Где хоть взял-то это чудо искусства?

— Не нравится что ли? Вьялов подарил.

— А он где взял?

— Нарисовал.

— Сам?

— А кто же еще.

— Часы тоже, поди, кто-нибудь подарил?

Григорич посмотрел на бело-золотистый нарядный циферблат «Ориента»: «Шесть сорок пять», — отметил про себя.

— Почему думаешь, что это подарок?

— Спишь в них и моешься, — пошутила жена, — а где, кстати, теперь Грознов трудится?

— В артели старательской. «Ключи» — название такое слышала?

— Это вот на бутылках с пивом, что он тебе привозит, «Ключи» написано.

— Точно.

— А кем он там?

— Начальник службы безопасности.

— Прилично, наверное, заколачивает.

— Не завидуй, тянет его в КГБ, назад тянет, понимаешь. Не нужны Сереге деньги, ни легкие, ни тяжелые. Работа нужна по душе, вот и все.

Во входную дверь не позвонили, а осторожно, чтобы не разбудить детей, постучали.

— Открой, Леночка, Нагибин, поди.

ГБэшники одевают форму только тогда, когда дежурят по управлению, все остальное время она пылится у них по шкафам. На прошлой неделе Нагибин получил майора, а сегодня как раз дежурил по Управе и с удовольствием нацепил новенькие погоны с двумя васильковыми просветами. Жена Ушатова Нагибина еще

не знала, того совсем недавно перевели с другого отдела заместителем к ее мужу, и поэтому с ней Андрей поздоровался официально.

— Здравствуйте, Елена Юрьевна.

— Здравствуйте, проходите.

— Спасибо, некогда — отказался он — передайте, пожалуйста, Василию Григорьевичу, что я его жду в машине.

— Хорошо.

Поскрипывая надраенными до зеркального блеска хромачами, Нагибин ушел.

***

С суда до четверки добрались в восьмом часу вечера и после обычного плотного шмона, бригаду Святого развели по камерам. Устал сегодня Олег глухо и, едва скинув ботинки, прямо в куртке и шапке завалился на шконку. Сэва ставил чайник, Кореш, жуя кусок вчерашнего хлеба, залистал журнал, который ему сегодня притащила мисс-суда. («Натаха Королева» — такое прозвище получила его и Сэвина адвокатша). Вслух такое не говорится, да, наверное, и не пишется, но Святому все больше и больше нравилась прокурорша. Не та, что со сладкой фамилией, а другая. Строгая, но не занозистая и будет она скоро просить ему вышку, но все равно, до самой смерти останется в памяти его симпатичная прокурорша.

Зашумели на коридоре, забряцали блокировкой и стало слышно, как кто-то тяжко отдуваясь, прет мешки.

— Чайник ставьте — в выбитую стекляшку глазка произнес знакомый голос Ушатова, — гостинцев вам привез.

Сегодня в суде толкая речь, Ловец поведал всем, что у правоохранительных органов имеются специальные счета, с которых они подкармливают тех, кто с ними сотрудничает.

Олег сел на шконке. Расстегнул на куртке молнию и бросил на вешалку шапку.

— Здорово, Григорич, — протянул он ему руку, — подарки с секретных спецсчетов?

Ушатов и вошедшие за ним Кунников и Нагибин рассмеялись.

— Это Шульгин с Сизовым вам отправили — в это время они работали в службе безопасности продтоваров Чите.

— Слушай, Олег, откуда интересно, Ловец взял, что у нас спецсчета есть?

— Знает, наверное, раз говорит.

— Да брось ты.

— Чо брось-то. Сидит в тюрьме, и вдруг его по видику кажут с женой рядом и дочкой на руках. Показаний не дает, а домой на день рождения вы его вывезли. Вот я ведь даю показания, свозили бы меня до хаты — попросил Святой и выдернул из розетки штепсель электрочайника.

— Шучу, мужики, шучу.

Шульгин с Сизовым отправили коробку индийского чая, по коробке тушенки и сгущенки. Супруга Краева — бумажный пакет мороженых пельменей, жена Ушатова — домашних булочек.

— А это от меня — Нагибин из того же мешка извлек три литровых банки варенья, на каждой была наклейка из белого пластыря, на которой синей пастой детской рукой было старательно выведено “голубика”, “черника”, “моховка”.

— Андрей, ты сам варенье варил?

Тот то ли удивленно, то ли шутливо дыбанул на Олега.

— У тебя с башкой как, все путем?

— Вот видишь, супруга варганила, а ты ее труд себе присваиваешь, не стыдно?

Нагибин и вправду покраснел.

— Извини, Андрей, я пошутил.

— Знаешь, пожалуй ты прав, наливай чай, пробовать будем варенье.

Кунников сел на шконку рядом со Святым и вытряхнул сигарету «Кэмэл».

— Угощайся.

— Спасибо — взял он сигарету.

— Игорь Валентиныч, дело прошлое, нам с осени никому свиданок не дают.

— Извините, мужики, — развел следователь руками, — это уже в компетенции судьи. Он действительно никому свиданий не давал пока с делом ознакамливался и обвинительное читал. Сейчас должен разрешить.

Ушатов молча положил Олегу на подушку распечатанный конверт.

— От кого?

— Одно от Грознова, другое от Шульгина с Сизовым. Это тебе, Саня, — протянул он Сэве вдвое сложенное послание, — от Татьяны, она в среду у меня в Управлении была. Еще Эдику есть от любимой, Лапшакову Олегу из дома, Агею от матери, — устроился Григорич за стол и, сняв шапку, принялся за моховку.

— Олег, журналисты с телевидения просят с тобой встречи.

— Хотят из меня звезду телеэкрана сделать?

— Не знаю, про «Большую Медведицу» что-то пронюхали, да

и вообще, интересно им на страшного убийцу поглазеть.

В опорожненный Нагибиным мешок Сэва укладывал пустые с капроновыми крышками банки.

— До хаты, Андрей, утартаешь.

— Зачем они мне?

— А это и не тебе, супружнице твоей. На тот урожай ей сгодятся.

— Василий Григорич, Нагибину сколько лет? — присмолил новую сигарету Святой.

— Тридцать пять.

— Вот видишь, Олег, — подмигнул ему Григорич, — какой у меня заместитель. Молодой, майор, красавец…

— Еще бы холостым был, — добавил Кунников, — вообще бы цены не было.

— Ладно тебе, — прищурил большие глаза русоголовый Андрюха, — знаю я о существовании твоей Мариночки.

— Какой Мариночки?

— Такой, — краем мешковины он протирал где-то испачканный носок сапога, — что в прокуратуре с тобой работает.

— Может, еще что знаешь?

— Знаю, курит она втихушку от тебя.

— Правда? — кажется, расстроился Игорь.

— Правда.

— Проклятый КГБэшник, откуда знаешь-то?

— КГБ все знает, все видит и слышит.

Уводя базар в сторону, Святой спросил.

— Андрей, ты давно женат?

— Да уже порядком. Заежку первомайскую, что в Сосновом бору стоит, знаешь ведь?

— Конечно.

— Ее директор — тесть мой. Администратор — теща, так что я к Первомайску хоть и косвенно, но отношение имею.

— Скоро еще землячок ваш ко мне в отдел подкатит — согревшийся мерзляка Ушатов, наконец снял шапку — Иранцев Сергей Владимирович. Фамилия знакомая?

Святой согласно кивнул.

— Кто в поселке за него останется?

— Никто. Комбинат ваш хряснет, ничего тайного в нашей державе теперь нет. Так что сворачиваем мы свое отделение в Первомайске.

***

Двадцать четвертого февраля день выдался интересным и памятным, но не только тем, что ровно два года назад банда Святого штурмовала «Акацию», а еще и тем, что с самого начала судебного заседания Азаров объявил.

— Следствие располагает магнитными записями разговоров Иконникова Олега и Ловцова Григория. Судья назвал год, месяц, число и точное место, где сотрудники спецслужбы прослушивали базар подозреваемых.

— В качестве доказательства вины Иконникова, который впрочем, сознается в нападении на гостиницу спортивной базы “Акация” и в качестве доказательства вины Ловцова, который отрицает свою причастность к вооруженному налету на лиц кавказской национальности, суд решил прокрутить кассеты.

Адвокаты были дружно против.

— Это нарушение УПК.

— Записи выполнены с соблюдением всех норм Уголовно процессуального Кодекса.

— Почему тогда они на предварительном следствии не были приобщены к материалам уголовного дела?

— А вот на этот вопрос и только вам, но и суду сейчас ответит следователь Кунников. Секретарь, пригласите, пожалуйста, в зал Кунникова, он в коридоре. Валентиныч мягко прошел за тумбу свидетелей, откашлялся в кулак и поправил галстук.

— Кунников, объясните суду, почему магнитофонные записи, которые подтверждают вину подозреваемых в их причастности к бандитскому нападению на «Акацию», вы в ходе следствия не приобщили к материалам дела.

Игорь еще раз кашлянул.

— Из прослушанных записей я сделал вывод, что если их приобщить к делу, то подельники Ловцова убьют его после того, как при исполнении статьи двести первой станут ознакамливаться с материалами уголовного дела.

— Убьют Ловцова, я правильно вас понял?

— Да.

— А Иконникова?

— Нет.

— Почему?

— Уважаемый суд, окончите слушать кассеты и все поймете.

— Понятно, вы свободны, Кунников.

Люди в штатском минут пять повозились с аппаратурой, настраивая ее. Затем расковыряли одну из опломбированных кассет, вставили в магнитофон и из динамиков понеслось: Святой: «Ебаная жизнь, суки поганые, и тебя замели»

Ловец: «Здорово, Олега, правильно толкуешь. Жизнь не просто заебаная, а какая-то заебано-поганая».

Громкий смех.

Азаров поднял правую руку, согнутую в локте, ладонью вверх.

— Оператор, остановите, пожалуйста, запись — и когда тот выполнил его команду, продолжил. — Запись — сплошная брань и жаргонная ругань. Никто не будет против, если суд зачитает не полную стенограмму разговора между Иконниковым и Ловцовым, естественно без матерщины?

Против не был никто и Азаров из коричневой кожаной папки, лежащей перед ним, выудил стопку машинописных листов.

— Речевой текст информации с кассеты номер сорок три. О. — Олег Борисович Иконников. Г. — Григорий Геннадьевич Ловцов. В контролируемом помещении двое продолжают ранее начатый разговор.

Г.: А мне причину нашли, опять закрыли. Помнишь, за что в январе сидел?

О.: Да.

Г.: Вот за эту канитель. Вообще молчали-молчали. Там Тобик конопатый ездил, Саша, заместитель начальника РУОПА. Туды-сюды, давай за это за все. Давай говорит дружить.

О.: (смеется).

Г.: Серьезно. А здесь сегодня утром выехали, а тачка у нас непаленная еще. Мы на ней всего третий день погоняем дороги городские. Еще никто не в курсе, что мы на этой машине. Жгем в сторону Северного, а впереди из «Волги» жезлом машут. Я думаю, что за ерунда?

О.: Взяли, суки — смеется.

Г.: Тормозят. С «пушками». Руки вверх! Из машины! Я спрашиваю, в чем дело. Точно РУОПовцы.

О.: Точно они. Князя накрыли?

Г.: И Князя. Мы только у него отравы на хате подсобрали.

О.: Отрава путняя?

Г.: Конопля, «Адедон», «Солутан». За пистолет перед этим, а теперь вот снова за него, помнишь, сидели?

О.: Помню.

Г.: Снова за эту бяку. Говорят, что санкцию прокурор дал. Я им в ответ — это не прокурор санкцию дал, а вы сами все старое по новой подняли.

О.: На арест тебя закрыли?

Г.: Да, на арест.

О.: Сутки или трое?

Г.: Прокурор на все подписал.

О.: Сразу?

Г.: Да.

Пауза — сто шестая, сто восьмая.

Г.: Я, конечно, не уступлю клочок своей землицы.

О.: Я им тоже говорю — зачем вы за чеченов шкуру рвете, им только дай в Читу занырнуть, они тут сходу все подомнут и, вас не купят, если, так перешмаляют.

Пауза — сто девятнадцатая.

О.: Ты посмотри, суки, ведь с продолжением.

Г.: Прокурор области подписал.

О.: У меня следователь — зам. прокурора. Я только сейчас с РУОПа прикатил. Они там все пистолеты хватают, бегают. Давай шустрее, едем Князя, брать. Я думаю, мне, что ли, шнягу пихают, а они в натуре вас взяли.

Г.: Машина-то главное в Чите не свеченая. Кроме близких нас на ней никто не видел. А сегодня едем, и мусор мне говорит: «Зря ты так гоняешь, какой день за рулем?» «Второй» — отвечаю. «Права есть?» — «Конечно». У меня всегда ксивы с собой, как я еще пушку с собой не зацепил! Я еще спрашиваю: «Ты откуда продыбал, что это наша машина?» Смеется, легавый, не говорит. Смотрю, Культурный едет. Ну, думаю, пиздарики, горю, но тот видимо врубился, что меня мусора шманают, пропылил.

Конец фонограммы.

Азаров передвинул стопку бумаг Бабушкиной, и та, с выражением, продолжила.

— Приложение номер два, текст речевой информации с кассеты номер сорок четыре. О. и Г. продолжают ранее начатый разговор: О.: Да у меня там все правильно было, мне даже морфий возили.

Г.: Что удивительно, нам с пятерки маляву отписали, ты не в курсе? Пишут на Культурного и Торопыгу — говорит шепотом и непонятно. Снова громко — Представляешь какая хуйня?

Переключение кассеты.

О.: А что, сейчас есть дорога на тюрьму?

Г.: Хуевастенькая. При Дюхе маломальски шевелились, а сейчас на положении в централе Братка. Балбес, блядь, тупорылый, донельзя.

Пауза.

Г.: Хорошо, пацаны твои первомайские после «Акации» втихаря подкатили и железо ваше забрали, а так бы вместе с отравой, что нам с Бурятии пригнали, менты бы вышманали.

О.: Потише, Гриха, вдруг легавые уши греют.

Г.: У тебя как со здоровьем?

О.: Башка слегка едет, а так в общем-то ерунда.

Г.: Пуля тебе в голову попала?

О.: Тише, Гриха.

Г.: Кто тебя интересно? Пацаны говорят, что вроде братан твой.

О.: Не может быть.

Г.: Он, я после «Акации» с пацанами твоими базарил. Нечаянно конечно, но он.

Святой внимательно слушал и пока не мог понять, что тогда делал Ловец, качал его по просьбе ментов или просто не ожидал, что их подслушают. Бабушкина продолжала.

Г.: Сюрприз с зоны пишет Культурному, что так, мол, и так, Паха, пришли с общака пятьсот штук. А я Культурному говорю — хуя! Я откинулся, вы мне с котла что выделили? Нет, говорю, а тут кенту твоему половину лимона, не до хуя ли он желает?

О.: Культурный где?

Г.: На воле, чесотка заебаная. В ладоши, поди, от счастья, что меня закрыли, хлопает. Но ни хуя, яма для него уже готовенькая стоит, ждет, не дождется.

О.: Гоцман одыбал?

Г. — Одыбал, но рука не шевелится.

О.: А морально?

Г.: Чуть-чуть. У него другая волна, сам знаешь. У него затормозка еще на той жизни. События не оценивает, так как нужно, не воспринимает. Я с ним этой темы не касался. Я отдаю ему должное по-своему. Придем, посоветуемся. Я заранее знаю, что он скажет, но приличия ради выслушаю его, а потом все равно делаю по-своему.

Бабушкина через судью передала стенограмму Очкасовой.

О.: Зачем они так из-за чеченов шкуру рвут?

Г.: Хуй их знает, а ты, Олега, не ведись. С воровского согласия мы чеченов уебали, так что все путем.

О.: Говорят, в Каштаке недавно чечен с русской девкой на гранате подорвался.

Г.: Было дело. Они его запаяли и увезли, в Новосибирске хоронили. На могиле клятву давали, и, представляешь — меня мусора подрезали.

О.: Ты Культурного как знаешь?

Г.: Овца он, Олега. Когда откинулся, первые дни вообще к нам не подходил. Ни на стрелки не приходил, никуда. Уехал к проститутке своей в Беклемишево или еще куда, не помню. Мы у Секретаря спрашиваем — где Культурный? Мы сами говорит не в курсе. Потом они уже проболтались, что у матреши он своей. Когда события начались, мы его два дня не могли увидеть. Он

приехал на стрелку, стоит газетку читает. Подходит к нему Торопыга и спрашивает: «Пал Палыч, едем?» Он отвечает, что у него машина барахлит. У нас земля под ногами горит, а ему тачку в ремонт загонять надо, представляешь, хуила, проблему высосал из пальца. Торопыга: «Ты что из убежища выполз?» Тому стыдно, он даже покраснел. Так ездил он в Москву, ты в курсе?

О.: Нет, а зачем?

Г.: Страховался, мерин. Встретился там с шестью ворами и говорит им ситуацию в Чите. За себя молчит, а меня с Торопыгой подставляет. Она не думал, что они ему ответят. Лоха позвонил из Москвы: «Я здесь с Шаром, от него звоню. Что у вас там, в городе происходит?» С Пашей — Весной толковал, в «Красный дракон» звонил. А Культурный это узнает, думает, воры насядут — и юзанул в Москву, узнать, что и как. Говорит там, что, мол, Ловец с Торопыгой все в Чите мутят. А мы, прежде чем что-нибудь решать, мнение людей спросили, как нам поступить в данном случае. Все говорят, казнить. Мы же не от своих мозгов это залупили. Воры ему говорят: «Правильно Ловец с Торопыгой поступают, не надо давать чеченам в Чите приземлиться».

Смеются.

Г.: Культурный прилетает, его Торопыга встречает в порту и спрашивает: «Ну что, там, в Москве воры решили?» Он, овца, отвечает шары в пол: «Все путем, все нормально». А мы и без него знали, что все однозначно, потому что понимание воровское такое. Если бы я не был близок с ворами… (не договаривает), Культурного можно просто в городе держать, как ширму.

О.: Тут нужно что-то делать… (не договаривает).

Г.: Мы в Комсомольск поехали, воры нас позвали. Они меня позвали, когда коснулось. Пацаны молодые говорят, чтобы не Культурный, а я за управление отвечал. И меня Жем зовет: «Пусть приедет». Культурный едет, я и Гоша. Он сейчас в тюрьме сидит. Едем в поезде. А разговор в «Лотосе» начали, когда пацаны в Комсомольск ездили. Воры им там сказали, чтобы они этот вопрос на обзор города вынесли. И они говорят, что они были там и чтобы здесь Ловец и Торопыга отвечали непосредственно, Культурного не упоминают даже. В поезде он говорит: «Гриха, город у нас большой. Здесь минимум три, четыре человека на положении могут быть». Я ему: «А у меня нет желания за что-то отвечать. Ты что, думаешь, я к ворам еду за короной? Нет, пацаны про меня сказали, вор меня позвал, вот я и поехал».

Конец фонограммы.

Приложение номер три.

Машинописный текст речевой информации с кассеты номер

сорок шесть.

В контролируемом помещении двое продолжают ранее начатый разговор.

Г.: …ты где учился? Я говорю: «В школе номер сорок шесть, восемь классов не закончил» — общий смех. «Сколько судимостей?» — «Пятнадцать» — громко смеются. (Переключение). Пацаны про меня сказали, вор меня позвал, не могу я не поехать. Отвечайте за Читу вы, хоть ты один, мне-то какая разница, кто будет на положении. Что я, умнее, что ли стану, если буду ответственным. А у Культурного это аж болезнь. Я бы мог, допустим, объяснить разумно, что он плесень старая ни на хуй уже не способен, но зачем мне это. Ширма в городе нужна, вот пусть и шароебится у ментов на глазах, а так-то все равно я с Торопыгой все везу.

О.: Я сейчас на пятерке, на больничке, лежал, и этап с особого как раз пришел. Все они Культурного знают хорошо. Я, конечно, понимаю, что не имею права, но все же сказал им, что все беды у Пал Палыча только оттого, что он старый. Я его не обсуждал, я просто высказал свое мнение.

Г.: Ему это еще знаешь, когда крикнули? Когда он к пятерке подъезжал. Петя Свешник ему через забор кричит: «Тебе, плесень, давно на пенсию пора уходить». Культурный умного что ответить не нашел: «Я тебя еще на стометровке обгоню».

О.: Что теперь в городе будет? Хорошо, хоть Торопыга там остался. А этот Гоша, с которым ты в Комсомольск ездил, на тюрьме, что ли, сидит?

Г.: Да.

О.: А в какой хате?

Г.: В 170 или 15, я даже не помню, да он меня сейчас и не интересует.

О.: А Орла не осудили, не знаешь?

Г. — Клоуна-то этого, не окрестили еще. А что ты его вдруг вспомнил?

О.: По-моему, хороший парняга.

Г.: Какой, на хуй, хороший. Клоун натуральный. Я с ним первый раз встретился, когда у Иццы вместе с Торопыгой на свадьбе были в тюрьме. Мы с Толяном сидим скромно, перед кем блатовать-то, все свои. Публика — шпана, бабы наши. Орел заходит, футы-нуты, явление Христа народу. Ну, как же, положенец тюрьмы. Руку мне так тянет, с понтом я ее поцеловать должен и представляется: Юра, Орел". Да и хуй с тобой, что ты Орел, ты человеком будь, а то витаешь в облаках. Но это хуйня. Я зажигалку на стол положил, так он ее, прикидываешь, ебнул. Потом нажрался, как порос и его в камеру под руки пацаны

уволокли. Представляешь, положенец централа. Мы со свадьбы только вышли и сразу к ворам в Комсомольск рванули, менять надо такого положенца, правильно?

О.: Вместо Орла там, по-моему, Котельник теперь?

Г.: Не-е, Котельник уже после Дюхи встал и сразу, бык, накосопорил. Набухался и по пьяне пареньку одному грубанул, а с ним в хате Валера Поджиг был. Он естественно все видел и Котельника сразу уебал. Тот садится и две малявы катает. Одну на воров, другую — на меня с Торопыгой. Нам пишет: «Уебали ни за что, ни про что. Помогите, если не сможете, то вторую маляву ворам угоните». А в воровской мульке пишет: «Я, Котельник, пренебрег воровским», — и так далее. Представляешь, такое ворам пишет. Я думаю, сейчас воры прохлопают твою маляву и вынесут приговор — казнить тебя, гондона. Я эту мульку тормознул, не дал ей хода. В тюрьму сам отписал: «Одыбает Котельник и сразу вьебите ему по-человечьи в роговой отсек».

Г. и О. жалуются, что в тюрьме все почти отметают дубаки — продукты, сигареты, носовые платки. Г. рассказывает, что когда его возили домой на обыск, он едва успел взять у отца пачку сигарет.

Г.: Вышмонали на батиной хате пятьсот штук деньгами и два кольца рыжих. А кольца эти бабы Торопыгиной. Ну не бабы, так, трахал он одну матрешку.

О.: Он где в это время жил?

Г.: Он жил с Ольгой, да как жил, без ни хуя короче. А потом схлестнулся с Наташей. А та, с которой он раньше жил, пришла на хату, видит там эту Наташу и на почве ревности забирает у нее эти два кольца. Прийдешь, говорит за ними ко мне, одна только. Наташа Торопыге говорит: «Я не пойду забирать». А тому по хуй, он в трансе ходит, в штопоре.

О.: Горит что ли?

Г.: Но, забухал, скотина. Мы его в Северный на хату одну темную устроили, пусть думает, бухает, лишь бы в городе в таком виде не шароебился.

О.: Он пацан-то вроде путний. Не давайте ему гореть.

Г.: Как запретишь-то, Олега. Он — алкаш, понимаешь.

Переключение кассеты. Пауза.

О.: Они мне предъявляют заключение судмедэкспертизы и там черным по белому написано, что кровь, которую менты на «Акации» нашли и в брошенном микроавтобусе якобы принадлежит мне. Я им говорю — вот смотрите, мужики, видите, написано: не исключено, а это значит сомнение, правильно? А любое сомнение толкуется только в пользу обвиняемого. А то, что из гостиницы вынесли человека в маске, это ведь ерунда. Вы даже

не знаете ведь, мужчина это был или женщина. Ну, а так-то менты до хуя конечно знают.

Г.: До хуя, пашет на них кто-то, а может и не пашет, а так сболтнул кто чего.

О.: Хм, знаешь, Гриха, меня недавно вот сюда в Управление с пятерки прямо привозили.

Г.: Зачем?

О.: Беспалого помнишь?

Г.: Вашего, первомайского?

О.: Но, его. Мне легавые говорят…

Г.: Кто конкретно?

О.: Кладников с Вьяловым. Встретиться с тобой, мол, хочет Беспалый. Я отказываюсь, они говорят: «Все равно повезем». Короче, вхожу в кабинет — сидит Женька. «Здорово" — говорит. Я поздоровался. Он ментам говорит: «Выйдите». Те вышли. Беспалый мне тогда шепчет: «Они все знают, давай грузиться». Я чуть со стула не ебанулся: «Ты что, — говорю, — охуел?».

Г.: В натуре? Вот капуста, блядь.

О.: Гриха, ты видимо на тюрьму скоро. У меня там братан в 158 хате, по-моему.

Г.: Кто, Эдька?

О.: Но. Ты присмотри там за ним.

Г.: Добренько.

О.: И скажи, что меня походу в Иркутск тянут.

Г.: Договорились. Ну, ты, Олега, не клюй на ментовские прокладки.

О.: Нормально все, Гриха, не понтуйся. Мне Кладников говорит: «Поехали в лес, я охрану выставлю, и ты палкой на снегу напиши фамилию, кто главный в этой каше».

Г.: А ты?

О.: (неразборчиво), смеются.

Приложение номер четыре. Текст речевой информации с кассеты номер сорок семь тип МК-60-2.

Г.: А так-то воровская касса у меня лежит, и отвечаю за нее только я. Культурный тоже в курсе, ну и Торопыга, конечно. Больше никто не знает о кассе, ну их всех на хуй. Одному скажи, другой пронюхает, третий, а потом и вся Чита узнает…

О.: А потом и менты.

Г.: Сначала, конечно, Культурному филки несут. Ты ведь тоже ему на воров нес.

О.: Ему.

Г.: Ну вот, а он их уже мне отдавал. А у меня телка знакомая в банке работает. Она мне их сразу обменивает на крупные купюры. Дело прошлое, говорят, что с первого апреля деньги

обменивать будут.

О.: У тебя эти деньги не пропадут. Может, Культурному отдашь?

Г.: Да ты что, Пал Палыч боится их.

О.: Я ему тоже говорю: «Езжайте вы на любую базу в городе и крепите ее сходу. Кого бояться-то, город под тобой». А с читинских баз я прикидываю, сколько можно срубить, это не наши базы, не первомайские. Колбась да колбась.

Г.: Да он боится криминала, это одно, а во-вторых, у него мозгов мне на хуй не хватит помазать. Он удовлетворился, по-моему, тем, что уже имеет.

О.: Блядь, старый он уже…

Г.: И уйти боится.

О.: Но и не уходит. Вам бы его подрезать, блядь, так хули вам этот крест тащить неблагодарный.

Г.: Так в этом все и дело.

О.: Я теперь понимаю эту хуйню.

Г.: Фактически, Олег, ты сам убедился, что все в Чите решает не Культурный, а я.

О.: Конечно.

Г.: А такой, как он, нам нужен. Без него тоже нельзя. Пускай крутится, ебатень, ширма сраная. На хуй он нам нужен.

О.: Я понял, без него нужно все делать.

Г.: Все правильно, его даже не надо в курс дела ставить. Даже такой случай, блядь. Я его спрашиваю: «Паха, сколько у нас на общаке денег?» — «Девятьсот тысяч». Я говорю: «А что ты держишь-то их, на хуй? Тратить нужно, давай возьмем чая, курева и по лагерям разгоним». Ладно, воровские филки мы не имеем права трогать, а эти-то хули держать.

О.: Правильно. Он что и эти тратить боится?

Г.: Боится, представляешь. Такой мелочи и боится. А если и купит что, то сидит в «Лотосе» и меня ждет с Торопыгой. Ведет нас в кладовую и показывает, что и сколько взял. Я ему говорю: «Паха, на хуй ты нам все это кажешь, мы и так тебе верим. Отчет какой-то, в рот ее ебать».

Пауза 161.

О.: Мы ночью перед штурмом с пацанами вату катали, они базарят: «Олега, блядь, в пекло лезем. Вдруг утром на «Акации» засада будет, перешмаляют нас всех, на хуй».

Г.: Не, Олега. Про это узкий круг знал.

О.: Ни хуя себе, узкий. На стрелке народу было, словно вшей.

Смеются.

Г.: Удачно все, в общем-то, обошлось, а вот первый раз, до вас еще. Мы туда хотели нырнуть, а нам говорят, что там уже легавых

тьма. Мы пушки тырим и кто куда ховаться.

Громкий смех. Пауза.

О.: Я залетаю туда первый, бабка увидела меня и сразу бац на пол. Я сразу выворачиваю на лестницу, тут коридор, а там баба с кружкой на кухню видимо шлепает. Меня устригла, кружку бросила и ходу. Смотрю, пацаны мои к телефону рвут, ништяк, думаю, и как договаривались, наверх дунул. Влетел, жду. Сэва сзади, молодец, спину мне кроет. На номерах ручек нет, прикидываешь. Я царапнулся в угловой, где по плану их пехота живет: «Отворяй, — кричу, — чай принес». Там тихо, блядь. Ждать больше нельзя, ну я туда и шуранул одну короткую. Перешел через один, отработал и представляешь, с углового, который я первым отработал, блядь — стреляют. Я туда, думаю, блядь пацанов моих угробит, и сходу туда весь рожок всадил.

Г.: И сам перевернулся.

О.: Но.

Г.: У Сэвы ведь тоже пуля в ноге. Мы хотели его в больницу утартать, да хирурга нашего не было как раз, Прохора, а к кому попало ведь не повезешь. А твоя пуля где?

О.: Я помню, он меня побрил и по черепу, сука, вот так, скрежет страшный, а он хохочет, змей: «Какой у человека череп крепкий», — говорит. Она мне видишь куда въебала, а вот тут вылетела, сука.

Г.: В рубашке родился.

О.: Наверное. Человек если умирает вот так, как я перевернулся, то хуйня совсем, чпок и темнота, заебись.

Затаивший дыхание зал слушал. Бледно выглядел Ловец. В третьей клетке не шушукались, с интересом, удивлением и злом косились на Гриху.

— Объявляется перерыв до завтрам, до десяти часов утра.

Сегодня в «воронке» топили «буржуйку» и было теплее, чем обычно. Нудно постанывая, откатили в сторону тюремные ворота и завыли сирены. Конвой пошел.

***

— Валера!

Черный был на стреме, и круто развернувшись на голос, чуть было не выхватил из кармана короткого кожаного плаща «ПМ». Это была Лялька, интуристовская шлюха и именно тут, вот в этом самом месте, Грознов его и арестовал почти в ее присутствии.

— Привет, — облегченно дыхнул он и вместо шабера, вынул из кармана пачку сигарет, — ты что здесь делаешь?

— Тебя жду, — вроде как удивленно хлопнула Лялька приклеенными и поэтому длинными ресницами, — укатил на черной волжанке, помнишь?

— И все-то ждешь?

— А как же.

— Прйдется тебя за верность наградить, пошли. За ночь дорого берешь?

— Тебе задаром дам.

— Добрая ты что-то, с чего бы это, а?

— Секрет, — лукаво прищурилась Лялька.

Словно последний раз в жизни гулял сегодня Черный. Хрусты, да не простые деревянные, а чудные, зеленые, с портретом американского президента, оседали в карманах официантов валютного бара.

— Что вы за мужики, халдеи вы, — за бабочку теребил парня-официанта захмелевший Валерка, — за пять долларов в жопу меня лизнешь? Лизнешь, мудила, куда ты денешься.

Когда Черный нарисовался в Москве, то уголовники сразу зашевелились. Никто не поверил, что Валерка спрыгнул с такой раскаленной сковороды. А когда он еще и пошел по старым явкам, к нему послали Ляльку.

— Ну, где, красотка, твой маленький секрет?

Маленький секрет, на конец которого Лялька навернула глушитель, оказался не таким уж и маленьким. Черного нашли утром в кабинке женского туалета. На унитазе сидел молодой мужчина с огнестрельным ранением в голову и без документов — так указали в протоколе. Личность убитого следствие установит.

***

Приложение номер шесть.

Текст речевой информации с кассеты 175 МК-60-2.

О.: Может, тебя дернут, меня, потом обоих.

Смеется.

Г.: Может, скажут: «Оба грузитесь».

Смех.

Г.: Ляга по ходу на мусоров шпилит.

О.: Да ну!

Г.: Почему тогда он, блядина, и пацанов отговорил со мной на «Акацию» идти. Врубился, сука, что я их всех хочу в крови замарать. Бери, говорю Черного, Калину, Весну, а он сучка, пасанул. Теперь у него жопа чистая, у козла, а информацию он, сто пудов, ментам слил.

О.: Они его что требушили?

Г.: Не они, ГБэшники. Кто такой Ляга, да хуй в стакане. За счет Свирида поднялся, а тот сам химик сраный. В Гоцмана шмаляли, не приложил ли к этому руку Ляга. Гнездо осиное. Самых, три, блядь, гондона, которых давно живьем зарыть надо.

О.: Кого?

Г.: Лягу, Черного, Калину. Паша Весна еще пристебай их. Правильно легавые базарят про него — пристебай.

О.: Весна вроде в «крытой» был.

Г.: Да я тоже удивляюсь, как он там проплыл. Нужно у людей поинтересоваться, как он там сидел, безмозглый. Может, белье всей камере стирал.

Смеется.

Г.: Торопыга с Князем все хотели его с четвертого этажа скинуть.

Пауза, связанная с шумом в коридоре.

О.: Я так понял, что у Калины автомата нет. Они вот тот, что в валенке приперли, сидят в тачке и говорят: «Где бы ему, пидарасу, пистолет найти». Я спрашиваю: «За этот автомат, что ли пистолет нужно?» Они гривами машут, что за него мол. Я им тогда: «Давайте мне автомат, я вам пистолет». Они смеются: «Хитрый ты, Святой. Мы пушку твою отдадим этому козлу, автомат тебе, а нам что с этого?» Я: «Ну ладно. Давайте тогда так. Я вам два пистолета дам». Они: «Ну, мы подумаем».

Г.: Они у кого-то брали тогда. У нас-то своих три штуки. Один Гоцмана, один мой, третий Торопыги.

О.: Добрая, блядь, тачка.

Г.: Но, ни хуя так. Постоянно при мне был, а потом, после «Акации» я его притырил. Сейчас у меня дома «ПМ» постоянно.

О.: Пукалка заебаная, вот только ништяк, что скорострельный, — продолжает шепотом, — я же того Узбека из него наебнул. В сердце прицелился, шмальнул. Стоит, сука, я охуел. Еще три раза ебнул и только тогда он упал. Я нагнулся и в башку ему еще пару раз стрельнул, а то, думаю, не дай бог еще живого закопаем.

Г. перебивает О.

Г.: Мы же пасли Культурного. Калину, Весну, Черного, Лягу можно и среди бела дня захуярить. А Культурного мы хотели вывезти. Думаем пусть он, сука, перед смертью с нами поделится тем, что знает.

О.: Блядь, выпросил, значит, все — таки?

Г.: (смеется).

Г.: Овца он и бригада у него — одни овцы. Прут в другую сторону, бляди. Бушлат сниму, и гнать их буду, пока асфальт у

них под ногами не кончится.

О.: Да я хули, я же вижу блядь и говорю пацанам своим: «Надо с Ловцом плотнее познакомиться. В Чите на благо общее поработать, блядь». Спортсмены эти, ебаные рэкетсмены, хули их Культурный распустил, волков. Жестко с ними надо, ебатень хуева. Приказывать, направлять и требовать, а просить у них: «Дайте, мол, парни, в общак». Хули у них просить, тянутся к жизни блатной, значит, пусть не торбы свои набивают, а на общак пашут.

Г.: Спортсмены возле Калины трутся да возле Культурного. А если их закопать, блядей, то спортсмены сразу к нам шатнутся.

Приложение номер семь.

Машинописный текст речевой информации с кассеты номер 178.

Г.: Нет, ну подошли — это одно, допустим, это его проблема, на хуй. Пусть он едет в Москву, с ворами там словится. Вот пускай воры его прошлое и пробивают, это их проблемы, а нам-то на хуя в его говне копаться. А воры-то будут интересоваться, где ты сидел, когда сидел, что полезного для общего сделал. Они же прежде чем подход к бродяге сделают, все за него прохлопают. Вот он сидит сейчас в Оленгуе, а там что творится-то ты не знаешь. Поверхностно, может, и знаешь, а мы-то другое знаем.

О.: Ну вот я недавно с Тульским разговаривал, с Валерой. Он оттуда в побег пошел, через подкоп. Он мне такое говорит, я ему в ответ: «Ты лучше такое не говори, уши кругом, а я потом крайний останусь».

Г.: А какой может там быть к нему подход, если он, будучи бродягой, не смог там постановку сделать. Показать всему Управлению, что вот, мол, я какой, по хуй мне менты. Вот к таким людям подход — то делают. А не просто так, что авторитетом пользуется среди двадцати человек бродяжни и что? Из-за этого к нему подход, что ли, делать? Такого не бывает, Олег. Он, допустим, освободится сейчас и скажет: «Я хочу вором стать». Я скажу: «Ну, езжай, становись. Мне-то какая, на хуй, разница». Вернется он сюда, пусть даже с короной, ну и хули? Если я его раньше человеком не видел, то и сейчас ему предпочтение не отдам. Я не буду, конечно, кричать на него, что ты, мол, не вор, а просто не буду к нему прислушиваться, буду своим течением жить, чисто людским, а его не буду касаться, на хуй он мне обосрался. Тут тоже Китаец откинулся, Пыхал, знаешь такого?

О.: Не очень.

Г.: Ну освободился, мы его встретили, чисто по-человечески.

В баньку свозили, бабу нашли, денег дали. Короче все ништяк. Он гульнул по-хозяйски, потом говорит: «В Москву поеду, вором стану». Я ему: «Коля, ты себя здесь прояви, в Чите. Тебя ведь в городе никто не знает, как порядочного бродягу. Ты еще ни пачки сигарет в общее не дал, ни одного слова путного не сказал, с твоим словом в Чите никто не считается. Ты вернешься оттуда вором, ну и хули, здесь-то тебя никто не воспримет, как вора, даже если ты с ксивой воровской приедешь. Так что не торопись» — говорю. Он не послушал меня, в Москву улетел и впорол там косяк конкретный. Пишет оттуда маляву за Культурного: «Казнить блядину», — представляешь, со слов Ухумского Валеры пишет, со слов вора, то есть и подписывается «Коля Китаец». Культурный в это время как раз в Москве был и маляву эту в Читу привозит.

О.: Он, что не знал, что в ней про него написано?

Г.: Нет, конечно, она же запаяна была. Ну, привозит ее и в «Лотосе» при шпане зачитывает. Охуели все, понимаешь, и мы, и Культурный.

О.: Что дальше было?

Г.: Не стали мы Культурного ломать, не вором ведь малява подписана. Ждем Колю. Приезжает он, на хату к шлюхе своей гасится, нашли мы там ему одну телку. День тырится, два. Мы в тачку падаем, я, Торопыга, Гоцман, Поджиг. Поехали к нему. Приезжаем, заходим. Сидит он. «Здорово». «Здорово». «Ты что же в «Лотос» глаз не кажешь. Новости с Москвы привез и помалкиваешь. Не чужие ведь мы тебе, поимел бы совесть». Он закрутился, туда-сюда. Я говорю: «Писал маляву с Москвы за Культурного». Он говорит: «Я скоро вором буду». И не понимает, овца, что теперь уже вором никогда не будет.

О.: Почему?

Г.: А мы его уебали, прямо там, на хате, а битый сука, он уже не тот будет. Что за вор, если я ему башку разбил. Ну, хуй ли козлина написал — «поломать». А мы что ему тут торпеды что ли? Он перед тем, как улетел в Москву, еще подлянку сделал. Подходит к Культурному: «Дай — говорит, с общака семь штук, в Москву еду». Культурный ему: «Надо с Ловцом и Торопыгой посоветоваться». «Хули с ними советоваться. В Москве ко мне подход будет, так что я вором вернусь». Культурный потерялся: «Ни хуя, вором будет! Вернется, сразу мне хребтину переломит». Отстегивает ему, балда, семь штук с общего. (О. смеется). Пацан мой один, у него гранаты мои хранились, заходит как-то утром ко мне на хату и говорит: «Ты Китайца ко мне отправлял?» — «Когда?» «Вчера». «Нет», — говорю. «Вот, сука, наебал. Гранату одну у меня взял, говорит — ты разрешил». Ну ладно думаю,

вернется за все сразу въебу. Так и вышло, как думал. Он второй раз в Москву собирается и Пьеру говорит: «Вернусь вором, ты первый у меня по седлу получишь». Ну, хули такое Пьеру не сказать, тот у нас вроде, как козел отпущения, а Пьер эту хуйню нам передал.

О.: А где Китаец сейчас?

Г.: А хуй его знает. Уехал за короной и пропал где-то, мудак. Коронуется видимо.

О.: Он походу хуй возвернется.

Г.: Конечно. Кто к нему подход — то сделает. Он всю жизнь просидел и ни разу по воровайке не совпадал. А чтобы вором стать, надо именно с этой стороны себя проявить, чтобы воры видели, что ты крадун. А он кто? Пьяница Балейский, вот кто. Пошоркался где-то с ворами рядом, пошестерил им и все. Вором, блядь, захотел стать. Я Культурному говорю: «Вот на меня бы Китаец такую маляву написал, все, хуй бы сорвался». А Культурный, овца, ни слова ведь ему не сказал тогда, побоялся. Вдруг Коля ворюгой станет, овцы блядь, что тот, что этот. Гоцман потом Ухумскому звонит и говорит: «Ты давай, Китайца гони с Москвы. Пускай тут, в Чите, копытит, не хуй ему там, в Москве делать». Валера отвечает: «Сейчас пообщаемся маленько и отправим». Пообщались, блядь, того до сих пор где-то нет. (Смеются).

О.: А Ваха откуда выплыл?

Г.: Сапожник-то этот? Он в сапожке с Чеботарем шорничал. Культурный как-то через него бабе своей что-то шил. Дальше — больше, вот так и познакомился.

О.: По жизни Ваха кто?

Г.: Мужик. Лишний раз его никто не обижает, конечно, но он свое стойло в жизни знает.

О.: Новиков знаешь?

Г.: Эти вообще бляди. Игорь, тот, что поздоровее, у него еще зуба спереди нет. А второй Вова, братан его. Проститутки, хули о них базарить.

Длинный был базар, всех, кого можно, нужно и не нужно, Ловец очернил. Хороший был только он, но сейчас, когда все всплывало, чувствовал он себя в зале суда неуютно.

— Объявляется перерыв, до завтрам. До десяти утра.

Вот кончился и еще один день длинного покаяния души. Верующим проще, им поп грехи отпускает, в церкви. Уголовникам грехи отпускает суд, вот в такой обстановке, когда нужно глядеть в бледно-злющие лица тех, кого ты обижал. Кому делал больно.

***

— Скажите, почему вы попросили с нами встречи?

— А я и не просил, — усмехнулся Святой и, чиркнув зажигалкой, прикурил сигарету.

— Так, — смутилась журналистка — с чего тогда начнем?

— Это вы меня спрашиваете?

— Извините. Говорят, вы книгу пишете?

Снимать Святого в лицо ГБэшники запретили, и видеокамера работала чуть сбоку из-за спины.

— Пишу.

— Если не тайна, как назовете?

— «Большая Медведица».

— Название со значением?

— Со значением.

— С каким, не скажете?

— Прочитаете, когда книга выйдет, вот тогда и поймете, что такое “Большая Медведица”.

Журналистка что-то черканула в листе.

— На ваш взгляд, что в нашей стране сейчас происходит?

— Если откровенно, то пока еще не понял. Демократией это даже с натяжкой не назовешь. Полуанархия какая-то, вседозволенность. Богатые богатеют, бедные беднеют.

— А не кажется вам, что это временные трудности?

— Не кажется. В условиях рыночной экономики финансовые проблемы будут стабильными, а не временными, это бесконечная круговерть инфляции.

— Соединенные Штаты Америки в этой круговерти…

— Извините, что перебью вас. Я знаю, что вы дальше скажете, живут, мол, и не плохо живут. Я считаю, что американцы создали для себя некий материальный рай, а про душу-то, они забыли. Кругом у них деньги-деньги, лови свой шанс. Америка, страна великих возможностей. Последнюю передачу «Человек и закон» по телику смотрели?

— Нет.

Американский полисмен говорит нашему корреспонденту: «Вам в России труднее конечно с преступностью бороться. Ведь у вас образование в стране бесплатное, всех в школу гонят, а кто учиться не желает, того заставляют. Умная страна, образованная, по сравнению с нашей». Ельцин, когда к власти пришел первым делом что сделал? Указ подписал, да не простой, а указ за номером один. О чем он гласил?

Журналистка запунцовела, но ответила честно:

— Не знаю.

— О приоритете общего образования в России — вот о чем. А в прошлом году первого сентября в школу по финансовым

проблемам не смогли пойти два миллиона ребятишек. Где они сегодня? Не знаете, я тоже, но догадываюсь. На первое января нынешнего года в России зарегистрировано пять тысяч преступных группировок, в которых состоят только дети от десяти до пятнадцати лет. Упорно тянется Ельцин за США, а вот вам мой прогноз на будущее — в двадцать первом веке, в ближайшем обозримом, наступит крах Американской империи и куда интересно нас тогда Ельцин поведет? Назад к социализму? Зачем тогда сейчас все рушить? Затем, чтобы все, что было, строить заново? Зачем все это, ведь как ни крути, все равно добро одолеет зло, значит рано или поздно все вернется на круги своя. Европа хоть и закамуфлировано, но уже идет к плановой экономике. Что такое «CL»?

— У «CL» насколько мне известно, другие задачи.

— Какие другие? Экономика делает политику. Не будет скоро в Европе фунтов стерлингов, дойч марок, франков, крон и шиллингов. Одна денежная единица в Европе будет, экю. Почему? Да потому что буржуи поняли, наконец, что с рыночной экономикой они сами в трубу вылетят и человечество угробят.

— А при чем тут человечество?

— Вот, допустим, дымит завод в небо, выпускает пылесосы. А рынок уже этими пылесосами насыщен. Куда их? Просто так бесплатно капиталисты людям их не раздадут. Значит, они выпущенную уже продукцию подавят бульдозерами и в яме схоронят. Трубы заводские озоновую дыру над нашими головами увеличили, деньги люди без рынка сбыта естественно не получат. Зачем тогда это чертово колесо, неужели только для того, чтобы отравить экологию. Семьдесят процентов из опрошенных россиян боятся заводить детей, почему? Потому что не в состоянии будут их прокормить, денег нет. А это что? А то, что происходит экономическое выхолащивание нашего общества. Деньги, опять все упирается в эти поганые деньги. Вы сейчас, наверное, смотрите на меня и думаете: «Вот сидит проклятый душегуб и разглагольствует о высоких материях», а я считаю, что убийцу из меня сделал капитализм и не думайте, что я пытаюсь пролитую мною кровь свалить на нынешнее время. Я — сволочь, и отчетливо это понимаю. С такими, как я необходимо государству бороться, но можно обойтись и без этого.

— Как?

— Не плодить таких, как я. Капитализм — благодать для уголовников, но не в духовном смысле, а в физическом. Капитализм выгоден хитрым, ловким, подлым, сильным, богатым.

Святой закурил и ждал вопроса, но пауза затягивалась. Простуженно кашлянул за спиной Ушатов. Журналистка

шерстила через призму своих очков вопросник, составленный ею накануне.

— В КГБ вас… — она хотели сказать «не пытали», но, устыдившись этой мысли, запнулась и не могла придумать конец вопроса.

Олег ее выручил.

— Пусть не мучают вас страшные тайны этой организации. КГБ — это фирма, это не менты.

— А разве КГБ от милиции чем-то отличается?

— Абсолютно всем и абсолютно полярно, но больше на эту тему говорить не буду, а то скажете: что-то мягко Иконников ГБэшникам стелет. Не бандиты должны хвалить КГБ, а государство и те, кого чекисты защищают.

Полтора часа, проведенные в общении с телевизионщиками, пролетели. Рассосались все незаметно как-то. Ушатов по телефону вызвал машину.

— Может, чая горяченького по стаканчику пропустим?

— Давай — согласился Святой.

И пять минут спустя в его кабинет не вошла, а вплыла лебедушка, при виде которой у Олега свело кишки. Красотка поставила на стол чай в стаканах и также грациозно исчезла, оставив после себя в помещении тонкий аромат Франции и черт знает чего еще.

— Что это было?

— Сотрудница наша, мемуары твои печатает.

— Это про нее ты мне говорил?

Ушатов кивнул.

— Татьяной ведь ее зовут?

— Татьяной.

— А что раньше мне ее не показывал?

— Это, Олег, достояние нашего отделения, руками не трогать.

***

Хорошая хуйня сон, но не для всех. Культурному снилось всегда почти одно и тоже — бежит он в полосатой лагерной робе по зеленому полю, путаются вязко тяжелые ноги в высокой траве и все бы ништяк — и небо синее, и дышится легко. Но лай овчарок где-то там, вдали, не видно их пока еще, а муторно уже спине, потно. Вздрогнул Пал Палыч, разлепил веки. Потянулся руками вверх, разминая суставы, и заодно включил вмонтированный в потолок самолетного салона ночничок. Сосед

справа, пустив сладкую слюну по подбородку, похрапывал. Кресло слева от самой Читы пустовало.

Раскрутив эпизод с «Акацией» Азаров неожиданно для всех выпустил Культурного под залог. Никто ничего не понял, подсудимые по крайней мере точно. Сам Пал Палыч тоже сидел на измене. И летел он сейчас в Москву не потому, что сильно этого жаждал, а потому, что его дернули туда воры. Хорошо хоть адвокаты (по закону они имеют на это право), взяли у судьи ксерокопию фонограммы подслушанного разговора между Святым и Ловцом. «Ох, блядство, что будет?» — Культурный из кармана костюма вытащил печатные листы фонограммы, но читать не стал, потому что и так знал их содержание почти наизусть. «Вывезу, интересно, или нет?»

В Москве было намного теплее, чем в Чите, и по зимнему вкованный Пал Палыч в пестрой весенней толпе выделялся. У самого выхода с летного поля моргнул ему фарами вишневый «БМВ». Ухумский, — узнал его сразу Культурный и пошел навстречу своей судьбе.

***

Пасха. В этот день на малолетке добрая половина барака по подъему вскакивала с крашеными яйцами. Загнанная непосильной пахотой и муштрой шпана, ночью дрыхла без задних ног и поэтому конечно не чувствовала, что кто-то при тусклом свете сороковольтного ночника священнодействует над ними. Зато солнечным (как правило) утречком, заглядывая себе в трусы, пацаны кто радостно, а кто и не очень (в зависимости от расцветки), орали: — У меня красные!

— А у меня блядь черные!

— Значит, скоро отвалятся.

— А может, тебе кто пнул по ним?

— Да пошли вы в жопу.

— Ха-ха-ха!

— А у меня синие!

— Дверью, поди, прищемил?

— Не, училка вчера в школе примацала.

На четверке яйца не красили. Все давно были взрослыми, а вот пасха осталась та же и сегодня бухали, как на воле, так и в тюрьме.

— Насыпай.

Ответственным этим делом, прищурив словно для стрельбы левый глаз, занимался Агей. В выстроенные в ряд кружки, он

отмерял ровно по сто пятьдесят.

— Атас, — шумнули на коридоре и Святой набросил на стол развернутую газету. Шли действительно в их хату. Сначала зазвенела дверная цепь, потом аршинные ментовские ключи и в проеме блокировки нарисовался Ушатов.

— Здорово, ребята, с праздником, — поставил он в целлофановом пакете на край стола огромный кулич.

Вошедший следом за ним невысокий коротко подстриженный светловолосый мужик в белой рубашке и строгом черном галстуке пока молчал.

— Знакомьтесь, это Иранцев.

— Да мы не очень, правда, хорошо, но знаем его. Садитесь, Сергей Владимирович, — пододвинулся на шконке Олег.

— Василий Григорич, откуда кулич?

— Купил в магазине.

— Врешь, поди.

— Вру. Жена испекла — приподнял он газету и склонившись потянул носом запашок от кружек. — А это откуда?

— А это у Андрюхи спрашивай, Григорич, я ни при делах.

Пока Агей объяснял Ушатову за водочку, Святой разговаривал с Иранцевым.

— Злобу на меня не держите?

— Если хочешь, можешь на «ты» со мной.

— Хочу.

— Вот и давай. Мне так удобней, да и привычней. В личном плане ты и твои хлопцы мне ничего плохого не сделали, а в плане службы, хлопот вы мне конечно доставили. Помнишь, Миловилова первый раз вы напрягали? А мы ведь тогда еще не знали, что это ты с братом и Ветерком шуруешь.

— Подробней может, расскажешь, интересно?

Иранцев сам себе улыбнулся, вспоминая, что в момент операции у первомайских ментов не было даже технически исправных раций для связи и поэтому им пришлось из квартиры Миловилова через кухонную форточку опустить на рыболовной леске кастрюльку до окон первого этажа, где сидели-прели в полной боевой сотрудники милиции, которые должны были, как только задрыгается кастрюлька, ломиться в подъезд крутить рэкетиров.

Рассказ не состоялся, началу его помешал вошедший Кунников.

— Здравствуйте, кого не видел.

Последним за руку со следователем поздоровался Олег.

— Что сразу не зашел?

— Соседа к вам подселил, за стеночку.

— Кого?

— Плоткина. Рубину, который убил. Николай — это уже к Корешу, — у тебя что, уши болят?

— Нет вроде.

— А что они у тебя вроде как припухшие?

— А я как бухану, они у меня всегда такие.

ГБэшники прибалдели.

— Пьют они, Игорь Валентинович, смотри сюда — Ушатов скосился на стол — день Победы ведь скоро.

— Отмечаем вот, — щелкнул себя по кадыку Слепой — мы ведь тоже воевали, вернее я.

Все ожидали, что он пометет за «Акацию», но Слепой от нее ушел.

— В третьем классе, по-моему, сочинение как-то по русскому делали. Тема о войне была. Сижу, строчу. Сзади учительница подкралась и через плечо мое читает. Читала-читала, очки у нее с носа хлобысь мне на тетрадь. От удивления видно, как сейчас я понимаю. «Лапшаков», — это она мне, — «не было под Иркутском никакой войны». Я плачу, помню, и говорю ей: «Была, точно вам говорю, была, у меня там брат погиб». Училка, соображая, потерла так пальцами виски седые и спрашивает: «Какой еще такой брат?» «Младший» — говорю…

Балдели все, братьев у “Слепого” не было, ни младших, ни старших.

Кунников глянул на часы и сказал Эдьке, сидевшему ближе к телику.

— Врубай, Олега сейчас должны казать.

Смотрели молча, да и смотреть, в общем-то, оказалось почти нечего. Все, что Святой хотел услышать в этой передаче, телевизионщики вырезали. Оставили дежурные вопросы и такие же ответы.

— Что теперь будет, Олег?

— Не знаю. Назад, наверное, вернусь, к звездам. К «Большой Медведице».

Тогда журналистка промолчала, а сейчас с экрана телевизора сказала:

— Нет, Олег, не примут тебя звезды.

***

У одиночной камеры столыпинского вагона, затянутой металлической шторой с глазком на уровне человеческой головы, нерешительно топтался конопатый коротконогий солдатик. Очень

уж хотелось ему дыбануть через глазок на арестанта с пожизненным сроком заключения, но страшилось. «Вдруг в глаз ткнет», — наконец определился краснопогонник и стараясь не топать, ушагал вдоль других так называемых купе, где, несмотря на поздний час, бодрствовали зеки.

Не спалось и Святому. Уткнувшись лицом в пахнущий хозяйственным мылом сидор, он вспоминал и думал. «Высшая мера наказания — расстрел. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит», — это ему. Эдьке дали пятнадцать. Ветерку — вышку, но с правом жаловаться и тот, оттягивая прыжок в могилу, сидел в камере смертников и пописывал кассации в Верховный суд. Кот" отхватил пятнашку, Рыжий — столько же.

Вся жизнь Святого была замешана на личных симпатиях и антипатиях. Ельцин ему не нравился и поэтому помилования у него Олег просить не стал. Запретил он это делать и своему адвокату, который кричал в суде, что если смерть считать наказанием, то выходит, что вся наша жизнь — преступление, ведь рано или поздно все равно все умрем. Но кто-то Святому жизнь оставил. Спас или оставил, кто и для чего? «А может и правильно все это. Пуля в голову для меня слишком легкое путешествие на тот свет. Умереть легче, чем жить, — так кажется, говорит Ушатов. Культурного жалко, накатил ему Азаров от души. Где Эдька, что делает? Слава богу, живым по суду сорвался. В тридцать девять на воле будет».

Тонюсенький луч света, падающий в одиночку через глазок, кто-то перекрыл. Любопытно вытаращенный бельмоватый глаз, не мигая, изучал Святого.

— А пожизненное это как, до конца жизни что ли?

— До самого — сел на мышиного цвета полке Олег.

— Все равно лучше ведь, чем вышак.

— Не знаю пока, еще не разобрался. Дышу вроде, а зачем? Кости обтянутые шкурой идут куда-то на северо-запад, куда?

— Ты ведь Иконников? — ввэшник, боясь начальника караула, шугливо осмотрел коридор, и снова приник к глазку.

— Иконников.

— У тебя в сопроводиловке написано «Остров сладкий».

— Где это?

— На севере Архангельской области. Там раньше, еще при Сталине, лагерь особого назначения был, для политических. Теперь вот для вас его приспособили.

На пятые или шестые сутки бесконечного дерганья состава, среди ночи нежданчиком встали, и сразу привычно засуетился этап.

— Первый пошел. Второй пошел.

Затопали, забегали по узкому коридору вагона зеки. Один за другим отъезжали от «столыпина» с тяжким людским грехом воронки. Драл черноту ночи вой сторожевых псов. «Волки у них тут вместо овчарок что ли?»

Спустя час все стихло. Еще минут через тридцать распозили и одиночку Святого. «Офицеры все» — отметил он про себя.

— Фамилия, имя, отчество?

Олег ответил.

— Руки!

Браслеты показались какими-то особо колючими. «Больно», — хотел он огрызнуться, — а какая теперь разница — больно или не больно? Отсохнут руки или нет.… Зачем они теперь мне — ложку держать, да жопу подтирать?”

Везли его одного, долго везли. Святой уснул и одыбал только тогда, когда воронок заштормило на размытой весенним паводком лесной дороге. Сливаясь с гундосо-перхатым двигателем вездехода, мурлыкал себе под нос корякскую песенку охранник, мелодии в такт, пристукивая по полу прикладом автомата. Ушатало видно Олега, блеванул куда-то себе под ноги.

— Потерпи, — посочувствовал ему солдат, оборвав песню, — однако скоро на месте будем.

«Пошел ты…» — безразлично счищал он с сапог пустой пачкой из-под сигарет блевотину, и в этот миг чавкнули под брюхом ворона дохлые бревна древнего причала. Взревел мотор и понимая, что этот рев слышит последний раз в жизни, Святой попытался запечатлеть его в памяти, отложить в подсознании.

— Руки!

Тревожно метался в верхушках высоких сосен холодный еще ветер.

«Вот она, дорога в никуда», — всматривался Олег в седое месиво тумана, за которым ни черта не было видно.

Начальник конвоя ткнул его стволом автомата в спину — шагай.

Любитель народных Корякских песен швырнул сидор Святого в катер и затакал тот, режа носом волны по пути в неизвестность.

— Говорят, ты книгу написал?

— Может, еще одну сварганишь, — капитан привык, что бессрочники с ним не базарят, — остров наш помянешь и руки заодно делом займешь.

«Вот зачем мне руки» — пошевелил посиневшими в браслетах кистями рук арестант.

— Как вы величаете свой остров?

— Сладкий.

Через сорок минут из рваного тумана показалась километровая плешина острова, обнесенная со всех четырех сторон глухим выбеленным забором. Раскачивала непогода развешанные по периметру жестяные люстры освещения запретной зоны. Рванула за душу до боли знакомое кваканье звуковой сигнализации. Над прижатыми к поверхности озера мокрыми облаками о чем-то печально вскрикивали ранние птицы.

— Так вот значит, какой ты, «Остров Сладкий».

май 1996 года

Послесловие

Как я и предполагал, меня приговорили к смертной казни. И поэтому книга эта не коммерческий проект, а крик души. Может кто-нибудь из вас его и услышит. Все в ней почти хроникально-документальное, хотя кое-что пришлось и сдвинуть чуть-чуть, но это так, незначительно, что надеюсь, вы этого и не заметили. Зато надеюсь, заметили другое: черное и белое, хорошее и плохое, кровь и цветы…

Я искал и, наверное, поэтому нашел. Но мне страшно, если кто-то и из вас пойдет той же дорогой, что в свое время избрал и я.… Искать надо не так и самое главное не там. Все рядом, все в ваших глазах. Смотрите пристальней и вы обязательно увидите. Это подобно той веще, которую вы ищите в светлой комнате и не можете ее найти только потому, что лежит она на самом виду. И когда вы ее найдете, наконец, то сразу поймете, что мир стоит вверх ногами: мы любим и холим своих собак, но готовы убивать людей. Странно, ведь, правда. Ведь не может такого быть, что бы самая хорошая собака была лучше, чем самый падший человек.

В одной только Южной Америке каждую секунду умирает один ребенок, а нам почему-то кажется, что хлеб и вода — это плохо.… Когда вы найдете, то поймете — вы счастливы! Ищите, я очень прошу вас, ищите! Переворачивайте мир с головы на ноги.